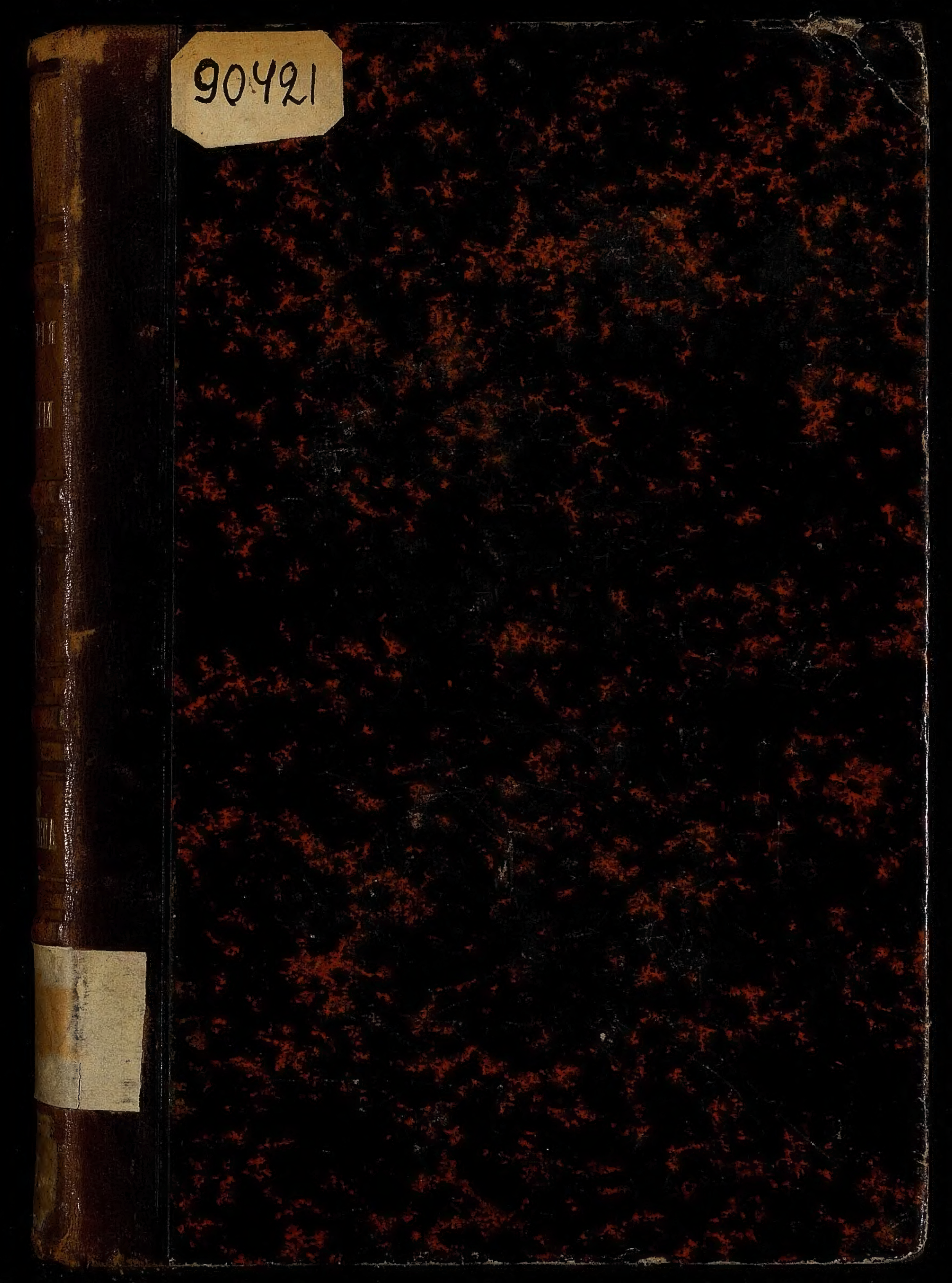
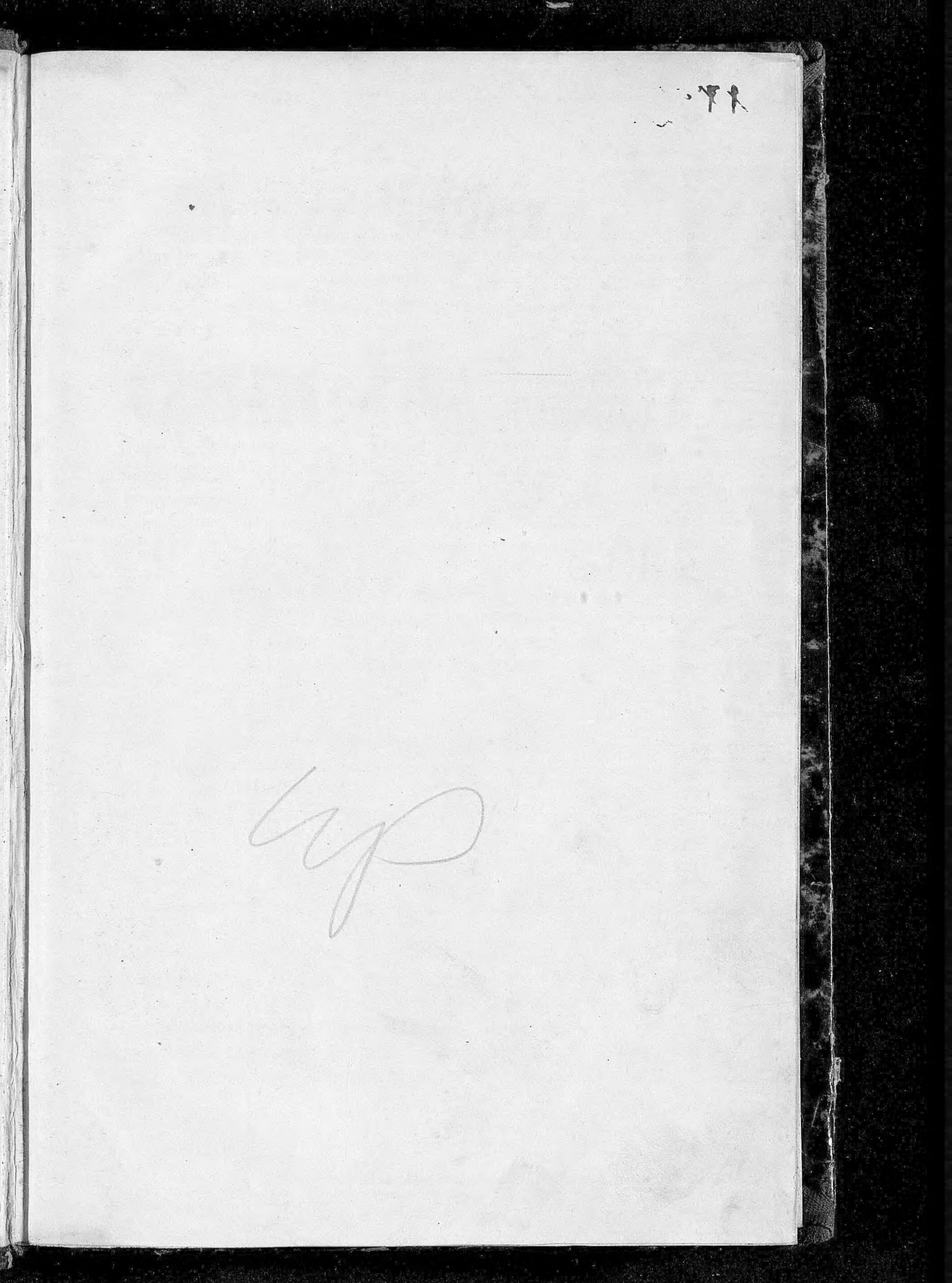

90421

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

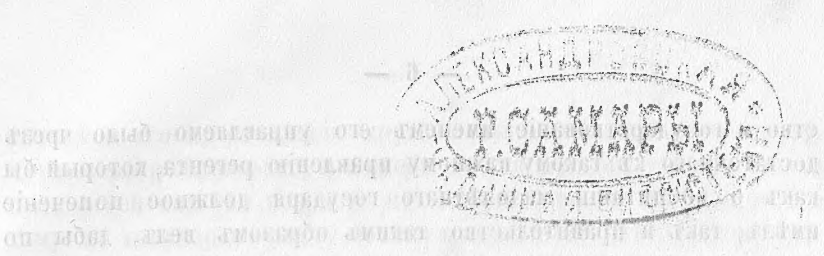
СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

ГЛАВА I.

Брауншвейгская фамилія.

Уставъ о регентствѣ Бирона. — Странность въ распоряженіи о наслѣдствѣ престола. — Распоряженія регента. — Ропотъ народный. — Неудовольствіе гвардіи. — Движеніе отдѣльныхъ лицъ противъ Бирона. — Ссора Бирона съ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ. — Сцена между ними въ чрезвычайномъ собраніи министровъ, сената и генералитета. — Отношенія Бирона къ цесаревнѣ Елисаветѣ. — Биронъ и Минихъ. — Минихъ арестуетъ Бирона. — Анна Леопольдовна правительница; Минихъ первый министръ. — Пожалованія.— Анна Леопольдовна и Юлія Менгденъ. — Минихъ и Остерманъ. — Движенія противъ Миниха; его отставка. — Судъ надъ Бирономъ и всѣми помогавшими ему въ достиженіи регентства.—Приговоръ надъ ними. — Страхъ предъ Минихомъ. — Внутренняя дѣятельность правительства при Аннѣ Леопольдовнѣ.— Разладъ между правительницею и ея мужемъ. — Движеніе противъ Остермана. — Линаръ. — Внѣшняя дѣятельность правительства. — Обзоръ состоянія Европы въ концѣ 1740 года. — Отношенія Россіи къ Австріи, Пруссіи и Швеціи. — Шведская война. — Сношенія русскаго двора съ прусскимъ по поводу шведской войны. — Отношенія Россіи къ Польшѣ и Саксоніи, къ Турціи, Персіи, Даніи, Англіи и Франціи. — Цесаревна Елисавета Петровна, ея положеніе при императрицѣ Аннѣ, при Биронѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. — Ея сношенія съ французскимъ посланникомъ Шетарди и шведскимъ Нолькеномъ. — Положеніе Елисаветы во время шведской войны. — Движеніе гвардіи. — Переворотъ 25 ноября 1741 года.

Императрица Анна скончалась; присягаютъ внуку ея, императору Іоанну III Антоновичу; но императоръ новорожденный младенецъ: кто же будетъ управлять? Въ сенатской типографіи печатаютъ уставъ о регентствѣ: покойная государыня распорядилась, будетъ регентъ. Уставъ вышелъ изъ типографіи; въ немъ читаютъ: «По волѣ Божеской случиться можетъ, что внукъ нашъ въ сіе ему опредѣленное наслѣдство вступить можетъ въ невозрастныхъ лѣтахъ, когда онъ самъ правительство вести въ состояніи не будетъ: того ради всемилостивѣйше опредѣляемъ, чтобъ въ такомъ случаѣ и во время его малолѣтства правитель-

ство и государствованіе именемъ его управляемо было чрезъ достаточнаго къ такому важному правленію регента, который бы какъ о воспитаніи малолѣтнаго государя должное попеченіе имѣлъ, такъ и правительство такимъ образомъ велъ, дабы по регламентамъ и уставамъ и прочимъ опредѣленіямъ и учрежденіямъ отъ дяди нашего государя императора Петра Великаго и по немъ во время нашего благополучнаго государствованія учиненнымъ, какъ въ духовныхъ, военныхъ, такъ въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ поступано было безъ всякихъ отмѣнъ. Къ чему мы, по всемилостивѣйшему нашему матернему милосердію къ имперіи нашей и ко всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, во время малолѣтства упомянутаго внука нашего великаго князя Іоанна, а именно до возраста его семнадцати лѣтъ опредѣляемъ и утверждаемъ симъ нашимъ всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ регентомъ государя Эрнста Іоанна владѣющаго свѣтлѣйшаго герцога курляндскаго, лифляндскаго и семигальскаго, которому во время бытія его регентомъ даемъ полную мочь и власть управлять на вышеозначенномъ основаніи всѣ государственныя дѣла, какъ внутреннія, такъ и иностранныя, и сверхъ того въ какія бы съ коею иностранною державою въ пользу имперіи нашей договоры и обязательство вступилъ и заключилъ, и оныя имѣютъ быть въ своей силѣ какъ бы отъ самого всероссійскаго самодержавнаго императора было учинено, такъ что по насъ наслѣдникъ долженъ оное свято и ненарушимо содержать. Не менѣе же ему регенту по такой ему порученной власти вольно будетъ о содержаніи сухопутной и морской силы, о государственной казнѣ, о надлежащихъ по достоинствамъ и по заслугамъ къ россійской имперіи всякихъ награжденіяхъ и о всѣхъ прочихъ государственныхъ дѣлахъ и управленіяхъ такія учрежденія учинить, какъ онъ по его разсмотрѣнію запотребно въ пользу россійской имперіи изобрѣтетъ. А ежели божескимъ соизволеніемъ оный любезный нашъ внукъ благовѣрный великій князь Іоаннъ, прежде возраста своего и не оставя по себѣ законнорожденныхъ наслѣдниковъ, преставится, то въ такомъ случаѣ опредѣляемъ и назначиваемъ въ наслѣдники перваго по немъ принца брата его отъ нашей любезнѣйшей племянницы ея высочества благовѣрной государыни принцессы Анны и отъ свѣтлѣйшаго принца Антона Ульриха, герцога брауншвейгъ-люнебургскаго, рождаемаго, а въ

случаѣ и его преставленія другихъ законныхъ изъ того же супружества рожденныхъ принцевъ всегда перваго, и при оныхъ быть регентомъ до возраста ихъ семнадцати же лѣтъ упомянутому жь государю Эрнсту Іоанну владѣющему свѣтлѣйшему герцогу курляндскому, лифляндскому и семигальскому; въ такомъ случаѣ, ежелибъ паче чаянія по воли Божеской случиться могло, что вышеупомянутые наслѣдники какъ великій князь Іоаннъ, такъ и братья его преставятся, не оставя послѣ себя законнорожденныхъ наслѣдниковъ, или предвидится иногда о ненадежномъ наслѣдствѣ, тогда долженъ онъ регентъ заблаговременно съ кабинетъ-министрами и сенатомъ, и генералами фельдмаршалами и прочимъ генералитетомъ о установленіи наслѣдства крайнѣйшее попеченіе имѣть, и, по общему съ ними согласію, въ россійскую имперію сукцессора изобрать и утвердить, и по такому согласному опредѣленію имѣетъ оный россійской имперіи сукцессоръ въ такой силѣ быть, якобы по нашей самодержавной императорской власти отъ насъ самихъ избранъ былъ. И яко мы вышеописанное опредѣленіе по довольному и здравому разсужденію въ пользу нашей имперіи и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ учинили, того ради и чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобъ всѣ государственные чины въ управленіи по должностямъ своимъ дѣлъ оныхъ регенту были во всемъ такъ какъ намъ послушны и въ пользу имперіи всѣ его повелѣнія и учрежденія исполняли. А между тѣмъ неизмѣнно уповаемъ, что оной опредѣленный отъ насъ регентъ по имѣющей чрезъ многіе годы къ намъ вѣрной ревности оставшей нашей императорской фамиліи достойное и должное почтеніе показывать и по ихъ достоинству о содержаніи оныхъ попеченіе имѣть будетъ. И яко съ одной стороны такое регентское правленіе его любви герцогу курляндскому натуральнымъ образомъ неинако какъ тягостно и трудно быть можетъ, и онъ сію тягость принять изъ единой къ намъ и къ государству и подданнымъ нашимъ любви и ревности склонился: тако и съ другой стороны, ежели бъ такія обстоятельства како въ разсужденіи собственнаго его любви состоянія, такъ и другихъ въ тягость ему приключающихся околичностей случилось, что онъ правленіе регентское необходимо снизложить пожелаетъ, то мы на оное снизложеніе ему всемилостивѣйше соизволяемъ, и въ такомъ случаѣ

ему регенту съ общаго совѣту и согласія кабинета, сената, генераловъ-фельдмаршаловъ и прочаго генералитета учредить такое правленіе, которое бы въ пользу нашей имперіи и нашихъ вѣрныхъ подданныхъ до вышеписанныхъ наслѣдника нашего уреченныхъ лѣтъ продолжиться могло. И учиня такое учрежденіе, можетъ онъ регентъ, по своему изволенію, или здѣсь остаться, или въ свое герцогство возвратиться, въ чемъ ему упомянутымъ нашимъ кабинетъ-министрамъ, сенату, генераламъ-фельдмаршаламъ и генералитету всякое вспоможеніе и удовольствіе учинить.»

Этотъ актъ былъ напечатанъ 18 октября; на другой день, 19 числа печатаютъ указъ императора Іоанна III: «По указу его императорскаго величества, будучи въ собраніи кабинетъ, синодъ, сенатъ, обще съ генералами-фельдмаршалами и прочимъ генералитетомъ, по довольномъ разсужденіи согласно опредѣлили и утвердили—его высококняжескую свѣтлость отъ сего времени во всякихъ письмахъ титуловать по сему: его высочество, регентъ россійской имперіи, герцогъ курляндскій, лифляндскій и семигальскій.» И только черезъ четыре дня вышелъ указъ императора титуловать высочествомъ «вселюбезнѣйшаго его государя отца принца Антона Ульриха» [1].

Замѣтили странность въ распоряженіи о наслѣдствѣ [2]: въ случаѣ бездѣтной смерти императора Іоанна ему должны были наслѣдовать родные братья его *отъ того же брака* Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ. Это распоряженіе имѣло такой смыслъ, что еслибы принцъ Антонъ и всѣ сыновья его умерли, или еслибы Анна Леопольдовна развелась съ принцемъ Антономъ и вышла замужъ за другаго, то дѣти ея отъ втораго брака лишались права на престолъ, слѣдовательно это право дѣлалось принадлежностію не внуки царя Іоанна Алексѣевича, но принца Антона Брауншвейгскаго? Распоряженіе о престолонаслѣдіи составлялъ Остерманъ, въ которомъ трудно было предположить ненамѣренное допущеніе такой странности; гораздо легче предположить, что Остерманъ, будучи самымъ ревностнымъ приверженцемъ принца Антона и зная нерасположеніе къ нему жены его Анны Леопольдовны, хотѣлъ этимъ выраженіемъ: «отъ того же брака,» заставить ее сохранять брачную связь съ принцемъ Антономъ. Бестужевъ, писавшій распоряженіе о регентствѣ Бирона, долженъ былъ повторить это условіе, чтобъ не розниться

съ только-что объявленнымъ манифестомъ о престолонаслѣдіи. Болѣе внимательные могли замѣтить и другую странность въ упомянутыхъ актахъ: при вопросѣ объ избраніи государя и о новомъ регентствѣ, въ случаѣ еслибы Биронъ сложилъ съ себя званіе регента, необходимо было участіе кабинетъ-министровъ, сената и генералитета, о синодѣ ни слова; только когда надобно было дать Бирону титулъ высочества, то является и синодъ.

Какъ бы то ни было, въ первыя минуты всѣ эти распоряженія прошли безпрепятственно, и герцогъ курляндскій сталъ управлять россійскою имперіею: безпрекословное повиновеніе всѣхъ оправдывало послѣднее слово умирающей Анны своему фавориту: «Небось» [3]. Биронъ началъ милостями. Еще въ царствованіе Анны былъ возвращенъ изъ ссылки князь Александръ Черкаскій и жилъ въ своихъ деревняхъ; теперь регентъ возвратилъ ему камергерскій чинъ и позволилъ пріѣзжать изъ деревень въ Москву и другія мѣста и жить свободно, гдѣ захочетъ. Василію Кирилловичу Тредіаковскому изъ конфискованнаго имѣнія Волынскаго выдано 360 рублей, сумма, равная годовому жалованью Василія Кирилловича [4]. Изданъ былъ манифестъ о строгомъ соблюденіи законовъ, о судѣ правомъ, безпристрастномъ, во всемъ повсюду равномъ безъ богоненавистнаго лицемѣрія и злобы и противныхъ истинѣ проклятыхъ корыстей; избавлены были отъ наказанія преступники, кромѣ виновныхъ по двумъ первымъ пунктамъ, воровъ, разбойниковъ, смертныхъ убійцъ и похитителей многой казны государственной. Сбавлено на 1740 годъ по 17 копѣекъ съ душп [5]. Сдѣлано распоряженіе, чтобъ часовымъ въ зимнее время давались шубы, ибо въ великіе морозы безъ шубы они претерпѣваютъ великую нужду. Бирона-фаворита упрекали за роскошь, введенную имъ въ царствованіе Анны; Биронъ-регентъ запрещаетъ носить платье дороже четырехъ рублей аршинъ [6].

Изъ другихъ распоряженій въ регентство Бирона замѣтимъ слѣдующія. Президентъ коммерцъ-коллегіи фонъ-Менгденъ успокоился, увѣрившись, что Нѣмцы не пропадутъ и представилъ въ сенатъ, что необходимо изъ кадетскаго корпуса взять въ коммерцъ-коллегію четверыхъ кадетъ, двоихъ русскихъ и двоихъ иноземцевъ, и быть имъ подъ особеннымъ присмотромъ президента въ офицерскомъ рангѣ и съ офицерскимъ жалованьемъ, а когда

нѣсколько лѣтъ въ коллегіи послужатъ и окажутъ усердіе въ дѣлахъ, то производить ихъ на вакантныя мѣста въ члены коллегіи, чтобъ не было нужды искать постороннихъ. Сенатъ, признавъ это дѣло «весьма полезнѣйшимъ,» потребовалъ отъ кабинета общаго разсужденія, послѣ котораго предложеніе Менгдена было одобрено [7]. При этомъ ни сенатъ, ни кабинетъ не обратили вниманія на то, зачѣмъ потребовано кадетъ равное число изъ русскихъ и изъ иноземцевъ. Послѣ уничтоженія главнаго магистрата въ Петербургѣ оставалась ратуша, но еще въ 1739 году велѣно было сенату имѣть разсужденіе объ учрежденіи въ Петербургѣ магистрата; теперь сенатъ доложилъ, что за многонужнѣйшими дѣлами разсужденія о магистратѣ учинить невозможно; но до учрежденія магистрата не соизволено ль будетъ опредѣлить нынѣ въ ратушу одного члена съ жалованьемъ; этому члену необходимо быть для того, что въ нынѣшней ратушѣ, безъ главнаго командира бурмистры, ежегодно перемѣняющіеся, не имѣютъ ни попеченія о распорядкахъ городскихъ, ни смѣлости къ защитѣ самихъ себя, отъ чего петербургскіе горожане пришли въ крайнее изнеможеніе. Соизволеніе послѣдовало, и такимъ членомъ отъ короны былъ сдѣланъ статскій совѣтникъ Языковъ [8]. Сенаторамъ дѣйствительно было не до разсужденія о петербургскомъ магистратѣ: были дѣла многонужнѣйшія, общество волновалось подъ невыносимымъ гнетомъ стыда, оскорбленнаго народнаго чувства. Тяжелъ былъ Биронъ какъ фаворитъ, какъ фаворитъ-иноземецъ; но все же онъ тогда не свѣтилъ собственнымъ свѣтомъ, и хотя имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, однако, довольствуясь знатнымъ чиномъ придворнымъ, не имѣлъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ-иноземецъ, на котораго привыкли складывать всѣ бѣдствія прошлаго тяжелаго царствованія, становится правителемъ самостоятельнымъ; эта тѣнь, наброшенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится полноправнымъ преемникомъ ея власти; власть царей русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ, имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту. Бывали для Россіи позорныя времена: обманщики стремились къ верховной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывали, прикрывались свя-

щеннымъ именемъ законныхъ наслѣдниковъ престола. Недавно противники преобразованія называли преобразователя иноземцемъ, подкидышемъ въ семью русскихъ царей; но другіе, и лучшіе люди смѣялись надъ этими баснями. А теперь явно, безъ прикрытія иноземецъ, иновѣрецъ самовластно управляетъ Россіею и будетъ управлять семнадцать лѣтъ,—по какому праву? потому только, что былъ фаворитомъ покойной императрицы! Какими глазами православный русскій могъ теперь смотрѣть на торжествующаго раскольника? Россія была подарена безнравственному и бездарному иноземцу какъ цѣна позорной связи! Этого переносить было нельзя.

Даже иностранцы, недавно пріѣхавшіе въ Россію, не могли не замѣтить, что на лицѣ каждаго изъ Русскихъ была написана горесть, вслѣдствіе чего надобно ожидать всевозможныхъ безпокойствъ и смятеній; Русскіе понимали, что герцогъ курляндскій унизилъ ихъ государыню въ глазахъ цѣлой Европы и покрылъ ее вѣчнымъ стыдомъ, который она унесла съ собою въ могилу. Въ негодованіи и горѣ они жаловались и на несправедливость, оказанную цесаревнѣ Елисаветѣ; говорили, что если уже регентомъ непремѣнно долженъ быть иноземецъ, то болѣе правъ имѣлъ на него отецъ императора, принцъ брауншвейгскій; другіе говорили, что если уже надобно подвергаться неудобствамъ государева малолѣтства, то почему же не призванъ на престолъ молодой герцогъ голштинскій, который по лѣтамъ своимъ могъ бы гораздо скорѣе освободить Россію отъ регентства, чѣмъ Іоаннъ Антоновичъ. Замѣчая всеобщее неудовольствіе, иностранные министры писали объ опасномъ положеніи регента и объясняли его желаніе занимать эту должность страхомъ очутиться въ Митавѣ въ кругу надменнаго и безпокойнаго дворянства, которое его ненавидитъ, страхомъ быть принуждену удалиться въ свои имѣнія Вартенбергъ въ Силезіи, или Бигенъ близь Франкфурта на Одерѣ, гдѣ онъ былъ бы въ рукахъ австрійскаго или прусскаго правительствъ, одинаково ему враждебныхъ. Уже толковали, что для утвержденія себя въ Россіи Биронъ не ограничится регентствомъ, что онъ соблазнится примѣромъ персидскаго Кулы-хана, который свергнулъ съ престола молодаго шаха и самъ занялъ его мѣсто; уже толковали, что Биронъ, неравнодушный къ цесаревнѣ Елисаветѣ, женится на ней, и такимъ образомъ

пріобрѣтетъ право на престолъ русскій. Эти толки усиливали всеобщее недовольство новымъ порядкомъ, которое высказывалось въ разныхъ слояхъ общества при удобныхъ случаяхъ. Роптали, слыша какъ въ церквахъ послѣ императора, его матери и цесаревны Елисаветы поминали иновѣрнаго герцога курляндскаго. Роптала гвардія. Во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ мы видимъ сильное участіе гвардіи; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобъ перевороты производились преторіанцами, янычарами по своекорыстнымъ побужденіямъ, войскомъ, оторваннымъ отъ страны и народа; не должно забывать, что гвардія заключала въ себѣ лучшихъ людей, которымъ были дороги интересы страны и народа, и доказательствомъ служитъ то, что всѣ эти перевороты имѣли цѣлію благо страны, производились по національнымъ побужденіямъ. Гвардія была противъ Бирона; гвардейцы говорили громко, публично: «Теперь нечего дѣлать, пока матушка государыня не предана землѣ; а тамъ, какъ вся гвардія соберется, то ужъ...» [10].

Гвардія ждала погребенія Анны, чтобъ начать дѣйствовать противъ ея распоряженія относительно регентства. Но въ гвардіи были люди, которые по природѣ своей не могли долго ждать. Поручикъ Преображенскаго полка Петръ Ханыковъ, стоявшій въ лѣтнемъ дворцѣ на караулѣ во время кончины Анны, когда услыхалъ, что правителемъ назначенъ Биронъ, не утерпѣлъ и сказалъ: «Для чего такъ министры сдѣлали, что управленіе имперіею мимо родителей императора поручили герцогу курляндскому?» Черезъ два дня 20 октября Ханыковъ пріѣхалъ на стройку казармъ и, увидавши сержанта своего полка, Алфимова, опять не утерпѣлъ и сказалъ: «Что мы сдѣлали, что государева отца и мать оставили? они, думаю, на насъ плачутся, а отдали все государство какому человѣку регенту! Что онъ за человѣкъ? Лучше бы до возраста государева управлять отцу императора или матери.» Алфимовъ отвѣчалъ: «Это было бы справедливо.» Согласіе сержанта ободрило Ханыкова; онъ продолжалъ: «Какіе вы унтеръ-офицеры, что солдатамъ объ этомъ не говорите! у насъ въ полку надежныхъ офицеровъ нѣтъ — не съ кѣмъ посовѣтоваться; и надѣяться не на кого, развѣ вы, унтеръ-офицеры станете объ этомъ толковать солдатамъ. И я уже объ этомъ здѣсь при строеніи казармъ и въ другихъ мѣ-

стахъ многимъ солдатамъ говорилъ, и солдаты всѣ на это позываются, говорятъ, что напрасно мимо государева отца и матери регенту государство отдали, и бранятъ насъ, офицеровъ, также и унтеръ-офицеровъ, для чего не зачинаютъ, что если имъ, солдатамъ, зачать нельзя, и какъ былъ для присяги строй, напрасно тогда о томъ не толковали. А кабы гренадерамъ только сказалъ, тобъ всѣ за мною пошли о томъ спорить: они меня любятъ, и офицеры, побоявшись того, всѣ бъ стали солдатскую сторону держать. Только я, скрѣпя уже свое сердце, гренадерамъ о томъ не говорилъ, для того что я намѣренія государыни принцессы не знаю, что угодно ли ей то будетъ.»

На другой день сержантъ Алфимовъ встрѣчается еще съ офицеромъ Михайлою Аргамаковымъ, который говоритъ то же самое и еще сильнѣе плачетъ: «До чего мы дожили и какая намъ жизнь? Лучше бы самъ закололъ себя, что мы допускаемъ до чего, и хотя бы жилы изъ меня стали тянуть, я говорить этого не перестану.» Алфимовъ тотчасъ передалъ Ханыкову, что нашелся надежный офицеръ, съ которымъ посовѣтоваться можно. «Еслибы я, сказалъ Ханыковъ, повидался съ Михайлою Аргамаковымъ, посовѣтовался бы съ нимъ и провѣдали бы отъ государыни принцессы, угодно ли ей это будетъ, то я здѣсь, и Аргамаковъ на Петербургскомъ острову учинили бы тревогу барабаннымъ боемъ и гренадерскую свою роту я привелъ бы къ тому, чтобъ вся та рота пошла со мною, а къ тому бъ пристали и другіе солдаты, и мы бъ регента и сообщниковъ его, Остермана, Бестужева, князь Никиту Трубецкова убрали. Ко мнѣ Трубецкой и добръ былъ, только онъ съ ними больше въ тѣхъ дѣлахъ сообщникомъ имѣется и у регента на ухѣ лежитъ; однако завтра пойду на Васильевскій островъ и увижусь съ Михайлою Аргамаковымъ. Слышалъ я отъ солдата Преображенскаго полка, который ходитъ къ регентовымъ служителямъ, что регентово намѣреніе есть ко всѣмъ милость показать, между тѣмъ и въ Преображенскій полкъ большихъ (высокихъ ростомъ) изъ курляндцевъ набрать, отъ чего полку будетъ красота: вотъ, ничего не видя, хотятъ Нѣмцевъ набрать и насъ изъ полку вытѣснять» [11].

Ханыковъ въ своихъ разговорахъ обнаруживалъ больше всего злобы на Остермана и князя Трубецкаго, и тѣмъ показывалъ,

какъ мало въ гвардіи знали настоящія отношенія и расположенія лицъ, стоявшихъ наверху; это, разумѣется, происходило отъ того, что высоко поставленныя лица, не отличаясь смѣлостію, не имѣя средствъ и способностей дѣйствовать впереди во имя извѣстныхъ интересовъ и убѣжденій, отличались осторожностію и скрытостію въ такое смутное и тяжелое время, и если кому изъ нихъ случалось проговориться, то, испугавшись, старался еще болѣе притвориться усерднымъ къ существующему порядку, еще болѣе надвинуть маску на лицо. Остерманъ былъ знаменитъ этою осторожностію, этимъ притворствомъ, и, разумѣется, никакіе Ханыковы не могли проникнуть въ глубину его души и усмотрѣть непріязнь къ регенту, тогда какъ въ дѣйствительности эта непріязнь была сильная: Биронъ, и не будучи еще регентомъ, не могъ переносить *оракула*, и сначала подставилъ противъ него Волынскаго, а теперь Бестужева, вслѣдствіе чего Остерманъ пересталъ быть душою кабинета, а въ регентствѣ Бирона онъ долженъ былъ опасаться еще худшаго: съ Бестужевымъ ему нельзя было ужиться, а Бестужевъ не Волынскій. Люди болѣе проницательные, чѣмъ Ханыковъ съ товарищами, министры иностранные писали, что Остерманъ поставленъ въ унизительное положеніе, въ какомъ до того времени никогда не былъ [12]. Генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой въ первомъ порывѣ негодованія проговорился, передъ кончиною Анны онъ имѣлъ неосторожность сказать: «Хотя герцога курляндскаго регентомъ и обираютъ, только какъ скоро императрица скончается, мы это передѣлаемъ» [13]. Императрица скончалась, герцогъ курляндскій былъ провозглашенъ регентомъ — и генералъ-прокуроръ являлся однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его приверженцевъ, и это не противорѣчило его прежнему заявленію: онъ говорилъ: «*мы* передѣлаемъ,» а не «я передѣлаю,» и такъ какъ множественнаго числа не оказывалось, то князь Никита въ единственномъ числѣ служилъ Бирону, возбуждая этимъ неудовольствіе патріотовъ.

Ханыковъ не зналъ, на кого особенно сердиться: погубилъ его не князь Никита Трубецкой, хотя, какъ ему казалось, и лежалъ на ухѣ у регента; погубилъ его и не хитрый иноземецъ Остерманъ, погубилъ его другой кабинетъ-министръ, Бестужевъ-Рюминъ, главный приверженецъ Бирона по тѣсной связи своихъ

интересовъ съ интересами регента, потому что Бестужевъ держался только Бирономъ и необходимо падалъ вмѣстѣ съ нимъ. 22 октября Алфимовъ былъ у другаго сержанта Акинѳіева и здѣсь встрѣтился съ вахмистромъ конно-гвардіи Камынинымъ, который говорилъ: «Хотятъ нынѣ къ солдатству милость казать и за треть жалованье выдать, доимку не взыскивать, и съ которыхъ доимка взята, возвратить; а изъ гвардейскихъ полковъ дворянъ отпустить въ годовой отпускъ и вычетными изъ жалованья ихъ деньгами хотятъ казармы достраивать и тѣмъ солдатство и всѣхъ приводятъ къ милости. Чудесно, что господа министры допустили кого править государствомъ! Вотъ мнѣ и дядюшка Бестужевъ, а какой онъ министръ? Вотъ коли-бы Михайла Аргамаковъ сдѣлалъ подписку....» Но агентъ-подстрекатель не дождался подписки, и въ тотъ же вечеръ донесъ дядюшкѣ Бестужеву на Ханыкова, Аргамакова и Алфимова, которые на другой же день были арестованы; на пыткѣ они не сказали ничего новаго. Бестужевъ служилъ вѣрную службу своему благодѣтелю — Бирону. Капитанъ Бровцынъ разсказывалъ кабинетъ-секретарю Яковлеву: «Однажды, будучи на Васильевскомъ острову, съ нѣсколькими солдатами, плакалъ я о томъ, что Биронъ учиненъ регентомъ: увидя это, Бестужевъ погнался за мною съ обнаженною шпагою, такъ что я насилу могъ уйти въ домъ Миниха» [14].

Другой кабинетъ-министръ, *тѣло* кабинета, князь Черкасскій не отсталъ отъ Бестужева въ вѣрной службѣ регенту. О движеніяхъ Ханыкова знали другіе офицеры и дѣйствовали противъ Бирона, когда Ханыковъ былъ уже схваченъ. Служившій въ ревизіонъ-коллегіи подполковникъ Пустошкинъ еще 6 октября, когда узнали о назначеніи принца Іоанна наслѣдникомъ престола, имѣлъ со многими разговоры, что надобно отъ россійскаго шляхетства подать челобитную о назначеніи регентомъ принца брауншвейгскаго. 21 октября онъ былъ въ гостяхъ у кабинетъ-секретаря Яковлева и говорилъ о томъ же съ другими гостями, при чемъ хозяинъ Яковлевъ сказалъ: «Чѣмъ вамъ тамъ пустое балякать, подите о томъ бейте челомъ чрезъ графа Остермана или князя Черкасскаго, а ежели меня спросятъ, то знаю я, на какомъ основаніи то дѣлано.» На другой день Пустошкинъ явился къ князю Черкасскому и объявилъ, что ихъ собралось

много, между ними офицеры Семеновскаго полка, а изъ Преображенскаго поручикъ Ханыковъ и всѣ они желаютъ, чтобъ правительство было поручено принцу брауншвейгскому. Когда Черкасскій спросилъ, кто его къ нему послалъ, то Пустошкинъ отвѣчалъ, что послалъ его графъ Михайла Головкинъ. Отъ Черкасскаго Пустошкинъ отправился къ графу Головкину и разсказалъ ему въ чемъ дѣло; Головкинъ отвѣчалъ: «Что вы смыслите, то и дѣлайте: однакожъ ты меня не видалъ и я отъ тебя сего не слыхалъ; а я отъ всѣхъ дѣлъ отрѣшенъ и ѣду въ чужіе краи.» Головкинъ былъ изъ числа вельможъ недовольныхъ настоящимъ регентствомъ; какъ родственникъ принцессы Анны по женѣ (урожденной Ромодановской, двоюродной сестры императрицы Анны по матери), онъ надѣялся получить важное значеніе, еслибы Анна была назначена правительницею; при ссорѣ принцессы съ Бирономъ, въ послѣднее время царствованія Анны, Головкинъ сталъ на сторону принцессы и позволилъ себѣ «вольныя рѣчи» о фаворитѣ, за что подпалъ гнѣву императрицы, а теперь, при регентствѣ Бирона, былъ отъ всѣхъ дѣлъ отрѣшенъ и ѣхалъ въ чужіе краи. Головкинъ отрекся отъ всякаго участія въ предпріятіи противъ Бирона; но Черкасскій пошелъ дальше: онъ отправился къ регенту и донесъ на Пустошкина, который и былъ схваченъ [15].

Офицеры, хотѣвшіе свергнуть Бирона, рознились относительно вопроса, кому быть его преемникомъ: одни указывали на мать, другіе на отца императора. Понятно, что не обошлось безъ движенія между людьми близкими, домашними къ принцу и принцессѣ брауншвейгскимъ. На другой день послѣ взятія Пустошкина и Ханыкова съ товарищами пришелъ доносъ на секретаря конторы принцессы Анны, Михайлу Семенова въ томъ, что онъ заподозрѣвалъ указъ императрицы Анны о регентствѣ, будто бы онъ не былъ подписанъ собственною ея рукою. Семеновъ, на допросахъ, указалъ уже на извѣстнаго намъ кабинетъ-секретаря Яковлева; тотъ признался, что дѣйствительно внушалъ Семенову сомнѣніе насчетъ подлинности указа, признался, что не донесъ о разговорѣ своемъ съ Пустошкинымъ и товарищами его, потому что «всегда имѣлъ усердіе больше къ сторонѣ родителей его императорскаго величества, а правительство государственное желаетъ, чтобъ было въ рукахъ ихъ же, родителей

его императорскаго величества; Семеновъ внушалъ подозрѣніе насчетъ указа для того, чтобъ сообщено то было родителямъ его императорскаго величества, ибо онъ Яковлевъ чрезъ то уповалъ, въ случаѣ ежели бы государственное правительство чрезъ что ни есть перешло въ руки ихъ высочествъ, дабы онъ, Яковлевъ, могъ тогда избѣгнуть отъ слѣдствія и бѣды и получить отъ ихъ высочествъ милость, ибо какъ по кончинѣ ея императорскаго величества для провѣдыванія, что о нынѣшнемъ правленіи въ народѣ говорятъ, надѣвая худой кафтанъ, хаживалъ онъ собою по ночамъ по прешпективной (Невскому проспекту) и по другимъ улицамъ, то слышалъ онъ, что въ народѣ говорятъ о томъ съ неудовольствіемъ, а желаютъ, чтобъ государственное правительство было въ рукахъ у родителей его императорскаго величества.»

Легко понять, съ какимъ чувствомъ Биронъ долженъ былъ узнать, что въ гвардіи движеніе противъ него, что въ народѣ его не хотятъ имѣть регентомъ, а хотятъ родителей императора. Принцъ и принцесса брауншвейгскіе заклятые его враги съ тѣхъ поръ, какъ Анна Леопольдовна отказалась выйти замужъ за его сына; эти принцъ и принцесса пользуются расположеніемъ въ войскѣ и народѣ, для нихъ хотятъ отнять у него регентство. Мы видѣли, что Биронъ во время своего фавора привыкъ раздражаться, выходить изъ себя при первомъ сопротивленіи и не разбирать средствъ, чтобъ отдѣлаться отъ человѣка, осмѣлившагося стать къ нему во враждебныя отношенія. Но теперь дѣло шло не о какомъ-нибудь безпокойномъ человѣкѣ, рѣшившемся высказаться противъ фаворита; теперь дѣло шло не о какомъ-нибудь Волынскомъ: теперь дѣло шло о могущественныхъ соперникахъ, которые опираются на свои права, признаваемыя войскомъ и народомъ, и которые поэтому легко могутъ отнять у него власть и больше чѣмъ власть; теперь Биронъ дѣйствуетъ уже по инстинкту самосохраненія, а извѣстно какъ люди дѣйствуютъ, когда руководятся инстинктомъ самосохраненія, особенно такіе люди какъ Биронъ. Регентъ идетъ къ герцогу брауншвейгскому и начинаетъ кричать на него, что онъ затѣваетъ смуту, кровопролитіе, надѣется на свой Семеновскій полкъ, но его, Бирона, не испугаетъ[16]. Люди, которые кого-нибудь боятся, обыкновенно говорятъ этому кому-нибудь, что не боятся, что

ихъ нельзя испугать. Биронъ повторилъ эту сцену съ принцемъ и его женою, когда они пріѣхали къ нему: тутъ когда принцъ безъ намѣренія положилъ руку на ефесъ своей шпаги, то Биронъ принялъ это движеніе за угрозу, и, ударяя рукою по своей шпагѣ, сказалъ: «Я готовъ и этимъ путемъ съ вами раздѣлаться, если вы этого желаете» [17].

Биронъ не довольствовался вскрытіемъ движеній Ханыкова, Аргамакова, Пустошкина, Семенова; ему хотѣлось узнать что-нибудь подробнѣе о движеніяхъ самого принца и принцессы браунштейгскихъ. Съ этою цѣлію онъ велѣлъ арестовать адъютанта принцева Петра Граматина и подвергнуть допросу. Граматинъ показалъ, что когда во время предсмертной болѣзни императрицы Анны принцу Антону дали знать о подпискѣ какой-то бумаги въ кабинетѣ, то онъ говорилъ Граматину: «Чинится подписка въ кабинетѣ: подписываются генералитетъ и гвардіи офицеры, только о чемъ невѣдомо, а меня не пригласили. Знать они подписываютъ то, что мнѣ вѣдать не слѣдуетъ, и конечно что-нибудь о наслѣдствѣ престола подписываютъ. Сказывалъ мнѣ прусскій посланникъ Мардефельдъ, будто до возраста великаго князя будетъ учиненъ для правленія Тайный Верховный Совѣтъ, и въ томъ Совѣтѣ будутъ засѣдать супруга моя, герцогъ курляндскій, три кабинетъ-министра, фельдмаршалъ Минихъ, генералъ Ушаковъ и кн. Куракинъ, а про меня ничего не упомянулъ, только я его рѣчамъ не вѣрю.» Граматинъ сказалъ на это, что можетъ быть и такъ, только лучше бы, чтобъ правленіе государственное было поручено одной персонѣ, потому что наши министры между собою будутъ несогласны и чрезъ то государству не будетъ пользы. Принцъ поручилъ Граматину развѣдывать всячески о подпискѣ. На другой день принцъ спросилъ Граматина, развѣдалъ ли онъ что-нибудь, и тотъ отвѣчалъ, что ничего не узналъ; тогда принцъ сказалъ, что слышалъ о назначеніи регентомъ герцога курляндскаго. Послѣ этого разговора Граматинъ вышелъ въ другую комнату и нашелъ тамъ секретаря Семенова, подлѣ котораго сѣлъ и спросилъ: «Что ты дѣлаешь?» Тотъ отвѣчалъ: «Охъ, что намъ, братецъ, дѣлать: худо у насъ дѣлается.» «А что, развѣ ты слышалъ что-нибудь?» спросилъ Граматинъ. — «Да, мы нынче остаемся овцы безъ пастыря; знаешь ли ты, для чего подписка въ кабинетѣ чинится? Доложи ты его свѣтлости герцогу браун-

швейгскому, чтобъ я былъ къ нему допущенъ; я обо всемъ скажу; пусть его свѣтлость на меня изволитъ положить эту коммиссію; я сдѣлаю, что дѣло можетъ быть и передѣлано, только чтобъ впредь я былъ защищенъ его свѣтлости милостію.» Граматинъ пересказалъ все принцу; тому и хотѣлось войти въ сношенія съ Семеновымъ, и трусилъ: «А что если онъ попадется и объявитъ, что у меня былъ? Вѣрно у него есть какой-нибудь пріятель у Андрея Ивановича Остермана, черезъ него онъ это развѣдалъ.» Въ такомъ трудномъ и опасномъ дѣлѣ надобно съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, и принцъ посылаетъ Граматина къ брауншвейгскому посланнику Кейзерлингу спросить, какъ онъ думаетъ, допускать ли къ себѣ секретаря Семенова. Кейзерлингъ присовѣтовалъ допустить Семенова выслушать, обнадеживъ своею милостію и секретомъ. Но Семеновъ обѣщалъ передѣлать дѣло: можно ли на него въ этомъ положиться? Граматинъ не вѣрилъ, чтобъ такой маленькій человѣкъ могъ сдѣлать что-нибудь важное, и представилъ Кейзерлингу, что опасно положиться на Семенова относительно коммиссіи передѣлать то, что было подписано въ кабинетѣ: «Когда ему поручится, а онъ не сдѣлаетъ и объявится, то послѣ будетъ не безъ стыда.» Кейзерлингъ согласился, и принцъ только видѣлся съ Семеновымъ, а никакой коммиссіи на него не возлагалъ.

19 октября принцъ завелъ съ Граматинымъ разговоръ, что носятся слухи, будто императрица Анна завѣщаніе своеручно не подписала, подписано оно не ея рукою; императрица съ начала своей болѣзни ни о какихъ государственныхъ дѣлахъ не говорила, тѣмъ менѣе о наслѣдствѣ, все надѣялась выздоровѣть. При этомъ принцъ сказалъ: «Надѣюсь, что всѣ бывшіе нынче у регента министры могли замѣтить, съ какимъ неудовольствіемъ я былъ у него. Я намѣренъ былъ нынче послать къ Андрею Ивановичу Остерману за совѣтомъ, чтобъ завтра, когда при лѣтнемъ дворцѣ соберутся на караулъ люди болѣе тысячи человѣкъ, чтобъ всѣхъ министровъ, которые будутъ въ кабинетѣ, арестовать; только я этого уже не сдѣлаю» [18]. Саксонскому посланнику Линару самъ принцъ только разказывалъ, что онъ спрашивалъ совѣта у Остермана, и тотъ сказалъ: если принцъ имѣетъ вѣрную партію, то долженъ открыться и говорить; въ противномъ случаѣ лучше будетъ согласоваться съ другими [19]. Граматинъ также отвѣчалъ

принцу, что рѣшительныя дѣйствія опасны: «Вашей свѣтлости собою сказаться, что недовольны не такъ прилично; развѣ когда государыня принцесса изволитъ сказать, что недовольна, то и вашей свѣтлости тогда о себѣ объявить пристойнѣе, а напередъ надобно посовѣтоваться о томъ съ министрами.» Принцъ сказалъ на это: «Хотя я вижу, что супруга моя недовольна, однако она очень боится. Надѣюсь, что о моемъ неудовольствіи можно мнѣ объявить Андрею Ивановичу Ушакову.» Граматинъ отвѣчалъ, что можно, и тогда принцъ поручилъ ему переговорить объ этомъ съ адъютантомъ Ушакова Власьевымъ. Граматинъ увидалъ Власьева во дворцѣ, въ большой аудіенцъ-залѣ и началъ съ нимъ разговоръ: «Что ты скажешь? здорово живешь? что у васъ дѣлается?» Власьевъ отвѣчалъ: «А что у насъ дѣлается? Вѣдь ты и самъ знаешь, что у насъ регентъ сдѣланъ. Что государыня принцесса и его свѣтлость изволятъ объ этомъ говорить?» — «Сколько мнѣ извѣстно, сказалъ Граматинъ, они не очень довольны: только принцъ не знаетъ, кому свое неудовольствіе открыть изъ министровъ.» — «Да на что лучше нашего старика,» отвѣчалъ Власьевъ: «пусть ея высочество его призвать изволитъ и о томъ объявить; онъ дастъ совѣтъ, какъ поступить.» Когда Граматинъ передалъ эти слова принцу, тотъ велѣлъ ему сказать Власьеву, чтобъ передалъ своему генералу Ушакову желаніе принца повидаться съ нимъ, только чтобъ пришелъ по какому-нибудь дѣлу и далъ бы знать, когда придетъ. Граматинъ переговорилъ съ Власьевымъ, Власьевъ съ Ушаковымъ, и тотъ обѣщалъ побывать у принца.

Между тѣмъ Кейзерлингъ сдерживалъ рьяность придворныхъ принца и принцессы брауншвейгскихъ. 19 октября Кейзерлингъ былъ у принца, и потомъ имѣлъ разговоръ съ камеръ-юнкеромъ короля Шеліаномъ, который послѣ этого разговора со слезами говорилъ Граматину: «Что намъ дѣлать, что посланника Кейзерлинга не можемъ уговорить, чтобъ онъ присовѣтовалъ принцу спорить! Все говоритъ: молчите, молчите! А его свѣтлости никакой опасности, чтобъ молчать, нѣтъ; Кейзерлингъ говоритъ, что когда принцъ станетъ спорить, то его могутъ арестовать; но кто можетъ арестовать его свѣтлость?» Граматинъ сказалъ ему: «Какъ его свѣтлости начать спорить, когда государыня принцесса о томъ ничего говорить не изволитъ?» Шеліанъ отвѣчалъ:

«Мы до того времени будемъ молчать, пока они съ нами что хотятъ, то сдѣлаютъ.» Граматинъ былъ у Кейзерлинга, когда тотъ получилъ извѣстіе, что принцу браупшвейгскому данъ титулъ высочества. Кейзерлингъ сказалъ при этомъ: «Пусть они насъ теперь повышаютъ; я бы желалъ, чтобъ они его свѣтлость сдѣлали генералиссимусомъ—а тамъ мы ихъ достанемъ.» Тотъ же Кейзерлингъ спрашивалъ Граматина: «Какъ ты думаешь, утвердится ли нынѣшнее опредѣленіе о регентствѣ?» и когда Граматинъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, утвердится, то Кейзерлингъ сказалъ: «Можетъ быть министры между собою впредь не будутъ согласны, и чрезъ то послѣдуетъ какая-нибудь отмѣнка. При вступленіи императрицы Анны на престолъ, сперва было сдѣлано такъ, и потомъ передѣлано въ самодержавство.» Граматинъ въ заключеніи доносилъ, что принцъ Антонъ въ послѣдній разговоръ съ нимъ сказалъ: «Видно на то, что такое опредѣленіе о регентствѣ сдѣлано, есть воля Божія, и я уже себя успокоилъ. Мы лучше хотимъ съ супругою моею терпѣть, нежели чрезъ насъ государство обезпокоить» [20].

Принцъ Антонъ, по словамъ Граматина, успокоился; но Биронъ не могъ успокоиться. Принцъ Антонъ былъ недоволенъ, ему очень хотѣлось перемѣнить постановленіе о регентствѣ, но недоставало смѣлости, умѣнья воспользоваться какою-нибудь благопріятною минутою; люди, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ, Остерманъ, Кейзерлингъ сдерживали его, но не порицали его поведенія, его желанія, совѣтовали только ждать удобнаго времени, составленія многочисленной партіи. А партія эта могла составиться легко и скоро, волненіе было сильное въ гвардіи; кромѣ названныхъ лицъ попался еще князь Иванъ Путятинъ, который разсуждалъ съ своими товарищами, офицерами Семеновскаго полка, что государствомъ слѣдовало править принцу браушвейгскому; Путятинъ ходилъ во дворецъ, поручилъ тамъ Шеліану передать принцу, что если его высочеству угодно, то нѣкоторые изъ сенаторовъ его сторону держать будутъ; пріѣзжалъ къ капитану того же Семеновскаго полка Василью Чичерину съ извѣстіемъ, что Аргамаковъ взятъ, и Чичеринъ отвѣчалъ: «И намъ не миновать.» Путятинъ сказалъ при этомъ: «Вотъ кабы полкъ былъ въ строю, то бы, написавъ челобитную, и подали, чтобъ государыня принцесса приняла государственное правленіе» [21].

Напуганный и раздраженный этими открытіями, Биронъ сталъ выживать брауншвейгскихъ изъ Россіи; не только другимъ лицамъ, но и самому принцу и принцессѣ Аннѣ говорилъ, что хочетъ вызвать въ Россію молодаго принца голштинскаго Петра. Чтобъ отнять популярность у брауншвейгскихъ, Биронъ говорилъ, что принцесса Анна называетъ Русскихъ канальями, а мужъ ея хотѣлъ генераловъ и министровъ арестовать и побросать въ воду [22].

23 октября данъ былъ указъ о ежегодной выдачѣ родителямъ императора по 200.000 руб. въ годъ, а цесаревнѣ Елисаветѣ по 50.000 р.; но въ тотъ же день принцъ Антонъ былъ призванъ въ чрезвычайное собраніе кабинетъ-министровъ, сенаторовъ и генералитета. Биронъ изложилъ собранію все дѣло на основаніи показаній, сдѣланныхъ приверженцами брауншвейгской фамиліи въ Тайной Канцеляріи, и спросилъ принца, чего ему хотѣлось. Тотъ со слезами отвѣчалъ, что хотѣлъ произвести бунтъ и завладѣть регентствомъ. Тутъ Ушаковъ началъ говорить: «Если вы будете вести себя какъ слѣдуетъ, то всѣ будутъ почитать васъ отцемъ императора; въ противномъ случаѣ будутъ считать васъ подданнымъ вашего и нашего государя. По своей молодости и неопытности вы были обмануты; но еслибъ вамъ удалось исполнить свое намѣреніе, нарушить спокойствіе Имперіи, то я, хотя съ крайнимъ прискорбіемъ, обошелся бы съ вами такъ же строго, какъ и съ послѣднимъ подданнымъ его величества.» — Послѣ этой грозной выходки управляющаго Тайною Канцеляріею, началъ говорить Биронъ; говорилъ о своихъ правахъ, о дѣйствительности распоряженія покойной императрицы, и кончилъ словами: «Такъ какъ я имѣю право отказаться отъ регентства, то если это собраніе сочтетъ вашу свѣтлость больше меня къ нему способнымъ, я сію же минуту передамъ правленіе вамъ.» Тутъ многіе изъ присутствующихъ объявили, что просятъ герцога продолжать правленіе для блага всей земли. Тогда Биронъ, указывая на лежавшее передъ нимъ распоряженіе покойной императрицы о регентствѣ, спросилъ Остермана: «Та ли эта бумага, которую вы сами относили къ императрицѣ для подписи?» Остерманъ отвѣчалъ утвердительно; но регентъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ: онъ потребовалъ, чтобъ всѣ присутствующіе подписали бумагу и приложили свои печати; всѣ исполнили требованіе, равно какъ и принцъ Антонъ.

Биронъ и на этомъ не успокоился; онъ боялся, что принцъ будетъ имѣть возможность дѣйствовать на войско по своимъ военнымъ чинамъ — подполковника Семеновскаго полка и полковника кирасирскаго брауншвейгскаго полка; регенту непремѣнно хотѣлось отнять у него эти должности; Минихъ, который не любилъ принца, охотно подслужился Бирону, и велѣлъ брату своему отъ имени принца Антона написать просьбу объ увольненіи отъ всѣхъ военныхъ должностей. Фельдмаршалъ Минихъ принесъ эту просьбу въ кабинетъ, при чемъ просилъ, что если отошлютъ ее къ Остерману, то чтобъ переписали, ибо онъ не хочетъ, чтобъ Остерманъ видѣлъ руку брата его и догадался, что все дѣло идетъ черезъ него, фельдмаршала. Въ просьбѣ отъ имени принца Антона говорилось къ имени императора: «Я нынѣ, по вступленіи вашего императорскаго величества на всероссійскій престолъ, желаніе имѣю мои военные чины низложить, дабы при вашемъ императорскомъ величествѣ всегда неотлучнымъ быть.» Принцъ Антонъ подписалъ просьбу, въ которой онъ является такимъ нѣжнымъ отцомъ, и 1-го ноября данъ былъ указъ Военной Коллегіи, подписанный по обычаю: «Именемъ его императорскаго величества Іоганнъ регентъ и герцогъ.» Въ указѣ говорилось: «Понеже его высочество любезнѣйшій нашъ родитель желаніе свое объявилъ имѣвшіеся у него военные чины снизложить, а мы ему въ томъ отказать не могли, того ради чрезъ сіе военной коллегіи объявили для извѣстія» [23].

Бестужевъ говорилъ одному иностранному дипломату: «Еслибы захотѣли, могли бы поступить съ принцемъ вовсе не такъ милосердо. Онъ отецъ императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его подданный. Петръ I подалъ примѣръ, что въ правѣ сдѣлать отецъ противъ бунтующаго сына, то же наоборотъ и совершенно логично прилагается и къ настоящему случаю; принцесса Анна это очень хорошо понимаетъ: она бросилась на шею къ герцогу курляндскому съ просьбою не давать гласности дѣлу и обѣщала сама смотрѣть за мужемъ. До сихъ поръ герцогъ брауншвейгскій разсчитывалъ на вѣнскій дворъ; но теперь онъ увидитъ, что эта опора безполезна, потому что мы не только совершенно отстранили партію, преданную ему или его женѣ, но мы можемъ вообще сказать, что наше дѣло выиграно. Я рисковалъ головою и не имѣлъ ни минуты покоя въ первые три дня

послѣ кончины императрицы, потому что я русскій народъ знаю: по первому толчку онъ въ состояніи что-нибудь предпринять, но потомъ, какъ скоро эта минута пройдетъ, переходитъ къ совершенному послушанію. Вотъ почему еще при жизни императрицы я изготовилъ манифестъ о регентствѣ, его напечатали въ ночь по смерти императрицы вмѣстѣ съ присяжною формою и сейчасъ же можно было приводить къ присягѣ, прежде чѣмъ безпокойныя головы имѣли время что-нибудь затѣять. Если посудить, какъ велико само по себѣ это событіе и какъ значительно народонаселеніе столицы, то нечего удивляться, что нашлось нѣсколько недовольныхъ; надобно удивляться одному, что не оказалось ихъ болѣе. Теперь, для общаго единенія, остается дѣлать одно: награждать благонамѣренныхъ и строго наказывать тѣхъ, въ которыхъ будетъ замѣчено дурное направленіе [24].

Людей неблагонамѣренныхъ, дѣйствовавшихъ противъ Бирона въ пользу принца Антона или принцессы Анны, Яковлева, Пустошкина съ товарищами, били кнутомъ въ Тайной Канцеляріи, давали по 15, 16 и 17 ударовъ. Но явились доносы и на приверженцевъ цесаревны Елисаветы Петровны. Во время присяги войска Іоанну Антоновичу, какъ наслѣднику престола, капралъ Хлоповъ, встрѣтившись съ капраломъ Гольмштремомъ, сказалъ ему: «Присягали мы нынѣ ея императорскаго величества внуку, а государыни принцессы сыну;» а потомъ, немного погодя, махнулъ головою на домъ цесаревны Елисаветы и сказалъ: «Не обидно-ль?» Въ тотъ же день Хлоповъ говорилъ своимъ товарищамъ Русскимъ: «Вотъ императоръ Петръ Первый въ россійской имперіи заслужилъ и того осталось. Вотъ коронованнаго отца дочь, государыня цесаревна оставлена.» Нѣмецъ Гольмштремъ донесъ на Хлопова; Хлопова взяли—и отпустили, равно какъ и товарищей его, Русскихъ, виноватыхъ въ томъ, что не донесли; отпустили «для многолѣтняго его величества здравія, но только впредь въ такія противныя разсужденія отнюдь бы они не вступали.» Привели въ Тайную Канцелярію счетчика изъ матросовъ Максима Толстова за то, что отказался присягать регенту. Толстой прямо объявилъ, что не пошелъ къ присягѣ «для того, что государствомъ повелѣно править такому генералу, каковы у него, Толстова, родственники генералы были. До возраста го-

сударева повелѣно править герцогу курляндскому, а орелъ леталъ, да соблюдалъ все дѣтямъ своимъ, а дочь его оставлена: императоръ Петръ Первый соблюдалъ и созидалъ все дѣтямъ своимъ, а у него, государя, осталась дочь цесаревна Елисавета Петровна, и надобно нынѣ присягать ей государынѣ цесаревнѣ. О томъ между собою говорили лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдаты, идучи отъ присяги»[25]. Толстова сослали въ Оренбургъ — наказаніе легкое, если принять во вниманіе то, что онъ презрительно отзывался о Биронѣ, не хотѣлъ присягать ему. Могло казаться удивительнымъ такое снисхожденіе къ приверженцамъ цесаревны Елисаветы. Мы видѣли, что уже и прежде ходили слухи о видахъ Бирона на цесаревну. Теперь самъ Биронъ грозится, что противъ брауншвейгцевъ вызоветъ въ Россію племянника цесаревны Елисаветы, принца голштинскаго, и пошли новые слухи, что Биронъ хочетъ женить на Елисаветѣ сына своего, принца Петра, а дочь свою потомъ выдать за герцога голштинскаго. Какъ бы то ни было, говорили, что Биронъ имѣлъ съ цесаревною Елисаветою частыя свиданія, продолжавшіяся иногда по цѣлымъ часамъ[26].

Бестужевъ думалъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ заставить другихъ думать, что опасность для Бирона прошла, потому что первая вспышка неудовольствія была потушена въ самомъ началѣ. Вспышка была потушена, потому что недовольные не нашли себѣ вождей; но недовольныхъ оставалось очень много, недовольно было все общество, весь народъ. Не довѣряя гвардіи, призвали шесть армейскихъ батальоновъ и 200 драгунъ. Чтобъ гвардія не обидѣлась этою недовѣрчивостію, Минихъ произнесъ къ ней рѣчь, въ которой говорилъ, что гвардейцы служатъ только высочайшимъ особамъ и что регентъ рѣшился призвать на службу въ Петербургъ армейскихъ солдатъ, желая облегчить по службѣ гвардейцевъ. Но говорили, что рѣчь не произвела ожидаемаго дѣйствія. Драгуны сослужили службу: 24 октября ночью народъ началъ было собираться толпами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но былъ разогнанъ драгунскими патрулями. Биронъ поговаривалъ, что надобно преобразовать гвардію, зачѣмъ въ ней рядовые солдаты изъ дворянъ: ихъ можно опредѣлить офицерами въ армейскіе полки, а ихъ мѣсто занять людьми простого происхожденія[27].

Даже и тѣ, которые отказались быть вождями движенія и выдали людей, неспособныхъ дожидаться, и тѣ не принадлежали къ числу довольныхъ, имѣвшихъ сильныя побужденія поддерживать регента, и когда Бестужевъ говорилъ *«мы»*, то подъ этимъ *мы* должно было разумѣть очень немногихъ, его да самого Бирона съ братьями и Бисмаркомъ. Это очень хорошо понималъ человѣкъ, сильно недовольный тѣмъ, что не онъ занимаетъ первое мѣсто, а Биронъ, котораго онъ считалъ ничтожностію въ сравненіи съ собою; — это очень хорошо понималъ Минихъ. Современники и люди близкіе къ Миниху объясняли его усердіе въ доставленіи регентства Бирону тѣмъ, что онъ надѣялся играть при такомъ неспособномъ регентѣ главную роль, надѣялся получить званіе генералиссимуса всѣхъ военныхъ силъ Имперіи, сухопутныхъ и морскихъ. Но мы видѣли, что Биронъ и прежде боялся Миниха и старался оттѣснять его отъ источника власти какъ соперника опаснаго по своей смѣлости, энергіи, талантамъ, и страшному честолюбію: понятно, что и теперь, въ Биронѣ-регентѣ не могла исчезнуть эта боязнь, и онъ нисколько не былъ расположенъ увеличивать значеніе опаснаго человѣка; Минихъ былъ въ ссорѣ съ генераломъ Брономъ, и регентъ бралъ сторону брата. Минихъ видѣлъ, что ошибся въ своихъ разсчетахъ, видѣлъ всеобщее сильное неудовольствіе, видѣлъ, что недовольнымъ недостаетъ только вождя для низверженія ненавистнаго регента и рѣшился быть этимъ вождемъ. Въ свое имя онъ, разумѣется, дѣйствовать не могъ; всего ближе ему было дѣйствовать во имя принцессы Анны, матери императора. Прежде онъ могъ не желать регентства Анны вслѣдствіе неладовъ съ принцемъ Антономъ, находившимся подъ вліяніемъ Остермана; прежде онъ могъ предпочитать регентство Бирона; но теперь другое дѣло: принцесса и ея мужъ въ невыносимо-тяжкомъ положеніи, ждутъ избавителя и, разумѣется, ихъ благодарности къ этому избавителю не будетъ границъ.

7 ноября, какъ шефъ кадетскаго корпуса, Минихъ представилъ Аннѣ Леопольдовнѣ нѣсколько кадетъ, изъ которыхъ она хотѣла выбрать для себя пажей. Когда кадеты были отпущены, принцесса со слезами на глазахъ стала говорить Миниху: «Вы видите, графъ, какъ регентъ со мною обходится; я знаю отъ вѣрныхъ людей, что онъ думаетъ выслать насъ изъ Россіи. Я го-

това къ этому, я уѣду; но употребите все свое вліяніе надъ регентомъ, чтобы по крайней мѣрѣ мнѣ можно было взять съ собою сына.» Въ отвѣтъ Минихъ даетъ слово освободить ее отъ тирана, и принцесса говоритъ, что полагается на него одного. Свое участіе въ избраніи Бирона Минихъ оправдывалъ тѣмъ, что еслибъ Биронъ не былъ сдѣланъ регентомъ, то никогда не побудилъ бы императрицу назначить себѣ преемника, отъ чего Россія была бы ввергнута въ ужасное положеніе. На другой день утромъ Минихъ видится съ принцессою опять и объявляетъ, что намѣренъ схватить регента. Сначала принцесса поцеремонилась, начала говорить, какъ это фельдмаршалъ рискуетъ жизнію своею и всего своего семейства; предлагала посовѣтоваться съ Левенвольдомъ; но Минихъ отвѣчалъ, что она обѣщала положиться на него одного, и притомъ онъ не хочетъ никого вовлекать въ опасность. Тогда принцесса начала хвалить великодушіе и смѣлость фельдмаршала, и сказала: «Ну хорошо, только дѣлайте поскорѣе» [28]. Медленность не была въ характерѣ Миниха, да и не было выгоды медлить: притомъ Преображенскій полкъ, въ которомъ онъ былъ подполковникомъ, долженъ былъ смѣниться на другой день по карауламъ.

Въ тотъ же день, 8 ноября Минихъ обѣдалъ у Бирона, который пригласилъ его пріѣхать и вечеромъ. Герцогъ былъ весь этотъ вечеръ безпокоенъ и задумчивъ. Вмѣстѣ съ Минихомъ сидѣлъ у него Левенвольдъ, который вдругъ спросилъ фельдмаршала: «А что, графъ, во время вашихъ походовъ вы никогда не предпринимали ничего важнаго ночью?» Минихъ сначала смутился этимъ вопросомъ, въ которомъ какъ будто намекалось на его намѣреніе; скоро впрочемъ оправился и отвѣчалъ: «Не помню, чтобъ я когда нибудь предпринималъ что-нибудь чрезвычайное ночью; но мое правило пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ.»

Регентъ и фельдмаршалъ разстались въ одиннадцать часовъ вечера, и Минихъ немедленно сталъ распоряжаться «чрезвычайнымъ ночнымъ предпріятіемъ.» Возвратясь изъ дворца, онъ сказалъ своему первому адъютанту, подполковнику Манштейну, чтобъ былъ готовъ, потому что понадобится ему очень рано. Дѣйствительно въ два часа пополуночи фельдмаршалъ позвалъ къ себѣ Манштейна: оба сѣли въ карету и отправились въ зим-

ній дворецъ, гдѣ жилъ императоръ съ отцомъ и матерью. Фельдмаршалъ и адъютантъ вошли въ покои принцессы Анны черезъ гардеробъ и велѣли разбудить фрейлину Менгденъ, фаворитку принцессы; Менгденъ, услыхавъ отъ Миниха въ чемъ дѣло, велѣла разбудить принца и принцессу, но вышла къ фельдмаршалу одна принцесса. Поговоривши съ нею минуту, Минихъ велѣлъ Манштейну позвать къ принцессѣ всѣхъ караульныхъ офицеровъ, и когда тѣ вошли, принцесса обратилась къ нимъ съ жалобами на регента: «Мнѣ нельзя, мнѣ стыдно долѣе сносить всѣ эти обиды, я рѣшилась его арестовать и поручила это дѣло фельдмаршалу Миниху; надѣюсь, что храбрые офицеры будутъ повиноваться своему генералу и помогать его ревности.» Офицеры обѣщали исполнить волю принцессы, которая допустила ихъ къ рукѣ и потомъ всѣхъ перецѣловала. Сошедши съ фельдмаршаломъ внизъ, офицеры поставили подъ ружье караульныхъ солдатъ, которымъ Минихъ объявилъ въ чемъ дѣло; мы знаемъ, что солдаты только этого и дожидались; они крикнули въ одинъ голосъ, что рады идти всюду, куда онъ ихъ поведетъ. Сорокъ человѣкъ солдатъ было оставлено при знамени, а съ осьмидесятью Минихъ отправился къ лѣтнему дворцу, гдѣ жилъ регентъ.

Около двухъ сотъ шаговъ отъ дворца отрядъ остановился; Минихъ послалъ Манштейна къ караульнымъ офицерамъ объявить имъ о намѣреніи принцессы Анны; тѣ съ радостію выслушали это объявленіе и предложили даже свою помощь при арестованіи герцога. Тогда фельдмаршалъ велѣлъ Манштейну взять офицера и двадцать солдатъ, войти во дворецъ, арестовать герцога, и, въ случаѣ сопротивленія, убить его. Манштейнъ, войдя во дворецъ, велѣлъ солдатамъ слѣдовать за собою издали, чтобъ не дѣлать шума. Всѣ караульные пропустили его безпрепятственно, думая, что старшій адъютантъ фельдмаршала присланъ къ герцогу за какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Пройдя нѣсколько комнатъ, Манштейнъ вдругъ нашелся въ большомъ затрудненіи: онъ не зналъ гдѣ спальня герцога и въ то же время не хотѣлъ спросить объ этомъ у лакеевъ, чтобъ не поднять шума. Подумавъ съ минуту, онъ рѣшился идти впередъ въ надеждѣ отыскать наконецъ спальню. Пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверьми, запертыми на ключъ; онъ попробовалъ и двери отворились, потому что не были приперты за-

движками внизу и вверху. Войдя въ комнату, онъ увидалъ большую кровать, на которой герцогъ и герцогиня спали глубокимъ сномъ; они проснулись тогда только, когда Манштейнъ откинулъ занавѣсы у кровати и началъ говорить. Мужъ и жена разомъ вскочили оба и начали кричать: караулъ! Манштейнъ отвѣчалъ, что привелъ много караульныхъ. Такъ какъ Манштейнъ стоялъ по ту сторону кровати, гдѣ была герцогиня, то Биронъ соскочилъ на полъ съ намѣреніемъ, какъ показалось Манштейну, спрятаться подъ кровать. Тогда Манштейнъ обѣжалъ кровать, бросился на Бирона, схватилъ его и крѣпко держалъ до тѣхъ поръ, пока пришли солдаты. Когда они подошли къ Бирону, чтобъ взять его, тотъ сталъ обороняться, отмахиваясь кулакомъ направо и налѣво. Въ этой борьбѣ солдаты разорвали у него рубашку и сильно поколотили его, повалили на землю, засунули носовой платокъ въ ротъ, связали руки офицерскимъ шарфомъ, закутали въ одѣяло и вынесли въ караульню; здѣсь набросили на него солдатскую шинель, посадили въ карету Миниха, куда сѣлъ съ нимъ офицеръ и повезъ въ зимній дворецъ. Въ то время какъ солдаты управлялись съ Бирономъ, жена его выбѣжала въ одной рубашкѣ изъ дворца и, видя какъ увозятъ мужа, бросилась за ворота на улицу; тутъ одинъ солдатъ схватилъ ее, притащилъ къ Манштейну и спрашивалъ, что съ нею дѣлать. Тотъ велѣлъ отвести ее во дворецъ; но солдату не хотѣлось съ нею возиться: онъ бросилъ ее на кучу снѣга и ушелъ; капитанъ гвардіи нашелъ ее въ этомъ положеніи, поднялъ, велѣлъ одѣть и проводилъ во дворецъ. Тотъ же Манштейнъ арестовалъ Густава Бирона, а другой адъютантъ Миниха, капитанъ Кёнигфельсъ, арестовалъ Бестужева, который подумалъ, что Биронъ велѣлъ арестовать его, и спросилъ у Кёнигфельса: «Что за причина немилости регента?» [29]

Къ шести часамъ утра все было кончено, и Минихъ явился къ принцессѣ Аннѣ съ докладомъ, что все обошлось благополучно. Первымъ дѣломъ принцессы было послать за человѣкомъ, безъ котораго считали невозможнымъ рѣшить какое-нибудь важное дѣло,—за Остерманомъ. Оракулъ, недовольный положеніемъ дѣлъ и чуя бурю въ воздухѣ, нѣсколько времени уже сказывался больнымъ; и теперь, когда такъ рано прислали за нимъ отъ имени принцессы, велѣлъ отвѣчать, что нездоровъ; тогда

Минихъ послалъ къ нему генерала Стрѣшнева, родственника Остерману по женѣ, сказать, что есть обстоятельство, которое должно заставить его перемочь болѣзнь и пріѣхать во дворецъ; это обстоятельство заключалось въ томъ, что Стрѣшневъ собственными глазами видѣлъ бывшаго регента въ караульнѣ зимняго дворца. Остерманъ перемогъ болѣзнь и явился поклониться восходящему свѣтилу. А между тѣмъ всѣ такъ привыкли вѣрить въ могущество Остермана, въ его умѣнье таинственными путями устраивать перевороты, что сначала приписали ему низверженіе Бирона. Шетарди, донося своему королю о переворотѣ, писалъ: «Болѣзнь графа Остермана сильно, если не ошибаюсь, способствовала къ лучшему сокрытію тайныхъ мѣръ, которыя онъ принималъ, показывая видъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ сообщенія. Такъ онъ поступалъ всегда; вѣрный и смѣлый пріемъ, которымъ нанесенъ ударъ, можетъ быть только плодомъ и слѣдствіемъ политики и опытности графа Остермана» [30]. Румянцевъ, получивши въ Константинополѣ извѣстіе о сверженіи Бирона, писалъ Остерману: «Что касается до той, съ Богомъ начатой премѣны, не только я здѣсь, но и всѣ въ свитѣ моей сердечное порадованіе возъимѣли и яко едиными усты Богу моленье принесли съ прославленіемъ имени вашего сіятельства, яко перваго сына отечества россійской имперіи, вѣдая что все то мудрыми вашего сіятельства поступками учинено» [31].

Въ Константинополѣ могли долго такъ думать; но въ Петербургѣ скоро узнали, что единственнымъ виновникомъ переворота былъ не Остерманъ, а Минихъ. Возвратившись по совершеніи своего подвига домой, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ сына своего и родственника барона Менгдена, предсѣдателя коммерцъ-коллегіи, и велѣлъ сыну писать списокъ наградъ. Вопервыхъ, принцесса Анна, которая должна быть провозглашена правительницею вмѣсто Бирона, возлагаетъ на себя Андреевскій орденъ, а Миниха жалуетъ въ генералиссимусы. Сынъ замѣтилъ, что можетъ быть этого званія желаетъ мужъ правительницы, принцъ Антонъ, надобно бы объ этомъ развѣдать; сынъ совѣтовалъ просить лучше званія перваго министра. Отецъ согласился; но потомъ задалъ вопросъ: какъ Остерманъ будетъ терпѣть надъ собою перваго министра? Ему отвѣчали, что надобно повысить Остермана; но какъ? Фельдмаршалъ наконецъ припом-

нилъ, что въ 1732 году, работая надъ новымъ положеніемъ для флота, Остерманъ намекалъ, что желалъ бы быть великимъ адмираломъ. Рѣшили пожаловать Остермана въ великіе адмиралы — званіе почетное, но не опасное, не стѣсняющее перваго министра. Казалось бы всего естественнѣе было дать Остерману, какъ вице-канцлеру, званіе великаго канцлера, котораго никто не имѣлъ съ 1734 года, со смерти стараго Головкина; но иностранными дѣлами хотѣлъ заправлять Минихъ, и великимъ канцлеромъ назначили не *душу*, а *тѣло* кабинета, князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, хотя и было замѣчено, что Черкасскій за свое поведеніе относительно Бирона заслуживаетъ больше наказанія, чѣмъ награды; вице-канцлеромъ сдѣлали графа Михайлу Головкина, человѣка близкаго къ новой правительницѣ и не опаснаго. Минихъ велѣлъ сыну написать бумагу о всѣхъ этихъ назначеніяхъ и отвезти во дворецъ для поднесенія принцессѣ на утвержденіе, а чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ самъ во дворецъ и узналъ, что принцесса на все согласна [32]. По пріѣздѣ Миниха, Остермана и цесаревны Елисаветы началось въ дворцѣ долгое совѣщаніе, вслѣдствіе котораго Биронъ съ семействомъ былъ перевезенъ въ Александроневскій монастырь; здѣсь они переночевали, а утромъ отправлены были въ Шлюссельбургъ. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ Бирономъ былъ схваченъ и самый ревностный приверженецъ его, кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ. Судьба видимо преслѣдовала этого человѣка, видимо смѣялась надъ нимъ жестокою насмѣшкою. Послѣ стольких усилій, хлопотъ, пробился онъ наконецъ впередъ — для того, чтобъ, заплатившп за кратковременную честь страшнымъ безпокойствомъ, безсонными ночами, попасть изъ кабинетъ-министровъ подъ арестъ и ожидать самаго печальнаго рѣшенія своей участи. Въ самомъ началѣ блеснулъ было лучь надежды: адъютантъ Миниха, Кёнигфельсъ, два раза пріѣзжалъ къ женѣ Бестужева и спрашивалъ ее, хочетъ ли она ѣхать съ мужемъ на мѣсто ссылки? Та отвѣчала, что хочетъ; Кёнигфельсъ утѣшалъ ее, говорилъ, что фельдмаршалъ бьетъ себя въ грудь и божится, что будетъ истиннымъ другомъ ея мужу. Къ самому Бестужеву Минихъ прислалъ другаго адъютанта своего, Манштейна, объявить, что принцесса Анна приказала послать его въ ссылку недалеко; Бестужевъ просилъ нельзя ли ему видѣться съ фельд-

маршаломъ, но Манштейнъ возвратился съ отвѣтомъ: «Видѣться тебѣ съ фельдмаршаломъ невозможно, ему недосугъ, посылаютъ васъ въ Кексгольмъ и будете вы тамъ, пока съ другими раздѣлаются, а потомъ и съ тобою скоро перемѣна будетъ.» — «Попросите фельдмаршала, говорилъ Бестужевъ Манштейну, чтобъ онъ меня не оставилъ, а помнилъ то, что и онъ состоитъ въ дирекціи Божіей, какъ самъ видитъ изъ моей судьбы: вчера я былъ кабинетнымъ министромъ, а теперь арестантъ» [33]. Бестужева сначала заключили въ Нарвскую крѣпость, а потомъ перевели въ Копорье. Двоихъ братьевъ Бирона, Карла и Густава и генерала Бисмарка, какъ *адгерента* бывшаго правителя, отправили въ Сибирь [34].

На другой день, 9 ноября Анна Леопольдовна провозгласила себя правительницею — и никто не противорѣчилъ. Вышелъ манифестъ, подписанный синодомъ, министерствомъ и генералитетомъ: императоръ Іоаннъ III объявлялъ, что хотя по предписанію императрицы Анны регентомъ былъ назначенъ герцогъ курляндскій, но ему велѣно было свое регентство вести по государственнымъ правамъ, конституціямъ и прежнимъ преданіямъ и уставамъ, и особливо велѣно не токмо о дражайшемъ здравіи и воспитаніи нашемъ попеченіе имѣть, но и къ родителямъ нашимъ и ко всей императорской фамиліи почтеніе оказывать. Но вмѣсто должнаго тому исполненія, онъ дерзнулъ не токмо многіе противные государственнымъ правамъ поступки чинить, но и къ любезнѣйшимъ нашимъ родителямъ великое непочитаніе и презрѣніе публично оказывать и притомъ съ употребленіемъ непристойныхъ угрозъ, и такія дальновидныя и опасныя намѣренія объявить дерзнулъ, которымъ не только любезнѣйшіи родители наши, но и мы сами, и покой и благополучіе имперіи нашей въ опасное состояніе приведены быть могли бы. И потому принуждены себя нашли, по усердному желанію и прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ духовнаго и мірскаго чина, онаго герцога отъ регентства отрѣшить и по тому же прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ оное правительство поручить нашей государынѣ матери. 11 ноября вышелъ указъ: «Ноября 10 дня всемилостивѣйше пожаловали мы 1) любезнѣйшему нашему государю родителю быть генералиссимусомъ, и хотя генералъ фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ за его къ

россійской имперіи оказанныя знатныя службы и что нынѣ онъ уже первый въ россійской имперіи командующій генералъ фельдмаршалъ и въ коллегіи военной президентъ къ пожалованію бъ сего знатнаго чина надежду имѣть могъ, токмо во всенижайшемъ къ вышеупомянутому его высочеству почтеніи отъ сего высочайшаго чина отрекается; при томъ же его высочество чинъ конной гвардіи подполковника на себя принять изволитъ. 2) Генералъ фельдмаршалу графу фонъ Миниху по вышеписаннымъ обстоятельствамъ и особливо въ разсужденіи при нынѣшнемъ случаѣ намъ, родителямъ нашимъ и всему государству оказанной усердной ревности, при которой онъ, оставляя свое и своей фамиліи благополучіе и не щадя пота и крови, поступалъ, дабы онъ по то время, пока ему Богъ животъ и силу продолжитъ, въ состояніи былъ намъ ревностныя услуги оказать, всемилостивѣйше пожаловали чинъ перваго министра въ нашихъ консиліяхъ, и какъ онъ нынѣ уже первый рангъ въ имперіи имѣетъ, то ему по генералиссимусѣ первымъ въ имперіи быть, при чемъ и супругѣ его предъ всѣми знатнѣйшими дамами, въ томъ числѣ и тѣхъ принцевъ, кои невладѣющіе въ нашей службѣ обрѣтаются, супругами, первенство имѣть. 3) Вице-канцлеру имперіи графу Остерману пожаловали чинъ давно состоящей вакансіи генералъ-адмирала, при чемъ ему и кабинетъ-министромъ быть по прежнему. 4) Дѣйствительному тайному совѣтнику князю Черкаскому пожаловали чинъ также давно состоящей вакансіи великаго канцлера и быть ему по прежнему въ кабинетѣ. 5) Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Головкину пожаловали чинъ вице-канцлера и кабинетъ-министра.» — Левенвольду дана «знатная сумма» на расплату долговъ. Фельдмаршалъ князь Трубецкой освобожденъ отъ взысканія 10.000 рублей и получилъ пенсіонъ. Генералъ-кригсъ-комиссаръ Лопухинъ освобожденъ отъ взыскія 12.000 рублей. Ушаковъ, Головинъ и Куракинъ получили Андреевскій орденъ [35].

Всѣ были довольны; но при этой, повидимому всеобщей, радости нашлись люди, которые предсказывали, что это не послѣдній переворотъ [36].

Бирона захватилъ фельдмаршалъ Минихъ; Минихъ не могъ провозгласить себя регентомъ и отдалъ свою ночную добычу матери императора съ тѣмъ, чтобъ подъ именемъ перваго ми-

нистра управлять Россіею. Характеръ новой правительницы дѣйствительно могъ утверждать Миниха въ его надеждахъ, ибо не было существа менѣе способнаго находиться во главѣ государственнаго управленія, какъ добрая Анна Леопольдовна. Сильно доставалось ей въ молодости отъ матери герцогини Екатерины Ивановны за дикость; императрица Анна имѣла полное основаніе считать племянницу неспособною къ правленію. Не одѣваясь, не причесываясь, повязавъ голову платкомъ, сидѣть бы ей только цѣлый день во внутреннихъ покояхъ съ неразлучною фавориткою, фрейлиною Менгденъ! Фрейлина была очень довольна, что «мы попали въ правительство.» Какъ только схватили страшнаго, ненавистнаго герцога курляндскаго, такъ правительница подарила своей фавориткѣ четыре кафтана Бирона, да три кафтана сына его Петра; Менгденъ занялась спарываніемъ съ нихъ позументовъ и отдала на выжигу; вышло изъ выжиги четыре шандала, шесть тарелокъ, двѣ коробки. Но щедрость правительницы не ограничилась позументами: пошли подарки по 1000, по 2000, по 3000, иногда по десяти и по тридцати тысячъ; дана была и мыза Оберъ-Паленъ въ дерптскомъ уѣздѣ [37].

Съ Анной Леопольдовной и съ фавориткою Миниху легко было ужиться тѣмъ болѣе, что Менгденъ была его родственница. Ни одинъ изъ русскихъ вельможъ, стоявшихъ наверху, не могъ быть ему опасенъ; но былъ человѣкъ, который привыкъ считать себя необходимымъ въ управленіи Россійскою имперію, и привыкъ считать себя первымъ по способностямъ и опытности: то былъ оракулъ—Остерманъ. Биронъ не любилъ Остермана и подставлялъ ему соперниковъ, то Волынскаго, то Бестужева-Рюмина, но Остерманъ продолжалъ сохранять свое положеніе. Теперь Биронъ въ крѣпости, Бестужевъ-Рюминъ въ крѣпости; но первымъ министромъ Минихъ, который не будетъ доволенъ однимъ титуломъ, который во всѣхъ дѣлахъ, и особенно внѣшнихъ, будетъ давать чувствовать свое значеніе перваго министра; и дѣйствительно первымъ его дѣломъ было отстраненіе Остермана отъ департамента иностранныхъ дѣлъ возведеніемъ его въ званіе генералъ-адмирала. Наблюдательные иностранцы писали къ своимъ дворамъ: «Остерманъ никогда не терпѣлъ совмѣстника въ главномъ управленіи дѣлами Россіи, а теперь онъ на мѣстѣ далеко не на первомъ и можетъ быть въ отчаяніи, видя

фельдмаршала первымъ министромъ. Должно думать, что Остерманъ въ настоящее время считаетъ себя обезчещеннымъ на весь міръ человѣкомъ, если не выйдетъ изъ этого положенія посредствомъ паденія фельдмаршала.» Иностранцы предполагали, что Остерманъ для сверженія Миниха рѣшится дѣйствовать и въ пользу цесаревны Елисаветы [38]. Но для этого Остерману не нужно было такъ далеко ходить; ему не трудно было свергнуть Миниха и посредствомъ принцессы-правительницы и ея мужа. Знаменитый фельдмаршалъ, покоритель Данцига, Очакова и Хотина, свергнувшій регента, не имѣлъ ни въ комъ и ни въ чемъ опоры, былъ безсильнѣе Бирона, ибо не былъ правителемъ, не имѣлъ въ рукахъ своихъ верховной власти, права всѣмъ распоряжаться; слѣдовательно не имѣлъ возможности распоряжаться въ свою пользу, для своего утвержденія и безопасности; правительница назначила его первымъ министромъ, правительница могла и лишить его этого званія, и никто не могъ ей въ томъ помѣшать, некому было заступиться за фельдмаршала. Вся сила Миниха основывалась на расположенія къ нему Анны Леопольдовны; но какого рода было это расположеніе! это не была сильная привязанность къ человѣку, отсутствіе котораго производило бы около ея пустоту, безъ котораго ей тяжело было обойтись; подавить привязанность къ такому человѣку очень трудно, для этого нужно по крайней мѣрѣ очень много времени, ибо внушенія, дѣлаемыя противъ такого человѣка, противъ его достоинства и вѣрности, непріятно раздражаютъ, съ такими внушеніями подходить опасно; но отношеніе Анны Леопольдовны къ Миниху было совершенно другаго рода: она не чувствовала къ нему никакого особеннаго расположенія, ей было скучно съ нимъ какъ со всякимъ другимъ, кромѣ Юліаны Менгденъ и еще когонибудь; единственное чувство, которое связывало ее съ нимъ, это было чувство благодарности за освобожденіе отъ Бирона; но благодарность—чувство тяжелое, если не поддерживается другими чувствами, если нужно безпрестанно говорить самому себѣ: «я долженъ быть расположенъ къ этому человѣку, потому что онъ оказалъ мнѣ услугу,» тогда какъ внутренняго влеченія къ нему нѣтъ никакого. На такомъ-то непрочномъ основаніи утверждалось значеніе и могущество Миниха! Еслибы и при этомъ Аннѣ Леопольдовнѣ постоянно внушали, что она должна дер-

жаться Миниха, какъ человѣка вѣрнаго и необходимаго, то конечно она бы и держалась его, и съ теченіемъ времени привыкла къ нему; но тутъ именно близкіе люди употребляли всѣ старанія, чтобъ увѣрить правительницу въ неблагонамѣренности и опасныхъ замыслахъ фельдмаршала, знаменитаго честолюбца, который не можетъ быть доволенъ ничѣмъ; а можно ли сохранять благодарность къ такому человѣку, который все дѣлаетъ только для удовлетворенія своему честолюбію, и если вчера свергнулъ одного, то завтра свергнетъ также легко другого, чтобъ никто не стоялъ на его дорогѣ. Минихъ даже опаснѣе Бирона, потому что даровитѣе и отважнѣе его. При такихъ внушеніяхъ, безъ средствъ и охоты опровергать ихъ, медлить можно было только изъ чувства приличія, изъ страха, что скажутъ! человѣкъ оказалъ такую услугу, а ему отплатили неблагодарностію!

Если легко было подкопать хрупкое основаніе Минихова могущества, то Остерманъ, которому очень хотѣлось это сдѣлать, не могъ, да и не желалъ сдѣлать это прямо, одинъ. У него были хорошіе помощники, и прежде всего принцъ Антонъ. Принцъ Антонъ, несмотря на сверженіе Бирона, былъ опять недоволенъ; Минихъ явно пренебрегъ имъ, ведя дѣло сверженія Бирона съ Анною Леопольдовною, ея именемъ, ее провозгласилъ правительницею, тогда какъ другіе хотѣли правителемъ его, принца Антона. Ему дали званіе генералиссимуса, но и то не съ полнымъ значеніемъ: фельдмаршалъ Минихъ не хочетъ признавать своего подчиненія генералиссимусу, пишетъ къ нему не такъ, какъ подчиненные должны писать къ начальникамъ. Даже въ самомъ указѣ о назначеніи принца генералиссимусомъ Минихъ включилъ оскорбительныя выраженія: хотя фельдмаршалъ графъ Минихъ, за знаменитыя услуги, оказанныя имъ государству, имѣлъ право разсчитывать на мѣсто генералиссимуса: однако онъ отказывается отъ него въ пользу герцога Антона Ульриха, отца императора, довольствуясь мѣстомъ перваго министра. Принцъ замѣчаетъ, что о важныхъ дѣлахъ фельдмаршалъ ему не представляетъ, представляетъ только о ничтожныхъ. Въ печальномъ положеніи принцъ прибѣгаетъ къ оракулу: Остерманъ вполнѣ раздѣляетъ его негодованіе и даже, говорятъ, первый возбуждаетъ неудовольствіе принца [39].

Съ Остерманомъ заодно дѣйствуетъ издавна неразрывный съ нимъ оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ. Есть также изъ Русскихъ одинъ, близкій къ правительницѣ человѣкъ и родственникъ, графъ Михаилъ Головкинъ, который недоволенъ вице-канцлерствомъ съ подчиненіемъ Миниху, и мечтаетъ управлять всѣми внутренними дѣлами.

На бѣду свою фельдмаршалъ захворалъ тотчасъ послѣ своего торжества: пищевареніе совершенно разстроилось, поднялось колотье въ боку. Говорили, что причиною болѣзни было приказаніе правительницы уменьшить глубокій трауръ, какой надѣлъ Минихъ по императрицѣ Аннѣ и какой носилъ бывшій регентъ; говорили, что Минихъ недолго останется на своемъ мѣстѣ, что его никто не любитъ, и какое счастіе было бы для Россіи, для Анны Леопольдовны, для него самого и для его семейства, еслибъ онъ теперь умеръ. Болѣзнь Миниха облегчила врагамъ его возможность дѣйствовать, какъ нѣкогда болѣзнь оказала ту же услугу врагамъ Меншикова. Въ концѣ декабря иностранные министры уже пишутъ къ дворамъ своимъ: «Трое самыхъ главныхъ лицъ работаютъ противъ Миниха: Головкинъ, Остерманъ и Левенвольдъ» [40]. Генварь и февраль 1741 года прошли въ тѣхъ же работахъ. Каждый вечеръ принцъ Антонъ сидѣлъ у Остермана, и тотъ настаивалъ, чтобъ принцъ жаловался женѣ на недостойное обращеніе съ нимъ фельдмаршала. Въ генварѣ 1741 года правительница нашла на своемъ туалетѣ письмо, написанное какъ будто за границею: въ немъ говорилось, какъ опасно ей полагаться совершенно на одну фамилію и притомъ иностранную, вслѣдствіе чего состояніе природныхъ подданныхъ ея сына не улучшится, хотя и нѣтъ болѣе Бирона. Съ другой стороны принцъ приступилъ съ жалобами, и Минихъ получилъ указъ сноситься съ генералиссимусомъ обо всѣхъ дѣлахъ и писать къ нему по установленной формѣ. Это былъ тяжелый ударъ Миниху. Но Остерманъ готовитъ и другіе удары, и чтобъ сдѣлать ихъ подѣйствительнѣе онъ уже не полагается на другихъ, дѣйствуетъ самъ. Въ царствованіе императрицы Анны онъ по цѣлымъ годамъ не выходилъ изъ своей комнаты; а теперь больного очень часто носятъ къ правительницѣ. Оракулъ внушаетъ Аннѣ Леопольдовнѣ, что первый министръ несвѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ, которыми онъ, Остерманъ, управлялъ въ продолженіи двадцати лѣтъ; что

по своей неопытности Минихъ можетъ вовлечь Россію въ большія непріятности; что онъ, Остерманъ, былъ бы очень радъ сообщать первому министру всѣ нужныя свѣдѣнія, но болѣзненное состояніе мѣшаетъ ему ѣздить къ фельдмаршалу. Остерманъ внушаетъ также, что Минихъ одинаково несвѣдущъ и во внутреннихъ дѣлахъ имперіи, потому что всегда былъ занятъ только военными дѣлами. И эти внушенія подѣйствовали: 28 генваря 1741 года кабинетъ-министры получили именной указъ: «Такъ какъ нѣкоторые изъ васъ, кромѣ присутствія въ кабинетѣ, дѣлами другихъ департаментовъ заняты и не столько времени къ безпрестанному въ кабинетѣ присутствію имѣютъ: то разсудилось намъ, дабы входящія въ нашъ кабинетъ дѣла вдругъ и безостановочно теченіе свое имѣли, разсматривать дѣла по департаментамъ: 1) Первому министру, генералъ фельдмаршалу графу фонъ-Миниху вѣдать все, что касается до всей нашей сухопутной полевой арміи, всѣхъ иррегулярныхъ войскъ, артиллеріи, фортификаціи, кадетскаго корпуса и Ладожскаго канала, рапортуя обо всемъ томъ герцогу брауншвейгъ-люнебургскому. 2) Генералъ-адмиралу графу Остерману вѣдать все то, что подлежитъ до иностранныхъ дѣлъ и дворовъ, также адмиралтейство и флотъ. 3) Великому канцлеру князю Черкаскому и вице-канцлеру графу Головкину вѣдать все то, что касается до внутреннихъ дѣлъ по сенату и синоду, и о государственныхъ по камеръ-коллегіи сборахъ и другихъ доходахъ, о коммерціи, о юстиціи. Каждый кабинетъ-министръ разсматриваетъ входящія въ его департаментъ дѣла, но подлежащія до кабинетскаго и нашего рѣшенія отсылаетъ въ подлежащія мѣста съ запискою, а по надлежащимъ до кабинета мнѣніе свое подписываетъ и такъ ли тому быть сообщаетъ прочимъ министрамъ для соглашенія; если же по какому-нибудь департаменту случится такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣннаго общаго разсужденія, о такомъ тотчасъ учинить общій совѣтъ.» Принцъ Антонъ говорилъ англійскому посланнику Финчу: «Я имѣлъ горячіе споры съ фельдмаршаломъ. Хотя я много одолженъ имъ въ походахъ, хотя онъ можетъ быть мнѣ полезенъ на своемъ настоящемъ мѣстѣ и недавно оказалъ услугу: однако изъ того не слѣдуетъ, чтобъ ему быть здѣсь верховнымъ визиремъ. Если онъ будетъ такъ умѣренъ, что согласится на настоящія распоряженія (указъ 28 ген-

варя), то нѣтъ намѣренія дѣлать ему какой-нибудь вредъ; но если онъ станетъ слушаться только неумѣреннаго своего честолюбія и природной жестокости своего нрава, то можетъ своею глупостію навлечь на себя гибель»[41]. Минихъ согласился на раздѣленіе департаментовъ; но отъ этого положеніе его не улучшилось. При докладахъ перваго министра правительница казалась затрудненною множествомъ предметовъ, отговаривалась неимѣніемъ времени, призывала на помощь принца Антона. Минихъ рѣшился прекратить такое невыносимое для него положеніе дѣлъ требованіемъ отставки, при чемъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, надѣялся, что испугаются, станутъ упрашивать и примутъ всѣ его условія. Сначала правительница дѣйствительно была смущена этимъ требованіемъ и отвѣчала, что не можетъ обойтись безъ совѣтовъ фельдмаршала; но фельдмаршалъ не довольствовался этимъ отвѣтомъ и поставилъ условіемъ продолженія своей службы, чтобъ все было постарому, какъ въ первые два мѣсяца правленія Анны. Объ этомъ надобно было подумать: принцъ Антонъ пріѣзжаетъ къ графу Головкину съ задняго крыльца, сидитъ съ нимъ цѣлый часъ, послѣ чего выходитъ заднимъ же крыльцемъ и отправляется къ Остерману, куда пріѣзжаетъ и графъ Головкинъ. Втроемъ совѣщаются они три часа, и вслѣдствіе этого совѣщанія на оберъ-гофмаршала Левенвольда и на сына Миниха возлагается порученіе объявить фельдмаршалу, что онъ получаетъ столь желаемую имъ отставку. Принцесса Анна такъ объясняла причины этого рѣшенія саксонскому посланнику Линару: «Фельдмаршалъ неисправимъ въ своемъ доброжелательствѣ къ Пруссіи, хотя я много разъ объявляла ему свою рѣшительную волю помочь императрицѣ Маріи Терезіи; также мало обратилъ онъ вниманія на внушеніе, чтобъ исполнялъ приказанія моего мужа, какъ мои собственныя; мало того, онъ поступаетъ вопреки и собственнымъ моимъ приказаніямъ, выдаетъ свои приказы, которые противорѣчатъ моимъ. Долѣе имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ значитъ рисковать всѣмъ»[42].

3 марта 1741 года принцу Антону приносятъ бумагу: «Указъ нашему генералиссимусу: всемилостивѣйше указали мы нашего перваго министра и генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, что онъ самъ насъ проситъ за старостію и что въ болѣзняхъ

находится и за долговременныя намъ и предкамъ нашимъ и государству нашему вѣрныя и знатныя службы его отъ военныхъ и статскихъ дѣлъ уволить и нашему генералиссимусу учинить о томъ по сему нашему указу. Именемъ его императорскаго величества Анна» [43]. Принцъ Антонъ на радостяхъ распорядился: на петербургскихъ улицахъ раздался барабанный бой и народу торжественно читался указъ объ отставкѣ перваго министра. Минихъ страшно оскорбился: мало того, что ему объявили отставку, не дождавшись отъ него письменнаго прошенія, теперь объявили объ этомъ народу при барабанномъ боѣ! Анна Леопольдовна, у которой и безъ того лежалъ на сердцѣ поступокъ съ человѣкомъ, спасшимъ ее отъ Бирона и сдѣлавшимъ правительницей, которая по слабости только уступила настояніямъ принца Антона, Остермана и Головкина, — Анна Леопольдовна сильно была недовольна распоряженіемъ супруга и послала сказать Миниху, что готова дать ему какое угодно удовлетвореніе за эту обиду. Минихъ отвѣчалъ, что вполнѣ удовлетворенъ, получивши такіе знаки милости отъ правительницы. Несмотря на то, сенатъ долженъ былъ отправить къ нему троихъ изъ своихъ членовъ съ извиненіями [44].

Говорили, что отставкѣ Миниха много способствовали показанія Бирона. Дѣйствительно и Биронъ, и Бестужевъ въ отвѣтахъ своихъ складывали на Миниха вину избранія Бирона въ регенты; кромѣ того Биронъ старался обвинить Миниха въ чемъ только могъ, въ нерасположеніи къ родителямъ императора и въ опасныхъ замыслахъ. Но дѣло въ томъ, что Биронъ началъ выставлять съ дурной стороны Миниха, когда узналъ о паденіи перваго министра. «Что онъ Биронъ вступилъ въ дѣло о правительствѣ, въ томъ онъ Минихъ главнѣйшую имѣетъ винность, ибо онъ первѣйше ему о томъ говорилъ и непрестанно просилъ и возбуждалъ, и понеже онъ Биронъ всегда съ нимъ въ особливомъ дружелюбіи пребывалъ, того ради инако подумать не могъ, что онъ Минихъ его Бирона съ такимъ горячествомъ къ тому дѣлу, которое наилучше выдумано, присовѣтовать будетъ, и по тому присовѣтованію его Минихову основаніе есть къ сему худому дѣлу. Сіе все и другимъ многимъ извѣстно, но никто не дерзаетъ все то сказать, что вѣдаетъ, какъ ему Бирону и самому было, ежелибъ онъ Биронъ сперва, какъ генералъ Ушаковъ въ Шлюссельбургѣ былъ,

открылъ то, что Минихъ впервые ему о томъ предлагалъ, тобъ онъ Биронъ нынѣ можетъ быть и въ живыхъ уже не былъ; онъ де того не говоритъ, что онъ впервыхъ на то мнѣніе пришелъ, но онъ ему впервыхъ предлагалъ, а слова и дѣло не одно, но великая въ томъ состоитъ разность, ибо иной много говоритъ, а мало исправитъ, а онъ Минихъ дѣйствительно исправилъ, что другіе говорили.»

«Фельдмаршала, продолжалъ показывать Биронъ, я за подозрительнаго держу той ради причины, что онъ съ прежнихъ временъ себя къ Франціи склоннымъ показывалъ, а Франція, какъ извѣстно, съ Россіею недовольна, и французскія интриги распространяются и до всѣхъ концовъ свѣта. Посолъ (Шетарди) инструкцію свою, которую онъ получилъ, никому не открываетъ, а фельдмаршалу онъ однако же сказывалъ, что онъ нѣкоторую получилъ. Его фамилія впервые сказывала мнѣ о прожектѣ принца голштинскаго и о величинѣ его, а нравъ графа фельдмаршала извѣстенъ, что имѣетъ великую амбицію и притомъ десператъ и весьма интересоватъ. Такожъ слыхалъ я отъ него, что преображенская гвардія нынѣ его болѣе любитъ, нежели при жизни блаженной памяти императрицы; такожъ сказывалъ онъ мнѣ однажды по кончинѣ императрицы, что онъ нѣкоторые полевые полки остановить или ближе къ Петербургу приступить велѣлъ, на которыхъ онъ надѣяться можетъ; а къ чему онъ ихъ употребить хотѣлъ, того онъ мнѣ не сказывалъ, и я его не спрашивалъ же. А послѣ того времени принялъ я въ разсужденіе, что у него первый и люднѣйшій гвардіи полкъ и почти вся армія подъ командою, а потому жъ пришли и вышеобъявленныя обстоянія: того ради воспріялъ я намѣреніе о семъ его императорскаго величества высокимъ родителямъ объявить и мнѣніе свое о фельдмаршалѣ обѣимъ ихъ императорскимъ высочествамъ я открылъ бы, но понеже его фамилія въ милости обращалась, того ради въ томъ отважиться не хотѣлъ. О Ханыковѣ я твердо и свято помыслилъ, что онъ намѣреніе свое не въ пользу его императорскаго величества или высокихъ его родителей предвоспріять хотѣлъ, но чаялъ я конечно и подлинно, что когда бъ онъ собралъ великое число солдатъ, тобъ объявилъ принца голштинскаго, чего ради приказывалъ я генералу Ушакову, такожъ и Трубецкому наижесточайше экзаминовать,

что не имѣлъ ли онъ какого другаго намѣренія. Еще приходитъ мнѣ на память, что назадъ тому года съ два принесли ко мнѣ съ почтоваго двора письмо, писанное къ ея императорскому величеству блаженной памяти, и какъ я то письмо ея императорскому величеству вручилъ, то оное распечатала и письмо было понѣмецки, а ничьею рукою не подписано, а въ ономъ донесено, что принцъ голштинскій тайно въ греческой религіи обучается. Письма мои явно свидѣтельствовать могутъ, была ль когда у меня корреспонденція съ голштинскимъ дворомъ, кромѣ того, что когда поздравительныя письма къ новому году ко мнѣ писаны и я ему благодарствовалъ. Помнится, что онъ къ императрицѣ писалъ собственною рукою русское письмо, о которомъ ея императорское величество мнѣ сказывала, что собственная его рука, и въ ономъ покойный герцогъ весьма преклонительно ея просилъ, чтобъ приказать ему 100.000 рублей дать, ибо находится онъ въ великомъ недостаткѣ, и желалъ ея императорскому величеству въ войнѣ ея счастія и благословенія. Притомъ просилъ онъ, чтобъ его увѣдомить о ея императорскаго величества мнѣніи, апробуетъ ли она, ежели онъ намѣреніе воспріемлетъ, между сыномъ своимъ и принцессою курляндскою бракъ предложить; и какъ ея императорское величество мнѣ оное сказывала, то отвѣтствовалъ я: «Сіе есть удивительный бракъ; дочь моя, по милости вашего императорскаго величества, можетъ и безъ его сына мужа достать; мнѣ королевскаго высочества въ зятья не надобно, пускай онъ съ Богомъ его женитъ, гдѣ онъ хочетъ. Императрица отвѣтствовала: «А мнѣ онъ думаетъ симъ способомъ 100.000 рублевъ достать;» взяла письмо и бросила въ камелекъ въ лѣтнемъ домѣ, и говорила: «Вотъ тебѣ отвѣтъ! Онъ у Басевица выучился плутовать.» Наконецъ Биронъ старался выставить Миниха эгоистомъ и неблагодарнымъ, именно такимъ человѣкомъ, съ которымъ, какъ выражалась правительница, всѣмъ рисковать можно: «Поступки его въ свѣтѣ уже извѣстны, говорилъ Биронъ: какъ фельдмаршалъ Флемингъ въ убожествѣ его принялъ и всякое добро ему дѣлалъ, а онъ ему какую мзду воздать хотѣлъ! Графъ Ягужинскій много его защищалъ, а онъ его въ несчастіе привелъ и старался лишить живота и напослѣдокъ сослать въ Сибирь; графа Остермана, который его всегда добрымъ показывалъ и защищалъ и вѣрно съ

нимъ поступалъ, старался онъ десять лѣтъ лишить чести, живота и имѣнія; графа Остермана старался онъ весьма со мною ссорить, токмо то не удалось. Ежели всѣ его фельдмаршаловы дѣйствія, предвосприятыя во время войны въ разсужденіе приняты будутъ, то явно покажется, съ осмотрительною ли осторожностію, или отчаяніемъ произведены. Когда бы въ немъ совѣсть была, то бы онъ втайнѣ мнѣ присовѣтовать могъ, чтобъ сей чинъ (регентство) сложилъ, что ему по правдѣ и чинить было должно, для того, что онъ первый ему къ тому присовѣтовалъ. А что напослѣдокъ со мною учинилъ, и то не отъ ревности къ его императорскому величеству или государству, но къ тому возбудили и привели его три причины: 1) увидалъ, что народъ былъ въ безпокойствѣ, и для того хотѣлъ себя напередъ показать, понеже когда бы дошло до слѣдствія, то бы явно показалось, что онъ впервые мнѣ предлагалъ и болѣе въ томъ побужденіе чинилъ; 2) чтобъ получить отъ его императорскаго величества милость и потомъ чрезмѣрную свою амбицію удовольствовать; 3) свою несытность насытить.»

По поводу обвиненія въ намѣреніи ввести въ Петербургъ армейскіе полки, также взять изъ гвардейскихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго, дворянъ и распредѣлить ихъ по другимъ полкамъ, а въ гвардію набрать изъ мужиковъ, — Биронъ также указалъ на Миниха: «О раскасованіи гвардіи полковъ и о навербованіи другими онъ не говорилъ, кромѣ того, что какъ при жизни ея величества, такъ и послѣ говаривалъ онъ, что лучше бъ въ тѣхъ полкахъ солдатамъ быть не изъ дворянъ, а дворянъ производить въ офицерство, понеже оные чрезъ многіе годы въ солдатствѣ продолжаются безъ произвожденія. О другихъ полкахъ, какъ припомнить онъ могъ, сказывалъ ему генералъ-фельдмаршалъ неоднократно, что онъ нѣкоторые полевые полки привелъ къ С.-Петербургу, ибо онъ на тѣ полки надеженъ, а для чего онъ то чинилъ и въ чемъ на нихъ надежду имѣлъ, того не открылъ.» Наконецъ Биронъ набросилъ тѣнь и на сына Минихова, гофмейстера, женатаго на Менгденъ, сестрѣ фаворитки: «Бестужеву о шпіонахъ говорилъ ли я, что при дворѣ ихъ императорскихъ высочествъ отъ меня имѣются, того не упомню, только я имѣлъ надежду на гофмейстера, графа фонъ-Миниха: онъ мнѣ обо всемъ, что при дворѣ ея высочества обо

мнѣ, или объ чемъ другомъ новомъ услышитъ, за то, что я ему награжденіе чинить обнадежилъ, сообщать обѣщалъ, ибо ему лучшій къ тому случай былъ, что его своячина при ея высочествѣ въ ближайшей милости находится, въ чемъ и надежду на него имѣлъ; только онъ мнѣ ничего не сообщалъ за краткостію времени до моего несчастія.»

Старанія Бирона сложить всю вину на Миниха нисколько не облегчили его собственной участи. Генералитетская коммиссія, состоявшая изъ осьми членовъ (графа Чернышева, Хрущова, Лопухина, Бахметева, Новосильцова, Яковлева, Квашнина-Самарина, Соковнина), 8 апрѣля приговорила казнить бывшаго регента смертію, четвертовать, и все имѣніе отобрать въ казну; но 14 апрѣля изданъ былъ манифестъ, въ которомъ отъ имени императора говорилось: «Какъ мы, по природному нашему великодушію и въ разсужденіи добровольнаго признанія, какъ всегда, такъ и нынѣ особливо къ милости больше склонны: такъ указали мы его отъ смертной казни всемилостивѣйше освободить, а напротивъ того со всею его фамиліею, тако жъ и братьевъ его обоихъ и зятя Бисмарка, которые въ винѣ оскорбленія величества явно съ нимъ обще приличились, по отписаніи всего ихъ имѣнія на насъ, въ вѣчномъ заключеніи содержать, дабы тяжкое оное гоненіе и наглыя обиды, которыя вѣрные наши подданные отъ него претерпѣли, безъ всякаго взысканія не остались, тако жъ всему тому, что нашему государству и общему покою и благополучію опасно и вредительно быть можетъ, такимъ образомъ вдругъ предупреждено было.» Этотъ любопытный манифестъ начинается воспоминаніемъ о Годуновѣ, который, по искорененіи древней фамиліи россійскихъ царей, избранъ на царство своими совѣтниками и единомышленниками, и привелъ было Россію къ совершенному паденію, еслибы премудрый Промыслъ Божій этому не воспрепятствовалъ. — Всякій легко могъ понять, къ чему клонилась рѣчь о Годуновѣ; но послѣ Годунова поведена рѣчь о двоевластіи, бывшемъ при царѣ Михаилѣ, сказано, что народъ, боясь прежнихъ коварствъ, просилъ его величество принять въ помощники и правители отца своего, патріарха Филарета, которому данъ былъ и титулъ великаго государя, а отъ этого самаго времени Россійская имперія высочайше процвѣла и распространилась.—Если этимъ намекомъ хотѣли указать, что

Россія процвѣтетъ и распространится въ правленіе матери императора, то намекъ былъ неудаченъ, потому что при царѣ Михаилѣ соправителемъ былъ отецъ. Очень можетъ быть, что манифестъ былъ составленъ Остерманомъ или по его мысли, и нарочно былъ вставленъ намекъ на необходимость быть правителемъ отцу императора.

Далѣе манифестъ обращается опять къ сравненію Бирона съ Годуновымъ и обвиняетъ герцога курляндскаго въ невинномъ пролитіи крови и въ мучительномъ заточеніи многихъ знатныхъ особъ духовнаго и свѣтскаго чина, обвиняетъ въ коварствахъ и интригахъ, направленныхъ противъ родителей императора; обвиняетъ въ томъ, что онъ, Биронъ, «чрезъ своихъ креатуръ различные способы употреблялъ въ Россійской имперіи яко самовластному государю быть, у насъ самодержавную власть вовсе отнять и нашихъ родителей отъ правленія исключить.» И здѣсь говорится о замыслѣ исключить изъ правленія обоихъ родителей. Потомъ Биронъ обвиняется въ полученіи, не по достоинству своему, неисчислимаго богатства, тогда какъ въ Россію прибылъ въ «мизерномъ состояніи» [45].

Биронъ былъ сосланъ въ Пелымь, гдѣ для него былъ выстроенъ домъ, какъ говорятъ, по рисунку Миниха [46]: знакъ, что судьба герцога курляндскаго была рѣшена уже давно, когда еще Минихъ былъ первымъ министромъ. Сосланы были его братья, своякъ Бисмаркъ; но вмѣстѣ съ Бирономъ и Бисмаркомъ арестованъ былъ русскій человѣкъ, вполнѣ преданный регенту, кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ. Одно изъ обвиненій Бирону было: «Вы Бестужева всегда фаворитомъ имѣли и въ кабинетъ министромъ ввели съ великимъ презрѣніемъ и поношеніемъ прежнихъ министровъ.» И въ обвиненіяхъ Бестужеву выставлено исканіе и полученіе благосклонности бывшаго регента: 1) бывъ въ Копенгагенѣ, съ Бирономъ корреспонденцію имѣлъ и во время перваго его въ С.-Петербургъ пріѣзда искалъ онъ въ немъ, дабы чрезъ него получить кавалерію Александра Невскаго и прибавку жалованья, что и получилъ. Когда посланъ паки въ Копенгагенъ, то онъ Биронъ произвелъ его тайнымъ совѣтникомъ и еще обѣщалъ произвесть въ кабинетъ-министры и отцу его въ винѣ прощеніе исходатайствовать. 2) По повелѣнію Бирона у датскаго двора старался, чтобъ Бирону титулъ свѣтлости

приданъ былъ. 3) Послѣ вторичнаго пріѣзда Бестужева въ Петербургъ, Биронъ произвелъ его въ кабинетъ-министры. Потомъ слѣдуютъ обвиненія въ извѣстномъ уже стараніи Бестужева доставить Бирону регентство и удержать его за нимъ. Бестужевъ велъ себя дурно при допросахъ: сначала обговаривалъ Бирона, потомъ, когда Минихъ пересталъ быть въ силѣ, началъ признаваться, что наговаривалъ ложно на бывшаго регента, желая угодить Миниху и получить посредствомъ него облегченіе своей участи; просилъ помилованія для страданія Спасителя, для здравія и благополучія императора и родителей его. Но коммиссія 27 января 1741 года опредѣлила: Бестужева четвертовать [47].

Бестужева четвертовать; но въ томъ же самомъ стараніи утвердить за Бирономъ регентство сверженный регентъ обвинялъ и другихъ. По его показаніямъ привлечены были къ дѣлу и оказались виновны: фельдмаршалъ графъ Минихъ, канцлеръ и кабинетъ-министръ князь Черкасскій, генералъ Ушаковъ, оберъшталмейстеръ князь Куракинъ, адмиралъ графъ Головинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, оберъ-маршалъ графъ Левенвольдъ, тайный совѣтникъ баронъ фонъ-Менгденъ, тайный совѣтникъ фонъ-Бревернъ, генералъ-майоръ Албрехтъ. 24 апрѣля имъ было объявлено прощеніе; объявленіе это оканчивалось такъ: «Хотя по онымъ явнымъ обличеніямъ, по силѣ правъ государственныхъ, надлежало о такомъ вредительномъ намъ самимъ и нашимъ родителямъ и опасаемомъ всей нашей Россійской имперіи дѣлѣ въ конецъ дослѣдовать; однакожъ мы, по природному нашему великодушію, изъ высочайшей нашей имп. величества милости, васъ во всемъ томъ прощаемъ, въ томъ упованіи, что впредь, по должности своей данной намъ присяги, вѣрно и истинно поступать будете и къ такимъ бездѣльнымъ вредительнымъ дѣламъ приставать не станете.» Бестужеву-Рюмину также было объявлено прощеніе съ тѣмъ, чтобъ подробно описалъ все, какъ Биронъ достигъ регентства; но по указу 22 мая онъ былъ сосланъ въ отцовскую пошехонскую деревню на житье безъ выѣзду, а женѣ его и дѣтямъ пожаловано на пропитаніе 372 души въ бѣлозерскомъ уѣздѣ, оставшіяся за раздачею [48].

Не сочли неблагоразумнымъ, опаснымъ для новаго правительства дважды оскорбить главныхъ лицъ въ государствѣ, оскор-

бить обвиненіемъ и прощеніемъ. Миниха простили вмѣстѣ съ другими; но въ манифестѣ о винахъ Бирона обнародовано и обвиненіе человѣку, свергнувшему Бирона; въ числѣ винъ бывшаго регента читали: «Вѣдая подлинно, что нѣкоторая знатная персона по своимъ поступкамъ еще при жизни нашей государыни бабки подозрительна была въ томъ: 1) что съ такимъ иностраннымъ дворомъ дружбою собязана, который Россіею недоволенъ; 2) нѣкоторыхъ изъ Россіянъ, честныхъ заслуженныхъ людей, въ несчастіе привелъ и старался лишить живота и имѣнія; 3) имѣлъ (Биронъ) изъ его писемъ довольное основаніе, что упомянутая персона къ россійскимъ честнымъ людямъ и ко всей націи весьма золъ, и о томъ по самое свое паденіе молчалъ и потакалъ, и съ нимъ крайнѣйшее дружество имѣя, во всѣхъ своихъ дѣлахъ и начинаніяхъ на него крѣпкую надежду полагалъ.»

Бывшаго перваго министра постарались выставить «персоною, къ россійскимъ честнымъ людямъ и ко всей націи весьма злою,» и, разумѣется, должны были предполагать, что персона будетъ за это весьма зла. Въ страхѣ предъ этою злостію не знали, что̀ дѣлать съ Минихомъ, куда его дѣвать. Удалить его въ ближайшее ингерманландское помѣстье — опасно: будетъ знать обо всемъ, что̀ дѣлается въ Петербургѣ, и по характеру своему не останется въ покоѣ. Назначить ему пребываніе въ его лифляндскихъ владѣніяхъ? но онъ тамъ, окруженный своими, можетъ предпринять что-нибудь въ пользу Шведовъ. Въ украинскихъ? но и прежде, при императрицѣ Аннѣ, не дали ему главнаго начальства въ Малороссіи, дали Кейту, боясь, чтобъ Минихъ не поднялъ козаковъ. Боялись оставить его въ Россіи, боялись выпустить за границу [49]. Были даже внушенія, что всего безопаснѣе сослать Миниха туда, гдѣ онъ не будетъ знать того, что̀ дѣлается въ Петербургѣ, не будетъ въ состояніи ни поднимать козаковъ, ни помогать Шведамъ — сослать въ Сибирь, и внушеніямъ этимъ послѣдовали бы, еслибы фрейлина Менгденъ не заступилась за своего родственника. А боялись Миниха сильно: стража во дворцѣ была удвоена; шпіоны слѣдили повсюду за фельдмаршаломъ и доносили о всякомъ его поступкѣ; принцъ и принцесса брауншвейгскіе каждую ночь мѣняли спальни до тѣхъ поръ, пока Минихъ не перебрался изъ ихъ сосѣдства на другой берегъ Невы [50].

Регентъ Биронъ сосланъ; Минихъ уже не первый министръ, онъ и фельдмаршалъ только по имени, лишился всякаго значенія; Бестужевъ сосланъ: кто же остался? остался невредимъ тотъ, кого и прежде величали душею кабинета, Остерманъ, остался не заподозрѣннымъ; даже и тѣло кабинета, князь Алексѣй Михайловичъ Черкаскій подвергся слѣдствію, и обвиненъ, ибо получилъ прощеніе въ винѣ; одинъ Остерманъ вышелъ чистъ, безучастенъ въ дѣлѣ Биронова регентства. Никогда еще Остерманъ не былъ такъ могущественъ, какъ въ первое время послѣ паденія Миниха. «Можно безъ преувеличенія сказать, писали послы иностранные, что Остерманъ теперь настоящій царь всероссійскій; онъ имѣетъ дѣло съ принцемъ и принцессою, которые по своимъ лѣтамъ и по тому положенію, въ какомъ ихъ держали, не могутъ имѣть никакой опытности, никакихъ свѣдѣній» [51]. Теперь взглянемъ, въ какомъ положеніи находились внутреннія и внѣшнія дѣла въ рукахъ перваго министра Миниха и великаго адмирала Остермана.

Мы видѣли, что по указу 28 генваря, для отнятія слишкомъ обширной власти у перваго министра, кабинетъ былъ раздѣленъ на три департамента—военный, внѣшнихъ дѣлъ вмѣстѣ съ морскимъ и внутреннихъ дѣлъ. По военному департаменту въ правленіе Миниха вышелъ именной указъ 31 генваря, подтверждающій распоряженіе предшествовавшаго царствованія объ отставкѣ военныхъ чиновъ по выслугѣ 25 лѣтъ, считая отъ 20. Какъ сказано въ самомъ указѣ, онъ былъ вызванъ тѣмъ, что распоряженіе императрицы Анны не исполнялось, ибо когда по окончаніи турецкой войны всѣ бросились въ отставку, то почли нужнымъ затормозить движеніе, придумывая различныя ограниченія и затрудненія, какъ напримѣръ, стали требовать, чтобъ просящійся въ отставку представлялъ аттестаты отъ всѣхъ полковъ, гдѣ бы ни служилъ. Поднялся, разумѣется, ропотъ: дали льготу и отнимаютъ, и вышелъ указъ 31 генваря: «Нынѣ мы усмотрѣли, что служащему въ полкахъ шляхетству отставка не только такимъ, кои по выслуженіи опредѣленныхъ 25 лѣтъ, но и тѣмъ, которые за ранами и неизцѣльными болѣзнями, за совершенною старостію и дряхлостію, имѣя при себѣ отъ полковъ и генералитета аттестаты, объ отпускѣ просятъ, почти всѣмъ генерально остановилась, а понеже мы, дабы шляхетскіе

домы въ экономіи не упадали, но отъ времени до времени въ добромъ состояніи находиться могли, имѣемъ прилежное попеченіе: того ради повелѣваемъ шляхетству отъ воинской службы отставку чинить въ нашей военной коллегіи, съ такимъ наикрѣпчайшимъ притомъ подтвержденіемъ, дабы оная коллегія въ той отставкѣ поступала съ довольнымъ разсмотрѣніемъ и свидѣтельствомъ по аттестатамъ командующаго генералитета и отъ полковъ и докторскимъ и лекарскимъ, и отставлены были такіе, кои за совершенною старостію и дряхлостію и за неисцѣлѣными болѣзнями болѣе полевой и гарнизонной службы снести не могутъ, такожде и тѣ, кои просить будутъ объ отставкѣ по экономіи, по выслуженіи, считая отъ рожденія двадцати, до сего назначенныхъ 25 лѣтъ, не взыскивая при томъ такихъ затруднительныхъ и почти невозможныхъ аттестатовъ отъ всѣхъ полковъ, въ коемъ бы кто ни служилъ» [52].

Относительно дѣлъ внутреннихъ и правительница, подобно своимъ предшественникамъ, должна была прежде всего издать популярный, но мало дѣйствительный указъ противъ изстари знаменитой *волокиты*. Въ именномъ указѣ, данномъ сенату 27 ноября 1740 года, говорилось: «Намъ не безъизвѣстно есть, коимъ образомъ не только въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, но и въ самомъ сенатѣ, по подаваемымъ отъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, а паче отъ людей бѣдныхъ и неимущихъ челобитнымъ, не только въ опредѣленномъ срокѣ, но и чрезъ долго прошедшія времена и годы рѣшенія не чинятся, и тѣ бѣдные челобитчики, таскаясь за тѣми своими дѣлами, приходятъ въ крайнее разореніе и нищету, и напослѣдокъ, не получа никакого рѣшенія, принуждены нѣкоторые и вовсе отъ дѣлъ своихъ отставать, что намъ слышать не инако, какъ зѣло прискорбно.» Такимъ челобитчикамъ велѣно подавать просьбы прямо на имя императора рекетмейстеру Фениксу «и тѣ коллегіи, и канцеляріи, и самый сенатъ, которые такихъ челобитчиковъ въ указные сроки не удовольствовали, имѣютъ быть за нерадѣніе и волокиту штрафованы» [53]. Вслѣдъ за этимъ указомъ при сенатѣ учреждена была особенная коммиссія для рѣшенія неоконченныхъ дѣлъ [54]. Велѣно подавать въ кабинетъ ежедневные рапорты о рѣшенныхъ дѣлахъ не только въ сенатѣ, какъ дѣлалось и прежде, но во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, «дабы мы могли видѣть, съ

какою ревностію и попеченіемъ данные нами указы и высочайшая воля исполняются» [55]. Но 4 марта 1741 года вдругъ вышелъ именной указъ кабинету: «Указали мы рекетмейстеру Фенину въ той должности не быть, и челобитчикамъ свои прошенія подавать въ тѣхъ мѣстахъ, кому гдѣ по прежнимъ указамъ повелѣно!» [56] Если мы обратимъ вниманіе на день выхода указа — 4 марта, а 3-го марта дана отставка Миниху, то не можемъ не придти къ заключенію, что позволеніе подавать жалобы на волокиту канцелярій, коллегій и самого сената было дѣломъ перваго министра, съ паденіемъ котораго падало постановленіе, исчезалъ и рекетмейстеръ Фенинъ.

Прежніе указы противъ нищенства оказывались также недѣйствительны, какъ и указы противъ волокиты въ судебныхъ мѣстахъ, и потому придумали запереться въ Петербургѣ отъ нищихъ; въ іюнѣ 1741 года сенатъ приказалъ нищихъ обоего пола въ С.-Петербургъ ни откуда отнюдь не пропускать [57]. Изъ указа видно, что нищіе, приходившіе въ Петербургъ, были большею частію помѣщичьи крестьяне. На сѣверозападѣ ихъ не пускали въ столицу; на юговостокѣ ихъ попрежнему пускали на Донъ и Яикъ, и оттуда попрежнему требовало ихъ правительство по жалобамъ землевладѣльцевъ [58]. Но нужно было принять мѣры противъ зла, которое дѣлало нищими и горожанъ, купцевъ богатыхъ: то было банкротство, и въ декабрѣ 1740 года изданъ былъ уставъ о банкротахъ, въ предисловіи къ которому говорилось: «Извѣстно есть, какіе убытки и ущербы отъ банкротовъ общему народу, и особливо коммерціи происходятъ, ибо отъ тѣхъ кредиту ослабленіе и купечеству остановка чинится; а надежность и имѣніе всякаго торговаго человѣка въ сомнѣніе приводится, и напослѣди множество безвинныхъ людей въ великіе убытки и часто въ крайнее разореніе и въ самую нищету приходятъ. И понеже весьма нужно, дабы оному вредительному злу всячески предупредить: того ради учиненъ сей уставъ, который частію съ правами и обыкновеніями другихъ государствъ, въ которыхъ негоція разцвѣтаетъ, сходенъ, частію жъ по обстоятельству дѣла тако потребенъ» [59].

Относительно промышленности правительство сочло нужнымъ обратить вниманіе на суконныя фабрики, которыя поставляли свои произведенія на войско, а войсковое начальство подняло

сильныя жалобы противъ дурнаго качества суконъ. Безъ сомнѣнія по настоянію перваго министра, въ январѣ 1741 года кабинету данъ былъ именной указъ—изслѣдовать, почему на русскихъ фабрикахъ дѣлаются плохія сукна. Составлена была коммиссія, которая нашла, что работы на фабрикахъ производятся медленно отъ недостатка регламентовъ, какъ поступать рабочимъ людямъ, напримѣръ, чтобъ не по своей волѣ на работу и съ работы ходить. Коммиссія нашла, что надобно учредить надъ фабриками директоровъ, которыми въ настоящее время могло быть двое: суконный фабрикантъ Степанъ Болотинъ, да иноземецъ Шмитъ: Болотинъ въ молодыхъ лѣтахъ иностраннымъ языкамъ научился, въ чужіе края ѣздилъ, а потомъ занимался купечествомъ и суконными фабриками. Тутъ же коммиссія представила и регламентъ суконнымъ и каразейнымъ фабрикамъ [60].

Въ декабрѣ 1740 года правительница возстановила запрещеніе, «чтобъ отнынѣ вновь богатыхъ съ золотомъ и серебромъ и изъ другихъ шелковыхъ парчей и штофовъ дороже отъ трехъ до четырехъ рублей платьевъ никто изъ нашихъ подданныхъ (окромѣ трехъ первыхъ классовъ и кто изъ придворныхъ нашихъ кавалеровъ сами пожелаютъ) дѣлать и носить не дерзалъ, яко же благополучное государствованіе всякаго зависитъ не отъ чего иного, какъ отъ удовольствія и соблюденія отъ всякихъ излишностей своихъ подданныхъ» [61]. Но что за смыслъ въ выраженіи: дороже отъ трехъ до четырехъ рублей?

Еще въ 1738 году медицинская канцелярія требовала резолюціи послать въ Парижъ молодыхъ лѣкарей шесть человѣкъ, съ годовымъ жалованьемъ каждому по 300 рублей, «чтобъ тамъ въ хирургіи и анатоміи такъ утвердились, дабы при главныхъ госпиталяхъ въ россійскомъ государствѣ, а именно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Кронштадтѣ для обученія подлѣкарей и лѣкарскихъ учениковъ могли употреблены быть; а между тѣмъ, пока оные шесть лѣкарей въ Парижѣ выучатся, отъ оной канцеляріи стараніе приложено будетъ, какъ наилучше возможно здѣшнихъ хирургическихъ школъ содержать.» Кабинетъ остановился на вопросѣ: какихъ молодыхъ людей пошлетъ канцелярія въ Парижъ, русскихъ или иноземцевъ? потому что иноземцы могутъ взять русскія деньги и не возвратиться; поэтому въ кабинетѣ послѣдовала резолюція такая: справиться, молодые лѣкаря иноземцы

или русскіе посылаются въ Парижъ, и если иноземцы въ Россіи родились и семейство имѣютъ, такихъ, какъ природныхъ Русскихъ, можно послать, однако взявши съ отцовъ ихъ или родственниковъ подписку, что они возвратятся въ Россію.» Быть можетъ вслѣдствіе этого затруднительнаго условія, постановленнаго кабинетомъ, только въ 1741 году медицинская канцелярія представила молодыхъ людей, годныхъ для отсылки за границу, и то не болѣе троихъ, изъ которыхъ одинъ Русскій — Ножевщиковъ, двое другихъ иноземцы, родившіеся въ Россіи, Минау и Цирольдъ. Въ инструкціи имъ между прочимъ говорилось: «По пріѣзду имъ въ Парижъ навѣдываться имъ того жъ часа о квартирѣ его княжескаго сіятельства принца Кантемира, а при отданіи поклона предаться имъ въ его защищеніе и протекцію, а потомъ отдать имъ г. профессору Гунольту отправленное къ нему писаніе, и въ наукѣ ихъ поступать имъ по его совѣтамъ и наставленію.» Они должны были въ продолженіи трехъ лѣтъ обучаться Анатоміи, Хирургіи, лѣченію очныхъ болѣзней, употребленію бандажей и какъ новорожденныхъ принимать [62].

Въ синодѣ по смерти Ѳеофана Прокоповича первымъ членомъ былъ Амвросій Юшкевичъ, епископъ вологодскій, и потомъ архіепископъ новгородскій, далеко не могшій замѣнить Ѳеофана ни по способностямъ, ни по энергіи. Все оставалось попрежнему, хотя Юшкевичъ былъ противнаго Ѳеофану направленія. Только паденіе Бирона подало синоду надежду на возможность исполненія двухъ самыхъ сильныхъ желаній. Мы видѣли мѣры Петра Великаго противъ наполненія монастырей людьми, шедшими туда не по призванію; мы видали также, что мѣры эти послѣ не исполнялись: позволяли себѣ для шутки постригать мальчиковъ безъ всякаго приготовленія; но когда при Аннѣ взялъ верхъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то онъ, считая мѣры Петра относительно монашества своими собственными, возстановилъ ихъ во всей строгости. Въ декабрѣ 1740 года синодъ просилъ всемилостивѣйшаго указа постригать изъ разночинцевъ уволенныхъ отъ всѣхъ службъ, особенно учительныхъ людей, также изъ крестьянъ, которые въ монастыряхъ къ экономическимъ и прочимъ исправленіямъ потребны, иначе монастыри совершенно опустѣютъ и заведенныя училища останутся безъ учителей. Позволеніе послѣдовало, но велѣно притомъ смотрѣть, чтобъ постригали

только въ потребномъ числѣ, безъ всякаго излишества, для чего посылать въ синодъ ежегодно рапорты, въ томъ году изъ какихъ чиновъ сколько пострижено и сколько въ какомъ монастырѣ церквей и монаховъ, чтобъ синоду можно было видѣть, не будетъ ли гдѣ лишнихъ монаховъ; а впередъ синоду имѣть прилежное стараніе о сочиненіи порядочнаго штата всѣмъ монстырямъ, какому числу монаховъ въ какомъ монастырѣ быть, что имъ изъ доходовъ употреблять, а остальные доходы употребить на госпитали, на школы, на содержаніе сиротъ, показавъ, какому числу гдѣ быть и что слѣдуетъ издерживать на ихъ содержаніе [63].

Исполненіе одной просьбы подавало надежду, что будетъ исполнена и другая. Мы видѣли, что съ 1701 года архіерейскія и монастырскія имѣнія находились въ вѣдѣніи монастырскаго приказа, управлявшагося графомъ Ив. Мусинымъ - Пушкинымъ; потомъ, съ учрежденіемъ синода, они перешли въ его вѣдѣніе. Въ 1727 году всѣ имѣнія были отданы въ вѣдомство архіерейскихъ домовыхъ вотчинъ и монастырей по принадлежности; но петровское раздѣленіе на вотчины, опредѣленыя на содержаніе архіерейскихъ домовъ и монастырей, и на вотчины, доходы съ которыхъ шли на благотворительныя учрежденія, оставалось, и духовенство платило съ послѣднихъ вотчинъ денежные и хлѣбные доходы въ коллегію экономіи. Въ 1740 году графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ подалъ доношеніе въ кабинетъ, что когда имѣнія духовенства были въ вѣденіи монастырскаго приказа, то архіерейскіе домы и монастыри были во всякомъ довольствѣ, сверхъ того доходами съ этихъ имѣній содержался въ Москвѣ большой госпиталь и за всѣмъ тѣмъ съ 701 по 711 годъ въ казнѣ осталось болѣе 1.000.000 рублей и доимокъ не было, вслѣдствіе чего потребовалъ, чтобъ тѣ вотчины, доходы съ которыхъ шли въ коллегію экономіи, были и въ полномъ вѣдомствѣ этой коллегіи, а домы архіерейскіе и монастыри управляли бы только вотчинами, назначенными на ихъ содержаніе, что и было исполнено. Теперь синодъ представилъ, что бывшій графъ Мусинъ-Пушкинъ въ своемъ доношеніи показалъ ложно, и просилъ, чтобъ вотчины, доходы съ которыхъ шли въ коллегію экономіи, попрежнему находились въ вѣдомствѣ монастырей, которые бы получали изъ нихъ съѣстные припасы и пользовались работами

крестьянъ, безъ чего монастыри содержаться и поддерживать свои строенія не могутъ. И эта просьба была исполнена [64].

Выгораживая память императрицы Анны и обременяя отвѣтственностію за все при ней сдѣланное фаворита ея, послали указы о возвращеніи ссыльныхъ Аннинскаго царствованія: освободили изъ крѣпости Ѳеофилакта Лопатинскаго, котораго уже считали мертвымъ. Полумертваго Ѳеофилакта привезли на новгородское подворье, очистили отъ грязи, въ которой держали его въ крѣпости, и Амвросій Юшкевичъ, со слезами на глазахъ, одѣлъ его въ монашеское и архіерейское платье. Пріѣхала цесаревна Елисавета и спросила Ѳеофилакта, знаетъ ли онъ ее? «Ты искра Петра Великаго,» отвѣчалъ тотъ. Цесаревна отвернулась и заплакала; она оставила ему на лѣкарство 300 рублей; но лѣкарство уже не могло помочь: въ маѣ 1741 года Ѳеофилактъ умеръ. Синодъ потребовалъ отъ тайной канцеляріи извѣстія, гдѣ другіе сосланные при Аннѣ архіереи, Георгій Дашковъ, Сильвестръ, Игнатій, Левъ? Полученъ былъ отвѣтъ, что двое — Сильвестръ и Георгій уже умерли, Игнатій и Левъ живы: ихъ освободили изъ заточенія и помѣстили въ монастырѣ простыми монахами. Маркеллъ Родышевскій освобожденъ былъ изъ тайной канцеляріи и отосланъ въ синодъ для опредѣленія въ монастырь. Освобожденъ изъ ссылки Аврамовъ [65]. Женѣ казненнаго фаворита Петра II, князя Ивана Долгорукаго, княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ изъ отписнаго имѣнія свекра ея князя Алексѣя дано село Старое Никольское съ деревнями въ вологодскомъ уѣздѣ. Были пожалованы чинами всѣ пострадавшіе въ послѣднее время при Биронѣ— Яковлевъ, Пустошкинъ, Ханыковъ и другіе [66].

Но эти милости къ опальнымъ прежняго времени далеко не могли доставить Аннѣ Леопольдовнѣ такого народнаго расположенія, которое поддержало бы ея колеблющееся правленіе. Для этого къ милости нужно было присоединить твердость, дѣятельность и разумность, а этихъ-то качествъ и недоставало правительницѣ. Всѣ ждали, что по сверженіи Миниха власть перейдетъ въ искусныя руки Остермана. Дѣйствительно къ Остерману обращались какъ къ первому министру.

Въ мартѣ 1741 года Кейтъ писалъ ему изъ Глухова: «Я долженъ признаться, что безъ помощи генералъ-майора Шипова, который хорошо знаетъ канцелярскій порядокъ и объя-

сняетъ мнѣ все то, что я не могу знать самъ, я былъ бы въ большомъ затрудненіи на моемъ мѣстѣ, не имѣя возможности узнать о чемъ-либо отъ здѣшнихъ казацкихъ ассессоровъ. Я освѣдомился здѣсь о поведеніи Шипова и не слыхалъ на него ни одной жалобы; онъ не запирается, что беретъ подарки, т.-е. бездѣлицы, необходимыя для стола, и я вижу, что давній обычай страны освящаетъ это; но онъ клянется, что никогда не взялъ ни копѣйки денегъ, хотя ему часто ихъ предлагали. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга ваше превосходительство сказали мнѣ, что вакантныя мѣста не должны быть замѣщены до тѣхъ поръ, пока я буду на мѣстѣ и не спишусь съ вами. Я просмотрѣлъ листъ кандидатовъ и нашелъ мало лицъ мнѣ извѣстныхъ, такъ что мнѣ невозможно представить своего мнѣнія о нихъ способностяхъ. Еслибы на мѣсто Камынина ассессоромъ въ главную войсковую канцелярію я могъ имѣть полковника Ливена, то я увѣренъ, что онъ былъ бы полезенъ. Я поставилъ своею обязанностію свободно открывать мои мысли вашему превосходительству, ибо вижу въ этомъ единственное средство изучить истинные интересы этой страны относительно Россіи: поэтому я долженъ вамъ сказать, что нахожу здѣсь скрытное нерасположеніе къ Русскимъ; Малороссіяне думаютъ, что дѣла пошли бы лучше, еслибы въ коммиссіи было нѣсколько иностранцевъ. Я не вижу никакого препятствія удовлетворить этому желанію здѣшнихъ жителей, и потому предлагаю Ливена» [67].

Къ Остерману обращался и донской атаманъ Данила Ефремовъ съ такими, напримѣръ, письмами: «Вашему высокографскому сіятельству не безъизвѣстно, какимъ образомъ не токмо брегадиры, Иванъ Краснощоковъ, Иванъ Фроловъ, яко по заслугамъ, но и дѣти Краснощоковы высочайшею его им. в.-ства милостію награждены и большими медалями пожалованы, а я нижайшій, какъ о томъ увѣдалъ, то не могъ безъ соизволенія вашего высокографскаго сіятельства, яко издревле милостиваго государя и отца, смѣлости принять въ высшее мѣсто прошеніе взнесть, но токмо нижайше прошу, дабы чрезъ ваше высокографское сіятельство, милостивѣйшее ходатайство противъ означенныхъ брегадировъ высочайшей милости не былъ оставленъ, въ чемъ отдаю себя во всемилостивѣйшее ваше покровительство и остаюсь съ должнѣйшимъ моимъ рабскимъ почтеніемъ, милостивѣйшій государь, вашего высокографскаго сіятельства всепокорнѣйшій рабъ» [68].

Но очень скоро люди, бывшіе поближе чѣмъ Кейтъ и Ефремовъ, увидали, что Остерманъ не только не царь всероссійскій, но даже и не первый министръ, что ему нужно употребить большое усиліе, произвести новый, болѣе трудный переворотъ, чѣмъ сверженіе Бирона и Миниха, чтобъ стать такимъ всемогущимъ правителемъ, какимъ издали его представляли. Анна Леопольдовна сама не могла управлять, ей было скучно заниматься дѣлами; но въ то же время она не умѣла и не хотѣла найти человѣка, опытнѣе, способнѣе другихъ, на котораго бы могла сложить все бремя дѣлъ, т.-е. не производя никакихъ перемѣнъ, сложить все это бремя дѣлъ на кабинетъ, а въ кабинетѣ, по удаленіи сначала Бестужева, а потомъ Миниха, душою оставался попрежнему Остерманъ, а кн. Черкасскій только тѣломъ, слѣд. Остерманъ становился на дѣлѣ первымъ министромъ. Но Анна Леопольдовна, не умѣя управлять, скучая дѣлами, хотѣла однако управлять, и это желаніе естественно поддерживали въ ней приближенные люди, которые хотѣли управлять, по крайней мѣрѣ вмѣшиваться въ управленіе, играть видную роль, пользоваться важнымъ значеніемъ. Такими приближенными людьми были фрейлина Менгденъ и графъ Михаила Гавриловичь Головкинъ, которые не любили Остермана, не хотѣли подчиняться ему. Вполнѣ былъ преданъ Остерману, вполнѣ подчинялся его вліянію принцъ Антонъ; но это только вредило Остерману во мнѣніи правительницы и ея приближенныхъ, потому что между мужемъ и женою были нелады. Отсюда естественное желаніе Остермана поднять значеніе принца Антона, а это желаніе только усиливаетъ нерасположеніе къ нему со стороны правительницы и людей къ ней близкихъ.

Для лучшаго уясненія отношеній, господствовавшихъ при тогдашнемъ дворѣ, характера лицъ и способа ихъ дѣйствій приведемъ слѣдующій разсказъ.

У Амвросія Юшкевича сидитъ гость, дѣйствительный статскій совѣтникъ Темирязевъ; ведется разговоръ политическій. «Остерманъ, говоритъ хозяинъ, дѣлаетъ въ государствѣ многія неправды; думаю, что и въ нынѣшней шведской войнѣ онъ больше виноватъ; я на него многократно государынѣ говаривалъ, только къ нему ничто не льнетъ.» — Темирязевъ: «Да и манифестъ о правленіи великой княгини чаю онъ сочинялъ! — Архіерей: «Онъ, онъ! да и

регенту онъ все помогалъ, всѣ дѣйствія его, только къ нему ничто не льнетъ!» Темирязевъ: «Смотрите, преосвященный, какъ онъ регента сверсталъ съ великою княгинею!» Преосвященный встрепенулся, принесъ манифестъ: «Ради Бога покажи, въ которой рѣчи онъ сверстаніе учинилъ?» Темирязевъ показалъ ему, что по смыслу манифеста великая княгиня должна править на томъ же основаніи, какъ правилъ Биронъ. — «Поставь противъ этой рѣчи точки, я малопамятенъ,» сказалъ ему архіерей. Темирязевъ поставилъ точки. — «Хорошо, продолжалъ преосвященный, я пойду къ государынѣ и покажу на него, Остермана, все, что это подлинно все его дѣло.»

Дня черезъ два Темирязевъ опять пріѣхалъ къ архіерею спрашивать, какъ идетъ дѣло? — «Доносилъ я государынѣ объ этомъ, отвѣчалъ Амвросій: она изволила сказать, что подлинно тѣмъ обижена, да не только тѣмъ, что съ регентомъ ее сверстали, и дочерей ея обошли; а про Остермана ничего не изволитъ говорить, къ нему ничего не льнетъ; онъ и книгу у насъ запечаталъ, *Камень Вѣры;* я сколькократно на него просилъ государыню, чтобъ ту книгу распечатать, только не могъ милости получить, и поднесь книга запечатана, и во всемъ онъ все мѣшаетъ черезъ генералиссимуса, для того и мы ему противны, что онъ не одного съ нами закону. Знаетъ ли тебя фрейлина Менгденова; она очень у великой княгини въ милости.» — «Не знаетъ», отвѣчалъ Темирязевъ. — «Ну такъ ты пойди къ ней, продолжалъ архіерей, и про манифестъ, какъ сравнена великая княгиня съ регентомъ, скажи, и ту рѣчь покажи, и то ей подкрѣпи, что все это дѣло Остерманово; можетъ, что она будетъ великой княгинѣ на него представлять.»

Темирязевъ не зналъ, какъ пройти къ Менгденъ: архіерей послалъ келейника показать ему крыльцо, ведшее къ ея спальнѣ. Только-что началъ Темирязевъ объяснять фавориткѣ обиду, нанесенную принцессѣ Аннѣ въ манифестѣ, о сверстаніи съ Бирономъ, какъ та перебила его: «у *насъ* все это есть, *мы* знаемъ, постой-ка здѣсь,» и сама ушла. Темирязевъ догадывался, что она пошла къ правительницѣ. Возвратившись, Менгденъ начала говорить: «Сходи ты къ Михайлѣ Гавриловичу (Головкину), скажи ему, что онъ по приказу великой княгини написалъ ли, и буде написалъ, то бы привезъ, да и манифестъ, какъ сверстана ве-

ликая княгиня съ регентомъ, покажи, и что онъ тебѣ скажетъ, ты приди сюда и скажи.» Темирязевъ отправился къ Головкину; тотъ взялъ манифестъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «*мы* про это давно вѣдаемъ, я государынѣ объ этомъ доносилъ обстоятельно; а написано или нѣтъ, скажи фрейлинѣ, что я самъ завтра буду во дворецъ.»

Темирязевъ отправился къ фрейлинѣ, вошелъ къ ней въ спальню — смотритъ: вмѣсто фаворитки сама правительница. «Что съ тобой говорилъ Михайла Гавриловичъ?» спросила Анна. Темирязевъ пересказалъ слова Головкина. Принцесса начала опять: «Мнѣ не такъ досадно, что меня сверстали съ регентомъ; досаднѣе то, что дочерей моихъ въ наслѣдствѣ обошли; поди ты, напиши такимъ манеромъ, какъ пишутся манифесты, два: одинъ въ такой силѣ, что буде волею Божіею государя не станетъ и братьевъ послѣ него наслѣдниковъ не будетъ, то быть принцессамъ по старшинству; въ другомъ напиши, что ежели такимъ же образомъ государя не станетъ, чтобъ наслѣдницею быть мнѣ.» Темирязевъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Подъискаться подъ манифестъ Остермана онъ съумѣлъ, но самому написать два манифеста, самому вдругъ изъ Темирязева сдѣлаться Остерманомъ!... «Чего ты боишься, продолжала Анна: ты государю присягалъ? присягалъ также, чтобъ у меня быть послушну?» — «Присягалъ,» отвѣчалъ Темирязевъ. Анна была не умолима въ своей наивной логикѣ: «А коли присягалъ, продолжала она, то помни присягу и поди сдѣлай, и сдѣлавъ, отдай фрейлинѣ, только этого не проноси, помни свою голову.» — Съ этими грозными словами несчастный Темирязевъ былъ отпущенъ. Что оставалось ему дѣлать! самому не написать, надобно посовѣтоваться съ какимъ-нибудь знающимъ человѣкомъ; и вотъ Темирязевъ отправляется къ секретарю иностранной коллегіи Познякову. «Такъ и такъ, выручи ради Бога!» — «Что же дѣлать, отвѣчалъ Позняковъ: не робей, много нынѣ непорядковъ происходитъ, да коли это приказано отъ правительницы, то сдѣлать надобно.» — «Сдѣлай ты, напиши,» сталъ умолять Темирязевъ. — «Добро, отвѣчалъ коллежскій искусникъ, я напишу и ужо къ тебѣ завезу.» Дѣйствительно ночью Позняковъ явился къ пріятелю съ манифестами; обрадованный Темирязевъ отвезъ ихъ немедленно къ фрейлинѣ [69].

Между тѣмъ правительница призвала Остермана и спросила

его, какимъ образомъ случилось, что въ учрежденіи о наслѣдствѣ не упомянуто о принцессахъ, которыя всегда въ Россіи за неимѣніемъ принцевъ наслѣдницами бываютъ? Тономъ вопроса правительница давала знать Остерману, что она считаетъ его виновникомъ этого упущенія.—«Надобно подумать, продолжала Анна, какъ бы это поправить; приходилъ ко мнѣ Темирязевъ и объявлялъ, что объ этомъ и въ народѣ толкуютъ.»—На другой день Остерманъ отправилъ къ правительницѣ маленькое письмо: «Понеже, писалъ онъ, то извѣстное дѣло важно, то не прикажете ли о томъ съ другими посовѣтовать, а именно съ княземъ Алекс. Мих. Черкаскимъ и архіереемъ новгородскимъ?» Правительница отвѣчала собственноручно, что кромѣ этихъ лицъ надобно призвать къ совѣщанію и графа Мих. Говрил. Головкина, потому что это дѣло отъ него происходитъ. Остерманъ послалъ къ Головкину звать его къ себѣ. Головкинъ пріѣхалъ и, поговоря о дѣлѣ, объявилъ, что денька два подумаетъ и пришлетъ сказать, когда имъ всѣмъ съѣхаться. Наконецъ съѣхались у Остермана Головкинъ, Черкасскій, Амвросій Юшкевичъ [70], но событія не дали имъ покончить своихъ толковъ.

Мы видѣли, какъ народное чувство, оскорбленное господствомъ иностранцевъ, высказалось тотчасъ же по смерти императрицы Анны, когда герцогъ курляндскій объявилъ себя регентомъ. Паденіе Бирона приняли съ восторгомъ; но скоро увидали, что прежній порядокъ вещей оставался, только ослабѣлъ вслѣдствіе розни, усобицы его представителей. Какъ господство Нѣмцевъ было приготовлено усобицею между способными русскими людьми, оставленными Петромъ Великимъ, такъ теперь паденіе нѣмецкаго господства приготовляется раздоромъ, усобицею между Нѣмцами, которые губятъ другъ друга. Биронъ свергнутъ Минихомъ; подъ Миниха подкопался Остерманъ; но Остерманъ не можетъ господствовать: онъ встрѣчаетъ нерасположеніе въ правительницѣ. Русскіе не любятъ Остермана какъ Нѣмца, не любятъ принца Антона за то же, слѣдовательно тѣмъ болѣе должны быть расположены къ Аннѣ Леопольдовнѣ и къ графу Головкину, ея главному совѣтнику, который уже выставился какъ противникъ Остермана. Какое выгодное положеніе для Анны Леопольдовны, еслибы она умѣла пользоваться имъ! Но ея умѣнье вести дѣла всего рѣзче высказалось въ сценѣ съ Темирязевымъ, гдѣ

она человѣка, съ которымъ вѣроятно говорила въ первый разъ въ жизни, заставляетъ писать манифесты, и въ одномъ изъ нихъ она должна быть объявлена наслѣдницею престола въ случаѣ смерти сына. Головкинъ и его отношенія къ правительницѣ и къ фрейлинѣ Менгденъ также рѣзко высказывались въ дѣлѣ Темирязева. Гораздо вліятельнѣе Головкина была эта фаворитка Менгденъ; но она была Нѣмка; Нѣмцы хлопотали, какъ бы посредствомъ ея сблизить Остермана съ правительницею и удалить Головкина. Остерманъ жаловался Менгдену, что графъ Головкинъ старался его, Остермана, оставить въ подозрѣніи у правительницы и просилъ похлопотать, чтобъ принцесса была къ нему милостива. Менгденъ пошелъ къ фрейлинѣ и говорилъ ей, чтобъ склоняла правительницу имѣть болѣе довѣрія къ Остерману, чѣмъ къ Головкину, потому что Остерманъ въ дѣлахъ больше разумѣетъ [71]. Отъ Головкина, какъ человѣка больнаго и лишеннаго энергіи, не ждали многаго; фаворитка, которая могла больше сдѣлать, была Нѣмка; и Нѣмецъ Остерманъ, несмотря на то, что къ нему не благоволили, имѣлъ большую силу: къ нему ничто не льнетъ, жаловался архіепископъ новгородскій, не хочетъ выпускать книги Камень Вѣры, и книга запечатана. Значитъ Нѣмцы владѣютъ попрежнему, съ тою только разницею, что прежде, при императрицѣ Аннѣ, былъ порядокъ, а теперь «много непорядковъ происходитъ.» Но что всего хуже, будетъ новый Биронъ. Въ 1735 году саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ, графъ Линаръ, по требованію императрицы Анны, былъ отозванъ своимъ правительствомъ изъ Петербурга: причиною было то, что красивый Линаръ внушилъ нѣжное чувство племянницѣ императрицы, Аннѣ Леопольдовнѣ. Теперь Линаръ является опять въ Петербургѣ и нѣжныя отношенія его къ правительницѣ не тайна [72]. Для большаго удобства, въ августѣ 1741 года Линаръ объявленъ женихомъ фаворитки Менгденъ, и отправился въ Дрезденъ, чтобъ устроить тамъ свои дѣла, возвратиться въ Петербургъ и вступить въ русскую службу въ званіи оберъ-камергера. Линаръ повезъ съ собою 35.000 рублей, которые дала ему невѣста для положенія въ дрезденскій банкъ [73]. Линаръ уже получилъ Андреевскій орденъ.

Для Русскихъ настоящее ничѣмъ не лучше прежняго: Нѣмцы также владѣютъ, только безпорядковъ много, и готовится уже

новый Биронъ. Это ожиданіе новаго Бирона въ Линарѣ всего болѣе возмущало; чѣмъ слабѣе было правительство, тѣмъ громче высказывалось неудовольствіе; даже женщины, которыхъ иностранцы находили въ Россіи сдержаннѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, не стѣснялись въ своихъ рѣчахъ. Вмѣстѣ съ Русскими сильно возмущался и Остерманъ, потому что въ Линарѣ ему готовился господинъ еще болѣе тяжелый, чѣмъ Биронъ: Линаръ былъ искуснѣе въ дѣлахъ иностранныхъ; притомъ у него съ Остерманомъ и прежде уже были непріятности, когда Линаръ въ первый разъ былъ въ Петербургѣ. Минихъ, теперь заклятой врагъ Остермана, долженъ естественно присоединиться къ Линару, съ которымъ ему сблизиться легко чрезъ жену послѣдняго. Чтобъ предотвратить опасность, Остерманъ рѣшается войти въ сношенія съ Головкинымъ: онъ посылаетъ къ нему двоихъ своихъ родственниковъ по женѣ, Стрѣшневыхъ, которые болѣе двухъ часовъ толковали съ нимъ запершись. Чего не понимала Анна Леопольдовна, то понимаетъ Остерманъ: онъ понимаетъ, что идетъ сильное народное движеніе, съ которымъ надобно считаться, и онъ готовъ на всевозможныя уступки. Еще въ концѣ марта, устрашенный движеніями фрейлины Менгденъ въ пользу сверженнаго Миниха и готовностію правительницы сблизиться съ своимъ прежнимъ первымъ министромъ, Остерманъ хлопочетъ, какъ бы отстранить Анну Леопольдовну и передать правленіе принцу Антону; но онъ знаетъ нерасположеніе народа къ послѣднему какъ Нѣмцу, иновѣрцу, и потому ведетъ дѣло о принятіи принцемъ православія. Любопытно, что въ послѣдніе дни императрицы Анны иностранные министры знали о намѣреніи обратить принца Антона въ православіе [74]. Но понятно, что дѣло было трудное и потому откладывалось, когда опасность уменьшалась. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ, на которыя дѣлилось правительство, не принималось быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, по отсутствію лицъ, способныхъ на такія мѣры, ибо самый даровитый между людьми, желавшими поддержать престолъ императора Іоанна, Остерманъ, умѣлъ пользоваться обстоятельствами, дѣломъ чужихъ рукъ, умѣлъ ходить подземными, потаенными ходами, но былъ совершенно неспособенъ стать въ челѣ рѣшительнаго движенія; единственный человѣкъ, способный къ этому, Минихъ, былъ въ опалѣ, могъ слу-

жить только страшилищемъ для принца Антона и Остермана и запаснымъ орудіемъ для правительницы и Юліи Менгденъ въ крайнемъ случаѣ. Войско, гвардія, могшія имѣть сильное и рѣшительное вліяніе при всякомъ важномъ событіи, при всякой перемѣнѣ, какъ показалъ примѣръ восшествія на престолъ Екатерины I, возстановленіе самодержавія при Аннѣ, сверженіе Бирона, — гвардія не была на сторонѣ правительства, которое не имѣло человѣка, который бы, съ одной стороны, былъ ему преданъ, а съ другой пользовался любовію войска.

Такая слабость правительства, такое разъединеніе силъ въ немъ не обѣщали прочности престолу Іоанна III; это чувствовали и свои и чужіе, и послѣдніе употребляли всевозможныя средства ускорить переворотъ для собственныхъ цѣлей.

Мы видѣли, что единовременно съ императрицею Анною умерли государь австрійскихъ земель императоръ Карлъ VI и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ 1-й. Слабость русскаго правительства въ царствованіе преемника Анны, внутреннія смуты, поглощавшія все вниманіе, приходились именно въ то время, когда въ Европѣ поднималась сильная борьба, и Россія не могла остаться ей чуждою, ибо по отношеніемъ къ сосѣднимъ державамъ, Швеціи, Польшѣ и Турціи, у нея опредѣлились отношенія и къ другимъ европейскимъ державамъ, а теперь готовился переворотъ въ системѣ этихъ державъ: владѣнія австрійскаго дома, союзнаго Россіи, назначались къ раздѣлу, что усиливало Францію, враждебность которой къ Россіи была очевидна. Императоромъ Карломъ VI прекращалась мужская линія габсбургскаго дома: у него была только одна дочь, Марія Терезія, выданная замужъ за герцога Франца-Стефана Лотарингскаго, который по Вѣнскому миру промѣнялъ Лотарингію на Тоскану. Карлъ VI хотѣлъ, чтобъ всѣ владѣнія Габсбурговъ достались нераздѣльно его дочери, онъ думалъ, что дипломатическимъ путемъ, путемъ уступокъ, обезпечитъ дочери наслѣдство, склонитъ всѣ дворы признать его распоряженіе, такъ-называемую прагматическую санкцію, но жестоко ошибался: уступками онъ только выказывалъ свою слабость и тѣмъ приманивалъ хищниковъ. Принцъ Евгеній Савойскій говорилъ ему, что единственное средство упрочить наслѣдство за Маріею Терезіею — это держать наготовѣ 180.000 войска.

Кто же могли быть эти враги, противъ которыхъ, по мнѣнію Евгенія Савойскаго, наслѣдница Габсбурговъ оружіемъ должна была защищать свое достояніе? Разумѣется, старый герой имѣлъ прежде всего въ виду свое прежнее отечество, Францію, извѣчную соперницу Габсбурговъ. Франція въ описываемое время, казалось, возвратила свое прежнее значеніе, ослабленное въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV; особенно поднялъ ее Вѣнскій миръ, блистательно окончившій безславную для нея войну за польскій престолъ: она выдала партію Лещинскаго въ Польшѣ, выдала Данцигъ, заставила тестя своего короля спасаться бѣгствомъ, войска ея не ознаменовали себя никакимъ значительнымъ дѣломъ, а между тѣмъ Франція пріобрѣла Лотарингію. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, и, по словамъ Фридриха II, съ Вѣнскаго мира Франція была рѣшительницею судебъ Европы. Съ войны за испанское наслѣдство опасною соперницею Франціи явилась Англія; но скоро можно было усмотрѣть, что ея вліяніе на дѣла континента вовсе не будетъ такое непосредственное, какъ вліяніе Франціи. Англія по своему островному положенію отрѣзанный ломоть отъ континентальной Европы, по своей конституціи чужда завоевательныхъ стремленій относительно Европы; вся ея дѣятельность обращена на другую сторону: она распространяетъ свои владѣнія за океаномъ, ея господствующій интересъ торговый; она внимательно приглядывается и чутко прислушивается только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ея торговыхъ и промышленныхъ выгодахъ, отъ чего политика ея принимаетъ характеръ узкости и односторонности; Англія не любитъ войны, предпринимаетъ ее только въ крайности, когда прямо затронутъ ея господствующій интересъ; любитъ вести войну чужими руками, давать деньги вмѣсто войска и прекращать войну при первой возможности, когда опасность для ея господствующаго интереса прошла. Интересы ганноверской династіи втягивали Англію въ дѣла континента: но она сильно упиралась, и политика знаменитаго министра двоихъ первыхъ Георговъ, Вальполя, ясно обнаруживала основной характеръ національной англійской политики — стремленіе ограничиться тѣснымъ кругомъ насущныхъ интересовъ страны, боязнь предъ вмѣшательствомъ въ континентальныя отношенія, боязнь предъ войною. Въ концѣ 1739 года миролюбивая Англія объявила вой-

ну Испаніи, ибо затронутъ былъ господствующій интересъ ея, интересъ торговый. Послѣ долгой и упорной войны, бывшей слѣдствіемъ перемѣны династіи и вмѣшательства чужихъ державъ во внутреннія дѣла Испаніи, послѣдняя стала пробуждаться отъ долгаго сна, и средства пробуждающагося народа высказались въ преемственной дѣятельности троихъ министровъ — Альберони, Рипердьі и Патиньо. Морскія силы и торговля Испаніи начали увеличиваться, она готовилась выйти изъ страдательнаго положенія, въ какомъ до сихъ поръ держали ее иностранцы относительно торговли. Это сильно не понравилось Англичанамъ. «Я замѣчаю съ большимъ неудовольствіемъ успѣхи, которые дѣлаетъ Патиньо въ своемъ стремленіи усилить испанскій флотъ,» писалъ англійскій посланникъ; онъ же наивно жаловался своему правительству на злокозненность Патиньо, «который старается отстранить все, что наноситъ вредъ Испаніи.» Жалобы посланника находили сильные отголоски въ Англіи, и миролюбивый Вальполь не былъ въ состояніи сдержать порывы народа, затронутаго въ своемъ главномъ интересѣ. Пробужденіе Испаніи, ея упорное стремленіе утвердиться въ Италіи заставили обратить на нее вниманіе и разсчитывать на ея участіе въ войнѣ за австрійское наслѣдство, въ которую она должна была вступить, опять имѣя въ виду Италію. Долженъ былъ принять участіе въ войнѣ и король сардинскій съ цѣлію распространить свои владѣнія на счетъ австрійскихъ областей въ Италіи, на счетъ Милана. Сардинскій король Викторъ Амедей, по словамъ Фридриха II, былъ государемъ искуснымъ въ политикѣ и ясно сознававшимъ свои интересы; политика Пьемонта состояла въ томъ, чтобъ держать равновѣсіе между Австріей и обѣими вѣтвями бурбонскаго дома, французскаго и испанскаго, и этимъ пріобрѣтать средства къ распространенію своихъ владѣній.

Испанія будетъ дѣйствовать въ Италіи; Франція также будетъ дѣйствовать съ этой стороны, будетъ стараться привлечь къ себѣ сардинскаго короля. Но Франція будетъ также дѣйствовать въ Германіи, здѣсь возбуждать противъ Австріи сильнѣйшихъ владѣльцевъ. Кто же эти сильнѣйшіе владѣльцы? Вопервыхъ, курфирстъ саксонскій, онъ же и король польскій. Саксонія самая богатая страна Германіи: она обязана своимъ богатствомъ плодородію почвы и промышленности жителей; курфирстъ полу-

чаетъ 6 милліоновъ талеровъ ежегоднаго дохода, у него 24.000 войска, но въ случаѣ нужды онъ можетъ имѣть еще 8.000. Польша доставляла саксонскому курфирсту королевскій титулъ, но не прибавляла ничего къ его силамъ, а личность курфирста Августа II (короля Августа III) отнимала у Саксоніи возможность играть видную роль. Вотъ портретъ Августа III, хотя и писанный враждебною кистью Фридриха II, однако похожій: «Августъ былъ кротокъ по лѣни, щедръ изъ тщеславія, безъ религіозныхъ убѣжденій подчинялся своему духовнику, и безъ любви преклонялся предъ волею жены; кромѣ этихъ двухъ подчиненій, подчинялся еще любимцу графу Брюлю. Брюль отличался тѣми тонкостями и хитростями, которыя составляютъ политику мелкихъ владѣльцевъ; ни у кого не было больше платья, часовъ, кружевъ, сапоговъ, чулокъ и туфлей. Цезарь отнесъ бы его къ числу тѣхъ отлично завитыхъ и раздушенныхъ головъ, которыхъ нечего бояться.»

Сильнымъ владѣльцемъ въ Германіи считался также курфирстъ баварскій. Баварія приносила пять милліоновъ талеровъ дохода; Франція платила курфирсту субсидію въ триста тысячъ талеровъ; но курфирстъ не могъ выставить въ поле болѣе 12.000 человѣкъ.

Но сильнѣе всѣхъ курфирстовъ Германіи былъ курфирстъ бранденбургскій, носившій титулъ короля прусскаго. Въ 1740 году народонаселеніе прусскихъ владѣній простиралось до трехъ милліоновъ, доходы до семи милліоновъ съ половиною, а число войска до 76.000 человѣкъ, изъ которыхъ почти 26.000 были иностранцы. Несоразмѣрность войска съ количествомъ народонаселенія была очевидна; войско было собрано прусскимъ Калитою, королемъ-скопидомомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, который копилъ войско точно такъ же, какъ копилъ деньги, видя въ томъ и другомъ главныя условія силы; онъ оставилъ своему преемнику 8.700.000 талеровъ въ казнѣ и ни копѣйки долгу. Накопленныя силы требовали употребленія, войско и деньги вызывали на войну, на завоеваніе, на пріобрѣтеніе новыхъ силъ. Разумѣется, все здѣсь зависѣло отъ личности преемника короля-скопидома: деньги могли быть истрачены на пустыя удовольствія; войско могло быть также истрачено или продано, какъ тогда водилось, могло исчезнуть въ безполезныхъ войнахъ. Но преем-

никомъ Фридриха-Вильгельма былъ сынъ его Фридрихъ II, едва не казненный отцомъ за то, что отецъ съ сыномъ не сошлись характерами. Фридрихъ II развилъ свои блестящія способности сильнымъ вниманіемъ къ литтературному движенію XVIII вѣка, развилъ свои способности посредствомъ этого движенія, не подчинившись ему въ томъ, что̀ не было полезно ему въ его положеніи. Фридрихъ II философствовалъ, либеральничалъ себѣ на умѣ, писалъ противъ Макіавелли,—и не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ рѣшился воспользоваться вопросомъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ, чтобъ употребить накопленныя отцомъ войско и деньги для расширенія своихъ владѣній. Но онъ видѣлъ, что средствъ Пруссіи недостаточно для веденія успѣшной войны, и началъ искать союзниковъ. Вотъ его соображенія: Франція, кромѣ старинной ненависти къ Англичанамъ, питала одинакую вражду и къ австрійскому дому; Франція хотѣла добыть Фландрію и Брабантъ и довести свои границы до Рейна. Такой планъ не можетъ быть исполненъ вдругъ; надобно, чтобъ онъ созрѣлъ отъ времени и чтобъ обстоятельства ему благопріятствовали. Такимъ образомъ Франція могла быть вѣрною союзницею въ войнѣ противъ Австріи. Что касается другихъ государствъ, то Испанія и Австрія почти равны силами; но Испанія можетъ вести войну только съ Португаліей или съ Австріей въ Италіи, тогда какъ Австрія можетъ воевать всюду; у нея больше подданныхъ, чѣмъ у короля испанскаго, и она можетъ, посредствомъ интриги, присоединить къ своимъ силамъ силы Германской имперіи. Но Испанія богаче Австріи; послѣдняя, какъ бы ни обременяла налогами своихъ подданныхъ, все будетъ нуждаться въ иностранныхъ субсидіяхъ для войны; кромѣ того она истощена турецкою войною, обременена долгами. Пруссія не такъ сильна, какъ Испанія и Австрія, не можетъ мѣряться съ ними одинъ на одинъ, но можетъ занять слѣдующее за ними мѣсто. Пруссія можетъ дѣйствовать только опираясь на Францію или на Англію. Можно идти вмѣстѣ съ Франціею, которая всегда желаетъ себѣ славы и австрійскому дому униженія. Отъ Англичанъ можно вытянуть только субсидіи, которыя они дадутъ, имѣя въ виду собственные интересы.

Фридрихъ не ошибся относительно чувствъ Франціи къ австрійскому дому; но ошибся относительно военныхъ средствъ

Франціи, которая была уже не прежняя. На ея престолѣ сидѣлъ Людовикъ XV, который уронилъ монархическое начало во Франціи настолько, насколько оно было поднято знаменитымъ его предшественникомъ; вмѣсто короля, дряхлаго въ молодости своей, управлялъ дряхлый лѣтами кардиналъ Флёри, не любившій войны, старавшійся поддерживать значеніе Франціи только средствами дипломатическими. Аристократія французская также одряхлѣла и не могла выставить ни одного замѣчательнаго полководца. Когда 20 октября 1740 года умеръ императоръ Карлъ VI, во Франціи произошло движеніе, но движеніе конвульсивное, которое лучше всего выразилось въ дѣятельности графа Белиля, вождя воинственной партіи. Никакого заранѣе составленнаго плана дѣйствія не было.

Дочь Карла VI, Марія Терезія, приняла титулъ королевы венгерской и богемской; но курфирстъ баварскій Карлъ предъявилъ свои права на габсбургское наслѣдство, какъ мужъ дочери старшаго брата Карла VI, бывшаго императора Іосифа I. Баварскія претензіи остались бы претензіями, еслибы въ Германіи не было Фридриха II прусскаго. Когда другіе еще думаютъ и пишутъ, Фридрихъ начинаетъ дѣло. Несмотря на то, что Пруссія признала права Маріи Терезіи или прагматическую санкцію, прусское войско въ концѣ 1740 года вступило въ Силезію подъ предлогомъ, чтобъ другіе претенденты на австрійское наслѣдство не заняли этой провинціи; въ то же время Фридрихъ предложилъ Маріи Терезіи, что гарантируетъ прагматическую санкцію и поможетъ мужу ея Францу лотарингскому получить императорскую корону, если она уступитъ Пруссіи часть Нижней Силезіи за 6 милліоновъ. Предложеніе было отвергнуто. Марія Терезія обратилась къ державамъ, гарантировавшимъ прагматическую санкцію: помощи ни откуда, а между тѣмъ Пруссаки уже овладѣли большею частію Силезіи. Удержитъ ли Фридрихъ свою добычу? — рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ Франціи и Россіи. Во Франціи Белиль настаивалъ на необходимость войны: правительство отдастъ отчетъ потомству, если не воспользуется такимъ благопріятнымъ случаемъ для окончательнаго сокрушенія австрійскаго могущества; не нужно много войска, много денегъ для раздробленія австрійскихъ владѣній, и послѣ этого раздробленія въ Германіи не будетъ уже ни одного

сильнаго государства, которое было бы опасно для Франціи; надобно соединиться съ Баваріею, давнею союзницею Франціи, дать курфирсту Карлу императорскую корону, Богемію, австрійскую Швабію, Тироль, Верхнюю Австрію; Миланъ отдать второму сыну испанскаго короля, женатому на дочери Людовика XV; Маріи Терезіи оставить Венгрію, Нижнюю Австрію и Бельгію (которая, принадлежа къ такому слабому и отдаленному государству, можетъ быть всегда легкою добычею Франціи). Старикъ Флёри былъ противъ войны; но за войну была любовница королевская, придворные; дочь короля, жена испанскаго принца, присылала отцу слезныя письма, требуя надѣла своему мужу въ Италіи на счетъ Австріи, — и Людовикъ XV объявилъ себя за войну; Флёри уступилъ.

Но что скажутъ на другомъ, противоположномъ, восточномъ краю Европы, въ Россіи? Фридрихъ II, предъ началомъ своей дѣятельности, сдѣлалъ смотръ всѣмъ державамъ Европы, ихъ средствамъ, чтобъ уяснить себѣ, противъ кого можно успѣшно дѣйствовать и гдѣ искать помощи. Разумѣется, онъ не могъ забыть о Россіи: онъ подходилъ съ разныхъ сторонъ къ этой новорожденной загадочной имперіи, всматривался внимательно и заботливо, то успокоивалъ себя, то вдругъ тревожился. «Россія, казалось Фридриху въ 1740 году, не имѣла достаточно значенія въ европейской политикѣ, чтобъ дать перевѣсъ той сторонѣ, за которую она стояла. Вліяніе этой новой имперіи не простиралось далѣе Швеціи и Польши. Петръ I, чтобъ цивилизовать свой народъ, работалъ надъ нимъ какъ крѣпкая водка надъ желѣзомъ, былъ и законодателемъ и основателемъ обширной имперіи; онъ создалъ людей, солдатъ, министровъ; основалъ Петербургъ, завелъ значительный флотъ и заставилъ всю Европу уважать свой народъ и свои удивительные таланты.

«Въ 1740 году Россія могла выставить въ поле безъ усилія 170.000 войска; флотъ ея состоялъ изъ 12 линейныхъ кораблей, 26 кораблей низшаго разряда и 40 галеръ. Доходы имперіи простирались до 15 милліоновъ талеровъ — сумма умѣренная въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ страны; но въ Россіи все дешево. Самая необходимая для государей жизненная потребность — солдаты не стоятъ здѣсь и половины того, что тратятъ на ихъ содержаніе другія государства Европы. Петръ I со-

ставилъ проектъ, какого не составлялъ ни одинъ государь до него. Завоеватели стараются только о томъ, чтобъ распространить свои владѣнія, а Петръ хотѣлъ сократить пространство своего государства, потому что послѣднее было дурно населено въ сравненіи съ обширностью. Онъ хотѣлъ сосредоточить 12 милліоновъ жителей, разселенныхъ по имперіи, между Петербургомъ, Москвою, Казанью и Украйною, чтобъ это пространство было хорошо населено и обработано; остальныя же области представляли бы пустыню, превосходную защиту отъ Персіянъ, Турокъ и Татаръ. Смерть помѣшала великому человѣку привести въ исполненіе этотъ планъ. Послѣ несчастій Карла XII и утвержденія Августа саксонскаго въ Польшѣ, послѣ побѣдъ Миниха надъ Турками, Россія держала въ своихъ рукахъ судьбы Сѣвера; русскіе были такъ страшны, что никто не могъ ждать успѣха въ нападеніи на нихъ, ибо, чтобъ достигнуть до нихъ, нужно пройти пустыни, и можно было все потерять, еслибы даже ограничиться оборонительною войною въ случаѣ ихъ нападенія. У нихъ въ войскѣ множество Татаръ, Козаковъ и Калмыковъ; эти кочевыя орды хищниковъ и зажигателей способны опустошить сильныя цвѣтущія провинціи, прежде чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ. Для избѣжанія этихъ опустошеній сосѣди избѣгаютъ столкновеній съ Россіею, а Русскіе смотрятъ на союзы, заключенные ими съ другими народами, какъ на покровительство, которымъ они удостоиваютъ своихъ кліентовъ.»

Фридрихъ какъ будто предчувствовалъ удовольствіе, какое должны были впослѣдствіи доставить ему Татары, Козаки и Калмыки. Россія миролюбива, обращаетъ вниманіе только на ближайшихъ сосѣдей; но именно для ближайшихъ цѣлей она опредѣлила взгляды свои и на отношенія къ другимъ государствамъ. Такъ она держалась австрійскаго союза по одинаковости интересовъ относительно Турціи и Польши, и отвергала союзъ французскій. Въ интересахъ Россіи не допускать крайняго ослабленія Австріи и преобладанія Франціи при союзахъ послѣдней съ Турціею и Швеціею. Это хорошо понимали въ западной Европѣ и принимали свои мѣры: Франція держала наготовѣ Швецію, чтобы при первой надобности спустить ее на Россію и такимъ образомъ отвесть послѣднюю отъ поданія помощи Австріи; прусскій король спѣшитъ сблизиться съ Россіею, предлагаетъ ей

оборонительный союзъ, зная, что у нея такой же союзъ съ Австріей, на которую онъ напалъ и которая слѣдовательно имѣетъ право требовать помощи отъ Россіи. Но Фридрихъ II пользуется благопріятнымъ для себя обстоятельствомъ въ Петербургѣ: тамъ, послѣ сверженія Бирона, первымъ министромъ фельдмаршалъ Минихъ, который не терпитъ Австріи за послѣдній миръ съ Турціею.

11 декабря его высокографское сіятельство, господинъ кабинетный первый министръ, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ послалъ объявить другимъ членамъ кабинета, что онъ въ заключеніи прусскаго трактата никакого особливаго затрудненія не находитъ, только одно сомнительно: прусскимъ министромъ сообщено, что король его съ войскомъ прямо пошелъ въ Силезію, и поэтому еще надобно посовѣтоваться сообща, слѣдуетъ ли заключать съ нимъ договоръ, или нѣтъ? Вице-канцлеръ графъ Головкинъ подалъ мнѣніе, что Россія по существующимъ обязательствамъ съ вѣнскимъ дворомъ должна его защищать, и потому надобно повременить заключеніемъ прусскаго трактата, пока усмотрится, какое участіе морскія державы примутъ въ защитѣ Австріи и сама она чѣмъ будетъ отвѣчать на такое наглое нападеніе: можетъ быть вѣнскій дворъ съ прусскимъ полюбовно раздѣлается, заплативъ нѣкоторую сумму денегъ? Въ донесеніи нашихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ, особенно при вѣнскомъ, мы усмотримъ, надобно ли намъ за Австрію вступаться; но при этомъ не надобно спѣшить предложеніемъ дѣйствительной помощи, а дожидаться, будутъ ли морскія державы дѣйствительными силами вступаться за вѣнскій дворъ, или будутъ употреблять только добрыя услуги. Здѣшнему министерству надобно принять въ разсужденіе нынѣшнюю систему въ Европѣ, какъ недавно Голландцы по смерти цесаря сдѣлали, и, взявъ за основаніе состояніе здѣшняго государства (которое хотя и плохо вслѣдствіе тяжкихъ войнъ, однако нынѣ случай есть совершенно его поправить), постановить между собою правила, какимъ образомъ, по здѣшнему состоянію, поступать съ другими державами; составивши такой планъ, легко будетъ здѣшнему министерству и говорить съ пребывающими здѣсь иностранными министрами и содѣйствовать интересамъ ихъ дворовъ. Если вѣнскій дворъ станетъ требовать помощи по союз-

ному договору, то отговариваться, что государство истомлено польскою и турецкою войнами и потому не можетъ подать скорой помощи, а между тѣмъ надобно смотрѣть, что будутъ дѣлать морскія державы. Если прусскій министръ станетъ неотступно домогаться заключенія союзнаго договора, то неудобнѣе ли будетъ весь этотъ договоръ съ аппаратными артикулами показать австрійскому резиденту Гогенголцеру, и когда онъ объявитъ, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго его двору, то договоръ и можно будетъ заключить [75].

Хотѣли дожидаться донесеній русскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ, особенно изъ Вѣны. Ланчинскій въ началѣ 1741 года доносилъ о морскихъ державахъ, что Голландія являетъ склонность помочь Маріи Терезіи, но притомъ желаетъ, чтобъ какая-нибудь другая держава прежде нея оказала эту помощь; притомъ находитъ трудность, что полки посылать далеко. Англійскій король показываетъ себя склоннѣе прежняго; но такъ какъ прошелъ слухъ, что съ прусской стороны сдѣланы Маріи Терезіи выгодныя предложенія, то англійскій король прежде всего желаетъ ихъ сообщенія; при этомъ совѣтуетъ полюбовно помириться, но безъ малѣйшаго нарушенія прагматической санкціи, иначе какая-нибудь держава откажется отъ гарантіи этой санкціи подъ предлогомъ, что сама наслѣдница Карла VI нарушила ее, и такимъ образомъ освободила другихъ отъ гарантіи. У прусскаго короля въ Силезіи до 50.000 войска, да еще ожидается 20.000, и потому страна можетъ быть спасена только диверсіею съ русской стороны, чего усильно домогаются въ Вѣнѣ, ибо мирное посредничество Россіи не помогаетъ. Фридрихъ II, прочтя грамоту русскаго министра, только поморщился, но отъ своихъ поисковъ не унялся. Франція молчитъ въ Вѣнѣ и интригуетъ въ Германіи, располагаетъ курфирстами баварскимъ, кельнскимъ и пфальцкимъ, обѣщаетъ баварскому провозгласить его швабскимъ королемъ и добыть ему часть австрійскаго наслѣдства, курфирстъ маинцкій и трирскій по слабости ничего не могутъ сдѣлать, и такимъ образомъ Франція грозитъ всемірною бурбонскою монархіею.

Въ Петербургѣ хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Маріи Терезіи и заставить признать императорскій титулъ русскихъ государей. Но австрійскіе министры и тутъ не

сдались; государственный секретарь баронъ Бартенштейнъ сказалъ Ланчинскому, что надобно подождать: «Знаете, сказалъ онъ, сколько явныхъ враговъ и тайныхъ недоброжелателей у насъ въ имперіи, особенно при предстоящемъ императорскомъ избраніи, самыя маловажныя обстоятельства толкуютъ злостно, а за такой поступокъ стали бы сильно кричать и подняли гоненіе.» Петербургскій дворъ требовалъ также, чтобъ въ перепискѣ между обоими дворами употреблялся не латинскій, а нѣмецкій языкъ, понятный правительницѣ и мужу ея. На это министры отвѣчали, что Венгрія есть первенствующее королевство въ державѣ Маріи Терезіи, а короли венгерскіе изстари употребляли латинскій языкъ. Ланчинскій возражалъ, что латинскій языкъ принадлежитъ римскимъ цесарямъ, а Марія Терезія есть нѣмецкая государыня, и Венгрія принадлежитъ ей какъ эрцгерцогинѣ австрійской; но министры упорно стояли при своемъ, указывая, что французскій посолъ не принялъ первой извѣстительной грамоты о восшествіи Маріи Терезіи на престолъ, потому что грамота была не на латинскомъ языкѣ. Министры жаловались: «У насъ сильные враги и могущественные друзья: только первые на насъ нападаютъ дѣйствительно, а дружеская помощь еще далеко, тогда какъ безъ нея, послѣ двухъ несчастныхъ, разорительныхъ войнъ, здѣшнему дому не устоять; одинъ на другаго ссылается: англійскій король указываетъ на союзъ, который надѣется заключить съ петербургскимъ дворомъ, и такъ единственная надежда остается на Россію, которая должна сдѣлать починъ и ободрить пріятелей нашихъ.»

На эти донесенія въ Петербургѣ отвѣчали: «Цѣлый свѣтъ не можетъ довольно надивиться слабому оборонительному состоянію вѣнскаго двора; надобно было ожидать, что въ такомъ крайнемъ случаѣ употребятся и крайнія мѣры. Всю тягость войны навалить на союзниковъ невозможно. Королева венгро-богемская главнѣйшая интересованная партія: отъ нея и главнѣйшія дѣйствія ожидаются, которымъ союзники должны помогать. Такіе большею частію отвѣты получаемъ отъ всѣхъ дворовъ, гдѣ мы по вѣрному нашему доброжелательству въ пользу ея величества стараемся. Вы можете внушать, что ничто другія державы не можетъ такъ склонить къ поданію скорѣйшей помощи, какъ прямыя и сильныя дѣйствія съ королевиной стороны. На жалобы

австрійскихъ вельможъ, что Россія оставляетъ ихъ безъ помощи, можете отвѣчать, что если кому жаловаться, то намъ; но избѣгая непріятныхъ объясненій, мы все предаемъ забвенію. О Франціи и сумнительныхъ ея поступкахъ мы уже давно съ вѣнскимъ дворомъ въ конфиденціи изъяснились; но жаль, что всѣ наши изъясненія были мало уважены, и слѣдствія этого теперь ясны. Швеція одною Франціею противъ насъ двигается; стараніемъ Франціи заключенъ противъ насъ оборонительный союзъ между Швеціею и Турціею; король прусскій въ надеждѣ на Францію такъ смѣло и отважно поступаетъ, ибо Франція одною миною и декларацiею могла его удержать; курфирста баварскаго Франція содержитъ и явно прочитъ его въ императоры, безъ сомнѣнія, желая доставить ему притомъ и значительную часть австрійскаго наслѣдства, ибо безъ этого императорское достоинство было бы ему тяжело; курфирстовъ кельнскаго и пфальцкаго Франція утверждаетъ въ ихъ противныхъ положеніяхъ; Англія и Голландія должны смотрѣть на Францію, боясь отъ нея нападенія, если станутъ помогать Австріи; сколько Франція помогла въ бывшихъ съ Портою несогласіяхъ и въ нынѣшнемъ послѣднемъ случаѣ, о томъ въ Вѣнѣ извѣстно, и въ томъ состоятъ всѣ плоды, которые мы всѣ до сего времени отъ Франціи имѣемъ, и можно видѣть, что она теперь ищетъ во всемъ свѣтѣ зажечь военный огонь, а потомъ уже будетъ приводить въ исполненіе свои дальновидныя намѣренія съ наибольшею силою и съ наименьшею тягостію и опасностію. Хотя жаль, что мы, отдавая сами себя и свои интересы въ руки Франціи, привели эту державу въ такое опасное для насъ состояніе: однако дѣло уже сдѣлано, и ничего другаго не остается кромѣ принятія сильныхъ мѣръ.»

Между тѣмъ въ апрѣлѣ ожидали въ Вѣну патріарха пекскаго и администратора митрополіи всего сербскаго и славянскаго народа: патріархъ долженъ былъ пріѣхать на поклонъ къ новой королевѣ Маріи Терезіи, и Ланчинскій имѣлъ указъ изъ Петербурга, чтобъ патріархъ въ своей капеллѣ отслужилъ благодарственный молебенъ о здравіи императора Іоанна, его родителей и цесаревны Елисаветы Петровны по приложенной печатной формѣ. Ланчинскій доносилъ, что указъ исполненъ съ большимъ торжествомъ: онъ, посланникъ, ѣздилъ на патріаршую квартиру

шестернею; сначала была литургія съ достодолжнымъ поминовеніемъ по формѣ, потомъ самъ патріархъ, надѣвъ богатое облаченіе и драгоцѣнную митру—даръ государей русскихъ, служилъ молебенъ съ четырьмя архіереями—петервардейнскимъ, кроатскимъ и двумя выѣхавшими изъ Турецкой Сербіи; послѣ молебна председатель патріаршей консисторіи говорилъ проповѣдь, приличную настоящему торжеству. За такой *гоноръ* Ланчинскій угостилъ патріарха рыбнымъ столомъ, и послѣ обѣда проповѣднику подарилъ на весь клиръ 50 червонныхъ, «и все обошлось къ прославленію имени императорскаго величества.»

Когда въ томъ же апрѣлѣ Ланчинскій донесъ своему двору, что въ Вѣнѣ обрадованы готовностію Англіи и Голландіи помогать венгерской королевѣ, то получилъ отвѣтъ: «Съ сожалѣніемъ мы видимъ, что до сего времени всѣ дворы, гарантировавшіе прагматическую санкцію, ограничиваются одними представленіями прусскому королю, а къ самому дѣлу или хотя къ надежному уговору и плану важныхъ дѣйствій, въ случаѣ недѣйствительности представленій, еще никто не приступаетъ. Всѣ желаютъ, чтобъ мы напередъ начали дѣйствительное нападеніе на Пруссію, ясно въ томъ намѣреніи, чтобъ насъ только затянуть, а сами напередъ будутъ смотрѣть, какъ наши дѣла пойдутъ, и тогда ужъ станутъ свои мѣры принимать. Но такимъ поведеніемъ они будутъ только дѣла тянуть, на насъ свалили всю тягость, тогда какъ мы одни достаточную силу для поправленія дѣла употребить не въ состояніи: ожидаемъ ежедневно шведскаго нападенія; слѣдовательно наше вмѣшательство въ войну повело бы только къ тому, что противная сторона съ большею силою наступила бы на австрійскія земли, и такъ какъ тамошній дворъ не въ состояніи обороняться, то отворились бы ворота и другимъ къ нападенію на владѣнія Маріи Терезіи и низложенію австрійскаго дома, несмотря на наши дѣйствія, и потомъ, соединя свои силы съ шведскими, враждебныя державы станутъ дѣйствовать и противъ насъ. Мы сами отъ души сожалѣемъ, что шведскія движенія, происходящія по французскимъ внушеніямъ и за французскія деньги, побуждаютъ насъ къ сильному вооруженію и препятствуютъ употребить всѣ наши войска въ пользу общаго дѣла. Вы можете о всемъ этомъ сообщить въ конфиденціи, при удобномъ случаѣ, въ надежномъ мѣстѣ.

На эти конфиденціи австрійскіе министры отвѣчали печальными минами, пожатіемъ плечъ и замѣчаніемъ, что въ Швеціи еще не рѣшена война съ Россіею. Тогда велѣно было Ланчинскому изложить подробнѣе поведеніе Россіи со смерти императора Карла VI: «Тотчасъ по смерти цесарской, предусмотря всѣ печальныя слѣдствія, какія должно имѣть во всей Европѣ это горестное событіе, мы тотчасъ обратились ко всѣмъ державамъ, заинтересованнымъ въ вольности и равновѣсіи Европы, съ увѣщаніемъ принять заблаговременно нужныя и серіозныя мѣры для поддержанія прагматической санкціи, представляя свою готовность къ общему соглашенію; а какъ скоро узнали о намѣреніи прусскаго короля вступить въ Силезію, то, не дожидаясь никакого требованія отъ вѣнскаго двора, тотчасъ написали объ этомъ прусскому королю въ наисильнѣйшихъ выраженіяхъ и, не довольствуясь этимъ, всѣмъ прочимъ державамъ живыми красками представили важность прусскаго предпріятія, склоняя ихъ къ наискорѣйшему соглашенію для общаго съ нами дѣйствія. Мы же, сверхъ того, тотчасъ сдѣлали распоряженіе, чтобъ изъ разбросаннаго по всему государству войска собранъ былъ значительный корпусъ. Все это было сдѣлано нами, пока еще не открыты были шведскія движенія, пока еще мы, подобно другимъ, не могли думать, что Франція намѣрена привести Швецію въ состояніе дѣйствительно начать съ нами войну. Какимъ образомъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ со стороны другихъ поступлено; о медленности, о заботливости каждой державы только о своихъ частныхъ выгодахъ здѣсь распространяться не для чего: но вѣрно одно, что отъ этого Франція получила свободное время и способы привести свои дальновидныя и нами давно предусмотрѣнныя намѣренія къ такой зрѣлости, что нынѣ явно со всѣхъ сторонъ можетъ снять маску. Мы первые почувствовали ея злобу за наше постоянное союзническое усердіе къ австрійскому дому; мы ежедневно должны ожидать непріятельскаго нападенія со стороны Швеціи, которая, кромѣ флота и галеръ, уже придвинула къ нашимъ границамъ 30.000 войска; отъ этого нападенія ничто на свѣтѣ отвратить ее не можетъ, кромѣ готовности съ нашей стороны встрѣтить ее съ превосходными силами. Война должна быть самая серіозная, потому что шведскій флотъ будетъ усиленъ французскими кораблями, а сухопутная армія бу-

детъ удвоена вслѣдствіе рѣшенія шведскаго крестьянскаго сословія. Напрасно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ себя льстятъ, что эта шведская война еще не такъ близка: мы здѣсь, находясь меньше чѣмъ въ 150 верстахъ отъ шведской границы, лучше о томъ разсуждать можемъ.» Такъ какъ Франція показывала явно свое недоброжелательство и къ королевѣ венгерской, то Ланчинскій долженъ былъ представлять министрамъ Маріи Терезіи о необходимости скорѣйшаго примиренія съ Пруссіею, хотя бы и съ пожертвованіемъ чего-нибудь, потому что «при продолженіи войны о крѣпчайшемъ короля прусскаго соединеніи съ Швеціею сомнѣваться не надлежитъ.»

Сильно сталъ домогаться Ланчинскій примиренія Маріи Терезіи съ Фридрихомъ II, когда получилъ изъ Парижа отъ Кантемира извѣстіе, что сорокатысячное французское войско готово къ переходу чрезъ Рейнъ для соединенія съ курфирстомъ баварскимъ и для нападенія вмѣстѣ съ нимъ на Богемію; онъ представлялъ австрійскимъ министрамъ о неотлагаемой нуждѣ привлечь въ общій союзъ короля прусскаго, который такъ силенъ, что великій вѣсъ придастъ поддерживаемой имъ сторонѣ; представлялъ, что надобно спѣшить этимъ дѣломъ, чтобъ быть въ состояніи сопротивляться Франціи, Испаніи и Баваріи, которыя хотятъ разгромить австрійскій домъ. Министры признавали необходимость примиренія съ Пруссіею, но спрашивали, какъ этого достигнуть, когда Фридрихъ II такъ возвысилъ свои требованія, что безъ отдачи въ вѣчное владѣніе всей Нижней Силезіи съ Бреславлемъ не мирится; жаловались на Англію: въ Ганноверѣ заключена была конвенція объ обновленіи прежнихъ договоровъ; но что ганноверскіе министры съ трудомъ построили, то англійскіе вдругъ разорили: король обѣщалъ прислать на помощь королевѣ 6000 Гессенъ-кассельцевъ и столько же Датчанъ, и не исполнилъ обѣщанія, а еслибъ исполнилъ, то теперь прусскаго войска уже давно не было бъ въ Силезіи; теперь Англія требуетъ, что для общаго блага надобно что-нибудь уступить Фридриху II изъ Силезіи. Польскій король не отказывался начать военныя дѣйствія съ опредѣленнаго въ англійской конвенціи времени; но Англія его удержала, слѣдовательно то государство, которое должно было подать примѣръ другимъ союзникамъ и поручителямъ, остановило доброе намѣреніе всѣхъ; а Франція поднимаетъ войну

противъ королевы подъ предлогомъ, что королева вступила въ тайныя обязательства съ Англіею. Королева не можетъ исполнить требованіе Англіи, т.-е. уступить Фридриху II что-нибудь изъ Силезіи, ибо это было бы противно интересамъ короля польскаго какъ курфирста: Саксонія стоитъ коммерціею и мануфактурами, а король прусскій, какъ скоро получитъ часть Силезіи, тотчасъ причинитъ немалый вредъ саксонской торговлѣ и промышленности.

«Здѣшнее смущеніе велико, писалъ Ланчинскій: съ горя говорятъ, что если поручители за прагматическую санкцію оставятъ королеву безъ помощи, то принуждена будетъ раздѣлываться съ тою стороною, гдѣ будетъ меньше потери, потому что утопающій и за бритву хватается; потомъ всякій свою очередь имѣть будетъ, особенно Ганноверъ, а намъ противъ Пруссіи, Франціи, Испаніи и Баваріи однимъ стоять нельзя, и ждать, чтобъ Баварецъ, вступивъ въ Богемію, короновался тамъ. Министры говорятъ, что еслибъ французская война противъ королевы была такъ же невѣрна, какъ и нападеніе Шведовъ на Россію, то здѣшній дворъ въ утѣсненіи своемъ отъ прусскаго короля имѣлъ бы отраду.»

Дворъ и министры иностранные находились все это время въ Пресбургѣ.

Когда въ сентябрѣ Ланчинскій извѣстилъ Марію Терезію, что Швеція объявила войну Россіи, то королева отвѣчала: «вѣрю и надѣюсь, что Богъ постыдитъ непріятеля несправедливо нападающаго.» Потомъ, пожавъ плечами, продолжала: «Я сама нахожусь въ такомъ же положеніи, и безъ средствъ къ сопротивленію; на меня нападаютъ со всѣхъ сторонъ, и непріятель уже проникъ въ сердце моихъ владѣній и грозитъ крайнею погибелью, а помощи ни откуда не ожидаю. Однако у Россіи собрано болѣе 100.000 войска, могла бы и мнѣ сколько-нибудь на помощь удѣлить; Шведы всѣ русскія силы на сухомъ пути занять не въ состояніи, а дѣйствовать моремъ уже время прошло. Королю прусскому Нижняя Силезія уже предложена, но недоволенъ: требуетъ Верхней, и притомъ хочетъ оставаться нейтральнымъ. Баварцы уже взяли Линцъ, Вѣнѣ грозитъ осада; я остаюсь здѣсь, надѣясь на вѣрность моихъ Венгерцевъ. Буду принимать крайнія мѣры, предавшись въ волю Божію. Донесите, что я больше всего надѣялась и еще надѣюсь на близкое родство и союзъ вашего государя» [76].

Мы видѣли, что въ концѣ 1740 года въ Петербургѣ нѣкоторые хотѣли подождать и заключеніемъ союзнаго договора съ Пруссіею и вспоможеніемъ Австріи, но Минихъ не хотѣлъ ждать, и договоръ былъ заключенъ. Разумѣется въ пользу заключенія союза онъ могъ выставить опасность со стороны Шведовъ, которые не посмѣютъ напасть на Россію, когда будутъ знать, что въ случаѣ этого нападенія король прусскій по договору будетъ помогать Россіи; Минихъ могъ выставить и то, что, вслѣдствіе сближенія съ Пруссіею, легче будетъ сдерживать ея короля отъ дальнѣйшихъ движеній противъ Австріи. Фридрихъ II, съ своей стороны, не щадилъ обѣщаній и подарковъ, чтобъ побудить Миниха и другихъ вліятельныхъ людей дѣйствовать въ пользу Пруссіи. Онъ прислалъ въ Петербургъ хлопотать о союзѣ родственника Минихова Винтерфельда [77], подарилъ женѣ Миниха перстень въ 6000 рублей, сыну 15.000 талеровъ и имѣніе въ Бранденбургѣ [78]; прусская королева прислала Юліи Менгденъ портретъ свой, осыпанный брилліантами [79]. Но понятно, что враги Миниха, которые подъ нимъ подкапывались, обвиняли его въ приверженности къ Фридриху II-му, вредной для Россіи и для Европы; это обвиненіе было очень важно въ глазахъ принца Антона и его жены, которые были за Австрію. Между правительницею и первымъ министромъ были сильныя столкновенія изъ-за Пруссіи и Австріи: «Вы всегда за прусскаго короля! сказала съ сердцемъ Анна Леопольдовна Миниху; я увѣрена, что какъ только мы двинемъ войска, то прусскій король отзоветъ свои изъ Силезіи» [80]. Въ февралѣ 1741 года англійскій посланникъ Финчъ имѣлъ разговоръ съ принцемъ Антономъ, который сказалъ ему, что прусскій король употребляетъ въ свою пользу сильныя средства: предложилъ правительницѣ наслѣдство Мекленбурга послѣ отца и дяди ея, ему, принцу, Курляндію, но что эти предложенія не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія; но Минихъ совершенно на сторонѣ Пруссіи. Прусскій посланникъ Мардефельдъ предлагалъ 100.000 кронъ Геннингеру, бывшему учителю правительницы, думая, что онъ имѣетъ сильное вліяніе на ученицу; но тотъ отказался, и тотчасъ объявилъ правительницѣ объ этомъ предложеніи [81].

Отъ 20 генваря Бракль доносилъ изъ Берлина, что король изъявилъ ему свое удовольствіе о заключеніи договора между

Россіею и Пруссіею и обнадежилъ, что если Шведы предпримутъ что-нибудь противъ Россіи, то онъ, несмотря на силезскую войну, какъ вѣрный и истинный союзникъ, будетъ помогать Россіи. Относительно Курляндіи Фридрихъ II обѣщалъ дѣйствовать заодно съ Россіей и поддерживать ея требованіе въ Польшѣ и при саксонскомъ дворѣ; обѣщалъ ходатайствовать на имперскомъ сеймѣ, чтобъ священная Римская имперія признала другую имперію, Всероссійскую, признавъ за русскимъ государемъ императорскій титулъ. Но заключеніе оборонительнаго союза съ Пруссіей ставило русское правительство въ затруднительное положеніе: у него существовалъ издавна такой же союзъ съ Австріею, на которую напалъ Фридрихъ II и которую слѣдовательно она должна была защищать отъ него; Россія должна была дѣлать новому союзнику непріятное для него представленіе, чтобъ онъ удержался отъ нападенія на другаго ея союзника. Браклю посланъ былъ 28 февраля рескриптъ: «Можете вы его королевскому величеству о нашемъ истинномъ высокопочитаніи къ дружбѣ онаго засвидѣтельствовать и обнадежить, что представленія, кои мы ему о наступленіи на герцогство шлезинское учинить необходимо принуждены были, подлинно отъ вѣрнаго, сущаго и благаго сердца произошли, и намъ ничего радостнѣе не было бъ, какъ чтобъ его королевское величество склоннымъ уступленіемъ усильному нашему прошенію насъ въ состояніе привесть изволилъ, ему при всѣхъ случаяхъ въ дѣйствѣ самомъ показать, коль высоко мы дружбу онаго почитаемъ и коль зѣло мы въ другихъ случаяхъ интересы онаго по лучшей возможности поспѣшествовать склонны будемъ.» Въ другомъ циркулярномъ рескриптѣ излагались побужденія, заставившія заключить союзъ съ Пруссіею: «Нынѣ владѣющее его королевское величество прусское тотчасъ по преставленіи короля отца своего о возобновленіи между обоими дворами оборонительнаго союза желаніе свое объявилъ и у вселюбезнѣйшей государыни бабки нашей домогаться велѣлъ, на которое возобновленіе отъ ея величества со всякою склонностію поступлено и еще при жизни ея совсѣмъ на мѣрѣ поставлено; но за приключившимся вскорѣ преставленіемъ ея величества совершенно заключено быть не могло. Его королевское величество потомъ и у насъ сіе свое желаніе повторить повелѣлъ, и мы на такое возобновленіе съ толь вящею готовностію поступили,

понеже 1) весьма непристойно было одной державѣ, которая нашей дружбы и союза искала, въ томъ въ самомъ началѣ нашего государствованія отказать; 2) сей союзъ просто оборонительный и никому къ предосужденію не касается; 3) собственное наше истинное желаніе есть съ королемъ прусскимъ и съ бранденбургскимъ домомъ ненарушимую добрую дружбу содержать, да сверхъ того 4) справедливо уповать имѣли, что чрезъ возобновленіе сего союза при нынѣшнихъ случаяхъ въ Европѣ генеральный покой еще столь наипаче утвердиться можетъ. И хотя при самомъ совершеніи сего дѣла вѣдомость получена, коимъ образомъ король прусскій намѣреніе взялъ военною рукою въ Шлезію вступить, о чемъ до того времени нималѣйшее извѣстіе не имѣлось, однакожъ и за тѣмъ заключеніе онаго остановить тѣмъ наипаче не заблагоразсудили, понеже сей союзъ прежнимъ съ другими державами нашимъ обязательствамъ ни въ чемъ силу не отнимаетъ, и мы еще надѣяться могли, что наши доброжелательныя королю прусскому чинимыя представленія для отвращенія онаго отъ такого дальновиднаго намѣренія чрезъ то тѣмъ вящше дѣйствительны быть могутъ, когда его величество усмотритъ, что мы въ прочемъ въ совершенномъ добромъ согласіи и соединеніи съ нимъ быть истинно желаемъ.» Отъ того жъ числа былъ отправленъ Браклю другой рескриптъ, въ которомъ говорилось: «О нашемъ съ королемъ прусскимъ возобновленномъ трактатѣ мы увѣдомились, что объ ономъ не токмо разнымъ чужестраннымъ министрамъ въ Берлинѣ открыто, но и многимъ дворамъ формальныя нотификаціи о томъ учинены, и понеже сіе сообщеніе неинако какъ вообще и съ здѣшнимъ позволеніемъ учиниться надлежитъ, то мы желали же бы, что съ королевско-прусской стороны по тому жь бы поступлено было, тѣмъ наипаче, ибо сіе возобновленіе воспослѣдовало, когда здѣсь о учиненномъ вступленіи въ Шлезію еще никакой вѣдомости не было, и сія съ прусской стороны учиненная нотификація всякія непристойныя толкованія во многихъ мѣстахъ произвела, хотя нашего намѣренія никогда не было, чрезъ сей трактатъ нашимъ напредъ сего съ другими державами имѣющимъ обязательствомъ наималѣйшій ущербъ приключить.»

Фридрихъ II не отвергалъ посредничествъ Россіи и Англіи въ примиреніи его съ Австріею; но на какихъ условіяхъ онъ хо-

тѣлъ мириться, это видно изъ письма его къ Миниху отъ 30 января по поводу заключенія союза съ Россіею: «Прежде я былъ безсоюзенъ и дѣйствовалъ не открываясь никому: теперь у меня есть союзники, и я хочу увѣдомить ихъ о всѣхъ моихъ намѣреніяхъ, чтобъ дѣйствовать съ ними заодно.» Описавъ свои успѣхи въ Силезіи и выставивъ, что только одна умѣренность воспрепятствовала ему преслѣдовать австрійскія войска до самой Вѣны, Фридрихъ продолжаетъ: «У меня нѣтъ намѣренія уничтожить австрійскій домъ, я хочу просто поддержать мои неоспоримыя права на часть Силезіи. Я надѣюсь, что если вѣнскій дворъ обратитъ вниманіе на ваши совѣты и посредничество, то онъ признаетъ мои права и дастъ мнѣ возможность употребить въ его пользу то самое оружіе, которое онъ принудитъ меня обратить противъ него, если не признаетъ моихъ правъ. Вы видите, что я открываю вамъ свое сердце со всевозможною искренностію. Такъ я буду поступать всегда въ отношеніи къ вамъ» [82].

Минихъ потерялъ мѣсто перваго министра; Остерманъ, вѣрный началу политическаго равновѣсія, твердитъ, что необходима осторожность съ такимъ предпріимчивымъ государемъ, какъ прусскій король, и что малѣйшее раздробленіе австрійскихъ владѣній нанесетъ ударъ Европѣ [83]. Но Остерманъ занятъ внутренними дѣлами, непрочностью своего положенія, движеніями Швеціи, а между тѣмъ Бракель явно держалъ сторону Пруссіи, настаивалъ, что не слѣдуетъ вмѣшиваться въ войну и помогать Австріи, что отъ невмѣшательства другихъ державъ война скорѣе прекратится. Отъ 25 апрѣля Бракель писалъ: «Я совершенно удостовѣренъ, что король прусскій понынѣ еще ни въ какія обязательства съ Франціею и Шведами не вступалъ, и никакъ на это не рѣшится безъ самой крайней нужды; а между тѣмъ несомнѣнно и то, что никакими представленіями и переговорами нельзя его склонить къ очищенію Силезіи. Поэтому очень сомнительно, успѣютъ ли силою въ своемъ намѣреніи державы, поручившіяся за прагматическую санкцію, т.-е. успѣютъ ли возстановить опять тишину и соблюдутъ ли цѣлость австрійскихъ владѣній безъ малѣйшаго ущерба. Венгерская королева имѣетъ достаточныя силы сравнительно съ здѣшними, а въ способахъ къ веденію войны превосходитъ Пруссію, такъ что съ однимъ Фридрихомъ II она можетъ управиться. Пока Австрія и Пруссія

однѣ ведутъ между собою войну, до тѣхъ поръ пути къ скорому примиренію отворены, и обѣ воюющія стороны сами утомиться могутъ; если же вся Европа приведена будетъ въ движеніе, то легко произойдетъ тридцатилѣтняя война, по окончаніи которой Римляне (католики) будутъ имѣть пользу и удовольствіе, потому что протестанты или совершенно искоренятъ другъ друга, или, по крайней мѣрѣ, обезсилѣютъ.» Потомъ, донося, что Франція предлагаетъ Пруссіи 60.000 вспомогательнаго войска, Бракель настаиваетъ, что державы, которымъ усиленіе Франціи можетъ быть опасно, должны обратить всѣ свои силы только противъ этой державы. Когда въ Петербургъ стали приходить слухи, что прусскій король входитъ въ тѣсную связь съ Швеціею, то Бракель писалъ: «Не могу понять, на чемъ нѣкоторые иностранные министры, находящіеся въ Силезіи, основываютъ свои утвержденія, будто прусскій король вступилъ въ обязательство съ Швеціею? По крайней мѣрѣ надобно великому государю или министерству его вѣрить до тѣхъ поръ, пока противное ихъ увѣреніямъ не окажется безпрекословнымъ; но король самъ объявляетъ, что у него свободныя руки, ни въ какія обязательства еще не вступилъ: поэтому не вижу, для чего бы онъ сталъ вредить собственному интересу, отнимая у всѣхъ возможность вѣрить себѣ? Еслибы вѣнскій дворъ согласился на миръ, то здѣшній дворъ охотно исполнилъ бы всѣ обязательства свои противъ Швеціи и Франціи и на самомъ дѣлѣ опровергъ всѣ подозрѣнія.

Изъ Петербурга писали Браклю: «Прусскія представленія, какъ дѣлаемыя вамъ въ Берлинѣ, такъ и здѣсь чрезъ посла Мардефельда, сопровождаются всегда такими внушеніями, которыя отзываются угрозами; объявляютъ, что при первомъ движеніи съ нашей стороны Пруссія будетъ принуждена употребить другія мѣры, вступить въ союзъ съ другими державами. Мы думаемъ, что такія угрозы дѣлаются очень не во-время; всего менѣе мы могли ихъ заслужить, потому что дружба Россіи была очень полезна бранденбургскому дому: въ недавнее время развѣ не Россія доставила ему Штетинъ и Померанію, хотя Пруссія ее за это покинула и заключила съ Швеціею отдѣльный миръ; можно безъ похвалы бы сказать, что Россія не мало способствовала нынѣшней силѣ и значенію королевско-прусскаго двора,

и, разумѣется, имѣетъ полное право желать взаимности. Здѣсь поступается съ доброю вѣрою и вѣрностію и съ наилучшимъ намѣреніемъ, и хотя мы нынѣшняго прусскаго предпріятія не одобряемъ или одобрять не можемъ и объ этомъ свое мнѣніе королю чистосердечно даемъ знать, однако наше поведеніе не заслуживаетъ такихъ ненавистныхъ угрозительныхъ изъясненій; принятіе благонамѣренныхъ представленій, кажется, было бы полезнѣе. Безумный поступокъ шведскаго министерства приписывается прусскимъ предложеніямъ, и подлинно извѣстно, что Пруссія всюду дѣлаетъ различныя внушенія противъ насъ»[84]. Въ чемъ же состоялъ безумный поступокъ шведскаго министерства?

1 января Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ писалъ изъ Стокгольма, что ѣздилъ видѣться съ извѣстнымъ пріятелемъ, котораго нашелъ въ большомъ смущеніи и печали: пріятель объявилъ, что начало сейма не таково, какъ надѣялись; въ секретной коммиссіи, въ двухъ чинахъ, дворянскомъ и городскомъ, большинство принадлежитъ противной сторонѣ, и потому надобно стараться получить большинство въ городскомъ чинѣ: такъ какъ тамъ уже есть на нашей сторонѣ человѣкъ шесть, то къ нимъ надобно *закупить* персонъ восемь или десять, для чего надобно денегъ. Бестужевъ отвѣчалъ, что ему, пріятелю, извѣстно самому, съ какою охотою императоръ принималъ всѣ ихъ предложенія, не жалѣлъ ни труда, ни денегъ, и теперь онъ, Бестужевъ, готовъ сдѣлать все, что можетъ содѣйствовать достиженію извѣстной цѣли, только бы русскія деньги не понапрасну были истрачены, ибо что касается подкупа бюргеровъ, то бюргеры люди непостоянные, много обѣщаютъ и деньги берутъ отъ обѣихъ сторонъ, и только обманываютъ, какъ на прошломъ сеймѣ случилось; мелкими суммами давать имъ денегъ впередъ не слѣдуетъ, ибо они деньги возьмутъ и потомъ обманутъ, а надобно обѣщать каждому, смотря по человѣку, извѣстную сумму и накрѣпко ихъ обнадежить, что если они при справедливомъ дѣлѣ непоколебимо съ нами до конца останутся, тогда каждый обѣщанную сумму получитъ, а для увѣренія ихъ показать имъ такое мѣсто, откуда они непремѣнно деньги получатъ. Пріятель согласился; но когда онъ сталъ совѣтоваться съ своими друзьями, тѣ объявили, что съ бюргерами не нужно всту-

пать въ дѣло, потому что въ секретной коммиссіи всѣ они изъ мелкихъ городовъ и люди пустые, положиться на нихъ нельзя; но лучше держаться дворянскаго чина, изъ котораго въ коммиссіи пятнадцать надежныхъ людей, и если къ нимъ закупить еще двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ, то большинство будетъ на нашей сторонѣ.

Въ Петербургѣ были недовольны Бестужевымъ, который сначала представлялъ дѣла въ болѣе благопріятномъ видѣ, чѣмъ какъ они впослѣдствіи оказались. Бестужевъ объяснялъ неблагопріятный оборотъ смертію императрицы Анны, что потревожило друзей Россіи и ободрило противную партію, которая поспѣшила воспользоваться случаемъ, разглашая всевозможныя лжи. Бестужевъ писалъ, что присланныя къ нему десять тысячъ червонныхъ всѣ употреблены, и хотя на эти деньги желаемаго большинства не получено, однако все же пріобрѣтена та выгода, что не допущено до примиренія русской партіи съ противною, чего онъ, Бестужевъ, не мало опасался, ибо противная партія сильно искала этого примиренія при помощи французскаго посла; самъ король какъ извѣстному пріятелю, такъ и другимъ друзьямъ Россіи предлагалъ о примиреніи; но деньги и обѣщанія поддержки въ будущемъ не допустили до примиренія, что и надобно продолжать, ибо главный русскій интересъ состоитъ въ томъ, чтобъ въ шведскомъ народѣ было всегда раздѣленіе. Король отдался въ руки Гилленборгу, хотя и не отъ чистаго сердца, но это все равно, ибо дѣлаетъ по его, а это вредитъ русскимъ намѣреніямъ.

Въ февралѣ пріятели объявили, что обѣщаніями ничего нельзя сдѣлать, надобно немедленно употребить деньги для составленія большинства въ секретной коммиссіи. Бестужевъ далъ деньги; но секретарь англійскаго посольства объявилъ, что не дастъ денегъ до тѣхъ поръ, пока при какомъ-нибудь важномъ рѣшеніи большинство не окажется противъ министерства. Англичанинъ былъ правъ: русскія деньги пропали; потому что въ томъ же февралѣ секретная коммиссія оказалась враждебною Россіи, вслѣдствіе чего пошли опять толки о войнѣ и молодые офицеры стали говорить объ ней какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Бестужевъ писалъ: «Когда здѣшнее министерство усмотритъ, что Россія рѣшилась помогать королевѣ венгерской, то вступитъ съ

королемъ прусскимъ во всякія интриги и коварства противъ Россіи. Отъ шведскаго короля ни добраго, ни худаго ожидать не слѣдуетъ: какъ бы дѣла ни пошли, та или другая партія одолѣетъ — ему все равно, лишь бы его величество съ извѣстною дамой въ покоѣ время свое проводить могъ. Дѣла нынѣ находятся въ кризисѣ; между обѣими партіями разгорѣлась такая сильная вражда, что въ послѣднемъ засѣданіи въ риттергаузѣ едва не дошло до кровопролитія.» 26 февраля въ полночь одинъ надежный пріятель, первый секретарь канцеляріи по иностраннымъ дѣламъ, баронъ Гильденштернъ вышелъ изъ дома русскаго посланника вмѣстѣ съ мекленбургскимъ концелейратомъ Кеппеномъ и вдругъ былъ схваченъ пятью людьми, а Кеппенъ возвратился разсказать Бестужеву объ этомъ событіи. Посланника схватила лихорадка и начался ломъ въ ногѣ при этомъ извѣстіи: схваченный пріятель былъ, по его мнѣнію, человѣкъ самый добрый и честный, любимецъ всей доброй партіи, происходилъ отъ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій, находился въ родствѣ съ графомъ Горномъ. Посланнику было очень чувствительно то, что пресѣкался источникъ извѣстій, которымъ онъ пользовался въ послѣдніе три года; схваченному будетъ поставлено въ вину, зачѣмъ онъ при такихъ обстоятельствахъ былъ тайкомъ у русскаго посланника; другіе друзья сильно встревожатся и перестанутъ водиться съ Бестужевымъ; Кеппенъ находится въ опасности, потому что его считаютъ шпіономъ русскаго посланника. У Гильденштерна нашли письмо отъ старика Горна, въ которомъ тотъ благодарилъ его за точную корреспонденцію и давалъ знать, что всѣ письма его сожжены. Вмѣстѣ съ захватомъ Гильденштерна произведено было нѣсколько другихъ арестовъ, которые навели ужасъ на партію мира. Бестужевъ писалъ отъ 5 марта: «Секретная коммиссія вмѣстѣ съ министерствомъ такъ деспотически поступаютъ, что и въ самодержавныхъ государствахъ такого примѣра не бывало. Слышу, что несчастный Гильденштернъ многихъ изъ нашей партіи оклеветалъ; увидимъ, что дальше будетъ; только это злое министерство и его клики такъ жестоко здѣсь въ городѣ простой народъ противъ Россіи и меня возстановили и озлобили, что сказать нельзя; а я съ печали духомъ и тѣломъ боленъ, подагра возобновилась. Однако ѣздилъ я ко двору на обыкновенное со-

браніе и болѣе двухъ часовъ пробылъ тамъ бодро и смѣло. Мнѣ дали знать, что на прошлой недѣлѣ въ секретной коммиссіи рѣшенъ вопросъ о войнѣ; надобно быть во всякой осторожности и готовности, ибо теперь всякаго зла отъ нихъ ожидать надобно. Друзей нашихъ всегда такое мнѣніе было, что если ни труды, ни деньги, ни терпѣніе, ни умѣренность не помогутъ, то надобно смирить оружіемъ, отнять Финляндію, что можетъ быть окончено въ одну кампанію; жители финляндскіе такъ шведскимъ правительствомъ скучаютъ, что съ охотою поддадутся Россіи. Замѣчательно, что посолъ французскій иначе сталъ теперь поступать чѣмъ прежде, и не даромъ у противной партіи обнаружился такой военный жаръ. Мои служители едва смѣютъ выходить изъ дому; надобно опасаться, чтобъ и мнѣ самому какого оскорбленія не нанесли. Кеппену велѣно выѣхать въ 24 часа изъ Стокгольма и въ 8 дней изъ Швеціи за то только, что изъ моего дома вмѣстѣ съ Гильденштерномъ вышелъ и у меня безпрестанно бывалъ. Слышу, будто хотятъ на меня у вашего величества жалобы приносить, что я канцелярскихъ служителей подкупаю и раздѣленіе въ народѣ производу. Что касается подкупа, то, еслибъ можно было, я подкупилъ бы весь ихъ сенатъ для интересовъ вашего величества; относительно же раздѣленія въ народѣ, хотя въ девятилѣтнее мое здѣсь пребываніе я сблизился со многими особами и могъ бы ревностныя услуги вашему величеству оказать, еслибы дѣла пошли иначе; но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ я сталъ здѣсь очень непотребенъ, ибо друзья мои чрезъ третьяго и четвертаго человѣка меня просили не только самому съ ними не видаться, но и людей моихъ къ нимъ не присылать. Я не въ состояніи что-либо провѣдать; увѣдомляю объ одномъ, чтобъ у насъ были осторожны. Всѣ важныя бумаги мои я передалъ голландскому министру.»

19 марта Бестужевъ писалъ: «Такъ какъ велѣно флотъ экипировать, то ясно, что Франція Шведовъ на то подвигнула и денегъ дать обѣщала, ибо своими средствами Шведы этого дѣлать не въ состояніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Франція тутъ дѣйствуетъ и коварство свое производитъ, дабы всегда содержать Россію въ тревогѣ и опасеніи отъ здѣшней стороны и не дать ей возможности употребить свои силы въ другомъ мѣстѣ. Мы надѣялись, что англійскія предложенія субсидій про-

изведутъ какую-нибудь перемѣну въ дѣлахъ, но вмѣсто того секретарю англійскаго посольства запрещено являться ко двору.» 2 апрѣля Бестужевъ доносилъ: «Никакой Шведъ ко мнѣ въ домъ ходить не смѣетъ, потому я здѣсь живу въ такомъ положеніи, какъ будто Россія со Швеціею дѣйствительно находилась въ войнѣ; бывшіе въ моей службѣ Шведы меня оставили; простой народъ всякими ежедневно вымышляемыми разглашеніями возбуждается противъ Россіи, а еслибы кто эти лжи вздумалъ опровергать, то его сейчасъ называютъ измѣнникомъ или Русскимъ, и послѣднее слово между простыми людьми считается браннымъ.» Наконецъ шведское правительство стало отказывать русскому государю въ императорскомъ титулѣ, утверждая, что этотъ титулъ давался всѣмъ предшественникамъ Іоанна III лично.

Впрочемъ апрѣль, май, половина іюня прошли спокойно. Бестужевъ доносилъ, что, судя по приготовленіямъ, Швеція не можетъ сдѣлать противъ Россіи ничего важнаго, и вообще военныя силы ея находятся въ плохомъ состояніи. Отъ 19 іюня Бестужевъ писалъ: «Изъ всѣхъ здѣшнихъ дѣлъ и поступковъ можно видѣть, что графъ Гилленборгъ хотя бы и хотѣлъ со мною объясниться или рѣшить дѣло объ императорскомъ титулѣ, но не можетъ, потому что всѣ здѣшнія военныя движенія и приготовленія сдѣланы по побужденію французскому, Франція обѣщала заплатить за издержки, слѣдовательно министерство безъ позволенія ея ничего сдѣлать не можетъ; притомъ же графъ Гилленборгъ обѣщалъ войну здѣшнимъ молодымъ людямъ, и потому не можетъ склониться на примиреніе съ Россіею въ видахъ охраненія своего кредита и своего положенія. Наконецъ, министерство внушило народу, что Россія изъ страха предъ войною отдастъ Швеціи, по крайней мѣрѣ, Выборгъ.» Бестужевъ прибавляетъ, что у Шведовъ есть надежда на какую-то смуту въ Россіи. Русскій агентъ Шевіусъ доносилъ о слухѣ между Шведами, что въ Россіи будетъ бунтъ въ пользу цесаревны Елисаветы, что фельдмаршалъ Ласи съ 60.000 войска уже идетъ изъ Лифляндіи къ Петербургу, что къ Ласи конечно пристанетъ и большая часть гвардіи, и тутъ-то для Швеціи настанетъ желанное время ловить рыбу въ мутной водѣ; говорили, будто цесаревна тайно отправилась изъ Петербурга въ Москву, гдѣ будетъ дожидаться украинской арміи и будетъ объявлена импера-

трицею. Потомъ стали говорить, будто шведскій уполномоченный во Франціи, графъ Тессинъ пріѣхалъ въ Швецію вмѣстѣ съ графомъ Морицомъ Саксонскимъ, который съ принцессою Елисаветою тайно сговоренъ, будто Елисавета уже въ Финляндіи, откуда вступитъ вмѣстѣ съ Морицомъ въ Россію впереди шведской арміи, а въ Россіи болѣе половины войска на ея сторонѣ. Вспомнили и о старомъ газетномъ слухѣ, пущенномъ при Аннѣ для объясненія казни Долгорукихъ: толковали, что женихъ Елисаветы не Морицъ, а Нарышкинъ, живущій во Франціи. Шевіусъ ходилъ по стокгольмскимъ кофейнымъ и слышалъ тамъ толки молодежи, что миръ между Россіею и Турціею непроченъ: какъ скоро Швеція объявитъ Россіи войну, то и Турція сдѣлаетъ то же самое, и Поляки не утерпятъ, сядутъ на коней; Пруссія не поможетъ Россіи, потому что ее удержитъ Франція. Шведы боялись одного Миниха, признавая за нимъ большія военныя способности; но и насчетъ Миниха ходили слухи, что онъ или умеръ, или подъ арестомъ, или сосланъ.

3 іюля Бестужевъ далъ знать, что «шведская горячность къ войнѣ» начала усиливаться. Сеймъ все еще тянулся; когда депутаты духовнаго и крестьянскаго чиновъ спрашивали, къ чему дѣлаются такія издержки на вооруженіе, то получали въ отвѣтъ, что военныя приготовленія Швеціи ничего не стоятъ и Франція Швецію никогда не оставитъ; что Швеція должна воспользоваться нынѣшними благопріятными обстоятельствами, и для этого она должна быть вооружена, и вооружается она на чужія деньги. Отъ 21 іюля Бестужевъ увѣдомилъ, что 17 числа въ сенатѣ было разсужденіе, теперь ли начинать войну съ Россіею или нѣтъ: «Поэтому, писалъ Бестужевъ, да соизволитъ ваше величество во всякой готовности и осторожности быть. Если сначала Шведамъ не удастся и они будутъ побиты, то и война можетъ этимъ окончиться, ибо всему свѣту извѣстно, что Шведы войны долго выдержать не могутъ. Мнѣ необходимо выѣхать отсюда какъ можно скорѣе, ибо нельзя ждать какихъ-либо объясненій и примиренія.» 28 іюля явился къ Бестужеву надворный канцлеръ и объявилъ, что король съ четырьмя государственными чинами усмотрѣлъ себя принужденнымъ объявить войну царю россійскому. Причины войны въ манифестѣ были объявлены слѣдующія: русскій дворъ во многихъ случаяхъ мало уважалъ на-

родныя права самыя священныя; не упоминая объ оскорбительныхъ угрозахъ, онъ нарушилъ 7 параграфъ Ништадтскаго мира, вмѣшиваясь непозволительнымъ образомъ во внутреннія дѣла королевства для возбужденія смуты и для установленія престолонаслѣдія по своей волѣ, вопреки правамъ чиновъ. Русскій дворъ постоянно говорилъ съ Швеціею языкомъ высокомѣрнымъ, неприличнымъ между государствами равными и независимыми. Судамъ въ Россіи было именно запрещено удовлетворять справедливымъ жалобамъ шведскихъ подданныхъ, распоряженіе, котораго постыдились бы и варвары; запрещено вывозить хлѣбъ въ Швецію, тогда какъ это запрещеніе не касалось другихъ народовъ. Есть столкновенія, которыя можно отстранить путемъ переговоровъ, но за оскорбленіе можно удовлетворить только съ оружіемъ въ рукахъ: таково оскорбленіе, нанесенное убійствомъ Синклера [85].

Русскій манифестъ отъ имени императора Іоанна былъ выданъ 13 августа; въ немъ, между прочимъ, говорилось: «Между невѣрными и дикими, Бога не исповѣдающими поганами, не только между христіанскими державами, еще не слыхано было, чтобъ, не объявя напередъ о причинахъ неудовольства своего, или не учиня по послѣдней мѣрѣ хотя мало основанныхъ жалобъ, и не требуя о пристойномъ поправленіи оныхъ, войну начать, какъ то дѣйствительно нынѣ отъ Швеціи чинится» [86]. Въ изданномъ того же числа указѣ говорилось, что императоръ, несмотря на вышеупомянутый со шведской стороны неправедный, Богу противный поступокъ, по великодушію своему повелѣлъ: шведскимъ подданнымъ, со всѣмъ принадлежащимъ имъ имѣніемъ, пока они отсюда и изъ другихъ мѣстъ россійской имперіи въ свое отечество выѣхать не могутъ, всемилостивѣйшую протекцію и защищеніе показать; никто изъ русскихъ подданныхъ не долженъ дѣлать имъ никакихъ обидъ, досадительства и вреда [87].

Главнымъ начальникомъ шведскаго войска въ Финляндіи былъ назначенъ графъ Левенгауптъ, сеймовый маршалъ, самый популярный въ это время человѣкъ въ Швеціи. По своимъ обязанностямъ на сеймѣ онъ могъ пріѣхать къ войску только черезъ четыре недѣли послѣ объявленія войны. Въ Россіи, по депешамъ Бестужева, заблаговременно были приняты мѣры; такъ какъ

нельзя было употребить первую военную знаменитость имперіи, Миниха, то вызвали знаменитѣйшихъ послѣ него генераловъ, Леси и Кейта, и первому, какъ фельдмаршалу, поручено было главное начальство надъ финляндскимъ корпусомъ; другой корпусъ, менѣе значительный, былъ расположенъ у Красной Горки подъ начальствомъ принца гессенъ-гомбургскаго съ цѣлію защищать Петербургъ; положено было также собрать небольшіе корпуса въ Лифляндіи и Эстляндіи подъ начальствомъ генерала Левендаля.

16 августа выѣхалъ Леси изъ Петербурга и 18 прибылъ въ Выборгъ, куда вызвалъ къ себѣ для совѣщаній генерала Кейта. Осматривали укрѣпленія Выборга и артиллерію, и назначивши генералъ-майора Шипова оберъ-комендантомъ, Леси 20 числа отправился къ войску, стоявшему въ Каннаноѣ. Отъ перебѣжчика фельдмаршалъ зналъ, что шведскія силы не велики, состоятъ изъ двухъ корпусовъ, изъ которыхъ въ каждомъ не болѣе 4000 человѣкъ: одинъ, подъ начальствомъ генерала Врангеля, находился въ трехъ миляхъ отъ Вильманштранда, а другой, подъ начальствомъ генерала Будденброка, въ шести миляхъ отъ этого города, котораго гарнизонъ не превышалъ 600 человѣкъ. Леси созвалъ военный совѣтъ, на которомъ положено съ частію корпуса идти немедленно къ Вильманштранду, взявши съ собою только на пять дней провіанта. Приблизившись къ Вильманштранду, Русскіе 22 числа остановились въ деревнѣ Армилѣ, а вечеромъ подошелъ къ городу шведскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ Врангеля; число Шведовъ, включая вильманштрандскій гарнизонъ, простиралось, по русскимъ извѣстіямъ, до 5256 человѣкъ, по шведскимъ до 3500; у Русскихъ было 9900 человѣкъ. На другой день Леси двинулся противъ непріятеля, который занималъ очень выгодное положеніе подъ пушками крѣпости; несмотря на то, Русскіе шли на него прямо «съ толь многою бодростію и храбростію, какъ добрымъ порядкомъ чрезъ пригорокъ и долины.» Вначалѣ русское войско было встрѣчено Шведами съ такою свирѣпостію, что принуждено было податься назадъ; но Леси остановилъ напоръ Шведовъ, велѣвши конницѣ наступить на ихъ флангъ, послѣ чего Шведы были сбиты съ возвышеній и лишились своихъ пушекъ; это такъ ободрило Русскихъ, что они наступили на непріятеля съ удвоеннымъ муже-

ствомъ и покончили трехчасовой бой пораженіемъ Шведовъ. Преслѣдуя непріятеля, бѣжавшаго въ крѣпость, Русскіе прорвались до самаго контрескарпа, и Леси послалъ барабанщика требовать сдачи города; но барабанщикъ былъ застрѣленъ, и Леси велѣлъ жестоко штурмовать городъ, противъ котораго дѣйствовали только-что отнятыя у Шведовъ пушки. Черезъ часъ осаждающіе были въ палисадахъ, и вслѣдъ за тѣмъ русскія знамена уже развѣвались на валу. Командовавшій шведскимъ корпусомъ генералъ Врангель попался въ плѣнъ съ семью штабъ-офицерами и 1250 рядовыми. Побѣдителямъ досталось также 13 пушекъ съ запасами, 2000 лошадей, а «тѣ солдаты, которые штурмомъ въ городъ вошли, равномѣрно знатное число добычи деньгами золотыми и серебряными, разною серебряною посудою, платьемъ, провіантомъ и иными разными вещами получили.» Русскіе потеряли убитыми генералъ-майора Укскуля, троихъ штабъ и одиннадцать оберъ-офицеровъ и съ небольшимъ 500 человѣкъ рядовыхъ.

Это было единственное значительное дѣло въ кампаніи 1741 года; побѣдители ограничились мелкою войною; Леси и Кейтъ возвратились въ Петербургъ, гдѣ шли совѣщанія о мѣрахъ, на случай если шведскій главнокомандующій Левенгауптъ предприметъ зимою наступательное движеніе. О состояніи провіантской части въ это время можетъ дать намъ понятіе слѣдующее извѣстіе. Въ октябрѣ 1741 года генералъ-прокуроръ далъ сенату предложеніе, что по указу Петра Великаго велѣно было учредить въ Петербургѣ и другихъ остзейскихъ мѣстахъ запасные магазины, кромѣ того на полевые и гарнизонные полки заготовлялось къ наличному еще на годъ и восемь мѣсяцевъ, почему такой нужды, какая теперь состоитъ въ провіантѣ, никогда не было. Въ 1731 году было положено провіанта содержать меньше, какъ видно, вслѣдствіе тогдашняго мирнаго времени; а такъ какъ извѣстно, какая при настоящемъ военномъ времени нужда въ провіантѣ и фуражѣ, то прав. сенату предлагается имѣть разсужденіе, въ которыхъ магазинахъ по скольку надобно держать провіанта. По указу Петра Великаго велѣно учредить должность генеральнаго эконома, который долженъ былъ вездѣ заботиться о хлѣбныхъ запасахъ, чтобъ въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ, при чемъ взять иностранные уставы и при-

бавить своего. Въ указѣ 1736 года написано: генералъ-провіантъ-мейстеръ долженъ стараться о заготовленіи провіанта и фуража на армейскіе и гарнизонные полки и въ запасные магазины, и, для отвращенія казеннаго убытка, заготовлять провіантъ въ магазины у помѣщиковъ и крестьянъ, а не у подрядчиковъ, смотря по дешевизнѣ, хотя бъ и лишнее было и нужды въ тотъ годъ не было: но такого генералъ-провіантъ мейстера и до сихъ поръ нѣтъ; при арміи генералъ-провіантъ мейстеръ былъ, но онъ исполнялъ только то, что ему отъ генералъ-кригсъ-комиссара приказывалось; а съ ноября 1740 года и никакого генералъ-провіантъ мейстера нѣтъ. Въ сентябрѣ 1740 года генералъ-прокуроръ предлагалъ сенату, не лучше ли въ магазинахъ держать рожь, а муки только для внезапныхъ расходовъ понемногу, ибо солдатамъ лучше раздавать свѣжій хлѣбъ, а мука черезъ годъ или два получаетъ затхлость и горечь, для молотьбы же содержать мельницы и ручные жернова, сверхъ того можно молоть и на частныхъ мельницахъ: но и по этому предложенію до сихъ поръ разсужденія еще не было [88].

Какъ скоро Швеція объявила войну, то, разумѣется, первымъ дѣломъ русскаго правительства было обратиться къ союзнику, который обязанъ былъ помогать Россіи противъ нападающей державы и давалъ такія торжественныя обѣщанія, что поможетъ непремѣнно. 16 августа былъ изготовленъ въ Петербургѣ рескриптъ Браклю въ Берлинъ съ извѣстіемъ о шведской войнѣ и съ указомъ, чтобъ ѣхалъ въ Силезію къ Фридриху II и требовалъ помощи въ силу заключеннаго недавно оборонительнаго союза. Въ постскриптѣ къ этому указу говорилось: «Хотя нельзя надѣяться, чтобъ король прусскій склонился дать намъ союзническую помощь, однако мы разсудили ее потребовать на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) еслибъ мы этого не сдѣлали, то король могъ принять дѣло такъ, что мы отъ союза напередъ отступили. 2) Требованіе наше можетъ нѣкоторымъ образомъ способствовать къ тому, чтобъ Пруссія не вступала въ дальнѣйшія сближенія съ Швеціею. 3) Король не можетъ объявить достаточно важной причины къ отказу намъ въ помощи, ибо хотя мы старались отвратить его отъ силезскаго предпріятія сильными увѣщаніями, однако противъ него по сіе время не дѣйствовали.»

По прибытіи въ Бреславль, Бракель прежде всего имѣлъ разговоръ съ министромъ Подевильсомъ о договорѣ, заключенномъ между Пруссіею, Франціею и Баваріею противъ Австріи. Бракель замѣтилъ, что конечно новое обязательство Пруссіи съ Франціею не повредитъ обязательствамъ Пруссіи съ Россіею. Подевильсъ сталъ обнадеживать его честію, что въ договорѣ съ Франціею ни однимъ словомъ не упомянуто о Шведахъ, тѣмъ менѣе непосредственно съ ними что-либо заключено: «Я знаю, говорилъ Подевильсъ, что носятся разные слухи; утверждаютъ, будто нашъ король Шведамъ деньги далъ; но я желаю, чтобъ тотъ талеръ, который данъ Шведамъ, сгорѣлъ въ моей душѣ. Вы можете смѣло обнадежить свой дворъ, что король нашъ предпочитаетъ дружбу съ Россіею всѣмъ прочимъ, будетъ постоянно и свято ее сохранять, и съ Шведами ни въ какой союзъ безъ вѣдома и соизволенія Россіи не вступитъ.» 22 октября Бракель имѣлъ аудіенцію у Фридриха II въ лагерѣ. Король принялъ его очень милостиво, призналъ объявленіе войны Шведами насильственнымъ и неправеднымъ, призналъ и обязанности свои въ силу послѣдняго трактата; но при этомъ далъ знать, что ему нѣтъ никакой возможности исполнить этихъ обязанностей при настоящихъ обстоятельствахъ, такъ какъ онъ самъ вплетенъ въ упорную войну; параграфъ союзнаго договора, по которому онъ обязанъ былъ давать помощь, король измѣнялъ такъ, что и Россія освобождалась отъ обязанности помогать Пруссіи, въ случаѣ еслибы сама находилась въ войнѣ съ другими державами; наконецъ Фридрихъ велѣлъ Браклю увѣрить императорское правительство его королевскимъ словомъ и честію, что онъ ничего не предпринималъ въ предосужденіе Россіи, съ Шведами не вступалъ ни въ какія соглашенія, намѣренъ оставаться съ Россіею въ союзѣ, и увѣренъ, что она въ состояніи смирить своихъ враговъ и безъ чужой помощи, и потому легко можетъ обойтись безъ прусскаго войска. Послѣ этого Бракель имѣлъ смѣлость, какъ выражается, со всякимъ почтеніемъ представлять королю злыя слѣдствія союза его съ Франціею, которая прежнюю свою систему перемѣнить не можетъ, перемѣнитъ только предметъ ненависти и зависти: до сихъ поръ домогалась она раздробленія австрійскихъ владѣній, и такъ какъ она этой цѣли теперь достигла, Римской имперіи дала особаго цесаря, полу-

чила также возможность довести свои границы до Рейна, то не станетъ смотрѣть равнодушно на увеличеніе прусскихъ силъ, а будетъ стараться ослабить ихъ или сама собою, или чрезъ посаженнаго ею цесаря. Бракель представлялъ необходимость скорѣйшаго примиренія Пруссіи съ Австріею и союза между ними противъ Франціи, чему русскій дворъ не откажется содѣйствовать всѣми своими силами. Король отвѣчалъ, что онъ противъ воли долженъ былъ вступить въ союзъ съ Франціею, и такъ какъ теперь Французы съ большими силами вошли въ Германію и стоятъ недалеко отъ его собственныхъ земель, то ему нельзя отступить отъ своихъ обязательствъ и подвергнуть свои клевскія и вестфальскія земли мщенію Французовъ [89].

Былъ еще другой союзникъ—король польскій и курфирстъ саксонскій. Относительно Польши первымъ дѣломъ новаго правительства по сверженіи Бирона было поручить Кейзерлингу вывѣдать у короля, какого онъ мнѣнія насчетъ дальнѣйшей судьбы курляндскаго герцогства. Кейзерлингъ объявилъ королю, по какимъ «великимъ и важнымъ» причинамъ герцогъ курляндскій отрѣшенъ отъ регентства Россійской имперіи и что необходимо держать отрѣшеннаго регента подъ постояннымъ арестомъ, ибо герцогъ, по безпокойному и запальчивому нраву, при полученіи свободы, не замедлитъ употребить во зло свое знаніе Россійской имперіи. Король отвѣчалъ, что онъ готовъ помогать императору при новомъ избраніи курляндскаго герцога, но совѣтуетъ не спѣшить, а составить сначала общій планъ. Потомъ начали пересчитывать разныхъ принцевъ, и самъ король, догадываясь, за кого будетъ хлопотать Россія, предложилъ какъ угоднѣйшаго ему кандидата, принца брауншвейгъ-беверискаго, роднаго дядю русскаго императора.

Вторымъ порученіемъ, возложеннымъ на Кейзерлинга, было освѣдомиться, чью сторону приметъ король-курфирстъ въ открывшейся борьбѣ на западѣ; въ Петербургѣ были получены извѣстія, что Августъ III сносится съ Франціею, хочетъ получить съ ея помощію императорское достоинство, для чего намѣренъ отказаться отъ польскаго престола въ пользу Станислава Лещинскаго. Кейзерлингъ въ началѣ 1741 года спѣшилъ увѣрить свой дворъ, что король Августъ не думаетъ объ императорской коронѣ, и безъ соглашенія съ Россіею не вступитъ ни

въ какой союзъ, какъ уже онъ высказался, когда Фридрихъ II предложилъ ему свой союзъ; король желаетъ поддержанія прагматической санкціи и спокойствія въ имперіи: доказательствомъ служатъ представленія, сдѣланныя прусскому королю, чтобъ удержался отъ вступленія въ Силезію. Королева венгро-богемская требуетъ 6000 вспомогательнаго войска на основаніи договора 1733 года; но король Августъ уклоняется отъ исполненія этого требованія на основаніи того же договора, который говоритъ, что онъ освобождается отъ исполненія этого обязательства, если самъ принужденъ будетъ вести оборонительную войну, а теперь военное пламя загарается подлѣ границъ королевскихъ владѣній и опасность становится день ото дня очевиднѣе; король, по близкому свойству, не удаляется отъ тѣснѣйшаго союза съ Маріею Терезіею, но можетъ вступить въ такой союзъ только вмѣстѣ съ Россіею и съ условіемъ получить отъ королевы вознагражденіе за военные убытки, причемъ долженъ получить въ закладъ нѣкоторыя богемскія волости. Донося объ этомъ, Кейзерлингъ прибавлялъ, что въ Дрезденѣ питаютъ нѣкоторое недовѣріе къ вѣнскому двору.

Въ половинѣ марта Кейзерлингъ донесъ, что король готовъ вступить въ обязательство съ королевою венгро-богемскою и все это дѣло предаетъ въ руки русскаго императора и короля англійскаго. Дѣло о союзѣ четырехъ державъ—Россіи, Австріи, Саксоніи и Англіи двинулось вслѣдствіе паденія Миниха. Кейзерлингъ объявилъ, что его императоръ готовъ перенять на себя гарантію въ вознагражденіи убытковъ, которое венгро-богемская королева обязана будетъ сдѣлать королю польскому, готовъ приступить и къ общимъ мѣрамъ, и ждетъ только плана общихъ дѣйствій, а между тѣмъ войска его готовятся къ немедленному выступленію въ походъ.

Въ мартѣ пріѣхалъ въ Дрезденъ отъ русскаго двора въ качествѣ полномочнаго посла тайный совѣтникъ графъ фонъ-Сольмсъ; но Кейзерлигъ остался и оба вмѣстѣ вели дѣла. Въ апрѣлѣ оба министра увѣдомили свой дворъ, что между королемъ польскимъ и Маріею Терезіею заключенъ договоръ, по которому первый обязанъ помогать второй всѣми своими силами, какъ скоро другіе союзники двинутъ свои войска противъ Пруссіи, и продолжать войну до тѣхъ поръ, пока состоится миръ съ согласія всѣхъ

союзниковъ; притомъ король обязанъ при избраніи императора подать свой голосъ въ пользу мужа Маріи Терезіи, герцога Франца Лотарингскаго и склонять къ тому же другихъ курфирстовъ. Марія Терезія обѣщала за это по заключеніи мира съ Пруссіею выплатить саксонскому курфирстскому дому двѣнадцать милліоновъ ефимковъ въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ. Завоеванія раздѣлить поровну. Прошло четыре мѣсяца, и въ половинѣ августа тайный кабинетъ-министръ Брюль объявилъ Кейзерлингу и Сольмсу въ конфиденціи, что вѣнскій дворъ размѣною ратификацій заключеннаго договора болѣе четырехъ мѣсяцевъ медлилъ, а въ это время обстоятельства чрезвычайно измѣнились; англійскій король далъ знать, что договоръ съ Австріей не время уже ратификовать, а между тѣмъ король польскій этимъ договоромъ поставленъ въ очень непріятное положеніе: несмотря на то, что уговорились содержать его въ тайнѣ, онъ уже извѣстенъ Франціи и Пруссіи; наконецъ должно прибавить, что королю Августу стоило нѣсколько милліоновъ привести армію въ военное положеніе, и еслибы съ самаго начала поступили съ прямою ревностію и соединеніемъ силъ, то положеніе Европы не было бы теперь такъ опасно и сомнительно, прусскаго короля удержать было можно, пока онъ не вступалъ въ соглашеніе съ Франціею и Баваріею. Теперь французское войско уже вступило въ германскія границы; дворы кельнскій, баварскій и пфальцскій соединились съ Франціею, къ нимъ пристали маинцкій и трирскій, такъ что теперь нѣтъ возможности препятствовать прусскому королю, который объявилъ, что если еще нѣсколько недѣль не будетъ заключено мира, то онъ потребуетъ всей Силезіи. При такихъ деликатныхъ и сомнительныхъ обстоятельствахъ, короли польскій и англійскій не въ состояніи что-либо предпринять, тѣмъ болѣе, что и время прошло соглашаться насчетъ плана, безъ котораго общія дѣйствія союзныхъ дворовъ не могутъ быть начаты и продолжены. Объ этомъ уже сообщено въ Вѣну отсюда и изъ Англіи; но вѣнскій дворъ хочетъ идти своимъ особеннымъ путемъ и старается удовольствовать Баварію чрезъ посредство Франціи, чтобъ имѣть свободу дѣйствовать противъ Пруссіи. Что касается достоинства римскаго цесаря, то король польскій, если его справедливыя требованія будутъ удовлетворены, охотно дастъ свой голосъ въ пользу гер-

цога Лотарингскаго и будетъ стараться удалить баварскаго курфирста отъ императорской короны, ибо при такомъ возвышеніи баварскаго дома саксонскій домъ будетъ лишенъ всякой надежды получить хоть малѣйшую долю австрійскаго наслѣдства, на которое король имѣетъ неоспоримое и большее право, чѣмъ курфирстъ баварскій; уже изъ выраженія, употребленнаго курфистомъ баварскимъ: *можно и королю польскому кой-что уступить* — видно, какъ мало онъ обратитъ вниманія на королевскія права, когда будетъ императоромъ. Поэтому здѣсь, пока еще руки свободны, можно бы принять рѣшеніе послать тайно во Францію довѣреннаго человѣка освѣдомиться у кардинала Флёри, что Франція, хлопоча такъ усердно за баварскаго курфирста, намѣрена дать королю изъ австрійскаго наслѣдства. Впрочемъ, каково бы ни было здѣсь положеніе дѣлъ, король непоколебимо пребудетъ въ своей дружбѣ къ Россіи, и будетъ также стараться предупредить начинающуюся войну. Есть извѣстіе, что король прусскій старается возбудить Порту противъ Польши; вѣрно также, что настоящія шведскія движенія есть дѣло Пруссіи и Франціи: онѣ обѣ дали Шведамъ денегъ. Это показываетъ, чего Россія можетъ надѣяться отъ такого сосѣда, когда при злостномъ намѣреніи силы его еще умножатся. Здѣсь какъ можно скорѣе желаютъ знать, какое при настоящихъ обстоятельствахъ намѣреніе Россіи, такъ какъ столько времени потеряно и ничего полезнаго не сдѣлано. Къ этому Брюль прибавилъ, что такъ какъ Европѣ грозитъ страшная опасность, грозитъ генеральная революція, то нельзя ли привести кардинала Флёри къ мысли о генеральномъ конгрессѣ, убѣдивъ его, что этимъ путемъ можно достигнуть того, чего иначе надобно искать сомнительнымъ путемъ войны.

Вслѣдъ за этимъ конфиденціальнымъ разговоромъ было получено извѣстіе о разрывѣ между Россіею и Швеціею. Кейзерлингъ и Сольмсъ объявили королю, что императоръ готовъ показать истинность своихъ союзническихъ намѣреній, сколько допустятъ обстоятельства шведской войны, и наоборотъ твердо надѣется, что и король не откажетъ въ союзнической помощи. Августъ III отвѣчалъ, что никогда не удалится отъ дружбы съ императоромъ и о своихъ союзническихъ обязательствахъ еще очень помнитъ; но теперь самъ находится въ страшномъ безпокойствѣ и будетъ принужденъ искать помощи. Дѣйствительно

французскій уполномоченный графъ Белиль далъ знать во Франкфуртѣ, что саксонскій дворъ долженъ ясно высказаться, чью сторону будетъ держать; оставить нейтральнымъ его нельзя. Съ другой стороны пришло извѣстіе, что въ Польшѣ коронный гетманъ затѣваетъ конфедерацію.

Въ концѣ сентября Кейзерлингъ и Сольмсъ увѣдомили свой дворъ, что въ воеводствѣ бельзскомъ, въ округахъ хелмскомъ и галицкомъ уже составились конфедераціи подъ предлогомъ умноженія войска; но, по мнѣнію пословъ, дѣло было затѣяно не для умноженія войска, а по проискамъ прусскимъ и французскимъ, потому что приверженцы короннаго гетмана часто бываютъ у прусскаго резидента въ Варшавѣ; русскому резиденту въ Варшавѣ люблинскій воевода далъ знать, что суммою отъ 20 до 30 тысячъ рублей онъ надѣется удержать армію отъ конфедераціи. Впрочемъ въ октябрѣ послы сообщили утѣшительныя извѣстія, что стараніемъ воеводы подольскаго Ржевускаго въ украинскихъ воеводствахъ не только не состоялось никакихъ конфедерацій, но воеводства эти протестовали противъ всѣхъ конфедерацій, какъ запрещенныхъ закономъ и вредныхъ отечеству. Утвердивъ такимъ образомъ тишину въ Украйнѣ, подольскій воевода поѣхалъ въ Хельмъ и тамъ успѣлъ разстроить конфедерацію. Воеводство познанское также протестовало противъ конфедераціи; а ленчицкое воеводство прислало къ коронному гетману съ запросомъ: для чего онъ собралъ войско и куда идти намѣренъ? если противъ одной изъ сосѣднихъ державъ, то ему должно быть извѣстно, что республика желаетъ жить со всѣми ими въ мирѣ; если же для другихъ какихъ-нибудь цѣлей, то ему также извѣстно, что государственный уставъ запрещаетъ собирать войско безъ вѣдома короля и рѣчи посполитой. По мнѣнію Кейзерлинга и Сольмса, такое доброе расположеніе воеводствъ было слѣдствіемъ недавняго проѣзда графа Понятовскаго чрезъ Великую Польшу и старанія находящихся здѣсь обоихъ коронныхъ канцлеровъ. Видя, что шляхта не хочетъ конфедераціи, коронный гетманъ упалъ духомъ и началъ представлять дѣло такъ, что онъ считалъ своею обязанностію собирать войско, видя повсюду въ сосѣдствѣ военное пламя и слыша объ угрозахъ турецкихъ и татарскихъ. Но Кейзерлингъ и Сольмсъ увѣряли свой дворъ, что гетманъ дѣйствовалъ по наущеніямъ прусскимъ

и шведскимъ. Графъ Брюль объявилъ посламъ, что мѣры, принятыя королемъ противъ безпокойствъ и конфедерацій въ Польшѣ, служатъ доказательствомъ, что его величество не допускаетъ въ Польшѣ ничего, что бы могло быть непріятно Россіи; достовѣрно, что Швеція въ послѣднихъ безпокойствахъ принимала наибольшее участіе, а Франція не могла принимать никакого, ибо странно было бы, чтобъ эта держава, стараясь тѣснѣе соединиться съ саксонскимъ дворомъ, въ то же время хотѣла бы тревожить его въ Польшѣ. Брюль объявилъ и о результатахъ этого старанія Франціи на счетъ тѣснѣйшаго соединенія съ Саксоніею: заключенъ союзъ, говорилъ онъ, но собственно это не союзъ, а болѣе приступленіе къ трактату между Франціею, Баваріею и Пруссіею относительно раздѣла австрійскихъ наслѣдныхъ земель. Брюль извинялъ поведеніе Саксоніи въ этомъ случаѣ тѣмъ, что король не упоминалъ о своихъ, хотя безпрекословныхъ, правахъ на австрійское наслѣдство до тѣхъ поръ, пока не осталось болѣе никакого способа къ содержанію прагматической санкціи и притомъ обнаружилась ближайшая опасность его наслѣдственнымъ землямъ [90].

Легко понять, что Франція и Швеція употребляли всѣ усилія, чтобъ заставить Турцію отвлечь русскія силы; но, къ счастію для Россіи, Туркамъ было не до Европы; ибо они трепетали за Азію, ожидая съ часу на часъ нашествія грознаго шаха Надира. Этотъ страхъ турецкаго правительства предъ Персіею далъ возможность Румянцеву сохранить твердость въ Константинополѣ, настаивать, что Азовъ не будетъ срытъ прежде, чѣмъ опредѣлено будетъ мѣсто для новыхъ крѣпостей и освобождены будутъ всѣ плѣнные. Подкупленный Миралемъ, бывшій прежде посломъ въ Россіи, давалъ знать, что твердостію все получить можно отъ Порты. Въ іюнѣ Румянцевъ доносилъ, что шведскіе посланники имѣютъ частыя свиданія съ министрами Порты, а венеціанскій посолъ по секрету сообщилъ ему, что Франція подкрѣпляетъ шведскія интриги всѣмъ своимъ кредитомъ; ея посланникъ объявилъ Портѣ, что король французскій далъ Шведамъ три милліона субсидій и что Турки должны сдѣлать то же. Но Румянцевъ замѣчалъ, что визирь ласкаетъ Шведовъ только для того, чтобъ возбуждать опасенія въ Петербургѣ, но опасаться нечего, потому что Турки заняты персидскими дѣлами. 5 іюля

у Румянцева была конференція съ великимъ визиремъ въ присутствіи *медіатора*, французскаго посланника графа Кастелляна. Визирь требовалъ исполненія условія о разореніи Азова; Румянцевъ отвѣчалъ, что Азовъ будетъ разоренъ, когда Турки отпустятъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ; визирь настаивалъ, что въ мирномъ договорѣ условіе объ Азовѣ не состоитъ ни въ какой связи съ условіемъ объ освобожденіи плѣнныхъ; Румянцевъ возражалъ, что обязательство объ Азовѣ точно, но о плѣнныхъ еще крѣпче того; слѣдовательно оба пункта должно исполнить, что всѣ артикулы трактата въ равной силѣ и вмѣстѣ составляютъ одинъ корпусъ трактата, который во всѣхъ пунктахъ равномѣрно исполненъ быть долженъ. На это медіаторъ сказалъ, что хотя справедливо, что каждый трактатъ состоитъ изъ такихъ статей, которыя всѣ должны быть исполнены, однако всегда есть статьи главныя, какъ напримѣръ въ настоящемъ договорѣ статья объ Азовѣ, ибо извѣстно, что и война велась за этотъ городъ и весь договоръ основанъ на его разореніи, слѣдовательно эту статью надобно исполнить прежде другихъ, и ему кажется, что Россія противъ этого не можетъ выставить никакихъ основательныхъ причинъ. Румянцевъ отвѣчалъ: «всему свѣту извѣстно, что война началась не за Азовъ; но о прошломъ говорить нечего; я не спорю, что для Порты главная статья объ Азовѣ, а для Россіи о плѣнныхъ, и потому обѣ статьи должны быть исполнены въ одно время; русское требованіе справедливѣе турецкаго тѣмъ болѣе, что Портѣ давно объявлено: съ русской стороны не сдѣлаютъ ничего, если Турки не будутъ исполнять и съ своей стороны обязательствъ.» Медіаторъ замѣтилъ, что Россія обязалась разорить Азовъ въ четыре мѣсяца, считая съ прошлаго мая, тогда какъ обязательство насчетъ плѣнныхъ обоюдное; какъ у Турокъ находятся русскіе плѣнные, такъ у русскихъ турецкіе; при чемъ секретарь французскаго посольства Пейсонель прибавилъ, что въ Россіи больше турецкихъ плѣнныхъ, чѣмъ въ Турціи русскихъ. Румянцевъ отвѣчалъ, что число плѣнныхъ нейдетъ къ дѣлу; важенъ вопросъ: отдастъ ли Порта всѣхъ плѣнныхъ? тогда Россія немедленно Азовъ разоритъ. «Пусть разорятъ Азовъ, плѣнные сейчасъ же будутъ выданы,» говорилъ визирь. — «Между словомъ и дѣломъ большая разница, возражалъ Румянцевъ: не только въ провинціяхъ, но и здѣсь въ

Константинополѣ ни одного плѣнника отъ Турка не взято, и Жидамъ указа не объявлено.» Конференція кончилась взаимными пререканіями. Румянцевъ обратился къ помощи англійскаго посла, чтобъ возбудить сановниковъ Порты противъ визиря, который, зная положеніе дѣлъ въ Европѣ, хотѣлъ имъ воспользоваться, а французскій посланникъ естественно поддерживалъ его въ этомъ, не желая скорымъ окончаніемъ дѣла обезопасить Россію со стороны Турціи. Но главнымъ образомъ Румянцевъ надѣялся на Персію и считалъ необходимымъ выказывать съ своей стороны полную твердость и неуступчивость, не разорять Азова до тѣхъ поръ, пока Турки исполнятъ всѣ русскія требованія и признаютъ императорскій титулъ русскаго государя. Румянцевъ увѣрялъ свой дворъ, что отъ Турокъ не можетъ быть никакой опасности, шведскіе посланники добиваются субсидій, но кромѣ красныхъ словъ ничего не получаютъ.

Но въ Петербургѣ думали иначе, и Румянцевъ получилъ указъ оканчивать дѣла какъ можно скорѣе, не останавливаясь въ крайнемъ случаѣ ни за сроками исполненія обязательствъ, ни за предварительнымъ выборомъ мѣстъ къ постройкѣ новыхъ крѣпостей. Румянцевъ отвѣчалъ, что исполнитъ указъ, но прибавилъ: «Портѣ столько же, если еще не больше, нужно скорѣйшее окончаніе дѣлъ съ Россіею; хотя визирь, по ненависти своей, и желалъ бы всякія каверзы произвесть, но султанъ внутри сераля и народъ не хотятъ слышать ни о какихъ столкновеніяхъ съ Россіею, а Французы со Шведами, несмотря на всѣ свои усилія, ничего не сдѣлаютъ. Но, дѣлать нечего, надобно было исполнить указъ, и 27 августа Румянцевъ подписалъ конвенцію, въ которой Турки признали императорскій титулъ русскаго государя, а съ русской стороны положено немедленное разореніе Азова, съ обѣихъ же сторонъ дано наикрѣпчайшее обѣщаніе возвратить плѣнныхъ.

Когда получено было извѣстіе о начатіи войны между Россіею и Швеціею, то шведскіе посланники старались выставить ее съ своей стороны оборонительною, чтобъ заставить Турокъ, по договору, подать помощь Швеціи; но при Портѣ хорошо знали, что Швеція начала войну, и потому легко было отговориться отъ поданія помощи, да и подать ее было нельзя войскомъ по персидскимъ отношеніямъ, и деньгами по неимѣнію ихъ въ казнѣ;

ко вильманштрандская побѣда не понравилась въ Константинополѣ, потому что здѣсь боялись усиленія Россіи. Румянцевъ писалъ, что если Турки и освободятся отъ опасности съ персидской стороны, то скорѣе нападутъ на австрійскія владѣнія, границы которыхъ обнажены, ибо при Портѣ давно толкуютъ, что Бѣлграду безъ Банната темешварскаго быть нельзя. 28 октября великій визирь пригласилъ Румянцева на дружескій обѣдъ и, между разнымъ разговоромъ, заведя рѣчь о шведскихъ дѣлахъ, вдругъ предложилъ посредничество Турціи въ примиреніи воюющихъ державъ. Румянцевъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на этотъ счетъ никакихъ высочайшихъ повелѣній. Румянцевъ писалъ къ своему двору, что это предложеніе сдѣлано единственно для того, чтобъ отдѣлаться отъ шведскихъ требованій помощи и выиграть время; принимать же турецкое посредничество не соотвѣтствуетъ русскимъ интересамъ, ибо нельзя думать, чтобъ Порта вступилась за Швецію и подала ей помощь. Между тѣмъ переводчикъ русскаго посольства Пини пріискалъ въ канцеляріи рейсъ-ефенди пріятеля, подъячаго, который сообщилъ «разныя штуки,» а именно копію съ письма шведскаго министра Гилленборга къ визирю и съ предложеній, поданныхъ шведскими посланниками. Здѣсь Порту убѣждали воспользоваться настоящими обстоятельствами и начать войну съ Россіею; выставляли, что Швеція объявила войну Россіи въ угодность Портѣ и обѣщали не заключать мира до тѣхъ поръ, пока Турція не получитъ желаемаго ею удовлетворенія; требовали, чтобъ Турція не только помогла деньгами, но чтобъ нынѣшній же годъ выслала Татаръ на Россію и дала помощь Орлику для возмущенія Запорожья, а о Персіи бы не безпокоилась: Швеція помиритъ ее съ шахомъ Надиромъ; кромѣ того обѣщали возбудить противъ Россіи Поляковъ. По заключеніи извѣстной конвенціи Румянцевъ выѣхалъ изъ Константинополя, оставивъ Вешнякова въ качествѣ полномочнаго посла [91].

Турки сдерживались Персіянами, знаменитымъ завоевателемъ Индіи шахомъ Надиромъ: это заставляло Россію обращать особенное вниманіе на Персію. Въ мартѣ отправленъ былъ изъ Петербурга рескриптъ къ резиденту при персидскомъ дворѣ Ивану Калушкину: «Вы должны стараться всѣми средствами войти въ кредитъ у шаха и при всякомъ случаѣ увѣрять его въ нашемъ

истинномъ намѣреніи жить въ дружбѣ съ персидскимъ государствомъ, а между тѣмъ вы должны съ крайнимъ прилежаніемъ вывѣдывать о его движеніяхъ и намѣреніяхъ. Отправленный отъ шаха ко двору нашему посолъ, магометъ Усеинъ-ханъ прибылъ въ Астрахань съ 126 человѣками свиты и столькими же лошадьми, принятъ со всякимъ почтеніемъ и довольствомъ въ корму; въ дорожные приставы данъ ему подполковникъ Эгбрехтъ съ приличнымъ солдатскимъ конвоемъ; но посолъ въ дорогѣ ведетъ себя самовольно и сурово, какъ будто въ непріятельской землѣ, жестоко бьетъ палками и топорными обухами не только конвойныхъ унтеръ-офицеровъ рядовыхъ и знатныхъ донскихъ старшинъ, но хотѣлъ бить палками и самого подполковника Эгбрехта за то только, что собранныя для посла въ подводы лошади случились малорослы; подполковникъ едва спасся отъ палокъ, которыя уже были принесены къ послу. Прежній персидскій посолъ Хулефа, отпущенный изъ Петербурга, жилъ долго въ Москвѣ, а теперь въ Тамбовѣ ждетъ Усеинъ-хана и посылаетъ къ шаху лживыя донесенія, поносительныя для нашей имперіи извѣстія. Объ этихъ поступкахъ обоихъ пословъ вы должны сдѣлать приличныя представленія при шаховомъ дворѣ, какъ по тамошнему положенію дѣлъ наилучше разсудите.» Калушкинъ доносилъ, что когда въ маѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи Надира въ Тегеранъ, онъ былъ у него на аудіенціи и подалъ двѣ грамоты— одну отъ императора, а другую отъ правительницы, то шахъ взялъ только первую, а вторую велѣлъ держать у себя министру своему Мехтихану. Резидентъ писалъ: «Прежде хотя съ трудомъ, однако можно было еще говорить о дѣлахъ, а теперь такъ неслыханно возгордились какъ шахъ, такъ и всѣ его министры, что и подступиться нельзя; шахъ только и говоритъ, что нѣтъ въ свѣтѣ государя, котораго бы можно было съ нимъ сравнить, на какое государство оборотитъ свою саблю, то сейчасъ же покоряется, при чемъ ругаетъ скверными словами то великаго Могола, то султана турецкаго, не обходя ихъ женъ и дѣтей, при чемъ не говоритъ, а кричитъ во все горло. Подражая государю, министры и придворные, набранные вновь изъ послѣдней подлости, ни съ кѣмъ говорить не хотятъ. На твердость шахову къ русской сторонѣ я вовсе положиться не смѣю; враждебные замыслы у него на насъ уже были и теперь тайно продолжаются;

недавно пріѣзжали къ нему въ лагерь депутаты, трое Киргизовъ и четверо Трухменцевъ, русскіе подданные, кочующіе вмѣстѣ съ Калмыками между Астраханью и Кизляромъ; именемъ всѣхъ ауловъ они объявили, что желаютъ быть въ службѣ шаха, не требуя отъ него ни оружія, ни лошадей, а только жалованья; обѣщали притомъ, что уговорятъ къ тому же и Калмыковъ. Надиръ принялъ ихъ ласково, велѣлъ дать каждому по 200 рублей и отпустилъ съ тѣмъ, чтобъ они слово свое твердо держали и были готовы, когда дѣло до нихъ дойдетъ. Что касается шаха, то слабый мой умъ всѣхъ неслыханныхъ его затѣй понять не можетъ: 28 мая призваны были къ нему армянскіе архіереи, католическій епископъ съ патерами, жиды и муллы, которые евангеліе и талмудъ на персидскій языкъ переводили. Когда одинъ изъ армянскихъ архіереевъ объявилъ шаху, что они окончили переводъ св. писанія, то шахъ сказалъ: «вы совершили богоугодное дѣло, за что будете нами пожалованы. Вы видите, что Всевышній намъ даровалъ величество, власть и славу, и въ сердце наше вселилъ желаніе разсмотрѣть различіе столь многихъ законовъ и, выбравъ изо всѣхъ нихъ, сдѣлать новую вѣру, такую, чтобъ Богу угодна была, и мы бы отъ того спасеніе получили; для чего столько на свѣтѣ разныхъ религій, и всякій своею дорогою идетъ, а не одною; если Богъ одинъ, то и религія должна быть одна?»—«Шахъ, писалъ резидентъ, одержимъ постоянно неутолимымъ гнѣвомъ, едва не каждый день казнитъ и ослѣпляетъ по нѣскольку знатныхъ управителей. Недавно ширазскія старшины подали просьбу, чтобъ шахъ опредѣлилъ къ нимъ прежняго губернатора. Надиръ такъ на нихъ за это разсердился, что велѣлъ привесть ихъ предъ себя и пять человѣкъ задавилъ; потомъ опомнился и спросилъ, какое ихъ преступленіе? Когда ему объяснили, въ чемъ состоитъ ихъ просьба, то онъ велѣлъ прогнать ихъ отъ себя палками.» Новый Навуходоносоръ обезумѣлъ отъ своихъ успѣховъ: «Стоило мнѣ, говорилъ онъ, лягнуть одною ногою, и вся Индія рушилась съ престоломъ великаго Могола, слѣдовательно если обѣими ногами лягну, то весь свѣтъ въ пепелъ обращу. Между всѣми нашими неусыпными трудами мы заботимся и о спасеніи души; мы не можемъ ослушаться вдохновенія Божія и не дать всѣмъ такой вѣры, которая была бы пріятна и мусульманамъ и христіанамъ.»

Калушкинъ не переставалъ остерегать свой дворъ насчетъ враждебныхъ намѣреній Надира. Резидентъ слѣдовалъ за шахомъ въ походъ противъ Лезгинцевъ больной, претерпѣвалъ крайнюю нужду. Однажды въ августѣ мѣсяцѣ, разговаривая съ афганскимъ предводителемъ, Надиръ вдругъ сталъ кричать: «Персія скверная, достойна ли ты такого великаго государя имѣть! Единъ Богъ на небѣ, а мы единый государь на землѣ, ибо ни одинъ монархъ на свѣтѣ о насъ безъ внутренняго страха слышать не можетъ. Еслибы мы теперь саблю нашу на Россію обратили, то легко бы могли завоевать это государство; но оставляемъ его въ покоѣ по той причинѣ, что намъ отъ этого завоеванія пользы не будетъ: во всей Россіи больше казны расходится, чѣмъ сбирается, о чемъ я подлинно знаю; слѣдовательно надобно такого государства искать, гдѣ бы намъ была прибыль.» Калушкинъ былъ тѣмъ болѣе раздраженъ этою выходкою, что питалъ глубокое презрѣніе къ персидскому войску, составленному изъ всякой сволочи, не имѣвшей никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Слухъ о движеніи русскихъ полковъ къ Кизляру заставилъ Надира пріутихнуть; точно также остыла у него охота къ войнѣ съ Турками, когда послѣдніе приняли мѣры для защиты границъ своихъ. Походъ Надира въ Дагестанъ кончился неудачно: горцы удачно защищались въ своихъ неприступныхъ убѣжищахъ и шахъ съ большимъ урономъ долженъ былъ поспѣшно отступить отъ Аварскихъ горъ, плача отъ досады и произнося хулы на Бога. Безвременно ночью, иногда по два и по три раза выходилъ онъ изъ женскихъ шатровъ въ переднюю палатку и сидѣлъ часа по два: тутъ кто бъ ему ни пришелъ на память, приказывалъ звать къ себѣ и казнить; кричалъ, что счастіе начинаетъ отъ него отступать и потому произведетъ послѣдній опытъ: или самъ пропадетъ и все свое войско погубитъ, или добьется того, что весь Дагестанъ обратитъ въ пепелъ; велѣлъ собрать вдругъ девять милліоновъ рублей денегъ и 25.000 войска; наконецъ Надиръ призвалъ къ себѣ индѣйскаго волшебника, чтобъ тотъ предсказывалъ ему будущее. По этому поводу Калушкинъ писалъ: «Напрасно онъ столько труда принимаетъ, потому что и безъ волшебства знать можно, что онъ скорѣе все свое войско растеряетъ и самъ пропадетъ, нежели Лезгинцевъ покоритъ» [92].

На шаха Надира Россіи можно было такъ же полагаться, какъ на Фридриха II: отношенія были одинакія къ обоимъ завоевателямъ, и восточному и западному; но персидскій шахъ, по крайней мѣрѣ, сдерживалъ Турокъ, а прусскій король, несмотря на союзный договоръ, никого не сдерживалъ. Но оставался еще союзникъ, король датскій.

Весною 1741 года на освѣдомленіе русскаго посланника Корфа датское министерство отвѣчало, что если Шведы начнутъ непріятельскія дѣйствія противъ Россіи, то король не преминетъ исполнить свои союзническія обязательства, впрочемъ надобно надѣяться, что до такой крайности не дойдетъ. Министръ фонъ-Шулинъ основывалъ свои надежды преимущественно на томъ, что у Шведовъ нѣтъ денегъ и не знаетъ онъ въ Европѣ такой казны, которая была бы къ ихъ услугамъ; дѣлаютъ же вооруженія Шведы въ угоду нѣкоторымъ державамъ, чтобъ удержать Россію отъ поданія помощи венгерской королевѣ. Когда же дѣло доходило до подробнѣйшихъ изъясненій о помощи, то Шулинъ отвѣчалъ, что Данія, по своимъ обязательствамъ и съ Швеціею, не можетъ ничего начать, прежде чѣмъ Шведы дѣйствительно нападутъ на Россію и прежде чѣмъ истекутъ отъ этого времени назначенные въ договорѣ три мѣсяца. Изъ этихъ словъ Корфъ заключалъ, что фонъ-Шулинъ не столько старается о сохраненіи тишины на сѣверѣ, сколько хочетъ показать свое усердіе французскому двору, и если Швеція объявитъ войну Россіи, то къ этому понудитъ ее поведеніе Даніи. Шулинъ увѣрялъ Корфа, что датскій министръ при шведскомъ дворѣ дѣлаетъ послѣднему уже четвертое представленіе противъ движенія войскъ въ Финляндіи, а Бестужевъ изъ Стокгольма увѣрялъ, что никакихъ представленій не было сдѣлано. «Я опасаюсь, писалъ Корфъ въ іюлѣ, что здѣшній дворъ будетъ отрицаться отъ исполненія договоровъ. Угодничество французскому двору и зависть къ Россіи съ нѣкотораго времени довольно вышли наружу, и нѣтъ сомнѣнія, что при случаѣ окажутся на дѣлѣ.»

Въ августѣ, когда Швеція объявила Россіи войну, и русскіе посланники, Корфъ и Чернышевъ, потребовали исполненія союзныхъ обязательствъ, то имъ отвѣчали, что король отправилъ къ своему министру въ Стокгольмъ инструкцію, чтобъ онъ самымъ настойчивымъ образомъ предложилъ со стороны Даніи добрыя услу-

ги для возстановленія мира, и если Шведы отклонятъ это предложеніе, то король обнадеживаетъ, по прошествіи назначеннаго срока, подать дѣйствительную помощь Россіи, къ чему теперь, особенно для вооруженія флота время уже прошло и надобно ограничиться одними переговорами. Въ концѣ сентября посланники доносили, что датскій дворъ хотя не будетъ явно помогать Шведамъ, но ни мало не склоненъ также выполнять и союзническія обязательства съ Россіею. Для приличія тянули время, представляя русскимъ посланникамъ, что ведутся переговоры съ Швеціею и, въ случаѣ неудачнаго исхода ихъ, король непремѣнно дастъ помощь Россіи, если въ Германіи между тѣмъ не произойдетъ ничего особеннаго, ибо Французы, по послѣднимъ извѣстіямъ, намѣрены расположиться до ольденбургскихъ границъ, а Флёри и Белиль публично сказали, что отыщутся способы для удержанія датскаго короля отъ поданія помощи Россіи противъ Швеціи. Если такъ пойдутъ дѣла, то Данія не въ состояніи сопротивляться сильной Франціи, предъ которою всѣ преклоняются. Когда въ началѣ ноября русскіе министры представили, что опредѣлённый въ договорѣ срокъ, именно три мѣсяца, по объявленіи войны уже прошли, и Данія, по буквѣ трактата, обязана дать помощь, то Шулинъ отвѣчалъ, что Швеція господствуетъ на Балтійскомъ морѣ, а Французы находятся у границъ ольденбургскихъ, и помощь Даніи, т.-е. присылка эскадры, зависитъ отъ того, будетъ ли Англія помогать Россіи. Русское правительство должно откровенно объявить датскому, какъ условлено у Россіи съ Англіею: если британская эскадра явится весною на Балтійскомъ морѣ, то быть можетъ приняты будутъ мѣры соединить съ нею и здѣшнюю эскадру; въ противномъ случаѣ не видится возможности провести здѣшніе корабли: они непремѣнно попадутся въ шведскія руки, отъ чего Данія потерпитъ вредъ, а Россія ничего не выиграетъ [93].

Старые союзники отказывались помогать; но была въ Европѣ держава, которая болѣе другихъ толковала о необходимости поддержать политическое равновѣсіе, не дать Франціи самой и посредствомъ другихъ раздробить австрійскія владѣнія: то была Англія, интересы которой были совершенно одинаковы съ интересами Россіи; между этими державами естественно долженъ былъ образоваться крѣпкій союзъ.

Въ Лондонѣ князь Иванъ Щербатовъ объявилъ, что его дворъ намѣренъ поддерживать прагматическую санкцію и въ этомъ поступать согласно съ королемъ англійскимъ. Министры Георга II отвѣчали, что и англійскій король желаетъ того же самаго, но какъ начать поддержку прагматической санкціи — насчетъ этого ожидается изъясненіе отъ русскаго двора, потому что никто изъ сосѣдей не осмѣлится подняться противъ прусскаго короля прежде Россіи. Въ парламентѣ члены обѣихъ партій единогласно говорили, что надобно поддерживать прагматическую санкцію, а какъ поступить — время научитъ. Щербатовъ доносилъ, что король и всѣ министры спрашивали его ежечасно о дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ Россіи. Министръ Маріи Терезіи въ Лондонѣ, графъ Остейнъ, сказалъ Щербатову по секрету, что по его мнѣнію Робертъ Вальполь вбилъ королю въ голову, что вѣнскій дворъ не можетъ собрать войско для сопротивленія прусскому королю. Робертъ Вальполь говорилъ ему, Остейну, чтобъ Марія Терезія подумала, какъ бы лучше сговориться съ прусскимъ королемъ, потому что опасно начать непріятельскія дѣйствія и неизвѣстно, какъ Россія намѣрена поступить, а французскій король начинаетъ имѣть соглашеніе съ прусскимъ. Послѣ этихъ словъ Остейнъ потребовалъ аудіенцію у короля, чтобъ узнать ясно, будетъ ли Англія дѣйствительно помогать вѣнскому двору. По мнѣнію Щербатова, Остейнъ напрасно горячился: Вальполь не желаетъ новой войны, радъ былъ бы прекратить и старую, притомъ же у него новыя хлопоты: противная партія въ парламентѣ намѣрена представить адресъ королю объ удаленіи Вальполя отъ всѣхъ должностей. На аудіенціи у короля Остейнъ настаивалъ, какъ нужно подать Маріи Терезіи скорую помощь, ибо поддержаніе австрійской монархіи въ цѣломъ объемѣ необходимо для всей Европы; если не отнята будетъ сила у короля прусскаго, то онъ современемъ и къ другимъ сосѣдямъ визитъ съ войскомъ сдѣлаетъ, что прежде другихъ можетъ случиться съ королемъ англійскимъ въ нѣмецкихъ его владѣніяхъ. Георгъ II отвѣчалъ, что онъ думаетъ совершенно также и намѣренъ дѣйствовать противъ прусскаго короля, но прежде всего надобно узнать навѣрное, какимъ образомъ намѣрена поступить Россія. Получивъ донесеніе объ этомъ отвѣтѣ отъ Щербатова, Остерманъ написалъ ему: «Оная королевская декларація собою явна; а что до насъ

надлежитъ, то вамъ уже давно имянно дано знать и тамошнему двору сообщить велѣно, что мы для содержанія прагматической гарантіи готовы съ его королевскимъ величествомъ во всѣ пристойныя и потребныя мѣры вступить и дѣйствительный концертъ учинить. Вы можете о томъ тамошнимъ министрамъ, однакожъ всегда въ потребной конфиденціи и безъ разглашенія о томъ другимъ министрамъ, сообщить. Графу Остейну одному можете вы о вышеписанномъ сообщить, однакожъ съ подтвержденіемъ, чтобъ кромѣ у однихъ англійскихъ министровъ индѣ нигдѣ о томъ какое употребленіе не учинилъ, якожъ онъ самъ вѣдаетъ, что отъ секрета все зависитъ. Съ прусскимъ министромъ можете вы дружеское свое обхожденіе неизмѣнно продолжать и о дѣлахъ до государя его касающихся по какому его вопросу сказать, что вы къ войнѣ никакихъ инструкцій и указовъ не имѣете.»

Шведскія движенія заставили Россію забыть о прагматической санкціи и требовать отъ Англіи высылки эскадры въ Балтійское море; но въ началѣ іюля Щербатовъ донесъ, что въ этомъ году ждать англійской эскадры нечего, ибо увѣрены, что и французская эскадра въ этомъ году въ Балтійское море также не отправится. На это донесеніе Остерманъ отвѣчалъ, что если Россія проситъ у Англіи эскадры въ помощь противъ Швеціи, то это потому, что англійскій интересъ, одинаково съ русскимъ, требуетъ предупрежденія сѣверной войны: если войны миновать нельзя, то необходимо кончить ее какъ можно скорѣе, а посылка эскадры одинаково служитъ къ тому и другому; чрезъ предупрежденіе или скорое окончаніе войны мы получимъ свободныя руки и будемъ въ состояніи помогать общему дѣлу.» Но Англія стояла на своемъ, и въ заключаемомъ съ Россіею союзномъ договорѣ постановила пунктъ, что во время войны съ Испаніею за неимѣніемъ кораблей не пошлетъ эскадры въ Балтійское море, но вмѣсто того будетъ давать Россіи ежегодно по сту тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Договоръ не былъ ратификованъ. Въ такомъ же положеніи находились дѣла и по объявленіи Шведами войны [94].

Россія и Англія сближались по одинаковости враждебныхъ отношеній своихъ къ Франціи. Непріязненныя дѣйствія послѣдней противъ Россіи были очевидны, и несмотря на то, дипломатическія сношенія между двумя дворами не прерывались, рус-

скій посланникъ находился въ Парижѣ, французскій въ Петербургѣ.

Вице-канцлеръ графъ Головкинъ обратился къ великому адміралу графу Остерману съ откровеннымъ мнѣніемъ, что зѣло потребно бы было всячески стараться себя изъ рукъ Франціи вывесть въ разсужденіи ея тайныхъ непріятельскихъ поступковъ. Великій адмиралъ отвѣчалъ во взаимной конфиденціи, что находитъ мнѣніе вице-канцлера очень основательнымъ, но такъ какъ Франція была посредницею при заключеніи мира между Россіею и Портою и приняла на себя его гарантію, то мнится, что при нынѣшнихъ коньюнктурахъ не надобно ее огорчать никакимъ наглымъ поступкомъ, но всячески менажировать, ибо хотя она теперь тайно намъ злодѣйствуетъ, однако наружно всякую дружественную апаренцію оказываетъ; но когда мы что-либо явно ей учинимъ, тогда она уже наружнымъ образомъ намъ вредить можетъ, и такъ лучше ея злости истинною твердостію удерживать, нежели самимъ въ чемъ-либо зачинщикомъ быть, чтобъ весь свѣтъ видѣлъ, какую мы къ ней умѣренность показываемъ, и лучше тайное злодѣйство ея нынѣ сносить, нежели явно ее на себя подвигнуть» [95].

Въ мартѣ Остерманъ писалъ въ Парижъ Кантемиру: «По нашему мнѣнію, французское намѣреніе ни къ чему иному клонится, окромѣ чтобъ напередъ военный огонь вездѣ запалить, а потомъ, получа чрезъ то свободные способы, свои дальніе виды тѣмъ скорѣе и лучше въ дѣйство производить. Сіе наше мнѣніе отъ того не отдалено, что вы уже неоднократно въ прежнихъ своихъ реляціяхъ доносили и въ нынѣшней надежно подтверждаете, а именно, что Франція дѣйствительно противъ вѣнскаго двора оружіе употреблять не станетъ и по тѣмъ же отъ васъ самихъ объявленнымъ резонамъ мы и нынѣ въ томъ съ вами утверждаемся: однакожъ по нѣкоторымъ надежнымъ же секретнымъ вѣдомостямъ является: 1) что между Франціею, Гиспаніею и курфирстомъ баварскимъ противу дому аустрійскаго дѣйствительное согласіе учинено; 2) что вслѣдствіе того великая сумма денегъ къ баварскому двору отъ Гиспаніи дѣйствительно уже заплочена, изъ которой чрезвычайныя въ Баваріи происходящія сильныя вооруженія чинятся; 3) что изъ Алзаціи подъ образомъ дезертированія много людей изъ французскаго войска въ Баварію

отпускаются; 4) что Франція дѣйствительно 30 тысячъ своего войска къ нему, курфирсту баварскому, во вспоможеніе послать намѣрена; 5) что такожде короля прусскаго къ себѣ присоединить намѣреніе имѣетъ; 6) и дабы аустрійской домъ вовсе и нашего вспоможенія лишить, то Швецію на насъ поднимаютъ, которой для того и два милліона денегъ обѣщали. Сія вѣдомость отъ доброй части тѣмъ, что нынѣ въ Швеціи происходитъ, подтверждается. Мы вамъ о томъ для того пространно сообщаемъ, дабы вы, будучи тамъ на мѣстѣ, толь наипаче обо всемъ томъ подлинно провѣдать въ состояніи были и надлежаще стараться могли, что надлежитъ до вашихъ поступковъ, при всѣхъ такихъ обстоятельствахъ. Подлинно оные наиглавнѣйше въ томъ состоять имѣютъ, что съ крайнымъ прилежаніемъ и тамошные поступки и происхожденіи смотрѣть и заблаговременно и обстоятельно обо всемъ доносить».

Чтобъ вызвать какое-нибудь объясненіе, въ концѣ марта Кантемиръ обратился къ кардиналу Флёри съ предложеніемъ, что императоръ готовъ вступить въ соглашеніе съ французскимъ королемъ объ общихъ мѣрахъ для исполненія гарантіи прагматической санкціи; императоръ тѣмъ охотнѣе открываетъ свое намѣреніе королю, что изъ всѣхъ донесеній его, Кантемира, усмотрѣлъ доброе расположеніе короля къ Маріи Терезіи и къ сохраненію европейской тишины, и что если двѣ такія сильныя державы примутъ общія мѣры, то исполненіе гарантіи будетъ легко. Кардиналъ отвѣчалъ съ сердцемъ, что король не можетъ и не долженъ принимать никакихъ мѣръ къ поправленію дурнаго положенія королевы венгерской; удивительно, что отъ короля требуютъ помощи Маріи Терезіи, къ чему онъ вовсе не обязанъ; эту тягость нести должны тѣ державы, которыя приняли на себя гарантію прагматической санкціи, а французскій король прагматическую санкцію не гарантировалъ; Франція хотя и не объявляла войны англичанамъ, однако находится съ ними не въ такой дружбѣ, чтобъ вмѣстѣ съ ними принимать общія мѣры въ пользу королевы венгерской.

«Такая неожиданная и дикая рѣчь» привела Кантемира въ великое удивленіе. Кардиналъ, отвѣчалъ онъ, не могъ забыть, что между королемъ и покойнымъ императоромъ Карломъ VI заключенъ союзный договоръ, въ которомъ Франція, за большія ус-

тупки со стороны Австріи, гарантировала прагматическую санкцію; договоръ этотъ такъ новъ, что и чернила на немъ еще не высохли; кардиналъ не можетъ также забыть, сколько словесныхъ и письменныхъ обнадеживаній сдѣлано французскимъ правительствомъ какъ министрамъ вѣнскаго двора, такъ и находящимся здѣсь министрамъ другихъ державъ о святомъ исполненіи этихъ обязательствъ. Эти обнадеживанія немало побудили и русскій дворъ къ принятію извѣстнаго рѣшенія и теперь онъ, Кантемиръ, не знаетъ, какъ согласить настоящій отвѣтъ кардинала со всѣмъ предшествовавшимъ и какъ донести объ этомъ своему государю. — Правда, отвѣчалъ кардиналъ, король заключилъ съ покойнымъ императоромъ упомянутый договоръ, но договоръ этотъ въ совершеніе не приведенъ, ибо покойный императоръ не только обѣщанной имперской ратификаціи не доставилъ, но самъ старался ее задержать, заставя виртембергскаго посланника на регенсбургскомъ сеймѣ протестовать противъ выдачи этой ратификаціи. Такимъ образомъ король французскій нисколько не обязанъ исполнять договоръ; что же касается до обнадеживаній, сдѣланныхъ французскимъ правительствомъ по смерти императора Карла VI, то никто не можетъ доказать, чтобъ Франція поступала вопреки имъ. Кантемиръ возразилъ, что не знаетъ что происходило на регенсбургскомъ сеймѣ, но знаетъ, что покойному императору не было никакой пользы останавливать ратификацію, которая впрочемъ и не нужна, потому что прагматическая санкція касается не имперіи, а частныхъ владѣній австрійскаго дома. «Объекціи сіи, пишетъ Кантемиръ, будучи такого основательства, что ничего къ опровerженію ихъ резонабельно привести не можно, господинъ кардиналъ такіе смѣшные и несостоятельные резоны противъ нихъ употребилъ, что стыдно объ оныхъ и упоминать: столь они были безпутны и безъ всякаго основанія. Когда кардиналъ, уже отложа всякій стыдъ, прямо выговорилъ, что король санкцію прагматическую не гарантировалъ, никакого сумнѣнія уже не остается, что всѣмъ способомъ вредить королевѣ венгерской намѣрены. *Квестія* (вопросъ) потому о томъ только идетъ, чтобъ знать, когда и какимъ образомъ свою злую склонность въ дѣйство произвести намѣрены.» Кантемиръ думалъ, что Франція дѣйствительно войны противъ Маріи Терезіи не объявитъ и не будетъ препятствовать державамъ,

которыя станутъ помогать Австріи противъ прусскаго короля, но будетъ стараться возбудить междоусобную войну въ Германіи и потомъ подъ предлогомъ защиты союзныхъ себѣ германскихъ государей ввести свое войско въ имперію, для пріобрѣтенія новыхъ областей и для исполненія дальнѣйшихъ своихъ видовъ, которымъ трудно предвидѣть границу. Отсюда Кантемиръ заключаетъ, что необходимо пресѣчь эти виды благовременнымъ предупрежденіемъ; удивляется при этомъ медленности морскихъ державъ, которыя больше всѣхъ имѣютъ причину опасаться слѣдствія прусскихъ успѣховъ, нарушенія всей европейской системы раздѣленіемъ областей австрійскаго дома.

3 мая Кантемиръ имѣлъ любопытный разговоръ съ кардиналомъ Флёри. Кардиналъ упомянулъ, что въ Швеціи усматривается военное движеніе. Кантемиръ отвѣчалъ, что съ русской стороны не пренебрежено ничѣмъ для сохраненія сѣверной тишины, и если начнется война, то весь свѣтъ долженъ признать правду Россіи. Кардиналъ сказалъ, что онъ самъ не понимаетъ, какъ шведскій дворъ можетъ отважиться на войну съ Россіею, ибо силы обѣихъ державъ вовсе не равны, и потомъ началъ распространяться въ обычныхъ своихъ разсужденіяхъ о недостаткѣ довѣрія въ Европѣ, о подозрительности, господствующей между державами, о распространяющемся повсюду духѣ несогласія, который долженъ произвесть страшное кровопролитіе; кардиналъ высказывалъ свое миролюбіе и сожалѣніе, что всѣ его труды для сохраненія европейскаго спокойствія были напрасны. Кантемиръ замѣтилъ, что тяжкій отвѣтъ отдадутъ тѣ, которые подали поводъ къ наступающимъ бѣдамъ. Флёри продолжалъ въ томъ же проповѣдническомъ тонѣ, что не только войною, но и другими язвами Богъ людей наказываетъ: въ одинъ и тотъ же годъ видимъ и жестокую зиму, и неурожай, и болѣзни; что онъ не можетъ понять, какъ эти язвы не остановили высокомыслія войнолюбивыхъ людей, и, что всего хуже, при такой общей склонности къ войнѣ нельзя найти ни одного посредника, который бы привелъ всѣхъ къ доброму согласію; напротивъ всякій спѣшитъ принять участіе въ войнѣ, которая до него собственно не касается. Кантемиръ замѣтилъ, что всѣ дѣла можно было бы окончить полюбовно, еслибы тому не помѣшало внезапное нападеніе пруссаковъ на Силезію, ибо другія державы по договорнымъ обя-

зательствамъ и для собственной безопасности не могутъ не принять участія въ войнѣ; что же касается посредничества, то Франціи всего лучше принять его на себя по извѣстной правотѣ и миролюбію его, кардинала. Флёри отвѣчалъ на это, что онъ вовсе не оправдываетъ поступка короля прусскаго, но есть извѣстіе, что Пруссія удовольствуется одною Нижнею Силезіею, если венгерская королева покажетъ склонность къ примиренію, и быть можетъ королева и показала бы эту склонность, еслибъ другія державы не ободряли ее надеждою помощи. Впрочемъ какъ онъ, кардиналъ, ни склоненъ къ умиротворенію, его добрыя услуги были бы совершенно безплодны, ибо хотя Франція и находится со всѣми другими державами въ мирѣ, однако многія смотрятъ на нее подозрительно, повторяя старинныя бредни объ ея стремленіи ко всемірной монархіи, и на основаніи этихъ бредней заключая другъ съ другомъ союзы и принимая ненужныя мѣры. Кантемиръ отвѣчалъ, что отъ кардинала зависитъ уничтожить такое предубѣжденіе, удаляясь отъ войны, тѣмъ болѣе, что Франція очень сильна и никакая держава напрасно раздражать ее не рѣшится. «Хотя я не придаю никакого значенія сладкимъ словамъ кардинала, писалъ Кантемиръ, однако счелъ своею обязанностію донесть объ этомъ разговорѣ, изъ котораго видно, съ какимъ искусствомъ онъ производитъ свои внушенія, клонящіяся къ тому, чтобъ отклонить союзниковъ отъ поданія помощи королевѣ венгерской, ибо это будетъ препятствовать видамъ Франціи, какъ напримѣръ вооруженіе морскихъ державъ помѣшаетъ пріобрѣтенію Люксембурга или другой какой-нибудь части австрійскихъ Нидерландовъ.»

Полученныя Кантемиромъ извѣстія о вооруженіи въ Брестѣ эскадры, назначаемой въ Балтійское море, побудили русскаго посланника имѣть новое объясненіе съ кардиналомъ. Флёри отвѣчалъ, что эскадра не получила еще назначенія и въ Балтійское море отправлена не будетъ, если король датскій обнадежитъ, что при начатіи войны на сѣверѣ сохранитъ нейтралитетъ Балтійскаго моря и если Англичане не отправятъ въ то же море своей эскадры; впрочемъ король не намѣренъ принимать ни малѣйшаго участія въ войнѣ между Россіею и Швеціею; онъ, кардиналъ, особенно жалѣетъ, видя такую горячность со стороны шведской, и по чистой совѣсти можетъ засвидѣтельствовать, что

его совѣты шведскому министерству клонились къ сохраненію тишины. Кантемиръ отвѣчалъ, что Россія никакъ не можетъ принять этихъ *если*, ибо Данія и Англія связаны съ нею обязательствами союзнаго договора и потому не могутъ остаться нейтральными, когда Шведы нападутъ на русскія области. Кардиналъ отвѣчалъ, что онъ уже упомянулъ о намѣреніи французскаго двора не принимать участія въ войнѣ между Швеціею и Россіею, и Франція тѣмъ охотнѣе будетъ содержать доброе согласіе съ Россіею, что нѣтъ причинъ къ жалобамъ противъ русскаго двора; но англійское высокомѣріе становится нестерпимо, и онъ безъ осужденія отъ всего свѣта не можетъ позволить англійскому двору вступаться въ дѣла всей Европы, усиливать свое вліяніе, стараться повсюду властвовать; поэтому не знаетъ, не будетъ ли принужденъ сопротивляться предпріятіямъ Англичанъ на сѣверѣ. Можно было бы обойти всякое затрудненіе, остановя отправленіе англійской эскадры въ Балтійское море, тѣмъ болѣе, что русскій государь имѣетъ свои морскія силы и шведскій король подлинно не въ состояніи противиться Россіи. Извѣстно, что въ послѣдней войнѣ между Франціею и цесаремъ русское войско было прислано на помощь цесарю и, несмотря на то, между Россіею и Франціею разрыва не послѣдовало. На это Кантемиръ сказалъ: «Что касается англійскихъ поступковъ, то это дѣло мнѣ не принадлежитъ, равно я не вступаю въ изслѣдованіе, какъ должна въ этомъ случаѣ вести себя Франція; я и прежде никогда не отзывался о французскихъ вооруженіяхъ, когда они не касались интересовъ моего государя; и теперь я не говорю о такихъ движеніяхъ англійскихъ, которыя не имѣютъ связи съ русскими интересами; но судите сами, имѣете ли вы право препятствовать подачію помощи Россіи отъ кого бы то ни было. Дѣло отправленія вспомогательнаго русскаго войска покойному цесарю совершенно другое; между Россіею и покойнымъ цесаремъ существовалъ давній оборонительный союзъ, и вы сами стали бы порицать русскій дворъ, еслибы онъ не исполнилъ своихъ обязательствъ; но между Франціею и Швеціею никакого подобнаго обязательства нѣтъ, какъ вы мнѣ сами объявили. Потомъ въ послѣдней войнѣ между Франціею и Австріею Франція первая напала, а въ войнѣ между Россіею и Швеціею, если она откроется, первые нападутъ Шведы.» Кардиналъ отвѣ-

чалъ, что еще самъ не знаетъ, какое приметъ рѣшеніе, и началъ распространяться о своемъ миролюбіи и жаловаться, что всѣ его труды для сохраненія спокойствія въ Европѣ остались тщетными вслѣдствіе честолюбія Англичанъ.

Въ іюнѣ Кантемиръ получилъ отъ своего двора приказаніе внушить кардиналу, что отъ него одного зависитъ заключеніе оборонительнаго союза съ Россіею, который нимало не будетъ препятствовать подобнымъ договорамъ Россіи съ другими державами. Кантемиръ отвѣчалъ, что нельзя имѣть никакой надежды, чтобъ Франція захотѣла искать пользы Россіи или, по меньшей мѣрѣ, захотѣла союзомъ съ нею ослабить тревогу на сѣверѣ; напротивъ, дѣла зашли такъ далеко, что по требованію французскаго интереса Россія должна быть занята защитою своихъ областей, чтобы не имѣть возможности помочь венгерской королевѣ, противъ которой во Франціи готовятъ явную войну. «Мнѣ дано знать, писалъ Кантемиръ, что уже заключенъ договоръ между Франціею и Пруссіею, что французское войско будетъ отправлено въ Баварію, чтобъ вмѣстѣ съ тамошнимъ курфирстомъ идти въ Богемію; что въ меморію, гдѣ изслѣдуются интересы французскаго двора, главнымъ основаніемъ положено раздробленіе австрійскихъ владѣній: Богемія должна достаться курфирсту баварскому, который будетъ императоромъ, Италія королю испанскому и частію сардинскому, Силезія королю прусскому, а часть Нидерландовъ самой Франціи; для исполненія этого проекта главнымъ средствомъ поставляется ослабленіе Россіи и Англіи, которыя одни въ Европѣ могутъ помѣшать ему. Авторъ меморіи совѣтуетъ начать войну противъ Англіи и въ Германіи, а между тѣмъ шведскому двору дать не только субсидіи для нападенія на Россію, но даже войска и корабли; также постараться устроить союзъ между Швеціею, Даніею и Пруссіею, наконецъ возбудить противъ Россіи Турокъ и Персіянъ, и дѣйствовать противъ Россіи до тѣхъ поръ, пока Россія потеряетъ все пріобрѣтенное ею по Ништадтскому миру.

Въ августѣ Кантемиръ имѣлъ свиданіе съ кардиналомъ по поводу объявленія Шведами войны противъ Россіи. Кардиналъ повторилъ прежнія увѣренія, что французскій дворъ не принималъ никакого участія во всѣхъ шведскихъ движеніяхъ, что объявленіе войны считаетъ дѣломъ безразсуднымъ, что онъ не разъ

представлялъ шведскому посланнику, графу Тессину, что Швецiя не можетъ надѣяться на успѣхъ въ войнѣ противъ Россiи, а на чужую помощь напрасно бы полагалась, но все понапрасну, потому что настоящая война есть дѣло народной ярости, которую шведское министерство унять не въ состоянiи; что онъ, кардиналъ, долженъ признаться, что русскiй дворъ сдѣлалъ все для избѣжанiя войны. Относительно движенiя французскаго войска въ Германiи, Флёри сказалъ, что съ крайнимъ сожалѣнiемъ долженъ былъ согласиться на это въ видахъ предупредить англiйское нападенiе, и что желалъ бы кровью своею купить возможность избѣжанiя всеобщей войны. Когда Кантемиръ замѣтилъ, что союзники королевы венгерской не дѣлали никакихъ военныхъ приготовленiй, то кардиналъ съ горячностiю отвѣчалъ: «Не должно думать, чтобъ я не зналъ о томъ, что въ свѣтѣ дѣлается; я знаю хорошо, какiе были виды и намѣренiя Англичанъ, которые, не довольствуясь господствомъ на морѣ, желаютъ предписывать законы Европѣ и на сухомъ пути, раздавать короны по своей волѣ; если теперь Англiя не дѣйствуетъ, то это должно приписать движенiю французскихъ войскъ. Впрочемъ я самъ до сихъ поръ не знаю, къ чему наше войско будетъ употреблено; но объявляю министрамъ иностраннымъ и отъ своихъ Французовъ не скрываю, что какъ скоро представится случай къ полюбовному соглашенiю, то я его не упущу, и сердечно сожалѣю, что не вижу ни одной державы, которая бы предложила свое посредничество, потому что всѣ въ настоящей распрѣ приняли участiе. Королева венгерская государыня весьма похвальныхъ свойствъ, о ея несчастiи я самъ сожалѣю; но чрезмѣрно она своего мужа любитъ и своимъ упорнымъ уклоненiемъ отъ мира съ Пруссiею привела европейскiя дѣла въ нынѣшнее состоянiе; теперь же о примиренiи ея съ прусскимъ королемъ нечего и думать, потому что онъ уже слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ предпрiятiяхъ.»—«Понеже, писалъ Кантемиръ, нынѣшнiе здѣшнiе поступки довольно показываютъ, что всякое чувствованiе стыда на сторону отложено, нечаянная премѣна во всемъ случиться можетъ, и для того предосторожность всегда нужна.»

Остерманъ писалъ Кантемиру въ октябрѣ: «Поступки Шетарди такъ явно недоброжелательны, что мы имѣемъ полную причину желать его отозванiя отсюда; только это надобно исходатайствовать

такимъ образомъ, чтобъ французское министерство, при нынѣшнемъ своемъ счастіи и безъ того ни на кого не смотрящее, не получило повода къ преждевременному разорванію съ нами дипломатическихъ сношеній и къ сложенію вины на насъ. Поэтому надобно поступать въ этомъ дѣлѣ смотря по тамошнимъ склонностямъ, министерскому нраву и обращеніямъ дѣлъ, и притомъ на ваше благоразсужденіе оставляемъ, не можете ли чрезъ того благосклоннаго къ вамъ пріятеля, о которомъ въ реляціяхъ своихъ упоминаете, тамошнему министерству между прочимъ искусно внушить, что поступки Шетарди и интриги совершенно открылись, и потому онъ для французскихъ интересовъ здѣсь болѣе уже не можетъ быть полезенъ, и что вслѣдствіе его поведенія никто не желаетъ съ нимъ знакомства, всѣ избѣгаютъ его, какъ только можно безъ явнаго озлобленія»[96].

Открылась интрига Шетарди; открылось, что онъ хлопоталъ объ ускореніи переворота, о сверженіи существующаго правительства.

Мы видѣли, что въ Россіи были недовольны существующимъ правительствомъ, и это неудовольствіе усиливалось и громче высказывалось вслѣдствіе слабости правительства, котораго не любили и не уважали. Но какъ и въ чью пользу долженъ былъ совершиться переворотъ? Биронъ, недовольный отцомъ и матерью императора Іоанна, грозилъ имъ герцогомъ голштинскимъ, роднымъ внукомъ Петра Великаго; кто же теперь былъ настолько могущественъ, чтобъ дѣйствовать въ пользу ребенка, жившаго далеко, въ чужой сторонѣ, привезти этого ребенка въ Россію и посадить на престолъ? У герцога голштинскаго была въ Россіи родная тетка, дочь Петра Великаго, и это было единственное лицо, во имя котораго можно было произвести переворотъ. Мы видѣли[97], что въ инструкціи Шетарди было прямо указано на цесаревну Елисавету, велѣно вывѣдать о значеніи ея приверженцевъ и т. п. Мы довольно часто упоминали объ Елисаветѣ при описаніи царствованія Петра II, когда она своимъ вліяніемъ на племянника не давала покоя людямъ, боровшимся за волю молодого императора. По восшествіи на престолъ Анны, Елисавета, чтобъ не возбудить подозрѣнія и гоненія императрицы, очень хорошо понимавшей, какую опасную соперницу имѣетъ она въ дочери великаго дяди, должна была вести себя такъ,

чтобъ о ней не было слышно; ей оказывали внѣшній почетъ, но зорко слѣдили за ея поведеніемъ. Минихъ, по порученію императрицы, помѣстилъ къ ней въ домъ урядника Щегловитаго въ качествѣ смотрителя за домомъ, и Щегловитый доносилъ, кто бывалъ у цесаревны и куда она выѣзжала [98]; чтобъ слѣдить за нею по городу, онъ нанималъ особыхъ извощиковъ. Анну не переставалъ безпокоить внукъ Петра Великаго, маленькій герцогъ голштинскій: «Чертушка въ Голштиніи еще живетъ,» обыкновенно говорила она [99]; но понятно, что она должна была разсчитывать на тѣсную связь между интересами тетки и племянника. Елисавета была почтительна къ императрицѣ, къ Бирону. Она сохраняла свою красоту; но уже никто не говорилъ больше о ея живости и веселости, которыя не шли теперь къ опальной дочери Петра Великаго. Елисавета не могла не знать, что за нею наблюдаютъ, и потому жила скромно, уединенно среди своего маленькаго двора. Эта полузатворническая жизнь, боязнь принимать живое участіе въ событіяхъ, боязнь сноситься съ важнѣйшими дѣятелями государственной жизни, да и самая невозможность сноситься съ ними, ибо конечно они почтительно удалялись отъ опальной и потому опасной цесаревны, — все это должно было препятствовать умственному развитію и развитію энергіи Елисаветы; десять лѣтъ ей предоставлено было жить однимъ чувствомъ. Указывали на ея фаворитовъ; но несогласно съ характеромъ нашего сочиненія упоминать о дѣлахъ и людяхъ. темныхъ, не имѣвшихъ вліянія на ходъ историческихъ событій Мы должны упомянуть о фаворитѣ Елисаветы, Алексѣѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ, сынѣ простаго козака, взятомъ въ придворные пѣвчіе; утверждали, что Елисавета была съ нимъ обвѣнчана. Разумовскій былъ человѣкъ безъ способностей и безъ энергіи, но, будучи доволенъ своимъ выгоднымъ положеніемъ, не вмѣшиваясь въ дѣла, онъ не вредилъ никому и ничему, а этого уже было очень много, и мы обязаны отдать честь Разумовскому, сказавши, что онъ, какъ фаворитъ, представлялъ противоположность фавориту Анны, Бирону. До насъ дошла только одна жалоба на Разумовскаго, что онъ былъ непокоенъ въ хмѣлю; но, какъ видно, невыгоду отъ этого безпокойства чувствовали люди очень близкіе, которые умѣли и вознаградить себя за претерпѣнное. Изъ будущихъ важныхъ дѣятелей при дворѣ цеса-

ревны находились двое братьевъ Шуваловыхъ, Александръ и Петръ Ивановичи, и Михайла Ларивоновичъ Воронцовъ. Эти люди уже принадлежали ко второму поколѣнію русскихъ дѣятелей XVIII вѣка, причисляя къ первому птенцовъ Петра Великаго, непосредственно имъ вызванныхъ къ дѣятельности, имъ воспитанныхъ; Шуваловы съ товарищами были дѣти тѣхъ отцовъ, которые являются при Петрѣ, нѣкоторые въ довольно значительныхъ должностяхъ, но не первостепенныхъ. При дворѣ цесаревны давно уже занималъ видное мѣсто медикъ Лестокъ. Вызванный при Петрѣ Великомъ въ числѣ другихъ надобныхъ по своему искусству иностранцевъ, Лестокъ при Петрѣ же былъ сосланъ въ Казань по жалобѣ на неосторожное поведеніе его съ дочерью одного придворнаго служителя. По возвращеніи изъ ссылки онъ опять является при дворѣ, и по смерти Екатерины I мы видимъ его именно при дворѣ цесаревны Елисаветы. Дѣятельный, веселый, говорливый, любившій и умѣвшій со всѣми сблизиться, всюду обо всемъ разведать, Лестокъ былъ дорогой человѣкъ въ однообразной жизни двора опальной цесаревны. Но кромѣ развлеченія, которое могъ доставлять Лестокъ въ скукѣ, кромѣ привычки къ человѣку, необходимо близкому, какъ медику, Елисавета имѣла право полагаться на Лестока: когда въ началѣ царствованія Анны, Минихъ, по иноземству, предлагалъ Лестоку наблюдать за цесаревною и доносить обо всемъ, Лестокъ не согласился.

Развлеченіемъ, хотя и не совсѣмъ пріятнымъ, служили для Елисаветы хозяйственныя занятія. Она должна была содержать свой дворъ доходами съ имѣній, находившихся въ разныхъ мѣстностяхъ; доходы были незначительны, а расходы большіе по необходимости поддерживать значеніе высокой особы, по необходимости не отпускать съ пустыми руками просителей, по необходимости являться прилично къ большому двору, при которомъ господствовала разорительная роскошь. Понятно, что пріисканіе хорошаго управителя вотчинами было дѣломъ большой важности для Елисаветы: это всего лучше видно изъ писемъ ея къ Воронцову, бывшему въ Москвѣ въ началѣ 1739 года: «Прошу васъ какъ пріѣдете къ Москвѣ, то имѣйте стараніе, чтобъ вамъ прямо спознать Воронина, каковъ онъ, понеже я ни на кого такую надежду не имѣю, какъ на васъ: такъ какъ себѣ вѣрю, понеже

много абрабаціи (аппробаціи) имѣла. Также и объ Чистомъ прошу увѣдомиться, каковъ онъ и увѣдомить мене, понеже не малая остановка имѣется.... Объ Воронинѣ прошу васъ призвать къ себѣ и спросить отъ себя, не будетъ ли ему обидно, чтобъ секретаремъ у меня быть, понеже онъ нонѣ въ комисарахъ; а я ей не знаю, которой у нихъ чинъ большей. И ежели онъ вамъ скажетъ, что онъ желаетъ, то можете ему послѣ сказать, что будто вы надѣетесь, что вотчины всѣ ему во управленіе вручатся, и что́ онъ вамъ скажетъ на сіе?» [100]

Нужно было искать хорошихъ людей еще и потому, что смѣна дурныхъ могла повести къ большимъ непріятностямъ: человѣкъ, навлекшій неудовольствіе цесаревны, всегда могъ быть увѣренъ, что правительство будетъ смотрѣть на него съ сочувствіемъ, особенно если онъ не поскупится на извѣстія неблагопріятныя для Елисаветы или людей къ ней близкихъ. Вотъ любопытное прошеніе Елисаветы императрицѣ Аннѣ, написанное въ 1736 году и подписанное: «Вашего и. в-ства послушная раба Елисаветъ: понеже бывшій въ моей канцеляріи судьею Степанъ Корницкой, преступя вначалѣ должность христіанскаго закона и забывъ показанныя отъ меня ему благодѣянія, а наипаче презрѣвъ указы вашего и. в-ства, всякія непорядочныя дѣла отправлялъ, многія взятки съ крестьянъ и съ другихъ людей бралъ и за тѣмъ упущалъ доходы, получаемые съ деревень, волочилъ многихъ челобитчиковъ, ходя за дѣлами напрасно, и во всю бытность свою ни единаго дѣла къ окончанію не привелъ; посылаемые мои указы въ канцелярію, не токмо по онымъ исполненія чинилъ, но въ одномъ изъ оныхъ выскребъ написанную рѣчь и, переправя, написалъ какъ ему надобно было для его пользы, которое его преступленіе великаго наказанія достойно по указамъ вашего и. в-ства. Еще въ самомъ слѣдствіи о управителѣ Висингѣ, на котораго показано было на нѣсколько тысячъ рублевъ похищенныхъ денегъ, дѣлалъ ему всякое похлебство, бралъ взятки и съ резолюцій моихъ посылалъ къ нему точныя копіи, и многія другія безчисленныя продерзости являлъ. Я велѣла его взять подъ караулъ, чтобъ сдалъ порученныя ему дѣла, и по семъ, изслѣдовавъ о немъ, хотѣла донесть вашему и. в-ству, что̀ съ нимъ повелите указомъ учинить. А оной арестъ ему для того учинила безъ соизволенія вашего и. в-ства,

надѣючись на сіе, что всякій помѣщикъ можетъ такъ поступать съ своимъ подчиненнымъ, ежели предъ нимъ явится въ похищеніи. И оной Корницкой свобожденъ по указу вашего и. в-ства чрезъ генерала Ушакова. И оное мнѣ все сносно, токмо сіе чрезмѣрно чувствительно, что я невинно обнесена предъ персоною вашего и. в-ства, въ чемъ не токмо дѣломъ, но ни самою мыслію никогда не была противна воли и указамъ вашего и. в-ства, ниже впредь хощу быть. Того ради для оправданія моего предъ вашимъ и. в-ствомъ всепокорнѣйше прошу всемилостивѣйше приказать о немъ изслѣдовать или его возвратить ко мнѣ, гдѣ по окончаніи слѣдствія о всемъ нижайше донесу сама вашему и. в-ству» [101]. Участіе страшнаго Ушакова въ дѣлѣ показываетъ, какое значеніе придавалось ему, по крайней мѣрѣ вначалѣ. Могло быть, что Корницкій позволялъ себѣ подобные поступки въ надеждѣ на сильное покровительство, будучи агентомъ Ушакова.

Смерть Анны произвела нѣкоторое измѣненіе въ тяжкихъ, натянутыхъ отношеніяхъ Елисаветы къ большому двору. Правительство оказалось слабымъ, начались смуты, перевороты. Регентъ Биронъ, разсорившись съ отцомъ и матерью маленькаго императора, грозитъ имъ герцогомъ голштинскимъ и, съ какою бы то ни было цѣлію, очень внимателенъ и любезенъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ, увеличиваетъ ея содержаніе (что впрочемъ совѣтовалъ и Остерманъ [102]), оказываетъ снисхожденіе къ людямъ, уличеннымъ въ преданности дочери Петра Великаго. Паденіе Бирона могло только ухудшить положеніе Елисаветы, ибо не стало во главѣ управленія человѣка къ ней расположеннаго: цесаревна поспѣшила убрать портретъ своего племянника, герцога голштинскаго, который повѣсила было у себя во дворцѣ тотчасъ по смерти Анны Іоанновны [103]. Собственно отъ Анны Леопольдовны нечего было опасаться; но дѣло не въ Аннѣ Леопольдовнѣ: Минихъ, Остерманъ старые злодѣи, отъ которыхъ уже терпѣла Елисавета; они и всякій другой, кто будетъ править Россіею, поддерживая престолъ Іоанна III, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительно смотрѣть на Елисавету, слѣдить за нею, и эта подозрительность должна усиливаться съ возрастаніемъ ея опаснаго племянника. А между тѣмъ обнаруживается всеобщее неудовольствіе, и Елисавета не можетъ не замѣтить, что недо-

вольные обращаются мало-по-малу къ ней, отъ нея ждутъ избавленія отъ безтолковаго и ненаціональнаго правительства. Опальное положеніе, уединенная жизнь Елисаветы при Аннѣ послужили къ выгодѣ для цесаревны. Молодая, вѣтреная, шаловливая красавица, возбуждавшая разныя чувства, кромѣ—чувства уваженія, исчезла. Елисавета возмужала, сохранивъ свою красоту, получившую теперь спокойный, величественный, царственный характеръ. Рѣдко, въ торжественныхъ случаяхъ являлась она предъ народомъ прекрасная, ласковая, величественная, спокойная, печальная; являлась какъ молчаливый протестъ противъ тяжелаго, оскорбительнаго для народной чести настоящаго, какъ живое и прекрасное напоминаніе о славномъ прошедшемъ, которое теперь уже становилось не только славнымъ, но и счастливымъ прошедшимъ. Теперь уже при видѣ Елисаветы возбуждалось умиленіе, уваженіе, печаль; тяжелая участь дала ей право на возбужденіе этихъ чувствъ тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ дочерью Петра всѣ Русскіе были въ бѣдѣ, опалѣ; а тутъ еще слухи, что нѣтъ добрѣе и ласковѣе матушки цесаревны Елисаветы Петровны. Такимъ образомъ съ значеніемъ дочери Петра Великаго соединились теперь большія права, но вмѣстѣ и большія, страшныя обязанности. Отъ нея чего-то ждутъ, она должна что-то исполнить. Но съ кѣмъ и какъ? Самые видные Нѣмцы перессорились, губятъ другъ друга и тѣмъ даютъ возможность Русскимъ взять верхъ; но за то и у Русскихъ нѣтъ человѣка, который бы могъ стать въ челѣ движенія, который бы могъ, хотя въ ночномъ нападеніи, какъ Минихъ, овладѣть браунъшвейгскою фамиліею и провозгласить новаго императора или императрицу, герцога голштинскаго или тетку его. Елисавета должна была сама стать въ челѣ движенія, сама направить народъ или войско противъ нелюбимаго правительства. Но какъ могла рѣшиться на это женщина, проведшая столько лучшихъ лѣтъ жизни въ бездѣйствіи, робкая, загнанная, привыкшая униженною уклончивостію спасаться отъ гнѣва и преслѣдованія сильныхъ? Женское ли это дѣло производить перевороты, свергать правительство, водить войско? Легко понять, что Елисавета будетъ медлить, ждать человѣка.

Правительство думало, что Елисавета можетъ взойти на престолъ съ помощію того же человѣка, который свергнулъ и Би-

рона, т.-е. Миниха. Въ генварѣ 1741 года, когда Минихъ былъ еще первымъ министромъ, майоръ гвардіи Альбрехтъ призвалъ аудитора Барановскаго и объявилъ ему именной указъ: «Долженъ ты быть поставленъ на безъизвѣстный караулъ близь дворца цесаревны Елисаветы Петровны, имѣешь смотрѣть: во дворецъ цесаревны какія персоны мужеска и женска пола пріѣзжаютъ, такожъ и ея высочество куды изволитъ съѣзжать и какъ изволитъ возвращаться — о томъ бы повсядневно подавать записки по утрамъ ему, Альбрехту. Въ которое время генералъ-фельдмаршалъ во дворецъ цесаревны прибудетъ, тобъ того часа репортовать словесно о прибытіи его ему жъ майору Альбрехту; а если дома его, Альбрехта, не будетъ, то отрепортовать герцогу брауншвейгъ-люнебургскому. Французскій посолъ когда пріѣзжать будетъ во дворецъ цесаревны, то и объ немъ репортовать съ прочими въ подаваемыхъ запискахъ.» Послѣ отставки Миниха, когда его еще больше стали бояться, принцъ Антонъ поручилъ секундъ-майору Василью Чичерину выбрать до десяти гренадеръ съ капраломъ, одѣть ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны и наблюдать: если Минихъ пойдетъ со двора не въ своемъ платьѣ, то поймать его и доставить во дворецъ; если же пойдетъ къ цесаревнѣ, то взять уже на возвратномъ пути отъ нея [104]. Принцу донесли о разныхъ толкахъ между солдатами и женскою дворцовою прислугою. Разсказывали, что Минихъ былъ однажды у цесаревны и, припадши къ ея ногамъ, просилъ, что если ея высочество ему повелитъ, то онъ все исполнить готовъ. На что Елисавета будто бы сказала ему: «Ты ли тотъ, который корону даетъ кому хочетъ? Я оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу.» По другому разсказу, Елисавета отвѣчала Миниху, что онъ самъ знаетъ, чего ей надобно и на что она имѣетъ право, и потомъ Елисавета обошлась съ Минихомъ очень милостиво и провожала до крыльца [105]. Принцъ Антонъ, въ простотѣ сердечной, повѣрилъ, что все такъ было, и говорилъ англійскому резиденту Финчу, что отъ Миниха надобно отдѣлаться, что онъ уже предлагалъ свои услуги Елисаветѣ.

Минихъ не сблизился съ Елисаветою. Онъ понималъ, что вступленіе на престолъ Елисаветы будетъ имѣть слѣдствіемъ торжество національнаго дѣла, что при ней иностранцу не удастся играть первенствующей роли. Всѣ его симпатіи были въ поль-

зу брауншвейгской фамиліи; онъ ждалъ своего времени, когда вражда принцессы Анны и фрейлину Менгденъ къ принцу Антону и Остерману разгорится до высшей степени, и принцесса Анна снова потребуетъ его помощи для низложенія ненавистнаго Остермана. Только братъ фельдмаршала, гофмаршалъ Минихъ, на всякій случай старался дѣлать всевозможныя угожденія цесаревнѣ; но братья не жили дружно.

Минихъ не ѣздилъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ, но французскій посланникъ ѣздилъ.

Мы видѣли, какая инструкція была дана маркизу Шетарди передъ отъѣздомъ его въ Россію; видѣли, что Елисавета была указана какъ единственное лицо, въ пользу котораго нужно было дѣйствовать для сверженія нѣмецкаго правительства и для оттѣсненія Россіи опять на востокъ. И Шетарди не спускаетъ глазъ съ Елисаветы. Во время Биронова регентства ему нечего предпринимать: Елисавета спокойна, довольна быстрой перемѣной къ лучшему въ своемъ положеніи; ему видимо не нравится это заискиваніе регента у цесаревны, онъ подозрѣваетъ его въ какихъ-то дерзкихъ замыслахъ; съ другой стороны, французскій посланникъ не имѣетъ побужденій очень сильно тревожиться: у Бирона нѣтъ ни досуга, ни желанія помогать Маріи Терезіи противъ Франціи и Пруссіи. Но дѣло перемѣнилось по сверженіи Бирона: вѣнскій дворъ получилъ сильную надежду на помощь отъ Россіи, а это заставляло Францію, съ одной стороны, поднимать Швецію для задержанія Россіи, съ другой, поднять въ Россіи внутреннія волненія, затѣять правительственный переворотъ, чтобъ также занять Россію дома, и потомъ помочь Швеціи одержать верхъ въ борьбѣ, ибо иначе слабая Швеція не могла надѣяться на успѣхъ; наконецъ теперь и Елисавета недовольна, слѣдовательно болѣе возможности сдѣлать ее доступною внушеніямъ французскаго посланника. Шетарди увѣряетъ ее въ добромъ расположеніи къ ней своего короля, въ готовности его оказать ей помощь. Но эта помощь непосредственно можетъ быть оказана ближайшею державою, Швеціею, и потому шведскій посланникъ Нолькенъ вводится также къ цесаревнѣ для необходимыхъ переговоровъ; для сношеній Елисаветы съ обоими посланниками внѣ дворца употребляется Лестокъ. Нолькенъ обѣщаетъ помощь, но требуетъ вознагражденія, требуетъ,

чтобъ Елисавета на письмѣ обѣщала вознаградить Швецію при своемъ восшествіи на престолъ. Елисавета не соглашается дать письменное обязательство. Для Шетарди интересъ Швеціи не на первомъ планѣ; ему хочется, чтобъ какъ можно скорѣе произошелъ переворотъ, который обезпечитъ невмѣшательство Россіи въ европейскія дѣла и слѣдовательно дастъ Франціи всю свободу распоряжаться ими. Шетарди внушаетъ Лестоку, что Елисавета не должна медлить, что ей должно воспользоваться счастливымъ расположеніемъ, которое начинаетъ высказываться въ народѣ, и не дать русскимъ привыкнуть къ настоящему правительству. Въ разговорахъ такого рода, разумѣется, не отзывались доброжелательно къ брауншвейгской фамиліи. Говорилось, что маленькаго императора намѣренно никому не показываютъ. Лестокъ увѣрялъ, что цесаревна убѣждена въ этомъ и нарочно часто навѣщаетъ малютку, и уже позаботалась о средствахъ знать все, что бы ни случилось съ нимъ. Лестокъ разсказывалъ Шетарди, что Іоаннъ слишкомъ малъ для своего возраста, что въ немъ съ нѣкотораго времени обнаружились признаки сокращенія нервовъ, что у него запоры съ самаго рожденія и никакое лѣкарство не могло возбудить въ его организмѣ обыкновенныхъ отправленій, что малютка непремѣнно умретъ отъ первой сколько-нибудь значительной болѣзни.

Шетарди знаетъ, что въ народѣ сильное расположеніе къ Елисаветѣ, что можно легко составить партію: но около кого изъ сильныхъ и способныхъ людей будетъ составляться эта партія, кто будетъ ея главою, кто двинетъ ее въ рѣшительную минуту во имя дочери Петра Великаго? Елисавета остановилась на Ушаковѣ, объявила Шетарди, что она довѣряетъ преданности страшнаго начальника Тайной Канцеляріи и считаетъ его даже расположеннымъ стать во главѣ ея партіи. На основаніи этихъ словъ, Шетарди приглашаетъ Ушакова къ себѣ, чтобъ начать сношенія, но Ушаковъ дѣлаетъ неучтивость, не ѣдетъ къ французскому посланнику. Въ Версалѣ это сильно обезпокоило: тамъ подумали, не открытъ ли заговоръ Елисаветы; притомъ же узнали, что и Нолькенъ также безпокоится, потому что Лестокъ не явился на три назначенныя ему свиданія. Заговоръ не былъ открытъ; но и Шетарди находился въ большомъ безпокойствѣ: врага вѣнскаго двора, Миниха, не было болѣе во главѣ прави-

тельства, слѣдовательно приходилось удержать Россію отъ поданія помощи Маріи Терезіи шведскою войною; но Швеціи надобно помочь внутреннимъ волненіемъ, надобно заручиться у будущей императрицы вознагражденіемъ Швеціи. Елисавета отказывается дать письменное обѣщаніе, но еслибъ и согласилась, то Шетарди и Нолькенъ не знаютъ, въ какомъ смыслѣ должно быть написано это обѣщаніе, не знаютъ, чего требовать отъ Елисаветы: «Мы можемъ только по догадкамъ судить о тѣхъ предметахъ, которые были бы болѣе пригодны Швеціи,» писалъ Шетарди. Онъ считалъ шведскую войну необходимостью, и въ то же время считалъ преждевременнымъ начинать ее лѣтомъ 1741 года: «Вѣрно, писалъ онъ въ мартѣ, что австрійскій домъ не имѣетъ болѣе надобности бороться съ нерасположеніемъ къ нему Миниха; что прусскій король теряетъ въ послѣднемъ усерднаго приверженца; что вліяніе вѣнскаго двора на петербургскій будетъ теперь такъ сильно какъ никогда прежде; что графъ Остерманъ никогда не былъ такъ силенъ какъ теперь; что независимо отъ его привязанности къ вѣнскому двору онъ въ ништадтскомъ договорѣ обожаетъ свое созданіе и для поддержанія его будетъ всячески стараться не дать Швеціи возможности къ усиленію. Я заключаю изъ этого, что никогда не было такъ нужно для Швеціи нанести рѣшительный ударъ; всякая минута дорога; надобно спѣшить извлечь выгоды изъ внутренняго волненія и извѣстнаго расположенія (въ Россіи къ Елисаветѣ); но не должно и думать о началѣ дѣла нынѣшнимъ лѣтомъ, развѣ только будутъ значительныя силы. Ошибочно представляютъ себѣ страшилищемъ московское государство. Я не скрою выгоды его положенія, не скрою, что оно можетъ выставить значительныя силы для оборонительной войны, что оно легко можетъ пріобрѣтать припасы дешевою цѣною; но я убѣжденъ, что соединенный датско-шведскій флотъ можетъ легко помѣшать русскому флоту выйти изъ гаваней, и слѣдовательно шведскіе берега будутъ безопасны отъ высадокъ, которыя причинили такъ много вреда въ послѣднюю войну. Шведы могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ со стороны Выборга, особенно если Данія согласится сдѣлать диверсію небольшимъ корпусомъ войскъ въ Эстоніи. Этотъ одинъ планъ быстро смиритъ надменность и жестокость Русскихъ: порукой въ томъ ихъ характеръ и политика.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ государствъ, съ которыми они не желаютъ столкновеній, они въ опьяненіи отъ своего величія, которое въ томъ и состоитъ, что весь свѣтъ не можетъ къ нимъ явиться, и они хотятъ предписывать законы всей Европѣ. При малѣйшемъ пораженіи они перейдутъ также быстро изъ одной крайности въ противоположную и будутъ уважать чрезмѣрно другихъ. Къ этимъ доводамъ, которые одни заставляютъ исчезнуть страшилище, прибавьте, что можно легко быть увѣрену въ диверсіи со стороны Турокъ, которые могутъ это сдѣлать безъ объявленія войны; что прусскій король, какъ только представится ему возможность, не можетъ не признать своихъ интересовъ, что Пруссія можетъ возвыситься именно какъ сѣверная держава, и возможность произвести враждебное движеніе противъ Россіи облегчается нерасположеніемъ, которое русскій дворъ высказываетъ къ прусскому королю» [106].

Въ то время какъ Франція хлопотала о произведеніи правительственнаго переворота въ Россіи для отвлеченія ея отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла, Англія хлопотала о томъ, какъ бы обезопасить существующее правительство и дать ему возможность, въ союзѣ съ морскими державами, помочь Австріи и тѣмъ воспрепятствовать видамъ Франціи. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Гаррингтонъ, 17 марта писалъ своему резиденту въ Петербургѣ Финчу: «Король получилъ свѣденія: шведскій тайный комитетъ ободренъ и побужденъ къ вооруженію извѣстіемъ отъ Нолькена, что въ Петербургѣ образовалась сильная партія, которая готова поднять оружіе и соединиться съ Шведами въ пользу цесаревны Елисаветы, какъ только шведскія войска покажутся на границахъ. Планъ окончательно постановленъ между нимъ и агентами цесаревны при содѣйствіи Шетарди.» Гаррингтонъ предписывалъ Финчу противодѣйствовать франко-шведскимъ замысламъ, которые въ случаѣ удачи отдадутъ весь Сѣверъ въ распоряженіе Швеціи, и слѣдовательно приведутъ его въ полную зависимость отъ Франціи. Финчъ повезъ это извѣстіе къ Остерману и имѣлъ случай наблюдать, какъ хитрецъ, притворившись, что принимаетъ сообщеніе совершенно равнодушно, ничему не вѣритъ, въ то же время старался вывѣдать всѣ малѣйшія подробности. Но скоро Остерманъ не почелъ болѣе нужнымъ притворяться предъ англійскимъ резидентомъ

по общности интересовъ. Остерманъ хорошо зналъ, что агентомъ цесаревны при переговорахъ ея съ Нолькеномъ служитъ Лестокъ, котораго Нолькенъ для большаго удобства пригласилъ лѣчить себя. Остерманъ спросилъ мнѣнія Финча, не будетъ ли полезно арестовать Лестока. Финчъ отвѣчалъ, что негодится это сдѣлать по одному только подозрѣнію, возбужденному сообщеннымъ отъ него извѣстіемъ; правительство должно дѣйствовать по болѣе вѣрнымъ указаніямъ, иначе Елисавета получитъ только справедливый предлогъ къ жалобамъ. У правительства не было болѣе вѣрныхъ указаній; но Остерманъ сильно безпокоился, особенно по дурнымъ отношеніямъ правительницы къ мужу, а слѣдовательно и къ нему. Когда Финчъ уговаривалъ его не заниматься такъ усердно шведскими дѣлами, потому что Швеція только стращаетъ войною, а на самомъ дѣлѣ не рѣшится объявить ее, то Остерманъ отвѣчалъ: «Не будь сообщеннаго вами извѣстія, то мы вовсе не заботились бы о Швеціи.» По словамъ принца Антона Финчу, Остерманъ признавался, что правительство не достигло еще желаемой твердости. Принцъ хотѣлъ самъ принять начальство надъ войскомъ въ случаѣ шведской войны, но Остерманъ не соглашался, боясь, что въ его отсутствіе Минихъ, съ помощію Юліи Менгденъ, опять войдетъ въ силу. Что правительница во всякомъ случаѣ берегла Миниха, разсчитывала на него, это было ясно. Когда одинъ изъ друзей Финча сказалъ при ней, что носится слухъ, будто Миниху будутъ возвращены всѣ должности, то она отвѣчала: «Этому не бывать; любятъ измѣну, но не любятъ измѣнниковъ; нельзя довѣрять ему такъ много, хотя и можно употребить его съ пользою для того, чтобъ держать людей въ страхѣ и принудить ихъ къ исполненію своей обязанности.» Кого разумѣла правительница подъ этими людьми? [107] Остерманъ могъ думать, что скорѣе всего она могла разумѣть его.

При внутреннемъ разладѣ въ правительствѣ, который отнималъ у него руки и позволялъ врагамъ дѣйствовать передъ его глазами, оно менѣе всего могло положиться на войско, которое было на сторонѣ цесаревны. При дворѣ знали, что по сверженіи Бирона три гвардейскіе полка шли ко дворцу въ убѣжденіи, что императрицею будетъ провозглашена ихъ матушка Елисавета Петровна; тотъ же духъ оказался въ гарнизонномъ полку на

Васильевскомъ островѣ и въ Кронштадтѣ: здѣсь опасались возстанія, потому что солдаты кричали: «Развѣ никто не хочетъ предводительствовать нами въ пользу матушки Елисаветы Петровны!» [108] При дворѣ знали, какъ Елисавета любима въ гвардіи, знали, что цесаревна постоянно креститъ дѣтей у гвардейцевъ, радушно принимаетъ, угощаетъ отцовъ и матерей своихъ крестниковъ; у ней былъ домъ (смольный или смоляной дворъ) подлѣ гвардейскихъ казармъ; въ этотъ домъ она часто ѣздила ночевать, и здѣсь-то видѣли ее гвардейскіе офицеры и солдаты. При дворѣ говорили въ насмѣшку: «У цесаревны Елисаветы ассамблеи для преображенскихъ солдатъ» [109]. Правительница считала все это пустяками, нестоющими вниманія; но Остерманъ и слѣдовательно покорный ученикъ его принцъ Антонъ сильно тревожились.

Между тѣмъ Шетарди продолжалъ видаться съ Лестокомъ, который въ мартѣ передалъ ему, что цесаревна очень обижена правительницею. Елисавета просила, чтобъ правительство заплатило за нее 32.000 долговъ, съ которыми ей нѣтъ возможности раздѣлаться даже и при помощи 50.000 рублей, назначенныхъ ей Бирономъ. Въ просьбѣ не отказали, но заподозрили, что деньги нужны для чего-нибудь другого, а не для расплаты съ долгомъ, и потому потребовали, чтобъ цесаревна представила счетъ купцовъ, которымъ должна. Елисавета представила счеты, и по нимъ оказалось долгу, вмѣсто 32.000, сорокъ три тысячи; принуждены были заплатить лишнее и въ добавокъ подали поводъ къ раздраженію и жалобамъ.

Елисавета была откровенна и съ Нолькеномъ. Такъ она разсказала ему свой разговоръ съ правительницею по поводу отставки Миниха. Анна спросила ее, знаетъ ли она объ этомъ; Елисавета отвѣчала, что трудно было бы не знать о томъ, о чемъ говоритъ весь городъ. «А что же говорятъ въ городѣ?» спросила Анна. Елисавета отвѣчала, что вообще удивлены, какъ это она согласилась на отставку. «Любя васъ нѣжно, продолжала цесаревна, не могу скрыть отъ васъ, что вы поступили дурно, тѣмъ болѣе, что васъ обвинятъ въ неблагодарности и вы лишаетесь человѣка, на котораго могли совершенно положиться послѣ того, что онъ для васъ сдѣлалъ.» Тутъ правительница разсыпалась въ сожалѣніяхъ, и въ оправданіе свое при-

водила только, что она не соглашалась на удаленіе Миниха отъ дѣлъ, но принцъ Антонъ и Остерманъ не давали ей покою. Разсказавши объ этомъ, Елисавета прибавила: «Надобно имѣть мало ума, чтобъ высказаться такъ искренно; она очень дурно воспитана, не умѣетъ жить, и къ этому у нея есть еще хорошее качество—быть капризною такъ же, какъ и герцогъ мекленбургскій, ея отецъ.» Елисавета разсказала Нолькену кой-что и о принцѣ Антонѣ, именно то, что должно было особенно заинтересовать его и Шетарди по отношеніямъ политическимъ: сама правительница разсказывала ей, что принцъ Антонъ прыгалъ какъ ребенокъ, когда получилъ извѣстіе о рожденіи сына у Маріи Терезіи; онъ говорилъ, что это событіе тѣмъ болѣе имѣетъ значенія для Россіи, что оно снова обезпечиваетъ Австріи преимущество сохранить императорскую корону. «Здѣсь только думаютъ оказать помощь венгерской королевѣ, говорила цесаревна, а между тѣмъ сильно боятся Швеціи, хотя и скрываютъ этотъ страхъ отъ правительницы. Я была на дняхъ свидѣтельницею, какъ Головкинъ увѣрялъ ее, что никогда Швеція не была такъ слаба, что въ ней ужасная бѣдность и одна надежда у васъ на помощь Франціи, у которой у самой денегъ нѣтъ и ей приходится думать о себѣ только, а не другимъ помогать.» Но когда Нолькенъ, ободренный такою откровенностію, начиналъ дѣло объ обязательствахъ со стороны Елисаветы относительно вознагражденія Швеціи за помощь, то она упорно отмалчивалась. Шетарди и Нолькенъ объясняли эту нерѣшительность Елисаветы тѣмъ, что она совѣтуется съ своею партіею, которая представляетъ ей, что она сдѣлается ненавистною въ глазахъ народа, если откроется, что она призвала Шведовъ на Россію, особенно если она должна будетъ хотя чѣмъ-нибудь пожертвовать въ вознагражденіе за корону; притомъ же Швецію не для чего побуждать къ тому, что она должна сдѣлать для собственныхъ выгодъ.

Нолькену неудалось. Въ апрѣлѣ самъ Шетарди сталъ убѣждать Лестока, что Елисаветѣ необходимо дать Шведамъ письменное обязательство. На увѣреніе посла, что король его заботится только о цесаревнѣ и ея выгодахъ, Лестокъ, отъ имени Елисаветы, объявилъ, что она относительно внѣшнихъ средствъ полагается совершенно на волю королевскую; относительно же внутреннихъ ограничивается суммою въ 100.000 рублей на слу-

чай, еслибъ въ рѣшительную минуту понадобилось привлечь на свою сторону того или другого. Шетарди отвѣчалъ, что король охотно доставитъ средства на покрытіе издержекъ, какъ только будетъ указано, какимъ образомъ можно будетъ при этомъ сохранить тайну. Потомъ посолъ перешелъ къ настоящему дѣлу: отдаленность препятствуетъ королю дѣйствовать непосредственно, онъ можетъ вооружить только своихъ союзниковъ, сосѣдей Россіи, т.-е. Шведовъ, которые сами хорошо расположены къ цесаревнѣ; но у нихъ все зависитъ отъ сейма: пусть цесаревна обѣщаетъ существенныя выгоды, и этимъ дастъ шведскому королю возможность убѣдить подданныхъ къ начатію войны. Лестокъ отвѣчалъ, что цесаревна не скрываетъ отъ себя невозможности побудить Шведовъ даромъ оказать ей помощь. «И такъ, сказалъ Шетарди, пусть же она подтвердитъ то, что считаетъ необходимымъ; пусть передастъ мнѣ на письмѣ, что хотѣла бы она устроить въ случаѣ успѣха предпріятія. Бумага никогда не выйдетъ изъ моихъ рукъ. Король мой государь, увѣдомленный только о ея содержаніи, будетъ въ состояніи принять мѣры убѣдить Шведовъ, и когда успѣхъ увѣнчаетъ дѣло, его величество можетъ взять на себя оцѣнку обѣщаній принцессы, и, ставши посредникомъ между нею и Швеціею, укрѣпитъ миръ, столь необходимый между двумя сосѣдственными государствами. Я такъ сильно желаю видѣть цесаревну въ положеніи, котораго она сама можетъ и должна желать, что не скрою отъ васъ ни одной изъ причинъ, которыя должны побудить ее къ исполненію того, что я сказалъ. Вамъ не безъизвѣстно, какимъ образомъ поступаетъ русскій дворъ съ Швеціею въ продолженіи многихъ лѣтъ. Терпѣніе имѣетъ предѣлы. Предпринятыя Швеціею вооруженія, кажется, доказываютъ это. Зачѣмъ цесаревнѣ допускать, чтобы они принесли пользу другимъ, а не ей? Не обманывайтесь: правительница, принцъ брауншвейгскій и графъ Остерманъ чувствуютъ, что они здѣсь иноземцы, а правительство такого рода для поддержанія себя очень неразборчиво въ средствахъ, мало смотритъ на пожертвованія, лишь бы отдѣлаться отъ войны и купить миръ у Шведовъ, которые не упустятъ воспользоваться такимъ случаемъ: что изъ этого выйдетъ? Цесаревна потеряетъ все и не будетъ имѣть ни малѣйшей надежды на будущее. Я пойду далѣе и скажу вамъ, что если

Шведы не вступятъ заранѣе въ соглашеніе съ цесаревною на прочныхъ основаніяхъ, то они выскажутся въ пользу внука Петра I. Не имѣя въ томъ препятствія, они вѣрнѣе возведутъ на престолъ герцога голштинскаго, тогда какъ цесаревна увидитъ себя лишенною принадлежащаго ей и удаленною отъ трона навсегда. Другое соображеніе, менѣе важное, но все же могущее имѣть вліяніе на успѣхъ ея плановъ: она довольна стараніями, которыя видитъ съ моей стороны: но положеніе, въ которое я поставленъ, и встрѣчаемыя мною затрудненія вѣроятно должны ускорить мой отъѣздъ, и у цесаревны, лишенной и безъ того помощи, будетъ менѣе однимъ человѣкомъ, которому, какъ доказалъ опытъ, она могла совершенно довѣриться.»

Сыграно было на всѣхъ струнахъ. Лестокъ отправился съ этими внушеніями къ Елисаветѣ, и въ слѣдующее свиданіе принесъ отвѣтъ, что цесаревна очень тронута доказательствами усердія, постоянно показываемаго посланникомъ; она желала бы отплатить ему, слѣдуя его внушеніямъ, но она всегда будетъ опасаться упрековъ отъ своего народа, если для достиженія престола нанесетъ ему ущербъ какими-нибудь уступками. Лестокъ, именемъ Елисаветы, спрашивалъ у Шетарди, нельзя ли будетъ удовольствовать Шведовъ значительною суммою денегъ, которая была бы въ состояніи вознаградить ихъ за издержки и потери. «Цесаревна надѣется, продолжалъ Лестокъ, что вы войдете въ ея положеніе и согласитесь, что какъ дочь Петра I она должна соблюдать крайнюю осторожность относительно завоеваній своего отца, стоившихъ ему такъ дорого.» — «Король, отвѣчалъ Шетарди, хочетъ одного—видѣть цесаревну на престолѣ, и готовъ оказать содѣйствіе, если только она дастъ ему возможность къ тому. Его величество, какъ бы ни былъ радъ подать помощь, будетъ впрочемъ одинаково доволенъ, какимъ бы способомъ цесаревна не достигла престола. Слѣдовательно ей надобно обдумать, можетъ ли она этого достигнуть своими собственными средствами. Если можетъ, тѣмъ лучше: развязка будетъ болѣе славна для нея и помощь иностранная сдѣлается ей безполезною.»—«Но какъ вы хотите, чтобъ она сама этого достигла?» возразилъ Лестокъ. — «Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ Шетарди, опять дѣло цесаревны обдумать, можетъ ли она надѣяться на счастливый исходъ дѣла безъ помощи Шведовъ. На-

добно, чтобъ она доставила королю средство служить ей, или совершенно отказалась бы отъ надежды царствовать. Она тѣмъ болѣе должна увѣриться въ этой истинѣ, что не можетъ не признать, какъ поддается русскій народъ тяжести слѣпого рабства, и лишь только она отложитъ исполненіе своего намѣренія, то этотъ же народъ такъ привыкнетъ повиноваться настоящему правительству, что не будетъ болѣе отличать иноземца, завладѣвшаго властію его законнаго государя.»

Этими объясненіями переговоры надолго прекратились. Лестокъ не являлся къ Шетарди, а между тѣмъ Нолькенъ получилъ отъ своего правительства дозволеніе на отъѣздъ изъ Петербурга, съ тѣмъ однако, что предварительно достанетъ отъ Елисаветы письменное удостовѣреніе, безъ котораго секретный комитетъ ничего не можетъ сдѣлать. Несмотря на молчаніе Елисаветы, Шетарди настаивалъ, что для Швеціи необходимо объявить войну; онъ писалъ: «Еслибы даже Шведы не могли ожидать себѣ помощи изнутри Россіи, то я тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ необходимости для нихъ воспользоваться этою минутою. Россія была очень привержена къ австрійскому дому, отнынѣ она будетъ предана ему окончательно, а если вѣнскій дворъ будетъ здѣсь посредственно царствовать, то отъ этого будетъ постоянный вредъ для Швеціи и ея союзниковъ. Напротивъ, если принцессѣ Елисаветѣ будетъ проложена дорога къ трону, то можно быть убѣжденнымъ, что претерпѣнное ею прежде и любовь ея къ своему народу побудятъ ее удалить иностранцевъ и совершенно довѣриться Русскимъ. Уступая склонности своей и народа, она немедленно переѣдетъ въ Москву; знатные люди обратятся къ хозяйственнымъ занятіямъ, къ которымъ они склонны и которыя принуждены были давно бросить; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россія мало по малу станетъ обращаться къ старинѣ, которая существовала до Петра I и которую Долгорукіе хотѣли возстановить при Петрѣ II, а Волынскій при Аннѣ. Такое возвращеніе къ старинѣ встрѣтило бы сильное противодѣйствіе въ Остерманѣ; но со вступленіемъ на престолъ Елисаветы послѣдуетъ окончательное паденіе этого министра, и тогда Швеція и Франція освободятся отъ могущественнаго врага, который всегда будетъ противъ нихъ, всегда будетъ имъ опасенъ. Елисавета ненавидитъ Англичанъ, любитъ Французовъ;

торговыя выгоды ставятъ народъ русскій въ зависимость отъ Англіи; но ихъ можно освободить отъ этой зависимости, и на развалинахъ англійской торговли утвердить здѣсь французскую.»

Шетарди напрасно старался убѣдить свой дворъ въ выгодахъ правительственнаго переворота въ Россіи: версальскій дворъ и безъ него понималъ эти выгоды, понималъ, что Елисаветѣ трудно дать обязательство вознаградить Швецію изъ отцовскихъ завоеваній; но онъ понималъ также, что Швеція можетъ надѣяться на успѣхъ только въ случаѣ движенія Елисаветиной партіи, а объ этомъ движеніи Шетарди не могъ увѣдомить. Стали ходить зловѣщіе слухи, что правительство знаетъ о заговорѣ и медлитъ только для того, чтобъ вѣрнѣе захватить заговорщиковъ. Со стороны принца Антона, т.-е. со стороны Остермана явились попытки привлекать гвардейцевъ на свою сторону благодѣяніями. Принцъ велѣлъ позвать къ себѣ капитана Семеновскаго полка, ревностнаго приверженца Елисаветы, и въ присутствіи генерала Стрѣшнева, зятя Остермана, спросилъ: «Что съ тобою? я слышу ты грустишь, развѣ ты недоволенъ?» Капитанъ отвѣчалъ, что имѣетъ причины грустить: у него большое семейство и маленькое имѣніе далеко, около Москвы, что лишаетъ возможности извлекать изъ него доходъ.—«Я вашъ полковникъ, сказалъ на это принцъ, и хочу, чтобъ вы благоденствовали и были моими друзьями; обращайтесь ко мнѣ съ откровенностію, и я всегда буду поступать такъ, какъ теперь.» При этихъ словахъ принцъ подалъ ему кошелекъ съ 300 червонцевъ. Стрѣшневъ былъ тутъ не даромъ: когда капитанъ вышелъ отъ принца, онъ подошелъ къ нему и началъ расхваливать и принца и жену его, указывалъ, какъ вся Европа уважаетъ ихъ, доказательство—такой съѣздъ иностранныхъ министровъ въ Петербургѣ, какого прежде не бывало; а цесаревна не пользуется уваженіемъ ни иностранныхъ государей, ни своего народа, и кто не хочетъ попасть въ бѣду, тотъ долженъ держаться настоящаго правительства.—Шетарди и Нолькенъ справедливо заключили, что вся эта исторія показываетъ, до какой степени дошли слабость и трусость правительства. Но въ ихъ глазахъ и въ противномъ лагерѣ не были храбрѣе. Лестокъ объявилъ присланному къ нему секретарю Нолькена, что ему нельзя больше бывать у посланника, что какъ скоро онъ придетъ къ нему, то

будетъ арестованъ при выходѣ; даже у себя, разговаривая съ секретаремъ, онъ обнаруживалъ сильное безпокойство: при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ онъ кидался къ окну и считалъ себя погибшимъ; про цесаревну говорилъ, что она должна бояться яда или какого-нибудь насилія. А между тѣмъ во Франціи сердились на медленность, съ какою шло дѣло въ Петербургѣ; министръ писалъ Шетарди: «Дѣло Елисаветы нечувствительно клонится къ упадку; она дѣйствуетъ такъ, какъ будто перемѣнила намѣреніе, въ чемъ не смѣетъ однако признаться; я не могу скрыть своего опасенія, что Елисавета отступитъ въ ту самую минуту, когда Шведы приступятъ къ дѣлу; это подвергнетъ страшной опасности шведскія предпріятія и чрезвычайно повредитъ намъ: съ одной стороны не будетъ никакой диверсіи въ пользу Шведовъ отъ волненія приверженцевъ Елисаветы; съ другой нареканія падутъ на насъ, потому что мы побуждали Швецію высказаться и дѣйствовать.»

Шетарди складывалъ вину на Нолькена, который подалъ своему двору слишкомъ много надеждъ, на робость Лестока и Елисаветы. «Напрасны старанія вылѣчить людей отъ страха,» писалъ онъ. Во второй половинѣ мая одинъ изъ агентовъ Нолькена приходилъ сказать ему, что гвардейскіе офицеры выходятъ изъ терпѣнія и просятъ выразить цесаревнѣ, что ея молчаніе удивляетъ ихъ, что она должна разъяснить имъ, какъ они могутъ услужить ей? Въ началѣ іюня гвардейскіе офицеры, подстерегая минуту говорить съ цесаревною, приступили къ ней въ лѣтнемъ саду и одинъ началъ говорить: «Матушка! мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній, чтó наконецъ велишь намъ.» — «Ради Бога молчите, отвѣчала Елисавета: чтобъ васъ какъ-нибудь не услыхали; не дѣлайте себя несчастными, дѣти мои, не губите и меня. Разойдитесь, ведите себя смирно: время еще не пришло; я велю вамъ тогда сказать заранѣе.»

Нолькенъ уѣзжалъ, и на прощальной аудіенціи у Елисаветы употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ убѣдить Елисавету дать ему письменное обязательство, совершенно необходимое для него какъ оправдательный документъ, на основаніи котораго онъ могъ рѣшительно говорить въ Стокгольмѣ — и все понапрасну. Елисавета относилась очень холодно къ дѣлу, давала замѣтить, что не помнитъ хорошенько, въ чемъ оно состоитъ

что Лестокъ неясно передавалъ ей содержаніе требованій Нолькена. Тотъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что копія, списанная Лестокомъ мѣсяца три тому назадъ, находится у нея въ рукахъ. Елисавета отвѣчала, что не знаетъ, гдѣ теперь эта бумага. «Подлинникъ у меня въ карманѣ, сказалъ Нолькенъ, и въ одну минуту дѣло можетъ быть окончено, потому что стоитъ только вашему высочеству подписать и приложить свою печать.» Но Елисавета отвѣчала, что теперь она этого не можетъ сдѣлать, потому что тутъ находится придворный, на котораго она не полагается. Отказываясь дать письменное обязательство, цесаревна увѣряла Нолькена въ своей благодарности Швеціи за ея доброе расположеніе, увѣряла, что первыя движенія съ шведской стороны произведутъ немедленное дѣйствіе въ Россіи, что она ждетъ только этой минуты, чтобъ положить конецъ предосторожностямъ, которыя принуждена соблюдать теперь. Нолькенъ хотѣлъ убѣдиться, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно ли партія Елисаветы сильна и ждетъ перваго движенія со стороны Шведовъ: онъ спросилъ, точно ли капитанъ гренадеровъ, получившій 300 червонныхъ отъ принца брауншвейгскаго, встрѣтилъ ее нѣсколько дней тому назадъ на дорогѣ и предлагалъ ей располагать его ротою; точно ли между 160 гвардейскими офицерами 54 готовы стоять за нее? Елисавета отвѣчала утвердительно и обѣщала за себя и за свою партію дѣйствовать мужественно, какъ скоро Шведы доставятъ возможность дѣйствовать навѣрное. На прощаніи она сказала, что на другой день пришлетъ къ Нолькену Лестока; посланникъ надѣялся, что медикъ привезетъ письменное обязательство; Лестокъ пріѣхалъ, но желанной бумаги не привезъ; привезъ только письмо для доставленія племяннику Елисаветы, герцогу голштинскому. Лестокъ оправдывался предъ Нолькеномъ, увѣряя, что исправно передавалъ все ему поручаемое, но что цесаревна сердилась на него по нѣскольку дней за напоминаніе о письменномъ обязательствѣ, что онъ не могъ настаивать при мысли, что Нолькена могли схватить, несмотря на его посланническій характеръ, и письменное обязательство, найденное между его бумагами, погубило бы Елисавету и ея приверженцевъ. Нолькенъ предложилъ ему хорошій подарокъ, и Лестокъ обѣщалъ за это употребить послѣднее усиліе и пріѣхать еще разъ. Но посланникъ ждалъ его напрасно и выѣхалъ изъ Петербурга 23

іюня. Шетарди писалъ своему двору: «Я дѣйствительно полагаю, что ничего нельзя ожидать отъ приверженцевъ Елисаветы до тѣхъ поръ, пока они не увидятъ, что ихъ поддерживаютъ. Я надѣялся и могу надѣяться, что они, судя по недовольству и волненіямъ, здѣсь царствующимъ, не измѣнятъ своимъ обѣщаніямъ. Трудно будетъ потомъ найти подобныя обстоятельства, если пропустить ихъ теперь. Признаюсь однако, что чрезвычайная слабость принцессы Елисаветы и нерѣшительность ея относительно людей, къ которымъ она должна была бы имѣть всего болѣе довѣренности, стоятъ того, чтобъ ее удалить отъ престола и возвести на него молодаго герцога голштинскаго. Но это противорѣчило бы главной цѣли, ибо въ такомъ случаѣ пожалуй одно иностранное правительство замѣнится другимъ; тогда какъ если Елисавета будетъ на тронѣ, то любезная Россіи старина одержитъ вѣроятно верхъ. Быть можетъ (и весьма было бы желательно не обмануться въ этомъ) въ царствованіе Елисаветы, при ея лѣтахъ, старина успѣетъ укорениться настолько, что племянникъ ея привыкнетъ къ ней, и когда вступитъ на престолъ, то не будетъ уже имѣть понятія ни о чемъ другомъ.»

Шетарди не обманывался, что въ движеніи въ пользу Елисаветы дѣло шло о національномъ интересѣ, національной чести, что иностраннаго правительства больше не хотѣли; это было такъ очевидно, что даже иностранцу нельзя было ошибиться. Но Французъ жестоко обманывался, предполагая, что торжество національнаго интереса будетъ имѣть слѣдствіемъ возвращеніе Русскихъ къ допетровскимъ временамъ; странно, какъ онъ, понимая деликатность Елисаветы относительно отцовскихъ завоеваній, не понималъ, что тѣ же самыя побужденія заставятъ дочь Петра сохранять и развивать все сдѣланное при Петрѣ: въ такое странное заблужденіе Шетарди могъ быть приведенъ только сильнымъ національнымъ движеніемъ, кидавшимся въ глаза, и неумѣньемъ разобрать, въ чемъ заключалась сущность этого движенія.

Въ іюлѣ приверженные къ Елисаветѣ гвардейскіе офицеры были сильно обезпокоены слухами, что цесаревну хотятъ выдать замужъ за брата принца Антона, принца Людовика, назначавшагося, какъ мы видѣли, въ герцоги курляндскіе. Дѣйстви-

тельно правительницѣ было внушено насчетъ выгодъ этого брака: съ одной стороны Елисавета будетъ привязана къ брауншвейгскому дому, съ другой удалена въ Курляндію. Но Елисавета объявила, что никогда ни выйдетъ замужъ; успокоила на этотъ счетъ и офицеровъ. Правительницѣ очень тяжело было однако разстаться съ этимъ планомъ; она въ это время разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериною; лежа въ постелѣ послѣ родовъ, она приняла однажды по утру оберъ-гофмаршала Левенвольда и наединѣ говорила ему: «Пріѣхалъ сюда братъ герцога генералиссимуса, и желается мнѣ его въ брачный союзъ привесть съ цесаревною Елисаветою: не можете ли вы съ тою пропозиціею идти къ ней.» Левенвольдъ, зная, что это будетъ понапрасну, отговорился, что ему неприлично идти съ пропозиціею; не соизволитъ ли она сама о томъ съ цесаревною поговорить [110].

Нолькенъ, уѣзжая, передалъ дѣло секретарю посольства Лагерфлихту. Въ концѣ іюля Елисавета дала ему знать, что если Шведы будутъ еще медлить, то расположеніе умовъ можетъ измѣниться; надобно спѣшить, потому что правительство не щадитъ ни обѣщаній, ни наградъ для пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ. Противъ Шведовъ рѣшено дѣйствовать быстро, но этого нечего бояться: Русскіе дадутъ слабый отпоръ, какъ скоро Шведы явятся защитниками правъ Петра I. Лагерфлихтъ сейчасъ же передалъ это Шетарди, и тотъ велѣлъ отвѣчать, что если дѣла идутъ не такъ быстро, то виновата она сама: отказавшись подписать обязательство, она лишила тайный комитетъ въ Стокгольмѣ возможности дѣйствовать съ желаемою быстротою; впрочемъ въ ея власти поправить дѣло, поспѣшивъ дать письменное обязательство. Елисавета велѣла отвѣчать Лагерфлихту, что страхъ выдать себя и своихъ, въ случаѣ еслибы дѣла пошли дурно, рѣшительно не позволяетъ ей подписать требованія; но что она подпишетъ, когда дѣла примутъ хорошій оборотъ и она будетъ въ состояніи дѣлать это безопасно. Ея обѣщанія заключаются въ слѣдующемъ: 1) вознаградить Швецію за военныя издержки, считая со времени перваго транспорта войскъ въ Финляндію; 2) давать Швеціи субсидіи во все продолженіе своей жизни; 3) предоставить Шведамъ всѣ торговыя преимущества, которыми пользуются Англичане; 4) отказаться отъ всѣхъ трак-

татовъ и конвенцій, заключенныхъ между Россіею, Англіею и австрійскимъ домомъ, и ни съ кѣмъ не вступать въ союзы, кромѣ Франціи и Швеціи; 5) содѣйствовать во всѣхъ случаяхъ выгодамъ Швеціи и тайно ссужать деньгами, когда она будетъ въ нихъ нуждаться. Донося своему двору объ этомъ, Шетарди писалъ: «Видно, съ какимъ стараніемъ хотѣли въ этихъ статьяхъ избѣгнуть всякаго намека на земельныя уступки.»

Наконецъ Шведы объявили войну, и Шетарди писалъ своему двору о внушеніяхъ, которыя онъ получалъ изъ дворца Елисаветы: «Считаютъ очень важнымъ, чтобъ герцогъ голштинскій былъ при шведской арміи, не сомнѣваясь, что русскій солдатъ положитъ передъ нимъ оружіе въ минуту сраженія: такъ сильно въ немъ отвращеніе сражаться противъ крови Петра I. Думаютъ, что было бы очень полезно публиковать въ газетахъ, что герцогъ голштинскій въ арміи, или, по крайней мѣрѣ, въ Швеціи. Желаютъ, чтобъ между войсками и внутри страны было распространено письмо, въ которомъ бы указывалось на опасность для религіи при иноземномъ правленіи.» Шетарди требовалъ также, чтобъ Шведы издали прокламацію, что они возстали для поддержки правъ потомства Петра I. Въ концѣ августа Шетарди имѣлъ разговоръ съ Елисаветою на придворномъ балу. Недалеко стоялъ принцъ Людвигъ брауншвейгскій, и Елисавета начала насмѣшками надъ нимъ и выходками противъ мысли выдать ее за него замужъ. «Эти люди, говорила она, думаютъ, что у другихъ нѣтъ глазъ, когда сочиняютъ такіе прекрасные проекты; сами-то слѣпы: правительница говорила мнѣ недавно шутя, что безъ сомнѣнія скоро будутъ думать, что графъ Линаръ и дѣвица Менгденъ сдѣлаются новыми герцогомъ и герцогинею курляндскими.» Елисавета жаловалась на высокомѣрный тонъ, который уже принялъ Линаръ, на оскорбительныя поступки съ нею: такъ за обѣдомъ при дворѣ по случаю дня рожденія императора, принцъ Антонъ и братъ его были посажены за столъ оберъ-гофмаршаломъ, а она простымъ гофмаршаломъ. Цесаревна объявила Шетарди, что ея партія увеличивается и въ числѣ самыхъ усердныхъ приверженцевъ своихъ она можетъ считать всѣхъ князей Трубецкихъ и принца гессенъ-гомбургскаго, что въ Ливоніи всѣ недовольны и преданы ей, что, судя по расположенію умовъ, предпріятіе будетъ имѣть счастливый успѣхъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого Шетарди въ лѣсу подъ Петербургомъ имѣлъ свиданіе съ повѣреннымъ цесаревны, который объявилъ ему, что всѣ гвардейскіе солдаты, отправленные въ походъ, привержены къ Елисаветѣ. Она приказала каждому изъ нихъ дать по 5 рублей, и на замѣчаніе относительно такой щедрости, она выразила правительницѣ крайнее удивленіе, что считаютъ новостію то, что она дѣлала открыто во всѣ времена для тѣхъ солдатъ, у которыхъ крестила дѣтей. Повѣренный замѣтилъ Шетарди, что хотя цесаревна, для покрытія этихъ издержекъ, удержала жалованье у всѣхъ своихъ придворныхъ, но денегъ у нея все же нѣтъ, тогда какъ въ настоящія минуты надобно быть щедрою: поэтому цесаревна была бы очень обязана королю, еслибъ онъ могъ ссудить ее 15.000 червонныхъ. Шетарди немедленно могъ выдать только 2.000. Потомъ повѣренный сталъ перечислять людей, недоброжелательныхъ къ цесаревнѣ и больше всего дурно отзывался объ Остерманѣ; изъ его словъ можно было видѣть, что съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы тотъ лишился всѣхъ своихъ должностей: цесаревна видѣла въ немъ человѣка неблагодарнаго, позабывшаго, что онъ обязанъ всѣмъ ея отцу и матери. Наоборотъ, Биронъ долженъ ожидать всего хорошаго при перемѣнѣ правительства. Шетарди былъ очень радъ слышать о дурномъ расположеніи цесаревны относительно Остермана; но ему не понравилось слишкомъ доброе расположеніе ея къ Бирону. Превознося благодарность Елисаветы, какъ признакъ прекрасной души, онъ началъ однако внушать повѣренному, что будетъ совершенно достаточно, если Елисавета возвратитъ свободу Бирону, дастъ ему средства жить прилично и спокойно въ какомъ-нибудь русскомъ городѣ, даже возьметъ дѣтей его въ службу; но она повредитъ себѣ, возбудивъ сильное неудовольствіе, если захочетъ снова приблизить его къ двору. Повѣренный замѣтилъ, что цесаревна и сама хочетъ только ограничиться тѣмъ, что совѣтуетъ посланникъ.

Такимъ образомъ Елисавета съ своими приближенными уже толковала о томъ, какъ, сдѣлавшись императрицею, накажетъ людей къ ней нерасположенныхъ и наградитъ тѣхъ, которые заслужили ея благодарность. Слѣдовательно надежда смѣняла страхъ, и можно думать, что страхъ нарочно усиливали предъ Нолькеномъ и Шетарди, чтобъ отговориться отъ непріят-

ныхъ объясненій по извѣстнымъ обязательствамъ, требуемымъ Швеціею. Надежду поддерживала слабость правительства, доказательствомъ которой служилъ явный ропотъ, вольныя сужденія о его дѣйствіяхъ. Шведская война въ народѣ миролюбивомъ, по преимуществу какъ Русскій, сильно увеличила неудовольствіе, которое особенно должно было пасть на Остермана, не умѣвшаго сохранить миръ, и обычнымъ припѣвомъ ропота служило то, что отъ иностранца нечего ждать хорошаго для Россіи, что Остерманъ бралъ деньги съ иностранныхъ дворовъ. Шведской войны не было бы, еслибъ Остерманъ слѣдовалъ системѣ Петра Великаго, заключилъ тѣсный союзъ съ Франціею и Пруссіею: тогда нечего было бы бояться ни Шведовъ, ни Турокъ. Теперь шведская война, когда еще не оправились послѣ турецкой; Турки могутъ опять подняться, пожалуй поднимутся и Персіяне, а Башкиры и Калмыки воспользуются этимъ, чтобъ свергнуть русское подданство. Что же изо всего этого выйдетъ? То, что можетъ быть завтра вмѣсто Антоновича будетъ на престолѣ внукъ Петра Великаго: это уже тѣмъ выгоднѣе, что герцогъ голштинскій на возрастѣ, черезъ три года можетъ царствовать самъ. Недовольные сравнивали настоящее съ недавнимъ прошедшемъ, съ царствованіемъ Анны, съ бироновщиною, и находили возможность отдавать преимущество этому прошедшему: тогда кадили только двумъ идоламъ, а теперь обязаны кадить дюжинѣ. Правительница съ своими фаворитами и фаворитками уничтожаетъ то, что дѣлаетъ ея мужъ съ Остерманомъ, эти отплачиваютъ тѣмъ же. Правительница становится день ото дня неприступнѣе, а цесаревна Елисавета принимаетъ такъ, что войдя къ ней не хочется уйти. Хорошаго впереди ждать нечего, правительница не терпитъ мужа: часто Юлія Менгденъ запрещаетъ ему входить въ комнату принцессы. Другихъ бѣгаетъ отъ дикости; правда, что дика, и мать бивала ее за дикость; съ однимъ Линаромъ не дика. Линаръ женился на Юліи Менгденъ: но и Биронъ женился на дѣвицѣ Трейденъ; разница въ томъ, что дѣти Бирона, Петръ и Карлъ, хотя были дѣти Анны, но до Россіи имъ не было никакого дѣла, а теперь быть можетъ русскій престолъ достанется Линаровымъ дѣтямъ.

Но вотъ война, возбудившая такое неудовольствіе, идетъ успѣшно: Шведы разбиты при Вильманштрандѣ. Правительство

торжествуетъ; во дворцѣ Елисаветы сильное раздраженіе противъ подобныхъ союзниковъ, противъ Нолькена, который обманулъ, не сдѣлалъ ничего: герцога голштинскаго нѣтъ при шведской арміи, нѣтъ манифеста, что Шведы дѣйствуютъ въ пользу потомства Петра Великаго, а манифестъ имѣлъ бы громадный успѣхъ. Елисавета обратилась къ Шетарди за подробностями о вильманштрандской битвѣ: нѣтъ ли какихъ обстоятельствъ, которыми можно было бы воспользоваться для успокоенія ея приверженцевъ? Шетарди успокоивалъ тѣмъ, что Шведовъ было очень мало, что не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе отъ первой неудачи и предполагать, что вдругъ можно было сдѣлать все то, что было условлено съ Нолькеномъ. Въ половинѣ сентября Елисавета видѣлась сама съ Шетарди: она начала разговоръ благодарностію Людовику XV за ссуду 2000 червонныхъ, просила увѣрить короля, что она во всю жизнь свою постарается доказывать ему свою благодарность и проситъ его содѣйствія для окончанія дѣла. Шетарди увѣрялъ ее въ помощи своего короля, но требовалъ, чтобъ она и сама помогала дѣлу, чтобъ ея партія дѣйствовала. «Дѣйствія моихъ приверженцевъ будутъ безуспѣшны, отвѣчала Елисавета, пока съ шведской стороны не будетъ сдѣлано всего того, что обѣщано. Русскій народъ способенъ къ привязанности и самоотверженію, но его трудно заставить рѣшиться. Чтобъ побудить его къ рѣшительному дѣйствію, всего лучше издать манифестъ, что Шведы идутъ на помощь потомству Петра Великаго. Король также долженъ убѣдить Швецію, чтобъ въ ея войскѣ находился герцогъ голштинскій. Офицеры и солдаты, отправлявшіеся въ Финляндію, высказывали на этотъ счетъ необыкновенное одушевленіе; чтобъ оставить ихъ въ увѣренности относительно присутствія герцога въ шведскомъ войскѣ, я говорила имъ, чтобъ не убивали, по крайней мѣрѣ, моего племянника. Онъ возбуждаетъ живѣйшія безпокойства правительницы, какъ бы она ни старалась скрывать ихъ. Вотъ что случилось наканунѣ отъѣзда Линара въ Саксонію. Онъ присутствовалъ на совѣщаніи, бывшемъ у Остермана. Принцъ Антонъ, возвратившись оттуда, сначала все глубоко вздыхалъ, а потомъ громко сказалъ, что напрасно не слѣдовали совѣтамъ Линара. Эти совѣты состояли въ томъ, чтобъ подвергнуть меня допросу насчетъ тайныхъ сношеній съ Швеціею, и во всякомъ случаѣ заставить меня подпи-

сать отреченіе отъ престола. Но въ этомъ случаѣ правительница оказалась разсудительнѣе ихъ: «Къ чему это послужитъ, отвѣчала она также со вздохомъ: развѣ нѣтъ тамъ чертенка (разумѣя герцога голштинскаго), который будетъ всегда мѣшать нашему спокойствію?»

Въ концѣ разговора Шетарди спросилъ Елисавету: «Говорила ли ей пять или шесть мѣсяцевъ тому назадъ госпожа Каравакъ (жена придворнаго живописца) о бракѣ?» Елисавета отвѣчала, что эта женщина дѣйствительно бываетъ у нея, но никогда не имѣла случая дѣлать ей подобныя предложенія. Но какой же это бракъ? — «Съ французскимъ принцемъ,» отвѣчалъ Шетарди. — «Я могу васъ увѣрить, сказала Елисавета, что это пустой слухъ, нѣтъ ни одного слова правды. Вы должны быть тѣмъ болѣе увѣрены въ томъ, зная, что я давно рѣшилась никогда не выходить замужъ, и тѣмъ менѣе буду слушать предложенія Каравакъ, что было бы неблагоразумно обижать правительницу и ея мужа, потому что я прямо отвергла довольно глупое предложеніе, сдѣланное мнѣ принцемъ Людовикомъ брауншвейгскимъ.» — «Это было сказано такъ опредѣленно, что не представлялось возможности настаивать,» писалъ Шетарди. Французскій женихъ былъ принцъ Конти.

Толкуя съ Шетарди объ осторожности, съ какою обязана была поступать, Елисавета, подъ вліяніемъ своего новаго положенія и слабости правительства, не могла иногда сдерживаться. Такъ въ октябрѣ она не могла сдержаться относительно Остермана, котораго считала главнымъ своимъ врагомъ, котораго боялась какъ самаго умнаго приверженца настоящаго правительства, слѣдовательно какъ самаго способнаго повредить ей; ненависть была слишкомъ велика къ человѣку, обязанному всѣмъ отцу и матери и болѣе всѣхъ вредившему дочери; страстная натура брала верхъ надъ благоразуміемъ, заставлявшимъ не высказывать своихъ чувствъ врагу еще сильному. Персидскій посланникъ привезъ дары всѣмъ членамъ царскаго дома и желалъ вручить ихъ лично; но ему не позволили этого сдѣлать относительно Елисаветы. Та сильно обидѣлась и, приписывая дѣло Остерману, сдѣлала противъ него жестокую выходку предъ гофмаршаломъ Минихомъ и генераломъ Апраксинымъ, которые явились къ ней съ дарами: «Скажите графу Остерману: онъ мечтаетъ, что

всѣхъ можетъ обманывать; но я знаю очень хорошо, что онъ старается меня унижать при всякомъ удобномъ случаѣ, что по его совѣту приняты противъ меня мѣры, о которыхъ великая княгиня по добротѣ своей и не подумала бы; онъ забываетъ, кто я и кто онъ, забываетъ, чѣмъ онъ обязанъ моему отцу, который изъ писцовъ сдѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ теперь; но я никогда не забуду, что получила отъ Бога, на что имѣю право по моему происхожденію.» Эта выходка произвела сильное впечатлѣніе; иностранные министры поспѣшили передать о ней своимъ дворамъ [111].

Елисавета могла безнаказанно дѣлать выходки противъ Остермана: человѣкъ, котораго недавно величали царемъ всероссійскимъ, долженъ былъ теперь бороться за сохраненіе своего значенія и при настоящемъ правительствѣ. Главный врагъ его графъ Головкинъ не былъ опасенъ по своей недаровитости, болѣзненности и отсутствію энергіи; но Головкину помогали другіе: генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и австрійскій посланникъ Ботта, который, видя, что Остерманъ холодно относится къ интересамъ Маріи Терезіи, передался на сторону Головкина и сдѣлался его гувернеромъ, по выраженію англійскаго посланника Финча. Но борьба съ Остерманомъ была трудна, особенно въ такое смутное время, и какъ прежде Биронъ для противодѣйствія Остерману ввелъ въ кабинетъ сперва Волынскаго, а потомъ Бестужева, такъ и теперь партія противная Остерману для той же цѣли рѣшается призвать снова Бестужева. Въ движеніи противъ Остермана, который «запечаталъ Камень Вѣры,» Головкинъ и Трубецкой нашли вѣрнаго союзника въ новгородскомъ архіепископѣ Амвросіи Юшкевичѣ; всѣмъ вмѣстѣ удалось уговорить правительницу возвратить Бестужева изъ ссылки. И вотъ Алексѣй Петровичъ снова въ Петербургѣ и прежде всѣхъ иностранныхъ министровъ дѣлаетъ визитъ маркизу Ботта.

Между тѣмъ одно изъ желаній Елисаветы было исполнено: Шетарди привезъ ей манифестъ, изданный шведскимъ главнокомандующимъ графомъ Левенгауптомъ для «достохвальной русской націи,» которой объявлялось, что шведская армія вступила въ русскіе предѣлы только для полученія удовлетворенія за многочисленныя неправды, причиненныя шведской коронѣ *иностранными* министрами, господствовавшими надъ Россіею въ преж-

ніе годы, для полученія необходимой для Шведовъ безопасности на будущее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ для освобожденія русскаго народа отъ несноснаго ига и жестокостей, которые позволяли себѣ означенные министры, чрезъ что многіе потеряли собственность, жизнь или сосланы въ заточеніе. Намѣреніе короля шведскаго состоитъ въ томъ, чтобъ избавить достохвальную русскую націю, для ея же собственной безопасности, отъ тяжкаго чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тиранніи и предоставить ей свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства, подъ управленіемъ котораго русская нація могла бы безопасно пользоваться жизнію и имуществомъ, а со Шведами сохранять доброе сосѣдство.Этого достигнуть будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока чужеземцы, по своему произволу и для собственныхъ цѣлей, будутъ господствовать надъ русскими и ихъ сосѣдями — союзниками. Вслѣдствіе такихъ справедливыхъ намѣреній его королевскаго величества должны и могутъ всѣ Русскіе соединиться со Шведами и, какъ друзья, отдаваться сами и съ имуществомъ подъ высокое покровительство его величества и ожидать отъ его высокой особы всякаго сильнаго заступленія.

Елисавета очень обрадовалась манифесту; но въ противномъ лагерѣ онъ, разумѣется, произвелъ противоположное дѣйствіе. Оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ услыхалъ объ немъ отъ принца Антона, а потомъ, когда пріѣхалъ къ Остерману, то хозяинъ прочелъ его ему и началъ разсуждать, что въ манифестѣ о чужестранныхъ весьма противно написано и что это не до однихъ чужестранныхъ касается, но и до принцессы Анны и всей фамиліи; другого теперь дѣлать нечего, какъ лучшую военную предосторожность взять, и надобно опредѣлить, что гдѣ такіе манифесты явятся, въ народѣ ихъ не разглашать, а собирать въ кабинетъ, и чтобъ онъ, Левенвольдъ, донесъ объ этомъ правительницѣ. Левенвольдъ согласился. При свиданіи съ правительницею она спросила его — слышалъ ли про манифестъ? Левенвольдъ отвѣчалъ, что слышалъ, и что онъ о чужестранныхъ, о министерствѣ и о незаконномъ наслѣдствѣ очень остро написанъ и касается самой фамиліи, при чемъ упомянулъ о мѣрѣ противъ разспространенія манифестовъ, указанной Остерманомъ. Принцесса сказала на это: «Правда, очень остро писанъ,» и тѣмъ дѣло

кончилось [112]. Остерманъ однако не позабывалъ о манифестѣ: отъ имени русскаго главнокомандующаго онъ написалъ письмо къ Левенгаупту, что манифестъ, подписанный его именемъ, оставленъ въ деревнѣ шведскимъ отрядомъ; по всему видно, что манифестъ выданъ подложно подъ его именемъ, потому что такіе манифесты между христіанскими и политическими народами не въ употребленіи. Членъ иностранной коллегіи и правая рука Остермана Бреверне принесъ это письмо Левенвольду съ тѣмъ, чтобъ тотъ отдалъ его правительницѣ. Анна Леопольдовна, взявши письмо, сказала: хорошо, и оставила его у себя.

Остерманъ напрасно безпокоился насчетъ манифеста; цесаревна Елисавета напрасно радовалась ему: нѣтъ сомнѣнія, что онъ не произвелъ бы никакого дѣйствія, еслибы даже и былъ распространенъ. Хлопоты о манифестѣ, хлопоты о присутствіи молодаго герцога голштинскаго при шведскомъ войскѣ происходили со стороны Елисаветы отъ желанія, чтобъ дѣло началось какъ-нибудь, и именно началось въ войскѣ. Мы уже упоминали, въ какомъ затруднительномъ положеніи находилась она: у нея было множество приверженцевъ, за нее была гвардія, и однако не было человѣка, который бы сталъ во главѣ движенія, сдѣлалъ бы для нея, во имя ея то, что сдѣлалъ Минихъ для Анны Леопольдовны. Елисавета должна была сама начать дѣло, сама вести солдатъ: легко понять, какъ ей трудно было на это рѣшиться, какъ она должна была медлить и ждать, не начнутъ ли другіе, не встанетъ ли войско въ Финляндіи, возбужденное манифестомъ или присутствіемъ внука Петра Великаго въ шведской арміи. Но долѣе медлить было нельзя: 23 ноября, въ понедѣльникъ, былъ обыкновенный пріемъ (куртагъ) во дворцѣ; Шетарди замѣтилъ, что правительница, долго ходивъ взадъ и впередъ, отправилась въ отдаленную комнату, куда велѣла позвать Елисавету, которая, возвращаясь оттуда, имѣла взволнованный видъ. На другой день повѣренный сообщилъ Шетарди, что разговоръ, такъ взволновавшій цесаревну, шелъ объ немъ: описавши его самыми черными красками, Анна объявила, что рѣшилась просить короля объ его отзывѣ изъ Петербурга, и внушала Елисаветѣ, что она не должна болѣе принимать такого человѣка. Елисавета отвѣчала, что это ей трудно сдѣлать: можно сказать посланнику разъ, два, что ея нѣтъ дома, но нельзя сказать этого въ третій

разъ; вчера, напримѣръ, Шетарди подъѣхалъ къ ея дому въ ту самую минуту, когда она, выйдя изъ саней, входила къ себѣ. Правительница, не обративъ вниманія на эту отговорку, продолжала настаивать на своемъ. Тогда Елисавета сказала: «можно сдѣлать гораздо проще: вы правительница; прикажите Остерману сказать Шетарди, чтобъ не ѣздилъ ко мнѣ болѣе.» Правительница отвѣчала, что такъ нельзя сдѣлать, нельзя раздражать такихъ людей какъ Шетарди и подавать имъ явный поводъ къ жалобамъ. Елисавета возразила, что если Остерманъ, будучи главнымъ министромъ, имѣя повелѣніе правительницы, не смѣетъ этого сдѣлать, то она, цесаревна, тѣмъ менѣе рѣшится на это. Правительница, раздосадованная противорѣчіемъ, приняла повелительный тонъ; Елисавета, въ свою очередь, возвысила голосъ.

Разговоръ этотъ трудно выдумать: по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ былъ веденъ на самомъ дѣлѣ и былъ переданъ Шетарди исключительно, такъ какъ всего болѣе долженъ былъ интересовать его. Но какъ видно, была вторая половина разговора, которая должна была гораздо сильнѣе взволновать Елисавету; по другимъ извѣстіямъ, правительница сказала ей: «Что это, матушка, слышала я, будто ваше высочество имѣете корреспонденцію съ арміею непріятельскою и будто вашъ докторъ ѣздитъ къ французскому посланнику и съ нимъ факціи въ той же силѣ дѣлаетъ; въ письмѣ изъ Бреславля совѣтуютъ мнѣ немедленно арестовать лѣкаря Лестока; я всѣмъ этимъ слухамъ о васъ не вѣрю; но надѣюсь, что если Лестокъ окажется виноватымъ, то вы не разсердитесь, когда его задержатъ.» Елисавета отвѣчала: «Я съ непріятелемъ отечества моего никакихъ аліанцевъ и корреспонденціи не имѣю, а когда мой докторъ ѣздитъ до посланника французскаго, то я его спрошу, и какъ онъ мнѣ донесетъ, то я вамъ объявлю.»

Это былъ первый серіозный разговоръ съ правительницею, изъ котораго Елисавета должна была понять всю опасность своего положенія. Если уже Анна Леопольдовна рѣшилась высказаться, то чего ждать со стороны Остермана; правда, Анна Леопольдовна въ разладѣ съ мужемъ и Остерманомъ; но общая бѣда легко можетъ ихъ соединить, и правительница въ своихъ рѣшеніяхъ противъ Елисаветы будетъ точно такъ же оправдываться,

какъ и въ рѣшеніяхъ противъ Миниха: «мужъ и Остерманъ не давали мнѣ покоя.» Лестока возьмутъ, станутъ пытать, и чего онъ тогда ни наскажетъ на себя и на Елисавету? Такимъ образомъ разговоръ съ правительницею 23 ноября долженъ былъ побудить Елисавету дѣйствовать; событіе слѣдующаго дня не оставило ей возможности сколько нибудь еще промедлить своимъ движеніемъ. 24 ноября, въ первомъ часу пополудни, правительство отдало приказъ по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію противъ Шведовъ, на основаніи, какъ говорили, полученнаго извѣстія, что Левенгауптъ идетъ къ Выборгу; но во дворцѣ Елисаветы поняли такъ, что правительство нарочно хочетъ удалить гвардію, зная приверженность ея къ цесаревнѣ, и люди близкіе, Воронцовъ, Разумовскій, Шуваловъ и Лестокъ начали настаивать, чтобъ Елисавета немедленно съ помощію гвардіи произвела переворотъ. Легко понять, чего стоило женщинѣ, не привыкшей къ дѣятельности, уступить этимъ настояніямъ. Елисавета представляла своимъ совѣтникамъ всю опасность предпріятія, на что Воронцовъ сказалъ: «Подлинно, это дѣло требуетъ не малой отважности, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго.» Эти слова могли подстрекнуть самолюбіе Елисаветы; но надобно признать, что Елисавета, согласившись вести гвардію, дѣйствительно доказала, что она дочь Петра Великаго. Разумѣется, больше всѣхъ торопилъ Лестокъ, который каждую минуту ждалъ, что придутъ арестовать его: онъ требовалъ, чтобъ немедленно было послано за гренадерами. Послѣ, уже будучи въ изгнаніи, онъ разсказывалъ одному французскому путешественнику, будто Елисавета никакъ не соглашалась начать дѣло, и онъ убѣдилъ ее тѣмъ, что показалъ двѣ картинки, нарисованныя наскоро на игральныхъ картахъ: на одной была представлена Елисавета въ монастырѣ, гдѣ ей обрѣзываютъ волосы, на другой—вступающею на престолъ при восторгахъ народа; Лестокъ предложилъ ей на выборъ то или другое, и Елисавета выбрала послѣднее. Лестокъ могъ рисовать подобныя картинки на картахъ: это было совершенно въ его духѣ; но, разумѣется, Елисавета въ рѣшительную минуту не имѣла нужды въ такомъ дѣтски-наглядномъ убѣжденіи: она давно знала, что ей грозятъ монастыремъ.

Послали за гренадерами; тѣ явились между 11 и 12 часами

ночи и сами первые объявили Елисаветѣ, что должны выступить въ походъ, и потому не будутъ болѣе въ состоянiи служить ей и она совершенно остается въ рукахъ своихъ непрiятелей: такъ нечего терять ни минуты. На вопросъ Елисаветы, можетъ ли она на нихъ положиться, гренадеры отвѣчали клятвенными увѣренiями въ преданности. Елисавета заплакала, велѣла имъ выйти изъ комнаты, а сама начала молиться на колѣнахъ предъ образомъ Спасителя: есть извѣстiе, что въ эту-то страшную минуту она дала обѣщанiе не подписывать никому смертныхъ приговоровъ. Помолившись, она взяла крестъ, вышла къ гренадерамъ и привела ихъ къ присягѣ, сказавши: «Когда Богъ явитъ милость свою намъ и всей Россiи, то не забуду вѣрности вашей, а теперь ступайте, соберите роту во всякой готовности и тихости, а я сама тотчасъ за вами прiѣду.» Былъ уже второй часъ пополуночи 25 ноября, когда Елисавета, надѣвъ кирасу на свое обыкновенное платье, сѣла въ сани и отправилась въ казармы Преображенскаго полка въ сопровожденiи Воронцова, Лестока и Шварца, своего стараго учителя музыки. Прiѣхавши въ гренадерскую роту, извѣщенную уже заранѣе о ея прибытiи, она нашла ее въ сборѣ и сказала: «Ребята! вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною!»—Солдаты и офицеры закричали въ отвѣтъ: «Матушка! мы готовы, мы ихъ всѣхъ перебьемъ.» Озадаченная такимъ дикимъ выраженiемъ усердiя, Елисавета сказала: «Если вы будете такъ дѣлать, то я съ вами не пойду.» Умѣривъ этими словами излишнее усердiе, Елисавета велѣла разломать барабаны, чтобъ нельзя было произвести тревоги, потомъ взяла крестъ, стала на колѣни, а за нею и всѣ присутствующiе, и сказала: «Клянусь умереть за васъ: клянетесь ли умереть за меня?» — «Клянемся,» прогремѣла толпа. — «Такъ пойдемте же, сказала Елисавета, и будемъ только думать о томъ, чтобъ сдѣлать наше отечество счастливымъ, во что бы то ни стало.»

Елисавета отправилась изъ казармы въ зимнiй дворецъ; она ѣхала въ саняхъ, окруженная гренадерами. Дѣйствiя Миниха при арестѣ Бирона служили примѣромъ: мало было арестовать брауншвейгскую фамилiю; нужно было прежде или, по крайней мѣрѣ, одновременно арестовать людей къ ней приверженныхъ, могшихъ быть опасными для возникающей власти. Начали съ

Миниха: съ дороги отправленъ былъ отрядъ арестовать его въ его домѣ, гдѣ караульный унтеръ-офицеръ былъ уже предупрежденъ. Проходя Невскимъ проспектомъ, арестовали графа Головкина и барона Менгдена. Достигши конца проспекта, послали 20 гренадеръ объявить домовый арестъ оберъ-гофмаршалу Левенвольду и его кліенту, морскому генералъ-коммиссару Лопухину; тогда какъ 30 другихъ гренадеръ отправлены были арестовать Остермана. Здѣсь, на концѣ Невскаго проспекта, когда уже стали приближаться къ зимнему дворцу, гренадеры посовѣтовали Елисаветѣ, для избѣжанія шума, выйти изъ саней и идти пѣшкомъ; но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ они стали говорить ей: «Матушка! такъ нескоро дойдемъ, надобно торопиться.» Елисавета ускорила шаги, но, безъ привычки ходить скоро, никакъ не могла поспѣть за гренадерами. Тогда они взяли ее на руки и донесли до дворца.

Здѣсь Елисавета отправилась прямо въ караульню, гдѣ солдаты, съ просонку, не будучи предупреждены, не знали сначала, что это такое дѣлается. «Не бойтесь, друзья мои, начала имъ говорить цесаревна: хотите ли мнѣ служить, какъ отцу моему и вашему служили? Самимъ вамъ извѣстно, какихъ я натерпѣлась нуждъ и теперь терплю, и народъ весь терпитъ отъ Нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей.»—«Матушка, отвѣчали солдаты: давно мы этого дожидались, и что велишь, все сдѣлаемъ.» Но четыре офицера, по недоумѣнію или нежеланію, не высказались одинаково съ солдатами; тогда Елисавета велѣла арестовать ихъ, при чемъ должны были схватить ружье у одного солдата, который направилъ было штыкъ на офицера. Покончивши въ караульнѣ, Елисавета отправилась во дворецъ, гдѣ не встрѣтила никакого сопротивленія отъ караульныхъ, кромѣ одного унтеръ-офицера, котораго сейчасъ же и арестовала. Войдя въ комнату правительницы, которая спала вмѣстѣ съ фрейлиною Менгденъ, Елисавета сказала ей: «Сестрица, пора вставать!»—Правительница, проснувшись, сказала ей: «Какъ, это вы, сударыня!» Увидавши за Елисаветою гренадеръ, Анна Леопольдовна догадалась, въ чемъ дѣло, и стала умолять цесаревну не дѣлать зла ни ея дѣтямъ, ни дѣвицѣ Менгденъ, съ которою бы ей не хотѣлось разлучаться. Елисавета обѣщала ей все это, посадила ее въ свои сани и отвезла въ свой дворецъ; за ними въ двухъ

другихъ саняхъ отвезли туда же маленькаго Іоанна Антоновича съ новорожденною сестрою его Екатериною. Разсказывали, что Елисавета, взявши свергнутаго ею императора на руки, цѣловала и говорила: «Бѣдное дитя! ты вовсе невинно; твои родители виноваты.» Дворецъ цесаревны наполнился гостями: привезли принца Антона вмѣстѣ съ его пріятельницею фрейлиною Менгденъ; привезли еще двоихъ друзей—Миниха и Остермана, которымъ обоимъ досталось отъ солдатъ во время арестованія: Миниху за то, что его сильно не любили солдаты; Остерману за то, что онъ вздумалъ сопротивляться — словами: хотѣлъ испугать солдатъ, что они жестоко пострадаютъ за свой поступокъ, при чемъ неучтиво отозвался объ Елисаветѣ. Вздумали сопротивляться президентъ Менгденъ съ женою и также были избиты солдатами. Въ домахъ подъ арестомъ остались: незванный женихъ, принцъ Людвигъ брауншвейгскій, графъ Головкинъ съ женою и сестрою, графинею Ягужинскою, графиня Остерманъ съ дѣтьми и братьями Стрѣшневыми, камергеръ Лопухинъ съ семействомъ и генералъ Албрехтъ. Елисавета велѣла призвать принца гессенъ-гомбургскаго и поручила ему вѣдать военныя силы Петербурга и охранять съ ними порядокъ. Двадцать гренадеръ сѣли на лошадей и поскакали въ разные концы города для сбора остальныхъ гвардейскихъ полковъ; Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ отправились на саняхъ съ гренадерами къ знатнѣйшимъ лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ съ вѣстію о случившемся событіи и съ приглашеніемъ ѣхать немедленно во дворецъ цесаревны. Фельдмаршалъ Леси явился сейчасъ же съ увѣреніями въ готовности служить крови Петра Великаго; пріѣхалъ и другой фельдмаршалъ, князь Трубецкой, адмиралъ Головинъ. Явились и статскіе чины—канцлеръ князь Черкаскій, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, кабинетъ-секретарь Бревернъ, самый довѣренный человѣкъ Остермана, но не хотѣвшій теперь раздѣлять участи своего милостивца, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ; Черкаскій, Бревернъ и Бестужевъ занялись сочиненіемъ слѣдующаго манифеста [113]: «Божіею милостію Мы Елисаветъ Первая, императрица и самодержица Всероссійская объявляемъ во всенародное извѣстіе. Какъ то всѣмъ уже чрезъ выданный въ прошломъ 1740 году въ октябрѣ мѣсяцѣ 5 числа манифестъ извѣстно есть, что блаж. памяти отъ великія

государыни императрицы Анны Іоанновны при кончинѣ ея наслѣдникомъ всероссійскаго престола учиненъ внукъ ея величества, которому тогда еще отъ рожденія нѣсколько мѣсяцевъ только было, и для такого его младенчества правленіе государственное чрезъ разныя персоны и разными образы происходило, отъ чего уже какъ внѣшніе, такъ и внутрь государства безпокойства и непорядки, и слѣдовательно не малое же разореніе всему государству послѣдовало бъ: того ради всѣ наши какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрные подданные, а особливо лейбгвардіи наши полки всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближняя отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, и по тому нашему законному праву по близости крови къ самодержавнымъ нашимъ вседражайшимъ родителемъ государю императору Петру Великому и государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по ихъ всеподданнѣйшему нашихъ вѣрныхъ единогласному прошенію тотъ нашъ отеческій всероссійскій престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, о чемъ всѣмъ впредь со обстоятельствомъ и съ довольнымъ изъясненіемъ манифестъ выданъ будетъ, нынѣ же, по всеусердному всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ желанію, всемилостивѣйше соизволяемъ въ томъ учинить намъ торжественную присягу» [114].

Къ 8 часамъ утра манифестъ, форма присяги, форма титуловъ, все было готово. Елисавета надѣла Андреевскую ленту, объявила себя полковникомъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, конной гвардіи, кирасирскаго полка и приняла поздравленіе особъ высшихъ классовъ; потомъ вышла на балконъ, и была встрѣчена громкимъ восклицаніемъ народа; несмотря на жестокую стужу, прошлась пѣшкомъ между рядами гвардіи, послѣ чего, возвратившись во дворецъ, принимала знатныхъ дамъ [115]. Въ началѣ 3 часа новая императрица съ торжествомъ переѣхала изъ своего стараго дома въ зимній дворецъ и, немного отдохнувъ, отправилась въ церковь къ молебну; тутъ окружили ее преображенскіе гренадеры и стали говорить: «Ты, матушка, видѣла какъ усердно мы сослужили тебѣ свою службу: за это просимъ одной награды — объяви себя капитаномъ нашей роты, и пусть мы первые присягнемъ тебѣ.» Елисавета согласилась.

Большинство ликовало; но были и недовольные, тѣ, которыхъ интересы были связаны съ интересами падшаго правительства или по крайней мѣрѣ, людей, падшихъ съ нимъ вмѣстѣ. Мы уже встрѣчались съ княземъ Яковомъ Шаховскимъ, видѣли его отношенія къ Бирону. Похвалы Волынскаго, съ которымъ онъ сблизился, оттолкнули отъ него Бирона; Волынскій обѣщалъ ему сенаторство, но послѣ гибели его Шаховской долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ совѣтника главной полиціи. Сдѣлавшись регентомъ и желая усилить себя способными людьми, Биронъ вспомнилъ о Шаховскомъ и сдѣлалъ его управляющимъ полиціею; когда новопожалованный благодарилъ герцога, тотъ сказалъ ему: «Вотъ, князь Шаховской! я не забылъ дружбу дяди твоего и что я тебя любилъ; а ты промѣнялъ было меня на Волынскаго. Но я все забылъ, и будьте увѣрены, что я всегдашній вашъ доброжелатель.» Шаховской наивно отвѣчалъ: «Мнѣ весьма было надобно благосклонность къ себѣ Волынскаго честными поведеніями сыскивать: понеже кабинетъ-министръ, который первѣйшія государственныя дѣла производитъ повѣренность и всегдашній къ монархинѣ съ своими совѣтами доступъ имѣетъ, всегда въ состояніи просвѣтить или затемнить тѣхъ службы и добрыя поведенія, которые еще далеко за ихъ спинами находятся.» Биронъ показалъ благосклонный видъ. Паденіе Бирона понизило Шаховского изъ начальника полиціи въ товарищи его, но не надолго: князь Яковъ приходился съ родни женѣ графа Головкина, который приблизилъ его къ себѣ и доставилъ сенаторское мѣсто. День 24 ноября молодой сенаторъ провелъ у Головкина по случаю имянинъ жены его: «Въ обѣдѣ, такъ и въ ужинѣ болѣе ста обоего пола персонъ, а по большей части изъ знатныхъ чиновъ и фамилій, торжествовали, употребляя во весь день между обѣда и ужина, также и потомъ въ веселыхъ восхищеніяхъ танцы и русскую пляску съ музыкою и пѣснями; что продолжалось съ удовольствіемъ до перваго часа, за полночь по домамъ разъѣхались. Чтожь до меня касалось, то и я уже тутъ весь же день, какъ домашній, иногда въ потчиваніи знатнѣйшихъ гостей, въ числѣ коихъ и всѣ иностранные министры были, то по нѣскольку хозяину, одному въ своей комнатѣ съ болѣзнями борющемуся, компанію дѣлалъ.» Шаховской, возвратясь отъ Головкина, заснулъ въ пріятныхъ мысляхъ,

что онъ уже сенаторъ и любимецъ «многомогущаго министра,» и потому можетъ надолго считать себя счастливымъ и безопаснымъ отъ всякихъ злоключеній; но былъ разбуженъ стукомъ въ ставень спальни и крикомъ сенатскаго экзекутора, чтобъ ѣхалъ какъ можно скорѣе во дворецъ цесаревны, которая изволила принять престолъ россійскаго правленія. Шаховской вскочилъ и сперва подумалъ, не сошелъ ли экзекуторъ съ ума, но скоро увидѣлъ, что народъ толпами бѣжитъ по направленію ко дворцу Елисаветы. Шаховской отправился туда же. Несмотря на то, что ночь была темная и морозъ большой, улицы были наполнены людьми, полки гвардіи шеренгами стояли въ ближнихъ ко дворцу улицахъ и раскладывали огни отъ стужи, а другіе потчивали другъ друга виномъ, и среди шума разговоровъ громко раздавались восклицанія: «Здравствуй, наша матушка императрица Елисавета Петровна!» Шаховской долженъ былъ оставить карету и пѣшкомъ продираться сквозь толпу съ учтивымъ молчаніемъ, слыша болѣе грубыхъ, чѣмъ ласковыхъ словъ. Въ дверяхъ дворца увидѣлъ онъ товарища своего, сенатора князя Алексѣя Дмитріевича Голицина; сенаторы спросили другъ друга— какъ это сдѣлалось? и оба отвѣчали — не знаю. Протѣснившись въ третью комнату, они остановились, увидавши многихъ знатныхъ господъ; тутъ подошелъ къ нимъ камеръ-юнкеръ цесаревны, Петръ Ивановичъ Шувaловъ, поцѣловался въ знакъ всеобщей радости и кратко разсказалъ о случившемся. Едва Шуваловъ успѣлъ окончить свой разсказъ, какъ выбѣгаетъ изъ другой комнаты генералъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, нерасположенный ни къ Шаховскому, ни къ Голицину. Онъ схватилъ Шаховского за руку, и громко смѣясь, сказалъ: «Вотъ сенаторы стоятъ!» Шаховской отвѣчалъ: «Сенаторы, сударь!» Салтыковъ захохоталъ еще громче и закричалъ: «Что теперь скажете, сенаторы!» Эта сцена привлекла толпу зрителей, и чтобъ выйти изъ своего страннаго положенія, Шаховской началъ говорить Салтыкову: «Что это значитъ, что вы теперь въ такое время, когда всѣ радуются, такъ насъ атакуете! Не находите ли на насъ какой мѣтки? или по высочайшему повелѣнію такъ съ нами поступаете: такъ бы соизволили намъ надлежащимъ образомъ объявить; а мы во всемъ по незазрѣнной совѣсти безъ боязни отвѣчать готовы.» Салтыковъ усмирился и отвѣчалъ съ ласковою

улыбкою: «Я, другъ мой, теперь отъ великой радости внѣ себя, и поступилъ такъ по дружеской любви, а не по какой другой причинѣ; я вамъ сердечно желаю всякаго благополучія и поздравляю со всеобщею радостію.» При этомъ онъ расцѣловалъ Шаховского въ обѣ щеки и поспѣшно скрылся въ другую комнату [116].

ГЛАВА II.

Царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны. Конецъ 1741-го и 1742-й годъ.

Манифестъ съ объясненіемъ правъ Елисаветы на престолъ. — Намѣреніе относительно брауншвейгской фамиліи. — Пріѣздъ герцога голштинскаго въ Россію. — Возвышеніе Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина и Черкасова. — Первыя милости. — Возвращеніе ссыльныхъ. — Лейбъ-компанія. — Судъ надъ Остерманомъ, Минихомъ, Левенвольдомъ и другими; ихъ ссылка. — Возстановленіе сената въ прежнемъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ. — Управленіе иностранными дѣлами. — Дѣятельность сената. — Отношенія къ иностранцамъ. — Драка въ Петербургѣ съ иностранными офицерами. — Духовенство. — Выходки проповѣдниковъ противъ низвергнутаго правительства. — Дѣятельность синода. — Финансы. — Промышленность. — Указъ о Жидахъ. — Мѣры относительно крестьянъ и дворовыхъ людей. — Отъѣздъ двора въ Москву. — Коронація Елисаветы. — Милости. — Назначеніе наслѣдникомъ престола Петра Ѳедоровича. — Распоряженія относительно Москвы. — Заговоръ Турчанинова. — Положеніе правительственныхъ лицъ въ началѣ царствованія Елисаветы. — Ихъ отношенія къ дѣламъ европейскимъ. — Переговоры съ Швеціею и возобновленіе войны. — Волненіе въ русскомъ лагерѣ, направленное противъ иностранцевъ. — Возобновленіе переговоровъ. — Сношенія съ Франціею, Англіею, Даніею, Австріею, Пруссіею, польско-саксонскимъ дворомъ, Турціею и Персіею.

Мы видѣли, что въ манифестѣ 25 ноября обѣщанъ былъ другой манифестъ «съ обстоятельствомъ и съ довольнымъ изъясненіемъ.» Обѣщанный манифестъ вышелъ 28 ноября. Въ немъ прежде всего указывается на порядокъ престолонаслѣдія, опредѣленный завѣщаніемъ Екатерины I и утвержденный присягою всего народа; здѣсь въ случаѣ бездѣтной смерти Петра II престолъ переходилъ къ цесаревнѣ Аннѣ и ея потомству, послѣ къ цесаревнѣ Елисаветѣ, послѣ Елисаветы къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; мужескому полу дано предпочтеніе предъ женскимъ, но за то поста-

новлено, что никто не принадлежащій къ православному исповѣданію или имѣющій другую корону не можетъ быть наслѣдникомъ. На основаніи этого пункта, по смерти Петра II Елисавета была единственною законною наслѣдницею; но недоброжелательными и коварными происками Андрея Остермана, духовная Екатерины по смерти Петра II была скрыта, ибо тогда всѣ важнѣйшія дѣла были въ его рукахъ; происками его же Остермана, желавшаго удалить Елисавету, какъ знавшую многіе его коварные и вредные государству поступки, избрана была на престолъ Анна Іоанновна. Когда въ 740 году Анна разболѣлась смертельною болѣзнію, онъ же Остерманъ сочинилъ опредѣленіе о наслѣдствѣ, по которому престолъ переходилъ къ сыну принца Антона брауншвейгскаго отъ мекленбургской принцессы Анны, и къ большему оскорбленію и удаленію отъ престола Елисаветы опредѣленъ былъ порядокъ престолонаслѣдія въ брауншвейгской фамиліи. Анна подписала опредѣленіе, будучи уже въ крайней слабости. Всѣ были принуждены присягать Іоанну Антоновичу, потому что гвардія и полевые полки были въ командѣ графа Миниха и принца Антона. Принцъ Антонъ съ женою присягали сами соблюдать и сдѣланное покойною императрицею опредѣленіе о регентствѣ, но потомъ, съ помощію графовъ Остермана, Миниха и Головкина, презря свою присягу, эти опредѣленія нарушили, правительство имперіи въ свои руки насильствомъ взяли; принцесса Анна мекленбургская не устыдилась назвать себя великою княгинею всероссійскою, отъ чего не только большіе безпорядки, крайнія утѣсненія и обиды начались, но даже отваживались утвердить принцессу Анну императрицею всероссійскою еще при жизни сына ея. Тогда Елисавета соизволила воспріять родительскій престолъ по прошенію всѣхъ вѣрноподданныхъ, «а наипаче и особливо лейбъ-гвардіи нашей полковъ. «Манифестъ оканчивался такъ: «и хотя она принцесса Анна и сынъ ея принцъ Іоаннъ и ихъ дочь принцесса Екатерина ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію всероссійскаго престола ни почему не имѣютъ; но однако въ разсужденіи ихъ, принцессы и его принца Ульриха брауншвейгскаго къ императору Петру II по матерямъ свойствъ, и изъ особливой нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствіемъ

(удовольствованіемъ), предавъ всѣ ихъ вышеписанные къ намъ разные предосудительные поступки крайнему забытію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣли»[117].

Въ минуту изданія этого манифеста Елисавета дѣйствительно хотѣла отправить брауншвейгскую фамилію какъ можно скорѣе изъ Россіи. Она говорила Шетарди: «Отъѣздъ принца и принцессы брауншвейгскихъ съ дѣтьми рѣшенъ, и чтобъ заплатить добромъ за зло, имъ выдадутъ деньги на путевыя издержки и будутъ съ ними обходиться съ почетомъ, должнымъ ихъ званію»[118]. Елисавета хотѣла назначить имъ болѣе или менѣе значительное годовое содержаніе, смотря по тому, какъ они будутъ вести себя въ отношеніи къ ней; оставляла принцессѣ орденъ св. Екатерины, принцу Антону, его сыну и брату Андреевскій орденъ. Но въ то же время она послала въ Киль за племянникомъ своимъ, молодымъ герцогомъ голштинскимъ; ею овладѣло безпокойство, допустятъ ли его спокойно пріѣхать въ Россію, и въ этомъ безпокойствѣ ей пришла мысль или была внушена другими — задержать брауншвейгскую фамилію въ дорогѣ и въ Ригѣ, до тѣхъ поръ, пока герцогъ голштинскій достигнетъ русской границы. Поэтому Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, провожавшій брауншвейгскую фамилію, получилъ указъ, что хотя въ инструкціи и велѣно ему было въ города не заѣзжать, однако по нѣкоторымъ обстоятельствамъ теперь это отмѣняется, и онъ долженъ продолжать путь какъ можно тише и останавливаться дня по два въ одномъ мѣстѣ[119]. За герцогомъ голштинскимъ былъ отправленъ майоръ баронъ Николай Фридрихъ Корфъ, который благополучно и привезъ герцога въ Петербургъ 5 февраля 1742 года, вмѣстѣ съ оберъ-гофмаршаломъ его Брюммеромъ и оберъ-камергеромъ Бергхольцемъ. Императрица немедленно надѣла на племянника Андреевскую ленту съ брилліантовою звѣздою, а герцогъ далъ учрежденный отцемъ его орденъ св. Анны Разумовскому и Воронцову. 10 февраля праздновалось рожденіе герцога: ему исполнилось 14 лѣтъ[120]. Мы видѣли, что во второмъ манифестѣ выставлено было распоряженіе Екатерины, по которому послѣ Петра II престолъ принадлежалъ герцогу голштинскому; Елисавета получала право съ устраненіемъ племянника только потому, что онъ не былъ православнаго исповѣданія. Но императрица отказывается отъ брака, и намѣрена объявить племянника

наслѣдникомъ престола; для этого необходимо, чтобъ герцогъ принялъ православіе, и пока это условіе не выполнено, внукъ Петра Великаго величается его королевскимъ высочествомъ, владѣтельнымъ герцогомъ голштинскимъ.

Съ первыхъ же дней новаго царствованія было видно, что съ перемѣною лицъ произойдутъ немедленныя перемѣны и въ учрежденіяхъ. Нѣтъ души кабинета—Остермана, нѣтъ помину и о самомъ кабинетѣ, упоминается чрезвычайный совѣтъ по внѣшнимъ и внутреннимъ дѣламъ *«учрежденное при дворѣ министерское и генералитетское собраніе.»* Въ этомъ собраніи нѣтъ Остермана, Миниха, Головкина, но нѣтъ новыхъ назначеній съ цѣлію замѣнить выбывшихъ, особенно Остермана. Кто будетъ вести внѣшнія сношенія въ такое трудное время, когда вся Европа въ пламени и изо всѣхъ силъ стараются втянуть въ пламя и Россію. Никто, разумѣется, за тѣломъ кабинета, великимъ канцлеромъ, княземъ Черкаскимъ не признавалъ способности замѣнить душу кабинета, Остермана. И падшее правительство, для противодѣйствія Остерману, нашлось вынужденнымъ возвратить изъ ссылки Алексѣя Петр. Бестужева; новое правительство естественно должно было остановиться на томъ же Бестужевѣ для совершенной замѣны Остермана. Говорятъ, что Лестокъ особенно располагалъ Елисавету въ пользу Бестужева, и прибавляютъ, будто императрица пророчила Лестоку, что онъ выводитъ Бестужева на свою голову. Мы не поручимся, что пророчество не выдумано послѣ своего исполненія; но ходатайство Лестока намъ очень понятно, ибо вспомнимъ, что во время своей бѣды старикъ Бестужевъ завелъ связи съ дворомъ цесаревны Елисаветы, и именно съ Лестокомъ [121]. Это самое обстоятельство заставляло, разумѣется, и саму Елисавету благопріятно смотрѣть на Бестужевыхъ. Потомъ Бестужевъ былъ поднятъ, сдѣланъ кабинетъ-министромъ въ концѣ царствованія Анны, когда Биронъ, покровитель Бестужева, разсорился съ брауншвейгскою фамиліею и поэтому сближался съ Елисаветою, съ которою никогда не ссорился; сближеніе это усилилось во время регентства: понятно, что Бестужевъ, котораго интересы были тождественны съ интересами Бирона, долженъ былъ также сблизиться съ цесаревною и ея дворомъ, и, разумѣется, съумѣлъ это сдѣлать. Регентство Бирона возбуждало въ новой императрицѣ очень пріятное воспоминаніе: по-

нятно, что въ этомъ воспоминаніи Бестужевъ долженъ былъ занимать видное мѣсто. Такимъ образомъ благосклонность Елисаветы къ Бестужевымъ, даже и безъ внушеній Лестока, объясняется легко, и доброе расположеніе Лестока объясняется также легко само по себѣ. 29 ноября данъ былъ сенату именной указъ, чтобъ Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину «для его извѣстно неповиннаго претерпѣнія» старшинство имѣть съ того времени, какъ онъ отъ императрицы Анны Іоанновны въ тотъ чинъ пожалованъ, именно съ 25 марта 1740 года. И въ тотъ же день былъ данъ указъ о повышеніи человѣка, который въ самомъ началѣ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ Бестужевской партіи — Черкасова: прежде бывшій тайный кабинетъ-секретарь Иванъ Черкасовъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ при дворѣ ея величества при отправленіи комнатныхъ письменныхъ дѣлъ. Бестужеву легко было напомнить Елисаветѣ о Черкасовѣ, вѣрномъ слугѣ ея отцу и матери, подвергшемся гоненію послѣ ихъ смерти, съ тѣхъ поръ какъ и она сама стала терпѣть бѣды [122].

Наступило 30 ноября, первое торжество въ новое царствованіе, и торжество особенно важное въ настоящемъ случаѣ, ибо напоминало великаго родителя императрицы,—наступилъ орденскій праздникъ Андрея Первозваннаго. Послѣ литургіи въ придворной церкви императрица пожаловала Андреевскую ленту троимъ генераламъ аншефамъ — Румянцеву, Чернышеву и Левашову, и дѣйствительному тайному совѣтнику Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину; уже имѣвшимъ ордена Ушакову, графу Головину и князю Куракину золотыя цѣпи ордена; кромѣ того кавалеры прежняго двора цесаревны Петръ и Александръ Шуваловы, Воронцовъ и Разумовскій сдѣланы дѣйствительными камергерами [123]. Потомъ въ разныя числа 1741 и начала 1742 года пожалованы: Германъ Лестокъ за его особливыя и давнія услуги и чрезвычайное искусство первымъ лейбъ-медикомъ въ рангѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника съ назначеніями главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ съ жалованьемъ по семи тысячъ рублей. Бестужевъ и Черкасовъ не могли забыть своихъ пріятелей: Исаакъ Веселовскій изъ ассессоровъ произведенъ въ дѣйствит. стат. совѣтники и опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ; подполковникъ артиллеріи

Аврамъ Петровъ Ганнибалъ произведенъ въ генералъ-майоры, сдѣланъ оберъ-комендантомъ въ Ревелѣ и получилъ 569 душъ крестьянскихъ; Михайла Петр. Бестужевъ - Рюминъ пожалованъ въ оберъ-гофъ-маршалы.

Вмѣстѣ съ указами о наградахъ сенатъ получилъ указы о возвращеніи пострадавшихъ въ прежнее царствованіе. 4 декабря князья Василій и Михайла Владимировичи Долгорукіе, возвращенные изъ заточенія, возстановлены въ прежнихъ чинахъ и, за старостію, отставлены отъ службы; но 23 декабря князь Василій Владиміровичъ сдѣланъ президентомъ военной коллегіи. Князю Сергѣю Мих. Долгорукому и графу Платону Мусину-Пушкину позволено выѣхать изъ деревень — первому въ Петербургъ, а другому въ Москву. Ѳедоръ Соймоновъ выпущенъ изъ деревень съ позволеніемъ жить гдѣ пожелаетъ; секретарю Судѣ позволено изъ Москвы выѣхать въ Петербургъ. Вспомнили о знаменитой свояченицѣ Меншикова Варварѣ Арсеньевой, освободили ее изъ монастыря, въ который она была сослана въ 1728 году, и позволили жить въ Москвѣ, въ которомъ захочетъ монастырѣ. 8 генваря дѣтямъ Волынскаго возвращено все конфискованное имѣніе отца; а чрезъ десять дней послѣдовалъ указъ объ освобожденіи изъ ссылки Бирона, братьевъ его и Бисмарка, объ увольненіи ихъ изъ службы и о возвращеніи Бирону силезскаго имѣнія Вартенберга, отданнаго было Миниху. Матросъ Максимъ Толстой, который въ 1740 году не хотѣлъ присягать Іоанну Антоновичу и за то былъ истязанъ, изувѣченъ, произведенъ въ армейскіе капитаны, уволенъ въ отставку за увѣчьемъ и награжденъ пятью стами рублей. Понятно, что теперь старые доносы на опальныхъ Аннинскаго царствованія не считались болѣе заслугами, и доносчикъ на Долгорукихъ, сибирскаго приказа секретарь Осипъ Тишинъ, за непорядочные и противные указамъ поступки, за неспособность и пьянство отставленъ былъ отъ должности съ тѣмъ, чтобъ никуда не опредѣлять [124].

Мы видѣли, что Елисавета согласилась на просьбу гренадерской роты Преображенскаго полка быть ея капитаномъ. Въ послѣдній день 1741 года состоялся именной указъ: «Понеже во время вступленія нашего на всероссійскій родительскій нашъ престолъ полки наши лейбъ-гвардіи, а особливо гренадерская рота Преображенскаго полка, намъ ревностную свою вѣрность

такъ показали, что мы оною ихъ службою, помогающу намъ Всемогущему Господу Богу, желаемый отъ всего государства нашего успѣхъ въ воспріятіи престола, безо всякихъ дальностей, и не учиня никакого кровопролитія, получили; и яко же мы въ томъ благодарны есть Господу Богу, Подателю всѣхъ благъ, за неизреченную Его милость къ намъ и всему государству нашему, такъ имѣя во всемилостивѣйшемъ нашемъ разсужденіи и вѣрную службу вышеписанныхъ, не можемъ остаться, не показавъ особливой нашей императорской милости къ нимъ.» Милость состояла въ томъ, что офицерамъ гвардіи и двухъ полковъ, ингерманландскаго и астраханскаго, выдана была денежная сумма, равнявшаяся третному жалованью; солдатамъ выдано было на Преображенскій полкъ 12.000 рублей, на Семеновскій и Измайловскій по 9.000, на конный 6.000, на Ингерманландскій и Астраханскій по 3.000. Гренадерская рота Преображенскаго полка получила названіе лейбъ-компаніи, капитаномъ которой была сама императрица, капитанъ-поручикъ равнялся полному генералу, два поручика генералъ-лейтенантамъ, два подпоручика генералъ-майорамъ, прапорщикъ полковнику, сержанты подполковникамъ, капралы капитанамъ. Потомъ унтеръ-офицеры, капралы и рядовые пожалованы были въ потомственные дворяне; въ гербы имъ внесена надпись: «За ревность и вѣрность.» Оберъ и унтеръ-офицеры и рядовые лейбъ-компаніи получили деревни, и нѣкоторые съ очень значительнымъ числомъ душъ, напримѣръ адъютантъ Грюнштейнъ 927 душъ; 258 человѣкъ рядовыхъ получили каждый по 29 душъ [125]. Богатое пожалованіе Грюнштейну объясняется тѣмъ, что онъ былъ постоянно на первомъ планѣ между гвардейцами, усердствовавшими Елисаветѣ [126]. Сынъ саксонскаго крещеннаго Еврея Грюнштейнъ 18-ти лѣтъ пріѣхалъ въ Россію искать счастія, началъ торговать, накопилъ денегъ, отправился въ Персію, гдѣ прожилъ 11 лѣтъ, но возвращаясь оттуда съ значительнымъ состояніемъ, былъ въ степи ограбленъ, избитъ и оставленъ замертво двумя астраханскими купцами; очнувшись, былъ захваченъ въ плѣнъ Татарами, какъ-то освободился изъ него и, возвратившись въ Россію, началъ дѣло противъ ограбившихъ его купцовъ, но хлопоталъ понапрасну, потому что противники задаривали судей. Въ отчаяніи Грюнштейнъ поступилъ рядовымъ въ Преображенскій полкъ и перешелъ изъ

лютеранства въ православіе [127].—Въ послѣдній же день 1741 года отняты были всякаго рода пожалованья у тѣхъ, которые получили ихъ не отъ коронованныхъ государей, т.-е. въ царствованіе Іоанна III, кромѣ тѣхъ, которые были произведены въ чины по удостоенію командирскому [128].

Оберъ-офицеры и солдаты лейбъ-компаніи получили деревни изъ отписныхъ имѣній тѣхъ лицъ, которыя были арестованы въ ночь на 25 ноября. Главнымъ изъ нихъ былъ Остерманъ, оракулъ трехъ царствованій. Мы видѣли, что судъ, и судъ неправый надъ нимъ уже былъ произнесенъ во второмъ манифестѣ о воцареніи Елисаветы, гдѣ на него сложена была вина скрытія распоряженій Екатерины I и такимъ образомъ устраненія дочери Петра Великаго отъ престола; поэтому уже никто не могъ ждать помилованія знаменитому министру. Надъ Остерманомъ накопилось много ненавистей. Въ восшествіи на престолъ Елисаветы выразилось противодѣйствіе порядку вещей, господствовавшему въ два предшествовавшія царствованія, когда на главныхъ мѣстахъ, съ главнымъ вліяніемъ на дѣла военныя и гражданскія явились иностранцы. Въ послѣднее время Остерманъ оставался представителемъ этого порядка, самымъ виднымъ и вліятельнымъ изъ людей иностраннаго происхожденія, о которомъ внутри Россіи говорили, что онъ Нѣмецъ и потому запечаталъ Камень Вѣры, съ именемъ котораго и за границею соединяли мысль о нѣмецкомъ управленіи Россіею. Послѣ переворота 25 ноября, люди, стоявшіе наверху и стремившіеся ко власти, всѣ были враждебны Остерману, всѣ имѣли съ нимъ старые счеты; друзей не было, тѣмъ болѣе, что характеръ знаменитаго дипломата отталкивалъ, а не привлекалъ, такіе характеры осуждаютъ людей на одиночество. Такимъ образомъ за Остермана не могло быть ходатаевъ у новой императрицы, всѣ спѣшили наперерывъ вооружать ее противъ него, всеобщею ненавистію оправдать ея личное нерасположеніе, а это нерасположеніе, какъ мы видѣли, было велико. Елисавета не любила Остермана, потому что съ его стороны не встрѣчала къ себѣ ни малѣйшаго сочувствія, на которое считала себя въ правѣ какъ дочь Петра Великаго, выведшаго Остермана; съ Петра II между Елисаветою и Остерманомъ должны были начаться столкновенія, борьба за вліяніе; при Аннѣ примиренія быть не могло, въ

послѣднее время къ нерасположенію присоединялся страхъ: Елисавета болѣе чѣмъ кого-либо боялась Остермана, а это чувство не располагаетъ къ любви; мы видѣли, что Елисавета даже не могла сдерживаться и позволяла себѣ выходки противъ Остермана, который платилъ тѣмъ же; при всей своей осторожности и скрытности, онъ не могъ удержаться и когда пришли арестовать его, сдѣлалъ выходку противъ Елисаветы, что, разумѣется, не могло содѣйствовать къ смягченію гнѣва новой императрицы.

Коммиссія, которой было поручено производить слѣдствіе надъ Остерманомъ съ товарищами, состояла изъ генераловъ Ушакова и Левашова, тайнаго совѣтника Нарышкина, генералъ-прокурора князя Трубецкого и князя Михаила Голицина. Остермана спрашивали, зачѣмъ онъ не приводилъ въ дѣйствіе распоряженія Екатерины I о престолонаслѣдіи и участвовалъ въ выборѣ Анны Іоанновны. Онъ отвѣчалъ, что во время болѣзни Петра II былъ при немъ безотлучно и находился въ такомъ состояніи, что себя не помнилъ; за нимъ прислали и объявили, что избрана Анна; при этомъ онъ представлялъ цесаревну Елисавету, но не согласились. Въ царствованіе Анны словесныя отъ императрицы предложенія при немъ и Биронѣ были неоднократно, чтобъ Елисавету, сыскавъ жениха, отдать въ чужіе края, и отъ него о томъ письменные проекты были. Въ угожденіе императрицѣ Аннѣ онъ писалъ проектъ объ отлученіи Елисаветы и герцога голштинскаго отъ престола. — На обвиненіе въ томъ, что покровительствовалъ иностранцамъ въ предосужденіе русскимъ людямъ, Остерманъ отвѣчалъ: чужихъ націй людей въ россійскую службу больше и больше принимать и ихъ въ знатныя достоинства производить и награждать, а россійскихъ природныхъ отъ произвожденія отлучать и ихъ всякой милости лишать не старался, въ чемъ онъ ссылается на поданное имъ, по требованію бывшихъ регента и правительницы, о государственномъ правленіи мнѣніе, въ которомъ о произвожденіи и награжденіи россійскаго народа передъ чужестранцами во всякихъ случаяхъ именно написано. — Спрашивали, для чего принцессѣ Аннѣ внушалъ, чтобъ Лестока въ крѣпость посадить и допрашивать? Остерманъ отвѣчалъ: для того, что въ письмѣ и предостереженіи, присланномъ изъ-за границы, Лестокъ именно упомянутъ; но онъ, Остерманъ,

мнѣніе объявилъ, чтобъ принцесса, для показанія къ цесаревнѣ Елисаветѣ конфиденціи, сообщила ей объ этомъ, и если не хочетъ одна этого сдѣлать, чтобъ изволила въ присутствіи кабинетъ-министровъ исполнить. Когда принцесса дала ему знать о своемъ разговорѣ съ цесаревною Елисаветою, то онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, цесаревна дѣйствительно о томъ не знаетъ, при чемъ было ему приказано стараться объ отзывѣ изъ Петербурга подозрительнаго французскаго министра Шетарди. Но былъ вопросъ, на который оракулъ не нашелъ отвѣта: «Въ домѣ у тебя въ письмахъ найдено по дѣлу Волынскаго нѣкоторыя изъ коммиссіи подлинныя дѣла и черные экстракты, да сверхъ того къ оскорбленію и обвиненію Волынскаго. Явилось собственное твое мнѣніе и прожектъ ко внушенію на имя императрицы Анны, какимъ бы образомъ сначала съ Волынскимъ поступить, его арестовать и объ немъ въ какихъ персонахъ и въ какой силѣ коммиссію опредѣлить, гдѣ между прочими и тайный совѣтникъ Неплюевъ въ ту коммиссію включенъ, чѣмъ оную начать, какія его къ погубленію вины состоятъ, и кого еще подъ арестъ побрать, и ему Волынскому вопросные пункты учинены: для чего ты Волынскаго такъ старался искоренить?» Остерманъ отвѣчалъ: «Виноватъ и согрѣшилъ. Неплюевъ къ тому дѣлу по представленію моему опредѣленъ для того, что онъ Неплюевъ былъ мнѣ пріятель, дабы чрезъ него о всемъ въ томъ происхожденіи вѣдать могъ, ибо Волынскій противъ меня поднимался.» Остерманъ дополнилъ свои показанія тѣмъ, что относительно наслѣдства дочерей принцессы Анны совѣтовалъ дѣлать дѣло чрезъ прошеніе народное, о чемъ просилъ Левенвольда внушить принцессѣ [139].

Вторымъ государственнымъ преступникомъ былъ фельдмаршалъ Минихъ, находившійся со врагомъ своимъ Остерманомъ въ одинакомъ положеніи. Остерманъ пріобрѣлъ себѣ только враговъ, а не друзей, своею недовѣрчивостію, скрытностію, своею таинственною рѣчью, которой никто не понималъ, страшнымъ честолюбіемъ, вслѣдствіе котораго онъ не допускалъ ни высшаго, ни равнаго, если только они не были въ умственномъ отношеніи ниже его, стремленіемъ заправлять всѣми дѣлами, оставляя другимъ только подписывать ихъ. Минихъ, повидимому, представлялъ противоположность Остерману своею живостію,

своею обильною и откровенною рѣчью; но если нынче онъ обошелся съ человѣкомъ такъ ласково, такъ сердечно, что тотъ не нахвалится и готовъ идти за него въ огонь и воду, то завтра онъ обойдется съ тѣмъ же самымъ человѣкомъ такъ не почеловѣчески, что навсегда оттолкнетъ его отъ себя; смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ, и отсюда постоянная смѣна хорошихъ и дурныхъ поступковъ не давали никому ручательства въ прочности отношеній своихъ къ фельдмаршалу и заставляли сторониться отъ него, тѣмъ болѣе, что этотъ человѣкъ не разбиралъ средствъ, прокладывая себѣ дорогу къ чему-нибудь, толкая всѣхъ встрѣчныхъ. Такимъ образомъ и Минихъ не могъ найти заступника. Сама Елисавета, кромѣ невниманія, могла обвинять его и въ поступкахъ прямо враждебныхъ: онъ приставлялъ къ ней шпіоновъ въ царствованіе Анны. Было еще любопытное обвиненіе: гвардейскіе гренадеры показали, что Минихъ, приглашая ихъ арестовать Бирона, упоминалъ о цесаревнѣ Елисаветѣ и ея племянникѣ герцогѣ голштинскомъ. Объ этомъ записаны два несогласныя показанія, изъ которыхъ въ одномъ говорится: «Бывшіе при арестованіи Бирона на караулѣ гренадеры объявили, что пришедъ-де оный фельдмаршалъ къ караулу, говорилъ имъ: «Хотите ли вы государю служить—вѣдайте, что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ, племяннику ея, принцу Іоанну, и родителямъ его есть утѣсненіе и надобно-де его взять;» и спрашивалъ ихъ: «ружья у васъ заряжены?» на что они отвѣчали: «готовы *государю* съ радостью служить.» И пошли, и взяли; а потомъ уже они, видя, что на другой день дѣло не туда пошло, руки опустили. И того ради оному Миниху представлены тѣхъ гренадеровъ девять человѣкъ, которые нынче въ лейбъ-компаніи, и сказали, что де онъ имъ, тогда бывшимъ на караулѣ, именно предъ фрунтомъ о государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и принцѣ голштинскомъ говорилъ. На что онъ графъ Минихъ отвѣтствовалъ, что онъ такихъ рѣчей, какъ они объявляютъ, не говаривалъ. И въ томъ обѣ стороны на очной ставкѣ на своихъ словахъ сначала утверждались; но потомъ, когда отъ нихъ, лейбъ-компаніи прапорщика, вахмистровъ и рядовыхъ, онъ, графъ Минихъ, въ томъ уличенъ сталъ, то онъ признался, говоря, что понеже онъ слабую имѣетъ память, яко же для того и объ отставкѣ отъ службы

просилъ, то такія слова, какія они показываютъ, онъ тогда, какъ нынѣ припоминаетъ, говорилъ, и что въ томъ за своимъ безпамятствомъ прежде не признался, въ томъ признаваетъ себя винна и проситъ о милосердіи, а тѣ слова безъ сомнѣнія говорилъ для того, чтобъ тогда тѣхъ гренадеръ въ исполненіе воли принцессы Анны тѣмъ больше анкуражировать.» Въ этомъ показаніи есть ложь объ утѣсненіи Бирономъ цесаревны и ея племянника, но нѣтъ обмана, ибо прежде всего Минихъ спрашиваетъ, хотятъ ли солдаты служить государю, и послѣ всего солдаты говорятъ, что готовы съ радостью служить государю; другого государя, кромѣ того, которому они присягали, никто разумѣть не могъ. Другое показаніе говоритъ яснѣе: Минихъ, подойдя къ караульнымъ, сказалъ, что ежели они хотятъ служить цесаревнѣ Елисаветѣ и ея племяннику, такъ шли бы съ нимъ арестовать Бирона, «ибо де кого хотите государемъ, тотъ и быть можетъ, хотя принца Іоанна или герцога голштинскаго, что они слыша всѣ согласно сказали, что ея величеству (Елисаветѣ) служить охотно желаютъ [130].

Подъ одну опалу съ такими видными людьми, какъ Остерманъ и Минихъ, подпалъ и относительно темный человѣкъ, оберъгофмаршалъ Левенвольдъ. Обязанный своимъ возвышеніемъ фавору Екатерины I, онъ выдвинулъ Остермана, котораго, какъ мы видѣли, Бестужевская партія иначе не называла какъ «клеатурою (креатурою) Левольда.» Теперь Левенвольдъ палъ вмѣстѣ съ своей креатурой, ненавидимый русскими какъ сильный, по своему придворному положенію, членъ нѣмецкой партіи, безъ сочувствія и со стороны Нѣмцевъ, которые не могли найти въ немъ ничего хорошаго, не могли толковать, что Россія много потеряла въ Левенвольдѣ, какъ толковали, что Россія не замѣнитъ Остермана и Миниха. Наконецъ Левенвольдъ заслужилъ личное нерасположеніе Елисаветы, хотя и оправдывался, что дѣйствовалъ по приказанію правительницы, но такія оправданія въ подобныхъ случаяхъ не принимаются: «Къ нынѣшней государынѣ, говорилъ Левенвольдъ, я всегда имѣлъ свое должнѣйшее почтеніе, а что въ торжество дня рожденія принца Іоанна для нея при публичномъ столѣ поставленъ былъ стулъ съ прочими дамами врядъ, то сіе учинено по приказу принцессы, а не по моему разсужденію, и хотя я при томъ ей представлялъ, что не

обидно ли то будетъ цесаревнѣ, однакожъ она мнѣ именно приказала, чтобъ тарелку положить такъ, какъ выше написано, и я де какъ сама выйду, то уже сдѣлаю, что надобно» [131]. Головкинъ, Менгденъ, Темирязевъ, Яковлевъ допрашивались какъ слишкомъ усердные слуги падшаго правительства. По окончаніи слѣдствія, 13 января сенатъ получилъ указъ «судить ихъ по государственнымъ правамъ и указамъ.» Кромѣ сенаторовъ для этого суда приглашены были и другія лица, президенты коллегій. По выслушаніи экстрактовъ изъ дѣла, долго разсуждали, потомъ начали собирать голоса съ младшихъ; Остермана приговаривали къ смертной казни просто; князь Василій Владиміровичъ Долгорукій имѣлъ слабость произнести смертную казнь колесованіемъ. Минихъ приговоренъ былъ къ четвертованію, Головкинъ, Менгденъ, Левенвольдъ и Темирязевъ къ отсѣченію головы.

Бестужевъ, или находившійся еще подъ впечатлѣніемъ недавняго суда и приговора надъ нимъ самимъ, или желая показаться великодушнымъ предъ иностранцами, говорилъ секретарю саксонскаго посольства Пецольду [132], что приговоръ, произнесенный судною коммиссіею надъ Остерманомъ съ товарищами, ужасенъ, что канцлеръ князь Черкаскій и генералъ-прокуроръ князь Трубецкой настояли, чтобъ Остерманъ былъ приговоренъ къ колесованію, а Минихъ къ четвертованію, но что онъ, Бестужевъ, надѣется на милосердіе императрицы и вмѣстѣ съ Лестокомъ употребитъ все стараніе, чтобъ это милосердіе оказалось именно въ этомъ случаѣ.

17 января утромъ по всѣмъ петербургскимъ улицамъ раздавался барабанный бой: народу объявляли, что на слѣдующій день въ 10 часовъ утра будетъ совершена публичная казнь надъ врагами императрицы и нарушителями государственнаго порядка. 18 числа съ ранняго утра толпа уже начала собираться на Васильевскомъ островѣ, на площади передъ зданіемъ коллегій: здѣсь Астраханскій полкъ окружалъ эшафотъ, на которомъ виднѣлось роковое бревно (плаха). Арестанты въ то же утро были переведены изъ крѣпости въ зданіе коллегій. Какъ только пробило 10 часовъ, ихъ начали выводить на площадь. Впереди всѣхъ показался Остерманъ, котораго, по причинѣ болѣзни въ ногахъ, везли на извощичьихъ саняхъ въ одну лошадь, на немъ былъ небольшой парикъ, черная бархатная фуражка и старая короткая

лисья шубка, въ которой онъ обыкновенно сидѣлъ у себя дома. За Остерманомъ шли: Минихъ, Головкинъ, Менгденъ, Левенвольдъ и Темирязевъ. Когда они всѣ поставлены были въ кружокъ одинъ подлѣ другого, четыре солдата подняли Остермана и взнесли на эшафотъ, гдѣ посадили на стулъ; сенатскій секретарь началъ читать приговоръ, который Остерманъ долженъ былъ выслушивать съ обнаженною головою. Бывшій великій адмиралъ обвинялся въ утайкѣ духовной Екатерины I, въ составленіи проектовъ, гдѣ доказывалъ, что Елисавета и племянникъ ея не имѣютъ права на престолъ, и предлагалъ, для предотвращенія всякихъ опасностей, выдать Елисавету замужъ за чужестраннаго убогаго принца, а «паче всего» дерзнулъ составлять проекты о пріобщеніи къ наслѣдію русскаго престола дочерей мекленбургской принцессы Анны. Онъ же Остерманъ учинилъ императрицѣ еще разныя озлобленія; кромѣ того не представлялъ о лучшей предосторожности къ защитѣ государства; въ важныхъ дѣлахъ съ прочими повѣренными персонами откровенныхъ совѣтовъ не держалъ, но обыкновенно поступалъ по собственной волѣ; къ нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, въ предосужденіе всего россійскаго народа, употреблялъ чужихъ націй людей, а не россійскихъ природныхъ, и, будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, многія славныя и древнія россійскія фамиліи опровергать и искоренять, у монарховъ во озлобленіе приводить и отъ двора многихъ отлучать и жестокія и неслыханныя мученія и экзекуціи, какъ надъ знатными, такъ и надъ незнатными, не щадя и духовныхъ персонъ, въ дѣйство производить и между россійскими подданными несогласія вселить старался и т. п. [133]. Послѣ прочтенія приговора, солдаты положили Остермана на полъ, лицемъ внизъ; палачи обнажили ему шею, положили ее на плаху, одинъ держалъ голову за волосы, другой вынималъ изъ мѣшка топоръ. Въ эту минуту подходитъ къ осужденному тотъ же секретарь, вынимаетъ другую бумагу и читаетъ: «Богъ и государыня даруютъ тебѣ жизнь.» Тутъ солдаты и палачи подняли его, снесли съ эшафота и посадили на прежнія сани, на которыхъ онъ оставался все время, какъ читали приговоры его товарищамъ.

Миниху читали, что онъ не защищалъ духовной Екатерины I,

хлопоталъ больше другихъ о возведеніи Бирона въ регенты, того же Бирона низвергъ для частныхъ своихъ выгодъ, при чемъ обманулъ солдатъ, сказавши имъ, что регентъ притѣсняетъ цесаревну Елисавету и ея племянника, и кого они хотятъ государемъ, тотъ и быть можетъ, принцъ Іоаннъ или герцогъ голштинскій; дѣлалъ нынѣшней императрицѣ многія озлобленія, приставлялъ шпіоновъ наблюдать за нею; командуя арміею, не берегъ людей, позорно наказывалъ офицеровъ безъ суда, расточалъ государственную казну. Головкинъ, Левенвольдъ и Менгденъ обвинены въ стараніяхъ въ пользу принцессы Анны; кромѣ того второй въ расточеніи суммы, сбиравшейся отъ казенной продажи соли, а третій въ злоупотребленіяхъ по президентству въ коммерцъ-коллегіи; Темирязевъ за извѣстныя намъ движенія въ пользу бывшей правительницы. Всѣмъ этимъ лицамъ объявлено было помилованіе безъ возведенія на эшафотъ. Въ Остерманѣ послѣ помилованія не замѣтили никакой перемѣны, кромѣ нѣкотораго дрожанія рукъ; Минихъ велъ себя во все время мужественно и гордо, Левенвольдъ спокойно и прилично, въ Головкинѣ и Менгденѣ зрители замѣтили малодушіе. Когда народъ увидѣлъ, что во вчерашнемъ объявленіи его обманули, никому не отрубили головы, то встало волненіе, которое должны были усмирить солдаты [134]. Нѣкоторые могли быть недовольны тѣмъ, что не видали, какъ рубятъ головы людямъ; другіе могли быть недовольны тѣмъ, что недавно рубили же головы Долгорукимъ, Волынскому, за что же помилованы Остерманъ, Минихъ и Левенвольдъ; но историкъ долженъ замѣтить, что послѣ кровавыхъ примѣровъ Аннинскаго царствованія, никто изъ людей, враждебныхъ и опасныхъ правительству, не былъ казненъ смертію, при допросахъ никого не пытали.

Сибирь назначена была мѣстомъ ссылки избавленныхъ отъ смерти лицъ (Остерману Березовъ, Миниху Пелымь), только для Левенвольда назначенъ былъ Соликамскъ. Отправить ихъ изъ крѣпости въ ссылку поручено было не разъ упомянутому уже нами князю Якову Шаховскому, который за дружбу съ Головкинымъ исключенъ былъ изъ списка сенаторовъ и опредѣленъ оберъ-прокуроромъ въ синодъ. Шаховской оставилъ намъ разсказъ [135], какъ онъ исполнилъ свое печальное порученіе. Вошедши въ казарму, гдѣ содержался Остерманъ, онъ нашелъ его

лежащаго и громко жалующагося на подагру; увидавъ Шаховского, онъ изъявилъ сожалѣніе о своемъ преступленіи и прогнѣвленіи государыни, и окончилъ просьбою поручить покровительству императрицы дѣтей его. Жена его отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ ссылку: «О ней, говоритъ Шаховской, кромѣ слезъ и горестнаго стѣнанія описывать не имѣю.» Отправивъ Остермана, Шаховской пошелъ въ казарму Левенвольда и «лишь только вступилъ въ оную казарму, которая была велика и темна, то увидѣлъ человѣка, обнимающаго мои колѣни весьма въ робкомъ видѣ, который притомъ въ смятенномъ духѣ такъ тихо говорилъ, что я и рѣчи его разслушать не могъ, паче же что видъ на головѣ его склокоченныхъ волосъ и непорядочно оброслая сѣдая борода, блѣдное лице, обвалившіяся щеки, худая и замаранная одежда нимало не вообразили мнѣ того, для кого я туда шелъ, то подумалъ, что то былъ какой-нибудь по инымъ дѣламъ изъ мастеровыхъ людей арестантъ же. И такъ, оборотясь, говорилъ офицеру, чтобъ его отъ меня отвели, а показали бъ, въ которомъ углѣ въ той казармѣ бывшій графъ Левенвольдъ находится; но какъ на сіе сказали мнѣ, что сей-то самый графъ Левенвольдъ, то въ тотъ моментъ живо предстали въ мысль мою долголѣтныя его всегдашнія и мною часто виданныя поведенія, въ отмѣнныхъ у двора монаршихъ милостяхъ и довѣренностяхъ, украшеннаго кавалерскими орденами, въ щегольскихъ платьяхъ и приборахъ, въ отмѣнномъ почтеніи предъ прочими.... Въ смятенныхъ моихъ размышленіяхъ пришелъ я къ той казармѣ, гдѣ оный бывшій герой (Минихъ), а нынѣ наизлосчастнѣйшій находился, чая увидѣть его горестью и смятеніемъ пораженнаго. Какъ только въ оную казарму двери передо мною отворены были, то онъ, стоя тогда у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ поворотясь въ смѣломъ видѣ съ такими быстро растворенными глазами, съ какими я его имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видѣть, шелъ ко мнѣ навстрѣчу и, приближась, смѣло смотря на меня, ожидалъ что̀ я начну. Я, сколько возмогъ, непеременяя своего вида, также какъ и прежнимъ двумъ уже отправленнымъ, все подлежащее ему въ пристойномъ видѣ объявилъ и довольно примѣтилъ, что онъ болѣе досаду, нежели печаль и страхъ на лицѣ своемъ являлъ. По окончаніи моихъ

словъ, въ набожномъ видѣ поднявъ руки и возведъ взоръ свой къ небу, громко сказалъ онъ: «Боже, благослови ея величество и государствованіе ея!» Потомъ нѣсколько потупя глаза и помолчавъ говорилъ: «Когда уже теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось: такъ я только принимаю смѣлость просить, дабы для сохраненія отъ вѣчной погибели души моей отправленъ былъ со мною пасторъ.» А какъ уже все было къ отъѣзду его въ готовности и супруга его, какъ бы въ какой желаемый путь въ дорожномъ платьѣ и капорѣ, держа въ рукѣ чайникъ съ приборомъ, въ постоянномъ видѣ скрывая смятеніе своего духа, была уже готова.» Всего тягостнѣе было для Шаховского исполнить свое печальное порученіе относительно «благотворителя» своего, графа Головкина, котораго онъ нашелъ въ казармѣ въ самомъ печальномъ положеніи: «Горько стеналъ онъ отъ мучащей его въ тѣ же часы подагры и хирагры и отъ того сидѣлъ недвижимо, владѣя только одною лѣвою рукою. Я подошелъ къ нему ближе и крѣпясь, чтобъ не токмо въ духѣ вкорененная, но и на лицѣ моемъ написанная объ немъ жалость не упустили слезъ изъ глазъ моихъ, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ весьма было бы къ моему поврежденію, объявилъ ему высочайшій указъ. Онъ, жалостно взглянувъ на меня, сказалъ: «Тѣмъ онъ болѣе нынѣ несчастливѣйшимъ себя находитъ, что воспитанъ въ изобиліи и что благополучія его, умножаясь съ лѣтами, взвели на высокія степени, не вкушая до нынѣ прямой тягости бѣдъ, коихъ теперь сносить силъ не имѣетъ.»

Кромѣ Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена и Темпрязева, къ болѣе легкимъ наказаніямъ приговорены были: сынъ фельдмаршала, оберъ-гофмейстеръ Минихъ; родственникъ жены Остермана, тайный совѣтникъ Василій Стрѣшневъ за шпіонство при дворѣ по приказу Остермана; генералъ Хрущовъ за подслуживаніе тому же Остерману; дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Яковлевъ за «крайнюю и наиближайшую конфиденцію» съ Остерманомъ, директоръ канцеляріи принца Антона Петръ Граматинъ, секретарь Семеновъ, «обрѣтавшійся всегда при графѣ Остерманѣ въ партикулярной его услугѣ,» секундъ-майоръ Василій Чичеринъ за шпіонство надъ Елисаветою, секретарь Поздняковъ, поплатившійся за услугу, оказанную Темпрязеву въ сочиненіи манифестовъ [136].

Самые влiятельные члены прежняго управленiя лишены своихъ мѣстъ, сосланы: кто же замѣнитъ ихъ? 12 декабря 1741 года явился именной указъ [137], въ которомъ читали, что императрица усмотрѣла нарушенiе порядка государственнаго управленiя, какъ онъ былъ при отцѣ ея: происком нѣкоторыхъ вновь изобрѣтенъ Верховный Тайный Совѣтъ, потомъ сочиненъ кабинетъ въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Совѣтъ, только имя перемѣнено, отъ чего произошло многое упущенiе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званiя, а правосудiе уже и весьма въ слабость пришло. Поэтому, для отвращенiя прежнихъ непорядковъ, императрица повелѣвала, чтобъ правительствующiй сенатъ имѣлъ прежнюю свою силу и власть, какъ было при Петрѣ Великомъ; повелѣвала всѣ указы и регламенты Петра Великаго наикрѣпчайше содержать и по нихъ неотмѣнно поступать, не отрѣшая и послѣдующихъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые съ состоянiемъ настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны. Сенаторами были назначены: генералъ-фельдмаршалъ князь Иванъ Трубецкой, великiй канцлеръ князь Черкаскiй, оберъ-гофмейстеръ графъ Семенъ Салтыковъ, генералъ Григорiй Чернышевъ, генералъ Ушаковъ, адмиралъ графъ Головинъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ; дѣйствительные тайные совѣтники—Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ и Александръ Нарышкинъ; генералъ-лейтенанты князья Голицинъ (Михайла) и Урусовъ, Бахметевъ; тайный совѣтникъ Новосильцевъ; дѣйствительный статскiй совѣтникъ князь Алексѣй Голицинъ. Генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой и оберъ-прокуроръ Брылкинъ утверждены въ своихъ должностяхъ; въ коллегiяхъ, канцелярiяхъ и конторахъ, какъ въ резиденцiяхъ, такъ и въ губернiяхъ, должны быть учреждены прокуроры съ ихъ прежнею должностiю. Управленiе иностранными дѣлами поручается канцлеру князю Алексѣю Черкаскому и дѣйствительному тайному совѣтнику Алексѣю Бестужеву-Рюмину, который возводится въ вице-канцлеры; тайному совѣтнику Бреверну быть въ прежней должности при иностранныхъ дѣлахъ; а когда случится какое важное дѣло, то въ конференцiяхъ съ ними должны присутствовать адмиралъ графъ Головинъ и оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ. Какъ сенатъ, такъ и министры иностранныхъ дѣлъ будутъ имѣть засѣданiя во дворцѣ (въ императорскомъ домѣ),

въ особливыхъ апартаментахъ, и въ засѣданіяхъ этихъ, смотря по надобности, сама императрица будетъ присутствовать. Кабинетъ упраздняется, и вмѣсто того будетъ при дворѣ кабинетъ въ томъ значеніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ, и вести дѣла въ немъ будетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Черкасовъ.

Послѣ этого указа въ концѣ декабря 1741 и въ продолженіи 1742 года Елисавета семь разъ присутствовала въ сенатѣ, приходила иногда въ одиннадцатомъ, иногда въ исходѣ десятаго, а иногда и въ девятомъ часу утра, оставалась часа по три [138]. Генералъ-прокуроръ предложилъ возстановленному сенату, не соизволитъ ли для самонужнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ положить въ недѣлю одинъ день, въ который сенаторамъ всѣмъ съѣзжаться поранѣе, а именно пополуночи въ седьмомъ часу: приказали съѣзжаться въ пятницу и не позже семи часовъ [139]. Въ концѣ 1741 и въ продолженіи 1742 года сенатъ сдѣлалъ нѣсколько постановленій, которыя обнаруживаютъ особенное направленіе. Въ Сибири случилось страшное происшествіе: четырнадцатилѣтняя дѣвочка убила двухъ другихъ маленькихъ дѣвочекъ, а въ Уложеніи и послѣдующихъ указахъ не было означено, до которыхъ лѣтъ дѣти освобождаются отъ пытки и смертной казни; надобно было дѣлать постановленіе, и генералъ-прокуроръ объявилъ, что по указу Петра Великаго, въ такихъ случаяхъ сенатъ обязанъ былъ собрать всѣ коллегіи и сообща мыслить и толковать. Коллегіи были собраны въ лицѣ своихъ президентовъ и нѣкоторыхъ членовъ; генералъ-прокуроръ предложилъ дѣло, и потомъ поставилъ на столъ песочные часы, по которымъ дано времени на разсужденіе два часа; по довольномъ разсужденіи сенаторы и коллежскіе президенты и члены согласно объявили свое мнѣніе, что малолѣтными надобно считать до 17 лѣтъ; до этого возраста преступники, подлежащіе ссылкѣ, кнуту или смертной казни, отъ нихъ освобождаются, подвергаются только наказанію плетьми и отсылкѣ на 15 лѣтъ въ монастырь на покаяніе [140]. Въ одно изъ засѣданій, въ которое присутствовала императрица, генералъ-прокуроръ представилъ [141], что во многихъ дѣлахъ въ титулѣ императорскомъ являются описки по простотѣ, и виновные отсылаются въ тайную канцелярію и страдаютъ, а въ дѣлахъ происходитъ остановка. Императрица ука-

зала: о такихъ погрѣшностяхъ впредь болѣе не слѣдовать, описки перепpавлять, только подтвердить, чтобъ писали осмотрительно. Въ другое присутствіе свое въ сенатѣ [142] императрица указала: за ложное сказываніе слова и дѣла кнутомъ не бить, и крестьянъ отдавать помѣщикамъ, а посадскихъ въ слободы. По дѣлу московскаго священника при церкви Сергія въ Рогожской, Михайлы Степанова, сенатъ приказали[143]: за учиненное имъ смертное убійство работницы его смертной казни не чинить, а послать его св. синоду въ дальній монастырь на покаяніе, для того: хотя онъ въ духовной дикастеріи въ двухъ распросахъ и показалъ, что работницу ножемъ зарѣзалъ помня ея продерзости и за похвальныя ея слова, но въ сыскномъ приказѣ съ трехъ розысковъ и огня утвердился, что зарѣзалъ въ безпамятствѣ и умысла въ томъ не было, а въ дикастеріи показалъ онъ съ принужденія судей и секретаря для того, что они обѣщали ему — ежели повинную принесетъ, въ сыскной приказъ не отсылать, а отдать подъ началъ въ монастырь; въ обыску объ немъ 49 человѣкъ показали, что онъ въ разныя времена отъ пьянства въ безпамятствѣ бывалъ, отъ чего въ той церкви недѣли по двѣ и по три не служивалъ, а сверхъ того показали, что онъ человѣкъ добрый и напредъ сего въ подозрѣніяхъ не бывалъ.

Во вступленіи на престолъ Елисаветы выразилось народное движеніе, направленное противъ преобладанія иноземцевъ, утвердившагося въ два послѣднія царствованія. Ссылка Остермана, Миниха, Левенвольда и Менгдена показывали, что это господство прекращается при новомъ правительствѣ. Иностранные дипломаты, по своей неопытности, по незнанію хода русской исторіи, да и по незнанію общаго хода историческихъ явленій, не понимали, въ чемъ дѣло и толковали объ немъ каждый по своему, соотвѣтственно съ интересами, для охраненія которыхъ были присланы къ русскому двору. Нѣмцы тужили о паденіи Нѣмцевъ, въ которыхъ видѣли представителей связи русскаго двора съ своими дворами, враждебно смотрѣли на новое правительство, не предсказывали ему добра, утверждали, что Россія не выпутается изъ затруднительныхъ обстоятельствъ безъ Остермана и Миниха, толковали о ихъ возвращеніи. Французъ Шетарди смотрѣлъ иначе на дѣло. Съ самаго вступленія Россіи въ систему европейскихъ державъ, Франція почуяла въ ней

опасную соперницу, которая, поддерживая противъ нея слабѣйшихъ, особенно помогая извѣчной ея соперницѣ Австріи, будетъ мѣшать ей въ стремленіи къ игемоніи въ Европѣ. Для Франціи Россія была незванная, непрошеная гостья въ Европѣ, и проводить ее назадъ къ Азіи, выжить русскій дворъ изъ Петербурга назадъ въ Москву стало завѣтною цѣлію французской политики. Шетарди хлопоталъ о низверженіи брауншвейгской фамиліи посредствомъ Елисаветы именно съ этою цѣлію, съ восторгомъ видѣлъ вражду Елисаветы къ Остерману и раздувалъ эту вражду, наговаривалъ, что императрица должна замѣнить Русскими всѣхъ Нѣмцевъ на дипломатическихъ постахъ при иностранныхъ дворахъ. Блестящій маркизъ не понималъ, что дочери Петра Великаго гораздо труднѣе отказаться отъ основнаго внутренняго дѣла отца своего, чѣмъ отъ завоеванныхъ имъ областей, а онъ зналъ, что и послѣднее было для нея невозможно; маркизъ не догадывался, что русскіе люди, по ясному сознанію чисто русскихъ интересовъ, какое они получили благодаря Петру, ревностнѣе Нѣмцевъ будутъ поддерживать новое значеніе Россіи въ Европѣ. Съ первыхъ же дней царствованія Елисаветы было видно, что національное движеніе будетъ состоять въ возвращеніи къ правиламъ Петра Великаго, слѣдовательно согласно съ этими правилами долженъ былъ и рѣшиться вопросъ объ отношеніи Русскихъ къ иностранцамъ, а правило Петра было всѣмъ извѣстно: должно пользоваться искусными иностранцами, принимать ихъ въ службу, но не давать имъ предпочтенія предъ Русскими и важнѣйшія мѣста въ управленіи занимать исключительно послѣдними. Елисавета въ этомъ отношеніи высказалась ясно въ засѣданіи сената 15 февраля 1742 года: когда ей было доложено о пріемѣ въ службу инженеръ-подполковника Гамбергера, также объ опредѣленіи его въ инженерный корпусъ, то она указала: генералъ-фельдцейгмейстеру въ инженерномъ корпусѣ освидѣтельствовать, есть ли въ подполковничій чинъ изъ Россійскихъ къ произвожденію достойные, и буде изъ Россійскихъ въ тотъ чинъ достойнаго не найдется, то объявленнаго Гамбергера въ наукахъ его освидѣтельствовать и представить ея величеству [144].

Можно было опасаться волненій въ низшихъ слояхъ народонаселенія, гдѣ уже давно съ воцареніемъ Елисаветы соединяли изгнаніе всѣхъ иноземцевъ изъ Россіи; еще въ царствованіе

Анны здѣсь толковали: «Государыня цесаревна Елисавета Петровна имѣетъ ссору съ ея императорскимъ величествомъ за иноземцевъ, что ея императорское величество жалуетъ иноземцевъ золотыми, а ея высочество мѣдными монетами. И ея императорское величество изволила ея высочество призвать къ себѣ и изволила сдавать ей, цесаревнѣ, Россійское государство, только-де ея высочество говорила, ежели-де ея императорское величество на три года учинитъ черни льготы, да иноземцевъ всѣхъ изъ государства вышлетъ, потомъ-де ея высочество государство принять изволитъ» [145]. Теперь цесаревна приняла государство, но иноземцевъ не высылала, хотя они и жили постоянно между страхомъ и надеждою, слыша угрозы отъ солдатъ [146]; иностранные министры писали къ своимъ дворамъ, что солдаты позволяютъ себѣ насилія, особенно противъ Нѣмцевъ, но не приводятъ ни одного примѣра насилія. До насъ дошло извѣстіе только объ одномъ столкновеніи, бывшемъ въ Петербургѣ 18 апрѣля 1742 года на гуляньѣ подъ качелями на Адмиралтейской площади. Гвардейскіе солдаты Семеновскаго полка подрались съ разнощикомъ, который продалъ имъ гнилыя яйца, а потомъ подрались между собою; армейскіе офицеры изъ иностранцевъ — фонъ Розъ, Гейкинъ, Зитманъ и Миллеръ, бывшіе подлѣ въ билліардномъ домѣ, вышли разнимать ихъ; когда одинъ изъ солдатъ началъ бранить ихъ непристойными словами, то одинъ изъ офицеровъ ударилъ его, тогда солдаты толкнули офицеровъ и драка усилилась; офицеры побѣжали назадъ въ билліардный домъ, солдаты за ними, и на крыльцѣ дома началась опять драка: офицеръ обнажилъ шпагу и порубилъ солдату ладонь. Увидѣвъ кровь, солдаты разсвирѣпѣли и наперли на крыльце, при чемъ еще двое солдатъ были ранены. Офицеры ушли и заперли за собою двери, но солдаты разломали ихъ; тогда офицеры побѣжали на потолокъ (палати или чердакъ) и загородили входъ на него скамьями и стульями; бывшій въ томъ же домѣ штабъ-лѣкарь Фусади спрятался вмѣстѣ съ хозяиномъ дома въ особую каморку. Солдаты пошли на потолокъ, гдѣ, кромѣ означенныхъ, сидѣли и другіе офицеры, бывшіе въ билліардномъ домѣ, все иностранцы; солдаты лезли, браня офицеровъ непристойными словами, также шельмами, канальями, иноземчишками. Офицеры побѣжали съ потолка въ слуховое окно на кровлю и спустились на другой

дворъ; но на потолкѣ остались капитанъ Браунъ, флигель-адъютантъ Сотро и служитель Брауна Кампфъ, которые стояли съ обнаженными шпагами и не пускали солдатъ; однако солдаты, къ которымъ присоединились теперь и другіе люди, ворвались и начали бить Нѣмцевъ кулаками и топтать ногами; Сотро былъ порубленъ шпагою по головѣ и сброшенъ съ потолка внизъ, также былъ стащенъ внизъ и избитъ Браунъ, найдены и избиты лѣкарь Фусади и хозяинъ билліарднаго дома Берларъ; побоище это сопровождалось грабежомъ и битьемъ посуды. Офицеры показали при слѣдствіи, что солдаты, нападая на нихъ, говорили: «Велѣно вашу шведскую каналью всѣхъ уходить; вы, шведскіе канальи, здѣсь отъ насъ не отсидитесь, это намъ не Очаковъ брать, у насъ указъ есть, чтобъ васъ всѣхъ перерубить, надобно всѣхъ васъ иноземцевъ прибить до смерти; васъ, нѣмецкихъ собакъ, всѣхъ сегодня перевѣшаютъ.» Народъ внизу кричалъ: «Надобно иноземцевъ всѣхъ уходить.» — Но дѣло кончилось одними криками. Драчуновъ схватили и они на слѣдствіи показали, что все надѣлали въ пьянствѣ, злого умысла не имѣли. Судная коммиссія приговорила — главныхъ виновниковъ колесовать, другихъ менѣе виновныхъ повѣсить, третьихъ бить кнутомъ, гонять сквозь строй. Приговорила и офицеровъ наказать, посадить въ тюрьму на два и на три мѣсяца за то, что не должны были связываться съ солдатами, а послать за карауломъ и арестовать ихъ, потомъ въ билліардной не соблюли должныхъ правилъ обороны. Сенатъ, принимая во вниманіе, что виновные совершили преступленіе безъ злого умысла, представилъ императрицѣ, не соизволитъ ли облегчить казни. Елисавета приговорила четверыхъ главныхъ драчуновъ сослать на сибирскіе заводы въ вѣчную работу, остальныхъ отправить въ дальніе гарнизоны [147].

Понятно, что измѣненію отношеній къ иноземцамъ и паденію Остермана должно было обрадоваться духовенство. Мы видѣли какъ новгородской архіепископъ, Амвросій Юшкевичъ, жаловался на Остермана и не ограничивался одпѣми жалобами. Показанія Темирязева о томъ, какъ Амвросій хлопоталъ въ пользу принцессы Анны, могли бы навлечь большую бѣду на свѣтское лице, но преосвященнаго новгородскаго не тронули, ибо кромѣ извѣстнаго благочестія новой императрицы, было бы слишкомъ неблагоразумно начинать царствованіе гоненіемъ на самаго виднаго

архіерея и ревнителя православія, тѣмъ болѣе, что хлопоты Амвросія были собственно не въ пользу Анны Леопольдовны, а противъ еретика Остермана. Амвросій спѣшилъ отблагодарить Елисавету за снисхожденіе. 18 декабря 1741 года, въ день рожденія императрицы, Амвросій говорилъ проповѣдь, при чемъ указъ Анны Іоанновны, чтобъ длинныхъ проповѣдей не говорить, былъ забытъ. Амвросій этою проповѣдію ввелъ въ обыкновеніе начинать прославленіе Елисаветы прославленіемъ Петра Великаго, а прославлять Петра можно было за то же, за что прославляли его и прежніе ораторы: «Когда онъ воевалъ, училъ воевать воинство; когда училъ воинство, устроялъ благополучіе внутренняго гражданства; когда устроялъ благополучіе гражданства, и о духовномъ своемъ чинѣ промышлять не оставилъ. Видѣлъ онъ совершенно ово изъ древнихъ исторій, ово же и самъ своимъ уже искусствомъ, какъ народъ россійской тогда былъ неславный и посмѣятельный; видѣлъ, какъ былъ вовсе темный въ наукахъ и непросвѣщенный: и того ради великою суммою снискивалъ людей ученыхъ, державъ ихъ во всякомъ довольствѣ и почтеніи, посылалъ своихъ подданныхъ для науки и всякой экспepieнціи въ иностранныя государства, старался вездѣ заводить училища духовныя и политическія, снабдѣвалъ ихъ весьма мудрыми и славными учителями» и проч. Событіе 25 ноября ораторъ разсказывалъ такимъ образомъ: «Пошла (Елисавета) къ надежнымъ своимъ и давно уже того желающимъ солдатамъ и объявила имъ свое намѣреніе, и кратко имъ сказать изволила: знаете ли, ребята, кто я и чья дочь? Родители мои вселюбезнѣйшіе Петръ Великій и Екатерина трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами; а нынѣ все то растащено; сверхъ же того еще и моего живота ищутъ. Но не столько мнѣ себя жаль, какъ вседражайшаго отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно разоряется и людей столько невѣдомо за кого пропадаетъ. Кому же вѣрно служить хочете? мнѣ ли, природной государынѣ, или другимъ, незаконно мое наслѣдіе похитившимъ? И какъ то они услышали, тогожъ часа всѣ единогласно закричали: тебя, всемилостивѣйшая государыня!» и проч. Но всего замѣчательнѣе въ проповѣди изображеніе поведенія иностранцевъ, управлявшихъ Россіею. «Смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Вопервыхъ, на благочестіе

и вѣру нашу православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! спроси же, за что? больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобъ вовсе въ Россіи истребить священство православное и завесть свою нововымышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: о Боже! какъ-то несчастлива въ томъ Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Не знающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ-нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитекторъ или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь привязать, подъ интересъ подвесть и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитекторъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія, интереса государства, о! коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Сей ихъ обманъ народъ незнающій помышлялъ, что они дѣлаютъ сіе отъ крайнія вѣрности; а они, такимъ-то безбожнымъ образомъ и такою-то завѣсою покровенные, людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей, весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и

денегъ многими тысячами жаловали и награждали. Было то воистинну, что и говорить стыдно, однако то сущая правда! прiидетъ какой-нибудь человѣкъ иностранный незнаемый (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которые по заслугамъ своимъ въ Россiи всякiя чести достойны, но о тѣхъ, которые еще въ Россiи никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такого, говорю я, новаго гостя ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотябъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче, что ихъ совѣсти правенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей россiйскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штапы, и жалованье опредѣлять многiя тысячи. И такой-то совѣсти были оные внутреннiи враги наши! Такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ казалось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за церковь Христову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россiю въ безсилiе, въ нищету и въ крайнее разоренiе. Воспомяните себѣ только недавно минувшую войну турецкую: сколько они безъ всякой баталiи и сраженiя старыхъ солдатъ гладомъ поморили, сколько въ степяхъ жаждою умертвили, да сколькожъ сотъ тысячъ церковниковъ и другихъ рекрутъ перебрали, и всѣ они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили; но тѣ все то дѣлали притворно подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россiи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу: ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали; такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россiи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, все богатство, въ Россiи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россiи за море высылали и тамо иные въ банки, иные на проценты многiе миллiоны полагали.»

Въ тотъ же день и въ томъ же духѣ въ Москвѣ говорилъ проповѣдь ректоръ тамошней академiи, архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря, Кириллъ Флоринскiй: «Вси мы, говорилъ проповѣдникъ, чрезъ десятилѣтiе и болѣе нечувственныя древеса быхомъ, не примѣчая, како созрѣвше сильное сѣмя Петрово; за-

памятовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковату, дебелу, ожелтѣлу, неотѣсанну, ни на каково дѣло неудобну, своими руками коль въ прекрасныя статуи передѣлалъ, да еще и не бездушныя.... О пречудная вещь! возрастѣ сѣмя Петрово, подъ его же вѣтвіями намъ, Россіянамъ, отраду и прохлажденіе давно надлежало было пріяти; но мы отягчены всѣми ругательствы, страждуще гоними, гоними и мучими, мучими и вяжеми, вяжеми и уязвлеми, отечества и правовѣрія лишаеми, дремлюще, благовонно-лиственнаго сего не видѣхомъ древа. Древо сіе человѣкояды птицы, Остерманъ и Миннхъ, съ своимъ стадищемъ начали было сѣщи и терзати; обаче мы дремлюще не видѣхомъ, ниже чувствовахомъ, доколе же само сіе сельное сѣмя насъ не пригласи спящихъ: доколѣ дремлете? доколѣ страждати имате?... Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Миннхъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и драгайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня истребятъ.... Яко же бо Діи и Ерміи во языцахъ, такъ Остерманъ и Миннхъ были въ Россіи кумиры златые, имъ же сосовѣтніи не устыдѣшася, яко балваномъ, и жрати, своя совѣсти воли ихъ заколающе въ жертву; но уже сокрушишася о камень Петровъ... Жертвенники, образы и жрецы вааловы Остерманъ, Миннхъ и снузники тѣхъ, ихже и кромѣ насъ, яко скудельніи идолы, самъ сокрушитъ Господь» [148].

Кириллъ Флоринскій въ доказательство вражды къ православію бывшаго правительства приводилъ то, что въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ возвышается армянская церковь. Синодъ раздѣлялъ взглядъ Флоринскаго, и въ генварѣ 1742 года исходатайствовалъ у императрицы указъ — упразднить армянскія церкви въ Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани, кромѣ одной каменной въ послѣднемъ городѣ, и впредь не позволять ихъ строить [149]. Синодъ представилъ о необходимости уволить священниковъ и причтъ отъ хожденія къ рогаткамъ на караулы, на пожары и отъ всякихъ другихъ полицейскихъ обязанностей, исполненіе которыхъ мѣшаетъ исправленію требъ церковныхъ: 7 апрѣля просьба синода

была исполнена [150]. Оберъ-прокуроромъ синода былъ назначенъ, какъ мы видѣли, князь Яковъ Шаховской. Онъ такъ описываетъ свое вступленіе въ новую должность: «Явился я въ собраніе св. синода, и вступленіе то мнѣ было не непріятно, ибо того мѣста, также какъ и при сенатѣ, находящійся такогожъ ранга экзекуторъ, уже ожидая моего прибытія, встрѣтилъ меня на лѣстницѣ съ нѣсколькими секретарями и прочихъ нижнихъ чиновъ канцелярскихъ служителями, съ почтеніемъ рекомендовался, и очищая мнѣ дорогу, проводилъ меня до той палаты, гдѣ присутствуетъ собраніе св. синода; двери обѣ половинки отворились и при тѣхъ встрѣтилъ меня оберъ-секретарь. Первый издали во оную палату мой взглядъ мнѣ былъ весьма пріятенъ: оная изрядно была убрана, и за столомъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ, какъ помнится мнѣ, восемь или девять духовныхъ особъ, архіепископовъ и епископовъ и нѣсколько архимандритовъ, мужей какъ своими отмѣнными одеждами, такъ и благочинными видами привлекающихъ почтеніе, и лишь только я приближался къ концу того стола, они всѣ въ постоянномъ и ласковомъ видѣ встали со своихъ стульевъ и одинъ по другомъ, и въ первыхъ преосвященный новгородскій архіепископъ Амвросій, яко старшій членъ, меня поздравленіемъ въ томъ новомъ чину, какъ въ томъ присутствіи сотоварища своего, разными словами привѣтствовать начали, и напротивъ тѣхъ на мои учтивыя имъ о себѣ рекомендаціи представляемыя весьма ласково мнѣ отвѣтствовали; потомъ они сѣли на свои стулья и начатое одно дѣло, коего для моего входу чтеніе было остановлено, къ рѣшенію имъ представленное велѣли читать, а я, увидя для меня, по надлежащему, въ той же палатѣ приготовленный небольшой столъ, подошелъ, чтобъ за него сѣсть, и увидя на немъ только чернилицу и нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, приказалъ оберъ-секретарю, чтобъ онъ духовный регламентъ, послѣдующіе тому въ законъ указы, также прежде бывшихъ въ синодѣ оберъ-прокуроровъ инструкціи и до той должности касающіеся указы и еще же о нерѣшенныхъ находящихся въ синодѣ дѣлахъ, о колодникахъ и о казенныхъ деньгахъ обыкновенные реестры мнѣ представилъ. Оберъ-секретарь, духовный регламентъ съ своего столика взявъ, мнѣ подалъ, а объ указахъ и о реестрѣ нерѣшенныхъ дѣлъ объявилъ, что тѣ хотя въ собраніи и есть, но не весьма обстоятельны, и просилъ, чтобъ

я на нѣсколько дней ему въ томъ далъ сроку, дабы онъ все наисправнѣйшимъ образомъ сочинить и мнѣ подать могъ; а что де до прежнихъ здѣсь бывшихъ оберъ-прокуроровъ дѣлъ касается, то оныхъ де какъ инструкцій, такъ и прочихъ никакихъ ихъ должностей производствъ ни одной строки нѣтъ, и притомъ въ долгихъ рѣчахъ разсказывалъ мнѣ, какъ отъ бывшихъ пожаровъ и отъ прочихъ разныхъ приключеній въ канцеляріи синода дѣла многія утрачены и что нынѣ отъ разныхъ препятствій дѣла безъ описей въ разныхъ палатахъ по ящикамъ и сундукамъ содержатся, и архивы нѣтъ» [151].

Новый оберъ-прокуроръ нашелъ указы Петра Великаго, чтобъ въ церквахъ во время службы никакихъ разговоровъ и хожденій для прикладыванія къ мощамъ и иконамъ не было и съ нарушителей брать штрафъ въ церковную казну. Шаховской представилъ синоду, что эти указы не исполняются, и вслѣдствіе этого представленія посланы подтвердительные указы [152]. Смотрѣть за соблюденіемъ указовъ и сбирать штрафы сенатъ назначилъ опредѣленныхъ въ монастыри отставныхъ офицеровъ, которые должны были записывать штрафы въ шнурованныя книги при священникахъ и причетникахъ, чтобъ утайки не было [153]. Синодъ опредѣлилъ разрѣшить постройку и возобновленіе церквей, но позволять освящать ихъ только тогда, когда окажется, что онѣ построены какъ слѣдуетъ, снабжены всѣмъ нужнымъ и священникъ съ причтомъ будутъ имѣть достаточное содержаніе [154]. Синодъ жаловался сенату, что сибирскій губернаторъ не исполняетъ указа Петра Великаго, которымъ запрещалось брать духовныхъ людей въ свѣтскія судебныя мѣста безъ сношенія съ духовнымъ начальствомъ; сенатъ подтвердилъ указъ, распространивъ его на служителей архіерейскихъ домовъ и прикащиковъ [155].

Но въ ноябрѣ 1742 года въ сенатъ поступила жалоба отъ коллегіи экономіи: архіерейскими домами и разными монастырями остаточныхъ и распроданныхъ вотчинъ оброчныхъ доходовъ не только за прошлые годы, начиная съ 730, но и за минувшій 1741 и за текущій 1742 по 14 іюня не доплачено 44324 рубля; нарочно посланный капралъ Старковъ взыскалъ на Спасскомъ ярославскомъ монастырѣ доимку 1806 рублей и готовъ былъ ѣхать въ Москву, но келарь этого монастыря Іосифъ и строитель Ѳе-

офилактъ запретили его отпускать, подводы съ монастыря сбили, Старкова, браня всячески, хотѣли бить смертно и выборному цѣловальнику для отдачи той казны въ Москву ѣхать не велѣли [156].

Дѣло шло о деньгахъ, о доходахъ. Въ началѣ царствованія Елисаветы, которая провозглашала, что будетъ во всемъ руководиться правилами великаго отца своего, одинъ солдатъ [157] очень грубо выразилъ правила Петра относительно денегъ, доходовъ государственныхъ, и былъ отведенъ въ Тайную Канцелярію, которая не поняла, что подъ грубымъ выраженіемъ заключалась великая похвала. Солдатъ сказалъ, что Петръ Великій изъ-за копѣйки давливался. Сенатъ, возстановленный дочерью въ томъ значеніи, какъ былъ при отцѣ, долженъ былъ помнить, что при отцѣ одною изъ главныхъ обязанностей его было: «денги какъ можно сбирать.» При вступленіи на престолъ Елисаветы изъ подушнаго сбора сложено было по 10 копѣекъ съ души на 1742 и 1743 годы, что составляло болѣе милліона рублей, «въ такомъ разсужденіи, дабы вѣрные наши подданные платежемъ на прошлые годы доимочныхъ подушныхъ денегъ исподоволь исправлялись» [158]. Но Елисавета получила въ наслѣдство войну; и въ августѣ 1742 года Главный Коммиссаріатъ донесъ сенату, что, несмотря ни на какія подтвержденія, какъ прошлогоднихъ доимочныхъ денегъ, такъ и за первую половину текущаго года въ недоборѣ большая сумма, такъ что однимъ полкамъ остзейской экспедиціи не дослано болѣе 200.000. Сенатъ опредѣлилъ за такую нескорую высылку положить штрафъ на губернаторовъ и вице-губернаторовъ по 100 рублей, на провинціальныхъ воеводъ по 50, на городовыхъ по 25 рублей, на губернскихъ и провинціальныхъ секретарей по 25 рублей, на городовыхъ и съ приписью подъячихъ по 12 [159]. Оказалось, что виновата не одна администрація, но «вначалѣ сами помѣщики, а на нихъ смотря или и норовя имъ, губернаторы и воеводы и опредѣленные къ такимъ сборамъ управители, которые послабленіемъ своимъ къ тому неплатежу поводъ подали.» Вслѣдствіе этого повелѣно: заплатить въ четыре мѣсяца безъ всякаго отрицанія, а кто не заплатитъ, у того вычитать изъ жалованья или править съ штрафомъ по 10 копѣекъ съ рубля, деревни отписывать безповоротно; кто при сборѣ въ маломъ чемъ уличенъ будетъ, тотъ бы не

надѣялся ни на какія свои заслуги, «ибо яко вредитель государственныхъ правъ и народный разоритель по суду караемъ будетъ смертію [160].» Но къ концу года увидали, что денегъ недостанетъ на войну, и потому прибѣгли къ средству Петра Великаго, которое онъ употреблялъ въ крайнихъ случаяхъ: 11 декабря, присутствуя въ сенатѣ, императрица подписала указъ о вычетѣ на одинъ годъ изъ жалованья духовныхъ, военныхъ, статскихъ и придворныхъ чиновъ: у архіереевъ и генераловъ по 20 копѣекъ съ рубля, у штабъ-офицеровъ и архимандритовъ по 15, у оберъ-офицеровъ и игумновъ по 10, у оберъ-офицеровъ гарнизонныхъ, статскихъ, придворныхъ и мастеровыхъ, не имѣющихъ ранговъ и духовныхъ нижнихъ чиновъ по 5 [161]. Въ томъ же засѣданіи Елисавета подписала указъ, чтобъ никто не носилъ золота и серебра, шелковое платье носили по классамъ, а кружева не свыше трехъ пальцевъ [162]. Еще въ началѣ года Елисавета, находясь въ сенатѣ, устно приказала: фейерверку быть только въ день коронаціи, а въ новый годъ, въ день рожденія, тезоименитства и восшествія на престолъ императрицы, также въ день рожденія и тезоименитства герцога голштинскаго быть одной иллюминаціи [163].

Сенатъ призналъ, что для прекращенія финансовыхъ безпорядковъ и отягощеній необходимо произвести новую ревизію, и представилъ императрицѣ, не соизволитъ ли она, «для удовольствія всѣхъ помѣщиковъ и пресѣченія донынѣ происходимыхъ непорядковъ и въ платежѣ отбывательства и запущенія впредь доимокъ, учинить вновь ревизію, и на будущее время производить ее черезъ 15 лѣтъ, чѣмъ всѣ непорядки, а особливо держаніе бѣглыхъ и своевольные переводы пресѣкутся, а бѣдные и неимущіе помѣщики, кои сами и жены и дѣти въ доимкахъ подъ карауломъ содержатся и помираютъ, отъ такого бѣдствія свободятся.» Императрица согласилась. Сенатъ представлялъ извѣстіе о большой убыли народонаселенія: такъ по вѣдомостямъ изъ губерній съ 1719 по 1727 годъ было показано выбылыхъ 988.456 душъ, въ томъ числѣ умершихъ: 733.158, бѣглыхъ 198.876, взятыхъ въ рекруты 53.928, да съ 1727 по 1736 годъ взято было въ рекруты 147.418 человѣкъ [164].

Въ указѣ 12 декабря 1741 года было повелѣно: правленіе внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ имѣть на ос-

нованіи, учиненномъ указами Петра Великаго, кромѣ тѣхъ, которые съ состояніемъ настоящаго времени не сходны и пользѣ государственной противны. При Петрѣ для надзора и направленія горной и фабричной промышленности были учреждены бергъ-и мануфактуръ-коллегіи; при Аннѣ, какъ мы видѣли, эти коллегіи были упразднены и соединены съ коммерцъ-коллегіею, хотя для управленія горными заводами учрежденъ былъ генералъ-бергъ-директоріумъ въ пользу барона фонъ Шомберга, и для надзора надъ частными фабриками учреждены были особые директоры, получавшіе жалованье и ѣздившіе ихъ осматривать. Теперь сенатъ нашелъ, что эти перемѣны не были къ лучшему: Шомбергъ задолжалъ казнѣ и объявляетъ, что заплатить не въ состояніи. Относительно фабрикъ нельзя надѣяться, чтобъ коммерцъ-коллегія, имѣя много своихъ дѣлъ, могла смотрѣть за ними также прилежно, какъ особое учрежденіе, и потому сенатъ представлялъ, не соизволитъ ли императрита возстановитъ бергъ-и мануфактуръ-коллегію. Совзволеніе послѣдовало 7 апрѣля 1742 года [165], а 25 іюня Елисавета, находясь въ сенатѣ, одобрила его рѣшеніе: генералъ-бергъ-директора фонъ Шомберга, призвавъ въ сенатъ, объявить, чтобъ онъ имѣющіяся на немъ казенныя деньги 134.944 рубля 13 копѣекъ заплатилъ немедленно, а въ платежѣ 99.635 рублей 73 копѣекъ на срокъ далъ надежныхъ порукъ; если же объявится, что платить не чѣмъ и порукъ нѣтъ, то описать имѣніе, а самого взять подъ караулъ. По выходѣ императрицы, Шомбергъ былъ призванъ въ сенатъ и объявилъ, что денегъ заплатить и порукъ поставить не можетъ, вслѣдствіе чего арестованъ и приказано содержать его въ квартирѣ его подъ карауломъ, пожитки запечатать, постороннихъ людей къ нему не пускать, бумаги и чернилъ не давать. Означенный начетъ на Шомберга составился изъ суммъ, которыя онъ долженъ былъ заплатить за отданные ему Лапландскіе и Гороблагодатскіе заводы [166].

Относительно фабрикъ правительство занимали два вопроса: вопервыхъ, чтобъ фабричныя произведенія поставлялись въ казну желаемаго качества, напримѣръ сукна на войско [167], писчая бумага въ правительственныя учрежденія; вовторыхъ, заботились объ опредѣленіи отношеній содержателей фабрикъ къ рабочимъ, потому что со стороны первыхъ обнаруживалось

стремленіе притѣснять послѣднихъ. Такъ сенатъ распорядился, чтобъ мастеровымъ людямъ казанской суконной фабрики заработныя деньги давались такъ же, какъ платили когда она была въ казенномъ содержаніи и потомъ при содержателѣ Микляевѣ, а именно ткачамъ по 6 копѣекъ съ аршина; прядильщикамъ по три копѣйки за фунтъ, тогда какъ настоящій содержатель Древловъ началъ платить ткачамъ по 5 копѣекъ, а прядильщикамъ по 2 копѣйки; потомъ было постановлено платить на суконныхъ фабрикахъ работнику по шести рублей за половинку сукна [168]. Шерсть покупали тогда по рублю двадцати копѣекъ. Относительно писчей бумаги возобновили указъ Петра Великаго, чтобъ въ присутственныхъ мѣстахъ собирали въ передѣлъ драную негодную бумагу и отдавали въ коммерцъ-коллегію вѣсомъ, а вмѣсто нея брали изъ этой коллегіи годную бумагу по указной пропорціи [169]. Въ царствованіе Анны велѣно было брать въ синодальную типографію бумагу съ фабрики Затрапезнаго; но теперь синодъ представилъ, что для печатанія книгъ бумага Затрапезнаго очень толста, надобно бумагу тоньше, чтобъ книги могли выходить «субтильнѣе» и не вредили своею толщиною переплетамъ; притомъ бумага Затрапезнаго дороже, чѣмъ на другихъ фабрикахъ. Императрица указала: брать бумагу во всѣ мѣста у русскихъ фабрикантовъ добротою противъ бумаги Затрапезнаго или лучше и дешевле [170]. Армянинъ Нырвановъ представилъ образцы разныхъ сортовъ шелка наилучшей доброты, добываемаго на его заведеніяхъ въ Кизлярѣ и Астрахани, и получилъ привилегію на заведеніе въ Астрахани фабрики шелковыхъ, полушелковыхъ и бумажныхъ матерій [171].

Попрежнему считали нужнымъ поднимать промышленность, поощрять заводчиковъ и фабрикантовъ, давая имъ чины, что было тогда нужно и для обезпеченія личности и труда отъ насилія людей чиновныхъ, хотя, съ другой стороны, новый богатый чиновникъ могъ увеличивать собою число насильниковъ. По смерти извѣстнаго фабриканта Затрапезнаго фабрика его перешла къ зятю его, капитану Лакостову; этому Лакостову позволено было выйти въ отставку, «дабы та яко знатная въ россійскомъ государствѣ фабрика не пришла въ неисправленіе, но чрезъ его прилежное смотрѣніе могла быть приведена въ лучшее состояніе; а для большей въ смотрѣніи оной фабрики ревности

онъ пожалованъ рангомъ майорскимъ» [172]. —За тщательное произведеніе и размноженіе желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ статскій совѣтникъ Акинѳій Демидовъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а братъ его, дворянинъ Никита, въ статскіе совѣтники. Шелковой фабрики содержатель Яковъ Евреиновъ въ совѣтники мануфактуръ-коллегіи за его службу, что онъ былъ консуломъ въ Испаніи и что прежде того былъ посланъ Петромъ Великимъ въ чужіе краи для обученія купечеству и мануфактурамъ. Парусной и бумажной фабрики содержатель Аѳанасій Гончаровъ пожалованъ въ коллежскіе ассессоры, за распространеніе этихъ фабрикъ, особенно бумажной, въ пользу государства. Шелковый фабрикантъ Семенъ Мыльниковъ и бумажный фабрикантъ Василій Короткій директорами своихъ фабрикъ съ рангомъ коллежскаго секретаря [173]. Подали просьбу мастеровые люди, посыланные учиться за море, шестеро, всѣ изъ дворянъ, и одинъ изъ нихъ даже князь (Нарыцкій): обучались они кто замочному, кто столярному палатныхъ уборовъ, кто столярному кабинетному дѣлу, были они при дворѣ и въ разныхъ годахъ уволены въ домы до указа; теперь нѣкоторые изъ нихъ просили, что желаютъ быть попрежнему у работъ при дворѣ, а другіе просили дать имъ на пропитаніе. Сенатъ рѣшилъ отослать ихъ въ канцелярію отъ строеній, которая должна опредѣлить ихъ къ казеннымъ работамъ, каждаго по его искусству, и дать имъ потребное число учениковъ [174].

Относительно распоряженій по торговлѣ въ 1742 году мы должны замѣтить только именной указъ 2 декабря о Жидахъ: «Во всей нашей имперіи Жидамъ жить запрещено; но нынѣ намъ извѣстно учинилось, что оные Жиды еще въ нашей имперіи, а наипаче въ Малороссіи подъ разными видами жительство свое продолжаютъ, отъ чего не иного какого плода, но токмо, яко отъ таковыхъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно; того для повелѣваемъ: изъ всей нашей имперіи всѣхъ мужеска и женска пола Жидовъ, со всѣмъ ихъ имѣніемъ, немедленно выслать за границу и впредь ни для чего не впускать, развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ греческаго исповѣданія» [175].

Что касается сельской промышленности, то люди, ею занимавшіеся, попрежнему указывали на невыгоду своего положе-

нія — побѣгами. Сенатъ былъ извѣщенъ, что многіе дворовые люди и крестьяне, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ и разглашая, будто по указу ея величества велѣно всякаго чина людей принимать на Донъ, записывать въ козаки и селить въ донскихъ козачьихъ городкахъ, бѣгутъ не только дворами, но цѣлыми деревнями; въ донскихъ казачьихъ городкахъ ихъ принимаютъ и селятъ на козацкихъ земляхъ. Сенатъ приказалъ [176] послать на Донъ грамоту — смотрѣть донскому войску накрѣпко и ни подъ какимъ видомъ бѣглыхъ крестьянъ и служилыхъ людей не принимать, а которые до сихъ поръ есть бѣглые, всѣхъ выслать на прежнія жилища. Вслѣдъ затѣмъ муромскаго уѣзда помѣщики, прикащики и старосты объявили о побѣгѣ множества крестьянъ съ женами и дѣтьми; съ января по іюль 1742 года убѣжало болѣе 1000 душъ, изъ нѣкоторыхъ дачъ всѣ безъ остатку побѣжали. Въ монастырскомъ троицкомъ селѣ Горкахъ соцкій поймалъ 53 человѣка бѣглыхъ, которые показали, что шли въ козачьи городки, на Медвѣдицу и Донъ, по слухамъ, что принимаетъ тамъ бѣглыхъ козакъ прозваніемъ Краснощекій, всякому даетъ награжденіе по 5 рублей да льготы на 5 лѣтъ. Крестьянъ били кнутомъ и батожьемъ, для сыску бѣглыхъ отправили на Донъ маиора съ 300 драгунъ [177]. Крестьяне подмосковной деревни Мамотовой подали императрицѣ челобитную на помѣщика своего Іевлева, что живетъ онъ недобропорядочно, держитъ наложницу, одного купца жену, и ихъ по наукѣ ея разоряетъ, бьетъ и мучитъ напрасно; отъ такого разоренія многіе люди разбѣжались и подушныхъ денегъ платить не кому. Крестьяне сельца Бачурина московскаго уѣзда просили на помѣщика своего Ладыженскаго въ разореніи и смертныхъ убійствахъ. Сенатъ приказалъ разсмотрѣть и рѣшеніе учинить по указамъ, а по указамъ такихъ помѣщиковъ удаляли отъ управленія крестьянами [178]. По поводу ревизіи императрица утвердила сенатскій докладъ: которые дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне, сбѣжавъ, поселились въ низовыхъ городахъ на государевыхъ, монастырскихъ и купленныхъ ими земляхъ цѣлыми слободами, тѣхъ на прежнія жилища не ссылать, а писать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселились; если помѣщичьи крестьяне, бѣжавъ отъ одного помѣщика, поселились цѣлыми слободами, тѣхъ также не высылать, а которые хотя поселились и цѣлыми слободами, да разныхъ помѣщиковъ, тѣхъ

высылать на прежнія жилища [179]. Мы видѣли, что при Петрѣ Великомъ для скорѣйшаго пополненія новообразованнаго постояннаго войска позволено было крѣпостнымъ людямъ вступать въ солдаты; но послѣ Петра это было строго запрещено; теперь, по вступленіи на престолъ дочери Петра, между крѣпостными распространился слухъ, что опять позволено имъ записываться въ вольницу, и они, порознь и цѣлою толпою, стали подавать императрицѣ просьбы о принятіи въ военную службу; другіе прямо бѣжали отъ помѣщиковъ для поступленія въ солдаты; но они жестоко ошиблись въ своей надеждѣ: за таковое ихъ вымышленное и противное указамъ дерзновѣніе учинено имъ на площади съ публикою жестокое наказаніе: которые подавали челобитныя немалымъ собраніемъ, тѣхъ били кнутомъ и пущіе изъ нихъ заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно, а которые подавали челобитныя порознь, тѣхъ били плетьми, другихъ батогами и по наказаніи отданы помѣщикамъ [180].

Засѣданія правительствующихъ мѣстъ, сената и синода, въ 1741 году происходили частію въ Петербургѣ, частію въ Москвѣ, куда спѣшила отправиться Елисавета для коронаціи, которая должна была скрѣпить дѣло 25-го ноября. 7 января 1742 года въ сенатѣ уже было положено, чтобъ приготовленіями къ коронаціи занялись графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ и новгородскій архіепископъ Амвросій, по образцу какъ дѣлались подобныя приготовленія въ 1724, 1728 и 1730 годахъ; а къ нимъ на помощь послать изъ иностранной коллегіи статскаго совѣтника Петра Курбатова, который въ означенные года былъ употребленъ къ такимъ приготовленіямъ. Парчи, бархаты, позументы, бахрамы и все прочее покупать съ русскихъ фабрикъ въ Москвѣ и изъ рядовъ; если же чего готоваго не сыщется, велѣть на фабрикахъ сдѣлать вновь, а чего сдѣлать не могутъ, о томъ писать въ сенатъ. На издержки по приготовленіямъ отпустить на первый случай 30.000 рублей. Для дѣланія балдахиновъ отправить въ Москву мастера Француза Рошабота, также придворныхъ мастерицъ. Тріумфальные ворота строить первые въ Земляномъ городѣ на Тверской, подъ смотрѣніемъ московской губернской канцеляріи, изъ доходовъ губерніи; вторые въ Китай-городѣ у церкви Казанской Богородицы, подъ смотрѣніемъ

св. синода, изъ доходовъ коллегіи экономіи; третьи на Мясницкой строить московскому купечеству на свое иждивеніе, подъ смотрѣніемъ губернской канцеляріи [181].

23 февраля Елисавета выѣхала изъ Петербурга, и 26 числа въ пятомъ часу пополудни пріѣхала въ село Всесвятское, въ семи верстахъ отъ Москвы. Здѣсь императрица отдыхала 27 число, а между тѣмъ къ слѣдующему дню учреждали церемонію торжественнаго въѣзда. 28 числа, въ пять часовъ пополуночи, на Красной площади раздались девять пушечныхъ выстрѣловъ и начался благовѣстъ въ большой Ивановскій колоколъ. Въ десятомъ часу императрица пріѣхала изъ Всесвятскаго въ Тверскую ямскую слободу, гдѣ пересѣла въ парадную карету, и начался въѣздъ въ порядкѣ мало измѣнившемся до нашихъ временъ. Когда въ Успенскомъ соборѣ Елисавета стала на императорскомъ мѣстѣ, и племянникъ ея герцогъ голштинскій на царицыномъ мѣстѣ, новгородскій архіепископъ Амвросій произнесъ рѣчь... «Пріиде, о Россія, твоего благополучія твердое и непоколебимое основаніе; пріиде крайнее частыхъ и весьма вредительныхъ перемѣнъ твоихъ окончаніе и разореніе; пріиде тишина твоя, благосостоянія и прочихъ желаній твоихъ несомнѣнная надежда.... Церковь православная радуется, яко своего благополучія крѣпкую получила защитницу, радуется и весь правительствующій сигклитъ, что какъ чести и достоинства своего утвержденіе, такъ и живой образъ милости и правосудія отъ нея воспріемлетъ. Горитъ пламенемъ любви и несказанныя ревности къ своей природной государынѣ и все воинство, яко праведную обидъ своихъ въ произведеніи ранговъ отмстительницу и мужественную въ свобожденіи Россіи отъ внутреннихъ разореній героину пріобрѣсти сподобилось. Радуются и гражданскіе статы, что уже отнынѣ не по страстямъ и посуламъ, но по достоинству и заслугамъ въ чины свои чаютъ произведенія...... Хотя нынѣ и вся Россія отъ радости торжествуетъ, однако градъ сей, который есть якобы прямымъ всѣхъ градовъ россійскихъ сердцемъ, наибольшую въ себѣ радость ощущаетъ, для того что онъ всѣ радости причины и прерогативы въ себѣ содержитъ.... Но, о Россія, посмотри притомъ и на себя недремлющимъ окомъ, и разсуди совѣстно, какъ то Богъ милосердый не до конца гнѣвается, ниже въ вѣкъ враждуетъ. Нака-

залъ было тебя праведный Господь за грѣхи и беззаконія твои самымъ большимъ наказаніемъ, т.-е. отъятіемъ Петра втораго, перваго же внука императора Петра Великаго, и коль много по кончинѣ его бѣдъ, перемѣнъ, страховъ, пожаровъ, ужасныхъ войнъ, тяжкихъ и многотрудныхъ гладовъ, напрасныхъ смертей и прочихъ безчисленныхъ бѣдствій претерпѣла еси: буди убо впредь осторожна, храни аки зѣницу ока твоего вседражайшее здравіе ея императорскаго величества, такожь и его королевскаго высочества; а притомъ бойся всегда Бога и страшнаго суда Его; трепещи крѣпкихъ и неизбѣжныхъ рукъ Божіихъ, бѣжи отъ грѣха, яко отъ лица зміина, перестань беззаконствовать, обманывать, насильствовать, пьянствовать, блудствовать, похищать, обидѣть, прелюбодѣйствовать и прочихъ творить грѣховъ и беззаконій, да не паки понудиши Бога къ наказанію. Къ тому же еще буди благодарна дивному промыслу Божію, который на тебѣ Богъ милосердый явственно и чувственно показуетъ, когда на мѣсто Петра втораго, перваго же внука императора Петра Великаго, послалъ тебѣ втораго внука тѣмъ же именемъ и такими же добродѣтелями сіяющаго. Пріими сего всерадостнымъ сердцемъ и благопріятною душею, да по имени его и сама каменна будеши, и во всякихъ случаяхъ вредительныхъ перемѣнъ не убоишися, и паки на Петровомъ имени, аки твердомъ и нерушимомъ камени утвердившися безопасна во вѣки пребудеши...... Сокровища дражайшаго въ свѣтѣ сыскать невозможно, какъ то, отъ чего все наше благополучіе и вѣчное зависитъ спасеніе; а такое сокровище есть не иное, токмо вѣра истинная, православная, каѳолическая. Тую убо вѣру самыхъ небесъ дражайшую, тое сокровище, неоцѣненное благочестіе наше привезе намъ въ даръ наша всемилостивѣйшая матерь отечества: ибо какъ скоро на престолъ вступила, такъ натого жъ времени синоду доброе свое и суще императорское намѣреніе объявить изволила: надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ Бога, и какъ мы утаеніемъ сего отъ премудрыхъ и разумныхъ и откровеніемъ младенцемъ честь и власть императорскую отъ Него получили, такъ вопервыхъ Его жъ божественную честь и славу хранить, защищать и распространять одолжаемся. О слова преполезнаго! слова императорскихъ устъ достойнаго! и что словомъ сказать изволила, тоежъ самымъ дѣломъ исполнила,

ибо книгу Камень Вѣры, во тмѣ невѣдѣнія заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла, которая книга какъ напримѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружіе, плавающему корабленику на морѣ кормило, такъ оная намъ нужная, полезная и весьма потребная, и смотри, какую на насъ врази наши домашніе стратагемму или просто сказать хитрость безбожныя своея войны выдумали. Читали они въ книгахъ царскихъ первыхъ подобный сему Филистиновъ умыслъ: тыи понеже непрестанную съ Израилемъ войну имѣли и многократно отъ него побѣждены бывали, инаго способу къ побѣжденію и крайнему завоеванію Израиля не сыскали, какъ только сей: оружія имъ дѣлать запретили и готовое у нихъ отобрали. Такъ подобнымъ образомъ и наши внутренніе непріятели съ нами поступали. Вѣдали они совершенно, что наша вѣра есть крѣпкая и непобѣдимая, понеже стоитъ не на простомъ человѣкѣ, но на твердомъ краеугольномъ камени, т.-е. на Христѣ, сынѣ Бога живаго. И како ея побѣдить невозможно, какъ только отнять у насъ оборону, оружіе и мечъ духовный, т.-е. слово Божіе, вѣру хранящее и защищающее, какъ задумали, такъ и сдѣлали. Готовыя книги во тмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили. Не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали, и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было: въ тотъ часъ бѣды и гоненія надѣйся... О коль много должны мы благодарить вашему императорскому величеству за толикіе труды и подвиги, которые какъ въ очищеніи вѣры и святыхъ почитаніи, такъ и въ свобожденіи своего вселюбезнѣйшаго отечества подъять соизволила!»

Послѣ посѣщенія соборовъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго, императрица опять сѣла въ парадную карету и тѣмъ же порядкомъ отправилась къ зимнему своему дому, что на Яузѣ; когда подъѣхала къ тріумфальнымъ синодальымъ воротамъ, то встрѣтили ее сорокъ воспитанниковъ славяно-греко-латинской академіи въ бѣломъ платьѣ съ вѣнцами на головахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, и пропѣли кантату, изъ которой мы выпишемъ нѣсколько стиховъ, вторившихъ словамъ церковныхъ проповѣдниковъ:

Приспѣ день красный
Возсіяло ведро,
Милость Россіи
Небеса прещедро
Давно желанну
Зрѣти показали;
Прочь всѣ печали!
Не одно, ни два,
Но многая лѣта
Все дождь проливалъ
И не было свѣта.
Когда Богъ велѣлъ
Вѣтромъ умолчати,
Тишина стала,
Кто могъ противъ стати? и проч. [182].

Днемъ коронаціи было назначено 25 апрѣля. Въ коммиссію о коронаціи отпущено сверхъ прежнихъ 30.000 рублей еще 20.000, да на фейерверкъ 19.000; иллюминаціи велѣно быть, по прежнимъ примѣрамъ, 8 дней, на Ивановской и прочихъ колокольняхъ отъ коллегіи экономіи, а во дворцѣ, на Красномъ крыльцѣ и около, изъ дворцовой канцеляріи. Архитекторъ Иванъ Бланкъ, строившій тріумфальные ворота, устраивалъ троны въ Успенскомъ соборѣ и Грановитой палатѣ, также иллюминацію и фонтаны; медали вырѣзывалъ мастеръ Рейбишъ [183].

Въ день коронаціи тотъ же новгородскій архіепископъ Амвросій говорилъ императрицѣ поздравленіе, въ которомъ, между прочимъ, прославлялъ подвигъ 25 ноября: «И коежъ большее можетъ быть великодушіе какъ сіе: забыть деликатнаго своего полу, пойти въ малой компаніи на очевидное здравіе своего опасеніе, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ и кавалеромъ воинства, собирать вѣрное солдатство, заводить шеренги, идти грудью противъ непріятеля и сидящихъ въ гнѣздѣ орла россійскаго нощныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь вынужать, коварныхъ разорителей отечества связать, побороть и наслѣдіе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ вырвать и сыновъ россійскихъ изъ неволи высвободить и до перваго привесть благополучія — нѣсть ли убо сіе всему свѣту удивительно?»

По поводу коронаціи объявленъ былъ длинный листъ пожалованій, изъ которыхъ укажемъ слѣдующія: принцъ гессенъ-гом-

бургскій произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы; Андреевскій орденъ получили: генералъ-фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, генералъ Василій Салтыковъ, оберъ-гофмаршалъ Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой, сенаторъ Александръ Нарышкинъ, оберъ-гофмаршалъ при герцогѣ голштинскомъ Брюммеръ. Фаворитъ Разумовскій, бывшій уже дѣйствительнымъ камергеромъ и лейтенантомъ лейбъ-компаніи, сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ и получилъ Андреевскій орденъ; дѣйствительные камергеры и лейбъ-компаніи лейтенанты Воронцовъ, Александръ и Петръ Шуваловы получили орденъ Александра Невскаго. Кромѣ того возведены въ графское достоинство родственники императрицы по матери—Гендриковы и Ефимовскіе, генералъ Григорій Чернышевъ и — забытый отецъ двоихъ сыновей, которыхъ никогда не могли забыть, Петръ Бестужевъ-Рюминъ, вслѣдствіе чего оберъ-гофмаршалъ и вице-канцлеръ становились также графами. Старый другъ и сострадальникъ этой фамиліи — Черкасовъ былъ возведенъ въ бароны [184]. Вице-канцлеръ Алексѣй Петр. Бестужевъ еще 22 марта получилъ въ свое завѣдываніе почту — по наслѣдству отъ Остермана [185].

Знатнѣйшіе опальные прошлыхъ царствованій были возвращены; но помнили, что были менѣе значительные, и 27 сентября былъ данъ указъ [186]: «Ея и. в.-ству извѣстно учинилось, что въ бывшія правленія нѣкоторые люди посланы въ ссылки въ разныя отдаленныя мѣста государства, и объ нихъ, когда, откуда и съ какимъ опредѣленіемъ посланы, ни въ сенатѣ, ни въ тайной канцеляріи извѣстія нѣтъ, и именъ ихъ тамъ, гдѣ обрѣтаются, невѣдомо: потому ея и. в-ство изволила послать указы во все государство, дабы гдѣ есть такіе невѣдомо-содержащіеся люди, оныхъ изъ всѣхъ мѣстъ велѣть прислать туда, гдѣ ея и. в-ство обрѣтаться будетъ, и съ вѣдомостями — когда, откуда и съ какимъ указомъ присланы.» Въ декабрѣ бывшій тайный кабинетъ-секретарь Эйхлеръ пожалованъ въ статскіе совѣтники и уволенъ отъ службы [187]. Тогда же князю Юрію Долгорукову отданы всѣ его деревни другимъ не въ образецъ, «понеже онъ за ея и. в—ство страдалъ» [188].

Послѣ коронаціи дворъ оставался въ Москвѣ до конца года. Въ древней же столицѣ, 7 ноября вышелъ манифестъ о назначе-

нiи наслѣдникомъ престола племянника императрицы, герцога голштинскаго Петра, «яко по крови намъ ближайшаго, котораго отнынѣ великимъ княземъ съ титуломъ его императорское высочество именовать повелѣваемъ.» При этомъ объявлено, что наслѣдникъ принялъ благочестивую вѣру греческаго исповѣданiя. Въ церквахъ поминали послѣ императрицы «наслѣдника ея, *внука Петра Перваго*, благовѣрнаго государя великаго князя Петра Θеодоровича» [189].

Долгое пребыванiе двора въ Москвѣ должно было заставить обратить вниманiе правительства на не очень удовлетворительное состоянiе древней столицы. Сенатъ разсуждалъ, что полицiя имѣетъ весьма слабое и нерадѣтельное смотрѣнiе, и что ей по должности ея поручено, все то отъ нерадѣтельнаго ея смотрѣнiя опущено: караулы содержатся весьма слабые и во многихъ мѣстахъ происходитъ воровство, драка, въ жильѣ стрѣляютъ изъ ружья и чистоты въ городѣ почти никакой нѣтъ, мосты починиваются очень слабо [190]. Полицмейстерская канцелярiя отвѣчала, что полицiя исполняетъ свои обязанности съ крайнимъ попеченiемъ, сколько человѣческая возможность допускаетъ, но встрѣчаетъ слѣдующiя препятствiя: 1) въ полицейской командѣ офицеры многiе стары и неспособны, отъ чего проистекаетъ нѣкоторое упущенiе и медленность. 2) Для искорененiя непорядковъ велѣно полицiи имѣть двѣ роты драгунъ, да роту солдатъ, а теперь драгунъ и солдатъ только по 50 человѣкъ, и такимъ малымъ числомъ по обширности здѣшняго мѣста усмотрѣть всѣхъ безпорядковъ скоро нельзя. 3) При отправленiи полицейскихъ обязанностей немалыя конфузiи происходятъ отъ гвардейскихъ полковъ и прочихъ командъ, которые у полицейскихъ отбиваютъ людей, взятыхъ подъ караулъ и самихъ ихъ бьютъ, даже отбиваютъ арестантовъ съ съѣзжихъ дворовъ; въ квартирахъ своихъ, несмотря на запретъ, печи топятъ, срывая съ нихъ печати и запрещая печатать, съ квартиры на квартиру переходятъ сами собою, вслѣдствiе чего отъ обывателей происходятъ жалобы. Сенатъ сдѣлалъ распоряженiе, чтобъ полицiя была удовлетворена [191].

Но въ то время, когда заботились о безопасности жителей Москвы, вдругъ разнесся слухъ, что императрица не безопасна во дворцѣ своемъ. Слухъ подтвердился, когда 15 iюля, въ день

освященія церкви въ московской академіи, ректоръ Кириллъ Флоринскій въ проповѣди своей сдѣлалъ выходку противъ внутреннихъ враговъ Елисаветы [192]. Проповѣдь была на текстъ: «Не творите дому Отца Моего дому купленнаго;» ораторъ представилъ Россію въ видѣ храма, созданнаго Петромъ Великимъ, по смерти котораго въ этомъ храмѣ нѣкоторые завели торговлю. Торговля не прекратилась и по восшествіи на престолъ дочери Петра: «Какъ же ужасно и подумать, говоритъ ораторъ, яко осмимѣсячію не претекшу, егда провозсія на престолѣ отчи вѣнценосица Елисаветъ, и уже на ино торжники прелагаются. Странная вѣсть: давно ли вожделѣнная, и уже ненавидима Елисаветъ; давно ли въ сердцахъ и въ устнѣхъ сладка, и уже горька Елисаветъ; давно ли оживотворившая насъ, уже опасна жизнь ей посреди дому; давно ли обрадовавшая насъ, и уже въ слезахъ опечаляема посредѣ дому; давно ли матерь (и еще всемилостивѣшая, яко и истинно есть) и уже тяжка и немилосердна. О непостоянство злокварныхъ торжниковъ!... Но аще тии, злобою воспящаеми, о благостынѣ ея величества нѣмотствуютъ, то поне вы, прежде расточеніи и заточенніи, нынѣ же всегда бѣдствующимъ сострадущіе, матере Елисаветы милостію возвращенніи и уже мнози собранніи отъ Сибири, Иркута, Камчадала, отъ многихъ трудно и именуемыхъ странъ, и отъ подземленныхъ нѣдръ мертвецы прежде живые: поне вы со мною признайте, что не иной ради причины лукавымъ торжникомъ государства Елисаветъ ненавидима, горька, тяжестна кажется и не матерь, яко и благая отеческая расточенная собирая, узаконенное отцомъ возобновляя и васъ бѣдствовавшихъ возвращая, словомъ, вся отеческая въ первобытное состояніе приводя, не попущаетъ долѣе злодѣямъ, да домъ отеческъ и ея величества наслѣдный содѣлываютъ домомъ купли и вертепомъ разбойническимъ.... Что же, ваше императорское величество, долго терпите, и на торжницѣхъ государства, сіе есть чудное премудрыя экономіи вашего величества дѣло, по разуму притчи Христомъ реченныя: оставите купно обоя расти до жатвы, да не како восторгая плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу.»

Дѣло состояло въ слѣдующемъ: камеръ-лакей Александръ Турчаниновъ, Преображенскаго полка прапорщикъ Петръ Ивашкинъ, Измайловскаго полка сержантъ Иванъ Сновидовъ составляли за-

говоръ съ цѣлію захватить и умертвить Елисавету и племянника ея герцога голштинскаго и возвести на престолъ свергнутаго Іоанна Антоновича; они говорили, что Елисавета и сестра ея Анна прижиты внѣ брака и потому незаконныя дочери Петра Великаго. Дѣло тянулось до декабря, когда виновныхъ высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь, у Турчанинова вырѣзавши языкъ и ноздри, а у двоихъ товарищей его только ноздри [193].

Въ декабрѣ дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, чего съ нетерпѣніемъ ждали послы европейскихъ державъ, требовавшихъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Запада.

Ко времени вступленія на престолъ Елисаветы ходъ европейскихъ дѣлъ уяснился вполнѣ. До сихъ поръ, по убѣжденію образованныхъ людей въ Европѣ, политическое равновѣсіе въ ней поддерживалось уравновѣшиваніемъ силъ между австрійскимъ и бурбонскимъ домами, какъ самыми могущественными на континентѣ: какъ только одна сильнѣйшая держава брала явный верхъ надъ другою и такимъ образомъ нарушала равновѣсіе, остальныя державы должны были соединяться для вспомоществованія слабѣйшей и для возстановленія равновѣсія. Теперь это нарушеніе равновѣсія было очевидно: пользуясь прекращеніемъ мужеской линіи габсбургскаго дома, Франція хочетъ низложить окончательно свою постоянную соперницу Австрію раздѣленіемъ ея владѣній, съ тѣмъ чтобы въ Германіи не было болѣе обширной, сильной и потому опасной для Франціи державы; Баварія, Саксонія уже вошли въ виды Франціи; чтобъ подѣлить австрійскія земли, прусскій король, не имѣя родственныхъ правъ, пользуется правомъ сильнаго и спѣшитъ добыть себѣ богатый кусокъ изъ добычи, и такимъ образомъ пока дѣйствуетъ въ видахъ Франціи. Успѣхи Фридриха II показывали ясно, что наслѣдницѣ Габсбурговъ не управиться безъ посторонней помощи съ врагами, грозившими ей со всѣхъ сторонъ. Кто же долженъ помочь ей? Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, когда Франція также нарушила политическое равновѣсіе, противъ нея составили союзъ, возстановившій равновѣсіе. Починъ дѣла тогда принадлежалъ морскимъ державамъ, Голландіи и Англіи, благодаря особенно дѣятельности Вильгельма Оранскаго. И теперь Англія и Голландія хлопочутъ о возстановленіи политическаго равновѣсія; но вмѣсто Вильгельма III въ Англіи бездарный Ге-

оргъ II, который только заботится о своемъ Ганноверѣ, и для его охраненія, для его нейтралитета готовъ на всякую сдѣлку. Морскія державы только толкуютъ, что политическое равновѣсіе нарушено, что необходимо помочь Маріи Терезіи, но сдѣлать ничего не могутъ, ибо имъ непремѣнно нужно прикрѣпиться къ какой-нибудь сильной континентальной державѣ. Такою была Россія, и понятно, что теперь Петербургъ или Москва, смотря по тому, гдѣ находится императорскій дворъ, становятся средоточіемъ европейской дипломатической дѣятельности, — ареною, гдѣ министры различныхъ европейскихъ дворовъ борятся другъ съ другомъ, кто осилитъ, кто склонитъ русское правительство помочь Маріи Терезіи и тѣмъ поддержать европейское равновѣсіе, или кто заставитъ ее содѣйствовать окончательному нарушенію равновѣсія прямо или косвенно, посредствомъ невмѣшательства.

Кто же осилилъ?

Разумѣется здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ: созрѣла ли Россія для своей великой роли, которую указалъ ей Петръ Великій, понимаютъ ли русскіе государственные люди ея интересы въ связи съ общими интересами Европы, руководятся ли этимъ яснымъ пониманіемъ или только своими мелкими личными интересами, и Россія будетъ вступать въ войну, заключать союзы и миры, смотря по тому, какая придворная партія одержитъ верхъ или сколько денегъ русское министерство получитъ отъ того или другого двора.

До сихъ поръ направителемъ русской политики былъ иностранецъ; слава ея успѣховъ принадлежала ему; но теперь его нѣтъ, и долженъ рѣшиться вопросъ, можетъ ли русскій человѣкъ замѣнить Остермана. Такъ какъ ходъ европейскихъ дѣлъ достаточно выяснился, то можно было уже опредѣлить, въ чемъ должна состоять политика Россіи, можетъ ли она продолжать свое невмѣшательство. Въ предшествовавшее царствованіе шведская война освобождала Россію отъ рѣшенія этого труднаго вопроса; но теперь все показывало, что война эта должна скоро кончиться и надобно было опредѣлить свои отношенія къ государствамъ, которыя были опаснѣе для Россіи, чѣмъ Швеція. Было ясно, что Россія, какъ членъ европейской семьи государствъ не должна была спокойно сносить нарушенія политическаго равновѣсія въ

пользу Франціи, которая была виновницею шведской войны, отъ интригъ которой Россія никогда не могла быть покойна ни въ Польшѣ, ни въ Турціи; согласно ли было съ русскими интересами допустить, чтобъ Австрія сошла на степень мелкихъ государствъ, и Франція распоряжалась бы какъ хотѣла въ Германіи и чрезъ Саксонію получила вліяніе въ Польшѣ? Слѣдовательно необходимо было поддержать Марію Терезію и не отдавать Саксонію, а вмѣстѣ съ нею и Польшу въ руки Французамъ. Но кромѣ Франціи, средства которой скоро оказались несоотвѣтствующими ея стремленіямъ, явилась опасность ближайшая: подъ бокомъ у Россіи прусскій король, который своими дарованіями и энергіею превосходилъ всѣ коронованныя лица Европы, обнаружилъ намѣреніе во что бы то ни стало усилить свое государство; неразборчивость средствъ дѣлали его еще болѣе опаснымъ. Со временъ Петра Великаго выгодное положеніе Россіи обезпечивалось слабостію сосѣдей—Швеціи, Польши, Турціи; слѣдовательно прямые интересы ея требовали остановить властолюбивые замыслы Фридриха II, а для этого необходимо были поддерживать противъ него Австрію и Саксонію.

Программа Россіи слѣдовательно была проста и ясна, большинство, почти всѣ главные дѣятели были согласны относительно ея; программа, какъ увидимъ, и была выполнена въ главномъ, т.-е. въ поддержкѣ Австріи и Саксоніи и въ остановкѣ завоевательныхъ стремленій Пруссіи. Но программа была выполняема медленно, съ колебаніемъ, особенно въ первые годы царствованія Елисаветы. Эта медленность и колебаніе зависѣли отъ разныхъ причинъ. Переворотъ 25 ноября произвелъ новизну въ отношеніяхъ между правительственными лицами. Того давленія, какое прежде оказывали на дѣла авторитеты Миниха и Остермана и значеніе Бирона, не было болѣе. Люди, которые прежде сдерживались этими авторитетами, теперь явились свободными, самостоятельными дѣятелями, и, спѣша пользоваться своею свободою и самостоятельностію, необходимо сталкивались другъ съ другомъ. Самыми даровитыми и дѣятельными людьми, стоявшими наверху въ описываемое время были братья Бестужевы и генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой. Назначеніе Алексѣя Петровича Бестужева вице-канцлеромъ показывало ясно, что въ немъ хотятъ видѣть преемника Остерману по дѣ-

ламъ внѣшнимъ; званіе генералъ-прокурора при возстановленіи сената въ прежнемъ его правительствующемъ значеніи давало Трубецкому самое широкое вліяніе по дѣламъ внутреннимъ. По-видимому можно было бы раздѣлиться; но люди не любятъ дѣлежа. Мы видимъ, что при Аннѣ Леопольдовнѣ Трубецкой былъ за Бестужева; но тогда онъ хотѣлъ имѣть въ немъ орудіе противъ Остермана и могъ разчитывать, что Бестужевъ, обязанный ему и не имѣя другой подпоры, будетъ только его орудіемъ. Но со вступленіемъ на престолъ Елисаветы отношенія перемѣнилась: Бестужевъ сейчасъ же началъ искать себѣ подпоры и возобновлять старыя связи съ людьми приближенными къ новой императрицѣ, людьми принадлежавшими къ цесаревнину двору, съ Разумовскимъ, Лестокомъ и Воронцовымъ. Это должно было оттолкнуть отъ Бестужева Трубецкого, который соединился теперь съ великимъ канцлеромъ княземъ Черкаскимъ, чтобъ не давать воли Бестужеву, который въ ихъ глазахъ былъ выскочка, интриганъ, если хотѣлъ дѣйствовать самостоятельно, а не быть покорнымъ слугою ихъ сіятельствъ. Князь Черкаскій, освободившись отъ Остермана, вдругъ захотѣлъ быть настоящимъ канцлеромъ, заправлять внѣшними дѣлами, вмѣсто того чтобъ положиться во всемъ на способнаго, опытнаго и дѣятельнаго вице-канцлера. Эти претензіи неспособнаго и лѣниваго старика, раздражая Бестужева, могли только вредно дѣйствовать на дѣла. Князь Трубецкой считалъ себя въ правѣ смотрѣть вначалѣ на Бестужевыхъ какъ на перебѣжчиковъ во враждебный лагерь, измѣнниковъ русскому дѣлу, за то, что позволили себѣ соединиться съ Лестокомъ. Генералъ-прокуроръ считалъ переворотъ 25 ноября неполнымъ, пока иностранцы еще занимали важныя мѣста въ войскѣ и были въ приближеніи у государыни. Онъ вооружался противъ фельдмаршала Леси, который, по его словамъ, отъ старости не знаетъ что дѣлаетъ; говорилъ, что генерала Левендаля надобно отдать подъ судъ за его дѣйствія во время шведской войны; но больше всего онъ былъ враждебенъ Лестоку, который, по своему приближенію, имѣлъ большое вліяніе на дѣла; вражда разгорѣлась до такой степени, что Трубецкой и Лестокъ жаловались другъ на друга императрицѣ и публично объявляли себя заклятыми врагами. Разумѣется, враги Трубецкого не щадили его: говорили, что генералъ-прокуроръ

заправляетъ самовольно внутренними дѣлами, и поступки его представляютъ рядъ насилій и несправедливостей. Низложивъ всѣхъ, кто стоитъ ему на дорогѣ, особенно Нѣмцевъ, онъ хочетъ ограничить верховную власть и устроить престолонаслѣдіе по своей волѣ. Быть можетъ нерасположеніе его къ нѣмецкому дворику герцога голштинскаго подавало поводъ къ послѣднему заключенію; Трубецкого упрекали въ томъ, что онъ не угождаетъ никому, кромѣ духовенства и гвардіи [194].

Елисавета, будучи отъ природы умна и наблюдательна, не могла не замѣтить очень скоро борьбы между своими вельможами; она отнеслась къ ней спокойно; будучи одинаково хорошо расположена ко всѣмъ нимъ, считая ихъ всѣхъ нужными для своей службы, она не хотѣла жертвовать однимъ для другого. Эти люди, стремившіеся овладѣть ея довѣріемъ, ея волею, какъ обыкновенно бываетъ, не понимали, сколько гарантіи для нихъ заключается въ этомъ спокойствіи, въ этой ровности императрицы относительно ихъ; они обыкновенно упрекали ее въ непостоянствѣ, въ томъ, что, выслушавъ нынче мнѣніе одного и повидимому согласившись съ нимъ, завтра, выслушавъ другаго, она перемѣняетъ прежнее мнѣніе; упрекали ее въ скрытности и хитрости. Не имѣя блестящихъ способностей, образованія, приготовленія, опытности и привычки къ дѣламъ правительственнымъ, Елисавета, разумѣется, не могла имѣть самостоятельныхъ мнѣній и взглядовъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ она руководилась чувствомъ. Выслушивая одно мнѣніе, она принимала его и, по живости характера, не могла удержаться отъ выраженій своего одобренія; не торопясь рѣшать дѣло по первому впечатлѣнію, она выслушивала другое мнѣніе и останавливалась на новой сторонѣ дѣла; приведенная въ затрудненіе, сравнивая и соображая, она естественно медлила, и тѣмъ приводила въ раздраженіе людей, желавшихъ, чтобъ ихъ мысль была приведена какъ можно скорѣе въ исполненіе. Они кричали, что императрица не занимается государственными дѣлами, отдаетъ все свое время удовольствіямъ. Мы не станемъ отрицать, чтобъ въ этихъ жалобахъ не было значительной доли правды. Елисавета могла быть и лѣнива, и предана удовольствіямъ; мы замѣтимъ только, что указанія на эти недостатки идутъ отъ людей, находившихся въ раздраженномъ состояніи, страстно желавшихъ спѣ-

шить; мы замѣтимъ только, что были и другія причины медленности, укажемъ на трудность рѣшенія дѣлъ при разнорѣчіи мнѣній, при спокойномъ, ровномъ отношеніи къ людямъ, высказывавшимъ разнорѣчивыя мнѣнія.

Относительно внѣшнихъ дѣлъ политика единственно возможная при тогдашнемъ положеніи Европы, единственно сообразная съ интересами Россіи, единственно національная, т.-е. сохраненіе политическаго равновѣсія, недопущеніе съ одной стороны Франціи, а съ другой — Пруссіи усилиться на счетъ Австріи и Саксоніи,—эта политика вначалѣ встрѣтила противодѣйствіе въ личныхъ отношеніяхъ Елисаветы къ тѣмъ или другимъ дворамъ; въ ея симпатіяхъ и антипатіяхъ къ дворамъ и представителямъ ихъ въ Россіи. Мы видѣли, что европейскія державы, раздѣлившись на двѣ группы—противниковъ и защитниковъ австрійскаго дома, должны были посредствомъ своихъ представителей бороться при петербургскомъ дворѣ за союзъ или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ Россіи. Такъ какъ сочувствіе брауншвейгской фамиліи было на сторонѣ Австріи, то, разумѣется, особеннымъ расположеніемъ правительства пользовались представители державъ, защищавшихъ Марію Терезію; представители этихъ державъ, съ своей стороны, должны были желать добра брауншвейгской фамиліи именно за ея сочувствіе къ Австріи и непріязненно относиться ко всему ей враждебному, слѣдовательно и къ цесаревнѣ Елисаветѣ, на торжество которой они должны были смотрѣть какъ на торжество Франціи и Пруссіи. Англійскій посланникъ Финчъ сообщилъ Остерману о движеніяхъ Елисаветы; посланникъ Маріи Терезіи, Ботта, имѣлъ самыя сильныя побужденія быть на сторонѣ брауншвейгской фамиліи и враждебно относиться къ Елисаветѣ; со стороны Саксоніи, представляемой Линаромъ, Елисавета не могла ждать для себя ничего хорошаго, слѣдовательно и сама не могла быть расположена къ ней; прусскій посланникъ Мардефельдъ ведетъ себя осторожно, не сближается съ Елисаветой; но по сверженіи Миниха у Пруссіи съ русскимъ правительствомъ не больше лады, слѣдовательно Фридриху II было легко пріобрѣсть расположеніе Елисаветы; но самымъ сильнымъ расположеніемъ новой императрицы должна была, разумѣется, пользоваться Франція и ея представитель Шетарди. Такимъ образомъ людямъ, которые были убѣ-

ждены, что внѣшнія отношенія Россіи нисколько не должны были измѣниться съ переворотомъ 25 ноября, людямъ, которые были настолько честны, что хотѣли слѣдовать національной русской политикѣ, несмотря на то, что ее поддерживалъ ненавистный имъ Остерманъ,—этимъ людямъ прежде всего надобно было выдержать борьбу съ симпатіями и антипатіями императрицы.

Шетарди, который такъ хлопоталъ о возведеніи на престолъ Елисаветы, былъ очень непріятно пораженъ, когда узналъ о переворотѣ 25 ноября, потому что этотъ переворотъ былъ произведенъ безъ его вѣдома гораздо раньше, чѣмъ онъ разчитывалъ, и одними русскими средствами, безо всякой помощи Шведовъ, что ставило Францію и ея посланника въ Петербургѣ въ крайне затруднительное положеніе.

Въ первые дни по вступленіи на престолъ Елисаветы французскаго посланника, о преданности котораго новой императрицѣ теперь всѣ знали, окружалъ необыкновенный почетъ. Финчъ писалъ своему двору, что если первый поклонъ императрицѣ, то второй Шетарди. Быть можетъ какой-нибудь Бестужевъ и понималъ, что торжество не будетъ продолжительно и въ предвидѣніи страшныхъ затрудненій для Шетарди не желалъ быть на его мѣстѣ; но толпа смотрѣла иначе. Гвардейцы, разнуздавшіеся отъ милостей императрицы и позволявшіе себѣ безцеремонное обращеніе, считали Шетарди своимъ товарищемъ въ дѣлѣ ими совершенномъ. Очевидцъ разсказываетъ, какъ однажды двое изъ нихъ пришли къ французскому посланнику поздравить его съ новымъ годомъ, бросились цѣловать его, цѣловали ему руки, говорили, что считаютъ его за отца роднаго, а короля его за самаго надежнаго друга Россіи; просили его уговорить государыню поскорѣе ѣхать въ Москву и вызвать герцога голштинскаго; просили, чтобъ поскорѣе пріѣзжала въ Россію французская принцесса, которую надобно привести въ русскую вѣру и выдать замужъ за герцога, а что герцогъ будетъ наслѣдникомъ престола, за это они ручаются. Шетарди напоилъ ихъ виномъ, далъ имъ денегъ [195].

Первый и самый важный вопросъ, представившійся новому правительству, былъ вопросъ о шведской войнѣ. Шведы объявили, что они начали войну для возстановленія правъ потомства Петра Великаго; теперь эти права были возстановлены, слѣдо-

вательно причины къ войнѣ не было болѣе; такъ какъ Шведы, потерпѣвши неудачу въ самомъ началѣ войны, не оказали новому русскому правительству никакой помощи въ переворотѣ 25 ноября, то на Елисаветѣ не лежало никакой обязанности въ отношеніи къ Швеціи. Если Франція хотѣла упрочить свое вліяніе въ Россіи, то она могла это сдѣлать не иначе какъ поступивши съ Швеціею такъ же безцеремонно, какъ поступила съ нею Англія передъ ништадтскимъ миромъ, т.-е. показать, что Швеція служила только орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей; Франція должна была представить Швеціи, что потерпѣвши неудачу и не помогши Елисаветѣ при вступленіи ея на престолъ, она должна воспользоваться этимъ воцареніемъ Елисаветы, чтобъ съ благовидностію окончить войну, которую продолжать съ успѣхомъ не въ состояніи. Вмѣсто того Франція хотѣла непремѣнно, чтобъ Швеція получила отъ Россіи какое-нибудь вознагражденіе; но этимъ могла только раздражить Россію, заставляя ее ни за что дѣлать уступки, произвести охлажденіе въ Елисаветѣ, касаясь такъ неделикатно самаго чувствительнаго для нея вопроса, а Швецію могла только ввести въ новую бѣду, и, вмѣсто пріобрѣтенія, заставить ее только потерять земли.

Первымъ, самымъ естественнымъ дѣломъ новой императрицы было обратиться къ Шетарди, чтобъ онъ помогъ прекратить войну, какъ не имѣющую болѣе смысла. Шетарди далъ знать Левенгаупту, бывшему съ войскомъ на дорогѣ къ Выборгу, о вступленіи на престолъ Елисаветы, чѣмъ война должна прекратиться. Но Левенгауптъ отвѣчалъ, что не будетъ причиною кровопролитія, если его удостовѣрятъ, что Швеція получитъ выгодный миръ. Шетарди опять написалъ ему, что удовлетвореніе относительно выгоднаго мира заключается въ природной правотѣ и искренности русской государыни, и бралъ на себя отвѣтственность за прекращеніе военныхъ дѣйствій. Шетарди объяснялъ свой поступокъ увѣренностію, что Швеція не можетъ съ успѣхомъ вести войну. Россія, по его мнѣнію, была не та, какою была недѣлю тому назадъ. Ея силы удвоились отъ переворота; конфискованныя имѣнія арестованныхъ лицъ дадутъ средство продолжать войну безъ отягощенія народа. Народъ, одушевленный любовію къ родинѣ, будетъ вести войну съ ожесточеніемъ; Шведы изгладятъ память о своей услугѣ, оказанной извѣстнымъ манифе-

стомъ и увѣковѣчатъ въ Русскихъ ненависть къ себѣ; какъ ни храбро шведское войско, Левенгауптъ не приведетъ назадъ въ Швецію ни одного человѣка. Кромѣ того онъ получилъ свѣдѣнія о жалкомъ состояніи шведскаго войска, и потому считалъ себя въ правѣ изумиться, что Левенгауптъ хочетъ заключить миръ не иначе какъ если Россія уступитъ Швеціи всѣ завоеванія Петра Великаго. Какъ бы то ни было, Левенгауптъ возвратился къ Фридрихсгаму, хотя сначала грозилъ продолжать походъ, если ему не отдадутъ предварительно Выборга и Кексгольма [196].

Между тѣмъ освобожденный изъ плѣна шведскій капитанъ Дидронъ былъ отправленъ къ шведскому королю съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Елисаветы. Отъ 30 декабря графъ Левенгауптъ прислалъ Шетарди письмо: «Король мой государь, узнавъ чрезъ капитана Дидрона о восшествіи на престолъ принцессы Елисаветы (madame la princesse), приказалъ мнѣ немедленно засвидѣтельствовать всю ту радость, которую причинила ему такая пріятная и желанная вѣсть. Въ исполненіе этого прошу ваше превосходительство взять на себя увѣреніе въ уваженіи и преданности, которыя его величество питаетъ къ этой великой государынѣ, и въ удовольствіи, которое онъ ощущаетъ, видя ее на престолѣ, принадлежащемъ ей по рожденію и заслуженномъ высокими ея качествами. Король вполнѣ убѣжденъ, что эта государыня отвѣтитъ на его чувства своимъ расположеніемъ къ тѣмъ средствамъ, которыя бы могли дружбу государей сдѣлать согласною съ интересомъ и безопасностію обоихъ государствъ. Король очень чувствителенъ къ милости, оказанной ея величествомъ капитану Дидрону; онъ жаждетъ случая засвидѣтельствовать свою совершенную благодарность, а на первый разъ приказалъ мнѣ освободить русскихъ плѣнниковъ, находящихся въ Фридрихсгамѣ.» Въ заключеніи письма Левенгауптъ просилъ Шетарди сообщить русской государынѣ именемъ королевскимъ о кончинѣ королевы Ульрики Элеоноры. Отъ русскаго двора Шетарди вручена была нота съ обозначеніемъ, въ какомъ смыслѣ онъ долженъ былъ отвѣчать на письмо Левенгаупта: поступокъ императрицы съ капитаномъ Дидрономъ можетъ убѣдить короля въ усердіи, съ какимъ ея величество ищетъ случаевъ засвидѣтельствовать ему свое совершенное уваженіе и пользуется на-

стоящимъ случаемъ для повторенія его величеству искреннихъ увѣреній, что она ничего такъ не желаетъ, какъ вполнѣ соотвѣтствовать добрымъ намѣреніямъ и расположеніямъ, высказаннымъ въ письмѣ графа Левенгаупта.

Обмѣняться учтивыми выраженіями было легко; но приступить къ дѣлу примиренія было очень трудно. Какъ чувствовала эту трудность виновница войны, Франція, видно изъ письма Амелота къ графу Кастеллану, посланнику въ Константинополѣ, отъ 12 января 1742 года: «Теперь еще рано начертать планъ нашихъ дѣйствій относительно Россіи. Восшествіе на престолъ принцессы Елисаветы намъ выгодно въ настоящую минуту потому, что нѣмецкое правительство было совершенно предано вѣнскому двору, а новая царица обнаруживаетъ расположеніе къ Франціи и требуетъ ея посредничества для окончанія шведской войны. Но до сихъ поръ все это только одни слова, и его величество король какъ прежде, такъ и теперь желаетъ чести и безопасности Шведовъ. Они не могутъ заключить мира, не приведя, по меньшей мѣрѣ, въ безопасность своихъ границъ, и я предвижу, что Россія можетъ согласиться на это только изъ страха предъ союзами, могущими образоваться противъ нея. Поэтому вы должны поддерживать расположеніе, которое Порта начала оказывать въ пользу Швеціи»[197].

Согласно съ этимъ, Шетарди получилъ сильный выговоръ въ письмѣ отъ Амелота: «Я былъ очень изумленъ, что на другой день послѣ переворота вы рѣшились писать къ гр. Левенгаупту о прекращеніи военныхъ дѣйствій. — Еще болѣе изумило меня то, что вы хотѣли взять на свою отвѣтственность всѣ послѣдствія этого. Я не могу примирить такого образа дѣйствій съ знаніемъ намѣреній короля, какое вы имѣете, и съ вашими собственными извѣстіями о худомъ состояніи московской арміи, которая нуждалась въ необходимомъ и которая, по вашему мнѣнію, неизбѣжно потерпитъ пораженіе при первой встрѣчѣ со Шведами. Ваши письма были наполнены извѣстіями о слабости русскаго правительства, которое до сихъ поръ внушало почтеніе иностранцамъ только наружнымъ блескомъ, скрывавшимъ внутреннія язвы. Какимъ образомъ могло случиться, что въ 24 часа измѣнилось все, и Русскіе сдѣлались столь страшными, что Шведы могутъ найти себѣ спасеніе только въ добротѣ царицы,

которая можетъ ихъ уничтожить? Король думаетъ совсѣмъ иначе и болѣе правдоподобно, что поспѣшность, съ какою воспользовалась царица вашимъ значеніемъ, чтобъ остановить гр. Левенгаупта, скорѣе проистекала отъ опасенія, внушеннаго слухами о походѣ этого генерала, чѣмъ изъ желанія угодить королю и быть осторожною съ народомъ, дружественнымъ съ Франціею. Вы были введены въ заблужденіе извѣстіями о дурномъ положеніи шведской арміи, извѣстіями страшно преувеличенными и даже ложными въ существенномъ. Но предположимъ, что извѣстія были справедливы, и въ такомъ случаѣ вы никогда не должны были останавливать гр. Левенгаупта, когда царица отказалась дать просимыя имъ обезпеченія. Пусть бы лучше шведская армія была разбита на-голову. Ошибка генерала не падала бы на министерство, которое не имѣло времени взять назадъ данныхъ имъ приказаній. И тогда миръ былъ бы заключенъ также выгодно, какъ вы заставляете надѣяться теперь, потому что не позволяете даже догадываться о желаніи царицы что-нибудь уступить, а Швеція не могла бы ни въ чемъ насъ упрекать. Когда же, напротивъ, Левенгауптъ одержалъ бы верхъ, то царица сочла бы себя счастливою, еслибы королю угодно было доставить ей миръ. Не скрываю отъ васъ, что вся шведская нація раздражена до крайности и не сомнѣвается, что король хотѣлъ пожертвовать ею. Я посылаю сегодня курьера въ Стокгольмъ, чтобъ стараться успокоить тамъ умы и дать знать, какъ это и есть въ дѣйствительности, что перемѣна государя въ Россіи нисколько не измѣняетъ чувствъ короля къ Швеціи, ни видовъ Франціи. И точно, если король всегда желалъ переворота въ Россіи только какъ средства облегчить Шведамъ исполненіе ихъ намѣреній и если этотъ переворотъ произвелъ противное дѣйствіе, то надобно жалѣть о трудахъ, предпринятыхъ для его ускоренія. Честь короля обязываетъ поддерживать Шведовъ и доставить имъ по крайней мѣрѣ часть обезпеченій и преимуществъ, на которыя они надѣялись; его величество не долженъ допускать, чтобъ они терпѣли отъ послѣдствій вашего слова.... Если война продолжится, то Шведы не останутся безъ союзниковъ.... Важно, чтобъ заключеніе мира между Россіею и Швеціею было въ нашихъ рукахъ. Пусть царица остается въ увѣренности насчетъ благонамѣренности короля; од-

нако не нужно, чтобъ она слишкомъ обольщала себя надеждою на выгодность мирныхъ условій» [198].

Вслѣдствіе такихъ взглядовъ на дѣло въ Версали, Шетарди долженъ былъ, по присланной ему инструкціи, объявить въ Петербургѣ слѣдующее: «Швеція принялась за оружіе какъ для полученія удовлетворенія въ обидахъ, нанесенныхъ ей прежнимъ нѣмецкимъ правительствомъ Россіи, такъ и изъ желанія возвратить себѣ прежнія свои провинціи. Обязательства, въ которыя король французскій вошелъ относительно Швеціи, не могутъ быть условны, и такъ какъ король хлопоталъ за государыню, нынѣ царствующую въ Россіи, именно помогая Швеціи, то ея величество не можетъ сердиться на него за то, что онъ нашелся въ необходимости служить шведскимъ интересамъ. Шведы надѣятся получить отъ благодарности ея величества то, что прежде они думали получить только силою оружія. Надежда графа Левенгаупта основана не на химерахъ, доказательствомъ чему послужитъ кампанія будущей весны, если, по несчастію, война продолжится. Левенгауптъ, на основаніи словъ Шетарди, удержалъ походъ свой, вслѣдствіе чего на Францію возлагается отвѣтственность за слово, данное ея посланникомъ. Король французскій находится въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, по личной склонности, онъ желаетъ быть полезнымъ ея величеству, содѣйствовать ея славѣ и благополучію ея царствованія; а съ другой стороны онъ связанъ съ Швеціею, самою старинною союзницею Франціи, и если покинетъ ее, то измѣнитъ самымъ формальнымъ своимъ обязательствамъ. Кажется, Швеція никогда не согласится на безвыгодный для себя миръ. Король французскій можетъ умѣрить шведскія претензіи; но, какъ онъ надѣется также, ея величество пойметъ, что надобно чѣмъ-нибудь пожертвовать, если хотятъ привести дѣло къ скорому примиренію» [199].

11 января Шетарди прочелъ это самой императрицѣ въ присутствіи Лестока, переводившаго порусски тѣ мѣста, которыхъ она не понимала. Елисавета отвѣчала, что она употребила бы всѣ средства, указанныя ей французскимъ королемъ, для выраженія своей благодарности Шведамъ, еслибы только дѣло не касалось уступокъ, противныхъ ея славѣ и чести; пусть самъ король будетъ судьею: что скажетъ народъ, увидя, что

иностранная принцесса, мало заботившаяся о пользахъ Россіи и ставшая случайно правительницею, предпочла однако войну стыду уступить что-нибудь, а дочь Петра I, для прекращенія той же самой войны, соглашается на условія, противорѣчащія столько же благу Россіи, сколько славѣ ея отца и всему, что было куплено цѣною крови ея подданныхъ для окончанія его трудовъ. — Шетарди долженъ былъ повторять, что французскій король поднялъ Шведовъ для доставленія престола ей, Елисаветѣ, и она должна помочь королю выйти изъ затруднительнаго положенія, въ какое онъ попалъ изъ-за нея. Елисавета отвѣчала, что король поступилъ бы точно такъ же, какъ она, т.-е. ни за что не согласился бы нарушить уваженіе къ памяти отца.

Изъ Версаля Шетарди, между прочимъ, было внушено, чтобъ онъ не раздражалъ русскихъ министровъ, производя переговоры непосредственно съ самою императрицею, и потому Шетарди просилъ позволенія у Елисаветы прочесть то же заявленіе и вице-канцлеру Бестужеву. Въ это время Шетарди считалъ Бестужева, наравнѣ съ Лестокомъ, человѣкомъ способнымъ дѣйствовать въ интересахъ Франціи, по враждебности отношеній его къ великому канцлеру князю Черкаскому, котораго взглядъ на европейскія дѣла уже высказался рѣшительно, именно въ пользу Австріи, тогда какъ Бестужевъ еще не высказывался противъ Франціи, вѣроятно имѣя въ виду воспользоваться ея услугами въ шведскомъ дѣлѣ. На этомъ основаніи Шетарди еще прежде хотѣлъ выдвинуть Бестужева и отстранить враждебнаго Черкаскаго; онъ представилъ императрицѣ, что иностранные министры затрудняются имѣть сношенія съ кн. Черкаскимъ, который не знаетъ ни одного иностраннаго языка, и желаютъ избранія министра, къ которому бы они могли непосредственно обращаться. «Еще не время, отвѣчала Елисавета: впрочемъ, что вамъ за нужда? Вы будете вести переговоры прямо со мною, а другіе иностранные министры пусть дѣлаютъ какъ знаютъ.» Бестужевъ выжидалъ, какъ поведетъ себя Франція въ шведскомъ дѣлѣ; прямо давалъ знать Шетарди, что находится въ затруднительномъ положеніи отъ неизвѣстности насчетъ этого, отъ неизвѣстности, будетъ ли война, или миръ съ Швеціею, тогда какъ представители Австріи и Англіи, Ботта и Финчъ, не даютъ ему покоя, склоняя на свою сторону. Шетарди предложилъ ему еже-

годную пенсію въ 15.000 ливровъ за то, что король очень доволенъ его намѣреніями въ пользу Франціи; Бестужевъ отказался, объявивъ, что еще ничего не сдѣлалъ, чтобъ имѣть право на благосклонность королевскую, что онъ безо всякаго вознагражденія готовъ служить интересамъ короля, во сколько они соглашуются съ выгодами его государыни. Лестокъ, пришлецъ, не могшій питать сильнаго сочувствія къ Россіи, имѣвшій очень смутное понятіе о ея интересахъ,—Лестокъ не дожидался, окажутся ли интересы Франціи тождественны съ интересами Россіи, и принялъ пенсію, обѣщаясь заслужить ее.

Заявленіе, прочитанное Шетарди Бестужеву, вывело вице-канцлера изъ нерѣшительнаго положенія, показавъ, что отъ Франціи нечего ждать добра для Россіи. Онъ прямо объявилъ Шетарди, что нельзя начинать никакихъ переговоровъ иначе, какъ на основаніи ништадтскаго мира, и онъ заслуживалъ бы смертную казнь, еслибы сталъ совѣтовать уступить хотя бы одинъ вершокъ земли. «Надобно вести войну! сказалъ Бестужевъ: вотъ чего каждый изъ насъ долженъ требовать для славы государыни и народа. Мы будемъ вести войну; однако думаю, что, не прибѣгая къ такой крайности, мы можемъ доставить обезпеченіе Швеціи и даже быть ей полезными въ ея видахъ. Не намъ однимъ она уступала земли, и не выгоднѣе ли будетъ для нея возвратить уступленное другимъ?» — «Не намекаете ли вы на Бременъ и Верденъ, не хотите ли ихъ возвратить Шведамъ,» сказалъ смѣясь Шетарди. — «Можно всегда сговориться, отвѣчалъ Бестужевъ: мы искренне желаемъ Швеціи добра, желаемъ пріобрѣсть ея дружбу. Если французскій король водворитъ спокойствіе на сѣверѣ, войдетъ съ нами въ тѣсный союзъ, заведетъ прямую торговлю и упрочитъ все это кровными связями, то, располагая Россіею и Швеціею, онъ будетъ въ состояніи дать европейскимъ дѣламъ какое ему угодно направленіе. Помогите искреннимъ намѣреніямъ, и не будемъ упускать минутъ, чтобъ прекратить напряженное положеніе; напишите скорѣе королю то, что внушаетъ мнѣ усердіе къ его службѣ.»

Вслѣдствіе заявленія Шетарди созвана была конференція изъ троихъ извѣстныхъ намъ членовъ совѣта по внѣшнимъ дѣламъ; приглашены были также генералъ-прокуроръ и фельдмаршалъ Леси; императрица сама присутствовала [200]: рѣшеніе было

единогласное, что никакая земельная уступка невозможна, и Шетарди получилъ отвѣтъ: обиды, причиненныя Россіею, неизвѣстны, а дѣйствія Россіи въ пользу Швеціи довольно явны; намѣреніе Швеціи отобрать свои прежнія провинціи крайне несправедливо, противно ништадтскому миру и союзу 1735 года, отъ которыхъ Россія отступить никогда не можетъ. Какъ бы надежда графа Левенгаупта ни была основательна, однако, если война продолжится, то и мы должны будемъ поступать по правиламъ и обычаямъ воинскимъ. Какое право Швеція имѣетъ требовать исполненія обѣщаній отъ Франціи,—оставляемъ этотъ вопросъ, какъ намъ не принадлежащій, на рѣшеніе этихъ обѣихъ державъ. Швеція можетъ не соглашаться на безвыгодный миръ, а Россія не согласится ни на малѣйшее нарушеніе ништадтскаго мира [201].

Соотвѣтственно этому объявленію рѣшено было возобновить и продолжать войну со всевозможною энергіею. Въ началѣ марта военныя дѣйствія возобновились. Въ шведскомъ войскѣ страшно переполошились. Въ Финляндіи явился манифестъ императрицы Елисаветы [202], въ которомъ жители страны приглашались не принимать участія въ несправедливой войнѣ, и въ случаѣ, еслибы они захотѣли отдѣлиться отъ Швеціи и составить независимое государство, то императрица обѣщала свое содѣйствіе; въ манифестѣ говорилось, что и сама Швеція не можетъ найти ничего дурнаго въ этомъ отдѣленіи, ибо, имѣя между собою и Россіею независимое государство, избавится отъ всякихъ безпокойствъ и опасеній. Рѣшительность Россіи заставила Францію понизить тонъ.

19 марта Шетарди спросилъ князя Черкаскаго, не можетъ ли онъ уполномочить его донести своему государю, что ея величество обѣщаетъ, какъ и прежде, будучи цесаревною, обѣщала, пріискать Швеціи такія выгоды, которыя бы не нарушали ништадтскаго договора, принимая въ разсужденіе, сколько эта предпринятая Шведами война содѣйствовала ея величеству въ полученіи родительскаго престола. Канцлеръ отвѣчалъ, что, не зная о такомъ обѣщаніи, онъ не можетъ ничего ему на то сказать, а донесетъ императрицѣ; только можетъ его увѣрить, что твердое намѣреніе ея величества состоитъ въ томъ, чтобъ ни пяди земли не отдавать. Если Шведы хотятъ заставить вѣрить,

будто они начали войну въ пользу ея величества, когда она была еще цесаревною, то безъ явнаго для себя стыда объявить этого не могутъ, ибо всѣмъ извѣстно, что Швеція еще при императрицѣ Аннѣ готовилась къ войнѣ противъ Россіи, рѣшеніе было принято, и дѣйствительно въ 1739 году войска были перевезены въ Финляндію. Шетарди имѣлъ безстыдство отвѣчать: «Могу обнадежить подлинно, что когда уже Шведы войну объявили, то отстали отъ перваго своего намѣренія возвратить хотя сколько-нибудь изъ прежде у нихъ завоеваннаго и другого ничего не имѣли въ виду, какъ только содѣйствовать вступленію на престолъ ея величества; я могу это доказать всѣмъ тѣмъ, что̀ тогда въ высочайшемъ секретѣ происходило, также и какія обѣщанія ея величество изволила давать еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ» [203].

Дворъ переѣхалъ въ Москву для коронаціи; Шетарди также отправился туда; въ Москву же пріѣхалъ для ускоренія мирныхъ переговоровъ бывшій уже при русскомъ дворѣ шведскимъ посланникомъ Нолькенъ и помѣстился въ домѣ Шетарди. 2 мая Нолькенъ былъ приглашенъ на конференцію въ домъ великаго канцлера, гдѣ, кромѣ князя Черкаскаго, присутствовали генералъ Румянцевъ и оберъ-маршалъ Михайла Петровичъ Бестужевъ, братъ котораго, вице-канцлеръ, не былъ по болѣзни. На слова князя Черкаскаго къ Нолькену, что присутствующіе готовы выслушать его предложенія, тотъ отвѣчалъ, что онъ можетъ вести переговоры о мирѣ; но такъ какъ французское посредничество принято ея величествомъ, то онъ, Нолькенъ, безъ присутствія Шетарди ни въ какія изъясненія вступить не можетъ. Нолькену возразили, что императрица никогда не требовала и не просила французскаго посредничества, но только добрыхъ услугъ, и если онъ Нолькенъ уполномоченъ вести переговоры, то ничье посредничество не нужно. «Добрыя услуги и посредничество одно и то же, сказалъ Нолькенъ, и мнѣ прискорбно встрѣтить затрудненія по этому предмету; я присланъ съ тѣмъ, чтобъ вести дѣло въ присутствіи и при посредствѣ Шетарди, что могу засвидѣтельствовать своею инструкціею: поэтому, не теряя времени, послать бы за Шетарди, чтобъ намъ можно было вмѣстѣ приступить къ доброму дѣлу, а безъ Шетарди мнѣ говорить нельзя.»—«Посредничество и добрыя услуги далеко не одно и

то же, отвѣчалъ Черкаскій, и вамъ, какъ бывшему посланнику, это должно быть очень хорошо извѣстно. Добрыя услуги Шетарди долженъ оказывать вамъ особо, а не въ присутствіи вашемъ, и только въ случаѣ какихъ-нибудь столкновеній между обѣими сторонами можетъ дѣлать свои представленія какъ русскому, такъ и шведскому двору. Кромѣ того французское посредничество не можетъ быть принято и потому, что, какъ всему свѣту извѣстно, Франція и Швеція находятся въ тѣсномъ союзѣ, и объявлено, что Франція не оставитъ Швеціи въ настоящемъ затруднительномъ случаѣ, понятно слѣдовательно, что такое посредничество невозможно. Впрочемъ и самой Швеціи честнѣе, когда она сама о своихъ дѣлахъ будетъ вести переговоры и приведетъ ихъ къ концу.» —«Все это такъ, отвѣчалъ Нолькенъ, но у меня руки связаны, и потому прошу подать мнѣ помощь, именно формальнымъ отстраненіемъ французскаго посредничества.» Ему отвѣчали, что Шетарди нечего требовать, Россія не приглашала Францію къ посредничеству, а просила только добрыхъ услугъ.

5 мая происходила вторая конференція, на которой Нолькенъ продиктовалъ для донесенія императрицѣ слѣдующее: «Рѣшеніе вопроса о французскомъ посредничествѣ тѣсно связано съ принципомъ, который долженъ служить основаніемъ переговоровъ. Этотъ принципъ есть не иное что, какъ намѣренія и виды Швеціи, объясненныя въ манифестѣ, изданномъ подъ именемъ генерала графа Левенгаупта. Въ этихъ-то самыхъ видахъ и намѣреніяхъ Франція согласилась съ Швеціею. Небо ихъ благословило, возложивши корону на главу ея всероссійскаго величества, къ великому удовольствію означенныхъ союзныхъ державъ и всего русскаго народа. Уповается, что ея величество не захочетъ отвергнуть правду этого принципа. Со времени ея благополучнаго восшествія на престолъ намѣренія Швеціи и Франціи оставались одни и тѣ же, слѣдовательно остается только облечь дѣло въ формальность договора. Взявши такое основаніе, нельзя придумать здравой причины, почему бы можно было продлить затрудненіе насчетъ французскаго посредничества, тѣмъ болѣе, что съ восшествія на престолъ ея величества мирныя заявленія съ обѣихъ сторонъ передавались посредствомъ французскаго посланника.» Конференцъ-министры отвѣчали, что такія неспра-

ведливыя замѣчанія вмѣсто ускоренія мира отдаляютъ его; они не смѣютъ всего того и донести ея величеству, ибо на какомъ основаніи онъ упоминаетъ о манифестѣ графа Левенгаупта и даетъ, хотя скрытно, понять, будто ея величество получила родительскій престолъ благодаря Шведамъ и Французамъ, чего никто въ Россійской имперіи не признаетъ. Нолькенъ отвѣчалъ: «Прошу доложить дѣло на рѣшеніе императрицы; впрочемъ смѣло говорю, что король государь мой и весь народъ шведскій начали эту войну не противъ ея величества, что доказывается тою радостію, какую весь шведскій народъ почувствовалъ, услышавъ о восшествіи ея величества на престолъ; каждый думалъ, что война уже прекращена, и я ѣхалъ сюда вести переговоры съ пріятелями, а не съ врагами. Смѣло говорю, что причины и цѣли войны тѣ самыя, которыя истолкованы въ манифестѣ графа Левенгаупта. Я не говорю, чтобъ Шведы ея величество на престолъ посадили, но нельзя же отрицать, чтобъ они этого не желали, и такъ какъ Франція для того же съ ними согласилась, то необходимость ея посредничества въ настоящемъ мирномъ дѣлѣ осязательно.» На это министры отвѣчали, что напрасно онъ ссылается на такой постыдный манифестъ; ни одного человѣка въ Россіи, тѣмъ менѣе ихъ, министровъ, онъ не увѣритъ въ томъ, чтобъ Шведы начали войну въ пользу ея величества; каждому извѣстно, какъ давно они искали случая напасть на Россію и какіе происки чинили при разныхъ дворахъ уже послѣ восшествія ея величества на престолъ; а можно ли принять французское посредничество — пусть онъ самъ разсудитъ, выслушавъ то, что маркизъ Шетарди сообщилъ вице-канцлеру графу Бестужеву, какъ извлеченіе изъ рескрипта, полученнаго имъ отъ 4 января. Это сообщеніе было прочтено, и вниманіе Нолькена остановлено особенно на первомъ пунктѣ, гдѣ говорится, что Швеція начала войну для возвращенія уступленныхъ ею по ништадтскому миру провинцій, и на томъ пунктѣ, гдѣ говорится, что Франція нарушила бы свои наиторжественнѣйшія обязательства, еслибъ оставила Швецію. Министры спросили Нолькена: согласно ли это сообщеніе съ тѣмъ, что онъ теперь провозглашаетъ, въ чемъ старается увѣрить, и въ такихъ ли безпристрастныхъ отношеніяхъ долженъ находиться посредникъ. Хотя бы и подлинно ея величество просила французскаго короля о посредни-

чествѣ, то послѣ упомянутаго сообщенія имѣла бы полное право отъ него отказаться.

Нолькенъ былъ смущенъ этими словами, съ минуту молчалъ, не зная что сказать; потомъ началъ, что хотя прежде быть можетъ нѣкоторые и были того мнѣнія о цѣли войны, какъ заявлялъ Шетарди, однако удивительно, какимъ образомъ маркизъ объ этомъ сообщилъ вице-канцлеру, а ему, Нолькену, не сказалъ. Усматривая, что ея величество считаетъ дѣломъ чести не уступать ничего Швеціи, надобно пріискать другіе способы для вознагражденія за понесенные Шведами въ войнѣ убытки, и если что-нибудь Швеціи уступится, то уступка будетъ сдѣлана пріятелями для показанія дружбы ея величества къ Швеціи, со стороны которой дружески требуется обезпечить безопасность границъ. — На это министры ему отвѣчали, что Россія, какъ держава потерпѣвшая нападеніе, имѣетъ право требовать отъ Швеціи вознагражденія за военные убытки, а не наоборотъ; объ уступкахъ нечего и думать, ея величество ни пяди земли отдать не изволитъ и по милости Всевышняго нужды не имѣетъ этого дѣлать, соизволитъ держаться во всемъ ништадтскаго мира, развѣ Швеція для безопасности границъ уступитъ Россіи остальную Финляндію, и если Нолькенъ искренно желаетъ прекращенія войны, то, оставя всѣ споры о цѣляхъ, съ которыми начата война, приступимъ прямо къ дѣлу, не вмѣшивая Шетарди, который не можетъ быть допущенъ къ посредничеству. Этимъ и кончилась конференція.

12 мая Нолькенъ объявилъ министрамъ, что по внимательномъ обсужденіи дѣла онъ нашелъ всего лучше отправиться изъ Москвы назадъ въ Швецію, гдѣ засвидѣтельствуетъ о миролюбивомъ расположеніи русскаго правительства и желаніи его вести переговоры прямо съ Швеціею безъ французскаго посредничества, которое, какъ онъ слышитъ здѣсь, и требовано не было, тогда какъ въ Швеціи ни королю, и никому другому объ этомъ неизвѣстно, всѣ были убѣждены, что ея величество требовала французскаго посредничества и приняла его, на какомъ основаніи онъ, Нолькенъ, и былъ присланъ сюда. Въ конфиденціи же Нолькенъ объявилъ министрамъ, что онъ въ Стокгольмъ не поѣдетъ, но остановится въ Фридрихсгамѣ у генерала Левенгаупта.

Нолькенъ отправился изъ Москвы и дѣйствительно остановил-

ся въ Фридрихсгамѣ, откуда 6 іюня прислалъ въ лагерь къ фельдмаршалу Леси съ унтеръ-офицеромъ и барабанщикомъ извѣстіе о своемъ прибытіи и письмо на имя Шетарди для пересылки въ Москву. Унтеръ-офицеръ и барабанщикъ были помѣщены при командѣ конной гвардіи въ ставкѣ генералъ-майора Ливена. Но въ тотъ же день среди гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ раздался крикъ: «Къ ружью! Шведы, Шведы!» На этотъ крикъ всполошились было и армейскіе пѣхотные полки, но были удержаны своими полковниками. Тогда въ гвардейскихъ полкахъ выстрѣлили изъ ружья, солдаты бросились къ ставкѣ Ливена, вытащили Шведовъ, урядника и барабанщика, прибили ихъ жестоко; а другая толпа кинулась въ палатки ротмистра конной гвардіи Респе и поручика Икскуля и вытащили ихъ обоихъ съ крикомъ: «Нѣмцы измѣняютъ и переписываются съ Шведами!» Между тѣмъ четверо гвардейскихъ солдатъ, сѣвши на лошадей, помчались по лагерю, крича: «Надобно Нѣмцевъ всѣхъ побить.» Услыхавъ это, генералъ Кейтъ выбѣжалъ изъ палатки съ тростью, велѣлъ кирасирамъ и конной гвардіи построиться съ ружьемъ, а пѣхотной гвардіи закричалъ, что если изъ ружья не выступятъ, то велитъ по нимъ стрѣлять. Это утишило пѣхоту, послѣ чего Кейтъ распорядился взятіемъ подъ караулъ зачинщиковъ, которые, лежа связанные, бранили свою братью солдатъ: «Вотъ вы теперь смотрите, какъ насъ измѣнники Нѣмцы вяжутъ и не вступитесь, а прежде не такъ было говорено.» Такъ разсказывалъ въ Москвѣ присланный отъ Леси поручикъ Штакельбергъ; но въ рапортѣ генерала Кейта фельдмаршалу Леси разсказывалось дѣло такъ: «6 іюня въ Троицынъ день большая часть гвардейскихъ офицеровъ обѣдали у меня; тутъ гвардіи майоръ Черновъ репортовалъ мнѣ о ропотѣ гранадеръ на то, что берется въ походъ только по три гранаты на человѣка, и я въ тотъ же часъ приказалъ употребить крайнее стараніе взять въ походъ всѣ гранаты и о томъ дать знать гренадерамъ и тѣмъ ихъ успокоить. Но въ то самое время, какъ я этимъ распоряжался, входитъ прапорщикъ гвардіи Алексѣевъ и репортуетъ, что въ лагерѣ начинаетъ умножаться шумъ и между солдатами проносится слухъ, что ядра по большей части не по пушечнымъ калибрамъ, въ конной гвардіи патроны безъ пуль и въ лагерѣ, въ ставкѣ генералъ-майора Ливена находятся шпіоны. За Алексѣевымъ являет-

ся гвардіи майоръ Салтыковъ и репортуетъ, что въ лагерѣ большой безпорядокъ: гренадеры пришли въ лагерь конной гвардіи и отбили шведскаго унтеръ-офицера и барабанщика, взяли ихъ изъ палатки Ливена и отвели въ свой лагерь, ищутъ также съ крикомъ офицера своего Уксkуля. Я въ ту же минуту побѣжалъ самъ съ находившимися у меня офицерами въ ихъ лагерь. Подходя къ лагерю конной гвардіи, я увидѣлъ толпу гренадеръ, также гвардейскихъ и армейскихъ солдатъ безъ ружья, при однѣхъ шпагахъ, а при самомъ входѣ въ лагерь, встрѣтилъ одного гренадера и троихъ солдатъ пѣшей гвардіи, которые вели ротмистра конной гвардіи Респе; я отнялъ у нихъ ротмистра и тотчасъ велѣлъ взять ихъ подъ караулъ; чтобъ навести на своевольниковъ побольше страху, я приказалъ гвардіи майору сейчасъ велѣть сыскать попа, который бы исповѣдывалъ виновныхъ, назначеныхъ къ немедленному разстрѣлянію; офицерамъ приказалъ идти къ своемъ ротамъ и перекликать всѣхъ солдатъ, записывая отсутствующихъ. Услыхалъ это, всѣ солдаты, бывшіе въ лагерѣ конной гвардіи, побѣжали въ свои роты. Самъ я съ генералъ-майоромъ Черновымъ отправился перекликать пѣшую гвардію и нашелъ шведскаго унтеръ-офицера и барабанщика въ гренадерской палаткѣ и при нихъ двоихъ гренадеръ съ примкнутыми штыками на часахъ; часовые эти поставлены были по приказу подпоручика Щербакова, чтобъ охранять Шведовъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій; я велѣлъ ихъ отвести обратно въ лагерь конной гвардіи. Послѣ переклички я приказалъ всѣмъ солдатамъ разойтись по палаткамъ, что и было исполнено, при чемъ нѣсколько человѣкъ я велѣлъ арестовать, потому что на нихъ было указано какъ на зачинщиковъ смуты.»

Для изслѣдованія дѣла и суда надъ виновными отправленъ былъ къ арміи генералъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, и «хотя, какъ сказано въ указѣ 14 апрѣля 1743 года, всѣ по суду смертной казни и прочихъ опредѣленныхъ наказаній достойны, однако мы, по нашему природному милосердію, отъ казни смертной и наказанія оныхъ освобождаемъ.» Виновные, 17 человѣкъ были разосланы или на сибирскіе заводы въ работу вѣчно или въ дальніе гарнизоны солдатами.

Скоро Румянцевъ долженъ былъ заняться другимъ дѣломъ. 23 іюля фельдмаршалъ Леси получилъ письмо отъ Нолькена изъ

Борго, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что съѣздилъ въ Стокгольмъ, сообщилъ своему правительству о ходѣ переговоровъ въ Москвѣ и теперь возвратился въ Финляндію въ качествѣ коммиссара и полномочнаго министра для веденія мирныхъ переговоровъ. Съ русской стороны эти переговоры поручены были Румянцеву, къ которому послѣ приданъ былъ генералъ Любрасъ, равно какъ и съ шведской стороны первымъ уполномоченнымъ назначенъ былъ сенаторъ баронъ Цедеркрейцъ, а Нолькенъ остался вторымъ. Мѣстомъ конгресса назначенъ былъ Абовъ [204]. Всѣ эти сношенія и переговоры не останавливали военныхъ дѣйствій. Воевали одни Русскіе, потому что безпрепятственно опустошали страну, при чемъ особенно отличались донскіе козаки подъ начальствомъ своего старшины Краснощекова, пожалованнаго въ бригадиры. Въ концѣ іюня Леси подошелъ къ Фридрихсгаму, и Шведы поспѣшно покинули эту крѣпость, зажегши ее. Левенгауптъ поспѣшно отступилъ за Кюмень, направляясь къ Гельсингфорсу; Русскіе безпрепятственно заняли Борго, вслѣдствіе «обыкновенной робостной ретирады непріятеля,» и отправились за Шведами къ Гельсингфорсу; съ другой стороны безъ сопротивленія сдался Нейшлотъ посланному къ нему отряду подъ начальствомъ князя Мещерскаго; примѣру Нейшлота послѣдовалъ Тавастгузъ. Въ августѣ мѣсяцѣ Леси настигъ шведскую армію у Гельсингфорса и отрѣзалъ ей дальнѣйшее отступленіе къ Або, пройдя по дорогѣ, проложенной нѣкогда по приказанію Петра Великаго и указанной теперь фельдмаршалу финскимъ крестьяниномъ; въ то же время русскій флотъ заперъ Шведовъ со стороны моря. Левенгауптъ и Будденброкъ оставили армію, отозванные въ Стокгольмъ для отданія сейму отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Принявшій по ихъ отъѣздѣ начальство надъ арміею генералъ Бускетъ заключилъ съ русскими капитуляцію, по которой вся армія должна была переправиться въ Швецію, оставивъ Русскимъ всю артиллерію; финскому войску позволено было разойтись по домамъ. 26 августа капитуляція была выполнена и Русскіе вошли въ Гельсингфорсъ. Шведская армія, заключившая эту капитуляцію, простиралась до 17.000 человѣкъ; русская армія превышала ее не болѣе какъ 500 человѣкъ. Современникъ, оставившій намъ описаніе этой войны, говоритъ: «Поведеніе Шведовъ было такъ странно и такъ противно тому, что обык-

новенно дѣлается, что потомство съ трудомъ повѣритъ извѣстіямъ объ этой войнѣ.» Вслѣдствіе отъѣзда шведской арміи изъ Финляндіи, столица этой страны Або былъ занятъ Русскими [205].

Въ Стокгольмѣ отдали подъ судъ генераловъ, которые и поплатились жизнію за свое непонятное поведеніе; но этимъ дѣла поправить было нельзя; возобновленіе войны для отнятія у Русскихъ Финляндіи было немыслимо; надобно было мириться, и мириться не на условіи земельной уступки со стороны Россіи; вопросъ шелъ о томъ, какими средствами можно получить отъ Россіи наименѣе тяжкія условія мира, удержать Финляндію хотя и не всю. Средство было найдено: въ наслѣдники шведскаго престола избрали герцога голштинскаго, племянника русской императрицы. Съ этимъ извѣстіемъ въ концѣ года пріѣхали въ Россію три шведскихъ депутата: зюдерманландскій губернаторъ графъ Бонде, конференцъ-совѣтникъ баронъ Гамильтонъ и камергеръ баронъ Шеферъ. Созванный по этому случаю въ домѣ фельдмаршала Долгорукаго совѣтъ 25 декабря рѣшилъ, что, не отдаляясь отъ миросклонныхъ оказательствъ, наилучшій способъ къ полученію скорѣйшаго покоя состоитъ въ показаніи неотмѣнной твердости во всѣхъ поступкахъ, почему непріятель принужденъ будетъ, всѣ свои хитрыя коварства оставя, прямо къ дѣлу приступить; и нынѣшняя присылка предпринята съ цѣлію обольщенія, чтобъ получить обратно Финляндію или постановленіемъ прелиминарій удержать Россію отъ приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ на будущую весну. На конференціи 28 декабря депутатамъ были предложены слѣдующія условія мира: удержаніе Россіею всего завоеваннаго, вознагражденіе за военные убытки или вмѣсто этого вознагражденія выборъ въ наслѣдники шведскаго престола епископа любскаго, дяди герцога голштинскаго. Одинъ изъ депутатовъ, баронъ Гамильтонъ, отвѣчалъ съ жаромъ, что никогда Швеція не согласится на такія условія, и такъ какъ имъ, депутатамъ, нельзя отдалиться отъ основаній ништадтскаго договора, то они просятъ паспорта для возвращенія въ Швецію, гдѣ донесутъ, какъ Россія, пользуясь своими успѣхами, хочетъ вмѣшиваться во внутреннія шведскія дѣла и нарушить ихъ вольность, за которую каждый Шведъ готовъ умереть. Баронъ Шеферъ, хотя поумѣреннѣе, но повторилъ то же самое [206].

Отъ словъ до дѣла было далеко. Продолженіе войны для Швеціи было невозможно; торжество Россіи надъ «миролом-нымъ» непріятелемъ было полное, и этимъ торжествомъ она была обязана твердости своего правительства, которой не могли поколебать личныя отношенія ни самой императрицы, ни ея министровъ. Шведскія дѣла выказали ясно отношенія Франціи къ Россіи и повели къ разрыву между Бестужевымъ и Лестокомъ. Послѣдній, получая пенсію отъ французскаго двора, остался ему преданъ и дѣйствовалъ противъ русскихъ интересовъ какъ теперь по отношенію къ Швеціи, такъ послѣ по отношенію къ Пруссіи; Бестужевъ, убѣжденный въ несовмѣстимости французскихъ и прусскихъ стремленій съ русскими интересами, долженъ былъ вступить въ открытую борьбу съ человѣкомъ, чрезвычайно опаснымъ по своему приближенію къ императрицѣ, по необходимости, какую она въ немъ чувствовала вслѣдствіе привычки.

Бестужева сильно раздражало это приближеніе Лестока, возможность говорить съ государынею во всякое время, удобство разрушать то, что было построено министромъ во время нечастыхъ докладовъ о государственныхъ дѣлахъ. Бестужевъ горько жаловался саксонскому резиденту Пецольду: «Государыня отличается непостоянствомъ усвоивать себѣ мнѣніе, смотря по тому, въ какую минуту оно ей предложено, также высказано ли оно пріятнымъ или непріятнымъ образомъ. Лестокъ серіозно и въ шутку можетъ говорить ей болѣе, чѣмъ всякій другой. Когда государыня чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою, то онъ, какъ медикъ, имѣетъ возможность говорить съ нею по цѣлымъ часамъ наединѣ, тогда какъ министры иной разъ въ теченіи недѣли тщетно добиваются случая быть съ нею хоть четверть часа. Недавно у государыни сдѣлалась колика, какъ это съ нею часто бываетъ, позванъ былъ Лестокъ и чрезъ нѣсколько времени ввели къ императрицѣ Шетарди, съ которымъ у нихъ было какое-то тайное совѣщаніе, а когда пришли министры, она начала имъ объявлять новыя доказательства, почему дружба Франціи полезна и желательна для Россіи, стала превозносить Шетарди, его преданность и безпристрастіе. Положимъ, что Шетарди преданъ и безпристрастенъ; но князь Кантемиръ пишетъ изъ Парижа въ каждомъ донесеніи, чтобъ ради Бога не довѣряли Франціи, которая имѣетъ въ виду одно—обрѣзать крылья

Россіи, чтобъ она не вмѣшивалась въ чужія дѣла: могу ли я послѣ этого, по долгу и совѣсти, быть за Францію? и не заслуживаю ли я вмѣстѣ съ братомъ сожалѣнія, когда государыня, несмотря на мой прямой способъ дѣйствія, слушается все-таки Лестока и Шетарди, которые для своихъ цѣлей прибѣгаютъ ко всякимъ неправдамъ и клеветамъ. Мнѣ извѣстно, что мое паденіе составляетъ цѣль нѣкоторыхъ лицъ, но я полагаюсь на свое правое дѣло.»

Пецольдъ долженъ былъ выслушивать и другую сторону: Лестокъ говорилъ ему: «На меня нападаютъ за отношенія къ Шетарди: но я люблю хорошее общество, а нигдѣ нельзя съ такимъ удовольствіемъ поговорить, поѣсть, попить и поиграть, какъ у этого министра; съ другой стороны я много обязанъ Шетарди за услуги и денежную помощь, которыя онъ оказалъ какъ мнѣ, такъ и государынѣ; наконецъ я убѣжденъ, что дружба Франціи очень полезна и выгодна для Россіи. Прежде всего нужно было прекратить шведскую войну, и я присовѣтовалъ государынѣ обратиться къ французскому королю и просить его о посредничествѣ. Великій канцлеръ и вице-канцлеръ считаютъ это какимъ-то преступленіемъ съ моей стороны, разглашаютъ, будто я присовѣтовалъ поступокъ, противный достоинству и интересамъ государыни, тогда какъ нужно было продолжать военныя дѣйствія въ Финляндіи зимою; даже внушали государынѣ, что я получаю отъ французскаго двора деньги, о чемъ она мнѣ сама сказала. Лучше было бы, еслибы канцлеръ и вице-канцлеръ обратили вниманіе не собственные грѣхи. Сюда прибыла депутація отъ Башкирцевъ, и канцлеръ задержалъ ее слишкомъ два мѣсяца, не представляя императрицѣ. Башкирцы обратились ко мнѣ, и я узналъ, что такъ какъ они имѣли справедливую жалобу на астраханскаго губернатора Татищева, то послѣдній прислалъ канцлеру подарокъ въ 30.000 рублей, чтобъ онъ оставилъ ихъ просьбу безъ послѣдствій. Я доложилъ объ этомъ государынѣ, и она спросила съ сердцемъ: если великій канцлеръ молчалъ, то почему же вице-канцлеръ ничего не дѣлалъ? Я по этому поводу разсказалъ ей что дѣлается въ иностранной коллегіи: великій канцлеръ изъ зависти всѣ дѣла переноситъ къ себѣ домой и оставляетъ ихъ у себя цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы, прежде чѣмъ вице-канцлеръ что-нибудь узнаетъ о нихъ; а вице-канц-

леръ отличается большою скромностію и самъ никогда не рѣшится доложить дѣло. Отсюда ясно видно, что я до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вредить Бестужеву, напротивъ, всегда заступался и просилъ за него, начиная съ того, что доставилъ ему мѣсто и голубую ленту. Я никогда не былъ высокаго мнѣнія объ его умѣ; но что же дѣлать, когда нѣтъ способнѣйшаго? я надѣялся, что онъ будетъ послушенъ и что братъ его, оберъ-гофмаршалъ, совершенно его образуетъ; но я жестоко ошибся въ своемъ разсчетѣ: оба брата люди ограниченные, трусливые и лѣнивые, и потому или ничего не дѣлаютъ, а если дѣлаютъ, то руководятся предразсудками, своекорыстіемъ и злобою, чѣмъ особенно отличается вице-канцлеръ; теперь они находятся подъ вліяніемъ генерала Ботты, и по ихъ мнѣнію императрица не должна оставлять безъ помощи королеву венгерскую. Императрица давно уже это замѣтила и теперь открыла мнѣ, что подозрѣваетъ вице-канцлера въ полученіи отъ королевы венгерской 20.000 рублей; это подозрѣніе подкрѣпляется тѣмъ, что Бестужевъ каждый разъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, когда она при немъ скажетъ что-нибудь противъ Ботты. Время, слѣдовательно, должно показать, кто изъ насъ болѣе подкупленъ, я или вице-канцлеръ, и чьи совѣты были полезнѣе. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ союзъ между здѣшнимъ кабинетомъ и вѣнскимъ, Россія не получила ни малѣйшей отъ него пользы, и скорѣе получила вредъ, какъ оказалось въ послѣднюю турецкую войну. Кромѣ того вице-канцлеръ наводитъ на себя подозрѣніе тѣмъ еще, что усильно настаиваетъ на отъѣздъ брауншвейгской фамиліи изъ Риги за границу; хотя это и обѣщано въ манифестѣ, но поступлено опрометчиво, безъ достаточнаго обдуманія дѣла; въ настоящее время никто, желающій добра государынѣ, не посовѣтуетъ этого, и пока я живъ и пользуюсь какимъ-нибудь значеніемъ, бывшая правительница не выѣдетъ изъ Россіи. Россія все-таки Россія, и такъ какъ это не первое и не послѣднее обѣщаніе, которое не исполняется, то императрицѣ все равно, что объ этомъ будутъ говорить въ обществѣ.» — Выходка Лестока относительно способностей обоихъ братьевъ Бестужевыхъ показывала, до какой степени уже разгорѣлась въ немъ вражда къ нимъ. Шетарди высказывался также рѣзко: «Остерманъ былъ плутъ, но умный плутъ, который отлично умѣлъ золотить свои

пилюли; теперешній же вице-канцлеръ просто полусумасшедшій; что же касается оберъ-гофмаршала, то онъ, можетъ быть, и не глупъ, но слишкомъ слѣпо довѣряетъ Боттѣ» [207]. Но Шетарди долженъ былъ, по крайней мѣрѣ на время, уступить полусумасшедшему человѣку: онъ уѣхалъ изъ Россіи, сочтя невозможнымъ оставаться долѣе послѣ того какъ его не допустили посредничать при мирныхъ переговорахъ съ Нолькеномъ. Елисавета простилась съ нимъ какъ съ старымъ пріятелемъ, не утратившимъ нисколько ея расположенія; но дружбѣ французскаго двора не вѣряла болѣе.

Бестужевъ, указывая на враждебныя намѣренія Франціи, ссылался на депеши князя Кантемира.

7 января 1742 года Кантемиръ писалъ императрицѣ: «Здѣшнее министерство отъ счастливой перемѣны въ Россіи ожидаетъ полезныхъ для французскихъ интересовъ послѣдствій, и если въ вашемъ имп. в—ствѣ найдетъ склонность, соотвѣтственную здѣшнимъ намѣреніямъ, то не сомнѣваюсь, что будетъ показано самое искреннее расположеніе ко вступленію въ тѣснѣйшія обязательства съ Россіею. Всѣ движенія здѣшней политики имѣютъ цѣлію—королеву венгерскую и Англичанъ. Главныя усилія Франціи клонятся къ конечному ниспроверженію силы австрійскаго дома, и всѣ тѣ державы, которыя поставляютъ препятствія этимъ усиліямъ, считаются здѣсь не менѣе враждебными, и не меньше желаютъ здѣсь ихъ ослабленія. Потому всегда здѣсь на Россію непріятными глазами смотрѣли, поднимали противъ насъ непріятелей, чтобъ препятствовать ей вступаться за австрійскій домъ. На томъ же главнѣйшимъ образомъ основана здѣшняя ненависть и противъ Англичанъ, умалчивая о томъ, что эта ненависть усиливается могуществомъ Англичанъ на морѣ и процвѣтаніемъ ихъ торговли. Изъ этого ваше имп. в—ство изволите усмотрѣть, что если ваше величество намѣрены содержать прежнія обязательства съ вѣнскимъ и англійскими дворами, то не можете себя льстить дружбою съ здѣшнимъ, и не трудно предвидѣть, что въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Швеціею спѣшить здѣсь не станутъ, пока вашего величества намѣренія совершенно не высмотрятъ».

Относительно примиренія съ Швеціею Кантемиръ писалъ въ мартѣ: «Предложенія Франціи нисколько не сходны съ часто пов-

торенными обнадеживаніями объ истинномъ доброжелательствѣ королевскомъ къ вашему величеству. Кромѣ этихъ предложеній, Франція составляетъ проектъ о тройномъ союзѣ между нею, Швеціею и Даніею. Франція побуждаетъ Порту противъ Россіи; изъ этого ясно, что древній здѣшній проектъ объ уменьшеніи русскихъ силъ не выходитъ изъ головы. Я обязанъ подтвердить, что всякая предосторожность противъ здѣшнихъ хитростей не только прилична, но и очень нужна, потому что на здѣшнія обнадеживанія полагаться никакъ нельзя. Вѣрно то, что одна опасность со стороны Англіи и Голландіи можетъ остановить отправленіе здѣшней эскадры въ Балтійское море, чего шведское министерство сильно добивается. Съ другой стороны опасеніе общей войны не допуститъ здѣшнее министерство убавить свои сухопутныя силы отправленіемъ хотя малой части ихъ на помощь Швеціи. Но отъ этой невозможности вредить Россіи нельзя заключать, что Франція къ намъ доброжелательна.»

Въ апрѣлѣ, когда получены были извѣстія о возобновленіи войны между Россіею и Швеціею, Флёри и Амелотъ встрѣтили Кантемира выговорами за то, что рѣшеніе возобновить войну было принято русскимъ правительствомъ вопреки слову, данному императрицею маркизу Шетарди. Кардиналъ соблюдалъ при этихъ жалобахъ учтивость; но Амелотъ не взвѣшивалъ своихъ словъ, называя поступокъ Россіи не очень честнымъ (peu honnete) и внезапнымъ нападеніемъ (surprise). Донося объ этомъ своему двору, Кантемиръ повторяетъ обычный припѣвъ: «Изъ этого изволите имѣть новую причину наиболѣе увѣриться въ здѣшнемъ злобномъ намѣреніи относительно интересовъ вѣнскихъ, отъ котораго, думаю, никогда не отстанутъ, поставляя главнымъ правиломъ, что французскій интересъ требуетъ умаленія силы русской» [208].

За охлажденіемъ новаго русскаго правительства къ Франціи по дѣламъ шведскимъ естественно слѣдовало сближеніе его съ Англіею, при чемъ для Россіи опять на первомъ планѣ были шведскія отношенія, а для Англіи общеевропейскія. Переворотъ 25 ноября ни на кого не произвелъ болѣе непріятнаго впечатлѣнія, какъ на Финча, который въ восшествіи на престолъ Елисаветы видѣлъ торжество Шетарди и Франціи, разрушеніе всѣхъ

надеждъ, которыя его государство полагало на вмѣшательство Россіи въ борьбу за австрійское наслѣдство съ цѣлію помочь Маріи Терезіи. Кромѣ того Финчъ не могъ оставаться въ Россіи, ибо новая императрица не могла пріязненно относиться къ человѣку, дававшему на ея счетъ предостереженія прежнему правительству. На его мѣсто въ Петербургъ былъ присланъ Вейчъ.

Въ то же время произошла перемѣна относительно представителя русскаго двора въ Лондонѣ: на смѣну князя Ивана Щербатова пріѣхалъ дѣйствительный камергеръ Семенъ Нарышкинъ. Министерство Вальполя пало вслѣдствіе доведенной имъ до крайности политики невмѣшательства, непригодной въ описываемое время и для Англіи. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Картеретъ, встрѣтилъ новаго посла словами: «Хотя вашъ пріѣздъ сюда пріятенъ, только король очень былъ доволенъ княземъ Щербатовымъ.» Когда Нарышкинъ спросилъ Картерета, не прикажетъ ли онъ ему что-нибудь написать къ высочайшему двору въ Петербургъ, тотъ отвѣчалъ: «Его величество король ничего такъ не желаетъ, какъ дружбы съ ея императорскимъ величествомъ; мы довольно знаемъ силу Россіи въ дѣлахъ европейскихъ. Многіе ищутъ дружбы вашего двора, но никакой союзъ не будетъ такъ согласенъ съ интересами Россіи, какъ союзъ ея съ морскими державами, который и Петръ Великій старался содержать для сохраненія европейскаго равновѣсія; надѣюсь, что и ея величество не оставитъ этихъ великихъ правилъ. Ни изъ какого государства не приходитъ къ вамъ столько пустыхъ кораблей для нагрузки вашими товарами, какъ изъ Англіи; изъ другихъ земель могутъ приходить къ вамъ корабли съ виномъ и другими пустяками, но такая торговля столько чистыхъ денегъ у васъ не оставитъ, какъ наша.» Въ мартѣ мѣсяцѣ Нарышкинъ получилъ приказаніе изъ Петербурга засвидѣтельствовать въ общихъ выраженіяхъ неизмѣнную склонность Россіи къ содержанію дружбы съ королемъ англійскимъ, объявить, что императрица велѣла разсмотрѣть составленный союзный договоръ между Россіею и Англіею, но что это дѣло еще не кончено за разными хлопотами, случившимися по восшествіи ея на престолъ и за отъѣздомъ въ Москву; Нарышкинъ долженъ былъ избѣгать дальнѣйшихъ изъясненій насчетъ нынѣшней политической системы, насчетъ вспоможенія королевѣ венгерской.

Въ концѣ апрѣля Картеретъ объявилъ Нарышкину, что король, запрещая ему входить въ откровенное объясненіе, велѣлъ только вскользь поручить просить императрицу, для ея собственыхъ интересовъ, возвратиться какъ можно скорѣе изъ Москвы въ Петербургъ: одно пребываніе въ послѣднемъ городѣ будетъ равняться 30.000 вспомогательнаго войска по близости къ европейскимъ событіямъ, ибо можно спасти королеву венгерскую и всю Европу одними совѣтами императрицы королямъ прусскому и польскому. Пріѣздъ въ Петербургъ уничтожитъ слухи, разсѣянные Французами для ободренія Турокъ и Шведовъ, будто въ Россію входятъ въ моду старинные взгляды, будто выбиваютъ всѣхъ иностранцевъ изъ службы и оставляютъ Петербургъ для Москвы. Если окажется справедливымъ слухъ, что императрица хочетъ по обѣщанію ѣхать въ Кіевъ, то все лѣто пройдетъ въ бездѣйствіи, слѣдовательно пройдетъ въ пользу враговъ европейскаго спокойствія. Если императрица захочетъ обратить вниманіе на насъ, то втроемъ съ Голландцами мы можемъ успѣшно сдержать бурю европейскую.

Возобновленіе шведской войны побудило русскій дворъ говорить нѣсколько опредѣленнѣе съ англійскимъ, опять начать дѣло о высылкѣ англійской эскадры въ Балтійское море для защиты своихъ торговыхъ судовъ. Картеретъ отвѣчалъ на это Нарышкину: «Наши купцы этого не требуютъ, потому что довольны письменнымъ объявленіемъ, даннымъ мнѣ шведскимъ министромъ отъ имени королевскаго, что наши торговые корабли могутъ смѣло идти во всѣ гавани русскія, при чемъ я сказалъ шведскому министру прямо, что эти корабли повезутъ въ Петербургъ сукно для обмундированія русской арміи. Такъ какъ Швеція всегда дорожитъ Англіею, то можно положиться на обѣщанія шведскаго короля. Если же наша торговля потерпитъ хотя малое стѣсненіе, то съумѣемъ отомстить эскадрою, которая уже на всякій случай приготавливается. Не прилично Англіи послать 5 или 6 кораблей; если пошлемъ, то 15, 20 или больше. Посылка эта единственно зависитъ отъ императрицы: если изволитъ войти въ наши виды, то корабли будутъ готовы такъ скоро, какъ захочетъ; а истинные интересы россійско-англійскіе требуютъ полнаго согласія въ общемъ и усильномъ вспоможеніи королевѣ венгерской».

Чтобъ побудить Россію поскорѣе войти въ виды Англіи, лордъ Картеретъ писалъ Вейчу 8 іюня: «Королю не безъизвѣстно вліяніе г. Лестока, который природный подданный его величества, какъ курфирста ганноверскаго; поэтому королю угодно, чтобъ вы вывѣдали, какъ онъ расположенъ къ своей родинѣ и не согласится ли оказать услугу королю, который въ такомъ случаѣ уполномочиваетъ васъ обѣщать ему отъ насъ пенсію. Такимъ же образомъ повелѣвается вамъ поступить въ разсужденіи обоихъ Бестужевыхъ. Ни одинъ изъ этихъ господъ не имѣетъ причины совѣститься принять отъ короля такого рода милость, ибо ничего болѣе отъ нихъ не требуется, какъ только содѣйствія къ заключенію между морскими державами и Россіею тѣснѣйшаго союза для возстановленія спокойствія на сѣверѣ и обезпеченія свободы Европы, что̀ все совершенно согласно съ истиннымъ интересомъ Россіи.» На это Вейчъ отвѣчалъ 9 сентября: «Я не щадилъ здоровья и денегъ для пріобрѣтенія дружбы Лестока, просиживалъ съ нимъ цѣлыя ночи, игралъ въ большую игру; онъ увѣрялъ меня, что будетъ стараться о тѣснѣйшемъ союзѣ между Россіею и Англіею; я предложилъ ему пенсію, и онъ принялъ ее.» Пенсія была въ 600 фунтовъ стерлинговъ.

Въ концѣ октября Вейчъ сдѣлалъ русскому двору конфидентное представленіе, что его дворъ очень желаетъ имѣть откровенное сообщеніе о намѣреніяхъ императрицы въ разсужденіи шведскихъ дѣлъ, возстановленія стараго министерства и англійскаго вліянія, объявляя со стороны Англіи всякую готовность къ соглашенію съ Россіею и къ принятію съ нею общихъ мѣръ. Вейчу отвѣчали, что такое доброжелательное намѣреніе со стороны короля пріятно императрицѣ, и для приведенія этого намѣренія въ исполненіе она готова дѣйствовать съ Англіею сообща въ Швеціи. Такъ какъ при сеймахъ въ этой странѣ много помогаютъ деньги, то императрица опредѣлила съ своей стороны 40.000 рублей. Нарышкину въ Лондонъ дали знать, что Россія желаетъ доставить шведское наслѣдство администратору голштинскому, епископу любскому. Нарышкинъ долженъ былъ открыть это желаніе лорду Картерету и требовать содѣйствія, при чемъ для сильнѣйшаго склоненія короля къ этому содѣйствію предложить брачный союзъ епископа любскаго съ англійскою принцессою; для окончательныхъ переговоровъ объ этомъ дѣлѣ долженъ былъ

пріѣхать въ Лондонъ голштинскій министръ Бухвальдъ. Нарышкину наказано было поступать въ этомъ дѣлѣ съ величайшею тайною, чтобъ не испортить его рановременнымъ разглашеніемъ. На сообщенія Нарышкина Картеретъ отвѣчалъ, что Французы назначаютъ 40.000 фунтовъ въ Швецію для того, чтобъ сеймъ выбралъ наслѣдникомъ престола герцога цвейбрикенскаго, а если Россія дастъ сорокъ тысячъ рублей, да Англія столько же, то выйдетъ только 20.000 фунтовъ: дастъ ли императрица еще денегъ по требованію необходимости? Нарышкинъ отвѣчалъ: «Надѣюсь, что императрица не остановится за деньгами для исполненія своего желанія.» Потомъ Картеретъ сказалъ: «Наше намѣреніе было доставить шведское наслѣдство брату нынѣшняго шведскаго короля.» Нарышкинъ отвѣчалъ, что это было бы чрезвычайно трудно, вопервыхъ, по причинѣ разновѣрія, ибо Шведы не хотятъ кальвиниста; вовторыхъ, по народному нерасположенію къ особѣ принца гессенскаго; втретьихъ французская партія никакъ на это не согласится. Слѣдовательно, чтобъ не потерять окончательно вліянія въ Швеціи, Англіи остается одинъ способъ— помогать Россіи въ доставленіи наслѣдства епископу любскому, который можетъ жениться на принцессѣ англійской. Картеретъ согласился съ этимъ и сказалъ: «только бы намъ выжить отъ васъ Французовъ, а то мы много для васъ сдѣлаемъ.» Картеретъ далъ понять, что его королю очень хочется быть посредникомъ въ примиреніи Россіи съ Швеціею, тѣмъ болѣе, что Франціи въ этомъ посредничествѣ было отказано. На донесеніе Нарышкина объ этомъ Бестужевъ замѣтилъ: «Когда одному отказано, никому другому никоимъ образомъ быть не можно.»

Между тѣмъ обѣщанный пересмотръ союзнаго договора былъ оконченъ, и 11 декабря въ Москвѣ подписанъ съ англійской стороны Вейчемъ, а съ русской Бестужевымъ и Бреверномъ. Въ случаѣ нападенія отъ кого-либо на короля англійскаго русская императрица немедленно посылаетъ ему на помощь 10.000 пѣхоты и 2000 конницы; а въ случаѣ нападенія на Россію англійскій король высылаетъ ей на помощь эскадру изъ 12 кораблей при 700 пушкахъ. По взаимному соглашенію эта помощь можетъ быть замѣнена съ обѣихъ сторонъ 500.000 рублей въ годъ. Если одна изъ договаривающихся сторонъ, во время нападенія на другую, сама будетъ находиться въ войнѣ, то не обязана по-

давать помощи. Англія не обязана помогать Россіи въ войнахъ съ Турками и другими восточными народами; Россія не помогаетъ англійскому королю въ случаѣ нападенія на его владѣнія, внѣ Европы находящіяся; въ Европѣ король не посылаетъ русскаго войска въ Италію, Испанію и Португалію.

Послѣ заключенія договора Вейчъ писалъ Картерету: «Лестокъ получаетъ отъ Франціи пенсію; но должно отдать ему справедливость, что онъ былъ мнѣ очень полезенъ, ибо ускорилъ заключеніе нашего договора» [209].

Мы видѣли, какъ въ предшествовавшее царствованіе помогла Россіи Данія, съ которою давно былъ заключенъ оборонительный союзъ. Теперь, когда въ Россіи произошелъ переворотъ, столь полезный для голштинскаго дома и слѣдовательно столь опасный для Даніи, на союзную помощь ея еще менѣе можно было разсчитывать.

Въ первыхъ числахъ января 1742 года Корфъ и Чернышевъ писали изъ Копенгагена, что переговоры съ Англіею о продолженіи субсиднаго трактата не получили успѣха, потому что происшедшая въ Россіи правительственная перемѣна, съ которою связанъ интересъ герцога голштинскаго, требуетъ всего вниманія и осторожности датскаго двора, и потому послѣдній естественно желаетъ болѣе тѣснаго соединенія съ Пруссіею и Швеціею, чѣмъ съ Англіею. Въ январѣ же Чернышевъ долженъ былъ отправиться въ Берлинъ, и въ Копенгагенѣ остался одинъ Корфъ, который доносилъ, что исполненіе союзнаго обязательства, т.-е. помощи противъ Швеціи отъ Даніи ожидать нельзя, но не должно думать также, чтобъ Франція могла склонить Данію къ войнѣ противъ Россіи, потому что слабое состояніе войска и финансовъ не можетъ допустить къ тому Данію [210].

Даніи слѣдовательно опасаться было нечего; съ Англіею оборонительный союзъ; но союзница постоянно толкуетъ о необходимости поддержать свободу Европы, помочь Маріи Терезіи, и объ этомъ толкуетъ не одинъ англійскій посланникъ, не одинъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ; объ этомъ толкуютъ русскіе министры, въ этомъ согласны и Трубецкой, и Черкаскій, и Бестужевы, несмотря на вражду ихъ другъ къ другу. Но императрица не хочетъ слышать объ этой помощи; она не можетъ преодолѣть враждебнаго чувства къ Австріи, которая представ-

ляется ей тѣсно связанною съ брауншвейгскимъ домомъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ она разсказала Шетарди, что австрійскій посланникъ Ботта, при содѣйствіи князя Черкаскаго, уже потребовалъ помощи для своей королевы въ 30.000 войска. «Я, сказала Елисавета, велѣла ему отвѣчать, что сама принуждена вести войну, и первое правило думать прежде о себѣ. Я желала бы знать, на что полезенъ союзъ съ австрійскимъ домомъ и какое изъ него сдѣлать употребленіе?» — «Очень небольшое въ настоящее время, отвѣчалъ Шетарди. Вы можете припомнить, что я имѣлъ честь говорить вамъ годъ тому назадъ. Еслибы не было васъ и еслибы не выказали вы мужества, то вѣнскій дворъ, всегда надѣявшійся руководить Россіею по своему усмотрѣнію, успѣлъ бы возложить корону на главу сына принца брауншвейгскаго и этимъ докончилъ бы дѣло, надъ которымъ началъ работать съ 1711 года, при помощи брака царевича съ принцессою Бевернъ»[211]. Такимъ образомъ искусно поддерживалось это представленіе о необходимой связи между домами австрійскимъ и брауншвейгскимъ. Елисавета знала, что отъ вѣнскаго двора шли внушенія прежнему правительству, чтобъ объявить ее незаконною дочерью Петра Великаго и заключить въ монастырь. Поэтому неудивительно, что Елисавета не могла удержаться отъ выходокъ противъ вѣнскаго двора; такъ, когда по поводу поздравленій съ коронаціею возникъ споръ между посланниками о старшинствѣ, то она сказала: «Ботта не имѣетъ ни малѣйшаго основанія много о себѣ думать: когда онъ будетъ слишкомъ важничать, то можетъ отправляться туда, откуда пришелъ, такъ какъ мнѣ дороже дружба тѣхъ, которые въ прежнія времена не оставляли меня, чѣмъ расположеніе его нищей королевы.» Когда князь Черкаскій и Бестужевъ вдвоемъ удѣдомляли императрицу объ интригахъ Франціи въ Турціи, то она отвѣчала, что ничему не вѣритъ, а знаетъ, что въ рукахъ Ботты 300.000 рублей для подкупа ея министровъ.

Но, разумѣется, эти выходки не мѣшали формальнымъ учтивостямъ.

По восшествіи своемъ на престолъ Елисавета отправила грамоту королевѣ венгро-богемской съ увѣреніями «въ истинной и ненарушимой склонности.» Марія Терезія отвѣчала Ланчинскому, что всегда радуется и принимаетъ участіе, когда узнаетъ о ка-

комъ-нибудь благополучномъ происшествіи въ Россіи; съ великимъ удовольствіемъ слышитъ увѣренія въ неотмѣнной дружбѣ и союзѣ, и съ своей стороны равнымъ образомъ поступать не преминетъ. Въ заключеніе королева спросила: «Вѣдь вы меня увѣрили въ неотмѣнномъ союзѣ?» и когда Ланчинскій повторилъ увѣреніе, то сказала: «Радуюсь.» Когда въ обществѣ узнали о петербургскомъ переворотѣ, то начались разные толки: одни испугались и съ горестію говорили: сколько перемѣнъ въ такое короткое время! послѣдняя перемѣна принесетъ здѣшнему дому большой вредъ, потому что все это сдѣлала Франція своими интригами чрезъ своего посла, обѣщая помирить Россію съ Швеціею; такимъ образомъ наша королева отъ нынѣшняго русскаго правительства помощи ожидать не можетъ и послѣ мира у Россіи съ Швеціею. Другіе говорили, что прежнее правительство, несмотря на близкое родство, не помогало королевѣ, тянуло больше къ прусскому королю, съ которымъ у него было также свойство; теперь скорѣй можно получить помощь, потому что мать нынѣшней царицы заключила съ покойнымъ цесаремъ союзъ, и нынѣшняя царица не уничтожитъ дѣла матери своей. Россіи нечего обязываться съ Франціею за миръ съ Швеціею: Россія государство сильное само по себѣ, людное и самодержавное, съ Швеціею управиться можетъ и во французскомъ союзѣ не нуждается [213].

Мы видѣли, что Марія Терезія нашлась въ отчаянномъ положеніи, когда Франція прямо объявила себя противъ нея, когда король прусскій заключилъ союзъ съ курфирстомъ баварскимъ съ цѣлію присоединить Силезію къ Пруссіи, а Верхнюю Австрію, Тироль и Богемію къ Баваріи. Въ это время, по словамъ Фридриха II [214], на сѣверѣ произошло одно изъ самыхъ выгодныхъ и рѣшительныхъ событій: Швеція объявила войну Россіи и этимъ отвлеченіемъ русскихъ силъ уничтожила всѣ планы короля англійскаго, короля польскаго и принца Антона Ульриха, направленные противъ Пруссіи. Король Августъ былъ увлеченъ потокомъ и соединился съ курфирстомъ баварскимъ для уничтоженія австрійскаго дома. Французы и Баварцы уже вошли въ Австрію, потомъ двинулись въ Богемію, куда съ другой стороны вошли Саксонцы; курфирстъ баварскій былъ избранъ императоромъ подъ именемъ Карла VII. Тогда Марія Терезія рѣши-

лась освободиться отъ самаго опаснаго врага своего, прусскаго короля, и заключила съ нимъ миръ въ Бреславлѣ съ пожертвованіемъ Силезіею.

Ланчинскій воспользовался избраніемъ курфирста баварскаго въ императоры, чтобъ поднять дѣло объ императорскомъ титулѣ русской государыни, надѣясь, что вѣнскій дворъ согласится теперь на это, потерявши надежду удержать римско-германскую имперію за собою; государственный секретарь объявилъ Ланчинскому, что королева пошлетъ Елисаветѣ грамоту съ императорскимъ титуломъ, при чемъ прибавилъ, что Марія Терезія надѣется на русскую помощь, и Россія не найдетъ вѣрнѣйшаго союзника какъ вѣнскій дворъ, а Франція какъ другія державы обманываетъ, такъ и для Россіи ничего не сдѣлаетъ; если Россія допуститъ государство королевы до разрушенія, то нанесетъ вредъ самой себѣ. Другія значительныя лица толковали Ланчинскому, что его государыня вдругъ можетъ пріобрѣсти себѣ безсмертную славу тремя великими дѣлами: успокоеніемъ Европы, удовлетвореніемъ Швеціи въ другомъ мѣстѣ, а не насчетъ Россіи, подаліемъ помощи австрійскому дому, который падаетъ отъ напавшихъ на него со всѣхъ сторонъ непріятелей. Со Шведами надобно заключить договоръ на основаніи ништадтскаго, ибо Россія не можетъ желать пріобрѣсти что-нибудь въ каменистой и болотистой Финляндіи; сверхъ того Швеціи надобно указать на Померанію, гдѣ она можетъ получить себѣ вознагражденіе, а для ея обнадеженія русская государыня должна послать свое войско въ Померанію, чѣмъ подастъ помощь королевѣ, отвлекши прусскія силы для защиты Штетина и другихъ городовъ; эта посылка войска противъ Пруссіи заставила бы Англію и Голландію объявить себя противъ Франціи и дать субсидіи Швеціи. Не знаемъ, какую выгоду думаетъ получить русскій дворъ отъ дружбы съ прусскимъ королемъ; намъ кажется, что надобно обратить вниманіе на чрезмѣрное увеличеніе силы этого государя, который скоро будетъ въ состояніи вывести въ поле 150.000 войска, который давно имѣетъ аппетитъ на Курляндію. Франція востритъ зубы на Россію отъ зависти; сдѣлавши въ Германіи все по-своему съ помощію короля прусскаго, она въ союзѣ съ тѣмъ же королемъ можетъ предпринять что-нибудь и противъ Россіи.

Въ іюнѣ Ланчинскій донесъ, что Австрія принуждена заключить миръ съ Пруссіею на тяжелыхъ для себя условіяхъ. Канцлеръ королевы, графъ Улефельдъ, говорилъ Ланчинскому: «Англичане приступаютъ къ намъ съ ножемъ къ горлу, чтобъ мы помирились съ Пруссіею, и мы уступаемъ все, что прусскій король запросилъ; наилучшій алмазъ изъ королевиной короны выхватывается, а на постоянство мира надѣяться нельзя: можетъ быть попрежнему невзначай разорветъ миръ и нападетъ. Но что же дѣлать? Крайняя нужда заставляетъ! денегъ никакимъ способомъ больше собрать не можемъ» [215].

Елисавета, тотчасъ по восшествіи на престолъ, написала и прусскому королю, что будетъ пользоваться всякимъ случаемъ все болѣе и болѣе удостовѣрять его величество въ своей истинной и ненарушимой склонности. Бракель былъ отозванъ съ своего поста и вскорѣ послѣ того умеръ; на его мѣсто былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ камергеръ графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ. Новый посланникъ получилъ такой рескриптъ отъ 26 декабря: «Такъ какъ король прусскій предъ недавнымъ временемъ чрезъ министра своего Мардефельда велѣлъ подъ рукою потребовать отзыва Бракля, которымъ онъ не очень былъ доволенъ, то и вы пристойнымъ образомъ имѣете нашимъ именемъ представить королю, чтобъ онъ показалъ намъ взаимное снисхожденіе, отозвалъ отъ нашего двора своего министра Мардефельда» [216]. Но Мардефельдъ не былъ отозванъ, а Фридрихъ II употребилъ всѣ усилія, чтобъ заискать расположеніе новой императрицы. Онъ разсчитывалъ, что великій канцлеръ князь Черкаскій не проживетъ долго, что вице-канцлеръ Бестужевъ имѣетъ сильныхъ враговъ и не пользуется особеннымъ расположеніемъ императрицы, что важное назначеніе въ управленіи иностранными дѣлами готовится человѣку близкому къ императрицѣ, графу Воронцову, женатому не любимой родственницѣ Елисаветы по матери, Аннѣ Карловнѣ Скавронской, — и вслѣдствіе этихъ разсчетовъ осенью 1742 года Воронцовъ получаетъ отъ Фридриха орденъ Чернаго Орла; при этомъ Мардефельдъ объявилъ, что король, принимая во вниманіе заслуги господина камергера и то, что онъ имѣетъ честь быть женатымъ на родственницѣ императрицы, желаетъ этою наградою выразить свое высокое уваженіе къ ея величеству [217].

Въ сношеніяхъ съ польско-саксонскимъ дворомъ опять прежде всего сталъ на очереди вопросъ курляндскій: съ перемѣнами въ Петербургѣ перемѣнился и кандидатъ на курляндскій престолъ: вмѣсто принца брауншвейгскаго императрица велѣла Кейзерлингу хлопотать объ извѣстномъ намъ принцѣ гессенъ-гомбургскомъ, фельдмаршалѣ русской службы, и король Августъ попрежнему отвѣчалъ, что очень радъ исполнить желаніе императрицы, тѣмъ болѣе, что питаетъ пріязнь и склонность къ назначаемому ею кандидату.

Прежній герцогъ курляндскій, Биронъ, былъ оставленъ на житье въ Ярославлѣ; но былъ еще старый претендентъ на герцогство, который теперь вздумалъ возобновить свои исканія, — графъ Морицъ Саксонскій. Императрица была за принца гессенъ-гомбургскаго; но Лестокъ и Шетарди были противъ него, потому что этотъ нѣмецкій принцъ, по женитьбѣ своей на дочери фельдмаршала Трубецкаго, принадлежалъ къ враждебной имъ сторонѣ. Лестокъ чрезъ Кейзерлинга далъ знать Морицу, чтобъ онъ пріѣзжалъ въ Россію, и Морицъ явился въ Москву послѣ коронаціи и остановился у Шетарди, который давалъ для него богатые обѣды и ужины. Елисавета приняла очень милостиво стараго жениха, танцовала съ нимъ, брала на прогулки, но этимъ все и кончилось. Послѣ переговоровъ съ министрами великій канцлеръ объявилъ Морицу, что посѣщеніе его пріятно императрицѣ; но что касается курляндскаго дѣла, то ея величество уже разъ рекомендовала принца гессенъ-гомбургскаго и не можетъ отступиться отъ своей рекомендаціи. Впрочемъ, такъ какъ она не намѣрена дѣлать насилія ни королю польскому, ни республикѣ, ни Курляндцамъ и требуетъ только одного, чтобъ Курляндія сохранила свои старыя права и вольности, то ея величество никогда не будетъ дѣйствовать противъ графа Морица. Съ этимъ отвѣтомъ графъ и отправился изъ Москвы.

Кейзерлингъ давалъ знать, на основаніи тайныхъ сообщеній гетмана польскаго князя Радзивила и другихъ благонамѣренныхъ Поляковъ, что многіе, особенно же староста Сапѣга получающій французскую пенсію, стараются курляндское и другія малыя дѣла раздуть и раздражить Поляковъ, при чемъ внушаютъ о шведской помощи и большихъ суммахъ, которыя дадутся другими державами, такъ что, пользуясь настоящими обстоя-

тельствами, республика можетъ усилиться и придти въ прежнюю славу. Эти люди внушаютъ также, что графъ Брюль и патеръ Гварини, духовникъ короля, преданы Россіи, но что самъ король иначе думаетъ. Такъ какъ объ этомъ сказалъ Кейзерлингу самъ Брюль, то посолъ внушилъ ему, какъ было бы полезно удостовѣрить Поляковъ относительно истинныхъ чувствъ короля къ Россіи, что легко сдѣлать по поводу посольства, имѣющаго отправиться къ императрицѣ для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ. Брюль обѣщалъ исполнить это. Потомъ Кейзерлингъ началъ внушать коронному гетману Потоцкому, какъ настоящее положеніе Европы можетъ повредить спокойствію республики, для поддержанія котораго необходимы извѣстные союзы: республика граничитъ съ четырьмя сильными сосѣдями, и потому надобно смотрѣть, какое сосѣдство ей особенно можетъ быть полезно. Разумѣется, русское, потому что императрица находится въ особенной дружественной склонности къ республикѣ и желаетъ большаго утвержденія ея тишины и безопасности. На это гетманъ отвѣчалъ, что и по его мнѣнію для спокойствія и безопасности республики ничего не можетъ быть лучше дружбы съ Россіею. Дѣйствительно въ этомъ духѣ составлена была инструкція Огинскому, отправлявшемуся посломъ въ Петербургъ съ поздравленіемъ. По случаю замѣшательствъ въ Европѣ король не могъ пріѣхать въ Польшу и потому созвалъ польскій сенатъ въ пограничномъ городѣ Фрауштадтѣ. Туда съѣхалось множество польской знати, и Кейзерлингъ могъ удостовѣриться, что усиленіе Пруссіи произвело на Поляковъ самое неблагопріятное впечатлѣніе, и хотя, по выраженію посла, въ республиканскомъ государствѣ легко найти друзей и приверженцевъ, однако изъ польскихъ вельможъ никто не является прусскимъ приверженцемъ кромѣ воеводы бельзскаго. Изъ страха предъ Пруссіею Поляки обнаруживали сильную любовь и довѣренность къ своему королю. Гетманъ Потоцкій, всегда бывшій во главѣ противной двору партіи, теперь съ своими друзьями вполнѣ выражался въ пользу короля и даже подарилъ ему изъ собственнаго войска нѣсколько сотъ человѣкъ. Изъ страха же предъ Пруссіею объяснялось и расположеніе къ Россіи. Несмотря однако на это общее расположеніе, Кейзерлингъ не отвергалъ возможности, что шведскіе приверженцы, хотя и незначительные,

будутъ въ состоянiи произвести нѣкоторыя волненiя, и потому совѣтовалъ составить сильную русскую партiю подъ начальствомъ люблинскаго воеводы Тарло, которому надобно помочь деньгами; да и гетманъ Потоцкiй намекнулъ, что ему не доплачена пенсiя; хорошо было бы утвердить его въ добрыхъ намѣренiяхъ. Шведскiй эмиссаръ, полковникъ Де-Бона, ѣздилъ по вельможамъ польскимъ, предлагалъ деньги, чтобъ составили генеральную конфедерацiю, сулилъ войско, запасы и требовалъ, чтобъ Лифляндiя была театромъ войны противъ Россiи, представлялъ, что послѣ трудно будетъ дождаться болѣе благопрiятныхъ обстоятельствъ. Узнали, что стольникъ литовскiй Петръ Сапѣга старается въ пользу Шведовъ, набираетъ для нихъ войско и обучаетъ его, уговариваетъ шляхту, суля офицерскiя мѣста съ шведскими пенсiями. Молодой Орликъ писалъ отцу своему въ Яссы, что Россiя потеряла въ Финляндiи больше половины войска отъ болѣзней, что въ Россiи находится сильная партiя въ пользу сверженнаго императора. «Увидимъ, писалъ Орликъ, что произойдетъ на будущемъ сеймѣ; всего желательнѣе было бы внушить королю польскому, чтобъ онъ соединился съ народомъ и не упускалъ самаго удобнаго случая къ освобожденiю своего королевства отъ русскаго притѣсненiя и къ возвращенiю завоеванныхъ Россiею польскихъ областей: чрезъ это онъ получилъ бы успѣхъ въ своихъ частныхъ видахъ относительно наслѣдственности польской короны въ его домѣ.» Но королю не съ кѣмъ было соединяться: народъ въ Польшѣ, т. е. шляхта въ огромномъ большинствѣ не сочувствовала шведскимъ внушенiямъ и Де-Бона былъ схваченъ въ Данцигѣ. Въ концѣ iюля Кейзерлингъ писалъ, что нечего опасаться относительно Польши, и великiй гетманъ будетъ вести себя постояннымъ вслѣдствiе милости, оказанной ему императрицею [218].

Другая сосѣдняя держава, Турцiя, казалось, была доступнѣе враждебнымъ, т.-е. французскимъ и шведскимъ внушенiямъ. Вешняковъ въ началѣ 1742 года уже доносилъ, что французскiй посолъ внушаетъ Портѣ, будто Шведы начали войну съ Россiею въ ея пользу, всячески старается, чтобъ Турки помогли Шведамъ деньгами и позволили Татарамъ впасть въ русскiе предѣлы; но Турки не давались въ обманъ: «Я, писалъ Вешняковъ, всякое французское коварство и слабость Портѣ довольно истол-

ковалъ, въ чемъ англійскій посолъ немало помогаетъ, котораго дружбою и конфиденціею нынѣ зѣло доволенъ.» Въ половинѣ апрѣля Вешняковъ доносилъ, что война у Турокъ съ Персіею дѣло рѣшенное, поэтому Порта такъ занята и затруднена, что ни о чемъ другомъ и подумать не можетъ, хотя съ французской стороны и внушается, что Порта должна поддержать Швецію въ войнѣ ея съ Россіею именно для того, чтобъ быть безопасною отъ Россіи во время своей войны съ Персіею; хотя шведскій посланникъ Карлсонъ хлопоталъ о заключеніи союза между Турціею и Пруссіею, въ силу котораго Пруссіи позволено было бы набирать войско въ дунайскихъ княжествахъ; молдавскій государь Гика былъ на сторонѣ Карлсона.

Въ сентябрѣ Мпралемъ сообщилъ Вешнякову, что по французскимъ настояніямъ визирь принужденъ былъ доложить султану о необходимости помочь Швеціи, по обязательствамъ союза, если не открытою силою, то по крайней мѣрѣ деньгами. Султанъ сильно разсердился на визиря за этотъ докладъ, сказалъ, что жалѣетъ, что не велѣлъ отрубить голову бывшему рейсъ-ефенди, который былъ главнымъ виновникомъ этого нелѣпаго союза у Турціи съ Швеціею, обманулъ его, султана, увѣреніями, что Швеція такая же великая держава, какъ и Россія: «Когда я былъ въ войнѣ съ Россіею, продолжалъ султанъ, то Швеція была спокойна, а когда Франціи понадобилось Россію удержать, то Швеція войну начала. Не хочу и слышать объ этомъ шведскомъ союзѣ; у меня съ Швеціею договоръ такой же, какой со всѣми христіанскими державами. Не смѣй мнѣ впередъ упоминать объ этомъ дѣлѣ, противномъ интересамъ моимъ и закону, потому что казна моя должна употребляться только въ пользу магометанства и подданныхъ моихъ, а не на субсидіи гяурамъ, нѣтъ мнѣ нужды, хотя и пропадутъ.» Вслѣдствіе этого Порта отвѣчала кардиналу Флёри, что она не имѣетъ никакой обязанности помогать Швеціи, которая сама объявила войну Россіи, не давши Турціи заранѣе знать о причинахъ войны и не требуя добрыхъ услугъ для ея предотвращенія, что должно было сдѣлать по договору. Разорвать съ Россіею султанъ никакъ не можетъ, потому что послѣдняя держава не подала ни малѣйшей причины къ неудовольствію. Притомъ еслибы Турція захотѣла нарушить миръ съ Россіей, то Франція долж-

на ее отъ этого удерживать, какъ поручительница за миръ. Стало быть французское ручательство негодится, когда сама Франція побуждаетъ къ нарушенію гарантированнаго ею мира, по причинѣ дѣлъ своихъ между христіанами, въ которыя Порта отнюдь мѣшаться не хочетъ. Кромѣ того, находясь наканунѣ войны съ Персіею, неблагоразумно было бы возбуждать противъ себя Россію, такую сильную державу, которая четвертою долею своихъ силъ не только защитилась отъ Швеціи, но и совершенно ее низложила, остальныя же силы свои она употребила бы противъ Порты, вступивъ въ союзъ съ шахомъ. Причины, объявленныя Швеціею, не могутъ произвести не только войны, но даже холодности, слѣдовательно Порта должна признать эту войну несправедливою со стороны Швеціи, и потому не можетъ въ нее вмѣшиваться. На внушенія шведскаго посла, что Швеція начала войну для Порты, отвѣчать много нечего: если Швеція такъ усердствуетъ Портѣ, то ей слѣдовало бы начать войну когда Турція воевала съ Россіею, а не два года спустя послѣ заключенія мира. Порта имѣетъ полное право разсердиться на такія внушенія, въ которыхъ ясно видно неуваженіе къ ней, ибо разсчитывается на ея неразуміе и легковѣріе. Наконецъ, еслибы Порта и хотѣла что-нибудь сдѣлать изъ уваженія къ Франціи, то теперь уже поздно [219].

Изъ Персіи приходили прежнія диковинныя вѣсти. Когда резидентъ Калушкинъ объявилъ шаху Надиру о вступленіи на престолъ Елисаветы, тотъ отвѣчалъ, что слышитъ объ этомъ со всякою пріятностію и желаетъ, чтобъ держава ея имп. величества во вѣки была непоколебима; что русскій престолъ по закону и по праву крови только ей и принадлежалъ, какъ дочери Петра Великаго; что онъ давно желалъ этого событія, потому что о добродѣтеляхъ императрицы онъ давно знаетъ. Въ знакъ своей радости онъ велѣлъ подарить резиденту 1000 рублей и кафтанъ съ кушакомъ и чалмою, студенту Братищеву триста рублей, толмачу двѣсти. Но послѣ этихъ учтивостей Надиръ сейчасъ же заявилъ слѣдующія требованія: 1) чтобъ отпустили назначенныхъ для Персіи и задержанныхъ въ Кизлярѣ 200 лошадей и чтобъ дозволено было покупать въ Россіи и большее число лошадей и верблюдовъ; 2) чтобъ прислали ему десять мореход-

ныхъ судовъ, изъ которыхъ три были бы вооружены и наполнены артиллерійскими припасами, снабжены матросами и пушкарями, чтобъ съ ихъ помощію онъ шахъ могъ искоренить своихъ бунтовщиковъ, живущихъ на островѣ Каспійскаго моря; 3) чтобъ остальныя семь судовъ были нагружены хлѣбомъ, для закупки котораго онъ пошлетъ нарочныхъ въ Астрахань, хлѣбъ долженъ быть доставленъ въ ближайшія къ его лагерю гавани. Лагерь находился попрежнему около Дербента, и множество персидскаго войска помирало отъ стужи и голода, не говоря уже объ истребительныхъ битвахъ съ Лезгинцами, которые въ послѣдней битвѣ едва не захватили въ плѣнъ самого шаха. Калушкинъ попрежнему не пророчилъ Надиру ничего добраго, кромѣ окончательнаго разоренія Персіи отъ безумнаго дагестанскаго похода, въ продолженіи котораго шахъ упорствуетъ; резидентъ писалъ, что единственное средство умѣрить его требованія—это двинуть войско къ границѣ и потомъ не обращать на завоевателя Индіи никакого вниманія. Угождать Надиру, исполнять его требованія вовсе не согласно съ русскими интересами, ибо если суда разъ попадутъ въ его руки, то возвратить ихъ будетъ очень трудно; пока шахово желаніе завести на Каспійскомъ морѣ персидскій флотъ продлится, до тѣхъ поръ русскія суда всегда будутъ находиться въ безпокойствѣ, Персіяне всегда будутъ дѣлать разные происки для полученія съ нихъ людей и матеріаловъ. Калушкинъ, опасно заболѣвшій отъ непріятностей, трудовъ и всякаго рода лишеній въ Персіи, жаловался на Остермана, который заставлялъ его терпѣть все это, чтобъ не раздражать Надира, тогда какъ снисхожденіями и ласкою съ этими варварами ничего сдѣлать нельзя; всѣ представленія резидента, чтобъ поступать съ Персіею смѣло и рѣшительно и тѣмъ внушать уваженіе, были презрѣны Остерманомъ. Калушкинъ совѣтовалъ даже прекратить на нѣсколько времени торговыя сношенія съ Персіею и тѣмъ усмирить шахову гордость; пусть персидскіе купцы ѣздятъ въ Астрахань, этимъ русскіе купцы освободятся отъ насилій, которыя они терпятъ въ Персіи.

Калушкинъ умеръ; но представленія его были приняты новымъ русскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что оскорбленія, нанесенныя русскому консулу въ Рящѣ, Арапову, убѣждали въ

необходимости перемѣнить ласку на угрозу. Преемникъ Калушкина, переводчикъ Братищевъ, писалъ въ іюлѣ, что извѣстія о постоянномъ движеніи русскихъ войскъ къ Кизляру испугало Надира и сбавило спѣси. И Братищевъ, подобно Калушкину, постоянно писалъ, что Персіянъ бояться нечего: «Смѣю рабски донести, что для укрощенія такого безпокойнаго сосѣда никакой трудности не предвидится; для завладѣнія всѣмъ персидскимъ лагеремъ нужно 10, много 15 тысячъ регулярнаго войска, да столько же нерегулярнаго. Множество знатныхъ Персіянъ, даже придворные ближніе евнухи усердно желаютъ подчиниться Россіи; Дербентцы, горожане и сельскіе жители, боясь истребленія отъ тиранна, денно и нощно просятъ у Бога избавленія, и подчиненіе Россіи сочтутъ за великое счастіе; однимъ словомъ, во всей Персіи едвали найдется одинъ человѣкъ, который бы не имѣлъ склонности къ русскому подданству.»

Въ октябрѣ Братищевъ доносилъ, что шахъ намѣренъ напасть на Кизляръ, прибавляя, что всѣ горскіе народы нетерпѣливо желаютъ съ русской стороны наступленія на шаха. Донесенія Братищева о всеобщемъ неудовольствіи потверждались тѣмъ, что открытъ былъ заговоръ роднаго сына Надирова противъ жизни отцовской; а сынъ на допросѣ обвинялъ отца, что тотъ хотѣлъ его отравить. «Шахъ, писалъ Братищевъ, въ неумѣренной запальчивости находится и рѣдко дѣла выслушиваетъ, только твердитъ о преступленіяхъ сына, причитая что̀ попадется подъ языкъ. Весь лагерь трепещетъ, и никто не смѣетъ подступить съ докладами къ суровому тиранну.» Надиръ велѣлъ ослѣпить сына. Въ ноябрѣ и началѣ декабря Братищевъ продолжалъ писать о враждебныхъ намѣреніяхъ шаха противъ Россіи; но потомъ увѣдомилъ, что намѣренія эти отмѣняются по совѣтамъ любимца шахова мирзы Зеки и главнаго муллы, который внушалъ, что Русскіе будутъ дѣйствовать противъ Персіи сухимъ путемъ о моремъ, Андреевцы и Кабардинцы вооружатся какъ русскіе подданные; наконецъ Россія подниметъ Дагестанцевъ и Турокъ; въ Кизляръ русскій генералъ съ большимъ войскомъ уже прибылъ. Во второй половинѣ декабря снова предостереженіе отъ Братищева относительно враждебныхъ намѣреній Надира, который отъ другихъ слышитъ внушенія, что на Россію легко напасть, и между такими находится англичанинъ Эльтонъ, построившій

себѣ корабль на Каспiйскомъ морѣ: на этомъ кораблѣ Эльтонъ изъявлялъ готовность перевозить людей и съѣстные припасы въ случаѣ похода шахова на Россiю; но какъ видно, самымъ сильнымъ побужденiемъ къ походу въ Россiю служило для Надира желанiе загладить безславiе неудачнаго похода противъ горскихъ народовъ [220].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1743 годъ.

Новыя возвращенія ссыльныхъ. — Дѣятельность сената. — Донесеніе прокуроровъ о безпорядкахъ въ разныхъ учрежденіяхъ. — Подрядчики въ сенатѣ. — Финансы. — Коммиссія о воровскомъ клеймѣ. — Мѣры относительно торговли и промышленности. — Крестьяне. — Возстаніе Мордвы. — Мѣры относительно новокрещенныхъ инородцевъ. — Раскольники. — Столкновеніе сената съ синодомъ. — Мѣры относительно религіознаго образованія. — Намѣреніе удалить церкви иностранныхъ исповѣданій съ Невскаго проспекта въ Петербургѣ. — Приготовленія къ путешествію императрицы въ Москву и Кіевъ.—Дѣла внѣшнія.—Конгрессъ и миръ въ Або.—Послѣдующія отношенія Россіи къ Швеціи.— Сношенія съ Франціею. — Лопухинское дѣло. — Сношенія съ Австріею и Англіею. — Интриги въ Петербургѣ.

Въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы возвращали изъ ссылки и возстановляли въ прежнемъ значеніи недавнихъ опальныхъ, о которыхъ память была свѣжа и которые могли имѣть усердныхъ напоминателей. Только въ началѣ 1743 года вспомнили о вѣрномъ слугѣ Петра и Екатерины: Антонъ Дивьеръ, «который безвинно страдалъ,» пожалованъ былъ прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта, графскимъ достоинствомъ и орденомъ Александра Невскаго [221]. Семеновскаго полка прапорщикъ Алексѣй Шубинъ, сосланный, какъ утверждали, императрицею Анною за связь его съ Елисаветою, былъ пожалованъ въ Семеновскій же полкъ премьеръ-майоромъ и притомъ генералъ-майоромъ, за то, что «безвинно претерпѣлъ многіе лѣта въ ссылкѣ въ жестокомъ заключеніи» [222].

Неизвѣстно, по какому поводу въ самомъ началѣ года сенату было запрещено начинать дѣла по предложеніямъ, письменнымъ или словеснымъ, безъ письменнаго указа за рукою императрицы [223]. Елисавета въ продолженіе года четыре раза присутствовала въ сенатѣ, занятія котораго въ этомъ году увеличились донесеніями прокуроровъ о безпорядкахъ, происходившихъ по разнымъ учрежденіямъ. Такъ генералъ-прокуроръ предложилъ донесеніе прокурора бергъ-коллегіи Василья Суворова [224], что въ концѣ прошлаго 1742 года президентъ этой коллегіи, пріѣхавъ въ присутствіе и не собравъ членовъ, одинъ сочинилъ и подписалъ опредѣленіе о свободѣ изъ-подъ караула на поруки заводчика Бѣлова; это опредѣленіе послѣ вице-президентъ, одинъ совѣтникъ и два ассессора закрѣпили, но два другіе совѣтника и одинъ ассессоръ подали особливое мнѣніе, что Бѣлова освободить нельзя. Тутъ дѣло кончилось, но черезъ мѣсяцъ съ чѣмъ-нибудь явилось опредѣленіе за руками президента, вице-президента и ассессоровъ, чтобъ представить объ освобожденіи Бѣлова въ сенатъ, тогда какъ остальные члены коллегіи не имѣли никакого понятія, когда этотъ приговоръ сочиненъ и подписанъ, секретарской руки на немъ не было, и потому полагали, что онъ сочиненъ и подписанъ внѣ коллегіи; прокуроръ словесно и письменно протестовалъ противъ такого веденія дѣла; но его не послушали, возвратили ему его протестъ назадъ и послали въ сенатъ донесеніе объ освобожденіи Бѣлова. Сенатъ приказалъ: впредь бергъ-коллегіи поступать порядочно, а не такъ, какъ оная нынѣ учинила, а противъ прокурорскаго доношенія, что протоколъ явился сочиненъ внѣ коллегіи, взявъ отъ коллегіи отвѣтъ, изслѣдовать. Въ коммерцъ-коллегіи опредѣлено было для осмотра поташныхъ заводовъ отправить ассессора Красовскаго, а потомъ въ журналѣ записано, чтобъ для этого отправить изъ нижегородской губерніи офицера, а прежнее опредѣленіе о Красовскомъ отмѣнить. Прокуроръ остановилъ новое рѣшеніе, требуя исполненія стараго, коллегія не согласилась, и сенатъ высказался въ пользу прокурора [225].—Архангельской губерніи прокуроръ донесъ, что секретари ходятъ въ канцелярію всякій по своей волѣ, отъ чего колодниковъ держатъ очень долго, а челобитчикамъ напрасная волокита и разореніе; кромѣ того, вслѣдствіе нехожденія секретаря, доимка осталась безъ взыска-

нія, и когда прокуроръ сталъ взыскивать на секретарѣ, то тотъ отвѣчалъ очень неучтиво: «а отъ губернатора въ томъ ему никакого сокращенія не учинено.»—Прокуроръ коллегіи-экономіи доносилъ, что члены въ засѣданіи всѣ никогда не бываютъ, а которые и бываютъ, то одинъ безъ другаго хотя бы и неважныхъ дѣлъ не слушаютъ, отъ чего дѣла тянутся долго. — Архангельскій губернскій прокуроръ доносилъ, что въ Архангельскѣ и Вологдѣ въ правленіи полицейской должности не только великое упущеніе или слабое смотрѣніе, но вовсе надлежащая полицейская должность оставлена, отъ полиціи остается одно названіе, а исправленія никакого нѣтъ. Въ апрѣлѣ генералъ-прокуроръ предлагалъ сенату [226]: усмотрѣно, что обрѣтающіеся въ Москвѣ президенты и члены въ коллегіи, канцеляріи и приказы пріѣзжаютъ очень поздно, не ранѣе девятаго часа пополуночи, и потому дѣлъ рѣшается очень мало: приказали подтвердить накрѣпко, чтобъ пріѣзжали и уѣзжали въ указные часы. Но это подтвержденіе не дѣйствовало: 1 ноября генералъ-прокуроръ предложилъ, что сегодня въ исходѣ седьмаго часа пополуночи посылалъ онъ по коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ осмотрѣть—присутствующіе имѣютъ ли засѣданіе по регламенту, но посланные не нашли не только никого изъ судей, но и секретарей, кромѣ военной коллегіи и губернской канцеляріи, никого ни гдѣ не было [227]. Опять посланы указы, чтобъ съѣзжались по генеральному регламенту, въ противномъ случаѣ будутъ платить штрафъ. О безпорядкахъ въ разныхъ коллегіяхъ доносили прокуроры; но главный коммиссаріатъ самъ извѣстилъ сенатъ о своемъ странномъ распоряженіи: безъ слѣдствія и не требуя указа отъ сената, онъ послалъ указъ въ бѣлгородскую губернію объ отрѣшеніи отъ должности сѣвскаго воеводы [228]. Начальникъ коммиссаріата долженъ былъ за это просить прощенія у сената.

Любопытную черту изъ дѣятельности сената описываемаго года составляютъ переговоры его съ подрядчиками на кронштадтскія работы [229]. 3 іюня допущены были въ собраніе сената каменнаго дѣла подрядчики; сенаторы долго уговаривали ихъ взять кладку каменныхъ стѣнъ канала и теску плитъ съ платою посаженно, но подрядчики не соглашались, говоря, что на такую посажённую работу каменьщики нейдутъ и они ихъ набрать не

могутъ, а помѣсячно возьмутъ за шесть рублей на человѣка, и когда въ дѣло вступятъ, то, разсмотрѣвъ обстоятельно работы, черезъ мѣсяцъ надѣются взять и посажённо. Сенатъ находился въ большомъ затрудненіи, потому что именнымъ указомъ запрещено было при этой работѣ нанимать каменьщиковъ за помѣсячную или поденную плату, кромѣ необходимыхъ мѣстъ. Однако дѣлать нечего, видя упорство подрядчиковъ, сенатъ рѣшилъ нанять ихъ помѣсячно съ тѣмъ, чтобъ черезъ мѣсяцъ, по разсмотрѣніи тѣхъ работъ, нанялись посажённо и поштучно, къ чему опредѣленные къ работамъ офицеры должны ихъ прилежно склонять. Сенаторы опять принялись уговаривать подрядчиковъ, чтобъ помѣсячно просили цѣну настоящую, представляли, что имъ при этомъ строеніи никакихъ притѣсненій, обидъ и удержки заработныхъ денегъ не будетъ; если же хотя малая отъ когонибудь будетъ обида, то позволяется имъ приходить прямо въ сенатъ съ жалобою. Но подрядчики меньше шести рублей на человѣка въ мѣсяцъ не взяли, представляя, что они не надѣются нанять каменьщиковъ за меньшую цѣну и боятся такой же бѣды, какъ до сихъ поръ два подрядчика за непоставку по договору каменьщиковъ лѣтъ девять держатся подъ карауломъ въ конторѣ кронштадтскихъ строеній. Тогда сенаторы объявили имъ послѣднюю цѣну — по 5 рублей на мѣсяцъ, при чемъ объявленъ имъ высочайшій указъ, что кромѣ Кронштадта каменьщики другой работы въ Петербургѣ не сыщутъ нигдѣ. Съ этимъ подрядчики и были отпущены; а въ контору кронштадтскихъ строеній посланъ указъ, велѣно прислать въ сенатъ вѣдомость, какіе именно два подрядчика, въ какомъ дѣлѣ содержатся и почему такъ долго не выпущены. 6 іюня подрядчики опять явились въ сенатъ и объявили, что изъ шести рублей болѣе 10 копѣекъ имъ уступить нельзя, потомъ сбавили еще 5 копѣекъ. Сенатъ доложилъ императрицѣ; но до 21 числа высочайшей резолюціи на этотъ докладъ не послѣдовало, и потому сенатъ приказалъ адмиралтейской коллегіи имѣть крайнѣйшее стараніе въ пріисканіи другихъ каменьщиковъ и плотниковъ. Муку въ казну покупали куль въ 9 пудовъ по 2 рубля; крупу четверть въ 8 пудовъ по 2 рубля 80 копѣекъ. Сенатъ уговаривалъ купцовъ, 19 человѣкъ, уступить, но не уступили, потому что уплата должна была производиться въ слѣдующемъ 1744 году [230].

Работы становились дороги, а финансовая машина попрежнему шла медленно. Президентъ штатсъ-конторы внесъ въ сенатъ докладъ, что контора на разные нужнѣйшие расходы должна отпустить большія суммы денегъ, но ей должна коллегія-экономіи 141.024 рубля да сибирскій приказъ 105.562 рубля, и по неоднократнымъ указамъ изъ сената до сихъ поръ ничего не платятъ, объявляя разныя отговорки [231]. Доимки не выплачивались; угрозы губернаторамъ и воеводамъ не помогали; принялись за камеръ-коллегію: ей предписано, чтобъ она сама, не складывая на губернаторовъ и воеводъ, старалась о взысканіи доимокъ и бездоимочномъ сборѣ настоящихъ доходовъ, въ противномъ случаѣ штрафъ будетъ наложенъ на ея членовъ и секретарей. Сенатъ узналъ, что губернаторы, воеводы и приказные люди берутъ даромъ казенныя питья изъ кабаковъ, а изъ таможенъ дрова и свѣчи; послѣдовало запрещеніе [232]. Одинъ Нѣмецъ предложилъ завести клейменыя карты, брать съ нихъ пошлину по 15 копѣекъ съ игры, и клейменые отдавать на откупъ; но сенатъ отвергъ предложеніе, потому что указами Петра Великаго и Анны Іоанновны игра въ карты за деньги была запрещена [233].

Возобновили, какъ было при Петрѣ, бергъ-и-мануфактуръ-коллегіи; естественно было возобновить главный магистратъ, учрежденный Преобразователемъ для «собранія разсыпанной храмины,» и въ маѣ описываемаго года главный магистратъ возстановленъ; оберъ-президентомъ его былъ назначенъ князь Василій Хованскій [234]. Новый годъ начался учрежденіемъ слѣдственной коммиссіи о воровскомъ клеймѣ. Коммиссія усмотрѣла, что многіе изъ приличившихся по тому дѣлу иностранныхъ купцовъ ввозимые въ Россію изъ-за моря товары клеймили поддѣльными клеймами, также изъ пакгауза многіе товары, по согласію съ таможенными служителями, воровски вывозили, и вмѣсто нихъ ввозили другіе недорогіе товары [235]. Купцы повинились, и всѣхъ ихъ освободили съ тѣмъ, чтобъ они сумму утаенныхъ пошлинъ, въ какой сами признались, именно 21.000 рублей, заплатили вдвое въ одну недѣлю. Преступленіе было прощено, лишь бы поскорѣе дали денегъ. Такъ и въ другой разъ, когда дѣло пошло о скорѣйшей выручкѣ денегъ, то отступили отъ правила возвращаться къ постановленіямъ Петра Великаго и оставили въ силѣ указъ Анны Леопольдовны. Петръ Великій оставилъ казен-

ными товарами только поташъ и смольчугъ, а прочіе товары «уволилъ въ народъ;» но въ правленіе Анны Леопольдовны смолу сдѣлали опять казеннымъ товаромъ. Теперь, на основаніи указа о возстановленіи распоряженій Петра Великаго, хотѣли было и смоляной торгъ уволить въ народъ; но соблазнились, разсчитавши прибыль отъ казеннаго торга, и оставили смолу за казною [236]. Только тамъ, гдѣ дѣло шло о религіозномъ интересѣ, Елисавету нельзя было соблазнить никакою выгодою. Сенатъ подалъ докладъ, что отъ прошлогодняго указа о недопущеніи Жидовъ въ имперію торговля какъ въ Малороссіи, такъ и въ остзейскихъ областяхъ потерпѣла большой ущербъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерпитъ и казна отъ уменьшенія пошлинъ. Императрица написала такую резолюцію: «Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли» [237]. Остались вѣрны правилу Петра Великаго развивать торговлю распространеніемъ просвѣщенія, здравыхъ понятій о торговлѣ между купцами. Коммерцъ-коллегіи президентъ объявилъ сенату, что коллегія поручила секретарю Академіи наукъ Волчкову перевесть экстрактъ изъ Саваріева лексикона о коммерціи съ французскаго на русскій языкъ, котораго нѣсколько уже и переведено, а остальное Волчковъ обѣщается перевесть, только требуетъ за такое многотрудное дѣло 500 рублей: коллегія представляетъ, не угодно ли будетъ во славу императора Петра Великаго и для пользы русскому купечеству въ будущемъ эту книгу перевесть и означенныя деньги выдать, ибо отъ перевода ея можетъ произойти только государственная прибыль и слава Россіи. Приказали: означенный экстрактъ со всякою исправностію секретарю Волчкову перевесть, и ему пять сотъ рублевъ, ежели меньше не возьметъ, выдать» [238].

Для увеличенія доходовъ сочли нужнымъ устроить особое управленіе казенными рыбными промыслами на нижней Волгѣ и Яикѣ [239]: главнымъ командиромъ астраханской рыбной конторы назначенъ былъ вице-президентъ Раевскій, въ его командѣ были начальники саратовской и гурьевской рыбныхъ конторъ; товарищемъ главнаго командира въ Астрахани назначенъ московскій купецъ Мыльниковъ на пять лѣтъ до будущаго усмотрѣнія; для размноженія промысловъ назначено было 55.000 рублей, а Мыльниковъ обязался, что казна будетъ получать ежегодно прибыли не меньше 50.000 рублей. На юго-востокѣ правительство занима-

лось устройствомъ прибыльныхъ рыбныхъ промысловъ; на Сѣверномъ океанѣ частные люди ходили промышлять на отдаленный Шпицбергенъ, подвергаясь страшнымъ опасностямъ. Въ описываемомъ году доставлены были въ Петербургъ изъ Любека отъ русскаго резидента 12 человѣкъ крестьянъ мезенскаго уѣзда, которые для моржеваго промысла были на «окіанѣ островѣ Грумантѣ,» гдѣ ихъ судно великимъ волненіемъ разломало надвое и потопило, а они спаслись на «щерботѣ» и взяты на голландскій корабль, на которомъ привезены были въ Амстердамъ къ русскому резиденту, а оттуда въ Гамбургъ и Любекъ. Адмиральтейская коллегія выдала имъ паспорты для возвращенія на родину и на дорогу надѣлила сухарями для ихъ бѣдности [240].

Относительно нѣкоторыхъ отраслей промышленности приходили къ печальному убѣжденію, что передача казенныхъ заводовъ въ частныя руки повредила производству.

Въ іюнѣ императрица дала указъ сенату, что производство кирпича и черепицы никуда не годится, кирпичъ худъ, а черепицу только для виду дѣлаютъ, крѣпости въ ней никакой нѣтъ, гдѣ употреблена на кровли, вездѣ течетъ насквозь и трескается; въ такое дурное состояніе производство пришло послѣ кончины родителей императрицы, когда казенные заводы вовсе уничтожены и въ частныя руки отданы, а частные владѣльцы не соблюдаютъ старыхъ обрядовъ при работѣ: глину заранѣе не готовятъ, не мнутъ ее какъ слѣдуетъ, сараевъ не имѣютъ и пр. [241]. Для возобновленія этого производства чрезъ архитектора Осипа Дрезина выписаны изъ Италіи мастера кирпичнаго и черепичнаго дѣла два человѣка, которые съ названнымъ архитекторомъ отыскали годную глину на казенныхъ земляхъ по обѣ стороны Невы рѣки на московской сторонѣ, гдѣ и слѣдуетъ устроить новые заводы, а для обученія тому мастерству дать солдатскихъ дѣтей изъ гарнизонной школы. Суконное и полотняное производство шло хорошо въ частныхъ рукахъ. Воронежскій купецъ Постоваловъ завелъ въ Воронежѣ суконную фабрику въ 1739 году, употребивъ на нее 40.000 капитала; теперь она явилась въ добромъ состояніи, и Постовалову позволено было завести еще бумажный заводъ, а для вспоможенія правительство дало ему казенный каменный домъ въ Воронежѣ, липскую суконную фабрику, которая не пошла въ рукахъ иностранца Аріольти, инструмен-

ты и мастеровыхъ людей съ фабрикъ, отнятыхъ у Сахарова и Плотникова за «неразмноженіе ихъ суконныхъ фабрикъ;» позволило купить деревню до 50 дворовъ, съ тѣмъ, чтобы крестьянъ кромѣ фабрики не употреблять никуда. За эти милости Постоваловъ обязанъ былъ приготовлять мундирныя сукна и каразеи—на первые годы не меньше 30.000 суконъ въ годъ, а впредь съ умноженіемъ [242]. Относительно выдѣлки полотенъ возобновленъ былъ указъ Петра Великаго, чтобъ дѣланы были широкія полотна, какія требовались за границу [243]. Съ казенной почепской фабрики продано было купцу Тиммерману 6500 кусковъ по 4,31 копѣйки за кусокъ [244]. 16 декабря императрица, присутствуя въ сенатѣ, устно приказала, чтобъ коммерцъ-коллегія вмѣстѣ съ магистратомъ разсмотрѣли, отъ чего какъ шелковые, такъ и другіе товары сильно вздорожали [245].

Шведская война прекратилась; но положеніе европейскихъ дѣлъ не давало ручательства за продолжительное сохраненіе мира, не позволяло надѣяться на значительное уменьшеніе расходовъ на войско. Кромѣ того, возстановляя во всемъ распоряженія Петра Великаго, должны были позаботиться о любимомъ его учрежденіи, флотѣ, который, какъ доносили, находился въ жалкомъ положеніи. Въ концѣ года корабельный подмастерье Острецовъ подалъ императрицѣ доносъ на адмиралтейство, что оно и флотъ находятся въ весьма слабомъ состояніи, магазины опустошены, гавани въ Кронштадтѣ корабельными днищами засорены и обмелѣли, для вычищенія ихъ машинъ нѣтъ, мачтовые лѣса безъ остатку погноены, люди при флотѣ и верфяхъ безмѣрно загнаны; когда флотъ долженъ выходить въ море противъ непріятеля, тогда провіантъ закупаютъ, пива варить подрядомъ начинаютъ, смолу купить пріискиваютъ, купеческія суда для перевозки нанимаютъ, а все съ немалою передачею казны [246].

Внѣшняя война прекратилась, но войско надобилось для внутренней войны, для войны съ разбойниками, театромъ которой попрежнему служила восточная окраина Европейской Россіи. Въ самомъ началѣ года сенату докладывано, что по челобитью казанскихъ землевладѣльцевъ для поимки бѣглыхъ крестьянъ и для искорененія воровъ по рѣкамъ Волгѣ, Медвѣдицѣ, Карамышу и въ саратовской степи опредѣлено послать штабъ-офицера съ командою [247]. Донской атаманъ донесъ, что всѣ козачьи хутора,

въ которыхъ бѣглецамъ не безъ пристанища было, искоренены, а бѣглыхъ, скрывавшихся въ станицахъ и лѣсахъ, отправили въ крѣпость св. Анны, въ Царицынъ и другія мѣста. Но осенью нижегородская губернская канцелярія доносила, что въ тамошней губерніи являются воры и разбойники великими компаніями, сухимъ и водянымъ путями, а канцелярія, за неимѣніемъ солдатъ, искоренить ихъ не можетъ [248]. Сенатъ велѣлъ изъ стоящихъ по близости полковъ опредѣлить пристойную команду. По петербургской дорогѣ было воровство и разбои; недалеко отъ Москвы разбили морскаго офицера [249]. Въ самой Москвѣ крестьянинъ Зацѣпляевъ, собравшись съ гренадеромъ лейбъ-компаніи Тѣлесниковымъ и съ дворовыми людьми, всего десять человѣкъ, ѣздили за Калужскія ворота и Донской монастырь для разбою въ два дома [250].

Кромѣ погони за разбойниками въ той же нижегородской губерніи войско должно было выдержать бой съ Мордвою, возставшею по слѣдующему случаю [251]: нижегородскій архіерей Димитрій, объѣзжая епархію, въ терешевской волости, въ селѣ Сарлеяхъ, велѣлъ разорить мордовское языческое кладбище, находившееся подлѣ церкви; за это Мордва собралась и напала на архіерея, который едва отсидѣлся въ погребѣ у священника, пока подоспѣли христіане изъ окрестныхъ деревень. Димитрій, донося объ этомъ происшествіи, писалъ, что бунтовщики не Мордва, а старые русскіе идолопоклонники, помордовски говорить не умѣютъ, а говорятъ ярославскимъ нарѣчіемъ, рознясь отъ русскихъ нижегородцевъ. Какъ бы то ни было въ терешевскую волость отправился премьеръ-маіоръ Юнгеръ съ командою, велѣно ему Мордву склонять къ покорности, и если не склонятся, то репортовать, а безъ указу съ ними военною рукою не поступать. Но Юнгеръ не имѣлъ возможности исполнить указа, ибо репортовать было нельзя, когда Мордва встрѣтила его съ луками, рогатинами и огнестрѣльнымъ оружіемъ въ числѣ 1000 человѣкъ и начала стрѣлять въ его команду. Юнгеръ долженъ былъ вступить въ бой и поразилъ непріятеля: у Мордвы побито 35 человѣкъ, живыхъ взято 136, въ томъ числѣ раненыхъ 31, а въ командѣ ранено 5 человѣкъ. Послѣ этого Мордва стала просить прощенія; Юнгеру велѣно было заводчиковъ и пущаго Несмѣянку прислать въ губернскую канцелярію, остальныхъ простить

и объявить имъ, что если кто хочетъ принять христіанскую вѣру, пусть подастъ просьбу епископу Димитрію. Въ губернскую канцелярію прислано было 130 человѣкъ заводчиковъ. Главный изъ нихъ, новокрещенъ Несмѣянко кривой, за то, что отступилъ отъ христіанства, снявъ съ себя крестъ, раскалолъ икону, приговоренъ къ сожженію; но къ архіерею синодъ долженъ былъ послать указъ, чтобъ неволею никого не крестилъ и не озлоблялъ.

Обрусѣлые, если не русскіе, язычники нападаютъ на архіерея, вступаютъ въ битву съ войскомъ правительства, новокрещенный снимаетъ съ себя крестъ, рубитъ икону и становится главою возстанія идолопоклонниковъ! Мы видѣли, что въ царствованіе Анны лучшимъ средствомъ для успокоенія областей стараго Казанскаго царства считали распространеніе и утвержденіе христіанства между иновѣрными его жителями, и въ 1740 году назначенъ былъ для этого дѣла въ Казань архимандритъ Димитрій Сѣченовъ. Теперь онъ представилъ въ синодъ [252], что въ мѣстахъ населенныхъ новокрещенами необходимо построить по меньшей мѣрѣ 30 деревянныхъ церквей, ибо новообращенные отъ русскихъ селъ живутъ въ разстояніи осьмидесяти, ста и болѣе верстъ, и что на это церковное строеніе надобно употребить 9000 рублей, считая каждую церковь въ 300 рублей. Сенатъ нашелъ, что эта сумма велика, что коллегія экономіи должна отпустить только половину, а издержка сократится тѣмъ, что церкви будутъ строиться мѣстными жителями, даже и тѣми, которые не захотятъ креститься; указалъ, какъ пріобрѣсти подешевле книги, колокола, утварь. По доношенію того же Сѣченова синодъ представлялъ, что до построенія церквей нужно къ каждымъ 250 дворамъ посвятить по два священника, по одному діакону и по три церковника, которые будутъ наблюдать за строеніемъ церквей, новокрещенныхъ будутъ обучать Закону Божію, а дѣтей ихъ грамотѣ, и всячески стараться вводить между ними христіанскіе обычаи, а требы исправлять хотя при часовняхъ; жалованье имъ давать—священникамъ по 30 рублей и по 30 четвертей хлѣба, дьяконамъ по 20 рублей и по 20 четвертей хлѣба, а церковникамъ по 15 рублей и по 15 четвертей хлѣба. По указу 1740 года велѣно было новокрещеновъ переселять изъ тѣхъ деревень, гдѣ они живутъ вмѣстѣ съ иновѣр-

цами; но Сѣченовъ представилъ, что въ деревняхъ новокрещеновъ бываетъ большинство, и переселеніе будетъ имъ убыточно и зазорно, какъ будто за принятіе св. крещенія они лишаются старинныхъ своихъ жилищъ, что отвратитъ многихъ иновѣрцевъ отъ крещенія, слѣдовательно гораздо лучше переселять иновѣрцевъ, которые, не желая лишиться прежнихъ своихъ домовъ и земель, придутъ всѣ къ св. крещенію *самовольно*. Сенатъ согласился съ этимъ представленіемъ. Согласился и на возобновленіе стараго распоряженія, чтобъ принимавшіе крещеніе холопи и крестьяне иновѣрныхъ землевладѣльцевъ освобождались отъ крѣпостной зависимости, а если сами землевладѣльцы примутъ христіанство, то получаютъ постарому своихъ холопей и крестьянъ; чтобъ принявшіе крещеніе освобождены были на три года отъ всѣхъ поборовъ, которые должны быть разложены на оставшихся въ иновѣріи; чтобъ тѣ изъ нихъ, которые живутъ по кабаламъ у заимодавцевъ, были отъ нихъ освобождены; чтобъ тѣ изъ иновѣрцевъ, которые содержатся подъ карауломъ по маловажнымъ дѣламъ и захотятъ принять крещеніе, освобождались изъ-подъ караула безъ всякаго наказанія. По донесенію Сѣченова въ 1741 и 1742 годахъ было обращено въ христіанство 17.362 человѣка.

Иновѣрцевъ освобождали изъ-подъ караула и не подвергали наказанію, если они принимали крещеніе, при чемъ не возбуждалось подозрѣнія насчетъ побужденій. Иначе смотрѣла раскольничья контора на обращавшихся въ православіе раскольниковъ. Въ Сибири, въ кузнецкомъ уѣздѣ 18 человѣкъ раскольниковъ сожгли сами себя; нѣкоторые, хотѣвшіе послѣдовать ихъ примѣру, были схвачены и обратились въ православіе; но раскольничья контора представила сенату [253], что они обратились «знатно избывая истязаній;» что надобно ихъ разспросить подъ плетьми о сгорѣвшихъ 18 человѣкахъ и сообщникахъ ихъ; такъ какъ они, не объявивши начальству, допустили этихъ 18 человѣкъ до самосожженія, то подвергаются смертной казни; но такъ какъ они обратились въ православіе, то слѣдуетъ ихъ для острастки другимъ наказать кнутомъ. Сенатъ приказалъ: конторѣ поступать по точнымъ указамъ, имѣя которые, ей не слѣдовало и представлять въ сенатъ; обратившихся раскольниковъ не трогать, только смотрѣть, чтобъ они твердо пребывали въ право-

славіи. Сенатъ долженъ былъ также умѣрить ревность архангельской губернской канцеляріи: архіерейская домовая канцелярія дала ей знать, что въ мезенскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстахъ многочисленными скитами живутъ потаенные раскольники обоего пола, монахи и бѣльцы; донощикъ признаетъ ихъ изъ шляхетства или изъ знатнаго купечества, или изъ подрядчиковъ, которые можетъ быть бѣжали забравши изъ казны большія суммы. Губернская канцелярія отправила премьеръ-майора съ командою забрать всѣхъ раскольниковъ съ пожитками и отправить въ Архангельскъ, а строеніе ихъ сжечь; если же они будутъ сопротивляться, то силою ихъ склонять и увѣщевать; если же вознамѣрятся отбиваться, то по нимъ стрѣлять и захватывать. Сенатъ приказалъ: послать указъ, чтобъ поступали весьма осмотрительно, безъ разоренія и грабежей, и отнюдь бы не вступали въ бой подъ опасеніемъ военнаго суда, поступать во всемъ такъ, какъ повелѣваютъ прежніе указы о раскольникахъ; а для чего и по какимъ указамъ губернія распорядилась, чтобъ команда по раскольникахъ стрѣляла и пожитки забирала—прислать доношенія съ первою почтою [254].

Такъ какъ синодъ потребовалъ освобожденія изъ-подъ караула и отъ наказанія за небольшія вины тѣхъ иновѣрцевъ, которые примутъ крещеніе, то сенату естественно было обратиться къ синоду съ вопросомъ, не слѣдуетъ ли раскольниковъ, уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, освобождать отъ смертной казни, если они обратятся въ православіе. Съ такимъ вопросомъ обратился сенатъ по поводу обращенія изъ раскола крестьянина Степанова, совершившаго смертоубійство. Синодъ отвѣчалъ, что онъ не находитъ правилъ св. отецъ, чтобъ освобождать отъ смертной казни убійцъ, когда они обратятся къ св. Церкви, ибо обращеніе къ благочестію отъ вѣчной только смерти избавляетъ, а временная по винамъ смерть присуждается гражданскими законами [255]. Но спустя короткое время—новый случай: разбойникъ крестьянинъ Петровъ былъ приговоренъ къ смерти, на исповѣди объявилъ себя раскольникомъ и обратился въ православіе; нижегородскій епископъ Димитрій представилъ, чтобъ его, не въ образецъ другимъ, къ лучшему исправленію для спасенія душевнаго, отъ смертной казни освободить и заточить въ монастырь. Такъ какъ являлось архіерейское пред-

ставленіе, то сенатъ счелъ нужнымъ сообщить въ синодъ и требовать, «чтобъ св. синодъ благоволилъ, разсмотря, коимъ образомъ въ такомъ случаѣ съ онымъ Петровымъ поступить надлежитъ, сообщилъ прав. сенату свое разсужденіе.» Синодъ далъ любопытный отвѣтъ: «Ежели реченный Петровъ отъ смертной казни учинится свободенъ, то св. синодъ въ монастырь для покаянія его опредѣлитъ.» Сенатъ приказалъ: о томъ колодникѣ до будущаго указа обождать [256].

Кромѣ сношеній по иновѣрческимъ и раскольничьимъ дѣламъ сенатъ имѣлъ съ синодомъ нѣсколько непріятныхъ объясненій. Коллегія экономіи разослала по монастырямъ ростовской епархіи отставныхъ служилыхъ людей; но ростовскій архіерей Арсеній Мацѣевичъ не принялъ ихъ на томъ основаніи, что прежде отставные содержались на монашескія порціи, которыя оставались вслѣдствіе сокращенія числа монаховъ по распоряженію Петра Великаго, а теперь всѣ эти порціи издерживаются новопостриженными монахами; въ доношеніи своемъ Арсеній позволилъ себѣ рѣзкія выраженія о воеводахъ и вообще о свѣтскихъ правителяхъ. Синодъ послалъ Арсенію указъ, чтобъ впередъ, подъ опасеніемъ штрафа, не употреблялъ подобныхъ поносительныхъ словъ; но сенатъ не былъ этимъ доволенъ и грозилъ, что если синодъ не пресѣчетъ такихъ поступковъ, то онъ сенатъ доложитъ императрицѣ [257].

Другое объясненіе было по поводу возобновленнаго указа о надзорѣ за соблюденіемъ тишины во время богослуженія. Синодъ прислалъ въ сенатъ вѣдѣніе, что въ указѣ о безмолвіи въ церквахъ находится лишнее противъ указа Петра Великаго и несогласное съ духовнымъ регламентомъ, именно, что у сбора шрафныхъ денегъ должны быть въ церквахъ и монастыряхъ отставные офицеры и солдаты, ибо это дѣло принадлежитъ церкви и ея пастырямъ и должно быть въ вѣдѣніи архіереевъ и священниковъ съ причтомъ. Приказали объявить синоду, что опредѣленіе сената сдѣлано въ силѣ указа Петра Великаго, равно какъ и синодскаго разсужденія 11 января 1723 года; въ указѣ Петра говорится: брать штрафъ по рублю съ человѣка, не выпуская изъ церкви, и употреблять на церковное строеніе, для чего употреблять кого пристойно изъ людей добрыхъ: ясно, что велѣно употребить людей свѣтскихъ, а не духовныхъ, и при

жизни Петра Великаго были у этого сбора свѣтскіе люди; духовнымъ особамъ и церковнослужителямъ смотрѣть за разглагольствующими во время службы Божіей сенатъ признаетъ неудобнымъ, что отдается на особливое разсужденіе св. синода [258].

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ синодъ жаловался, что тверской воевода Давыдовъ обидѣлъ тверского епископа Митрофана, посылалъ брать въ провинціальную канцелярію къ суду двоихъ семинарскихъ учителей [259]. Воевода, спрошенный сенатомъ, отвѣчалъ, что поручикъ Фохтъ подалъ ему слѣдующую жалобу: пасынокъ его пятилѣтній Семенъ Воейковъ гулялъ у городоваго вала, и учителя семинаріи, взявъ его въ архіерейскій домъ и затаща къ себѣ въ келью, чинили надъ нимъ ругательское мученіе, обнажа били батожьемъ смертно; по свидѣтельству открылось, что ребенокъ дѣйствительно избитъ и отъ того боленъ; Фохтъ объявилъ, что онъ двукратно просилъ архіерея на учителей, только никакого рѣшенія не сдѣлано, потому что эти учителя состоятъ съ его преосвященствомъ въ близкомъ родствѣ. Сенатъ приказалъ объявить синоду, что никакой въ томъ дѣлѣ продерзости со стороны воеводы признать не можетъ. Синодъ возражалъ, что онъ не признаетъ отвѣта воеводы Давыдова вѣроятнымъ, истины познать безъ изслѣдованія не по чему, а учителя тверскіе ѣздили въ чужія государства и обучались своимъ коштомъ на разныхъ діалектахъ, такъ что достойными учителями оказываются, и если имъ не дать удовлетворенія, то и другіе ученые люди въ великую Россію пріѣзжать для преподаванія въ школахъ будутъ очень опасаться; а по регламенту семинарскіе учителя свѣтскому суду не подлежать. Тверской архіерей жаловался на своего воеводу; а коломенскій воевода жаловался на своего архіерея Савву, который запретилъ приходскому священнику исправлять требы въ деревнѣ Свитягинѣ по злобѣ на ея крестьянъ, оспаривавшихъ у него землю; вслѣдствіе этого запрещенія родильницы оставались безъ молитвъ, умершіе безъ погребенія [260].

Но сенатъ не могъ не согласиться съ синодомъ относительно требованія расширенія религіознаго образованія. Синодъ представилъ, что россійскіе дворяне и прочихъ чиновъ люди дѣтей своихъ обучаютъ изъ *россійскихъ книгъ* только чтенію часовника и псалтыря, а потомъ употребляютъ въ разныя свѣтскія науки, а

чтобъ знать всеблагаго Бога и нашу къ нему должность и догматъ православной христіаской вѣры, въ чемъ истинный путь спасенія нашего состоитъ, тому едвали кто обучать старается. Синодъ требовалъ, чтобъ обучали букварю и катихизису, безъ знанія которыхъ ни въ какіе чины не повышать. Сенатъ не только согласился, но и приказалъ съ отцовъ, нерадящихъ о такомъ обученіи дѣтей своихъ, брать штрафъ — съ шляхетства по десяти, а съ прочихъ по два рубли [261].

Дорогая для синода книга «Камень вѣры» была распечатана; но синодъ не довольствовался этимъ и хотѣлъ запечатать книги, которыя пришли въ Россію съ чужа въ то время, какъ «Камень вѣры» была запечатана. Онъ представилъ сенату, и сенатъ издалъ указъ: книгу о истинномъ христіанствѣ Арнта, напечатанную въ 1735 году на русскомъ языкѣ въ Галле, и книгу о кончинѣ христіанскаго житія безыменнаго автора, какъ не свидѣтельствованныя синодомъ, отбирать у всѣхъ въ синодъ, и впредь такихъ книгъ, напечатанныхъ за границею на русскимъ языкѣ, въ Россію какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ ни подъ какимъ видомъ не вывозить, чего на границахъ и при портахъ, наблюдая накрѣпко, не пропускать. Русскимъ, находящимся за границею для обученія и прочихъ дѣлъ, объвить и впредь отпускаемымъ подтвердить, чтобъ они такихъ книгъ на русскій языкъ отнюдь не переводили, и внутрь имперіи никакихъ богословскихъ книгъ съ другихъ языковъ на русскій безъ позволенія синода переводить запретить [262].

Соотвѣтственно духу переворота 25 ноября показалось неприличнымъ, что церкви иностранныхъ исповѣданій находятся въ Петербургѣ на самомъ видномъ мѣстѣ, на Невскомъ проспектѣ. Императрица велѣла пріискать для нихъ другія болѣе отдаленныя мѣста. Мѣста были пріисканы, составлены планы и смѣты издержкамъ построенія, и рѣшили доложить государынѣ, не соизволитъ ли указать оставить кирхи до будущаго времени на прежнихъ мѣстахъ, потому что по смѣтѣ на строеніе новыхъ денежной казны надобна сумма немалая, а въ настоящее время деньги потребны на самонужнѣйшіе расходы [263].

Съ октября дворъ началъ собираться въ Москву. Сенатъ приказалъ: для шествія ея императ. величества въ Москву поставить по станціямъ ямскихъ и отъ купечества по 200 лошадей

съ каждой станціи; но чтобъ находящіеся по той дорогѣ ямщики и купцы одни отъ поставки подводъ не понесли излишняго отягощенія, то въ помощь къ нимъ расписать по способности прочіе города и села разстояніемъ отъ той дороги хотя въ 200 верстахъ; смотрѣть, чтобъ купечество и ямщики лошадей ставили съ хомутами, вожжами и дугами, и кормили ихъ, чтобъ были сыты [264]. Для шествія же господъ министровъ, сенаторовъ, синода, придворныхъ и прочихъ чиновъ и чужестранныхъ министровъ поставить на тѣхъ же станціяхъ уѣздныхъ по 500 подводъ. Потомъ велѣно было къ двумъ стамъ подводамъ прибавить еще по 100 на каждой станціи съ ямщиковъ и купечества [265]. Изъ Москвы императрица намѣревалась ѣхать въ Кіевъ, и потому велѣно было исправлять дорогу, строить дворцы по станціямъ; но потомъ нашли, что Малороссіянъ нельзя отягощать постройкою дворцовъ по причинѣ недостатка въ лѣсѣ, и потому велѣно отъ Глухова до Кіева приготовить только погреба для питей и припасовъ [266].

Императрица сбиралась въ Москву, чтобъ праздновать тамъ миръ со Швеціею. На какихъ же условіяхъ былъ заключенъ этотъ миръ?

Мы видѣли, въ какомъ отношеніи находилась императрица Елисавета и ея главные вельможи къ иностраннымъ дѣламъ въ концѣ 1742 года. Благодаря явному пристрастію къ Швеціи, выказанному французскимъ правительствомъ, благодаря тому, что съ французской стороны была задѣта самая чувствительная струна, именно отношенія Елисаветы къ Швеціи передъ ея воцареніемъ, Лестокъ и Шетарди проиграли дѣло противъ русскихъ вельможъ, и Шетарди долженъ былъ оставить Россію. Въ началѣ ноября 1742 года приверженцы Франціи были обрадованы смертію великаго канцлера князя Алексѣя Мих. Черкаскаго, который подъ конецъ жизни заглаживалъ старые грѣхи, стоя твердо за русскіе интересы: но все же его смерть послужила болѣе въ пользу, чѣмъ во вредъ этимъ интересамъ, отдавая ихъ въ руки даровитаго и энергическаго Бестужева, который становился теперь самостоятельнымъ. Впрочемъ въ первое время по смерти Черкаскаго никто не былъ увѣренъ, что Бестужевъ получитъ верховное завѣдываніе иностранными дѣлами. Мы знаемъ, что у вице-канцлера были сильные враги, которые должны были употребить

всѣ усилія, чтобы оттолкнуть его отъ мѣста великаго канцлера. Но для этого имъ нужно было указать императрицѣ человѣка, который былъ бы достойнѣе или, по крайней мѣрѣ, столько же достоинъ этого мѣста, какъ и Бестужевъ. Указывали на Румянцева; но Елисавета не считала его способнымъ и опытнымъ: можетъ быть онъ добрый солдатъ, да худой министръ, писала она [267]. По своему обыкновенію, Елисавета отложила трудное дѣло, не назначала никого пока великимъ канцлеромъ; но Бестужевъ въ прежнемъ званіи вице-канцлера сталъ самостоятельно завѣдывать иностранными дѣлами, и Бревернъ продолжалъ служить ему вѣрнымъ помощникомъ, какимъ былъ прежде и для Остермана.

Шетарди не было; но у Лестока нашелся другой товарищъ, столь же опасный для Бестужева и русскихъ интересовъ, какъ и Шетарди: то былъ голштинецъ Брюммеръ, гофмаршалъ двора великаго князя наслѣдника Петра Ѳедоровича. Провозглашеніе Петра Ѳедоровича наслѣдникомъ произошло внезапно; никто до послѣдней минуты не зналъ объ этомъ, кромѣ Лестока, Брюммера и новгородскаго архіепископа Амвросія Юшкевича [268]: ясно, что боялись сопротивленія, неудовольствія съ чьей-то стороны. Но у Брюммера на сердцѣ было еще другое дѣло, чисто голштинское — это выборъ въ наслѣдники шведскаго престола, отъ котораго отказался великій князь, дяди его, епископа любскаго, администратора Голштиніи за малолѣтствомъ Петра Ѳедоровича. Разумѣется, Брюммеру и Лестоку легко было убѣдить Елисавету въ необходимости поддерживать избраніе голштинскаго герцога со стороны Россіи: близкая родственная связь между наслѣдниками русскаго и шведскаго престоловъ обезопаситъ Россію со стороны Швеціи и упрочитъ миръ на сѣверѣ; при этомъ въ Елисаветѣ дѣйствовало и печально-нѣжное воспоминаніе: дѣло шло о помощи родному брату того герцога голштинскаго и епископа любскаго, который былъ женихомъ ея и былъ отнятъ у нея смертію. Лестокъ, разумѣется, сильно содѣйствовалъ Брюммеру въ этомъ дѣлѣ, ибо за избраніе епископа любскаго Швеція могла получить болѣе выгодный миръ, которымъ Лестокъ отслуживалъ Франціи за ея пенсію. И русскіе люди могли желать избранія герцога голштинскаго въ наслѣдники шведскаго престола, но съ условіемъ, чтобъ за это не бы-

ло дорого заплачено, чтобъ не пострадалъ ближайшій русскій интересъ при заключеніи мира со Шведами, ибо родственныя связи между государями далеко не всегда служатъ ручательствомъ за союзъ между государствами. Понятно послѣ этого, какъ важно было назначеніе уполномоченныхъ на абовскій конгрессъ. Назначеніе Румянцева первымъ уполномоченнымъ было непріятно Бестужеву: Румянцевъ былъ избранникъ противной стороны, кандитъ ея на канцлерство для оттѣсненія Бестужева. Вторымъ уполномоченнымъ Бестужевъ хотѣлъ видѣть сенатора князя Голицына; но Лестокъ постарался о назначеніи генерала Любраса. Императрица сначала не хотѣла Любраса, выставляя, что онъ Нѣмецъ, но Лестокъ нашелся и возразилъ: «отецъ вашего величества велъ переговоры въ Ништадтѣ черезъ Нѣмца же.» Елисавета подписала назначеніе Любраса [269].

Мы видѣли, съ какимъ отвѣтомъ относительно мирныхъ условій отправились изъ Петербурга шведскіе депутаты, пріѣзжавшіе объявлять объ избраніи герцога голштинскаго въ наслѣдники шведскаго престола. Въ январѣ 1743 года начался Абовскій конгрессъ. Отъ 30 числа Румянцевъ писалъ, что между шведскими уполномоченными Цедеркрейцемъ и Нолькеномъ примѣчено несогласіе; поэтому онъ, Румянцевъ, улуча послѣ обѣда удобный часъ, вступилъ съ Цедеркрейцемъ въ откровенный разговоръ о прошедшемъ и открылъ, къ своему сожалѣнію, что сенаторъ многаго не знаетъ, а что и знаетъ, то отъ Нолькена, въ которомъ слѣдовательно заключается вся сила; поэтому надобно опасаться, что на конгрессѣ много будетъ лишнихъ споровъ и затрудненій, ибо Нолькенъ, будучи однимъ изъ зачинщиковъ войны, естественно долженъ защищать свое дѣло. Румянцевъ сказалъ Цедеркрейцу: «Какъ жаль, что товарищъ у васъ не такой честный человѣкъ, какъ вы.» Цедеркрейцъ отвѣчалъ на это просьбою обходиться съ нимъ откровенно, сказать прямо, въ чемъ состоитъ намѣреніе императрицы относительно мира. Румянцевъ повторилъ то, что было объявлено шведскимъ депутатамъ въ Петербургѣ. Цедеркрейцъ сказалъ на это, что если нельзя имѣть на шведскомъ престолѣ герцога голштинскаго, то другого кандидата не остается, какъ дядя его епископъ любскій; только совѣтовалъ для лучшаго успѣха выражаться на конференціяхъ такъ, что епископа любскаго рекомендуетъ гер-

цогъ голштинскій, прибавляя, что императрицѣ также это будетъ пріятно. «Эта рекомендація, говорилъ Цедеркрейцъ, государственнымъ чинамъ не такъ противной покажется.» Что же касается Финляндіи, то Цедеркрейцъ объявилъ, что Швеціи безъ нея обойтись нельзя. Впрочемъ Румянцевъ писалъ, что мирные переговоры будутъ идти только тогда успѣшно, когда будутъ подкрѣплены оружіемъ, и надобно приготовляться къ будущей кампаніи такимъ образомъ, чтобъ непріятель имѣлъ въ виду разореніе шведскихъ береговъ. Румянцевъ внушилъ Цедеркрейцу, что въ случаѣ благополучнаго окончанія дѣла онъ можетъ быть увѣренъ въ благодарности русскаго двора. Цедеркрейцъ по первому же разговору *податенъ* явился, «только, писалъ Румянцевъ, вся сила въ рукахъ у Нолькена, и онъ дѣло ведетъ какъ хочетъ, почему хотя при случаѣ денежная дача лакомому къ деньгамъ Цедеркрейцу была бы и не бездѣйствительна, однако теперь еще рано.» 16 февраля Румянцевъ донесъ, что шведскіе уполномоченные рѣшительно отказались заключить миръ на условіи кто чѣмъ владѣетъ (uti possidetis), объявили, что король и государственные чины лучше дойдутъ до всякихъ крайностей, чѣмъ согласятся на это; при чемъ Шведы старались выпытать, какая именно будетъ уступка со стороны Россіи въ случаѣ избранія епископа любскаго. Румянцевъ просилъ императрицу снабдить его по этому обстоятельству дальнѣйшими предписаніями, прибавляя, что въ дѣлѣ наслѣдства надобно опасаться отъ Шведовъ какого-нибудь коварства, обѣщаютъ для полученія Финляндіи и потомъ обмануть; къ достиженію мира одинъ способъ— твердость со стороны Россіи.

22 февраля императрица велѣла подать мнѣніе объ условіяхъ мира съ Швеціею слѣдующимъ лицамъ: фельдмаршаламъ: князьямъ Долгорукому и Трубецкому, графу Леси и принцу гессенгомбургскому; сенаторамъ: адмиралу графу Головину, оберъ-шталмейстеру князю Куракину, дѣйствительному тайному совѣтнику Нарышкину, генералъ-лейтенантамъ князьямъ Голицыну и Урусову, тайному совѣтнику Новосильцеву, дѣйств. статскому совѣтнику князю Голицыну; членамъ иностранной коллегіи: вице-канцлеру графу Бестужеву-Рюмину, тайному совѣтнику Бреверну, дѣйств. статскимъ совѣтникамъ—Ивану Юрьеву и Исааку Веселовскому; кромѣ того: генералу Левашеву, графу Михайлѣ Бестужеву-Рюмину, князю

Никитѣ Трубецкому; генералъ-лейтенантамъ: князю Репнину, Игнатьеву и Измайлову. Фельдмаршалъ князь Долгорукій представилъ мнѣніе, что изъ Финляндіи можно уступить Шведамъ только отдаленную Остерботнію; если же они изберутъ наслѣдникомъ своего престола герцога голштинскаго епископа любскаго то можно имъ будетъ уступить и абовскую область. По мнѣнію фельдмаршала князя Трубецкого надобно было стараться всѣми силами удержать всю Финляндію: «Возвратить ее шведской коронѣ ни по какимъ правильнымъ причинамъ невозможно, ибо въ противномъ случаѣ не только всему свѣту подастся поводъ разсуждать не къ пользѣ и не къ славѣ оружія ея величества, но и для благополучія и безопасности россійской имперіи весьма надлежитъ, чтобъ граница была отдалена, ибо опасность отъ близкой границы нынѣшняя война доказала; наконецъ обыватели финляндскіе, видя, что ихъ страну возвратили Шведамъ, въ другой разъ будутъ противиться всѣми силами русскимъ войскамъ.» Но если Шведы никакъ не согласятся отдать всю Финляндію, то заключить миръ съ удержаніемъ части Финляндіи по Гельсингфорсъ и Нейшлотъ; или удовлетворить Шведовъ денежною суммою; или выговорить условіе, чтобъ Финляндія была отдѣльнымъ владѣніемъ подъ властію нейтральнаго государя; значительную уступку изъ завоеваннаго можно сдѣлать только въ томъ случаѣ, когда Шведы выберутъ на престолъ епископа любскаго. По мнѣнію фельдмаршала Леси, изъ Финляндіи можно было уступить только Остерботнію, какъ область отдаленную, каменистую, болотную и не хлѣбородную. По мнѣнію адмирала Головина, если нельзя удержать всю Финляндію по Ботническій заливъ *съ живою границею*, то надобно оставить за Россіею Гельсингфорсъ и всю нейляндскую провинцію; гавань гельсингфорская очень способна для стоянки военныхъ судовъ, которыя могутъ въ ней зимовать безъ малѣйшаго препятствія, могутъ по нуждѣ и зимой выйти въ море, притомъ въ соленой водѣ кораблямъ лежать прочнѣе и легче. По мнѣнію князя Куракина надобно было удержать по крайней мѣрѣ абовскую область. По мнѣнію Нарышкина можно было уступить отъ Вазы къ сѣверу. По мнѣнію генералъ-лейтенанта князя Михаила Голицына нужно было преимущественно удержать приморскія мѣста. Вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ представилъ такое мнѣніе: «Вся

почти Европа, равно какъ сосѣди наши Турки и Персы, открытыми глазами смотрятъ, какое мы доставимъ себѣ вознагражденіе и удовлетвореніе за наглое съ шведской стороны нарушеніе мира и нанесенные Россіи тяжелые военные убытки: поэтому слава императрицы, россійскаго народа и государственный интересъ требуютъ приложить всевозможное стараніе для заключенія мира на условіи *чѣмъ кто нынѣ владѣетъ* (uti possidetis), хотя бы это стоило великой суммы денегъ (до двухъ милліоновъ); для показанія же на весь свѣтъ, что Россія въ удержаніи Финляндіи ищетъ не расширенія государства своего или умноженія доходовъ, но единственно тишины на сѣверѣ, то можно позволить однимъ шведскимъ подданнымъ свободную и безпошлинную торговлю въ Финляндіи. Если же Шведы никакъ на это не согласятся, то на абовскомъ конгрессѣ установить такую форму правительства въ Финляндіи, которая бы устранила всякія съ обѣихъ сторонъ непріятельскія столкновенія, на что исходатайствовать отъ другихъ державъ гарантію; это предложеніе всѣ Финляндцы охотно будутъ поддерживать чрезъ своихъ депутатовъ на конгрессѣ, не желая отдать себя на жертву мстительности Шведовъ. Въ крайнемъ случаѣ заключить миръ съ удержаніемъ Абова или Гельсингфорса съ приличнымъ округомъ, при чемъ выговорить, чтобъ Финляндцы имѣли право выселиться изъ шведскихъ владѣній въ русскія. Въ доказательство необходимости этого условія припомню только, какую гибель понесли въ недавнее замиреніе наше съ Турками Волохи, а при возвращеніи шаху персидскихъ провинцій Грузинцы и Армяне, положившись на данное имъ съ нашей стороны обнадеживаніе, и впредь при новой войнѣ съ сосѣдями едвали уже можно будетъ ихъ склонить какими-нибудь обѣщаніями. Наконецъ необходимо низвергнуть настоящее шведское министерство, устроившее войну, и возстановить старое миролюбивое; въ противномъ случаѣ Россія никогда не будетъ покойна; настоящее министерство вмѣстѣ съ Франціею всегда будетъ интриговать, Турокъ или другихъ непріятелей противъ Россіи возбуждать и, приведя насъ постороннею войною въ слабость, опять нечаянно и вѣроломно миръ нарушитъ.»

По мнѣнію Бреверна Финляндія такъ важна для Швеціи, что хотя бы она и принуждена была ее на время уступить, то ни-

когда не перестанетъ хлопотать о ея возвращеніи, и потому Россія будетъ находиться въ постоянномъ безпокойствѣ; притомъ и другія державы не будутъ равнодушно смотрѣть на такое расширеніе русскихъ границъ и такое ослабленіе Швеціи; для защиты Финляндіи нужно будетъ содержать въ ней войско; войско понадобится большое по обширности страны, а прокормить его будетъ трудно, потому что страна разорена, на финскія же войска надѣяться нечего; Россія нуждается въ мирѣ, а если война ея съ Швеціею продлится и въ Германіи возстановится спокойствіе, то другія державы могутъ вмѣшаться въ нашу войну для ловли рыбы въ мутной водѣ; поэтому весьма желательно, чтобъ мирные переговоры еще до начала будущей кампаніи были приведены къ благополучному окончанію, тѣмъ болѣе, что военныя дѣйствія подвержены счастію и несчастію. По мнѣнію графа Михаила Бестужева надобно удержать Финляндію и заплатить за нее деньгами, по примѣру Петра Великаго. Если Шведы на это никакъ не согласятся, то смотрѣть, въ какихъ отношеніяхъ находится Россія къ сосѣднимъ государствамъ, особенно къ Пруссіи, которая опаснѣе для нея всѣхъ другихъ: и если опасности нѣтъ, то продолжать войну; если же есть опасность, то заключить миръ съ удержаніемъ Гельсингфорса съ округомъ, и съ условіемъ, чтобъ Шведы провозгласили наслѣдникомъ своего престола епископа любскаго; если же и на это не согласятся, то назначить епископа любскаго владѣтельнымъ княземъ Финляндіи подъ русскимъ покровительствомъ.—Мнѣнія остальныхъ не представили ничего особенно замѣчательнаго.

Между тѣмъ шведскіе уполномоченные объявили Румянцеву и Любрасу, что епископъ любскій изберется наслѣдникомъ престола на такихъ только условіяхъ: Россія возвратитъ Швеціи все завоеванное, заключитъ съ нею оборонительный и наступательный союзъ; ибо въ случаѣ выбора епископа любскаго, администратора голштинскаго, война съ Даніею необходима, если только Россія не гарантируетъ Даніи Шлезвига, въ какомъ случаѣ три сѣверные двора могутъ вступить въ союзъ; наконецъ Россія должна дать Шведамъ субсидію. Румянцевъ сказалъ, что на такія предложенія одинъ отвѣтъ: не за чѣмъ здѣсь больше жить, надобно разъѣхаться; какія Шведы получили надъ Русскими выгоды, чтобъ такія идеи себѣ дѣлать и субсидій про-

сить? въ дѣлѣ наслѣдства они вольны поступать какъ хотятъ, только императрица никогда всей Финляндіи имъ не возвратитъ.

Въ началѣ марта русскіе уполномоченные получили письмо отъ голштинскаго посланника Бухвальда, находившагося въ Стокгольмѣ. Бухвальдъ писалъ, что предстоитъ опасность, чтобъ Шведы, мимо администратора голштинскаго, не выбрали на престолъ принца датскаго или биркенфельдскаго, вслѣдствіе чего совѣтовалъ не медлить мирными переговорами, объявивъ Шведамъ выгодныя для нихъ условія. Румянцевъ написалъ по этому случаю Бестужеву: «Можно разсудить, что Бухвальду въ томъ нужды нѣтъ, хотя бы мы и Новгородъ отдали, только бы его бгерцогъ королемъ избранъ былъ. Бога ради, государь мой братецъ, надобно недреманнымъ окомъ на такія неосновательныя пропозиціи смотрѣть и ея величеству съ истолкованіемъ всего того, что онъ пишетъ, представить, дабы впредь отъ нихъ такія вѣтренныя мнѣнія отнять. Правда, онъ стращаетъ насъ выборомъ кронъ-принца датскаго: но хотя бы это и правда была, то лучше намъ противъ Швеціи и Даніи въ войнѣ быть, нежели безчестный и нерезонабельный миръ на основаніи ништадтскаго заключить.»

На основаніи рѣшенія, принятаго въ Петербургѣ, Румянцевъ и Любрасъ объявили шведскимъ уполномоченнымъ, что въ случаѣ выбора епископа любскаго, императрица оставитъ за собою добрую часть Финляндіи, а имъ уступитъ нарочитую, въ противномъ же случаѣ не уступитъ ничего; если Данія нападетъ на нихъ за избраніе принца голштинскаго, то естественно честь заставитъ Россію помочь имъ; впрочемъ нельзя сомнѣваться, что, по заключеніи между Россіею и Швеціею мира, Данія никогда не рѣшится напасть на нихъ. 28 марта шведскіе уполномоченные объявили, что чины склонны къ избранію въ наслѣдники епископа любскаго, но желаютъ знать, что императрица соизволитъ для нихъ за это сдѣлать; чины ласкаютъ себя надеждою, что императрица, принимая во вниманіе шведскія нужды, доставитъ имъ и соотвѣтственныя тому выгоды и прикажетъ заключить миръ на основаніи ништадтскаго; король надѣется, что Россія возьметъ надлежащія мѣры относительно другихъ державъ, именно относительно Даніи, или гарантируетъ ей Шлезвигъ, или заключитъ съ Швеціею оборонительный союзъ противъ всѣхъ,

которые возстанутъ на нее за выборъ епископа любскаго. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что Шведы первые должны объявить, что̀ они уступаютъ Россіи изъ Финляндіи; Шведы назначили землю по Мейделаксъ; Румянцевъ и Любрасъ возразили, что и по Кюмень мало. Шведы говорили, что если Россія хочетъ раздѣлить Финляндію пополамъ, то Швеція должна отдаться въ руки Даніи, избрать датскаго принца. Русскіе уполномоченные объявили имъ уступку Осторботніи Аланда и біорнеборгскаго уѣзда. Шведы обнаружили при этомъ удивленіе и ужасъ и объявили, что для пользы мира лучше не писать объ этомъ въ Швецію, ибо тамъ сейчасъ же приступятъ къ избранію новаго кандидата. Румянцевъ писалъ въ Петербургъ, что надежда на миръ слаба, что Шведы не удовольствуются и послѣднимъ рубежемъ—по Нюландію, по которую позволено ему было уступить. Къ Бестужеву Румянцевъ писалъ: «Извольте взять сіи дѣла въ здравое разсужденіе: какимъ образомъ сіе дѣло къ концу приводить, понеже я здѣсь не могу знать намѣренія ея величества, ниже вашего разсужденія, что вамъ болѣе надобно? миръ или война? Ежели первое, то надобно еще кондицій прибавить къ уступкѣ, а безъ того другое само собою дойдетъ, только заблаговременно извольте стараться пріуготовленіями къ тому какъ корабельнымъ, такъ и товарнымъ флотомъ, дабы ранѣе выйти могли, а безъ того великія пакости они намъ подѣлать могутъ. У насъ здѣсь военныхъ людей очень мало, около Абова и до самыхъ Вазъ не будетъ 4000; провіанта въ Абовѣ и Вазахъ только по іюнь мѣсяцъ.» Между тѣмъ Бухвальдъ писалъ изъ Стокгольма, что извѣстіе о русскихъ условіяхъ произвело тамъ отчаяніе, начались сильныя военныя приготовленія и уполномоченнымъ предписано разорвать конгресъ, если не услышатъ болѣе выгодныхъ предложеній.

10 апрѣля Румянцевъ и Любрасъ объявили Шведамъ уступку Финляндіи по Нюландъ какъ ултиматумъ, а 30 апрѣля писали императрицѣ, что мирный конгресъ скоро долженъ рушиться, ибо изъ Швеціи нѣтъ никакого отвѣта насчетъ ультиматума, а потому ничего не остается, какъ усмирять гордаго непріятеля силою оружія. Бухвальдъ въ началѣ мая писалъ, что въ Швеціи никогда не согласятся на уступку по Нюландъ, ибо считаютъ эту провинцію и Фридрихсгамскую гавань столь важными, что

съ потерею ихъ остальная Финляндія ничего не значитъ. «Здѣсь, писалъ Бухвальдъ, съ прежнимъ усердіемъ продолжаются военныя приготовленія, арміи будетъ отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ (Угрозы! замѣтилъ Бестужевъ на полѣ: столько нѣтъ!). Флотъ будетъ состоять изъ двадцати четырехъ военныхъ кораблей (Неправда! замѣтилъ Бестужевъ). Если Данія достигнетъ здѣсь своихъ цѣлей, то немедленно пришлетъ 10.000 человѣкъ, которыхъ она на-готовѣ держитъ въ Норвегіи для соединенія съ шведскими войсками, и вмѣсто будетъ дѣйствовать въ Вестерботніи; остальныя же датскія войска будутъ употреблены для нападенія на Финляндію съ аландской стороны.» На это Бестужевъ замѣтилъ: «Прежде ни о чемъ не писалъ, а нынѣ съ разными угрозами!» Бестужевъ вообще былъ недоволенъ веденіемъ дѣла; не былъ доволенъ Бухвальдомъ, который думалъ только объ интересахъ голштинскаго принца и стращалъ русское правительство для того, чтобъ оно поспѣшило уступить всю Финляндію на условіи избранія епископа любскаго; Бестужевъ не былъ доволенъ и Румянцевымъ, котораго упрекалъ въ излишней торопливости, и отвѣчалъ ему не очень ласково на его письма. Разобиженный Румянцевъ писалъ ему: «Я никогда не думалъ, чтобъ ваше сіятельство на мое покорное письмо такъ недружески отвѣтствовали: хотя бъ что и противно можетъ быть неискусствомъ пера моего усмотрѣть изволили, тобъ дружески, а не съ такими выговорами дали мнѣ знать.» Когда Румянцевъ и Любрасъ написали въ Петербургъ, что нѣтъ надежды на уступку Шведами Нюландіи, то Бестужевъ замѣтилъ: «худые пророки!»

Но Бестужеву бороться было трудно: императрица сильно желала возведенія на шведскій престолъ епископа любскаго, всѣ сильно желали мира, и 24 апрѣля собраніе разсудило слѣдующее: «По настоящимъ нынѣ въ Европѣ конъюнктурамъ и состоянію здѣшней имперіи весьма желательно и нужно, чтобъ война прекращена была полезнымъ миромъ для того: если въ нѣмецкой землѣ настоящая война прекратится, а Шведы мимо епископа любскаго выберутъ въ наслѣдники престола кронъ-принца датскаго или принца биркенфельдскаго, то опасно, чтобъ Пруссія, Польша, Данія, Франція, Турція и другія державы не вмѣшались въ войну между Россіею и Швеціею и не стали помогать Шведамъ; притомъ продолжать войну тяжело будетъ для Россіи, по-

тому что имперія и безъ того уже нѣсколько лѣтъ въ безпрерывной войнѣ находится. Поэтому если епископъ любскій дѣйствительно признанъ будетъ наслѣдникомъ шведскаго престола, то Россія можетъ оставить за собою кюменогорскую область, включая сюда Фридрихсгамъ и Вильманштрандъ, также Савалаксъ и Нейшлотъ съ ихъ дистриктами, ибо эти области прикрываютъ выборгскій, кексгольмскій и олонецкій уѣзды.»

На это мнѣніе императрица отвѣчала: «Лучше намъ оставить за собою малое да нужное, а Шведамъ уступить бо́льшее и имъ полезное, а намъ не нужное, а именно намъ оставить за собою нюландскую провинцію и кюменогорскую область, что очень нужно для сообщенія съ нашимъ эстляндскимъ, ингерманландскимъ и корельскимъ берегомъ, изъ Кексгольміи столько оставить за нами, сколько заняла граница учиненная по ништадтскому миру; а Шведамъ уступить въприбавокъ къ прежней уступкѣ Тавастію всю и Савалаксъ. И такъ Шведамъ большая часть Финляндіи останется, а намъ меньше, но нужнѣе для удержанія сосѣдей отъ непріятельскихъ нападеній, которыхъ ожидать надобно отъ лежащихъ по морю мѣстъ, а не на Олонецъ и Кексгольмъ. Противъ опасности отъ имѣющихъ вступиться въ нынѣшнюю противъ насъ войну предлагается отъ насъ собранію: вопервыхъ помощь Божія, отъ многихъ лѣтъ государство наше въ правдѣ защищающая; да и опасности теперь еще на дѣлѣ не видно, а еслибъ и оказалась, то имѣемъ на границахъ войско. Что государству нашему отъ продолжающейся войны не безъ тягости, и на оное отвѣтствуемъ, что оное все какъ было, такъ и будетъ по предвидѣнію Божію; однакожъ видѣли и видимъ, что Господь Богъ въ правдѣ государству нашему Свою помощь подавалъ и подаетъ; сего и впредь отъ Его жъ благословенія ожидать имѣемъ. Мы ничего иного отъ собранныхъ не желаемъ, токмо дабы поступали и нынѣ съ тѣмъ же духомъ крѣпости, который явили намъ въ собственныхъ своихъ мнѣніяхъ.» Собраніе отвѣчало, что указанныя императрицею условія оно признаетъ за наилучшія и благодаритъ за откровеніе высочайшаго намѣренія.

Въ половинѣ мая пришелъ изъ Швеціи отвѣтъ, что король не можетъ уступить Нюландіи, а только кюменогорскую область. Русскіе уполномоченные, по указу изъ Петербурга, согласились

на уступку Нюланда, но потребовали къ кюменогорской области Саволакса и Кареліи, и, въ случаѣ несогласія, объявили, что уѣзжаютъ; это было 14 іюня. Между тѣмъ въ Петербургѣ 8 іюня собраніе разсуждало объ уступкѣ Саволакса и рѣшило, «чтобъ не допустить кронъ-принца датскаго на шведскій престолъ и помочь въ достиженіи его принцу голштинскому, *въ разсужденіи слабой негоціаціи здѣшнихъ на конгрессѣ министровъ, изъ ихъ же собственныхъ реляцій усмотрѣнной,* уступить Шведамъ Саволаксію, ограничившись кюменогорскою областію съ Фридрихсгамомъ, Вильманштрандомъ и Нейшлотомъ съ уѣздами. Объ этомъ засѣданіи собранія Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ писалъ Черкасову любопытное письмо: «При вчерашнемъ собраніи въ двухъ пунктахъ жестокій споръ учинилъ генералъ-прокуроръ, которому послѣдовалъ Ушаковъ и князь Мих. Мих. Голицынъ: 1) въ томъ, что въ мнѣніи написано было, что ежели города Нишлота уѣздъ въ нашу сторону подался, а въ непріятельскую ничего нѣтъ, чтобъ выговорено было прибавить изъ Саволаксіи къ городу Нислоту пять или, по послѣдней мѣрѣ, три мили, противъ чего крѣпко закричали, ничего больше требовать не надлежитъ, хотябъ не токмо по палисады, но и подъ самую стѣну граница была, и такъ перекричали, что оставлено просто на всякую удачу. 2) Внесено было въ мнѣніе, что въ разсужденіи слабой негоціаціи министровъ здѣшнихъ на конгрессѣ, какъ изъ реляцій ихъ усмотрѣно, то надлежитъ Саволаксію уступить, и хотя всѣ о слабой негоціаціи разсуждали и осуждали, однако наконецъ перекричали, чтобъ изъ концепта выкинуто было, даже потомъ фельдмаршалъ князь Долгорукій и генералъ графъ Чернышевъ съ прочими, кромѣ вышеозначенныхъ и Бахметева, вновь за то ухватились, чтобъ оное внесть и согласились по обѣдѣ у него жъ фельдмаршала вновь съѣхаться, куда пріѣхавъ, изготовя два инструмента, одинъ со внесеніемъ спорнаго пункта, а другой съ выпущеніемъ онаго, кто что подписать, по чистой своей совѣсти, заблагоразсудитъ. Генералъ-прокуроръ полуторомъ часомъ назначеннаго времени позже пріѣхалъ, что между тѣмъ со внесеніемъ спорнаго пункта девять персонъ и генералъ Ушаковъ подписали, оставя ему мѣсто: за то жестоко прогнѣвался на всѣхъ, а особливо на меня и всю коллегію, для чего не дождавшись его подписали, хотя ему и представлено было, что и дру-

гой инструментъ готовъ безъ внесенія спорнаго пункта, на волю его предается, который по чистой своей совѣсти подписать заблагоразсудитъ, однакожъ съ часъ еще гнѣваясь, наконецъ обще съ княземъ Голицынымъ и Бахметевымъ, которые въ томъ же сильно спорили, съ неспорующимися равномѣрно подписались. Могу поистинѣ сказать, что отъ помянутыхъ спорщиковъ и крикуновъ сего собранія совѣтъ подобенъ былъ козацкому кругу.»

Посмотримъ теперь, что̀ дѣлалось въ Або. Здѣсь 15 іюня Нолькенъ пріѣхалъ къ Любрасу и со слезами просилъ отмѣны въ условіяхъ, которую уполномоченные взяли бы на себя. Румянцевъ и Любрасъ отвѣчали, что взять на себя отмѣну условій они никакъ не согласны, но только въ надеждѣ на апробацію императрицы назначаютъ новыя условія: уступку Россіи всей кюменогорской области, половины Кареліи и Нейшлота. «Запросъ о части Кареліи мы сдѣлали для того, писали Румянцевъ и Любрасъ, чтобъ тѣмъ легче Шведы согласились на отдачу Нейшлота, и притомъ не желая упустить ничего, чѣмъ бы можно было получить отъ нихъ побольше.» Шведы не хотѣли уступить побольше, и послѣ жаркихъ споровъ написали проектъ договора: Шведы обязывались избрать въ наслѣдники престола принца голштинскаго, уступить кюменогорскую область со всѣми устьями рѣки Кюмени; о Нейшлотѣ шведскіе уполномоченные обязались въ надеждѣ на апробацію, точно такъ, какъ Русскіе насчетъ Саволакса и Кареліи, хотя они имѣли указъ императрицы объ уступкѣ этихъ земель; Россія обязывалась принять мѣры для защиты Швеціи, еслибъ послѣдняя подверглась нападенію вслѣдствіе заключенія такого договора съ Россіею, «какъ о томъ прежде говорено.» Относительно этого обязательства Румянцевъ и Любрасъ писали: «Сей пунктъ всѣхъ тяжелѣе для насъ былъ, ибо въ указѣ вашего величества въ томъ отказать велѣно, и только тогда на то поступлено, когда увидали дѣйствительно, что уже разрывъ всего отъ того зависитъ, и потому оный такъ по нашему рабскому мнѣнію изображенъ, что ваше величество ничѣмъ не обязуетъ, ибо пристойныя мѣры не въ одномъ оружіи, но и въ негоціаціи разумѣются; а болѣе того заключеніе: «Какъ о томъ говорено,» все опровергаетъ, соотвѣтственно тому, какъ отъ насъ сказано, что ваше величество никакихъ обязательствъ въ мирное дѣло включить не намѣрены.»

На этомъ основаніи составленъ былъ подписанный 17 іюня «Увѣрительный актъ,» на который поступить, писали уполномоченные, мы по рабскому нашему ревностному усердію къ высочайшимъ вашего величества интересамъ и отечеству дерзнули, наипаче для того, чтобъ конгрессъ, по точному указу вашего величества, до разрыву не допустить и шведское съ Даніею соединеніе отвратить.» «Увѣрительный актъ» едва успѣли во время привезти въ Стокгольмъ, потому что далекарлійскіе крестьяне, въ числѣ осьми тысячъ, ворвались 22 іюня въ столицу съ тѣмъ, чтобъ провозгласить наслѣдникомъ принца датскаго; картечи заставили крестьянъ разбѣжаться, а такъ какъ «Увѣрительный актъ» былъ уже полученъ 19 числа, то 23 король, сенатъ и всѣ четыре государственныхъ чина единогласно выбрали короннымъ наслѣдникомъ голштинскаго принца Адольфа Фридриха, и одновременно съ провозглашеніемъ этого избранія объявленъ былъ и миръ съ Россіею [270]. Императрицею мирный договоръ былъ подписанъ 19 августа: «Свѣйскій король уступилъ ея импер. величеству и наслѣдникамъ ея и послѣдователямъ всероссійскаго императорскаго престола въ совершенное непрекословное вѣчное владѣніе и собственность, въ сей войнѣ завоеванную изъ великаго княжества Финляндскаго провинцію Кюменегоръ, съ находящимися въ оной городами и крѣпостями Фридрихсгамъ и Вильманстрандъ, и сверхъ того часть кирхшпиля Пюттиса, по ту сторону и къ востоку послѣдняго рукава рѣки Кюмени или Келтиса обстоящую, который рукавъ между большихъ и малымъ Аборфорсомъ течетъ, а изъ саволакской провинціи городъ и крѣпость Нейшлотъ съ дистриктомъ и со всѣми принадлежностями и правами» [271].

Относительно войны, оконченной абовскимъ миромъ, до насъ дошло любопытное сочиненіе, неизвѣстно кѣмъ написанное въ формѣ разговора между двумя солдатами. Во время стоянки арміи у Аландскихъ острововъ передъ заключеніемъ мира, солдатъ Симонъ говорилъ своему товарищу Якову: «Для чего мы столько долго въ пустомъ мѣстѣ стоимъ, гдѣ не можно на пищу ничего достать купить, да и вода самая нужная и нездоровая? А видимъ по островамъ финскова скота шатается много безъ пастуховъ, и жителей въ деревняхъ нѣтъ, а брать его не велятъ, и отъ такова недовольствія въ полкахъ весьма больныхъ умножилось,

да и мрутъ, а главные наши командиры о довольствѣ нашемъ не стараются, и въ хорошія мѣста не переводятъ; Богъ имъ судитъ! Съ великою бы мы охотою противъ непріятеля съ ружьемъ померли, нежели нынѣ здѣсь отъ недовольствія. Ежели бы такимъ образомъ случилось Шведамъ войти въ наши россійскія мѣста, то бы они по своей гордости и къ намъ зависти не точію скотъ нашъ не пощадили, но и женъ и дѣтей нашихъ мучительски обругали и церкви осквернили, какъ то въ прежде бывшую войну отъ нихъ въ Малороссіи было. Развѣ мы скота ихъ хуже? *Яковъ*: Фельдмаршалъ человѣкъ хотя и добрый, да такъ уже ему много, по старости лѣтъ, и въ умъ не придетъ, а генералитетъ говорить о томъ опасаются, чтобъ не досадить еще; подлинно мы знать не можемъ, каковы дѣла происходятъ въ Стокгольмѣ и на мирномъ конгрессѣ въ Абовѣ. *Симонъ*: Въ какомъ состояніи эту нашу со Шведами войну надѣялися быть, какъ бы прежніе россійскіе правители у насъ еще цѣлы были, и чѣмъ бы то она окончилась, страшно и спрашивать. *Яковъ*: Памятуешь ли прошлые годы, когда пошли мы въ Польшу для избранія нынѣшняго короля Августа III на мѣсто отца его? Былъ у насъ главнымъ командиромъ генералъ Лессій, который нынѣ фельдмаршалъ: хотя иноземецъ, только человѣкъ добрый. А какъ пришли подъ Гданскъ, тогда пріѣхалъ къ намъ генералъ-фельдмаршалъ Минихъ, природный Нѣмчинъ и не нашей вѣры, сталъ жестоко съ нами, россійскими солдатами и съ офицерами поступать, и не разсуждая о государственныхъ нашихъ убыткахъ и о погибели нашего народа, во многія не хитростныя тогда партіи посылалъ, а паче подъ Вилборгъ, напившись пьянъ, лучшихъ тогда изо всей арміи гренадеровъ и мушкетеровъ ночью на приступъ командировалъ, откуда малое число назадъ въ лагерь пришли, да и то почти всѣ переранены, и тутъ множество добрыхъ солдатъ погубилъ, а пользы никакой не получилъ.... Съ Турками войну объявили и поручили главную армію въ команду ему же Миниху, а генерала Лессія пожаловали въ фельдмаршалы и Азовъ брать послали. Вотъ стали у насъ оба фельдмаршалы иноземцы, чего съ начатія Россіи и при милостивѣйшемъ отцѣ нашемъ императорѣ Петрѣ Великомъ не было. Пошли мы подъ командою его, Миниха, въ Крымъ, вышли въ степь пустую, и сталъ Минихъ россійскихъ людей перебирать, штапъ и оберъ-

офицеровъ штрафовать, въ солдаты безъ суда писать, и самыхъ старыхъ и заслуженныхъ полковниковъ предъ фрунтомъ арміи подъ ружьемъ водить, а все за бездѣлицу: увидитъ, что у офицеровъ галстукъ не бѣлый, или ненапудренный, а въ степи кому на это смотрѣть.... Вотъ Петра Великаго законы начали уничтожживать.... Провіанту у насъ уже ничего не стало; люди стали ослабѣвать и съ голоду помирать: Минихъ на то ни на что не смотритъ. Хотя многихъ мертвыхъ старыхъ солдатъ предъ собою лежащихъ видитъ, никогда не сожалѣлъ, ибо не его крестьяне и не съ его деревни взяты, а россійскихъ дворянъ онъ ни одного въ свойствѣ себѣ не имѣетъ, чего ихъ жалѣть? Не вѣчно думалъ въ Россіи жить, только бы ко двору о своихъ храбрыхъ поступкахъ реляцію сообщить, и отъ того славу и богатство себѣ получить. И при дворѣ въ то время кому было разсуждать? Главные правители—Нѣмцы, его други и родственники, а россійскихъ генераловъ, сенаторовъ они тогда за людей не почитали, того и смотрѣли, какъ бы кому голову отсѣчь, а по малой мѣрѣ въ ссылку сослать. О невозможности россійскихъ людей онъ, Минихъ, и слышать не хотѣлъ и часто говаривалъ: «А, а, батушка! у русскихъ людей невозможности нѣтъ».... Дворяне бѣдные, которые въ полкахъ служили, такъ загнаты были, что ужъ ничего не желали, только бы сыскать дорогу въ отставку, понеже ихъ въ чины не производилъ, а кого и производилъ, развѣ за недостаткомъ Нѣмцевъ, и какъ онъ Минихъ, такъ и прочіе тогдашніе генералы Нѣмцы ругали ихъ и обижали, дураками и скотомъ прозывали, и до того довели, что въ иномъ полку ни одного россійскаго офицера не было, и откуда какой Нѣмчинъ пріѣхалъ, пожалуй его генераломъ, полковникомъ, штапъ-офицеромъ, а по послѣдней мѣрѣ въ капитаны, также въ штатскіе чины; уже они всѣхъ россійскихъ дѣлъ управители стали, и въ Курляндіи гезелей и мясниковъ не много осталось—всѣ въ офицерахъ. Въ Митавѣ случилось съ нарочитымъ купцомъ мнѣ говорить, и дошла рѣчь до офицерства, онъ мнѣ сказалъ: «У васъ де въ арміи бывшихъ при мнѣ гезелей и разночинцевъ больше дюжины въ штапъ-офицерахъ нынѣ служатъ: развѣ у васъ россійскихъ достойныхъ дворянъ не стало?» *Симонъ*: Скажи, пожалуй, были ли съ нимъ, Минихомъ, въ тѣхъ походахъ наши россійскіе генералы, и для чего ему, Миниху, о такихъ непорядочныхъ поступкахъ не го-

ворили? *Яковъ:* Тогда съ нимъ были почти всѣ генералы Нѣмцы, его союзники и единой вѣры, а именно: два Бирона, Левендаль и прочіе, а россійскихъ полковыхъ генераловъ одинъ Румянцевъ, и хотя онъ человѣкъ добрый, храбрый и умный, свидѣтельствованный министръ и любимый генералъ-адъютантъ государя императора Петра Великаго, и нынѣ со Шведами въ Абовѣ на конгрессѣ миръ учинилъ: да что ему было дѣлать? Вся плениподенція Миниху предана: россійскихъ полковниковъ разстрѣливалъ, а генераловъ въ солдаты писалъ; Румянцевъ такъ отъ него всегда ожидалъ смертной напасти. Въ то время будучи въ хотинскомъ походѣ, призвалъ Минихъ къ себѣ съ прочими генерала Румянцева на консиліумъ; Румянцевъ намѣренію его прекословилъ, а предлагалъ о цѣлости россійскаго интереса, за то Минихъ такъ на него осерчалъ, что изъ палатки своей такого честнаго и вѣрнаго человѣка нечестно выслалъ, да неоднократно на него къ двору писалъ и бездѣльныя слѣдствія за нимъ учинялъ; только сего добраго человѣка и россійскаго отечества сына, за его правду и добрыя дѣла, отъ такого злокварнаго человѣка самъ Богъ закрылъ и до погибели не допустилъ.... Послѣ же оной турецкой войны, какъ объявили намъ о кончинѣ покойной императрицы Анны, а Бирона правителемъ россійскаго государства, такъ у меня, братецъ, по кожѣ подрало какъ медвѣжьимъ ногтемъ: вотъ теперь бѣдная Россія попала изъ лихорадки въ горячку: прости наша православная вѣра, церковные учители! И такъ десять лѣтъ почти молчали, а нынѣ уже и ничего говорить не будутъ. Прости россійское вѣрное дворянство, Петромъ Великимъ наученное солдатство! Десять лѣтъ вы забыты и уничтожены были, а нынѣ конецъ вамъ и всѣмъ славнымъ дѣламъ вашимъ приходитъ. Простите отъ Петра Великаго насажденныя фабрики и мануфактуры и всѣ премудрыя науки: чужеземцы обладаютъ! Вотъ скоро велятъ намъ забыть законы и дѣла Петровы, а учинять новыя интриги. Притомъ же и прочіе мои братья, вѣрные россійскаго отечества дѣти, сердечно и болѣзненно о томъ сожалѣли по законной наслѣдницѣ государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, еже ей-ей, братецъ, многажды со слезами воспомянули: не родителя ли ея все то, чѣмъ нынѣ иноплеменники владѣютъ?... Вотъ послѣ того услышали вскорѣ, что Минихъ Бирона арестовалъ и въ ссылку послалъ со всей его креатурой, въ томъ

числѣ и Прусакъ Бисмаркъ; а мы, россійскіе солдаты, сошлись, между собою тихонько пошептали: сталъ гонить чертъ дьявола, и обоимъ не миновать; да рубилъ Татаринъ Татарина, а оба въ Россіи не надобны.... Всемогущій Богъ коварные совѣты языковъ разоряетъ, Духомъ Своимъ Святымъ возводитъ духъ Петра Великаго, живущій въ дочери его: подалъ ей вырвать изъ чужихъ рукъ скипетръ отца ея и избавить отъ насилія и обиды, учиненной россійскому дворянству и всему народу, которыхъ онъ, Петръ Великій, научилъ и кровавымъ своимъ потомъ и трудами людьми учинилъ, которыхъ прежніе наши нѣмецкіе правители порицали, что нѣтъ изъ русскихъ достойнаго ни одного человѣка и ни въ какой чинъ негодны; а Петръ Великій изъ своихъ природныхъ Россіянъ учреждалъ генераловъ-фельдмаршаловъ, генераловъ-адмираловъ, министровъ, сенаторовъ и президентовъ, да интересъ его въ цѣлости сохраняли и многими народами обладали» [272].

Миръ съ Швеціею былъ заключенъ; но по его поводу вооружалась Данія, и на спросъ шведскаго посла, что̀ значатъ эти вооруженія, ему отвѣчали, что они предпринимаются для собственной безопасности, ибо по письмамъ изъ Гамбурга, Киля и Стокгольма отъ Даніи потребуютъ возвращенія Шлезвига, что объ этомъ толкуетъ Бухвальдъ. Получивъ донесеніе объ этомъ изъ Абова, Бестужевъ замѣтилъ: «Сіи скоропостижныя голштинскія угрозы впутать могутъ въ новую войну, которая безъ всякой прибыли удаленія ради еще тяжелѣе прежней будетъ.» Шведское правительство требовало, чтобъ корабельный русскій флотъ подался поближе къ Зунду, для воспрепятствованія выходу датскаго флота и обезпеченія переѣзда герцога-администратора въ Швецію; требовало также, чтобъ шедшая изъ Архангельска эскадра и бывшая въ Зундѣ возвратилась въ Нѣмецкое море и крейсировала противъ Норвегіи для воспрепятствованія датскому транспорту, а зимовать она могла бы въ шведской гавани Марштрандѣ. На это Бестужевъ замѣтилъ: «Время позднее, развѣ людей поморить и флотъ разорить; къ тому жъ въ чужой гавани, кромѣ отваги (опасности), содержать зиму не въ однѣ сто тысячъ рублевъ станетъ.» Румянцевъ и Любрасъ писали императрицѣ. «Сколько мы изъ словъ Шведовъ здѣсь заключить могли, они не прочь, чтобъ его импер. высочество (Петръ Ѳе-

доровичъ) Голштинію Даніи уступилъ, ибо они уже толковали, что по законамъ римской имперіи греческой вѣры государь въ Германіи владѣть не можетъ; изъ этого видно, что Шведы рады были бы этимъ способомъ датскій дворъ удовлетворить и успокоить.» Шведскіе уполномоченные въ Абовѣ не переставали толковать объ опасности и требовать русской помощи; кромѣ флота стали требовать, чтобъ Россія высадила въ Швецію и сухопутное войско отъ семи до осьми тысячъ не только противъ Датчанъ, но и для поддержанія внутренней тишины въ Швеціи; объявляли, что у нихъ есть полки, на которые положиться нельзя; что датскій дворъ полагаетъ надежду, вопервыхъ, на партію между крестьянами, которая непремѣнно соединится съ датскимъ войскомъ, вовторыхъ, на какую-то большую революцію въ Россіи, ибо датскіе министры сказали шведскому послу, стращавшему ихъ силою Россіи: «Правда, Россія сильна, но она привыкла къ революціямъ и онъ посолъ не знаетъ, какая въ ней скоро перемѣна можетъ послѣдовать.»

Вслѣдствіе этихъ извѣстій, лица, которыя прежде собирались для обсужденія мирныхъ условій, 22 августа получили указъ императрицы: «Понеже получили мы отъ нашихъ полномочныхъ министровъ изъ Абова реляціи, что Шведы въ случаѣ нынѣ чинимаго отъ Датчанъ къ нападенію приготовленія просятъ нашей помощи: того для повелѣваемъ по оной реляціи имѣть совѣтъ, что и какъ возможно дѣлать къ помощи Шведамъ, и чтобъ оное съ нашею честію и интересомъ государственнымъ сходно могло быть и чтобъ оной совѣтъ учинить немедленно и намъ донесть, ибо время коротко остается. Елисаветъ.» Разсудили согласно подать ея величеству мнѣніе: 1) не соизволено ль будетъ нынѣ 30 галеръ подъ командою генерала Кейта обратно отправить къ Гельсингфорсу и быть имъ тамъ до наступленія большихъ холодовъ, а тогда перейти къ Ревелю и тамъ зимовать. 2) Корабельному флоту подъ начальствомъ адмирала Головина пробыть сентябрь въ морѣ, идти ему до Карлскроны и, по возможности, далѣе для соединенія со шведскимъ флотомъ и для прикрытія транспорта избраннаго наслѣдника шведской короны, а въ случаѣ нападенія датскаго флота на Шведовъ защищать послѣднихъ, и никакихъ датскихъ транспортовъ къ шведскимъ берегамъ не допускать. Но 3-го сентября собраніе уже рѣшило

генералу Кейту съ полками на галерахъ идти немедленно отъ Гельсингфорса къ Стокгольму и тамъ зимовать.

Герцогъ—администраторъ, получивши отъ русскаго двора на проѣздъ 50.000 рублей, благополучно достигъ Стокгольма, куда съ поздравленіемъ къ нему отправленъ былъ изъ Копенгагена дѣйствительный камергеръ Николай Корфъ. 21 ноября Корфъ имѣлъ аудіенцію у принца, который объявилъ ему, что онъ такой милости отъ императрицы не достоинъ, что къ нему присланъ онъ, Корфъ, съ поздравленіемъ, и за свое настоящее положеніе послѣ Бога онъ долженъ благодарить одну императрицу; благодарность эту словами онъ изобразить не можетъ и поручаетъ себя императорской милости и покровительству. 30 ноября два русскихъ полка, Ростовскій и Казанскій, имѣли торжественный входъ въ Стокгольмъ, съ музыкою и распущенными знаменами. Старый король выражалъ большое удовольствіе и всѣ удивлялись бодрому и военно-храброму виду солдатъ, которые, несмотря на продолжительное и трудное пребываніе на галерахъ, шли бодро и въ хорошемъ порядкѣ. Король говорилъ: «Я очень доволенъ, что прежде смерти имѣю счастіе видѣть передъ собою и подъ своею командою войска столь могущественной и славной императрицы, и въ случаѣ нужды я никому не уступлю чести командовать ими.» Получая отъ Корфа и Кейта грамоту императрицы, король цѣловалъ ее.

Бывшая до сихъ поръ въ гоненіи партія противниковъ русской войны торжествовала и хотѣла упрочить свое торжество совершеннымъ отстраненіемъ французскаго вліянія какъ въ Швеціи, такъ и въ Россіи. Члены этой партіи вмѣстѣ съ саксонскимъ резидентомъ Вальтеромъ увѣряли Корфа, что Шетарди хвастается полученіемъ полнаго успѣха въ Петербургѣ, милостію императрицы, но въ то же время *продерзостно* отзывается, что если Елисавета не захочетъ принять его внушеній и проектовъ, то онъ знаетъ средство свергнуть ее, какъ прежде помогалъ ея возведенію на престолъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ помогала ей болѣе судьба, чѣмъ онъ, потому что ему собственно нужно было произвести въ Россіи внутренній раздоръ и замѣшательства. Шетарди же отзывался, что онъ, въ силу своего кредита при императрицѣ, поднялъ Бестужевыхъ, Бреверна и Воронцова для привлеченія ихъ на французскую сторону; но такъ какъ они

вмѣсто благодарности за то, что онъ вывелъ ихъ изъ грязи, не оказали никакого содѣйствія его видамъ, то онъ будетъ стараться лишить ихъ кредита и привести въ немилость, и если можно, то лишитъ ихъ добраго имени и жизни. Члены старой русской партіи просили Корфа, чтобъ къ нимъ присланъ былъ министръ, который бы могъ добрыхъ патріотовъ защищать и подкрѣплять, а приверженцевъ Франціи держать въ уздѣ. Добрые патріоты указывали на Михайлу Бестужева, какъ человѣка знающаго французскую партію и интриги [273].

Франція выдала Швецію, какъ прежде выдала Польшу, хотя съ другой стороны надобно замѣтить, что во Франціи никакъ не могли думать, чтобъ Швеція такъ позорно повела свои дѣла въ Финляндіи. Какъ бы то ни было, Франція не могла подать ей никакой помощи, потому что сама дурно вела свои дѣла въ войнѣ съ Маріею Терезіею. Относительно Сѣвера Франціи теперь оставалось одно—хлопотать при русскомъ дворѣ, чтобъ онъ не соединился съ морскими державами для поданія помощи королевѣ венгерской; относительно же Швеціи стараться или, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что старается доставить Швеціи наименѣе невыгодный миръ подъ условіемъ требуемаго Россіею избранія голштинскаго принца въ наслѣдники шведскаго престола. Послѣ отъѣзда Шетарди полномочнымъ министромъ Франціи въ Петербургѣ остался Дальонъ, бывшій въ Россіи и при Шетарди, знавшій хорошо дѣла и людей. Но въ Петербургѣ жалѣли о Шетарди. Императрица скучала, не встрѣчаясь болѣе съ человѣкомъ, который умѣлъ такъ забавлять своими шутками и разсказами [274]; Лестокъ и Брюммеръ, разумѣется, не упускали случая усиливать желаніе видѣть снова веселаго собесѣдника.

Еще въ концѣ 1742 г. Кантемиръ получилъ отъ своего двора рескриптъ, въ которомъ приказывалось ему домогаться всевозможными способами о возвращеніи маркиза Шетарди въ Россію, и если этого достигнуть нельзя, то молчать о назначеніи другого министра на мѣсто Дальона. Никакихъ домогательствъ, повидимому, употреблять не было нужды: самъ Шетарди охотно соглашался на возвращеніе, Амелотъ также, и однако проходили мѣсяцы, а Шетарди не возвращался: быть можетъ мѣшало этому условіе, безъ сомнѣнія придуманное Бестужевымъ, что императрица не приметъ Шетарди въ оффиціальномъ значеніи, если въ

присланныхъ съ нимъ королевскихъ грамотахъ ей не будетъ данъ императорскій титулъ. Медленность Шетарди оскорбила императрицу, такъ что она запретила Кантемиру настаивать на его возвращеніе въ Россію. Въ январѣ 1743 года умеръ кардиналъ Флёри отъ старости и съ горя, что Франція запуталась въ войну, изъ которой не могла выйти съ честію и пользою. Король объявилъ, что перваго министра болѣе не будетъ. Между тѣмъ у Кантемира съ Амелотомъ шли важныя объясненія относительно избранія наслѣдника шведскаго престола; Амелотъ объявилъ, что Франція исключаетъ только принца гессенъ-кассельскаго по преданности его англійскому двору; всякій же другой принцъ будетъ одинаково пріятенъ Франціи; король особенно желаетъ, чтобъ его поведеніе въ этомъ дѣлѣ было пріятно русской государынѣ, и потому было бы очень нужно дать поскорѣе сюда знать о ея намѣреніяхъ. Кантемиръ доносилъ своему двору, что для Франціи всего былъ бы пріятнѣе принцъ цвейбрюкенскій, но если онъ не возможенъ, то она охотно признаетъ и герцога епископа любскаго. Кантемиръ старался сблизиться съ генералъ-контролеромъ Орри по его сильному вліянію на дѣла. Орри заявилъ, что онъ всегда былъ въ пользу дружбы Франціи съ Россіею, но теперь находитъ препятствіе къ этой дружбѣ въ союзныхъ договорахъ Россіи съ Англіею и королевою венгро-богемскою, также въ запрещеніи русскимъ подданнымъ носить платье изъ богатыхъ матерій, что вредитъ французской торговлѣ, и конечно внушено Англичанами. Кантемиръ возражалъ на это, что союзы Россіи съ иностранными державами суть союзы оборонительные безо всякаго предосужденія для третьей державы, что онъ самъ Орри долженъ согласиться, какъ при нынѣшнемъ положеніи сѣверный союзъ съ Англіею выгоденъ для Россіи, а союзъ съ королевою венгерскою нуженъ для всего христіанства, для сдержанія турецкаго могущества; что же касается до запрещенія употреблять богатыя матеріи на платье, то оно основано на одной пользѣ русскаго народа и не есть слѣдствіе какихъ-нибудь чуждыхъ внушеній. Орри согласился съ справедливостію этихъ объясненій и полагалъ, что нужно начать съ трактата дружбы между Франціею и Россіею, а затѣмъ приступить къ союзному или торговому.

Но прежде всего нужно было рѣшить шведское дѣло. Канте-

миръ наконецъ объявилъ Амелоту, что кандидатъ императрицы есть епископъ любскій, въ пользу котораго однако Россія будетъ употреблять только добрыя услуги. «Это я понимаю, отвѣчалъ Амелотъ, но вотъ чего не понимаю: русскій дворъ находится съ англійскимъ дворомъ въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ съ здѣшнимъ, и, несмотря на то, здѣшній дворъ готовъ содѣйствовать желанію русской государыни, тогда какъ англійскій министръ въ Стокгольмѣ не жалѣетъ ни денегъ, ни трудовъ, чтобъ не допустить до избранія епископа любскаго; хотѣлось бы мнѣ знать, какимъ образомъ русскій дворъ въ этомъ случаѣ соглашается съ англійскимъ?» Кантемиръ отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: каждому государю естественно желать, чтобъ избраніе пало на человѣка ему пріятнаго, и разногласіе въ одномъ дѣлѣ не ведетъ еще къ нарушенію согласія въ другихъ, если для достиженія своихъ цѣлей дворы употребляютъ только добрыя услуги. Амелотъ спросилъ также, будетъ ли дѣло избранія соединено съ дѣломъ примиренія, потому что въ такомъ случаѣ желаемая Россіею особа, смотря по мирнымъ условіямъ, можетъ надѣяться успѣха, и еслибы условія были выгодны для шведскаго двора, то онъ бы Амелотъ сталъ совѣтовать шведскому министерству не отлагать избранія епископа любскаго. Кантемиръ отвѣчалъ, что не знаетъ, намѣрена ли императрица связать эти два дѣла, но, сколько можетъ судить, не думаетъ, чтобъ она намѣрена была дорого купить избраніе епископа любскаго. При этомъ Кантемиръ писалъ своему двору: «Изъ всѣхъ этихъ часто повторяемыхъ внушеній Амелота, я заключаю первое, что изъ боязни усиленія партіи принца гессенъ-кассельскаго стараются тревожить русскій дворъ и заставить его препятствовать англійскому проекту; второе, что желали бы здѣсь какимъ-нибудь образомъ возстановить свой кредитъ въ Швеціи, соединивъ дѣло примиренія съ дѣломъ избранія, въ надеждѣ, что такимъ способомъ можно будетъ шведскому двору доставить болѣе выгодныя условія, и въ послѣднемъ отношеніи я признаю согласнымъ съ русскими интересами не подавать Амелоту никакой надежды; хотя я замѣчаю теперь въ здѣшнемъ министерствѣ лучшее расположеніе къ Россіи, однако я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что во всѣхъ поступкахъ французскаго министерства преслѣдуется одна своя польза,

определяемая врожденнымъ народу высокомысліемъ; слѣдовательно легко будетъ отложить дѣло вступленія въ союзъ съ здѣшнимъ дворомъ, учтиво избѣгая по этому дѣлу объясненій съ министрами. Здѣшнее лучшее расположеніе къ Россіи происходитъ отъ дурнаго состоянія здѣшнихъ дѣлъ или отъ желанія разлучить Россію съ прочими державами. По первому обстоятельству мнѣ кажется, что каковы бы ни были поступки русскаго двора, здѣшній принужденъ сносить ихъ терпѣливо, да и жалобы его можно принимать равнодушно.»

Послѣ заключенія абовскаго мира Кантемиръ писалъ: «На сколько ваше императорское величество больше славы получаетъ, и на сколько основывается тишина въ государствѣ вашемъ и безопасность на будущее время,—на столько дворъ здѣшній менѣе доволенъ такою удачею вашею, ибо съ одной стороны предусматриваетъ, что кредитъ французскій на сѣверѣ долженъ очень убавиться, а съ другой—боится, что ваше величество получаете возможность помочь королевѣ венгерской, что было бы верхомъ здѣшнихъ несчастій. Этому страху я долженъ приписать усиленное вниманіе ко мнѣ здѣшняго министерства. Состояніе здѣшнихъ дѣлъ столь плохо, что никакими усиліями не могутъ привести въ безопасность свои границы; государство истощено деньгами и людьми, военныя силы недостаточны, министерство слабое и для такихъ важныхъ дѣйствій неспособное, генералы не искусные, народъ бѣдный и недовольный, король пренебрегаетъ дѣлами.»

Въ августѣ Кантемиръ обѣдалъ у генералъ-контролера Орри, который, заведя рѣчь о движеніяхъ короля датскаго противъ Швеціи, сказалъ: «Принимая во вниманіе слабость короля датскаго и отсутствіе всякой надежды на помощь какой-нибудь иностранной державы, надобно опасаться, что онъ надѣется на какую-нибудь революцію въ Россіи. О такой революціи приходятъ слухи со всѣхъ сторонъ, какъ уже ея величеству отсюда много разъ было сообщено, и я считаю нужнымъ еще повторить, чтобъ ея величество обратила должное вниманіе на эти слухи.» Кантемиръ отвѣчалъ, что онъ получилъ отъ своего двора доказательство ложности всѣхъ этихъ слуховъ. Извѣщая объ этомъ разговорѣ, Кантемиръ писалъ: «Прежніе поступки здѣшняго двора не позволяютъ мнѣ допустить, чтобъ подаваемыя

отсюда извѣстія о предстоящей революціи въ Россіи происходили отъ здѣшняго добраго расположенія къ вашему величеству. Извѣстно, каковы были всегда здѣшніе происки противъ нашихъ интересовъ при Портѣ, въ Швеціи и другихъ мѣстахъ; по смерти кардинала Флёри злоба здѣшняя прекратилась бы, еслибы ваше величество совершенно предались въ здѣшнія руки, какъ тогда и надежду имѣли; но теперь нельзя ожидать никакихъ знаковъ здѣшней благосклонности, когда здѣсь почти увѣрены, что Россія къ будущей веснѣ присоединитъ свое войско къ войску союзниковъ королевы венгерской; слѣдовательно здѣшнія сообщенія о революціи дѣлаются или для того, чтобъ, заставивъ ваше величество заботиться о внутренней тишинѣ государства, отнять у васъ охоту присоединиться къ союзникамъ королевы венгерской, или отвратить отъ себя всякое подозрѣніе, въ случаѣ еслибъ дѣйствительно въ Россіи произошла какая-нибудь смута» [275].

Донесенія Кантемира служили твердою опорою для Бестужева, который прямо представлялъ императрицѣ, что на французскія отношенія надобно смотрѣть на основаніи донесеній Кантемира, который одинъ можетъ доставлять вѣрныя свѣдѣнія, и никакъ не петербургскіе совѣтники императрицы, которые издалека не могутъ имѣть яснаго понятія о дѣлахъ. Бестужевъ намекалъ на Лестока и Брюммера, къ которымъ естественно примыкалъ и Дальонъ, пользовавшійся, по старой памяти, расположеніемъ императрицы. Въ началѣ іюля Дальонъ доносилъ своему правительству слѣдующее: «29 іюня былъ балъ, на которомъ ея величество мнѣ разсказывала, что она, гуляя наканунѣ въ своемъ саду, встрѣтила гвардейскаго солдата, который подошелъ къ ней со слезами на глазахъ и объявилъ, что разглашается, будто бы она своихъ вѣрныхъ подданныхъ хочетъ оставить и уступить корону племяннику своему. Я, говорила Елисавета, никогда въ такомъ удивленіи не была, и сказала солдату, что это совершенная ложь и позволяю ему каждаго, который станетъ то же говорить, застрѣлить, хотя бы то и фельдмаршалъ былъ.—Она разсказывала это и г. Брюммеру, который ей представилъ, что подобныя разглашенія имѣютъ одну цѣль—возбудить несогласіе между нею и великимъ княземъ; изъ этого видно, какъ нужно приставить къ молодому принцу такихъ лю-

дей, на которыхъ она могла бы совершенно положиться. А я ей сказалъ, что этотъ слухъ носится уже недѣли съ три.» Дальонъ хвалился своему правительству, что онъ, вмѣстѣ съ Брюммеромъ и Лестокомъ, имѣлъ важное вліяніе на рѣшеніе шведскихъ дѣлъ, не взирая на кредитъ Бестужевыхъ и интриги англійскаго посланника Вейча. «*Мы* всѣ проекты о супружествѣ между епископомъ любскимъ и англійскою принцессою опровергаемъ. Господа Брюммеръ и Лестокъ мнѣ сказали, что они недавно склонили царицу писать принцу, чтобъ онъ не думалъ болѣе объ этомъ бракѣ. Оба, по моему наущенію и собственнымъ выгодамъ, удвояютъ усилія, чтобъ низвергнуть Бестужевыхъ; они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія уполномоченныхъ изъ Абова, которые должны открыть довольно тайнъ и неправильныхъ поступковъ; намѣреніе Брюммера и Лестока состоитъ въ томъ, чтобъ по низверженіи Бестужевыхъ поручить завѣдываніе иностранными дѣлами генералу Румянцеву, господину Нарышкину, который уже сюда ѣдетъ, и князю Кантемиру, котораго возвратятъ изъ Франціи.» Дѣйствительно, камергеръ Семенъ Нарышкинъ, посланникъ въ Лондонѣ, былъ отозванъ оттуда; но Кантемира, страдавшаго смертельно болѣзнію, возвратить не успѣли. Увѣдомляя свой дворъ объ уменьшеніи кредита оберъ-гофмаршала Мих. Петр. Бестужева, Дальонъ писалъ: «Кредитъ гофмаршала, правда, много упалъ; но онъ опять поднимется; это такой человѣкъ, котораго по неволѣ надобно будетъ чрезъ непріятелей его погубить, или же онъ въ этомъ государствѣ будетъ играть важную игру.» Въ половинѣ августа Дальонъ доносилъ: «Царица имѣетъ твердое намѣреніе поддерживать въ Швеціи принца голштинскаго, хотя нѣтъ такихъ способовъ, какихъ бы вице-канцлеръ тайно не употреблялъ, чтобъ удержать ее отъ серіознаго вмѣшательства въ дѣло, но голосъ его и шайки его уже очень слабъ теперь. Въ случаѣ перемѣны въ министерствѣ, генералъ Румянцевъ будетъ имѣть большое участіе въ новыхъ распоряженіяхъ, и хотя онъ самъ по себѣ не склоненъ къ Французамъ, но можно обнадежиться его женою, интригантокою и очень ловкою госпожею. Вейчъ уже начинаетъ за ней ухаживать» [276].

«Голосъ Бестужева и его шайки очень слабъ теперь.» Отъ чего же произошла эта слабость?

21 іюля по Петербургу разнесся слухъ, что открытъ какой-то важный заговоръ. Лестокъ прискакалъ изъ Петергофа въ Петербургъ; императрица, находившаяся въ этотъ день инкогнито въ Петербургѣ, осталась здѣсь, не поѣхала въ Петергофъ, хотя лошади уже были приготовлены; ночью по улицамъ разъѣзжали патрули. Прошло три дня въ безпокойномъ ожиданіи; наконецъ 25 числа, въ пятомъ часу пополуночи, генералъ Ушаковъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и капитанъ гвардіи Григорій Протасовъ арестовали подполковника Ивана Лопухина, сына бывшаго генералъ-кригсъ-коммиссара Лопухина, близкаго человѣка къ Левенвольду и попавшаго подъ опалу вмѣстѣ съ нимъ; къ матери Ивана Лопухина Натальѣ приставленъ былъ караулъ и письма ихъ запечатаны. Въ тотъ же день спрошены были доносчики—поручикъ лейбъ-кирасирскаго полка Бергеръ, родомъ Курляндецъ, и майоръ Фалькенбергъ, и объявили слѣдующее: поручикъ Бергеръ сказалъ, что 17 числа былъ онъ въ вольномъ домѣ, гдѣ былъ также и подполковникъ Иванъ Степановъ Лопухинъ; изъ вольнаго дома пошли они въ домъ къ Лопухину, гдѣ хозяинъ наединѣ жаловался ему на свою обиду: «Былъ я при дворѣ принцессы Анны камеръ-юнкеромъ въ рангѣ полковничьемъ, а теперь опредѣленъ въ подполковники, и то не знаю куда; канальи Лялинъ и Сиверсъ въ чины произведены—одинъ изъ матросовъ, а другой изъ кофешенковъ за скверное дѣло. Государыня ѣздитъ въ царское село и напивается, любитъ англійское пиво и для того беретъ съ собою непотребныхъ людей... ей наслѣдницею и быть было нельзя, потому что она незаконнорожденная. Рижскій караулъ, который у императора Іоанна и у матери его, очень къ императору склоненъ, а нынѣшней государынѣ съ тремя стами канальями ея лейбъ-компаніи что сдѣлать? Прежній караулъ былъ и крѣпче, да сдѣлали, а теперь перемѣнѣ легко сдѣлаться; еслибъ и тогда Петру Семеновичу Салтыкову можно было выйти, то онъ бы и самъ ударилъ въ барабанъ; за то его тогда и отъ двора отрѣшили. Будетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна; отецъ мой писалъ къ матери моей, чтобъ я никакой милости у государыни не искалъ, поэтому и мать моя ко двору не ѣздитъ, да и я, послѣ того какъ былъ въ послѣднемъ маскарадѣ, ко двору не хожу.» Идучи съ Бергеромъ 21 числа мимо дома фельдмаршала князя Трубецкаго, Ло-

пухинъ бранилъ послѣдняго, также принца гессенъ-гомбургскаго, и говорилъ: «Нынѣшняя государыня больше любитъ простой народъ, потому что сама просто живетъ, а большіе всѣ ея не любятъ.»

По доносу Фалкенберга Лопухинъ говорилъ: «Нынѣшніе управители государственные всѣ негодные, не такъ какъ прежніе были Остерманъ и Левольдъ, только Лестокъ проворная каналья. Императору Іоанну будетъ король прусскій помогать, а наши, надѣюсь, за ружье не примутся.» На вопросъ Фалкенберга, скоро ли это будетъ, отвѣчалъ: «скоро будетъ.» Фалкенбергъ при этомъ сказалъ ему, что когда дѣло благополучно кончится, то онъ бы его вспомнилъ, и Лопухинъ обѣщалъ вспомнить. Фалкенбергъ спросилъ: «Нѣтъ ли кого побольше, къ кому бы заранѣе забѣжать?» На это сначала Лопухинъ ничего не отвѣчалъ, только пожалъ плечами; но потомъ сказалъ, что австрійскій посланникъ, маркизъ Ботта, императору Іоанну вѣрный слуга и доброжелатель.

Въ тотъ же день Лопухинъ былъ допрошенъ въ присутствіи Ушакова, Трубецкого и Лестока, и повинился: «Говорилъ въ поношеніе ея величества, что изволитъ ѣздить въ Царское Село для того, что любитъ англійское пиво кушать; я же говорилъ, что ея величество до вступленія родителей ея въ бракъ за три года родилась; и тѣ слова употреблялъ, что подъ бабьимъ правленіемъ находимся, а больше того никакихъ поносительныхъ словъ не говорилъ, а учинилъ ту продерзость, думая быть перемѣнѣ, чему и радовался, что будетъ намъ благополучіе какъ и прежде.» Относительно Ботты Лопухинъ заперся, и сказалъ: «Фалкенбергъ говорилъ: «Должно быть маркизъ Ботта не хотѣлъ денегъ терять, а то бы онъ принцессу Анну и принца выручилъ.» — И я противъ того молвилъ, что можетъ статься.» Послѣ очной ставки съ доносителями Лопухинъ во всемъ повинился. Отъ него потребовали, чтобъ открылъ все о злыхъ умыслахъ; онъ попросилъ времени обдумать, и на другой день, 26 іюля, сказалъ: «Въ Москвѣ пріѣзжалъ къ матери моей маркизъ Ботта, и послѣ его отъѣзда мать пересказывала мнѣ слова Ботты, что онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не поможетъ принцессѣ Аннѣ. Ботта говорилъ, что и прусскій король будетъ ей помогать, и онъ, Ботта, станетъ о томъ стараться. Тѣ же слова пе-

ресказывала моя мать графинѣ Аннѣ Гавриловнѣ Бестужевой, когда та была у нея съ дочерью Настасьею. Я слыхалъ отъ отца и матери, какъ они противъ прежняго обижены, безъ вины деревня отнята, отецъ безъ награжденія отставленъ, сынъ изъ полковниковъ въ подполковники опредѣленъ.»

Привели къ допросу мать, Наталью Ѳедоровну Лопухину; она объявила: «Маркизъ Ботта ко мнѣ въ домъ ѣзжалъ и говаривалъ, что отъѣзжаетъ въ Берлинъ; я его спросила: зачѣмъ? Конечно ты что-нибудь задумалъ? Онъ отвѣчалъ: хотя бы я что и задумалъ, но объ этомъ съ вами говорить не стану. Слова: что до тѣхъ поръ не успокоится, пока не поможетъ принцессѣ Аннѣ, я отъ него слышала и на то ему говорила, чтобъ они не заварили каши и въ Россіи безпокойствъ не дѣлали, и старался бы онъ объ одномъ, чтобъ принцессу съ сыномъ освободили и отпустили къ деверю ея, а говорила это, жалѣя о принцессѣ за ея большую ко мнѣ милость. Ботта говорилъ также, что будетъ стараться возвести на русскій престолъ принцессу Анну, только я на это ему, кромѣ объвленнаго, ничего не сказала. Мужъ мой объ этомъ ничего не зналъ. Съ графинею Анною Бестужевою мы разговоръ имѣли о словахъ Ботты, и она говорила, что у нея Ботта то же говорилъ.» Лопухину допрашивали въ ея домѣ.

Допросили графину Анну Гавриловну Бестужеву, жену Михайлы Петровича (вдову Ягужинскую, урожденную графиню Головкину). Та сказала только: «Говаривала я не тайно: дай Богъ, когда бы ихъ (брауншвейгскую фамилію) въ отечество отпустили!» Но дочь ея Настасья Ягужинская подтвердила показаніе Лопухиной. Послѣ этихъ допросовъ Ивана Лопухина, его мать и Бестужеву посадили въ крѣпость, а дочь Бестужевой оставили въ домѣ подъ карауломъ. Въ крѣпости Наталья Лопухина призналась: «Такіе разговоры Ботта и при мужѣ моемъ держалъ, и какъ мы его подлиннѣе допрашивали, то онъ отозвался: вотъ захотѣли, чтобъ я вамъ русскимъ и о томъ разсказалъ! при чемъ меня и выбранилъ.» — Иванъ Лопухинъ былъ приведенъ въ застѣнокъ, гдѣ прибавилъ, что Бестужева говорила его матери: «Охъ, Натальюшка! Ботта-то и страшенъ, а иногда и увеселитъ.» 27 іюля поручикъ Машковъ объявилъ, что Лопухинъ говорилъ ему: «Сказывалъ матери моей Александръ Зыбинъ, что принцессу скоро отпустятъ въ отечество брауншвейгское, а съ нею и

прежній ея штатъ, въ томъ числѣ и молодаго Миниха; я для того и отъ службы отбываю, что какъ это сдѣлается, и я при ней попрежнему буду камеръ-юнкеромъ. Не бойся Машковъ! можетъ быть принцесса попрежнему будетъ здѣсь, и тогда счастье получимъ. А ежели принцесса освобождена не будетъ, то надѣюсь, что война будетъ; а когда меня пошлютъ, то я драться не буду, а уйду въ прусское войско: развѣ мнѣ самому противъ себя драться? Думаю, что и многіе драться не станутъ.» На другой день призванъ былъ къ допросу Зыбинъ и сказалъ: «О принцессѣ и принцѣ отъ Натальи Лопухиной я слыхалъ: она ихъ жалѣла и желала, чтобъ имъ быть попрежнему; отъ такихъ словъ я ее унималъ, говоря, что я могу отъ нихъ пропасть, на что она сказала: развѣ тебѣ будетъ первый кнутъ?» Въ тотъ же день была очная ставка Бестужевой съ Лопухинымъ, и Бестужева призналась во всемъ, что показали Лопухины. 29 іюля были допрошены конной гвардіи вице-ротмистръ Лиліенфельдъ, того же полка адъютантъ Степанъ Колычовъ и жена камергера Лиліенфельда Софья Васильевна. Двое первыхъ не показали ничего новаго; Софья Лиліенфельдъ объявила: «Съ маркизомъ Боттою я встрѣчалась въ домахъ Бестужевой и Лопухиной, и слышала, какъ онъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что принцесса неосторожно жила, отъ чего и правленіе потеряла, всегда слушалась фрейлины Юліи, на что мы ему отвѣчали, что то совершенная правда, сама она принцесса пропала и насъ погубила, въ подозрѣніе нынѣшней государынѣ привела. Говаривали при мнѣ графиня Бестужева съ Лопухиной, что ея величество непорядочно и просто живетъ, всюду безпрестанно ѣздитъ и бѣгаетъ. Говаривали про принцессу: лучше бъ намъ было, когда бъ она была; можетъ быть это и сдѣлается, а когда не сдѣлается, то хотя бъ ее отпустили.» — Софья Лиліенфельдъ оговорила камергера князя Сергѣя Васильевича Гагарина, но тотъ во всемъ заперся, равно какъ и камергеръ Лиліенфельдъ. Иванъ Лопухинъ поднятъ былъ на дыбу и получилъ одиннадцать ударовъ, но не прибавилъ ничего больше къ своему показанію. 11 августа его снова пытали, дали 9 ударовъ, и опять никакихъ новыхъ признаній.

Отецъ его, Степанъ Лопухинъ, въ допросѣ сказалъ: «Маркизъ Ботта у меня часто бывалъ и говаривалъ о принцессѣ, что лучше бъ и покойнѣе было, еслибъ она оставалась правительни-

цею, а теперь такіе безпорядки происходятъ, министровъ прежнихъ всѣхъ разослали, послѣ императрица будетъ о нихъ и тужить, да взять будетъ не гдѣ; на это и я говорилъ, что правда, но говорилъ, что и тогда было не совсѣмъ хорошо, завладали было Нѣмцы, потому что принцесса никуда не выхаживала. Что ея величествомъ я недоволенъ и обиженъ, объ этомъ съ женою своею я говаривалъ и неудовольствіе причиталъ такое, что безвинно былъ арестованъ и безъ награжденія рангомъ отставленъ; а чтобъ принцессѣ быть попрежнему, желалъ я для того, что при ней мнѣ будетъ лучше, а что присягу свою презрѣлъ, въ томъ приношу мою предъ ея величествомъ вину. Говорилъ я про сенаторовъ, что нынѣ путныхъ мало, а прочіе всѣ дураки, что дѣла не дѣлаютъ и тѣмъ приводятъ ея величество народу въ озлобленіе. Когда императоръ Петръ II скончался, тогда меня призвали фельдмаршалъ князь Голицынъ, князь Дмитрій Голицынъ да фельдмаршалъ князь Долгорукій и спрашивали, не подписывалъ ли его величество какой духовной? и я сказалъ — не видалъ. И при томъ они имѣли разсужденіе, кого выбрать на престолъ, и сперва говорили о царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ, что она уже стара, потомъ о царевнахъ Екатеринѣ и Прасковьѣ, что ихъ нельзя, сказавъ нѣкоторыя слова непристойныя; потомъ о ея величествѣ молвилъ изъ нихъ, помнится, фельдмаршалъ князь Долгорукій, что она родилась до брака, и за тѣмъ, и за другимъ, сказавъ еще нѣкоторыя непристойныя слова, выбрать нельзя, и потомъ положили намѣреніе къ выбору императрицы Анны.» 17 августа Степанъ Лопухинъ былъ поднятъ на дыбу, висѣлъ десять минутъ и ничего новаго не сказалъ. Потомъ подняты были на дыбу жена его Наталья и графиня Бестужева, и также не прибавили ничего къ прежнимъ показаніямъ.

Слѣдователи спрашивали императрицу, что Софья Лиліенфельдъ больна (беременна), и потому нужно ли дѣлать ей очную ставку съ оговоренными ею? Елисавета собственноручно написала: «Сіе дѣло мнѣ пришло въ память когда оная Лиленьфелтова жена показала на Гагарина и жену его, то надлежитъ ихъ въ крѣпость всѣхъ взять и очьную ставкою про изъ водить несмотря на ея болезнь понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутофъ и на иначе желеть не для чего, луче чтобъ и векъ ихъ не слыхать нежели еще отъ нихъ плодофъ ждать.»

Кромѣ упомянутыхъ лицъ привлечены были къ дѣлу князь Иванъ Путятинъ, подпоручикъ Нилъ Акинѳовъ, дворянинъ Николай Ржевскій. Учрежденное въ сенатѣ генеральное собраніе (въ которомъ были и духовныя лица: троицкій архимандритъ Кириллъ, суздальскій епископъ Симонъ, псковской епископъ Стефанъ) 19 августа положило сентенцію: Лопухиныхъ всѣхъ троихъ и Анну Бестужеву казнить смертію, колесовать, вырѣзавъ языкъ. Ивана Мошкова, Александра Зыбина, князя Ивана Путятина, Софью Лиліенфельдъ казнить смертію — Мошкова и Путятина четвертовать, Зыбину и Лиліенфельдъ отсѣчь голову за то, что слыша опасные разговоры, не доносили. Камергера Лиліенфельда за нерадѣніе о томъ, что слышалъ отъ жены, лиша всѣхъ чиновъ, сослать въ деревню; вице-ротмистра Лиліенфельда, подпоручика Акинѳова и адъютанта Колычова опредѣлить въ армейскіе полки; дворянина Ржевскаго высѣчь плетьми и написать въ матросы. Императрица измѣнила эту сентенцію такимъ образомъ: троихъ Лопухиныхъ и Анну Бестужеву высѣчь кнутомъ и, урѣзавъ языки, послать въ ссылку; Мошкова и Путятина высѣчь кнутомъ, Зыбина плетьми и послать въ ссылку. Софью Лиліенфельдъ, пока не разрѣшится отъ бремени, не наказывать, а только объявить, что велѣно ее высѣчь плетьми и послать въ ссылку. Имѣніе всѣхъ означенныхъ конфисковать. Прочимъ учинить по сентенціи, только Ржевскаго написать въ матросы безъ наказанія. Экзекуція учинена была на публичномъ мѣстѣ, передъ коллежскими апартаментами. Въ Сибири сосланныхъ держали подъ карауломъ; на содержаніе давали каждому въ день по рублю; но Ивану Лопухину, Мошкову и Путятину давали по 50 копѣекъ; для прислуги при Степанѣ Лопухинѣ съ женою было отправлено четыре человѣка, двое мужчинъ и двѣ женщины, изъ нихъ одинъ поваръ; при Аннѣ Бестужевой и Софьѣ Лиліенфельдъ по четыре человѣка при каждой, при Зыбинѣ два человѣка, при Иванѣ Лопухинѣ, Мошковѣ и Путятинѣ по одному; прислуга получала по десяти копѣекъ на день [277].

Люди, дурно отзывавшіеся о поведеніи императрицы, жалѣвшіе о падшемъ правительствѣ, желавшіе его возстановленія и питавшіе надежду на это возстановленіе, были наказаны. Но кто возбуждалъ въ нихъ эту надежду, *увеселялъ* ихъ? Маркизъ Ботта— посланникъ венгерской королевы.

Въ сентябрѣ Ланчинскій изложилъ канцлеру Улефельду причины неудовольствія своего двора на маркиза Ботту. Улефельдъ, выслушавъ все молчаливо и съ печальнымъ лицомъ, сказалъ: «Никакъ я этого не ожидалъ; какъ государственный канцлеръ, имѣя въ рукахъ всѣ реляціи маркиза Ботты, могу засвидѣтельствовать, что онъ ревностно исполнялъ и исполняетъ инструкціи королевы относительно дружественныхъ и союзническихъ чувствъ ея къ вашей государынѣ; въ его реляціяхъ не видно ни малѣйшаго неудовольствія или злого намѣренія, о происшествіяхъ же разсказываетъ просто какъ что было.» Ланчинскій отвѣчалъ, что жалоба не на реляціи, а на богомерзкіе, неоднократные въ конфидентныхъ обхожденіяхъ имѣвшіеся разговоры, на продерзостныя слова, ругательныя выраженія и злостныя намѣренія, которыя должны быть изслѣдованы въ Берлинѣ. Улефельдъ возражалъ, что надобно и другую сторону выслушать, знатнаго ранга персонъ. Нѣсколько времени спустя Улефельдъ объяснилъ Ланчинскому, что королева очень огорчена неудовольствіемъ императрицы, которой дружбу особенно цѣнитъ и старается поддерживать союзническія обязательства; но маркиза Ботту, до выслушанія отъ него отвѣта, ни обвинить, ни оправдать не можетъ, въ чемъ полагается на правосудіе императрицы. Ланчинскій отвѣчалъ, что по имѣющимся достовѣрнѣйшимъ доказательствамъ Ботта оправдаться не можетъ.

Въ октябрѣ Ланчинскій имѣлъ разговоръ съ самою королевой. Жалобнымъ голосомъ начала рѣчь Марія Терезія: «Непріятели мои, для поврежденія нашей съ россійскою императрицею дружбы, нанесли на маркиза Ботту затѣйныя, но тяжкія вины; а онъ человѣкъ разумный: какъ онъ могъ такъ постыдно вмѣшиваться въ Петербургѣ во внутреннія дѣла?» Ланчинскій отвѣчалъ, что и его государыня никакъ бы не повѣрила извѣстіямъ о такихъ поступкахъ Ботты, еслибъ не были ей предоставлены ясныя доказательства. Королева возразила: «Что касается доказательствъ, то преступники изъ страха могли насказать на Ботту, а другое нанесено отъ моихъ непріятелей, и какъ мнѣ имъ пожертвовать, не выслушавши его оправданій? И въ Константинополѣ, и въ Швеціи усердно старалась я въ пользу вашей императрицы: однако непріятели своими ковами и внушеніями явно берутъ верхъ.» Графъ Улефельдъ говорилъ Ланчинскому, что въ Парижѣ дѣлу

Ботты радуются больше, чѣмъ побѣдѣ своего войска, и хвалятся, что теперь могутъ разрушить дружбу и союзъ между Россіею и Австріею.

Когда Ботта пріѣхалъ изъ Берлина, то изъ Вѣны въ Петербургъ пошло требованіе подробныхъ доказательствъ его вины, а между тѣмъ ко всѣмъ министрамъ королевы при иностранныхъ дворахъ разосланъ былъ циркуляръ, въ которомъ оправдывали Ботту и нарекали на русскій дворъ, который, вопреки справедливости, выставилъ его виновнымъ въ манифестѣ о преступленіи Лопухиной. Циркуляръ возбудилъ сильное раздраженіе въ Петербургѣ, что видно изъ рескрипта императрицы къ Ланчинскому: «Мы никакъ не могли думать, чтобъ стараніе оправдать Ботту зашло въ Вѣнѣ такъ далеко, что отложили въ сторону всякое уваженіе къ намъ и надъ нашею собственною особою захотѣли выместить за мнимую несправедливость, оказанную Боттѣ. Партія кажется неравная — мы и маркизъ Ботта: однако Ботту во что бы то ни стало хотятъ оправдать, тогда какъ невинность его и несправедливость нашей жалобы основывается на одномъ—на установленной при вѣнскомъ дворѣ безпорочной репутаціи маркиза; поврежденіе этой репутаціи считается нарушеніемъ всѣхъ естественныхъ народныхъ правъ, тогда какъ оскорбленіе нашей высочайшей особы поставляется очень легкимъ дѣломъ. Невинность Ботты въ Вѣнѣ доказываеттся: 1) пріобрѣтенною репутаціею; 2) данными ему отъ королевы указами; 3) свидѣтельствомъ берлинскаго двора и обстоятельствами тамошняго министерства Ботты; 4) отсутствіемъ письменныхъ уликъ; противъ маркиза имѣются только допросныя рѣчи нѣкоторыхъ преступниковъ, которые будто по принужденію, по интригамъ и пристрастію или въ надеждѣ избѣжать тяжкаго наказанія весьма легко могли быть приведены къ ложному оговору. Что касается перваго пункта, то мы не хотимъ оспаривать прежнихъ услугъ маркиза Ботты: утверждаемъ только одно, что у насъ онъ мало старался о поддержаніи своей великой репутаціи, ибо онъ не только при прежнемъ здѣсь правленіи довольно извѣстнымъ и явнымъ образомъ во многія интриги противъ насъ вмѣшивался, но продолжалъ такой же способъ дѣйствія и послѣ нашего законнаго вступленія на престолъ. Мы никогда не сомнѣвались, что данные ему отъ королевы указы и инструкціи предписывали

ему совершенно другой способъ дѣйствія; но это его нисколько не оправдываетъ, напротивъ подвергаетъ наказанію; что касается его поведенія при прусскомъ дворѣ, то по объявленію послѣдняго, хотя маркизъ Ботта и не сдѣлалъ самому королю никакихъ обвиняющихъ его предложеній, однако въ разговорахъ съ другими очень часто отзывался о необходимой вскорѣ революціи въ Россіи. Наконецъ относительно недостаточности доказательствъ вины, взятыхъ изъ допросныхъ рѣчей, которыя могли быть вынуждены, то мы приказали объявить вѣнскому двору, что мы сами при допросахъ присутствовали и сами можемъ засвидѣтельствовать, что они происходили въ должномъ порядкѣ и нималѣйшаго принужденія или какихъ-нибудь другихъ неправильностей не было: думаемъ, что такое свидѣтельство и положительное обнадеживаніе можетъ идти за достаточное доказательство. Остается недостатокъ письменаго изобличенія; но во многихъ случаяхъ виновные изобличаются и безъ письменыхъ свидѣтельствъ; а съ другой стороны и письменныя свидѣтельства не всегда бываютъ свободны отъ возраженій и споровъ, слѣдовательно въ письменныхъ уликахъ необходимости нѣтъ, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда содержаніе совѣтовъ у Ботты и его сообщниковъ было такъ опасно, что нельзя ожидать собственноручныхъ писемъ отъ Ботты, а еслибы они были, то сообщники его не могли ихъ сохранять, также нельзя предполагать, чтобъ Ботта велъ переписку съ своими сообщниками, когда онъ могъ имѣть съ ними довольно частыя свиданія, да и все дѣло состояло только въ безбожныхъ и достойныхъ наказанія расположеніяхъ, желаніяхъ, разговорахъ и совѣтахъ, ибо всѣ такія интриги были и всегда будутъ безсильными произвести въ нашей имперіи прямую противъ насъ революцію; мы считаемъ Ботту достойнымъ наказанія за продерзостные и возмутительные разговоры и совѣты противъ нашей особы и величества, при чемъ онъ былъ не только участникомъ, но и главнѣйшимъ руководителемъ. Намъ было бы пріятно, еслибъ вѣнскій дворъ, прекратя всякія проволочки и сомнительныя обнадеживанія, далъ краткій и точный отвѣтъ о своихъ намѣреніяхъ, какого удовлетворенія мы должны отъ него ожидать.»

Но въ Вѣнѣ не хотѣли спѣшить такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ и говорили Ланчинскому, что королева связана уложені-

ями, изъ которыхъ выступить не можетъ; по дѣлу Ботты наряжена судная коммиссія, и еслибы можно было предвидѣть заранѣе, что маркизъ будетъ обвиненъ, то королевѣ было бы очень пріятно наказаніемъ его освободиться отъ такого непріятнаго дѣла и удовлетвореніемъ русской императрицы получить продолженіе ея дружбы: для королевы особа одного изъ подданныхъ ничего не значитъ! Но что еслибы коммиссія оправдала Ботту? Въ здѣшнемъ уголовномъ правѣ опредѣлено, во сколько могутъ обвинить человѣка показанія разыскиваемыхъ лицъ, а Ботту надобно судить по здѣшнимъ нѣмецкимъ правамъ. Онъ присягаетъ, что имѣлъ дозволенныя сношенія только съ двумя женщинами, со старикомъ Лопухинымъ болѣе пяти или шести разъ въ домѣ его не говорилъ, а съ молодымъ никогда, въ домѣ Лиліенфельда болѣе одного раза въ годъ не былъ, а другихъ людей, замѣшанныхъ въ дѣло, не знаетъ. Собственное свидѣтельство императрицы принимается съ должнымъ уваженіемъ; но возлагается надежда на мудрое разсужденіе ея величества, что преступники и въ присутствіи своихъ государей осмѣливаются говорить неправду для облегченія себѣ наказанія, и что тѣ, которыхъ маркизъ Ботта вовсе не зналъ, разумѣется, могли сказать только неправду [278].

Въ Вѣнѣ говорили, что въ Парижѣ дѣлу Ботты радуются больше, чѣмъ выигранному сраженію. Кантемиръ писалъ императрицѣ: «Министерство здѣшнее вложило себѣ въ мысль, что, послѣ открытія вредныхъ и богомерзкихъ умысловъ маркиза Ботты, здѣшній дворъ долженъ всѣми способами искать, чтобъ тѣмъ обстоятельствомъ (отъ котораго по меньшей мѣрѣ холодности межъ вашимъ импер. величествомъ и королевою венгерскою ожидаютъ) пользоваться, и при такихъ обстоятельствахъ присутствіе Шетардіево при дворѣ вашего импер. величества признаваютъ весьма нужнымъ.» Шетарди отправился тайкомъ въ Россію, и Кантемиръ писалъ: «Тому его потаенному отсюду отъѣзду весь городъ со мною дивится и всѣмъ такой его поступокъ кажется чрезвычайнымъ» [279].

Легко понять, что противоположное впечатлѣніе дѣло Ботты должно было произвести въ Лондонѣ. Здѣсь въ началѣ года торжествовали заключеніе союзнаго договора съ Россіею. Лордъ Картеретъ говорилъ Нарышкину, что надобно стараться поднять

въ Швеціи прежнее министерство: «Чрезъ это, говорилъ онъ, наша партія усилится естественными друзьями для наилучшаго успѣха нашихъ желаній. Король прусскій очень безпокоится, слыша о нашей дружбѣ съ вами.» Англійскій министръ въ Петербургѣ, Вейчъ, объявилъ министрамъ императрицы, что его король готовъ дѣйствовать въ Швеціи заодно съ Россіею, но должно соблюдать большую осторожность въ такомъ деликатномъ дѣлѣ, какъ предложеніе наслѣдника вольнымъ шведскимъ чинамъ, чтобъ не придать этимъ силы французской партіи; надобно поступать не торопясь, и прежде всего составить себѣ сильную партію. О бракѣ между епископомъ любскимъ и англійскою принцессою не сказалъ ни слова. Въ Англіи хотѣли прежде всего знать, будетъ ли женихъ имѣть состояніе: Картеретъ говорилъ Нарышкину, что когда епископа любскаго выберутъ въ наслѣдники шведскаго престола, то великій князь Петръ Ѳедоровичъ долженъ ему уступить хотя часть голштинскихъ земель, потому что, какъ шведскій наслѣдникъ, епископъ больше пяти или шести тысячъ ефимковъ годоваго содержанія не получитъ. Нарышкинъ отвѣчалъ, что объ этомъ увѣдомитъ голштинскій посланникъ, который скоро пріѣдетъ въ Лондонъ, такъ какъ прежде назначенный въ Англію Бухвальдъ отправился въ Стокгольмъ. Относительно издержекъ въ Швеціи, необходимыхъ для составленія сильной партіи въ пользу епископа любскаго, Нарышкинъ объявилъ, что Россія денегъ не пожалѣетъ. Но дѣло шло не объ однѣхъ деньгахъ: въ Англіи не понравились мирныя условія, предложенныя сначала русскими уполномоченными въ Абовѣ; здѣсь желали, чтобъ Россія легкими условіями достигла мира и избранія своего кандидата въ наслѣдники шведскаго престола, и такимъ образомъ освободившись отъ войны, могла вмѣшаться въ европейскія дѣла согласно видамъ Англіи. Картеретъ говорилъ Нарышкину: «Уступками вы можете достигнуть желаемаго; но если вы доведете Шведовъ до крайности своими запросами, то принудите ихъ отдаться Даніи.» Нарышкинъ отвѣчалъ, что нельзя ожидать соединенія двухъ народовъ, такъ страшно ненавидящихъ другъ друга, какъ Шведы и Датчане; Россіи же необходимъ Ботническій заливъ. Картеретъ продолжалъ: «Отъ всего сердца желаемъ, чтобъ ваши дѣла на Сѣверѣ окончились поскорѣе; со стороны Персіи и Турціи вы безопасны, въ Европѣ Россія

могла бы играть важную роль, помогая королевѣ венгерской вмѣстѣ съ нами; а Франція всѣми силами будетъ стараться, чтобъ ваши дѣла не оканчивались.» Наконецъ Картеретъ просилъ Нарышкина донести императрицѣ, что гофмаршалъ великаго князя Брюммеръ переписывается съ Нолькеномъ, и эта переписка приводитъ въ негодованіе друзей Россіи и Англіи; кромѣ того Бухвальдъ обнаруживаетъ холодность къ англійскому посланнику въ Стокгольмѣ, ласкаетъ французскую партію, даетъ ей деньги; та деньги беретъ, но дѣйствуетъ не въ его пользу. При слѣдующихъ свиданіяхъ съ Нарышкинымъ Картеретъ продолжалъ твердить: «Лучше бъ вамъ не дѣлать большихъ запросовъ, а заключить миръ прочный, можно имѣть хорошую границу и безъ всей Финляндіи.» Когда Нарышкинъ указывалъ на датскія вооруженія, имѣвшія цѣлію поддерживать избраніе кронъ-принца датскаго въ наслѣдники шведскаго престола, и требовалъ для удержанія Даніи посылки англійской эскадры въ Балтійское море, то Картеретъ отвѣчалъ: «Еслибъ Франція послала свою эскадру въ Балтійское море, то мы тотчасъ бы велѣли своей за нею слѣдовать; а Данія не страшна, ея намѣренія химерическія; захочетъ ли она возобновить калмарскій союзъ безъ Финляндіи? ей дорого станетъ кормить Швецію безъ этого герцогства; это было бы все равно какъ взять жену безъ приданаго; притомъ Даніи объявлено отъ насъ, что если она нападетъ на Россію, то мы, по союзу съ послѣднею, пошлемъ нашу эскадру. Миръ съ Швеціею и избраніе епископа любскаго зависитъ отъ императрицы: если будетъ отдана вся Финляндія, то сейчасъ же будетъ избранъ епископъ; а если по рѣку Кюмень, то миръ будетъ заключенъ, но въ наслѣдники Шведы выберутъ кого хотятъ.» Когда Нарышкинъ настаивалъ, чтобъ англійскому посланнику въ Копенгагенѣ посланы были указы увѣщевать датское правительство оставаться въ покоѣ, то Картеретъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: «Вѣдь мы знаемъ, что надобно дѣлать въ такихъ случаяхъ; наши интересы предписываютъ намъ быть всегда съ Россіею, только намъ не прилично стращать Данію.»

Когда Нарышкинъ объявилъ королю Георгу о заключеніи мира со Шведами, то король съ благосклоннѣйшимъ лицемъ отвѣчалъ: «Надѣюсь, что я ничего не испортилъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, когда присовѣтовалъ ея величеству уступить большую часть за-

воеванной Финляндіи для истиннаго блага Россіи, ибо ея величество имѣетъ и безъ того довольно земли; а еслибы опоздали заключить миръ, то въ короткое время былъ бы избранъ принцъ датскій.» Лордъ Картеретъ говорилъ: «Хотя Французы вамъ на насъ и наносятъ, будто мы хотѣли войну затягивать; но вашимъ министрамъ довольно извѣстно, что если мы рѣшались вашему двору въ чемъ поперечить, то одними совѣтами прекратить какъ можно скорѣе войну пристойными уступками. Прежде вашего проекта о наслѣдствѣ шведскомъ для голштинскаго принца мы прочили это наслѣдство принцу кассельскому; но когда узнали ваше намѣреніе, то я не такъ простъ былъ, чтобъ трудиться надъ невозможнымъ дѣломъ. Для васъ нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ усиливать свою торговлю дружбою съ нами, потому что у васъ много всякой всячины кромѣ денегъ; съ другой стороны, для своей безопасности отъ Турокъ, вы должны скрѣплять союзъ съ королевою венгерскою.» Мы видѣли, что дѣло шло о бракѣ епископа любскаго, теперь наслѣднаго принца шведскаго, на англійской принцессѣ Луизѣ; но въ то время какъ шли выборы епископа любскаго и мирные переговоры въ Або, Луизу просватали за наслѣднаго принца датскаго, что не могло быть пріятно русскому двору, особенно вслѣдствіе датскихъ движеній, грозившихъ Швеціи и Голштиніи. У Нарышкина по этому случаю было объясненіе съ Картеретомъ, который съ обычною своею безцеремонностію говорилъ: «Шлюсь на всѣхъ: что можетъ быть лучше какъ выдать принцессу Луизу за принца датскаго? Онъ самодержавный, а у епископа любскаго нѣтъ никакой земли; Россія не захочетъ сдѣлать его самодержавнымъ или полновластнѣе, чѣмъ нынѣшній король; у него самого немного денегъ, а Швеція большого содержанія ему не дастъ. Если бъ онъ и другую нашу принцессу взять захотѣлъ, то надобно знать напередъ, какое содержаніе ему будетъ даваться.» На замѣчаніе Нарышкина, что содержаніе будетъ достаточное, Картеретъ возразилъ: «Развѣ вы половину будете давать, а Шведы не очень богаты. Мы въ датскомъ бракѣ ничего не ищемъ, кромѣ приличнаго мужа для нашей принцессы; это дѣло чисто семейное, мы отъ этого не будемъ ни больше любить, ни больше ненавидѣть датскій дворъ; вотъ онъ теперь проситъ 80.000 фунтовъ стерлинговъ, а мы не намѣрены дать больше 40.000, т.-е. болѣе

нашего обыкновеннаго приданаго.... Дивлюсь я, чего вы боитесь: что вамъ Данія можетъ сдѣлать! Изволила бъ императрица заключить договоръ съ королевою венгерскою да вступила съ нами въ союзъ для ея обороны: этимъ закрѣпится согласіе съ нами въ истинную славу ея императорскаго величества.... Я увѣренъ, что Данія ничего не сдѣлаетъ противъ Россіи; только претензіи великаго князя (Петра Ѳеодоровича) на Шлезвигъ ее безпокоятъ, оттого и всѣ эти шумныя приготовленія — все для сохраненія Шлезвига, хотятъ побудить Швецію, чтобъ она просила великаго князя отказаться отъ своихъ претензій. Можетъ быть и Франція ее подучаетъ [280].

Въ то время какъ англійскій министръ твердилъ, что Россія должна помочь королевѣ венгерской, въ Англіи узнаютъ, что на эту помощь разсчитывать нельзя вслѣдствіе Лопухинскаго дѣла; мало того, что это дѣло даетъ врагамъ Бестужевыхъ удобный случай низложить ихъ, что Шетарди спѣшитъ въ Россію, чтобъ ускорить низверженіе Бестужевыхъ, порвать англійскій союзъ и отдать Россію въ руки Франціи. Вейчъ писалъ Картерету по поводу Лопухинскаго дѣла: «Я вижу, что непріятели оберъ-гофмаршала Бестужева усильно стараются вплести его въ несчастіе жены. Если они въ своихъ проискахъ успѣютъ, то мнѣ очень горько будетъ видѣть, что императрица лишится совѣтовъ чрезвычайно искуснаго и честнаго министра. Онъ и братъ его, вице-канцлеръ, присовѣтовали императрицѣ въ началѣ ея царствованія не принимать французской медіаціи въ шведскихъ дѣлахъ. Оберъ-гофмаршалу объявлено, чтобъ онъ остался на своемъ загородномъ дворѣ до окончанія дѣла жены, а вице-канцлеру императрица продолжаетъ попрежнему оказывать милость, ибо весь дворъ хорошо знаетъ, что онъ сильно противился браку оберъ-гофмаршала на графинѣ Ягужинской и что этотъ бракъ произвелъ холодность между обоими братьями» [281].

О стараніяхъ погубить Бестужевыхъ видно изъ письма Дальона къ Амелоту отъ 20 августа: «Я ни на одну минуту не выпускаю изъ виду погубленія Бестужевыхъ. Господа Брюммеръ, Лестокъ и генералъ-прокуроръ Трубецкой не меньше моего этимъ занимаются. Первый мнѣ вчера сказалъ, что готовъ прозакладывать голову въ успѣхѣ этого дѣла. Князь Трубецкой надѣется найти что-нибудь, на чемъ бы могъ поймать Бестужевыхъ; онъ

клянется, что если ему это удастся, то уже онъ доведетъ дѣло до того, что они понесутъ на эшафотъ свои головы.» Не въ одномъ Петербургѣ, и въ Стокгольмѣ усердно трудились надъ погибелью Бестужевыхъ. Картеретъ писалъ Вейчу: «Французы теперь въ Стокгольмѣ стараются достать фальшивые экстракты изъ допросовъ Гилленштерна на послѣднемъ сеймѣ и прибавить къ нимъ такія вещи, которыя должны повредить господину Бестужеву. Такъ какъ они хотятъ эти фальшивые документы переслать императрицѣ, то вы увѣдомьте объ этомъ тамошнее министерство и употребите всѣ средства для открытія такого наглаго и ужаснаго обмана. Отправленные въ Петербургъ шведскіе депутаты получили инструкцію—сначала разными лестными предложеніями склонять Бестужевыхъ къ французской сторонѣ; если же увидятъ, что успѣть въ этомъ нельзя, то употреблять всякія интриги и раздать до 100.000 рублей, которые Франція заплатить хочетъ, чтобъ подкопать кредитъ Бестужевыхъ» [282].

Но Бестужевыхъ сломить было трудно. Изъ Лопухинскаго дѣла враги ихъ не могли извлечь ничего, что бы могло набросить хоть тѣнь сомнѣнія не только на вице-канцлера, но и на оберъ-гофмаршала. Императрица была убѣждена въ невинности и вѣрной службѣ обоихъ братьевъ; Разумовскій и Воронцовъ были за нихъ; за нихъ былъ и самый видный изъ архіереевъ, новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, успѣвшій пріобрѣсть значительный вѣсъ при дворѣ набожной Елисаветы [283]. Когда увидали, что изъ Лопухинскаго дѣла Бестужевы выходятъ чисты, то Лестокъ началъ внушать императрицѣ, что если жена оберъ-гофмаршала будетъ наказана, то мужа ея и его брата необходимо будетъ перемѣстить на такія должности, гдѣ бы они не имѣли возможности отомстить. Елисавета возразила, что она знаетъ вѣрность и привязанность къ себѣ обоихъ братьевъ, да и другіе люди убѣждены въ томъ же относительно ихъ. Послѣднія слова взорвали Лестока и онъ рѣшился сказать, что онъ знаетъ только одного человѣка, который защищаетъ Бестужевыхъ, это именно Воронцовъ: но Воронцовъ по молодости своей не въ состояніи судить объ этомъ дѣлѣ и потому на его свидѣтельства нельзя полагаться. Елисавета передала объ этой выходкѣ Воронцову, а тотъ Бестужеву. Лестокъ не унялся, и нѣсколько разъ подступалъ къ императрицѣ съ своими внушеніями

противъ Бестужевыхъ; но всякій разъ Елисавета выпроваживала его [284].

Защищаемый отъ Лестока Разумовскимъ и Воронцовымъ, вице-канцлеръ нашелъ средство собственной защиты и нападенія на враговъ во вскрытіи и переводѣ съ цифирнаго языка депешъ иностранныхъ министровъ и получаемыхъ ими отъ своихъ дворовъ рескриптовъ,—средство, разумѣется, не придуманное самимъ Бестужевымъ, но заимствованное отъ западныхъ сосѣдей. Почтъ-директоръ Ашъ и академикъ Таубертъ трудились надъ дешифровкою депешъ; вицеканцлеръ извлекалъ нужныя ему мѣста, снабжалъ ихъ своими примѣчаніями и подносилъ императрицѣ. Разумѣется, главное вниманіе его было обращено, кромѣ депешъ Дальона, на депеши Мардефельда, потому что онъ сильно подозрѣвалъ Пруссію во враждебныхъ замыслахъ противъ Россіи, и на депеши Нейгауза, посла императора Карла VII, императора милостію Франціи и Пруссіи, и потому тѣсно связаннаго съ этими обѣими державами. Вскрыта и прочтена была депеша Нейгауза, въ которой онъ писалъ императору по поводу Лопухинскаго дѣла, что оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ можетъ быть удаленъ отъ двора, тогда какъ онъ по уму своему управляетъ всѣми поступками брата вице-канцлера. На это послѣдній замѣтилъ: «Вице-канцлеръ, не видавъ брата своего 22 года, отъ 1720 по 1742 годъ, собственнымъ своимъ умомъ министерство свое управлялъ.»—Нейгаузъ доносилъ своему двору, что вице-канцлеръ совершенно преданъ Австріи и Англіи.— Бестужевъ замѣчаетъ: «Сіе злоумышленное внушеніе Нейгаузу учинено весьма уповательно отъ подобно-такого, который не устрашится дерзнуть и у самой ея и. в-ства противъ своего знанія и совѣсти оклеветать, яко бы онъ вице-канцлеръ отъ королевы венгерской подкупленъ. Всевѣдущему Единому все откровенно, какія и болѣе оклеветанія учинены, и еще продолжаются. Оный да буди вскорѣ Судіею и воздателемъ всякому по дѣламъ его.»—Въ октябрѣ Нейгаузъ давалъ знать своему двору, что Мардефельдъ получилъ отъ своего короля повторительные указы объявить русскимъ министрамъ, какъ было бы прискорбно Фридриху II, еслибъ Россія продолжала отвергать всѣ способы для установленія добраго согласія между нею и императоромъ Карломъ. — На это Бестужевъ замѣтилъ: «Прусскій дворъ всѣми удобь вымышленными

способы старается, чтобъ россійско-императорскій съ римско-императорскимъ дворомъ соединить, дабы чрезъ оное россійско-императорскій дворъ у древнихъ союзниковъ въ подозрѣніе, а наконецъ и въ несогласіе привесть и онымъ въ тайныхъ своихъ предвоспріятіяхъ пользоваться» [285]. Въ какихъ тайныхъ предвосспріятіяхъ Бестужевъ подозрѣвалъ Пруссію, видно изъ письма его къ барону Черкасову отъ 30 апрѣля 1743 года: «Отъ стороны турецкой можно быть спокойнымъ, а ежели Франція намѣрена какую въ Россіи впредь диверсію учинить, не было бы то учинено королемъ прусскимъ, на котораго подлинно надлежитъ смотрѣть недреманнымъ окомъ.... Онъ можетъ подкупить курляндское шляхетство, чтобъ выбрали герцогомъ брата его; а если прусскій король въ шведскую войну не вмѣшается, то Данія вмѣстѣ и съ Франціею не опасны» [286].

Изъ депешъ Нейгауза открылось, что его поддерживали Брюммеръ и Лестокъ, изъ которыхъ послѣдній пересказывалъ ему отзывы императрицы о его дѣйствіяхъ. Бестужевъ замѣтилъ по этому поводу: «Вмѣсто того, что было надлежало о всемъ томъ, что Нейгаузенъ Лестоку и Брюммеру открылъ, вѣрно ея и. в-ству донести, а они напротивъ того, противъ своей совѣсти, что отъ ея и. в-ства ни слышали, ему Нейгаузену и другимъ иностраннымъ министрамъ сообщали.»

Бестужеву очень трудно было бороться съ Фридрихомъ II, который умѣлъ пользоваться случаемъ для пріобрѣтенія расположенія императрицы. Такъ какъ Ботта послѣ бреславскаго мира переведенъ былъ своимъ дворомъ изъ Петербурга въ Берлинъ, то Фридрихъ, по поводу Лопухинскаго дѣла, потребовалъ отъ Маріи Терезіи, чтобъ она отозвала Ботту и отъ прусскаго двора. Этотъ поступокъ былъ представленъ Мардефельдомъ въ Петербургѣ, какъ доказательство самаго сильнаго сочувствія его короля къ Елисаветѣ, и та была очень довольна. Если вѣрить донесеніямъ Мардефельда, она торжественно за столомъ сказала, что прусскій король наисовершеннѣйшій монархъ въ свѣтѣ. Мардефельдъ догадался, что его депеши прочитываются, и страшно сердился, забывая, что Бестужевъ въ этомъ отношеніи бралъ себѣ за образецъ «наисовершеннѣйшаго монарха въ свѣтѣ.» Онъ писалъ къ своему двору: «Всѣ выходящія изъ здѣшней имперіи письма продолжаютъ вскрывать. Надѣюсь, что тѣ, которые въ моихъ письмахъ нюхаютъ, современемъ сами носомъ въ грязь

попадутъ. Я бы этому только смѣялся, еслибы плуты не причитали мнѣ то, что читаютъ въ письмахъ членовъ своеи шайки. Я не драчливъ и не задорливъ, но современемъ, удостовѣрившись, кто этимъ промышляетъ, проколю каналью шпагою.»

Наконецъ враги Бестужевыхъ были обрадованы пріѣздомъ могущественнаго союзника—Шетарди. Мардефельдъ писалъ своему двору 29 ноября: «Шетарди непремѣнно преодолѣетъ всѣхъ своихъ политическихъ соперниковъ и оставитъ ихъ съ длиннымъ носомъ. Онъ у меня обѣдалъ и нынѣшнимъ вечеромъ будетъ ужинать.» Императрица приняла очень хорошо своего стараго знакомаго и пріятнато собесѣдника, хотя приняла его какъ простого дворянина, ибо, не привезши грамотъ отъ короля съ императорскимъ титуломъ для Елисаветы, онъ, какъ тогда выражались, долженъ былъ остаться *безхарактернымъ*, т.-е. не могъ получить значенія какъ посланникъ. Скоро послѣ его пріѣзда императрица послала ему розгу, велѣвши сказать, что онъ долженъ быть наказанъ какъ маленькій ребенокъ за неосторожную игру съ порохомъ. Шетарди дѣйствительно перевязалъ себѣ руку, объявляя, что обжогъ ее порохомъ. Но всѣ знали, что рука болѣла у него не отъ пороха. Никто не былъ такъ взбѣшенъ пріѣздомъ Шетарди какъ Дальонъ, потому что видѣлъ въ немъ человѣка, который оттѣснитъ его на задній планъ, порветъ начатую имъ работу и, въ случаѣ успѣха, выставитъ одного себя его виновникомъ. Дальонъ не могъ сдержать своей досады и, явившись къ Шетарди, началъ дѣлать ему выговоры, зачѣмъ онъ возвратился въ Россію, гдѣ его весь народъ ненавидитъ, Воронцовъ пересказалъ Бестужевымъ все, что онъ, Шетарди, говорилъ объ нихъ дурного, потому онъ не можетъ надѣяться никакого успѣха, и онъ, Дальонъ, одинъ можетъ здѣсь служить съ пользою для Франціи. Шетарди вспылилъ и, съ своей стороны, началъ попрекать Дальона не очень честными дѣлами. Дальонъ крикнулъ въ отвѣтъ, что Шетарди каналья; Шетарди далъ ему пощечину; Дальонъ бросился на него съ обнаженною шпагою: Шетарди схватилъ ее, чтобъ удержать ударъ, и обрѣзалъ себѣ руку; прибѣжали слуги и развели борцовъ; но рука долго не заживала у маркиза.

Эта исторія впрочемъ нисколько не отняла у Шетарди возможности дѣйствовать за одно съ Брюммеромъ, Лестокомъ и Мардефельдомъ противъ Бестужевыхъ. 23 декабря во время до-

клада вице-канцлеръ подалъ императрицѣ просьбу: «Отъ самаго почти начала даже до сего времени обрѣтаясь при вашего и. в-ства всемилостивѣйше повѣренныхъ мнѣ дѣлахъ, принужденъ отъ непріятелей моихъ, не знаю по какой-либо злобѣ или съ зависти, претерпѣвать мерзкія нареканія и разныя Богу противныя оклеветанія, иногда яко бы я закупленъ былъ отъ Аустріи, иногда отъ Англіи подкупленъ, а иногда, смотря по обстоятельствамъ, вашему интересу противнымъ, то и отъ Датчанъ. Однакожъ тѣ же мои непріятели должны и принуждены по совѣсти своей сами признавать, что при Божескомъ благословеніи еще до сего времени какъ въ европейскихъ, такъ и въ азіатскихъ, мнѣ повѣренныхъ дѣлахъ, ничего нигдѣ ни мало не упущено или бы пренебрежено было.... Дерзновеніе взялъ къ вашимъ монаршескимъ стопамъ себя повергнуть всеподданнѣйше, прося отъ такихъ оклеветаній, что и въ бывшую богомерзкую конспирацію меня приплетаютъ, монаршескою своею властію оборонить, повелѣть о томъ изслѣдовать, отъ кого въ какое время и какія о мнѣ произведены ни были.... И по такимъ злоумышленнымъ внушеніямъ ежели ваше и. в-ство какое обо мнѣ сумнѣніе или недовѣренность возъимѣть соизволите, то какого успѣха въ дѣлахъ можно ожидать, ибо я не токмо въ превеликую отъ того робость приведенъ буду, но и всѣ отъ чистаго моего сердца производительные труды и усердствованія весьма отвергнуты и въ ничто превращены будутъ» [287]. Просьба была подана для вызова увѣреній, что никакого сумнѣнія и недовѣренности возъимѣть не будетъ соизволено. Увѣренія конечно были даны, потому что Бестужевъ оставался въ прежнемъ значеніи. Бестужевъ оставался теперь одинъ, потому что братъ его, оберъ-гофмаршалъ, вслѣдствіе дѣла жены, долженъ былъ на время оставить дворъ и Россію; но онъ отправился за границу съ дипломатическимъ порученіемъ, отправился въ Берлинъ, самый важный постъ, гдѣ могъ всего успѣшнѣе своими наблюденіями охранять интересы Россіи и свои собственные.

И русскіе министры, и послы иностранные съ надеждою и страхомъ ѣхали въ Москву, гдѣ императрица намѣрена была прожить 1744 годъ. Въ древней столицѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, кто побѣдитъ — Шетарди или Бестужевъ, — вопросъ, занимавшій всю Европу.

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1744 годъ.

Дѣятельность сената въ 1744 году. — Безпорядки въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ. — Недостатокъ въ соли. — Дѣло о суконныхъ фабрикахъ. — Недостатокъ рабочихъ рукъ. — Разбои. — Усмиреніе крестьянъ. — Дѣятельность синода: распоряженія о новокрещенахъ. — Расколъ. — Хлыстовщина. — Уничтоженіе коллегіи экономіи. — Воеводы и архіереи. — Исправленіе Библіи. — Вопросъ о женитьбѣ великаго князя наслѣдника. — Императрица останавливается на принцессѣ ангальтъ - цербстской. — Письма Брюммера къ ея матери. — Участіе Фридриха II въ дѣлѣ. — Пріѣздъ цербстскихъ принцессъ въ Москву. — Отношеніе принцессы-матери къ партіямъ. — Обрученіе. — Высылка Шетарди изъ Россіи. — Поѣздка императрицы въ Кіевъ. — Вниманіе сосредоточивается на прусскихъ отношеніяхъ.

---

16 января 1744 года Елисавета присутствовала въ сенатѣ, а 21 отправилась въ Москву, гдѣ въ продолженіи года присутствовала еще три раза въ сенатѣ [288]. Въ этомъ году сенату случилось рѣшить собственное дѣло: донесли на служителя графа Головкина, Татаринова, что онъ, въ сердцахъ на одного изъ своихъ товарищей, толковавшаго, что подастъ прошеніе въ сенатъ, выбранилъ это учрежденіе неприличными словами. Сенатъ приказалъ высѣчь Татаринова кнутомъ нещадно въ страхъ другимъ, подведя статью уложенія о безчестіи бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, нанесенномъ простыми людьми [289].

Немедленно по пріѣздѣ въ Москву генералъ-прокуроръ уже началъ жаловаться сенату, что члены присутственныхъ мѣстъ поздно являются на службу [290]. Прокуроръ мануфактуръ-коллегіи донесъ, что присутствующіе даже очень рѣдко ѣздятъ, отъ

чего въ дѣлахъ волокита, и колодники, которыхъ набралось 32 человѣка, держатся безъ всякаго рѣшенія; сенатъ приказали: призвать всѣхъ членовъ коллегіи въ сенатъ и учинить *репримандъ*, а которые не придутъ подъ предлогомъ болѣзни, къ тѣмъ послать сенатскаго экзекутора съ докторомъ освидѣтельствовать [291]. 3 августа генералъ-прокуроръ объявилъ сенату, что нынѣшняго числа по осмотру коллегій и канцелярій найдено огромное число членовъ, не явившихся въ указные часы; приказали: призвать ихъ въ сенатъ, сказать репримандъ и подтвердить, что если не станутъ съѣзжаться въ указные часы, то непремѣнно будутъ штрафованы [292]. Репримавды и угрозы не помогали: 20 сентября генералъ-прокуроръ опять подалъ длинный листъ не явившихся: велѣно имъ подать отвѣты, почему не явились; 9 октября Трубецкой заявилъ, что ни одного отвѣта еще не подано, а между тѣмъ наканунѣ найдено опять большое число не явившихся, и въ тотъ самый день, 9 октября, солдатъ, посланный въ юстицъ-коллегію съ требованіемъ взноса одного дѣла, возвратясь, объявилъ, что въ коллегіи нѣтъ ни одного человѣка [293].

Узнаны были чрезъ прокуроровъ и другіе безпорядки. Въ коммерцъ-коллегіи между президентомъ княземъ Юсуповымъ и вицепрезидентомъ Мелиссино происходили многіе споры, здоры и крики; Мелиссино подалъ доношеніе о великомъ нападеніи на него князя Юсупова и произношеніи ругательныхъ словъ [294]. Новгородскій прокуроръ донесъ, что въ Новгородѣ счетовъ о сборѣ подушныхъ денегъ не составлено и въ указныя мѣста не отослано съ 737 по 743 годъ, провіантскихъ за многіе годы, крѣпостныхъ за 12 лѣтъ, и въ доимкѣ находится съ 730 по 743 годъ таможенныхъ и кабацкихъ 476.884 рубля, канцелярскихъ 13.270 рублей, и хотя онъ губернской канцеляріи многократно предлагалъ, только она объявляетъ, что по многимъ запущеніямъ прежнихъ губернаторовъ и приказныхъ служителей имъ теперь, за многими текущими дѣлами, счетовъ прежнихъ годовъ исправить нельзя. Прокуроръ спрашивалъ, не приказано ль будетъ для составленія и свидѣтельства запущенныхъ счетовъ опредѣлить особое число приказныхъ служителей и къ нимъ особливую надежную персону? Сенатъ приказалъ опредѣлить такую персону [295].

Въ самомъ началѣ года сенатъ и генералъ-прокуроръ должны

были обратить все свое вниманіе на большую бѣду для народа—недостатокъ въ соли, потому что соль, шедшая изъ пермскихъ Строгановскихъ варницъ, остановилась за мелководіемъ. 13 февраля тайный совѣтникъ баронъ Строгановъ съ братьями подалъ въ сенатъ доношеніе, чтобъ правительство помогло имъ, ибо они потерпѣли убытокъ, именно, чтобъ велѣло набрать 9500 рабочихъ, не упуская времени, а безъ такой помощи въ поставкѣ соли исправиться имъ невозможно, вольныхъ рабочихъ людей съ печатными паспортами достать нельзя. Стали торговаться: Строгановъ уступилъ, согласился, чтобъ правительство дало ему 5000 рабочихъ, нарядивъ съ обывателей за его жалованье, потомъ сбавилъ свое требованіе на 4500 рабочихъ. Сенатъ согласился и отправилъ для скорѣйшаго доставленія соли генералъ-майора Юшкова. А между тѣмъ народъ терпѣлъ недостатокъ въ соли, увеличиваемый скупщиками изъ солдатъ, которые продирались первые къ магазинамъ, оттѣсняя черный народъ. Генералъ-прокуроръ объявилъ сенату, что въ Москвѣ изъ лавокъ казенную соль продаютъ больше разночинцамъ, солдатамъ и скупщикамъ, а крестьянство и прочіе подлые люди едва могутъ купить, нѣкоторые же за тѣснотою никакъ не достанутъ; что онъ, генералъ-прокуроръ, 9 февраля въ одиннадцатомъ часу утра ѣздилъ къ лавкамъ, но уже продажи соли не засталъ, нашелъ у лавокъ крестьянъ и прочей подлости многое число, которые ему объявили, что уже нѣсколько дней не могутъ добиться купить соли. По предложенію генералъ-прокурора сенатъ приказалъ: казенную соль въ лавкахъ продавать одному только крестьянству и прочимъ подлымъ людямъ цѣлый день; солдатамъ изъ лавокъ не продавать, а по требованію военной коллегіи и прочихъ командъ отпускать соляной конторѣ помѣсячно за деньги, чтобъ солдаты, подъ предлогомъ своей покупки, другимъ и скупщикамъ лишнею цѣною перепродавать не могли; также не продавать изъ лавокъ въ знатные и прочіе домы и разночинцамъ, чтобъ крестьянству и прочимъ подлымъ въ покупкѣ соли остановки и задержанія не было, а продавать имъ съ солянаго двора, а ежели цаловальники продадутъ соль скупщикамъ, а скупщики будутъ ее перепродавать лишнею цѣною, то какъ цаловальниковъ, такъ и скупщиковъ бить кнутомъ нещадно [296]. По городамъ отправлены были чиновники для открытія и преслѣдованія скупщиковъ. На-

конецъ поспѣшили привезти въ Москву запасы соли изъ Петербурга.

Но хлопоты о соли этимъ не кончились. Въ маѣ баронъ Александръ Строгановъ объявилъ, что ему съ братьями къ завару соли на 1745 годъ дрова свозить и прочихъ приготовленій дѣлать нельзя за многотысячными убытками, къ вознагражденію которыхъ никакого обнадеживанія не имѣютъ; въ февралѣ у поставки заморозной соли съ Балахны до Ярославля принуждены были давать за провозъ по 5 копѣекъ съ пуда, а имъ положено на всякіе расходы по $3^1/_2$ копѣйки; также за провозъ въ нынѣшнемъ году соли до Москвы отъ Нижняго подрядчики явились и просили по $5^1/_2$ копѣекъ съ пуда, а теперь и сыскать ихъ не могутъ, тогда какъ указная имъ цѣна съ расходами положена по 5 копѣекъ пудъ, и они не только не могутъ дѣлать приготовленій къ завару 745 года, но не знаютъ, чѣмъ окончить заваръ и нынѣшняго года, также не въ состояніи отправить соль, уже пришедшую изъ Нижняго, въ Верховые города, и просятъ, чтобъ принято было рѣшеніе о принятіи ихъ промысловъ въ казну, а въ нынѣшнемъ году за передачу при поставкѣ соли обнадежить милостивымъ награжденіемъ, безъ чего имъ въ поставку вступить никакъ невозможно [297].

Строгановъ предложилъ вопросъ слишкомъ трудный для рѣшенія. Сенатъ отмалчивался, и слѣдствія оказались не хороши. Въ сентябрѣ призваны были въ сенатъ тайный совѣтникъ Александръ, да дѣйствительный камергеръ Сергѣй бароны Строгановы и выслушали объявленіе, что соль, отпущенная изъ Нижняго въ Москву въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, не только вся ими не поставлена, но и та, которая уже пришла въ ближнія къ Москвѣ мѣста, стоитъ цѣлый мѣсяцъ, а въ Москву не привозили, отъ чего произошелъ недостатокъ въ продажѣ народу: сенатъ приказывалъ, чтобъ они въ доставкѣ соли въ Москву приложили крайнее стараніе, въ противномъ случаѣ непремѣнно будутъ штрафованы. Строгановы отвѣчали, что они отъ соляныхъ промысловъ несутъ великій убытокъ, и просили, чтобъ сенаторы выслушали сдѣланную изъ прошенія ихъ выписку объ увольненіи ихъ отъ содержанія соляныхъ промысловъ [298]. Въ ноябрѣ сенатъ объявилъ барону Александру Строганову, чтобъ онъ готовилъ соль и поставилъ въ 745 году до Нижняго и Верховыхъ

городовъ. Строгановъ отвѣчалъ, что они подали челобитную императрицѣ о снятіи съ нихъ соляныхъ заводовъ, а по опредѣленію сената, сколько возможности есть, исполненіе чинить долженъ, въ случаѣ же невозможности будетъ доносить, въ чемъ и подписался [299].

Мы видѣли, что въ прошломъ году на докладъ сената о подрядахъ на кронштадтскія работы не послѣдовало высочайшей резолюціи. Подряды были нововведеніемъ, ибо до сихъ поръ для казенныхъ построекъ прибѣгали къ принудительной высылкѣ рабочихъ изъ областей. И теперь, такъ какъ дѣло не состоялось, вздумали возобновить тотъ же старый обычай: генералъ Любрасъ, завѣдывавшій кронштадтскими работами, просилъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сенатъ, чтобъ приказано было выслать 1033 человѣка каменьщиковъ самыхъ добрыхъ, а не такихъ, какіе были высланы въ 1742 году, когда и половины добрыхъ не набралось. Но сенатъ отвѣчалъ: наряда каменьщиковъ изъ провинціи за упущеніемъ времени и за наступившею рабочею порою сдѣлать нельзя, и прежде изъ высланныхъ явилось болѣе половины неспособныхъ, только послѣдовало народное отягощеніе безо всякой пользы; нанимать помѣсячно добровольнымъ договоромъ [300].

Много хлопотъ было сенату съ поставкою суконъ съ русскихъ фабрикъ въ армію. Главный коммиссаріатъ донесъ, что московскіе суконные фабриканты подписались доставлять сукно по образцамъ, сдѣланнымъ на фабрикѣ Болотина, обязались поставить 178.500 аршинъ; но когда поставили, то браковщики въ годныя обраковали у Болотина изъ 1800—1509, у Сѣрикова изъ 200—38, у Третьякова изъ 80—27, да и то, кромѣ фабрики Болотина, выбраковано съ большою натяжкою. Но президентъ мануфактуръ-коллегіи объявилъ, что бракъ коммиссаріата ему сомнителенъ. Военная коллегія предлагала, что за такими спорами между коммиссаріатомъ и мануфактуръ-коллегіею, не лучше ли бракъ поручить одной мануфактуръ-коллегіи или суконныя фабрики отдать въ полное вѣдѣніе главнаго коммиссаріата. Сенатъ приказалъ: сукно свидѣтельствовать главному коммиссаріату вмѣстѣ съ мануфактуръ-коллегіею; а фабрикантовъ обязать дѣлать по образцамъ и лучше; если же станутъ дѣлать хуже, то будутъ наказаны не только уменьшеніемъ цѣнъ, но съ нихъ будетъ взысканъ весь убытокъ, какой потерпитъ казна отъ

выписыванія иностранныхъ суконъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ коммиссаріатъ опять жаловался на негодность суконъ, кромѣ Болотинскихъ, тогда какъ плата производится всѣмъ равная, отъ чего Болотину немалая обида; справедливость требуетъ цѣну прочимъ понизить, а Болотину повысить. Сенатъ приказалъ купцамъ, торгующимъ сукнами въ рядахъ, оцѣнить, насколько представленныя сукна ниже цѣною образцовъ, по той цѣнѣ и выдавать деньги, что будетъ служить вмѣсто штрафа; а Болотину цѣны не прибавлять, ибо цѣна опредѣлена указомъ ея и. в-ства, именно по 58 копѣекъ за аршинъ. Въ концѣ года вопросъ о поставкѣ суконъ опять возобновился, и сенатъ приказалъ: принудить Болотина съ товарищами ставить сукно на 745 годъ по образцамъ 743 года и по 58 копѣекъ за аршинъ, потому что образцы самъ Болотинъ на своей фабрикѣ сдѣлалъ; прочимъ же фабрикантамъ, которые по этимъ образцамъ ставить суконъ не могутъ, ставить по новымъ образцамъ, сдѣланнымъ на фабрикѣ Сѣрикова, и такъ какъ эти образцы ниже, то платить имъ только по 56 копѣекъ за аршинъ. Болотину съ товарищами выдать взаймы безъ процентовъ на поправленіе и усиленіе фабрики ихъ 30.000 рублей, разложивъ уплату на 10 лѣтъ при поставкѣ суконъ [301]. Фабриканты упоминаются преимущественно московскіе, потому что Москва становилась фабричнымъ городомъ по дешевизнѣ содержанія сравнительно съ Петербургомъ. Такъ московскій купецъ Залѣсскій снялъ у фабриканта Солодовникова двѣ шелковыя фабрики, одну въ Петербургѣ, а другую въ Москвѣ, и просилъ перевести петербургскую въ Москву, ибо по дороговизнѣ въ Петербургѣ содержать невозможно. Мануфактуръ-коллегія представила объ этомъ сенату, который отвѣчалъ, что позволеніе ясно само собою и безпокоить сенатъ такимъ представленіемъ не слѣдовало [302].

Мы уже не разъ должны были упоминать, что въ промышленной дѣятельности, какъ въ другихъ отправленіяхъ народной жизни, и въ новой Россіи главнымъ препятствіемъ служилъ недостатокъ рукъ; несмотря на сознаніе достоинства и выгоды вольнонаемнаго труда, онъ часто былъ невозможенъ. Московскіе суконные фабриканты — Болотинъ, Еремѣевъ, Третьяковъ, Сѣриковъ представили мануфактуръ-коллегіи, что имъ нельзя укомплектовать своихъ фабрикъ рабочими людьми: вольныхъ набрать

негдѣ, продажныхъ безъ земель, и особенно малолѣтныхъ купить не гдѣ, помѣщики своихъ людей или крестьянъ не продадутъ, кромѣ негодныхъ; на фабрикахъ же настоитъ большая нужда въ малолѣтныхъ, отъ 10 до 15 лѣтъ, которые должны быть въ прядильщикахъ. То же самое объявляли шелковые и другіе фабриканты, что главное препятствіе для нихъ—недостатокъ рабочихъ. На основаніи этихъ объявленій мануфактуръ-коллегія представила сенату, не соизволитъ ли онъ, для удовлетворенія русскихъ фабрикъ, разночинцевъ, которые будутъ являться при нынѣшней ревизіи (церковничьихъ дѣтей, незаконно-рожденныхъ, вольноотпущенныхъ), отдавать всѣхъ безъ изъятія, изъ платежа подушныхъ денегъ, на фабрики. Сенатъ не согласился, потому что по инструкціи ревизіи велѣно такихъ разночинцевъ приписывать, по желанію ихъ, въ посады и цехи, годныхъ брать въ солдаты, а если въ посады, цехи и въ службу не пожелаютъ, то къ помѣщикамъ и на фабрики [303].

Для честнаго труда рабочихъ рукъ не было; а между тѣмъ столько рукъ были заняты нечестнымъ промысломъ, противъ котораго правительство не могло съ успѣхомъ дѣйствовать опять по недостатку людей. Всякій разъ какъ оно обращалось къ полиціи съ выговоромъ, та отвѣчала, что не въ состояніи охранять порядокъ по недостаточности войска, находящагося въ ея распоряженіи. Но всего чаще заводчиками безпорядковъ, виновниками преступленій являлись люди изъ войска; сила, даваемая оружіемъ, вела грубыхъ людей къ тому, чтобъ пользоваться этою силою противъ безоружныхъ согражданъ. Въ Петербургѣ убитъ былъ малороссійскій шляхтичъ Лещинскій, жившій въ домѣ графа Чернышева, стоявшими въ томъ домѣ на караулѣ солдатами [304]. За Москвою-рѣкою солдаты ночью вломились въ домъ купца Петрова, жену его и племянницу били смертно, кололи шпагами и пожитки пограбили. Сенатъ призналъ, что при слѣдствіи полицеймейстерская канцелярія поступила слабо и неосмотрительно: она должна была, какъ скоро узнала о разбоѣ, послать для слѣдствія члена своего, а въ полки гвардіи и въ военную коллегію сообщить съ требованіемъ, чтобъ у всѣхъ драгунъ и солдатъ осмотрѣть, не явится ли чего изъ покраденныхъ пожитковъ, и всѣ ли въ ту ночь были на квартирахъ неотлучно [305]. 27 іюля императрица, присутствуя въ сенатѣ,

объявила, что главная полиція слабое смотрѣніе имѣетъ; въ Москвѣ не только непотребства, но и многія воровства происходятъ, въ домахъ обывательскихъ приходя крадутъ; также умножилось нищихъ, которые работать могутъ и, подъ образомъ разныхъ болѣзней, притворясь, милостыни просятъ, во многихъ мѣстахъ рогатокъ нѣтъ и ходятъ по ночамъ безъ фонарей, а во время торжества о замиреніи съ Швеціею во многихъ домахъ не только иллюминацій, но и свѣчъ въ окнахъ не было.—По полицію оправдывали происшествія, подобныя тому, какое случилось 8 сентября: въ пятомъ часу пополудни за Яузою у земляного вала начался кулачный бой; полицейская команда два раза его разгоняла, но гвардейскіе солдаты велѣли биться ученикамъ разныхъ фабрикъ и прочимъ чинамъ, и когда прибылъ патруличный разъѣздъ и началъ останавливать бой, то народъ, схвативъ изъ огорода колья и каменья, бросился на вахмистра патруличной команды и прибилъ его до полусмерти; зачинщикомъ драки былъ измайловскій солдатъ [306].

Такъ было въ столицѣ; что же въ областяхъ?

Въ дмитровскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Семеновскомъ, принадлежавшемъ майору Докторову, указаны были разбойники и смертоубійцы изъ его крестьянъ; для взятія ихъ былъ отправленъ офицеръ съ командою; но они возвратились безъ успѣха; привезли 14 человѣкъ своихъ солдатъ больныхъ отъ побоевъ, нанесенныхъ семеновскими крестьянами. Посланъ былъ другой офицеръ добрый съ командою; ему было приказано: если крестьяне станутъ сопротивляться, то для страха палить пыжами и накрѣпко стараться, чтобъ разбойники были взяты безъ кровопролитія; если же и послѣ этого будутъ сопротивляться, то поступать какъ съ злодѣями [307]. Изъ Астрахани писали, что на три купеческія рыбныя ватаги пріѣзжали въ двухъ лодкахъ разбойники, больше 50 человѣкъ, и, ограбя ватаги, побрали большія морскія лодки, также пушки, порохъ, говоря, что намѣрены ѣхать въ море [308]. Въ ветлужской вотчинѣ графа Головкина, селѣ Никольскомъ, Баки тожъ, убили прикащика, разграбили казенную палатку—все это днемъ и въ вотчинѣ, гдѣ считалось 1668 человѣкъ крестьянъ [309]. Въ половинѣ года сенату дано было знать, что по большимъ дорогамъ и не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы, особенно по владимірской дорогѣ, разбои

умножаются, разбиваютъ не только проѣзжихъ, но нападаютъ на деревни [310]. Генералъ-майоръ Шереметевъ объявилъ, что ночью пришли въ сокольскую его волость, въ село Воскресенское, разбойники, дворъ его разбили, деньги взяли, прикащика били и жгли; въ той же волости выжгли двѣ деревни; атаману шайки прозваніе Кнутъ. Оберъ-президентъ главнаго магистрата князь Хованскій объявилъ, что разбойники приходили многолюдствомъ въ суздальское его село Пестяково: церковь, его дворъ и крестьянскіе дворы выжгли, пять человѣкъ крестьянъ убили до смерти, четверо лежатъ при смерти [311]. Вслѣдствіе этихъ заявленій военная коллегія распорядилась: по Волгѣ, отъ Твери до Астрахани, разставлены были въ извѣстныхъ разстояніяхъ войска, назначенныя для преслѣдованія разбойниковъ; съ тою же цѣлію разставлены были войска по Окѣ, отъ Калуги до Нижняго, также въ бѣлгородской, воронежской и архангельской губерніяхъ. Сенатъ приказалъ изслѣдовать о прежнихъ сыщикахъ, для чего они своею слабостію допустили такихъ злодѣевъ къ умноженію ихъ компаній, также почему губернаторы и воеводы не старались о ихъ искорененіи [312]. Черезъ мѣсяцъ сенатъ получилъ извѣщеніе, что, по доносу извѣстнаго уже ему сыщика Ивана Каина, пойманы въ Москвѣ три разбойника и одинъ атаманъ; разбойники объявили, что атаманъ Кнутъ, который прежде назывался Посулихинъ, со всею воровскою станицею, которая разбойничала около Нижняго, находятся на приплывшихъ въ Коломну купеческихъ судахъ. Немедленно отправлены были въ этотъ городъ 50 драгунъ [313].

Войско должно было дѣйствовать и противъ возмутившихся крестьянъ. Въ селѣ Рогачевѣ и другихъ селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ Никольскому монастырю на Пѣсношѣ, приписному къ Троицко-Сергіевой лаврѣ, крестьяне отказались повиноваться монастырскому начальству, посланнаго усмирять ихъ капитана покололи, солдатъ прибили, и сенатъ распорядился послать штабъ-офицера *изъ Русскихъ*. Этому удалось усмирить крестьянъ, которые объявили, что причиною неповиновенія былъ слухъ, будто крестьяне приписныхъ монастырей объявлены свободными [314]. Въ другомъ мѣстѣ, въ псковской велейской вотчинѣ графини Анны Бестужевой крестьяне самовольно выбрали себѣ управителя Трофимова, а прежняго управителя Залевскаго

выгнали. Усмирять ихъ отправился изо Пскова съ командою подполковникъ Головинъ, который сначала послалъ небольшую команду, чтобы схватить *самозваннаго* управителя съ сообщниками; но крестьяне вышли навстрѣчу въ числѣ 150 человѣкъ съ ружьями, копьями и бердышами, и начали стрѣлять въ солдатъ; тѣ, отстрѣливаясь, убили одного крестьянина, шестерыхъ захватили, прочіе разбѣжались. На другой день была отправлена новая команда, которая, подошедъ къ крестьянской толпѣ, стала было уговаривать ее къ сдачѣ; но крестьяне отвѣчали выстрѣлами и ранили одного солдата; солдаты, начавши стрѣлять, ранили дѣвицу и поймали пять человѣкъ, въ томъ числѣ мать Трофимова; прочіе снова разбѣжались. Схваченные крестьяне объявили, что съ ослушниками находится солдатъ Измайловскаго полка и производитъ многіе злодѣйскіе поступки. На третій день крестьяне, въ числѣ 300 человѣкъ, напали на команду, состоявшую изъ 126 человѣкъ и убили одного солдата, да ранили троихъ; солдаты начали палить, крестьяне побѣжали, и поймано ихъ было 22 человѣка. Послѣ этого сопротивленіе прекратилось, крестьяне начали записываться, что приходятъ въ покореніе, и записалось ихъ 731 человѣкъ. Управитель со старостою и цѣловальникомъ сначала скрывались; потомъ Трофимовъ былъ пойманъ, но ушелъ изъ-подъ караула, скинувъ оковы, явился въ Москву и лично подалъ просьбу императрицѣ на Головина; сенатъ отправилъ его въ сыскной приказъ [315].

У синода были свои борьбы.

13 апрѣля происходило общее засѣданіе обоихъ правительствующихъ учрежденій, сената и синода, по поводу просьбы казанскихъ Татаръ о позволеніи возобновить сломанныя мечети. По справкѣ оказалось, что въ казанской губерніи было сломано изъ 536 мечетей 418, при чемъ казанскій архіерей объявилъ, что ему синодальнымъ указомъ 1743 года запрещено допускать постройку новыхъ мечетей и построенныя послѣ запретительныхъ указовъ мечети вездѣ велѣно разобрать. Изъ астраханской губерніи донесено, что ломать мечети опасно: магометане старые подданные могутъ разбрестись, а у другихъ охота къ выходу въ Россію отнимется. Приказали: мечети сломать и вновь не строить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить Русскіе и новокрещены, чтобъ имъ соблазна не было, а ино-

вѣрцевъ изъ тѣхъ деревень перевести въ другія, гдѣ одни магометане живутъ. Если всѣ мечети сломать, то опасно, чтобъ не дошелъ слухъ въ тѣ государства, гдѣ между магометанами живутъ люди греческаго исповѣданія и построены св. церкви: не произошло бы тамъ церквамъ какого утѣсненія? и потому велѣть построить Татарамъ въ Казани въ Татарской слободѣ двѣ мечети; также повсюду строить мечети въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ одни Татары, нѣтъ Русскихъ и новокрещенъ, и гдѣ жителей отъ 200 до 300 человѣкъ; а если по этому разсчету останутся лишнія мечети, то сломать немедленно [316].

Для покровительства новокрещенамъ и побужденія иновѣрцевъ къ принятію христіанства отправленъ былъ въ казанскую губернію совѣтникъ Ярцевъ. Онъ донесъ, что новокрещены терпятъ обиды отъ всякихъ людей: держатъ ихъ у себя въ работѣ и берутъ на нихъ крѣпостныя записи; а если кто изъ нихъ пожелаетъ освободиться, то хозяева на этихъ безгласныхъ новокрещенъ, которыя не только ябедническихъ дѣлъ, но и русскаго языка мало знаютъ, подаютъ въ городахъ челобитныя, и по происку хозяевъ воеводы поступаютъ съ новокрещенами немилостиво, держатъ подолгу въ тюрьмахъ и принуждаютъ къ миру съ хозяевами, т.-е. принуждаютъ опять давать на себя крѣпости; которыхъ, по настоянію Ярцева, освободили, то безъ всякаго награжденія; у нихъ же проѣзжіе люди берутъ подводы безъ подорожныхъ и безъ платежа прогоновъ, берутъ конскіе кормы и съѣстные припасы. Иновѣрцы страшно ихъ обижаютъ, принуждаютъ платить вмѣстѣ съ собою подати, хотя новокрещены освобождены отъ этого платежа на три года, отдаютъ въ рекруты за некрещенныхъ, клевещутъ на нихъ въ канцеляріяхъ, вслѣдствіе чего новокрещенъ забираютъ и держатъ долгое время подъ карауломъ, бьютъ до полусмерти; Ярцевъ подаетъ объ этомъ промеморіи, но воеводы не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Сколько не хвалитъ Ярцевъ воеводъ, столько же превозноситъ нижегородскаго архіерея Димитрія, который, по его словамъ, въ своей епархіи въ обращеніи иновѣрцевъ и въ охраненіи новокрещенъ отъ обидъ неусыпное раченіе имѣетъ. Ярцевъ требовалъ для себя конвоя, потому что когда придетъ въ иновѣрческую деревню съ конвоемъ, то желающіе креститься могутъ объявлять себя безъ страха, а безъ конвоя опасно и

вызывать желающихъ принять христіанство, ибо во многихъ мѣстахъ некрещенные сопротивлялись указу, и его, Ярцева, ругательски бранили и хотѣли бить, а команды его солдатъ и били; безъ конвоя иновѣрцы не слушаются и на опредѣленныя имъ къ переселенію мѣста не переходятъ. Изъ иновѣрцевъ всего болѣе противятся принятію христіанства магометане. Во многихъ уѣздахъ некрещенные выбираются въ сотники, старосты и выборные, начальствуютъ такимъ образомъ надъ новокрещенами и дѣлаютъ имъ несносныя обиды, бьютъ немилостиво и собираютъ всякія подати.—Сенатъ приказалъ: для такого богоугоднаго дѣла опредѣлить въ казанскую, нижегородскую и воронежскую губерніи по одному офицеру, которымъ быть подъ начальствомъ Ярцева; они должны смотрѣть, чтобъ новокрещенамъ никакихъ обидъ и озлобленія не было [317].

Другая забота—расколъ. Въ Волоколамскѣ поймано было двадцать человѣкъ крестьянъ, которые пробирались за польскую границу, на Вѣтку, подговоренные пушкарскимъ сыномъ изъ Ржевы Володимеровой, Ямщиковымъ, который за провожанье до Вѣтки подрядился взять съ нихъ по пяти рублей съ семьи; онъ же научилъ ихъ молиться пораскольничьи [318]. Движеніе, которое мы видѣли въ царствованіе Анны, не прекратилось, несмотря на строгія мѣры правительства. Въ Богословской пустыни, въ 60 верстахъ отъ Москвы, у строителя, въ особой пустой кельѣ въ саду, происходило сборище, на которомъ между прочимъ присутствовала княжна Дарья Ѳедоровна Хованская. Всѣ сидѣли по лавкамъ, мужчины по одну сторону, женщины по другую, и пѣли стихъ: «Дай къ намъ, Господи, дай къ намъ, Іисусе Христе, дай къ намъ Сыне Божій, помилуй насъ! Пресвятая Богородица упроси объ насъ Сына своего и Бога нашего, да Тобою спасетъ души наши многогрѣшныя на землѣ!» Во время пѣнія купецъ Иванъ Дмитріевъ, вскоча съ лавки, затрясся и вертѣлся кругомъ болѣе часа и говорилъ присутствующимъ: «Вѣрьте мнѣ, что во мнѣ дѣйствуетъ Духъ Св. и что я говорю не отъ своего ума, но чрезъ Духа Св.,» и подходивъ кого зналъ, называлъ именемъ: «Богъ помочь тебѣ, братецъ или сестрица; какъ ты живешь? молись Богу по ночамъ, а блуда не твори, на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей, и гдѣ пѣсни поютъ, не слушай, гдѣ драки случатся, тутъ не стой?» Кого именемъ

назвать не умѣлъ, того называлъ: велмушка, велмушка! помолись за меня!» Отходя отъ нихъ, говорилъ: «прости, мой другъ, не прогнѣвалъ ли я въ чемъ тебя?» Потомъ тотъ же Иванъ Дмитріевъ взялъ ломоть хлѣба, изрѣзалъ въ куски, и, положа на тарелку вмѣстѣ съ солью и наливъ въ стаканъ воды, раздавалъ присутствующимъ, приказывая ѣсть на рукѣ, прихлебывать водою и прикладываться къ стакану, творя крестное знаменіе. Послѣ этого всѣ присутствующіе, взявъ другъ друга за руки, вертѣлись вкругъ, вспрыгивая, что̀ у нихъ называлось *корабль*; вертѣлись по солнцу, при чемъ пѣли прежнюю молитву и бились обухами и ядрами, поставляя въ этомъ сокрушеніе плоти; княжна Хованская, испугавшись этого битья, вышла съ своими людьми вонъ и послѣ не приходила, а прочіе продолжали вертѣться и биться во всю ночь, и на разсвѣтѣ разъѣхались. Строитель Дмитрій былъ схваченъ и показалъ, что былъ наученъ штофной фабрики ученикомъ Александромъ Голубцовымъ, когда еще былъ на искусѣ въ московскомъ Андреевскомъ монастырѣ въ 732 году. Голубцовъ свелъ его за Яузу въ сборище, состоявшее изъ 10 человѣкъ, гдѣ молились двуперстнымъ крестомъ; Голубцовъ вертѣлся и говорилъ, что первое крещеніе имъ было водою, а второе духомъ, и кто вторымъ крещеніемъ не крестится, тотъ и въ царство небесное не войдетъ. Строитель показалъ, что во время дѣйствія одни бились обухами, а другіе рѣзались ножами, вставленными въ палки. Открылось, что и послѣ разгрома еретиковъ, бывшаго въ царствованіе Анны сборище продолжалось въ Ивановскомъ монастырѣ. Хотя еретики отвергали законный бракъ и находившимся въ бракѣ запрещали совокупляться (совокупленіе—грѣхъ, уставилъ де то напрасно Адамъ да Ева), однако учитель сборищъ Григорій Сапожниковъ имѣлъ связь съ согласницею Ѳедосьею Яковлевою. На сборищѣ, бывшемъ въ домѣ Григорья Сапожникова, хозяинъ вертѣлся и говорилъ: «Молитесь Богу, идетъ на васъ гнѣвъ Божій, взяты будете подъ караулъ, будете мучены и биты, нападутъ на васъ архіереи и судьи, а вы ихъ не вините и не кляните и потерпите, а потерпя Богъ и всемилостивѣйшая государыня освободятъ.» Ѳедосья Яковлева показала: слышала она отъ согласныхъ своихъ, что есть у насъ въ Ярославлѣ нашъ государь батюшка крестьянинъ Степанъ Васильевичъ, который содержитъ небо и

землю, и мы его называемъ христомъ, а жену его Афросинью госпожею богородицею; учителемъ Степана и жены его былъ крестьянинъ Астаѳій Ануфріевъ [319].—Для помощи въ борьбѣ съ расколомъ синодъ исходатайствовалъ у императрицы позволеніе издать двѣ книги—Розыскъ о раскольничьей брынской вѣрѣ Димитрія Ростовскаго и Возраженія на отвѣты выгорѣцкихъ раскольниковъ Ѳеофилакта Лопатинскаго [320].

Въ описываемомъ году синодъ имѣлъ удовольствіе получить слѣдующій указъ: коллегію экономіи отставить, и всѣ доходы синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ отдать въ вѣдомство и управленіе св. синода попрежнему со всѣми расходами, на что было положено и употреблялось изъ тѣхъ доходовъ при Петрѣ Великомъ, исключая одинъ только Заиконоспасскій училищный монастырь, который содержанъ будетъ на особую сумму [321]. Кончились столкновенія съ коллегіею экономіи, но продолжались столкновенія съ воеводами. Воеводскій товарищъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, князь Щепинъ-Ростовскій бранилъ и мучилъ одного священника, который отъ этого заболѣлъ и умеръ. Сенатъ приказалъ накрѣпко изслѣдовать и Щепина взять въ Москву [322]. Чрезъ нѣсколько времени синодъ представилъ въ сенатъ длинный списокъ, присланный казанскимъ епископомъ Лукою, списокъ побоямъ, которымъ подверглись духовныя лица отъ свѣтскихъ, при чемъ синодъ жаловался, что губернаторы и воеводы продолжаютъ привлекать къ своему суду духовныхъ людей [323]. Съ другой стороны, вятскій архіерей Варлаамъ далъ пощечину воеводѣ Писареву. Воевода жаловался, что на него напали архіерейскіе служки и школьники съ дубьемъ, но онъ ихъ разогналъ и двоихъ схватилъ; когда воевода допросилъ схваченныхъ, то явился къ нему въ канцелярію самъ архіерей, сталъ бранить скаредною бранью и наконецъ далъ пощечину. Архіерей показывалъ, что у него на обѣдѣ 6-го декабря былъ воевода и сынъ его, Измайловскаго полка подпоручикъ, пріѣхавшій въ отпускъ. Сынъ заставилъ пѣвчихъ пѣть вѣчную память, и, взявъ кубокъ съ пивомъ, говорилъ купцамъ: здравствуйте, господа канальи, хлыновское купечество! потомъ приходилъ къ кельѣ архіерейскаго казначея и хотѣлъ его бить плетьми. 9 числа воеводскій сынъ зашибъ архіерейскаго секретаря до полусмерти, а на улицѣ были схвачены цѣ-

ловальникъ и хлѣбникъ семинарскіе и взяты въ воеводскую канцелярію для розыска; пьяный воевода съ сыномъ велѣли уже и огонь въ застѣнкѣ разложить для пытки. Тогда архіерей поѣхалъ въ воеводскую канцелярію, но на его увѣщаніе воевода отвѣчалъ неучтивыми словами, за что архіерей ударилъ его по ланитѣ [324].

По пріѣздѣ въ Москву, въ февралѣ мѣсяцѣ синодъ получилъ тяжелый для себя указъ императрицы: «Понеже дѣло исправленія Библіи къ печатанію оной вновь давно уже зачатое и понынѣ не совершено, а нужда въ томъ церковная и народная велика: того для симъ нашимъ указомъ повелѣваемъ, дабы св. синода всѣ члены въ сію святую четыредесятницу въ исправленіи оной Библіи къ печатанію оной вновь трудились отъ полученія сего нашего указа каждый день поутру и пополудни кромѣ недѣльныхъ дней, чтобъ, ежели возможно, оное исправленіе окончить къ празднику св. Пасхи, а по окончаніи оное исправленіе Библіи объявить намъ, но не печатать оную вновь исправленную безъ нашего указу, токмо потребныя къ тому печатанію вещи приготовлять, а особливо бумага, чтобъ была употреблена на оное печатаніе сдѣланная на россійскихъ фабрикахъ совѣтника Затрапезнова и ассессора Гончарова и на другихъ къ тому дѣлу годная. Къ сему жъ дѣлу повелѣваемъ употребить и кромѣ членовъ синодальныхъ духовнаго чина людей ученыхъ. Для исправленія текущихъ дѣлъ по синодальной должности, которыхъ въ постъ меньше другихъ временъ бываетъ, отрядить нѣсколько изъ членовъ же синодальныхъ, которые имѣютъ о приключившихся иногда важныхъ дѣлахъ синодъ доносить и рѣшеніе требовать.» Къ празднику Пасхи исправленіе Библіи не было кончено, и въ іюлѣ Амвросій новгородскій подалъ просьбу императрицѣ уволить его отъ исправленія Библіи по причинѣ болѣзни, «потому что головою весьма немощенъ, а дѣло требуетъ довольнаго разсужденія» [325]. Дѣло затянулось, какъ увидимъ, на нѣсколько лѣтъ.

Елисавета не могла обратить большаго вниманія на это неисполненіе своего указа, потому что была занята въ это время важнымъ семейнымъ дѣломъ, которое по тогдашнему напряженному состоянію Европы не могло остаться свободнымъ отъ политическихъ интригъ. Императрица, обезпокоенная сочувствіемъ

къ брауншвейгской фамиліи, высказавшимся въ дѣлѣ Турчанинова и потомъ въ дѣлѣ Лопухиныхъ, хотѣла какъ можно скорѣе устроить бракъ наслѣдника престола, великаго князя Петра Ѳеодоровича. Но легко понять, какъ важенъ былъ вопросъ о выборѣ невѣсты и для своихъ, и для чужихъ. Брюммеру, Лестоку, Мардефельду, Шетарди нужно было, чтобъ молодая великая княгиня, ея родственники и приближенные, которые съ нею пріѣдутъ въ Россію, не пошли наперекоръ ихъ вліянію и видамъ, чтобъ не содѣйствовали видамъ Бестужева. Выборъ послѣдняго уже палъ на саксонскую принцессу Маріанну, дочь польскаго короля Августа III, ибо этотъ бракъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его политической системѣ, союзу между морскими державами, Россіею, Австріею и Саксоніею для сдержанія Франціи и Пруссіи. Какъ только въ противномъ лагерѣ узнали о намѣреніи Бестужева относительно саксонской принцессы, такъ поспѣшили найти другую невѣсту: то была Софія-Августа-Фредерика, дочь принца ангальтъ-цербстскаго, находившагося въ прусской службѣ, и Елисаветы голштинской, сестры епископа любскаго, избраннаго въ наслѣдники шведскаго престола. 10 декабря 1743 года Шетарди писалъ Амелоту: «Саксонскій посланникъ Герсдорфъ не могъ получить 25.000 вспомогательнаго русскаго войска за англійскія субсидіи, благодаря Лестоку и Брюммеру. Герсдорфъ предлагалъ также бракъ между великимъ княземъ и дочерью польскаго короля. Брюммеръ и Лестокъ, провѣдавъ объ этомъ, представили царицѣ, что принцесса изъ сильнаго дома едвали будетъ склонна къ послушанію, надобно избрать такую, для которой бы бракъ былъ подлиннымъ счастіемъ. Употребили и духовныхъ лицъ для внушенія, что принцесса католичка будетъ опаснѣе для православія, чѣмъ протестантка, и предложили принцессу цербстскую. Лестокъ вчера вечеромъ приходилъ ко мнѣ сказать, что дѣло сдѣлано, и царица послала секретно 10.000 рублей къ принцессѣ цербстской, чтобъ поскорѣе ѣхала сюда»[326]. Брюммеръ въ письмѣ къ принцессѣ-матери отъ 17 декабря новаго стиля писалъ слѣдующее: «Надѣюсь, ваша свѣтлость вполнѣ увѣрены, что съ самаго пріѣзда моего въ Россію я не перестаю трудиться для счастія и величія наияснѣйшаго герцогскаго дома (голштинскаго). Успѣлъ ли я въ этомъ, или нѣтъ, пусть судятъ другіе. Питая давнее глубокопочитаніе къ особѣ вашей свѣтлости

и всегда желая увѣрить ее въ моемъ уваженіи на дѣлѣ болѣе, чѣмъ пустыми словами, я думалъ дни и ночи, нельзя ли сдѣлать что-нибудь блистательное въ пользу вашей свѣтлости и вашей знаменитой фамиліи. Зная великодушіе вашего сердца и благородство вашихъ чувствъ, я не колеблюсь ни минуты открыть вашей свѣтлости дѣло, которое прошу содержать въ глубочайшей тайнѣ, по крайней мѣрѣ на первое время. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, какъ я нахожусь при этомъ дворѣ, я имѣлъ часто случай говорить ея импер. величеству о вашей свѣтлости и о вашихъ достоинствахъ. Я долго ходилъ около сосуда и употреблялъ разные каналы, чтобъ довести дѣло до желаннаго конца. Послѣ долгихъ трудовъ, наконецъ, думаю, я успѣлъ, нашелъ именно то, что пополнитъ и закрѣпитъ совершенное счастіе завергерцогскаго дома. Теперь надобно, чтобъ ваша свѣтлость завершили дѣло, счастливо мною начатое. По приказанію ея импер. величества я долженъ вамъ внушить, чтобъ ваша свѣтлость, въ сопровожденіи старшей дочери, немедленно пріѣхали въ Россію. Ваша свѣтлость конечно поймете, почему ея величество такъ сильно желаетъ видѣть васъ здѣсь какъ можно скорѣе, равно какъ и принцессу вашу дочь, о которой разсказывается такъ много хорошаго. Бываютъ случаи, когда гласъ народа есть именно гласъ Божій. Въ то же время наша несравненная монархиня прямо приказала мнѣ увѣдомить вашу свѣтлость, чтобъ принцъ супругъ вашъ ни подъ какимъ видомъ не пріѣзжалъ вмѣстѣ съ вами. Чтобъ ваша свѣтлость не были ничѣмъ затруднены, чтобъ вы могли сдѣлать для себя и для принцессы вашей дочери нѣсколько платьевъ, чтобъ могли предпринять путешествіе безъ потери времени, я имѣю честь присоединить къ своему письму и вексель. Правда, сумма умѣренна; но надобно сказать вашей свѣтлости, что это сдѣлано нарочно, чтобъ выдача большой суммы не кидалась въ глаза людямъ, наблюдающимъ за нашими дѣйствіями. Чтобъ ваша свѣтлость не нуждались въ необходимомъ по пріѣздѣ сюда въ Петербургъ, я распорядился, чтобъ купецъ, именемъ Людолфдомъ, выплатилъ вашей свѣтлости двѣ тысячи рублей въ случаѣ надобности. Я ручаюсь, что по счастливомъ прибытіи къ намъ ваша свѣтлость не будетъ ни въ чемъ нуждаться.» Брюммеръ опредѣлялъ въ письмѣ, сколько людей должна была взять принцесса съ собою: одну штатсъ-даму, двѣ

горничныхъ, повара (мебель, необходимую въ этой странѣ, по выраженію Брюммера), одного офицера для распоряженій почтою и троихъ или четверыхъ лакеевъ. Брюммеръ училъ принцессу, какъ она должна объяснять причину своего отъѣзда въ Россію: «Вашей свѣтлости стоитъ только сказать, что долгъ и учтивость требуютъ отъ васъ съѣздить въ Россію какъ для того, чтобъ поблагодарить императрицу за необыкновенную благосклонность, оказанную герцогскому дому, такъ и для того, чтобъ видѣть совершеннѣйшую изъ государынь и лично поручить себя ея милостямъ. Чтобъ ваша свѣтлость знали всѣ обстоятельства, имѣющія отношенія къ этому дѣлу, имѣю честь сообщить, что король прусскій знаетъ секретъ; въ волѣ вашей свѣтлости говорить съ нимъ объ этомъ или не говорить; что же касается меня, то я почтительнѣйше совѣтовалъ бы вашей свѣтлости поговорить съ королемъ, ибо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ вы почувствуете слѣдствія, какія естественно отъ того проистекутъ. Г. Лестокъ, который конечно работалъ вмѣстѣ со мною и который очень преданъ интересамъ герцогскаго дома, просилъ меня засвидѣтельствовать вашей свѣтлости его глубочайшее уваженіе. Я долженъ отдать ему справедливость, что онъ относительно интересовъ вашей свѣтлости велъ себя какъ честный человѣкъ и ревностный слуга.»

21 декабря Брюммеръ послалъ новое письмо, чтобъ принцесса спѣшила какъ можно скорѣе, ковала бы желѣзо пока горячо. Навстрѣчу путешественницамъ отправленъ былъ камергеръ Нарышкинъ, вручившій въ Ригѣ принцессѣ-матери новое письмо отъ Брюммера, который писалъ: «Императрица ежедневно освѣдомляется, не имѣю ли я извѣстій о васъ, проѣхали ли вы Данцигъ и когда можете пріѣхать въ Москву; я отвѣчаю, что еслибы ваша свѣтлость имѣли крылья, то воспользовались бы ими, чтобъ не терять ни минуты.» Брюммеръ умолялъ принцессу принять его совѣты и при первомъ свиданіи съ императрицею оказать ей чрезвычайное и болѣе, чѣмъ совершенное уваженіе (une deference extraordinaire et plus que parfaite), именно поцѣловать у нея руку. Брюммеръ извѣщалъ также, что великій князь ничего не знаетъ о пріѣздѣ тетушки и сестрицы [327].

Женихъ ничего не зналъ о пріѣздѣ невѣсты, а прусскій король очень хорошо зналъ объ этомъ, и въ концѣ декабря пи-

салъ принцессѣ-матери, чтобъ поскорѣе ѣхала въ Россію, гдѣ для ея дочери готовится знаменитая судьба, хвалился, что мысль о бракѣ между ея дочерью и наслѣдникомъ русскаго престола исходитъ отъ него; требовалъ сохраненія величайшей тайны, такъ чтобы ни принцъ, ея мужъ, ни русскій посланникъ въ Берлинѣ Чернышевъ ничего не знали объ этомъ. Принцесса отвѣчала, что ставитъ себѣ закономъ повиноваться совѣтамъ его величества; и только въ одномъ случаѣ не могла вполнѣ имъ послѣдовать, не могла скрыть цѣли своей поѣздки отъ мужа [328]. Самъ Фридрихъ такъ описываетъ свой взглядъ на дѣло и свое участіе въ немъ: «Изъ всѣхъ сосѣдей Пруссіи Русская имперія заслуживаетъ наибольшее вниманіе, какъ сосѣдка самая опасная: она сильна, она близка. Будущіе правители Пруссіи также должны будутъ искать дружбы этихъ варваровъ. Король употребилъ всѣ средства для снисканія дружбы Россіи. Императрица Елисавета была намѣрена тогда женить великаго князя, своего племянника, и хотя ея выборъ не былъ еще рѣшенъ, однако она всего болѣе склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры короля (прусскаго); но саксонскій дворъ желалъ выдать за великаго князя принцессу Маріанну, вторую дочь короля Августа. Ничего не могло быть противнѣе прусскому интересу какъ позволить образоваться союзу между Россіею и Саксоніею, и ничего хуже какъ пожертвовать принцессою королевской крови, чтобъ оттѣснить Саксонку. Придумали другое средство. Изъ нѣмецкихъ принцессъ, могшихъ быть невѣстами, принцесса цербстская болѣе всѣхъ годилась для Россіи и соотвѣтствовала прусскимъ интересамъ. Ея отецъ былъ фельдмаршаломъ королевской службы, ея мать принцесса голштинская, сестра наслѣдника шведскаго престола и тетка великаго князя русскаго. Мы не войдемъ въ подробности переговоровъ: довольно знать, что надобно было употреблять такія усилія, какъ будто дѣло шло о величайшемъ интересѣ въ мірѣ. Самъ отецъ невѣсты противился браку: будучи ревностнымъ лютераниномъ, какіе бывали въ первыя времена реформы, онъ не хотѣлъ позволить своей дочери сдѣлаться шизматичкою, и согласился только тогда, какъ одинъ священникъ, отличавшійся большею терпимостію, доказалъ ему, что греческая религія почти то же самое, что лютеранская. Въ Россіи Мардефельдъ умѣлъ такъ хорошо скрыть

пружины, которыя онъ приводилъ въ дѣйствіе, отъ канцлера Бестужева, что принцесса цербстская пріѣхала въ Петербургъ къ великому удивленію Европы и была принята въ Москвѣ императрицею съ явными знаками удовольствія и дружбы» [329].

Въ этомъ разсказѣ очевидны преувеличенія, стараніе выставить свое участіе въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ какъ оно было на самомъ дѣлѣ. Странно предположить, чтобъ первая мысль объ этомъ бракѣ принадлежала прусскому королю, а не Брюммеру при извѣстной преданности послѣдняго къ «герцогскому дому.» Брюммеръ могъ сдѣлать Мардефельда повѣреннымъ своей тайны; но Мардефельду нечего было тутъ дѣлать; всѣ пружины приводились въ дѣйствіе Брюммеромъ и Лестокомъ, да и много пружинъ приводить въ дѣйствіе было не нужно: въ Елисаветѣ была жива нѣжная память о покойномъ женихѣ, ей пріятно было родную племянницу этого жениха имѣть женою своего роднаго племянника; чувство было удовлетворено, и умъ также, потому что дѣйствительно, при тогдашнихъ европейскихъ дѣлахъ, всего выгоднѣе было избрать невѣсту для великаго князя изъ незначительнаго дома, котораго интересы не могли имѣть вліянія на политическія соображенія; бракъ заключали въ своей семьѣ. Тайну было сохранить легко, ибо дѣло шло между тремя, четырьмя лицами, одинаково заинтересованными въ сохраненіи тайны. Что дѣло было вовсе нетрудное, видно всего лучше изъ того, что Фридрихъ не умѣетъ указать ни на одну трудность, кромѣ сопротивленія отца невѣсты.

Какъ бы то ни было, 3 февраля 1744 года принцесса цербстская съ дочерью пріѣхала въ Петербургъ, а 9 февраля въ Москву. Исполняя совѣты Брюммера принцесса поцѣловала руку императрицы и сказала: «Повергаю къ стопамъ вашего величества чувство глубочайшей признательности за благодѣянія, оказанныя моему дому.» Елисавета отвѣчала: «Я сдѣлала малость въ сравненіи съ тѣмъ, что бы хотѣла сдѣлать *для моей семьи*; моя кровь мнѣ не дороже вашей.» Завязался оживленный разговоръ, который императрица вдругъ прервала и вышла въ другую комнату; потомъ принцессѣ сказали, что Елисавета, найдя въ ней необыкновенное сходство съ братомъ ея, не могла удержаться отъ слезъ, и вышла, чтобъ скрыть ихъ [340].

Легко понять, какъ пріѣздъ цербстскихъ принцессъ непріятно

поразилъ Бестужева, который незадолго передъ тѣмъ лишился своего товарища Бреверна, умершаго скоропостижно въ январѣ. Принцесса-мать естественно обратилась къ людямъ, въ которыхъ видѣла своихъ друзей, покровителей, къ Брюммеру, Лестоку, Мардефельду, Шетарди, а эти люди указали ей въ Бестужевѣ злого врага, котораго она больше всего должна бояться. Такимъ образомъ число враговъ вице-канцлера увеличилось, и это увеличеніе произошло именно въ то опасное для него время, когда враги употребляли всѣ старанія для его низверженія, или по крайней мѣрѣ ограниченія его власти. Въ началѣ января Шетарди писалъ Амелоту: «Мы, Мардефельдъ, Брюммеръ, Лестокъ, генералъ Румянцевъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, ихъ приверженцы и я согласились стараться произвести въ канцлеры генерала Румянцева, который, будучи главнымъ въ коллегіи, будетъ имѣть силу сдерживать Бестужева. Если же это намѣреніе не удастся, то надобно будетъ изъ иностранной коллегіи устроить совѣтъ или кабинетъ съ такимъ числомъ членовъ, при которомъ вице-канцлеръ не могъ бы всѣмъ завладѣть» [341].

Всѣ эти движенія противъ Бестужева происходили преимущественно въ пользу Фридриха II, которому теперь было необходимо привлечь Россію въ союзъ съ собою или, по крайней мѣрѣ, заставить ее быть нейтральною. Успѣхи Австріи въ войнѣ съ императоромъ Карломъ VII и несостоятельность Франціи, не могшей защитить своего союзника, возбуждали сильное безпокойство въ Берлинѣ, ибо если дать Австріи усилиться, то она не оставитъ Пруссію къ покоѣ, пока не отниметъ у нея Силезіи. Саксонія, въ злобѣ на Пруссію и Францію за то, что онѣ ее обманули, за то, что Пруссія, получивъ Силезію по бреславскому миру, не помогла королю Августу получить никакой доли въ добычѣ,—Саксонія сблизилась съ Австріею. Для того, чтобъ сдержать успѣхи Австріи и сохранить Силезію, Фридрихъ считалъ необходимымъ снова напасть на Марію Терезію, подъ предлогомъ помощи, которую онъ обязанъ былъ подать императору. Но какъ взглянутъ на этотъ предлогъ въ Россіи? Чтобъ здѣсь взгянули на него благопріятно, для Фридриха необходимо было уничтожить партію людей, которые толковали объ опасныхъ замыслахъ прусскаго короля, а въ челѣ этихъ людей

былъ Бестужевъ. Въ то же время Фридриху нужно было высвободить изъ-подъ вліянія Россіи Швецію, замѣнить здѣсь русское вліяніе прусскимъ, чтобъ въ случаѣ нужды употребить Швецію противъ Россіи точно такъ же, какъ недавно употребила ее Франція. Для достиженія этихъ цѣлей въ Россіи и Швеціи служили ему два брака: бракъ наслѣдника русскаго престола на принцессѣ цербстской и бракъ наслѣдника шведскаго престола на его родной сестрѣ Ульрикѣ. Самъ Фридрихъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Послѣ того какъ императрица рѣшилась выбрать принцессу цербстскую въ невѣсты великому князю, не было уже большого труда заставить ее согласиться на бракъ прусской принцессы Ульрики съ наслѣдникомъ шведскаго престола. На этихъ двухъ бракахъ Пруссія основывала свою безопасность» [342]. Но у Фридриха была еще забота относительно Россіи. Зная личное нерасположеніе Елисаветы къ Австріи и Саксоніи, онъ не думалъ, чтобъ она рѣшилась оказать дѣятельную помощь Маріи Терезіи и королю Августу противъ Пруссіи; слѣдовательно для Пруссіи было важно, чтобъ русскій престолъ остался за Елисаветою и за ея племянникомъ, женатымъ на преданной Пруссіи принцессѣ цербстской; отсюда стараніе Фридриха II отнять у брауншвейгской фамиліи возможность получить опять русскій престолъ, ибо австрійскія симпатіи этой фамиліи были хорошо извѣстны. Еще въ концѣ 1743 года, разговаривая съ Чернышевымъ о дѣлѣ Ботты, Фридрихъ поручилъ посланнику переслать императрицѣ искренній совѣтъ «удалить находящуюся теперь въ Лифляндіи брауншвейгскую фамилію въ такія мѣста, чтобъ никто не могъ узнать, куда она дѣвалась, и такимъ образомъ въ Европѣ позабыли бы объ ней; сдѣлать это легко, потому что ни одна держава за нее не вступится [343]. Шетарди писалъ Амелоту въ январѣ 1744 года: «Мардефельдъ получилъ отъ своего короля указъ требовать у царицы секретной аудіенціи, открыть ей о близкой опасности, которая ей угрожаетъ, просить ради Бога подумать объ ея отвращеніи, домогаться удаленія Бестужевыхъ и представить необходимость—возвратить принца Антона брауншвейгскаго въ Германію, а жену и дѣтей его разослать въ разныя мѣста Россіи, такъ чтобы ни одна живая душа не знала объ ихъ отъѣздѣ и куда онѣ отправлены; иначе, если принцъ Иванъ и его семейство останутся жить подлѣ

Риги, то Англія, Данія, вѣнскій дворъ и Саксонія не замедлятъ исполнить свое намѣреніе, на которомъ они основываютъ лучшія свои надежды.—Такой совѣтъ царица могла получить только отъ отца родного, ибо если она поступаетъ несправедливо и употребляетъ во зло свою власть, задерживая вольнаго принца (Антона брауншвейгскаго), то здравая политика давно требуетъ поступить именно такъ въ разсужденіи жены его и дѣтей, число которыхъ увеличилось рожденіемъ другого принца, какъ мнѣ царица сказала по секрету. По моему мнѣнію совѣтъ короля прусскаго искрененъ, принимая въ соображеніе страхъ его предъ Россіею: онъ знаетъ слабость царицы и увѣренъ, что въ ся царствованіе Русскіе будутъ имѣть предпочтеніе.» Отеческій совѣтъ былъ исполненъ: брауншвейгская фамилія переведена въ Раненбургъ. Въ то же время Шетарди внушалъ своему правительству, что не надобно жалѣть денегъ на подкупы, что кромѣ Лестока, которому онъ увеличилъ подарокъ, назначенный королемъ, на 2.000 рублей, кромѣ двухъ дамъ, надобно подкупить духовника императрицы и членовъ синода, по ихъ вліянію на суевѣрную Елисавету [344].

Въ то время какъ Брюммеръ и Шетарди съ компаніею такъ усердно подкапывались подъ Бестужева, въ надеждѣ на помощь, которую имъ окажетъ принцесса цербстская, вдругъ въ половинѣ марта они были поражены страшнымъ безпокойствомъ: молодая принцесса опасно занемогла. О причинахъ болѣзни и ходѣ ея пусть разскажетъ она сама, потому что въ этомъ разсказѣ мы впервые можемъ познакомиться съ будущею Екатериною *Великимъ* (Catherine le Grand), въ четырнадцати-лѣтней дѣвочкѣ можемъ увидать проблески той сильной воли и яснаго пониманія своего положенія, которыми впослѣдствіи отличалась знаменитая императрица. «Въ десятый день послѣ моего пріѣзда въ Москву, императрица уѣхала въ Троицкій монастырь. Мнѣ уже дали троихъ учителей: Симона Теодорскаго для наставленія въ греческой религіи, Василья Ададурова въ русскомъ языкѣ, и Лоде для обученія танцамъ. Чтобъ скорѣе успѣть въ русскомъ языкѣ, я вставала ночью, и когда всѣ спали мертвымъ сномъ, я заучивала тетрадки, оставленныя мнѣ Ададуровымъ. Такъ какъ въ комнатѣ было тепло и я не имѣла никакой опытности насчетъ климата, то я занималась какъ была въ постелѣ, боси-

комъ. И вотъ на пятнадцатый день я схватила болѣзнь, отъ которой чуть было не отправилась на тотъ свѣтъ. Въ то время какъ я одѣвалась, чтобъ идти съ матерью обѣдать къ великому князю, стало меня знобить. Съ трудомъ упросила я мать позволить мнѣ лечь въ постель. Когда она возвратилась съ обѣда, то нашла меня почти безъ чувствъ, въ страшномъ жару и съ нестерпимою болью въ боку. Она вообразила, что у меня оспа, послала за лѣкарями и хотѣла, чтобъ они лѣчили меня отъ оспы. Лѣкаря утверждали, что надобно мнѣ пустить кровь. Она не хотѣла объ этомъ слышать, говоря, что брата ея уморили въ Россіи кровопусканіемъ, тогда какъ у него была оспа, а она не хочетъ, чтобъ и со мною то же случилось. Мать и лѣкаря спорили, я лежала безъ чувствъ, въ жару, стоная отъ страшной боли въ боку, а мать бранила меня, зачѣмъ я такъ нетерпѣлива. Наконецъ на пятый день моей болѣзни пріѣзжаетъ императрица отъ Троицы, прямо изъ кареты въ мою комнату, и застаетъ меня безъ чувствъ. Съ нею былъ Лестокъ и еще другой лѣкарь; выслушавъ ихъ мнѣнія, она велѣла пустить мнѣ кровь. Какъ только кровь пошла, я очнулась, и, открывъ глаза, увидала, что императрица держитъ меня въ своихъ объятіяхъ. 27 дней я была между жизнію и смертію; наконецъ нарывъ въ правомъ боку прорвался, и я стала выздоравливать. Я тотчасъ замѣтила, что поведеніе матери во время моей болѣзни произвело на всѣхъ очень дурное впечатлѣніе. Увидавши, что мнѣ дурно, она хотѣла послать за лютеранскимъ пасторомъ; когда мнѣ объ этомъ сказали, я отвѣчала: «Это за чѣмъ? позовите лучше Симона Теодорскаго, я охотно буду съ нимъ говорить». Призвали его, и онъ говорилъ со мною въ присутствіи всѣхъ, и всѣ были очень довольны нашимъ разговоромъ. Это очень расположило ко мнѣ императрицу и весь дворъ. Императрица часто плакала обо мнѣ» [345].

По словамъ Шетарди, люди, неохотно смотрѣвшіе на бракъ великаго князя съ принцессою цербстскою и желавшіе видѣть невѣстою наслѣдника принцессу саксонскую, имѣли неосторожность обнаружить свою радость во время болѣзни молодой принцессы цербстской. Это сильно разсердило Елисавету, и она сказала Брюммеру и Лестоку, что приверженцы саксонскаго брака ничего не выиграютъ, и еслибъ она имѣла несчастіе потерять

такое дорогое дитя, то все же саксонской принцессы никогда не возьметъ. Брюммеръ, на случай несчастія, имѣлъ въ виду другую невѣсту для великаго князя, принцессу дармштадтскую, на которую также указывалъ Фридрихъ II, на случай если цербстская принцесса не понравится.

Молодая принцесса цербстская выздоравливала, и подкопы подъ Бестужева продолжали вестись всѣми способами. Императоръ Карлъ VII возвелъ Разумовскаго, Брюммера и Лестока въ графы священной римской имперіи; прусскій король обласкалъ и одарилъ молодого брата Разумовскаго, Кириллу Григорьевича, который воспитывался въ Берлинѣ. Но гораздо важнѣе было привлечь на свою сторону человѣка болѣе вліятельнаго, чѣмъ Разумовскій,—Воронцова. Шетарди представилъ Брюммеру, Лестоку и Мардефельду, что въ настоящее время Воронцовъ пользуется полною довѣренностію, императрицы, и поэтому не надобно упускать ни минуты для привлеченія его на свою сторону, иначе Бестужевъ возьметъ верхъ. Пусть Лестокъ, оставя личныя отношенія, объявитъ Воронцову, что онъ постоянно питалъ къ нему дружеское расположеніе, но не могъ имѣть къ нему довѣренности, видя его преданнымъ Бестужеву, злому врагу императрицы и голштинскаго дома. Такимъ заявленіемъ легче будетъ открыть глаза Воронцову насчетъ вице-канцлера, а потомъ возбудить его честолюбіе, указавши на возможность для него быть великимъ канцлеромъ и употребить его орудіемъ для низверженія Бестужева. Лестокъ и Брюммеръ объявили, что они, съ своей стороны, готовы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, а Мардефельдъ, не теряя времени, отправился къ Воронцову закидывать свои сѣти. «Я пріѣхалъ къ вамъ, началъ онъ говорить Воронцову, чтобъ открыть тайну моего сердца. Я не могу безъ сердечной боли выносить того положенія дѣлъ, въ которомъ находится Россія, и единственный способъ помочь бѣдѣ—это ваше вступленіе въ министерство. Искренность вашихъ намѣреній и доброта вашего сердца будутъ васъ руководить лучше и надежнѣе всякаго знанія и опытности въ дѣлахъ, и потому императрица найдетъ въ васъ помощь, которая отвратитъ приготовляемыя ей опасности. Она нашла бы сильную помощь и въ дружбѣ короля моего государя; но теперь насъ стараются ссорить. Вице-канцлеръ явно объявилъ себя противъ насъ, и я вамъ объявляю,

что и я его болѣе жалѣть не буду. Объявляю вамъ, что пока онъ одинъ управляетъ иностранными дѣлами, мой дворъ не будетъ имѣть никакого довѣрія ко всему тому, что бы императрица ни дѣлала и мнѣ ни говорила.»—«Изъ этого выходитъ, замѣтилъ Воронцовъ, что его надобно отправить къ какому-нибудь иностранному двору или опредѣлить больше членовъ въ совѣтъ иностранныхъ дѣлъ, а если я одинъ съ нимъ буду, то онъ и меня погубитъ, когда онъ такой человѣкъ, какимъ вы его мнѣ описываете.»

«Первый путь самый разумный, отвѣчалъ Мардефельдъ: но и во второмъ случаѣ, кого бы вы ни опредѣлили, они всегда будутъ зависѣть отъ васъ, потому что вы пользуетесь довѣріемъ императрицы; сначала они помогутъ вамъ своею опытностію, а потомъ вы и безъ нихъ можете обойтись. По своей дружбѣ къ вамъ я обязанъ и то вамъ замѣтить, что вы должны упрочивать свое счастіе; но можетъ ли оно быть прочно въ томъ случаѣ, когда принцесса Анна опять вступитъ на престолъ, что легко можетъ случиться при настоящемъ ходѣ дѣлъ. Можетъ ли ваше счастіе почитаться твердымъ и тогда, когда преемникомъ императрицы будетъ великій князь? Повѣрьте, онъ вамъ не проститъ того, что вы были въ тѣсной дружбѣ съ непріятелемъ его дома; не вѣрите мнѣ—спросите великаго князя самого. Такимъ образомъ вы можете утвердить счастіе свое и своихъ дѣтей только стараніемъ объ утвержденіи престола императрицы и порядка престолонаслѣдія, установленнаго ею въ Россіи и Швеціи. Король мой государь уже почтилъ васъ орденомъ Чернаго Орла, прислалъ вамъ портретъ свой, украшенный алмазами: будьте увѣрены, что онъ этимъ не ограничится.»—Чтобъ Воронцовъ могъ увѣриться въ истинѣ словъ Мардефельда, великому князю было внушено сказать Воронцову, что Бестужевъ врагъ голштинскаго дома и что объ этомъ сказала ему сама императрица.

Но Бестужевъ, стоявшій повидимому одинокъ предъ своими врагами, имѣлъ въ рукахъ могущественное средство защиты: всѣ эти депеши Шетарди были перехвачены, цыфирь разобрана съ помощію академика Гольдбаха, и вице-канцлеръ имѣлъ возможность поднесть императрицѣ при докладѣ всѣ эти любопытныя вещи съ своими замѣчаніями и оправданіями. Такъ противъ того мѣста,

гдѣ Шетарди писалъ, что онъ и пріятели его надѣятся на помощь принцессы цербстской, Бестужевъ замѣтилъ: «Неслыханное гоненіе и стараніе къ невинному погубленію вице-канцлера, такъ что французскимъ дворомъ король прусскій побужденъ министра своего Мардефельда инструировать обще съ маркизомъ Шетардіемъ стараться его оклеветавъ погубить, и какъ они безбожно поступаютъ, что уже и чистою душою мутятъ, принцессу цербстскую къ тому же склонить, и когда на такое безбожество поступили, то безъ сомнѣнія вѣроятно, что и его императорскаго высочества государя великаго князя противъ его вице-канцлера толь наипаче преогорчили, и въ такомъ будучи грустномъ и печальномъ состояніи, только утѣшеніе на правосудіе ея императ. величества, что всещедрымъ своимъ покровомъ не допуститъ его вице-канцлера невиннымъ быть сакрифисомъ (жертвою)».

Шетарди писалъ, что Бестужевъ въ ярости отъ пріѣзда принцессы цербстской и до того забылся, что сказалъ: «Посмотримъ, могутъ ли такіе брачные союзы заключаться безъ совѣта съ нами, большими господами этого государства.» Шетарди писалъ также, что Бестужевъ склонилъ на свою сторону московскаго архіерея, который сталъ представлять императрицѣ незаконность брака великаго князя на принцессѣ цербстской по причинѣ родства и указывать на другую невѣсту, принцессу саксонскую. На это Бестужевъ замѣтилъ: «Какого зла въ свѣтѣ и вымыслить не можно, такое маркизъ Шетардій съ своими сообщниками, Лестокомъ и Брюмеромъ, умышленно вице-канцлеру приписуетъ. Сіе ихъ богомерское и вымышленное оклеветаніе удостовѣрительно доказать можно, когда ея императ. величеству высочайше угодно будетъ московскаго архіепископа или всякую иную духовнаго чина особу подъ клятвою спросить, учинено ли было ему или кому иному какое-либо ни есть отъ вице-канцлера о супружествѣ съ принцессою цербстскою внушеніе, или хотя по меньшей мѣрѣ имѣлъ ли вице-канцлеръ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ какіе партикулярные разговоры, наименьше же какія о семъ соглашенія.»

Въ одной изъ своихъ депешъ Шетарди выразился, что Бестужевъ и его партія показываютъ такую же ярость и противъ берлинскаго двора, какую противъ Франціи. На это Бестужевъ

замѣтилъ: «Правда, что вице-канцлеръ не больше вѣритъ прусскому, яко французскому двору, да оный же и опаснѣе французскаго по близости сосѣдства и великой его умножаемой силѣ; однакоже вице-канцлеръ ни противъ одного, ни противъ другого, хотя они обще его и погубить стараются, ни малѣйшей ярости не показывалъ, но токмо во всемъ присяжную свою должность исполнялъ.» По поводу допроса Лифляндца Штакельберга, который въ Кёнигсбергѣ, въ гостинницѣ дурно отзывался о Россіи и предсказывалъ ей новую революцію, Шетарди писалъ, что кромѣ Ушакова они надѣются назначить для допроса еще генералъ-прокурора князя Трубецкого. Бестужевъ замѣчаетъ: «По обыкновенной двора своего системѣ, яко иностранный министръ, не токмо прибирая себѣ партіи, во всѣ внутреннія дѣла мѣшается, но уже и до того приводитъ, чтобъ и по дѣламъ Тайной канцеляріи вмѣшиваться: предается ея императ. величеству во всевысочайшее разсужденіе, что наконецъ изъ того воспослѣдовать можетъ?» Шетарди хвалился, что онъ написалъ проектъ отвѣта, какой долженъ быть посланъ генералу Кейту въ Швецію по тамошнимъ дѣламъ, что передъ собраніемъ совѣта по иностраннымъ дѣламъ онъ совѣщался съ своими пріятелями, какъ бы провести свой планъ, и планъ былъ дѣйствительно проведенъ съ нѣкоторыми прибавленіями. Бестужевъ замѣчаетъ: «Что иностранный министръ россійско-императорскому генералу, а нынѣ яко и министру, отвѣтъ (чѣмъ указъ разумѣется) самъ проектовалъ и сочинялъ, толь весьма непонятно, что о тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя изъ того воспослѣдовать могутъ, умъ и разумъ превосходитъ рефлекцію учинить. О такомъ въ свѣтѣ неслыханномъ дѣлѣ, чтобъ отъ иностраннаго министра наставленіе принимать, какъ по его видамъ въ совѣтахъ поступать, еще примѣру нѣтъ; а чему такія персоны, которыя тайности открываютъ, достойны, и какого впредь отъ такого собраннаго совѣту ея императ. величеству и государству пользы ожидать можно, во всевысочайшее разсужденіе подвергается. Неслыханное въ сѣтѣ дѣло, чтобъ въ совѣтѣ по проекту иностраннаго министра оканчивалось и все, что въ ономъ прибавлено или происходило, ему точно извѣстно. Генералъ Кейтъ въ сумнѣніи будетъ, по какимъ указамъ ему исполнять, по отправленнымъ ли изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или какъ по Шетардіеву со-

ставленію о сентиментахъ ея импер. величества ему знать дается.» Шетарди писалъ, что Елисавета будетъ поступать вопреки собственнымъ интересамъ, если не разстанется съ своимъ вице-канцлеромъ, который признаетъ спасеніе Россіи только въ союзѣ съ морскими державами, королевою венгерскою, королемъ Августомъ и ихъ приверженцами, и безъ всякаго зазрѣнія объявилъ себя противъ Франціи, короля прусскаго и противъ всего того, что держится французскаго и берлинскаго двора. На это Бестужевъ замѣтилъ въ оправданіе своей политики: «Древняя россійская и толь паче государя Петра Великаго система.»

Но самое сильное оружіе для себя Бестужевъ нашелъ въ тѣхъ мѣстахъ депешъ, гдѣ Шетарди дѣлаетъ выходки противъ самой императрицы, будучи раздосадованъ тѣмъ, что Елисавета, обращаясь съ нимъ какъ нельзя лучше, однако не входитъ въ его планы и не жертвуетъ своимъ вице-канцлеромъ въ угоду франко-прусской партіи. Шетарди жалуется постоянно на слабость Елисаветы, на ея лѣнь, отвращеніе къ дѣламъ; она, по его словамъ, принимаетъ мнѣнія своихъ министровъ только для того, чтобъ избавиться отъ труда думать; доброта ея—доброта дурно понимаемая и основанная всегда на слѣпой довѣренности къ другимъ. Елисавета имѣетъ въ виду одни удовольствія, и желаетъ мира для того, чтобъ безпрепятственно имъ предаться и тратить на нихъ деньги, поглощаемыя войною. Любовь, чистый пустякъ какой-нибудь, наслажденіе перемѣнять четыре или пять разъ въ день туалетъ, удовольствіе видѣть себя внутри дворца, окруженною лакействомъ — есть ея главное желаніе. Всякій человѣкъ выше тѣхъ, которые ее окружаютъ ежедневно, уже ее безпокоитъ; мысль о малѣйшемъ занятіи ее пугаетъ и сердитъ. Лѣнь и страхъ найти въ новыхъ министрахъ методу, не столь благопріятную для ея распущенности, заставляютъ ее удерживать при себѣ вице-канцлера [346] и т. п. Всѣ эти мѣста изъ депешъ были представлены Елисаветѣ.

Въ маѣ императрица отправилась въ другой разъ къ Троицѣ, взявши съ собою великаго князя, обѣихъ принцессъ цербстскихъ, Лестока и Воронцова. Молодая принцесса замѣтила, что съ нѣкотораго времени императрица холодно обращается съ ея матерью. Однажды у Троицы послѣ обѣда, когда великій князь пришелъ въ комнаты принцессъ, императрица также вошла къ нимъ и вы-

звала принцессу-мать въ другую комнату, куда за ними пошелъ и Лестокъ. Великій князь и молодая принцесса усѣлись на окно дожидаться возвращенія старшихъ. Ждали очень долго; наконецъ является Лестокъ, подходитъ къ великому князю и принцессѣ, которые чему-то смѣялись, и говоритъ: «Ваше веселье сейчасъ прекратится;» потомъ, обратившись къ принцессѣ, сказалъ: «Укладывайте ваши вещи, вы немедленно отправитесь восвояси.» — «Отчего это?» спросилъ великій князь. — «Узнаете послѣ,» отвѣчалъ Лестокъ и вышелъ. Потомъ вошла императрица, съ разсерженнымъ лицемъ, вся красная; за нею шла принцесса, съ красными заплаканными глазами. Когда при ихъ входѣ великій князь и молодая принцесса спѣшили слѣзть съ высокаго окна, императрица разсмѣялась, поцѣловала ихъ обоихъ и ушла [347].

Въ связи съ этою сценою была другая. 6 іюня рано утромъ, въ половинѣ шестого часа, на квартиру маркиза Шетарди явились — генералъ Ушаковъ, князь Петръ Голицынъ, двое чиновниковъ иностранной коллегіи, Веселовскій и Неплюевъ, и секретарь коллегіи Курбатовъ. Шетарди вышелъ къ нимъ въ парикѣ и полушлафоркѣ, и Ушаковъ объявилъ ему, что присланъ по указу ея императ. величества для нѣкотораго объявленія. Это объявленіе было прочитано Курбатовымъ и заключалось въ томъ, что Шетарди предписывалось выѣхать изъ Москвы въ 24 часа. Шетарди потребовалъ доказательствъ, на которыхъ основано объявленіе, и Курбатовъ прочелъ ему всѣ экстракты изъ его писемъ, гдѣ онъ говорилъ о необходимости подкупать свѣтскія и духовныя лица и дурно отзывался объ императрицѣ. Выслушавши экстракты, Шетарди сказалъ, что ему остается только исполнить волю ея величества и *хотя онъ сожалѣетъ о принятой ея величествомъ объ немъ резолюціи; но когда оная принята, то онъ съ благодареніемъ чувствуетъ ту милость, съ каковою ея величество ему соизволеніе свое объявить повелѣть соизволила.*» «При происшествіи всего вышеписаннаго, говорится въ рапортѣ Ушакова, явно было, что онъ Шетардій сколь скоро генерала Ушакова увидѣлъ, то онъ въ лицѣ перемѣнился. При прочтеніи экстракта столь конфузенъ былъ, что ни слова во оправданіе свое сказать или что-либо прекословить могъ. На оригиналы только взглянулъ и, увидя свою руку, ниже больше смотрѣть не хо-

тѣлъ, будучи при всемъ томъ весьма смутенъ, и образъ лица его, такожъ и неокончаемыя рѣчи и дрожащій голосъ, показуя его вину и робость, чтобъ иногда больше съ нимъ учинено не было, какъ то послѣднія его Шетардія подчерченныя слова сказуютъ. Якоже и видно было, что тяжчайшего съ нимъ поступка, по винѣ своей, ожидалъ.»

Бестужевъ въ восторгѣ писалъ Воронцову къ Троицѣ, посылая ему копію съ Ушаковскаго рапорта: «Изъ приложенной при семъ копіи ваше превосходительство усмотрѣть изволите благополучное окончаніе коммисіи Андрея Ивановича Ушакова, чѣмъ имѣя честь поздравить, поистинѣ доношу, что такой въ Шетардіи конфузіи и торопости никогда не ожидали. Конфузія его была велика: не опомнился, ни сѣсть попотчивалъ, ниже что малѣйшее въ оправданіе свое принесть; стоялъ потупя носъ и во все время сопѣлъ, жалуяся немалымъ кашлемъ, которымъ и подлинно неможетъ. По всему видно, что онъ никогда не чаялъ, дабы столько противу его доказательствъ было собрано, и когда оныя услышалъ, то еще больше присмирѣлъ, а оригиналы когда показаны, то своею рукою закрылъ и отвернулся, глядѣть не хотѣлъ» [348].

Послѣ Бестужева больше всѣхъ долженъ былъ обрадоваться англійскій посланникъ, лордъ Тироули, смѣнившій Вейча; онъ писалъ лорду Картерету: «Я не имѣлъ покойной минуты, пока шло дѣло Шетарди, потому что поставленъ былъ вопросъ: кому побѣдить — Англіи или Франціи? Когда *мы* открыли императрицѣ его поступки и представили его не только опаснымъ, но и съ самой смѣшной стороны, то это очень скоро на нее подѣйствовало. Цербстская принцесса, которую я прозвалъ *королевою матерью* (это прозвище вице-канцлеру такъ понравилось, что онъ ее иначе не называлъ), кажется предвидѣла паденіе Шетарди: говорятъ, что она за нѣсколько дней передъ тѣмъ плакала. Паденіе Шетарди уже было рѣшено до поѣздки Елисаветы къ Троицѣ, а во время поѣздки поддерживалъ ее въ этомъ намѣреніи Воронцовъ. Теперь надобно смотрѣть, какъ подѣйствуетъ это происшествіе на тѣхъ, съ которыми онъ жилъ въ тѣсной дружбѣ, на Брюммера, Лестока, Трубецкого и Румянцева съ женою.» Черезъ десять дней онъ писалъ: «Главная цѣль наша теперь — продолжать подрывъ, причиненный французскимъ интересамъ вы-

сылкою Шетарди, и низложить окончательно французскую партію, особенно Лестока и Брюммера; надѣюсь, что мы въ томъ успѣемъ, но на это нужно нѣсколько времени. 16 числа (іюня) я былъ у вице-канцлера и онъ мнѣ сказалъ, что сію минуту отправилъ курьера въ Берлинъ и Стокгольмъ съ указами его брату и посланнику въ Швеціи Любрасу—не вступать болѣе въ переговоры о четверномъ союзѣ между Россіею, Пруссіею, Швеціею и Франціею, равно и о другомъ союзѣ, который предложенъ Мардефельдомъ, о тройномъ союзѣ между Россіею, Пруссіею и Швеціею, къ которому должна была приступить и Франція; что цербстская принцесса послѣ отъѣзда Шетарди убѣждала императрицу заключить этотъ послѣдній союзъ; но Елисавета заставила ее молчать, сказавъ, что ей вовсе не пристало вмѣшиваться не въ свои дѣла, что на то есть министры, которые докладываютъ ей, императрицѣ, о сношеніяхъ съ другими державами. — Я было хотѣлъ, продолжаетъ Тироули, сберечь королю пенсію, которую Лестокъ такъ мало заслуживаетъ, и говорилъ о томъ съ вице-канцлеромъ, но тотъ совѣтовалъ, для скрытія подлинныхъ моихъ о немъ мнѣній, продолжать выдавать пенсію.» Потомъ впрочемъ Бестужевъ перемѣнилъ мнѣніе, опасаясь, чтобъ Лестокъ не отказался отъ пенсіи и не сталъ этимъ хвастать, тѣмъ болѣе, что Фридрихъ II распустилъ слухъ, будто Тироули привезъ въ Москву 600.000 червонныхъ [349].

Принцессѣ цербстской сдѣлано было внушеніе не вмѣшиваться не въ свои дѣла; но Лестокъ напрасно напугалъ молодую принцессу, объявивъ ей, чтобъ она укладывала свои вещи для возвращенія на родину: императрица нисколько не измѣнила относительно ея своихъ намѣреній. Къ концу іюня архимандритъ Теодорскій долженъ былъ окончить свои наставленія въ вѣрѣ. Принцесса цербстская — мать писала своему мужу въ апрѣлѣ: «Я подлинно могу засвидѣтельствовать, что ихъ (т.-е. православное) ученіе, кромѣ нѣкоторыхъ наружныхъ церемоній, совершенно съ нашимъ сходно, поклоненіе святымъ у нихъ не пріемлется, добрыя же дѣла принимаются за знакъ вѣры» [350]. Принцесса - дочь писала отцу въ маѣ: «Такъ какъ я не нахожу почти никакого различія между религіею греческою и лютеранскою, то я рѣшилась перемѣнить исповѣданіе» [351]. 28 іюня было совершено миропомазаніе принцессы, названной Екатериною

Алексѣевною. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ помѣщено было такое извѣстіе изъ Москвы по этому случаю: «Ея высококняжеская свѣтлость принцесса ангальтцербстская, будучи по сіе время ежедневно наставляема отъ нѣкотораго архимандрита въ православномъ исповѣданіи греческія вѣры, сего дня предъ полуднемъ въ здѣшней придворной церкви, въ высочайшемъ присутствіи ея императ. величества и его императ. высочества государя великаго князя, при собраніи всего духовенства, генералитета и знатнѣйшихъ придворныхъ персонъ, приняла публично исповѣданіе православнаго греческаго закона; послѣ чего отъ преосвященнаго архіепископа новгородскаго св. мѵромъ помазана и именована Екатерина Алексѣевна. По совершеніи сей церемоніи, ея императ. величество пожаловала свѣтлѣйшей принцессѣ аграфъ и складень бриліантовый, цѣною въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Впрочемъ невозможно описать, коликое съ благочиніемъ соединенное усердіе сія достойнѣйшая принцесса при помянутомъ торжественномъ дѣйствіи оказывала, такъ что ея императ. величество сама и большая часть бывшихъ при томъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержать.»

На другой день, 29 іюня, въ день имянинъ великаго князя, послѣдовало обрученіе его съ Екатериною Алексѣевною, которая получила титулъ великой княжны. По этому случаю мать ея писала: «Ея императ. величество имѣла намѣреніе посадить меня за обѣдъ вмѣстѣ съ собою и молодою четою подъ балдахиномъ; но отъявленный врагъ, котораго мы имѣемъ въ ея совѣтѣ и для котораго весь этотъ день былъ невыносимъ (Бестужевъ), или будучи столь глупымъ и вообразивъ, что я буду сопротивляться и этимъ сопротивленіемъ навлеку негодованіе императрицы, или желая нанести ударъ моему тщеславію, привелъ въ дѣйствіе столько пружинъ, что посланники заявили претензію обѣдать вмѣстѣ съ императрицею подъ балдахиномъ въ шляпахъ, если я буду тамъ обѣдать, ибо они могутъ уступить мѣсто только великому князю и его невѣстѣ, а что касается до меня, то они должны идти впереди.» Вслѣдствіе этого принцесса обѣдала одна на хорахъ [352].

26 іюля великій князь съ невѣстою и ея матерью отправились въ Кіевъ, а на другой день отправилась туда же сама императрица, и возвратилась въ Москву 1-го октября. Въ этомъ путе-

шествіи ее сопровождалъ новопожалованный вице-канцлеръ и новопожалованный графъ священной Римской имперіи Воронцовъ, а Бестужевъ, пожалованный въ канцлеры, оставался въ Москвѣ. Доходы Бестужева были недостаточны для поддержанія съ честію его новаго достоинства, и потому онъ обратился къ императрицѣ съ просьбою пожаловать ему земли въ Лифляндіи, приносящія 3642 ефимка годового дохода. По этому случаю онъ писалъ Воронцову, что если императрица не исполнитъ его просьбы, то онъ принужденъ будетъ «въ старую деревянную кануру влѣзть, держать тамъ попрежнему съ иностранными министрами конференціи, да и при случаѣ императорскимъ столомъ ихъ трактовать» [353].

Но гораздо важнѣе для насъ переписка его съ Воронцовымъ по поводу дѣлъ иностранныхъ.

Легко понять, какое впечатлѣніе должна была произвести высылка Шетарди на французскій дворъ. Въ Парижѣ въ это время уже не было болѣе Кантемира: онъ умеръ 31 марта, оставивъ дѣла въ вѣдѣніи секретаря Гросса.

30 іюня Гроссъ объявилъ управлявшему иностранными дѣлами графу С. Флорантэну, что Шетарди покусился не только подкупать свѣтскія и духовныя лица, но осмѣлился даже безстрашнымъ и дерзостнымъ образомъ описывать ея императорское величество и поносить, что дало императрицѣ право поступить съ нимъ какъ съ простымъ провинившимся иностранцемъ. При этомъ императрица надѣется, что король не только не одобритъ поступка Шетарди, но признаетъ умѣренность и снисхожденіе ея величества въ томъ, что она не захотѣла воспользоваться положеніемъ Шетарди, какъ человѣка не имѣвшаго никакого дипломатическаго характера, и потому будетъ продолжать дружбу съ Россіею; императрица же, съ своей стороны, готова отвѣчать тѣмъ же, готова во всякомъ случаѣ оказывать его величеству вниманіе и особенное почтеніе. С. Флорантэнъ, перебивая нѣсколько разъ рѣчь Гросса, отвѣчалъ, что Шетарди до сихъ поръ считался человѣкомъ благоразумнымъ, значитъ непріятели его наконецъ успѣли одержать побѣду. Гроссъ замѣтилъ, что императрица поступила такъ съ Шетарди не по чьей-либо клеветѣ, но на основаніи оригинальныхъ его писемъ, и самъ онъ въ оправданіе свое ничего принести не могъ; когда ему сдѣлано было

объявленіе о рѣшеніи императрицы, то онъ измѣнился въ лицѣ, пришелъ въ величайшее смущеніе, считая себя счастливымъ, что съ нимъ такъ великодушно поступили. С. Флорантэнъ возразилъ, что перемѣна въ лицѣ не всегда знакъ виновности: она можетъ произойти отъ удивленія; что съ Шетарди поступили измѣнническимъ образомъ, взявши у него ключъ къ цифрамъ. Гроссъ отвѣчалъ на это, что ключей не брали, но нашелся способъ имѣть его.

Но въ Россіи перестали теперь обращать главное вниманіе на Францію. Бестужевъ объявлялъ прямо, что Пруссія опаснѣе Франціи «по близости сосѣдства и великой умножаемой силѣ» [354].

Мы знаемъ, что въ Берлинѣ въ это время находился въ качествѣ чрезвычайнаго посланника братъ канцлера, графъ Михайла Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ; онъ такъ доносилъ (отъ 28 іюня) о впечатлѣніи, какое произвела въ Берлинѣ высылка Шетарди: «Когда я графу Подевильсу о семъ дѣлѣ пристойное объявленіе учинилъ, а онъ письменную декларацію читалъ, то по лицу и разговорамъ его признать можно было, что сія вѣдомость его потревожила, и ему весьма чувствительна была, ибо онъ мнѣ притомъ такіе вопросы чинилъ, которые, какъ мнѣ кажется, тогда и гораздо неприличны были, а именно: подлинно ли маркизъ Делашетарди выѣхалъ, не оставилъ ли онъ по себѣ какого секретаря и будетъ ли путь свой продолжать черезъ Берлинъ? На это я ему отвѣтствовалъ, что оному изъ вашего императорскаго величества имперіума дѣйствительно выѣхать велѣно, а чтобъ по немъ остался какой секретарь, мнѣ о томъ неизвѣстно; неизвѣстно также и то, чрезъ какія мѣста онъ поѣдетъ, потому что въ этомъ его воля. Потомъ за обѣдомъ у саксонскаго министра Бюлау Подевильсъ никакъ не могъ себя принудить, чтобъ скрыть, какъ прискорбно ему было извѣстіе о высылкѣ Шетарди, такъ что сидѣвшіе за столомъ могли это примѣтить. Второй государственный министръ фонъ Боркъ принялъ извѣстіе спокойнѣе и сказалъ, что Французы такъ уже привыкли: кто дастъ имъ одинъ палецъ, то они непремѣнно захотятъ взять и всю руку. Впрочемъ вашего императорскаго величества великодушіе и умѣренность въ отношеніи къ Шетарди, виновному въ такихъ продерзостныхъ и важныхъ преступленіяхъ, здѣсь всѣ довольно выхвалить не могутъ и признаютъ, что ока-

занная въ семъ дѣлѣ особливая твердость и мудрый поступокъ къ безсмертной славѣ и къ наивящему прославленію вашего императорскаго величества, и особенно къ наибольшему респекту и консидераціи при всѣхъ европейскихъ дворахъ служить могутъ. Что прусскій дворъ въ интригахъ Шетарди имѣлъ немалое участіе, тому доказательствомъ быть можетъ слѣдующее: 1) я увѣдомленъ, что король былъ очень озабоченъ извѣстіемъ о Шетарди, ибо ожидалъ совершенно другихъ вѣстей; здѣсь огорчены не тѣмъ, что Шетарди высланъ изъ Россіи, но тѣмъ, что онъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, и такая сильная партія не могла низвергнуть министерства. Если баронъ Мардефельдъ далеко вмѣшался съ Шетарди въ дѣлѣ и отъ вашего величества будетъ принесена на него жалоба, то со стороны короля не будетъ никакого затрудненія относительно его отозванія изъ Петербурга. Изъ этихъ сообщеній видно, что Мардефельдъ съ Шетарди дѣйствовалъ сообща. 2) Генералъ Любрасъ, которому король оказываетъ особенную ласку, сказывалъ мнѣ, что король спрашивалъ его, нѣтъ ли въ Россіи какого новаго заговора, ибо онъ получилъ извѣстіе, что тамъ еще неспокойно, все находится въ великомъ волненіи, и по прошествіи трехъ или четырехъ дней онъ надѣется съ нарочнымъ курьеромъ получить извѣстіе о нѣкоторомъ важномъ событіи, при чемъ король внушалъ, что британскій посолъ привезъ для этого 200.000 фунтовъ стерлинговъ. Вчера нѣкоторые изъ моихъ старыхъ знакомыхъ и друзей дали мнѣ знать, что они чрезвычайно рады высылкѣ Шетарди, ибо теперь они могутъ надѣяться, что король ихъ останется въ покоѣ, чего здѣсь всѣ желаютъ. Изъ такихъ разговоровъ легко можно видѣть, какъ здѣшній дворъ боится Россіи, которая одна только можетъ удержать прусскаго короля отъ дальнѣйшихъ замысловъ.»

Отъ 14 іюля Бестужевъ прислалъ слѣдующее любопытное донесеніе: «Пріѣзжалъ ко мнѣ тайный совѣтникъ фонъ Ротъ и говорилъ мнѣ именемъ королевскимъ, какъ его величество мною доволенъ, но не доволенъ братомъ моимъ, 1) за то что всѣ русскіе министры при иностранныхъ дворахъ съ прусскими министрами обходятся неоткровенно; 2) за то, что вице-канцлеръ препятствуетъ заключенію тройного союза между Россіею, Пруссіею и Швеціею. При этомъ говорилъ, что Англія хвастаетъ, будто

ея посланникъ повезъ съ собою 600.000 червонныхъ для подкупа вице-канцлера и другихъ, и будто эти деньги отданы вице-канцлеру на раздачу. Король велѣлъ все это мнѣ объявить, чтобъ я честнымъ образомъ относился къ брату съ такимъ обнадеживаніемъ, что если онъ не будетъ противиться видамъ его величества, то король обоихъ насъ будетъ благодарить и при первомъ случаѣ самъ объ этомъ со мною будетъ говорить, что третьяго дня и дѣйствительно случилось. Позванъ я былъ на балъ и ужинъ съ прочими иностранными министрами къ королевѣ, гдѣ и король присутствовалъ. Его величество подошелъ ко мнѣ и сталъ говорить очень тихо, чтобъ никто не слыхалъ, говорилъ то же самое что и фонъ Ротъ, только съ тою разницею, что англійскій посланникъ лордъ Картеретъ хвасталъ, будто 100.000 гиней переведено въ Россію для составленія партіи и будто эти деньги даны моему брату для раздачи кому заблагоразсудитъ. Я отвѣчалъ, что быть можетъ Англія и хвастаетъ, о томъ не спорю; но трудно повѣрить, чтобъ такія деньги отданы были брату моему, и еслибы это было правда, то братъ мой заслужилъ наижесточайшее наказаніе. Я спросилъ, угодно ли его величеству, чтобъ я обо всемъ этомъ донесъ моей государынѣ. Король отвѣчалъ: я вамъ это говорю не для того, ибо я вмѣшиваться и компрометировать себя не хочу, но отпишите частнымъ образомъ къ брату своему, остерегите его, чтобъ онъ зналъ, каковъ англійскій дворъ, вразумите его, чтобъ онъ былъ ко мнѣ доброжелательнѣе.»

Фридриху II было очень нужно, чтобъ русскій канцлеръ былъ къ нему доброжелательнѣе. Успѣхи Австрійцевъ въ Альзасѣ заставили его начать войну ранѣе чѣмъ онъ хотѣлъ. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобъ вторгнуться разными путями въ Богемію; но для этого нужно было пройти чрезъ саксонскія владѣнія. Такъ какъ прусскій король объявлялъ, что онъ начинаетъ войну только для того, чтобъ подать помощь императору Карлу VII, то послѣдній прислалъ грамоту курфирсту саксонскому, требуя свободнаго пропуска союзныхъ прусскихъ войскъ; но Фридрихъ II не сталъ дожидаться разрѣшенія саксонскаго правительства и ввелъ свои войска въ его владѣніе, направляясь на Прагу; Августъ III протестовалъ противъ такого нарушенія своей территоріи, но понапрасну; легко понять, какое впеча-

тлѣніе произвелъ этотъ поступокъ прусскаго короля на союзниковъ Маріи Терезіи.

Увѣдомляя свой дворъ о новыхъ движеніяхъ прусскаго короля противъ Австріи, Бестужевъ писалъ отъ 21 іюля: «И при нынѣшнемъ своемъ состояніи Пруссія представляетъ для своихъ сосѣдей немалую опасность; а если король, по извѣстному своему старанію распространять свои границы при каждомъ удобномъ случаѣ, еще болѣе себя усилитъ, то по вліянію, какое онъ тогда получитъ въ Польшѣ и Швеціи, станетъ очень опасенъ для Россіи; такимъ образомъ не только вашего величества интересъ, но и безопасность настоящая и будущая требуетъ не допускать здѣшній дворъ до большаго усиливанія, тѣмъ болѣе, что одна Россія въ состояніи это сдѣлать, и по моему мнѣнію въ такомъ важномъ дѣлѣ надобно заблаговременно принять мѣры, ибо когда время упустится, то пособить уже будетъ некогда.» Вслѣдъ затѣмъ Бестужевъ писалъ: «Ваше величество усмотрѣть изволите, въ какихъ гордыхъ терминахъ и полагаясь только на свою силу, здѣшній дворъ нынѣшній свой «мироломный демаршъ» неосновательными резонами предъ безпристрастнымъ свѣтомъ оправдать ищетъ; все сіе осязательно покажетъ, сколь мало впредь на здѣшнія обязательства и трактаты полагаться можно.» Указывая постоянно на страшное приращеніе прусскихъ силъ, Бестужевъ писалъ: «Когда я еще въ молодыхъ моихъ лѣтахъ здѣсь въ Академіи былъ, то помню, что въ то время дѣдъ нынѣшняго короля болѣе 20.000 войска не имѣлъ; покойный король увеличилъ его до 80.000, а нынѣшній до 140.000, и если еще границы свои распространитъ, то доведетъ до 200.000. Хотя король прусскій старается всевозможными ласкательствами ваше величество усыпить и тѣмъ отвратить отъ принятія какого-нибудь участія въ нынѣшнихъ европейскихъ дѣлахъ; но какъ скоро достигнетъ своей цѣли, пріобрѣтетъ еще что-нибудь, то уже не говоря о томъ, что можетъ присоединить къ своему государству и Польскую Пруссію, получитъ въ Польшѣ и Швеціи, по свойству и сосѣдству, великое вліяніе, а потомъ по честолюбивымъ своимъ видамъ можетъ быть будетъ стараться посадить одного изъ своихъ братьевъ на польскій престолъ, и не только самъ, вмѣстѣ съ Франціею, будетъ хлопотать, чтобъ привести Россію въ прежнія границы, но не преминетъ возбудить

противъ нея Шведовъ и Поляковъ. Я слышалъ заподлинно, что когда кто-то спросилъ короля, не будетъ ли настоящему предпріятію препятствія со стороны Россіи, то король отвѣчалъ:» Я отъ Россіи такъ безопасенъ, какъ младенецъ во чревѣ матери». Въ томъ же смыслѣ Бестужевъ писалъ и брату своему канцлеру: «При нынѣшнемъ уже позднемъ времени года, думаю, что всего лучше напугать здѣшній дворъ и удержать отъ нападенія на Австрію сильными представленіями съ моей стороны и разглашеніемъ, что нашъ дворъ намѣренъ дать королевѣ венгерской должную по союзному договору помощь и велѣно войскамъ готовиться къ походу, также и козакамъ (которыхъ здѣсь сильно боятся). По обязательствамъ нашимъ къ Австріи и по собственному нашему интересу необходимо принять мѣры, соотвѣтствующія чести и достоинству императрицы, тѣмъ болѣе, что здѣшній дворъ играетъ договорами и по своему принципу ничего не считаетъ святымъ и ненарушимымъ: съ такою наглостію и пренебреженіемъ разорвалъ онъ Бреславскій договоръ, гарантированный Россіею и Англіею; здѣсь вошло въ обычай нападать на своихъ союзниковъ въ то самое время, когда ихъ обнадеживаютъ въ непремѣнной къ нимъ дружбѣ: Мнѣ, mon cher frere, кажется необходимымъ, что если у насъ еще никакой прямой системы не принято, то чтобъ вы теперь, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, принявши твердую и самую полезную для Россіи систему, составили планъ и по нему поступали. На сихъ дняхъ графъ Подевильсъ далъ мнѣ знать, что король ему сказывалъ будто я его обнадежилъ, что нашъ дворъ въ нынѣшнія европейскія дѣла мѣшаться не будетъ. Я отвѣчалъ, что я такого обнадеживанія королю никогда не дѣлалъ и не могъ дѣлать, не имѣя указа отъ своего двора. Это недоразумѣніе могло произойти отъ того, что когда король говорилъ со мною объ обманахъ англійскаго двора и какъ австрійскій дворъ обманулъ насъ бѣлградскимъ миромъ, то прибавилъ: я думаю, что вашъ дворъ въ настоящія европейскія замѣшательства впутываться не будетъ? Я отвѣчалъ, что мнѣ намѣреніе ея величества вовсе неизвѣстно, а впрочемъ мой дворъ желаетъ, чтобъ тишина на Сѣверѣ нарушена не была. Я пишу вамъ объ этомъ потому, что вамъ извѣстно, какъ здѣсь умѣютъ затѣвать и запираться» [355].

Въ Лондонѣ 9 августа лордъ Картеретъ сказалъ князю Щер-

батову: «Король прусскій снялъ маску, началъ дѣлать насилія курфирсту саксонскому и наступать на королеву венгерскую вопреки бреславскому договору. Представьте императрицѣ, чтобъ изволила обратить вниманіе на такіе поступки короля прусскаго, и, по силѣ союзовъ съ другими державами, немедленно предпринять мѣры для недопущенія его усиливаться новыми завоеваніями, ибо это усиленіе можетъ быть вредно и самой Россіи.» Въ сентябрѣ самъ король говорилъ Щербатову «съ сильнѣйшими изображеніями,» какъ много нынѣшнія европейскія дѣла зависятъ отъ рѣшенія русской императрицы, какъ легко она можетъ ихъ поправить, остановивъ движенія короля прусскаго [356]. Но еще до полученія этихъ внушеній, 11 августа Бестужевъ писалъ Воронцову въ Кіевъ «о нечаянныхъ и вредныхъ поступкахъ» короля прусскаго: «Вспамятуйте только, писалъ канцлеръ, что я толико кратно вамъ объ немъ говорилъ и изслѣдуйте оное зрѣло, то вы найдете, что я правду сказывалъ. А когда и ея императ. величество трудъ воспріять соизволитъ оное всевысочайше припамятовать, еже я почти всегда, когда счастіе имѣлъ со всенижайшими докладами быть, представлялъ, то я увѣренъ нахожусь, что ея императ. величество сама всемилостивѣйше признаетъ, что я не напрасно всегда говаривалъ, что королю прусскому много вѣрить не надобно и что его поведеніе и поступки натуральнѣйшимъ предметомъ и наидостойнѣйшею аттенціею нашему отечеству быть имѣютъ. Сей король, будучи наиближайшимъ и наисильнѣйшимъ сосѣдомъ сей имперіи, потому натурально и напопаснѣйшимъ, хотя бы онъ такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера и нрава не былъ, каковъ у него суще есть, и хотя бы мнѣнія и дѣйствія его такъ извѣстны не были, какъ объ оныхъ нынѣ весь свѣтъ знаетъ по всему тому, еже оный въ краткое время его правительства видѣлъ. Онъ первымъ начинателемъ злоключительной войны въ Германіи былъ. Сія война худою вѣрою съ наиласкательнѣйшими дружбы и вспоможенія обнадеживаніями начата, и съ такою же худою вѣрою окончена: сей принцъ прекращеніемъ оной Францію, императора и короля польскаго, курфирста саксонскаго, учиня партикулярный миръ, въ жертву предалъ, и тѣмъ себѣ Шлезію пріобрѣлъ. По заключеніи и возстановленіи бреславльскимъ трактатомъ мира, ваше сіятельство сами

знаете, съ какимъ чрезвычайнымъ раченіемъ и съ коликимъ притворствомъ онъ здѣсь о приступленіи ея императ. величества къ сему трактату домогался. Едва оное съ здѣшней стороны воспослѣдовало, то онъ сей трактатъ паки добровольно безъ всякой причины (преступя данное свое слово ни прямымъ, ни посторонинмъ образомъ въ войну не вмѣшиваться) нарушилъ. Можно ли послѣ сего такому принцу вѣру отдавать, который свои обѣщанія наиторжественнѣйшія, трактаты и обязательства столь мало держитъ? Чего другія державы отъ того себѣ обѣщать могутъ? И чего мы ожидать имѣемъ, когда сему всегда новыми проектами наполненному, принцу понравится съ нами такимъ же образомъ поступать? Ея императ. величества честь и слава требуютъ принятыя съ союзниками своими обязательства нынѣ исполнить. А хотя бы ея императ. величество такихъ обязательствъ и не имѣла, то однакожъ интересъ и безопасность ея имперіи всемѣрно требуютъ такіе поступки, которые изо дня въ день опаснѣе для насъ становятся, индиферентными не поставлять, и ежели сосѣда моего домъ горитъ, то я натурально принужденъ ему помогать тотъ огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы онъ наизлѣйшій мой непріятель былъ, къ чему я еще вдвое обязанъ, ежели то мой пріятель есть. Ея величество тѣмъ соблюдетъ славную систему государя Петра Перваго, которая нашему отечеству толико блага принесла. Сіе ея имперію въ такой кредитъ приведетъ, что никто впредь не осмѣлится оную задрать; сверхъ же того мы симъ другихъ державъ дружбу себѣ пріобрѣтемъ, еже для предку всегда весьма нужно есть. Коль болѣе сила короля прусскаго умножается, толь болѣе для насъ опасности будетъ, и мы предвидѣть не можемъ, что отъ такого сильнаго, легкомысленнаго и непостояннаго сосѣда толь обширной имперіи приключиться можетъ. Тѣ новые союзы, которые помянутый король супружествомъ принца-наслѣдника съ его сестрою въ Швеціи учинилъ, достойны всякаго примѣчанія, и ваше сіятельство изъ взятыхъ съ собою протоколовъ объ учиненныхъ мною всенижайшихъ докладахъ довольно усмотрите, колико я ея императ. величеству представленіи чинилъ, что такое супружество всероссійской имперіи чрезъ долго или коротко предосудительно быть можетъ.... Польза и безопасность имперіи въ томъ состоитъ, чтобъ сво-

ихъ союзниковъ не покидать, а оныя суть морскія державы, которыхъ Петръ Первый всегда соблюдать старался, король польскій, яко курфирстъ саксонскій, и королева венгерская, по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ сею имперіею интересъ имѣютъ.»

Воронцовъ отвѣчалъ пріятными извѣстіями, что присланный въ Кіевъ къ императрицѣ отъ Августа III графъ Флемингъ былъ принятъ очень благосклонно, и сама Елисавета сказала ему на прощаніи: «Обнадежьте его величество, что я всегда вѣрною и истинною его союзницею пребывать и въ случаѣ какого нападенія на его земли скорою помощію поспѣшить не оставлю.» Воронцовъ прислалъ также копію съ своего мнѣнія объ иностранныхъ дѣлахъ, которое онъ подалъ императрицѣ, и это мнѣніе оказалось совершенно согласнымъ со взглядами Бестужева. Въ своемъ мнѣніи Воронцовъ предполагаетъ, что Фридрихъ II имѣетъ тайные виды—завоевать Богемію и подѣлить ее съ императоромъ: «Въ такомъ усиленіи короля прусскаго, и что онъ хитрый, скрытный и конкерантный нравъ имѣетъ, кто порукою по немъ есть, что онъ противъ Россіи ничего не предпріиметъ? Буде станетъ противъ Польши дѣйствовать и не токмо отбирать пристойные къ себѣ города и земли, но и конфедераціи заведя, короля польскаго съ престола свергнетъ, и такого властію и силою своею посадитъ, отъ котораго самъ въ покоѣ останется, а противъ Россіи всякіе неоконченные еще споры и претензіи на Украйну, Смоленскъ и Лифляндію производить и тѣмъ обезпокоивать: тогда что будемъ дѣлать? Ежели сему препятствовать, то безъ помощи другихъ державъ однимъ не управиться, да и не поздно ли уже будетъ начинать препятствовать, когда никто изъ посторонних державъ въ состояніи не будетъ сопротивленіе сдѣлать? Къ сему жъ прибавить можно, что Шведы и Датчане противъ насъ спокойны останутся ли? И тако ежели во всѣхъ сихъ предпріятіяхъ королю прусскому помѣшательства не дѣлать, то какія отъ того произойти могутъ несчастія и конечное потеряніе Лифляндіи и прочія опасности, о томъ и вздумать страшусь. Теперь подумать надобно, что не токмо по наущеніямъ французскимъ и прусскимъ для облегченія своимъ войскамъ (и ежели подлинно освѣдомимся, какъ объявляютъ, что король прусскій посылалъ нарочнаго емиссара въ Турки для за-

ключенія аліанціи и возбужденія противъ королевства венгерскаго и Россіи войны) и самъ салтанъ турецкій и Персіяне не упустятъ полезной для себя конъюнктуры, чтобъ въ войну не вмѣшаться и противъ Россіи не начать, дабы оную со всѣхъ сторонъ поубавить, тогда какимъ образомъ себя оборонять можемъ? Когда всѣ дружескія державы, какъ выше упомянуто, въ несостояніе приведены будутъ и помощи дать не возмогутъ, тогда по человѣческому разуму никакого спасенія уже имѣть не видится. И хотя ваше императ. величество персонально отъ злаго намѣренія и поступковъ мерзкаго Ботты немало огорчены находитесь: токмо для общаго интереса государства вашего сіе паденіе дома королевы венгерской допустить весьма опасно въ разсужденіи томъ, что въ случающихся весьма часто непостоянныхъ перемѣнахъ европейскихъ, къ тому жъ и для чинимой диверзіи войсками своими какой-либо войны съ турецкой стороны, она нужна для Россіи быть можетъ, тѣмъ наипаче, что всѣ сіи усиливанія и авантажи, которые короли прусской, испанской, французской и цесарь и еще нѣкоторые другіе нѣмецкіе малые князья въ нынѣшней войнѣ получатъ, оные всѣ вашему императ. величеству спасибо никто не скажутъ, только явную оплошность всѣ признаютъ и наконецъ всѣ вышеписанныя несчастія конечно наводить не оставятъ, для того, что они на великую силу Россіи съ немалою завидливостію смотрятъ и всѣ всячески того ищутъ, чтобъ въ прежнія границы оную привести и чтобъ такой силы и помѣшательства впредь дѣлать отнюдь въ Европѣ и нигдѣ имѣть не могла.» Воронцовъ предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) поставить себя въ неоплошную позитуру, расположить на границахъ Лифляндіи и Польши значительное войско, послѣ чего императрица объявитъ себя посредницею между воюющими сторонами. 2) Войти въ соглашенія съ русскими союзниками, пригласивъ и Голландію; чтобъ союзники «не увалили всю тягость на Россію, надобно установить планъ дѣйствія;» 3) русскій посланникъ въ Польшѣ долженъ внушить королю и магнатамъ, что императрица готова помочь имъ въ случаѣ нападенія на ихъ области или въ случаѣ составленія конфедераціи.

Бестужевъ былъ въ восторгѣ отъ этого мнѣнія: «Я въ пріятное удивленіе приведенъ, писалъ онъ Воронцову, что ваше всеусердно-рабское разсужденіе, по причинѣ нынѣшнихъ европей-

скихъ замѣшательствъ, не токмо съ моимъ, но и со мнѣніемъ прочихъ нашей коллегіи членовъ толь точно сходствуетъ, что мы всѣ вмѣстѣ ничего лучше и съ интересами, славою и честію ея имперaт. величества сходственнѣе сочинить не могли бъ.... И ежели сей заносчивый сосѣдъ (я думаю король прусской) не много усмиренъ не будетъ, то мы его, какъ ваше сіятельство зрѣло разсуждаете, чрезъ долго или коротко, въ нашей Лифляндіи съ вящею силою, нежели у него теперь есть (хотя онъ уже и такъ весьма опасенъ) увидѣли бъ»[357]. Бестужевъ указывалъ на Швецію, Воронцовъ на Польшу: и здѣсь, и тамъ нужно было, по ихъ мнѣнію, бороться съ интригами прусскаго короля.

Еще въ концѣ 1743 года отправлены были въ Стокгольмъ деньги на содержаніе русскаго войска, чтобъ отнять у недовольныхъ причину жаловаться на лишнія тягости. Генералъ Кейтъ, имѣвшій по отъѣздѣ Корфа назадъ въ Копенгагенъ и дипломатическое порученіе, передалъ своему двору извѣстіе о впечатлѣніи, произведенномъ въ Стокгольмѣ щедростію императрицы: наслѣдникъ сказалъ ему, что онъ считаетъ русскую государыню единственною виновницею своего благополучія, и послѣдняя щедрота утверждаетъ его на томъ мѣстѣ, на которое возведенъ ея величествомъ. Самъ король съ радостнымъ видомъ сказалъ Кейту, что императрица изволитъ жаловать къ новому году богатые подарки, и что трудно найти благодарныя слова, соотвѣтствующія ея милости, но что онъ, находясь съ младенчества въ военной службѣ, теперь, несмотря на старость, чувствуетъ въ себѣ довольно силы отслужить шпагою за милость императрицы, лишь бы только представился для того благопріятный случай, что вмѣстѣ съ нимъ вся Швеція вѣчно будетъ обязана императрицѣ и никогда не забудетъ оказанной себѣ милости. Сенаторы говорили, что теперь зажмется ротъ зломыслящимъ, которые перетолковывали въ дурную сторону присылку русскаго вспомогательнаго корпуса. Кейтъ писалъ, что присылка денегъ такъ же важна, какъ и присылка войска, ибо чрезъ присылку денегъ отъ Даніи отпадетъ большая часть ея приверженцевъ, а только на нихъ-то она и могла надѣяться, еслибы вздумала напасть на Швецію.

Но въ то же время въ Петербургъ пришла не очень пріятная вѣсть изъ Стокгольма: король объявилъ Кейту о намѣреніи наслѣднаго принца вступить въ бракъ съ сестрою прусскаго ко-

роля, требуя согласія на то императрицы. Самъ наслѣдный принцъ обратился письменно къ императрицѣ, «какъ сынъ къ матери,» съ просьбою о согласіи на этотъ бракъ, который «совпадаетъ съ его расположеніемъ къ берлинскому двору.» Елисавета въ январѣ 1744 года отвѣчала: «Сіе дѣло такой натуры есть, что оное главнѣйше зависитъ отъ собственнаго вашего королевскаго высочества благоизобрѣтенія и согласія его королевскаго величества и шведскихъ государственныхъ чиновъ: тако намъ все то, еже къ наивящему вашему благосостоянію и укрѣпленію между его величествомъ и вашимъ высочествомъ отеческихъ и сыновнихъ сентиментовъ служить можетъ, пріятно и угодно будетъ.» Родственный союзъ наслѣднаго принца съ берлинскимъ дворомъ могъ казаться тѣмъ опаснѣе, что со стороны шведскаго народа нельзя было ожидать добраго расположенія къ Россіи, почему и наслѣдный принцъ для пріобрѣтенія народной любви могъ подвергаться сильному искушенію стать неблагодарнымъ къ своей благодѣтельницѣ, тѣмъ болѣе, что дѣла съ Даніею улаживались. 1 апрѣля Кейтъ писалъ, что Гилленборгъ и Нолькенъ уже спрашиваютъ, когда русскій вспомогательный корпусъ намѣренъ возвратиться въ отечество; въ народѣ стали поговаривать, будто императрица хочетъ оставить два или три полка наслѣднику вмѣсто гвардіи. Эти толки, по мнѣнію Кейта, пошли отъ недоброжелателей, которымъ хочется внушить народу, что наслѣдный принцъ, не довѣряя Шведамъ, намѣренъ для своей безопасности держать чужое войско. Кейтъ доносилъ, что въ Швеціи двѣ господствующія партіи, французская и англійская, изъ которыхъ первая сильнѣе второй, заключая въ себѣ большую часть дворянства и почти всѣхъ горожанъ; духовенство раздѣлено между ними почти поровну, а крестьяне еще не совсѣмъ отстали отъ мысли соединенія съ Даніею. «Изъ всѣхъ сихъ фикцій, писалъ Кейтъ, я не могу сказать, чтобъ которая совершенно интересы вашего и. величества наблюдала; король не великую партію имѣетъ, которая ничего важнаго учинить не въ состояніи. Что жъ ваше и. величество повелѣвать мнѣ изволите искуснымъ образомъ внушить о дальнѣйшемъ пребываніи здѣсь корпуса войскъ императорскихъ, то по истинѣ сія есть струна наивысочайшей осторожности подлежащая; всенижайше дозволенія прошу оное внушеніе на нѣсколько време-

ни поудержать, кое время свободно проволочь можно будетъ чрезъ распорядки съ ними по ихъ же воли учиняемые. Я въ состоянiи буду до конца мая мѣсяца, не подавая ни малаго Шведамъ сумнѣнiя, посаженiе войскъ на галеры проволочь, и въ случаѣ вашего и. величества соизволенiя, чтобъ здѣсь оному корпусу далѣ пробавиться, тогда претекстъ недостатка провiанту можетъ мнѣ служить причиною ожидать здѣсь онаго изъ Россiи присылки.»

Миръ между Швецiею и Данiею былъ заключенъ окончательно, и шведское министерство обратилось къ Кейту съ внушенiемъ, что русскiя войска, теперь болѣе не нужныя, могутъ отправиться изъ Швецiи — хорошо если уйдутъ до жатвы, а еще лучше до сѣнокоса, и когда Кейтъ объявилъ, что ежечасно ожидаетъ присылки провiанта, то министерство обязалось немедленно выдать провiантъ изъ своихъ магазиновъ; когда же Кейтъ объявилъ наслѣдному принцу, что полученъ указъ императрицы о выходѣ русскаго войска изъ Швецiи, то принцъ отвѣчалъ: «Очень радъ, потому что долгое ваше здѣсь пребыванiе народъ приписываетъ мнѣ и началъ уже на меня роптать.»

Кейтъ долженъ былъ оставить Швецiю вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ, и чрезвычайнымъ министромъ въ Стокгольмъ былъ назначенъ генералъ Любрасъ, участвовавшiй въ абовскомъ конгрессѣ и, какъ видно, непрiятный и подозрительный Бестужеву, слѣдовательно надобно заключить, что его назначенiе было дѣломъ противной канцлеру партiи. Любрасъ поѣхалъ черезъ Берлинъ, откуда отъ 25 iюня писалъ императрицѣ о разговорѣ своемъ съ королемъ. Фридрихъ II объявилъ ему, что онъ очень безпокоится насчетъ русскаго двора, ибо императрица подвергается многимъ противностямъ и опасностямъ отъ замысловъ злостныхъ и невѣрныхъ людей. Въ томъ же донесенiи Любрасъ писалъ, что онъ былъ у короля въ Потсдамѣ двое сутокъ и имѣлъ съ нимъ долгiе разговоры, о содержанiи которыхъ донесетъ въ послѣдствiи. На это Бестужевъ замѣтилъ: «Въ двои сутки не одумался писать, что съ нимъ король разговаривалъ, а можетъ быть, что вѣдомость о Шетарди и всю реляцiю Любраса отмѣнитъ.»

Наконецъ реляцiя Любраса пришла отъ 28 iюня: король повторялъ, что онъ сильно безпокоится о дѣлахъ при русскомъ

дворѣ; но какія бы интриги ни производились, лишь бы только императрица могла удержаться на престолѣ. «Я навѣрное знаю, говорилъ Фридрихъ II, что теперь при дворѣ и въ народѣ такое сильное волненіе, что скоро что-нибудь нечаянно должно выйти наружу. У меня въ рукахъ доказательство, что лордъ Тиравлей имѣетъ у себя больше 600.000 червонныхъ для подкупа. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю своего курьера. Что у васъ въ министерствѣ? кто будетъ великимъ канцлеромъ?» Фридрихъ нарочно напугивалъ русскій дворъ, чтобъ онъ не мѣшался въ европейскія дѣла, ибо всего болѣе боялся этого вмѣшательства, всего больше продолжалъ бояться нерегулярныхъ русскихъ войскъ и потому разспрашивалъ Любраса о козакахъ и Калмыкахъ.

Изъ Берлина Любрасъ отправился въ Копенгагенъ, гдѣ датскій король говорилъ ему: «Римская имперія находится въ плохомъ состояніи, и если король прусскій будетъ продолжать прежнее поведеніе, то не только многимъ имперскимъ князьямъ предстоитъ близкая погибель, но и всѣ сосѣди подвергаются опасности нападенія, если заблаговременно не приведутъ себя въ оборонительное состояніе. Прусскій король одного за другимъ поглотаетъ, а тогда черёдъ дойдетъ и до сильнѣйшихъ, чего и Россія имѣетъ основательную причину ожидать.» Любрасъ сказалъ на это, что если его величество самъ сознаетъ необходимость возстановленія спокойствія общаго и особенно на Сѣверѣ, то, разумѣется, и будетъ содѣйствовать этому сильнѣйшимъ образомъ. Король отвѣчалъ: «Буду содѣйствовать этому всѣми силами, и главное средство здѣсь — постоянное доброе согласіе между Россіею и Даніею, отъ чего зависитъ и истинный интересъ обоихъ государствъ; все зависитъ отъ императрицы.» На прощаніи король повторилъ, что его искреннѣйшее желаніе быть съ императрицею въ добромъ согласіи, и, со слезами на глазахъ, смотря на небо, прибавилъ: «Кто внушаетъ императрицѣ иное, тотъ ей недоброхотъ.»

Въ Стокгольмъ пріѣхалъ Любрасъ только 25 октября, и въ ноябрѣ уже доносилъ, что французская партія сильно увеличилась и ежедневно умножается по прибытіи изъ Пруссіи кронъпринцессы; французскій посланникъ Лапмари дѣйствуетъ въ Стокгольмѣ и провинціяхъ свѣжими, недавно полученными деньгами, чтобъ къ сейму своихъ креатуръ заготовить. Скоро Люб-

расъ донесъ также, что отъ прусскаго посла сдѣлано предложеніе оборонительнаго союза между Пруссіею и Швеціею, но что король велѣлъ напередъ дать знать объ этомъ русскому двору. Наслѣдный принцъ обнадеживалъ Любраса, что будетъ изо всѣхъ силъ стараться не допускать ничего, что могло бы быть противно волѣ императрицы: это будетъ его постояннымъ правиломъ. Любрасъ началъ толковать съ сенаторами патріотической (т.-е. русской) партіи, что если Швеція будетъ въ постоянной дружбѣ съ Россіею, то ни отъ кого никогда непріятельскаго нападенія ожидать причины не имѣетъ, а слѣдовательно и нѣтъ ей нужды въ постороннемъ оборонительномъ союзѣ; а если прусскій король, вслѣдствіе продолжающихся германскихъ смутъ, подвергнется отъ кого-нибудь нападенію, то Швеція принуждена будетъ въ этой войнѣ принять союзническое участіе. Патріотическіе сенаторы, разумѣется, были одного мнѣнія съ Любрасомъ; но когда онъ сталъ дѣлать свои представленія наслѣдному принцу, тотъ отвѣчалъ, что, по обнадеживанію отъ прусскаго двора, союзъ этотъ имѣетъ главною цѣлію поддержать его, принца, на шведскомъ престолѣ и будетъ обязателенъ только по окончаніи настоящей войны въ Германіи. По мнѣнію Любраса «оное токмо для одного амюзированія инсинуировано.»

Въ такихъ обстоятельствахъ члены русской партіи требовали, чтобъ Россія какъ можно скорѣе заключила союзный договоръ съ Швеціею, чтобъ предупредить Францію и Пруссію; и здѣсь главное затрудненіе состояло въ томъ, что Швеція не могла безъ субсидій заключить ни съ кѣмъ союзнаго договора, а для Россіи было тяжело платить субсидіи. Въ половинѣ декабря Любрасъ извѣщалъ, что съ помощію французской и прусской партіи въ провинціяхъ являются емиссары, которые назначаемыхъ на будущій сеймъ депутатовъ уговариваютъ ввести самодержавіе, внушая, что бѣдственное состояніе Швеціи происходитъ главнымъ образомъ отъ республиканскихъ учрежденій и необходимаго ихъ слѣдствія—несогласія. Войско и крестьяне особенно къ этому склонны, между мѣщанами многіе того же мнѣнія, а къ этимъ чинамъ обыкновенно пристаетъ и духовенство; кронъ-принцъ, осаждаемый женою и приверженцами самодержавія, будетъ благопріятствовать этому дѣлу, а не препятствовать ему, онъ уже добылъ себѣ полковничій чинъ въ

гвардіи. Мелкое дворянство желаетъ самодержавія, богатое одно не желаетъ; но, вопервыхъ, его немного, а потомъ и оно желаетъ усиленія королевской власти, именно какъ было при Густавѣ Адольфѣ, только чтобъ король не могъ объявлять войны, заключать мира, налагать податей, что должно остаться во власти чиновъ. Любрасъ, признавая эту перемѣну весьма предосудительною интересамъ Россіи, предлагалъ внести въ союзный договоръ условіе, чтобъ настоящая форма шведскаго правительства оставалась нетронутою, а чтобы Шведамъ было необидно, требовать и съ ихъ стороны гарантіи настоящаго образа правленія въ Россіи [358].

Что касалось польскихъ дѣлъ, то въ продолженіи 1742 и 1743 годовъ ко двору Елисаветы приходили постоянныя жалобы русскихъ людей въ польскихъ владѣніяхъ на гоненія отъ католиковъ. Нѣсколько разъ Кейзерлингъ жаловался министрамъ и самому королю, и все понапрасну. Въ концѣ 1743 года онъ старался «живо представить» королю, что совѣсть русскихъ людей, находящихся въ его подданствѣ, жестоко оскорбляется хулами на ихъ вѣру, что происходитъ неслыханнымъ въ христіанствѣ образомъ, такіе нехристіанскіе поступки чувствительно оскорбляютъ императрицу, которая считаетъ своею обязанностію вступаться за единовѣрцевъ, тѣмъ болѣе, что она имѣетъ на это и право по мирному договору; что русскіе люди при соединеніи Литвы съ Польшею пришли съ своею вѣрою, свободное отправленіе которой подкрѣплено потомъ королемъ и сеймами. Король отвѣчалъ, что ему очень прискорбно слышать о продолженіи такихъ безпорядковъ и наглостей относительно жителей греческой вѣры. «И по прежнимъ вашимъ жалобамъ, говорилъ король, я писалъ къ обоимъ канцлерамъ, польскому и литовскому, чтобъ они постарались о прекращеніи этихъ притѣсненій. Злоба къ людямъ чуждыхъ вѣръ заставляетъ притѣснять невинныхъ, не обращая никакого вниманія на общее благополучіе, на законы и договоры. Такихъ ревнителей въ Польшѣ не мало, которые поступаютъ тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ болѣе тамошніе законы благопріятствуютъ злоупотребленію свободой. Напишу еще къ коронному канцлеру, чтобъ вступился за жителей греческой вѣры.» Грамота къ канцлеру была дѣйствительно написана, но этотъ канцлеръ былъ католическій епископъ. Къ

вельможамъ польскимъ Кейзерлингъ писалъ съ угрозою, что императрица не оставитъ своихъ единовѣрцевъ безъ защиты и употребитъ средства равносильныя злу; министрамъ напомнилъ, что въ 1599 году уже было соглашеніе между Русскими и протестантами, чтобъ стоять сообща за свободу вѣры. Коронный канцлеръ отвѣчалъ, что жители греческой вѣры сами неправы, обращаясь съ своими жалобами къ русскому двору, а не къ польскому министерству. Кейзерлингъ возражалъ, что жалобы людей греческой вѣры на всѣхъ сеймахъ слушаны, но ни на одномъ не выслушаны такъ, чтобъ жалобщики были успокоены.

Приближалось время сейма, и въ мартѣ 1744 года коронный канцлеръ Залускій написалъ Кейзерлингу, что король больше всего желаетъ тѣснѣйшаго союза между Россіею и Польшею, что онъ будетъ склонять къ этому союзу чиновъ республики, причемъ король обнадеженъ, что представленное на сеймѣ умноженіе войска не только не будетъ противно императрицѣ, но она будетъ содѣйствовать проведенію этого предложенія, ибо чрезъ это республика придетъ въ состояніе содѣйствовать Россіи въ общихъ видахъ. Кейзерлингъ писалъ къ своему двору, что увеличеніе войска составляетъ предметъ желанія и требованія всей націи, и противиться этому дѣлу публично нельзя. Но другой вопросъ: откуда взять для этого средствъ? По этому предмету на предыдущемъ сеймѣ происходили безконечные споры; почти каждый день подавались новыя предложенія и отвергались; время прошло и сеймъ разошелся, не постановивъ ничего. Человѣкъ, который бы захотѣлъ прямо противодѣйствовать общему желанію умноженія войска, навлекъ бы на себя всеобщую ненависть: и такъ если Пруссія захочетъ воспрепятствовать этому умноженію, то она можетъ только подкупать сеймовыхъ депутатовъ, чтобъ чрезъ нихъ мѣшать соглашенію о средствахъ, или, если это будетъ невозможно, сеймъ разорвать подъ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ. О воеводѣ бельзскомъ Потоцкомъ давно уже извѣстно, что онъ совершенно предался прусскому двору, и надобно ожидать, что на будущемъ сеймѣ онъ будетъ дѣйствовать въ видахъ этого двора; то же утверждаютъ о старомъ Тарло, воеводѣ сендомирскомъ; но это еще требуетъ подтвержденія. Можетъ быть у Пруссіи въ Польшѣ и больше приверженцевъ, но не между сенаторами и знатью, а въ мелкой шляхтѣ или при

армiи; слѣдовательно важнаго влiянiя на дѣла имѣть не могутъ. Кейзерлингъ далъ знать королевскому министерству, что императрица вовсе не намѣрена препятствовать умноженiю войска, предоставляя это дѣло благоусмотрѣнiю короля и республики. Это объявленiе было принято съ большимъ удовольствiемъ.

Въ маѣ Кейзерлингъ переѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву, потому что дворъ переѣхалъ туда же. Здѣсь посланникъ былъ встрѣченъ жалобами православныхъ: въ Дрогичинѣ въ Троицынъ день студенты по приказу префекта Ушинскаго напали на православный крестный ходъ, бросали грязью въ духовенство, мiрянъ били дубинами, разодрали хоругви, разбили иконы; въ воеводствѣ новоградскомъ отняты были у православныхъ двѣ церкви и отданы унiатамъ. Кейзерлингъ подалъ опять королю промеморiю, настаивая на принятiе сильнѣйшихъ средствъ къ прекращенiю зла; король поручилъ дѣло коронному канцлеру, а тотъ передалъ Кейзерлингу рескриптъ къ ректору дрогичинскаго iезуитскаго коллегiума съ предписанiемъ не трогать православныхъ. Король заявлялъ, что еслибы прекращенiе этихъ религiозныхъ преслѣдованiй находилось въ его силѣ и власти, то оно давно бы уже послѣдовало. Кейзерлингъ не могъ нахвалиться дружескимъ расположенiемъ къ Россiи короля, министерства и польскихъ вельможъ.

Но въ концѣ iюля вниманiе было отвлечено отъ этихъ польско-русскихъ дѣлъ движенiями прусскаго короля. Кейзерлингъ далъ знать, что прiѣхалъ въ Варшаву прусскiй министръ Валленродъ съ требованiемъ пропуска прусскихъ войскъ чрезъ Саксонiю въ Богемiю; но этимъ дѣло не ограничивалось: Кейзерлингъ извѣщалъ о французско-прусскихъ намѣренiяхъ завести смуту въ Польшѣ. Литовскiй стольникъ Сапѣга, который прежде бывалъ подкупаемъ Швецiею и Пруссiею, получилъ письмо отъ чигиринскаго старосты Яблоновскаго: Яблоновскiй уговаривалъ его составить конфедерацiю, при чемъ обнадеживалъ, что прусскiй король будетъ сильно ее поддерживать; имѣнiя Сапѣги будутъ охранены, а если онъ потерпитъ какiе убытки, то получитъ за нихъ вознагражденiе. Сапѣга показалъ это письмо королю, который далъ ему за такую благонамѣренность орденъ. Французскiй министръ Шавиньи писалъ воеводѣ мазовецкому, графу Понятовскому, что теперь наступило самое благопрiятное

время исполнить то, чего прежде нельзя было сдѣлать для ихъ вольности. Эти внушенія происходили отъ того, что французскій дворъ, въ случаѣ нападенія Австрійцевъ на Лотарингію, намѣренъ былъ отказаться отъ обязательствъ 1738 года относительно Станислава Лещинскаго. Кейзерлингъ писалъ, что вниманіе Поляковъ поглощено движеніями прусскихъ войскъ, объ этомъ только и говорятъ; но какъ ни старается графъ Валленродъ обнадеживать Поляковъ насчетъ дружескихъ намѣреній своего двора, внушенія его принимаются съ недовѣріемъ, которое возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Валленродъ былъ съ визитомъ у великаго гетмана, при чемъ объявилъ, что король его питаетъ такую преданность къ польской націи и такое уваженіе къ республикѣ, что еслибы ея вольность, ея благо, ея интересъ были нарушены или грозила бы имъ какая опасность, то онъ явился бы къ ней на помощь и защищалъ бы ее всѣми своими силами. Гетманъ отвѣчалъ: «Мирныя и дружескія обнадеживанія со стороны сосѣдей могутъ быть только пріятны республикѣ, которая сама любитъ миръ и тишину; но нельзя полагаться на дружескія обнадеживанія прусскаго короля: три прусскихъ посольства увѣряли въ дружескихъ намѣреніяхъ королеву венгерскую, а съ четвертымъ посольствомъ, состоявшимъ изъ многочисленной арміи, прусскій король самъ пришелъ и Силезію отнялъ.» Скоро и самъ Кейзерлингъ услыхалъ отъ Валленрода любопытныя для себя новости: 24 августа прусскій посланникъ подошелъ къ нему при дворѣ и объявилъ, что получилъ рескриптъ отъ своего государя: король пишетъ, что такъ какъ онъ Кейзерлингъ сильно отдаляется отъ прусскихъ интересовъ, то онъ, король, велѣлъ своему министру при петербургскомъ дворѣ просить императрицу сдѣлать такое перемѣщеніе: къ польско-саксонскому двору назначить брата канцлерова Мих. Петр. Бестужева-Рюмина, а его Кейзерлинга перевести къ римско-императорскому двору, что уже и рѣшено въ Петербургѣ. Кейзерлингъ написалъ канцлеру: «Ваше сіятельство мнѣ особенную милость покажете, если объявите, насколько я долженъ вѣрить этимъ словамъ?»

Извѣстіе оказалось справедливо: Михаилъ Петровичъ Бестужевъ былъ назначенъ къ польско-саксонскому двору; но Кейзерлингъ долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ присутствовать на сеймѣ

въ Гроднѣ, и уже по окончаніи сейма долженъ былъ отправиться во Франкфуртъ къ римско-императорскому двору.

Бестужевъ пріѣхалъ въ Гродно 23 сентября, накануне открытія сейма. Въ первомъ разговорѣ съ нимъ графъ Брюль, приглашая Россію къ союзу съ Саксоніею, Англіею, Голландіею и королевою венгерскою, высказалъ увѣренность, что императрица, какъ одна изъ первыхъ коронованныхъ главъ въ Европѣ, по извѣстному своему великодушію и справедливости, не будетъ равнодушна къ той опасности, которая угрожаетъ всѣмъ частямъ Европы, ибо французскіе и прусскіе виды велики и ихъ слѣдствіе могло бы распространиться гораздо далѣе, чѣмъ теперь человѣческій разумъ предусмотрѣть или потомъ отмѣнить могъ. Побѣдоносное оружіе Петра Великаго нѣкогда избавило сѣверную часть Европы отъ завоеванія и даровало ей миръ и тишину; онъ Брюль надѣется, что благословенное оружіе императрицы положитъ надлежащіе предѣлы дальновиднымъ замысламъ тѣхъ, которые стремятся ко владычеству въ Европѣ и хотятъ по своей волѣ располагать благополучіемъ или злополучіемъ народовъ и государствъ. Брюль окончилъ разговоръ словами кардинала Ришелье: «Нѣтъ ничего вреднѣе для государства, какъ снести хладнокровно, когда какой-нибудь государь завоюетъ самовольнымъ насильствомъ земли сосѣдняго государства, ибо это завоеваніе можетъ служить ему мостомъ къ дальнѣйшему движенію; поэтому союзники обиженнаго государя должны употребить всѣ свои силы для его поддержанія, ибо, воюя за него, стоятъ сами за себя, а когда непріятель уже у воротъ—несвоевременно требовать защиты.» Относительно сейма Бестужевъ доносилъ, что прусскій министръ Валленродъ и резидентъ Гоерманъ, получа изъ Берлина 20.000 червонныхъ, стараются этими доказательствами, даваемыми изъ рукъ, удостовѣрить Поляковъ въ добромъ расположеніи къ нимъ своего двора. Прусскія деньги раздаются земскимъ посламъ, чтобъ сдѣлать сеймъ безплоднымъ.

Бестужевъ долженъ былъ хлопотать, чтобъ на сеймѣ не было рѣчи о Курляндіи. Это дѣло было трудное; всего легче было бы освободить Бирона и отпустить его въ Курляндію; объ этомъ просилъ императрицу король Августъ; но Бестужевъ долженъ былъ отвѣчать, что по государственнымъ причинамъ Биронъ и

потомство его не могутъ быть освобождены и выпущны изъ предѣловъ Россіи. Императрица предлагала въ герцоги принца гессенъ-гомбургскаго: на этотъ счетъ король велѣлъ сказать Бестужеву, что лучше бы императрица соизволила ходатайствовать за кого-нибудь другого; по мнѣнію почти всѣхъ польскихъ вельможъ этотъ кандидатъ невозможенъ; принцъ гессенъ-гомбургскій во время послѣдней революціи въ Польшѣ пріобрѣлъ здѣсь болѣе непріятелей, чѣмъ друзей. Тогда Бестужевъ и Кейзерлингъ предложили другого кандидата—принца Августа Голштинскаго, и это предложеніе было принято съ удовольствіемъ.

Но отъ Курляндіи постоянно отвлекала Пруссія. Въ октябрѣ Бестужевъ и Кейзерлингъ доносили, что Валлеродъ предлагалъ польскую корону сендомирскому воеводѣ Тарло, а если онъ не хочетъ, то обѣщалъ возвести на престолъ Станислава Лещинскаго, лишь бы только Тарло принялся за конфедерацію и отказалъ въ повиновaніи королю Августу. У Тарло съ Валленродомъ начались ночныя совѣщанія; король велѣлъ Брюлю, сказать Тарло, что онъ удивляется этимъ ночнымъ бесѣдамъ, которыя не могутъ имѣть цѣлію благо и спокойствіе государства, ибо доброе и позволительное дѣло дня и свѣта не боится, и если сеймъ желаемаго конца не получитъ, то король найдется принужденнымъ заявить объ этомъ поведеніи воеводы въ сенатѣ и въ депутатской камерѣ. Испуганный Тарло просилъ быть представленнымъ королю, разсказалъ самъ, о чемъ у него шло дѣло съ прусскимъ посланникомъ, и обѣщалъ, что не позволитъ чужестраннымъ обольщеніямъ отвести себя отъ вѣрности. Ждали, что французскій посланникъ С. Северинъ привезетъ деньги, назначенныя для возбужденія конфедераціи на Волынѣ, и Бестужевъ съ Кейзерлингомъ писали, что французскій дворъ долженъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать по соглашенію съ прусскимъ королемъ. Оба посланника писали: «Изъ всего можно признать, какъ Франція и Пруссія стараются имѣть въ Польшѣ такого короля, который бы зависѣлъ отъ нихъ, именемъ котораго были бы оживлены всѣ прежніе договоры съ Франціею, Швеціею и Пруссіею и рѣшительная власть надъ Европою могла быть утверждена. Люди, проникающіе во вредныя слѣдствія французскихъ и прусскихъ внушеній и показавшіе свою благонамѣренность относительно интереса вашего величества, желаютъ и тре-

буютъ отъ насъ, чтобъ мы именемъ вашего величества объявили, что Россія никакъ не будетъ спокойно смотрѣть на конфедерацію и волненія въ Польшѣ, но постарается прекратить ихъ въ самомъ началѣ, никакъ не допуститъ, чтобъ въ сосѣдствѣ ея разгорѣлся такой же пожаръ, какой свирѣпствуетъ въ остальной Европѣ.» Послы указывали своему правительству на родословную, изданную въ Бреславлѣ, въ которой значилось, что Юрій Подебродъ и Владиславъ были похитителями венгерской и богемской короны, а законное наслѣдство принадлежало курфирсту Іоанну Бранденбургскому, отъ котораго происходитъ нынѣшній король прусскій.

Въ концѣ октября сеймъ былъ приведенъ въ чрезвычайное движеніе: депутатъ Вильчевскій объявилъ всей посольской избѣ, что прусскій министръ деньгами склонялъ его къ разорванію сейма, далъ тысячу ефимковъ и обѣщалъ три тысячи червонцевъ; при этомъ Вильчевскій вынулъ изъ кармана полученныя деньги и бросилъ на полъ избы. По примѣру Вильчевскаго и другіе депутаты объявили о томъ же. Но Валленродъ, не дожидаясь никакихъ сообщеній объ этомъ отъ польскаго министерства, потребовалъ удовлетворенія. Такъ какъ сношеніе съ Тарло окончилось неудачно, то Валленродъ обратился съ предложеніемъ польской короны къ форшнейдеру Потоцкому. Брюль увѣрялъ Бестужева и Кейзерлинга, что самъ читалъ обнадеживанія, сдѣланныя прусскимъ королемъ Потоцкому. Послы доносили, что число прусскихъ и французскихъ приверженцевъ ежедневно умножается. Вельможи и мелкая шляхта больше прежняго другъ противъ друга раздражаются и такимъ образомъ огонь уже тлѣетъ подъ пепломъ. Послы совѣтовали на границахъ у Кіева и Смоленска собрать нѣсколько тысячъ войска и объявить, что Россія не допуститъ нарушенія спокойствія въ Польшѣ. Рѣшительныя средства, казалось, были необходимы, потому что вскрытіе подкупа Вильчевскимъ не помогло: девять земскихъ пословъ, подкупленныхъ прусскими деньгами, не допустили до соединенія земской избы съ сенатомъ, и сеймъ прекратился за истеченіемъ срока; съ французской и прусской стороны было внушено подкупленнымъ вельможамъ и шляхтѣ, что если они не уничтожатъ сейма, то имена ихъ будутъ обнародованы. Послѣ этого Мих. Петр. Бестужевъ счелъ нужнымъ написать изъ Варшавы

такое письмо графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову: «Пребывающій здѣсь прусскій министръ фонъ Валленродъ и резидентъ Гоерманъ, по возвращеніи своемъ изъ Гродно, Полякамъ чрезъ пріятелей своихъ подъ рукою внушаютъ, коимъ образомъ Мардефельтъ съ Москвы писалъ, что онъ отъ вѣроятной персоны словесное обнадеживаніе имѣлъ, что объявленною декларацією токмо учинена проформа, дабы тѣмъ польскій и саксонскій дворъ нѣкоторымъ образомъ успокоить и чтобъ они слѣдовательно на оную не смотрѣли и ничего бы не опасались. Сему подобныя внушенія какъ съ ласкою, такъ отчасти угрозами чинимыя, немалое дѣйствіе и у Поляковъ уже великую импрессію причиняютъ. Какую же сильную инфлюенцію нынѣ прусскій дворъ къ очевидному умаленію нашего прежняго здѣсь въ Польшѣ супеоріоритета и кредита въ здѣшнихъ дѣлахъ уже имѣетъ, о томъ интригами его разорванный сеймъ въ Гродно довольно показуетъ, да и намъ больше бы еще сія инфлюенція къ крайней россійскаго интереса вредѣ и предосужденію не было бы, ежели бы его предвоспріятія въ Богеміи лучшій успѣхъ получили, или ежели ему впредь удастся сію отъ всего свѣта нечаянную войну по желанію своему окончить: въ такомъ случаѣ заподлинно вѣрить должно, что онъ, по окончаніи оной, не токмо Гданскъ, варминское епископство, но и всѣ польскіе Прусы безъ великаго труда державѣ своей присовокупить можетъ, и хотя въ такомъ случаѣ по сущимъ нашимъ интересамъ за Польшу вступиться необходимо принуждены будемъ, то однакожъ тогда сему пособить не токмо уже поздно, но и понеже между тѣмъ въ наивящшую силу себя приведетъ, то ему въ произведеніи такихъ Россіи зѣло опасныхъ видовъ препятствовать гораздо труднѣе будетъ. Россія тогда истинно въ крайнѣйшей опасности находиться будетъ, ибо какъ французскому, такъ и прусскому дворамъ, которые всегда токмо то ищутъ и желаютъ, какъ бы россійскую силу такъ умалить, чтобъ она въ прочихъ европейскихъ дѣлахъ участіе принимать никогда въ состояніи не была, тогда весьма легко будетъ съ одной стороны Шведовъ, обѣщая имъ Лифляндію и всѣ нами завоеванныя провинціи возвратить, а съ другой стороны Поляковъ, обѣщая симъ Смоленскъ и Кіевъ, аки непостоянному народу, который чрезъ деньги и угрозы

ко всему безъ великаго труда склонить можно, на насъ напустятъ, пока между тѣмъ прусскій дворъ самъ въ серединѣ чрезъ Курляндію насъ отаковать и тако обще съ ними Россію въ прежнія ея границы привести стараться будутъ, не упоминая еще притомъ о Туркахъ и Татарахъ, у которыхъ уже какъ французскіе, такъ и прусскіе эмиссары дѣйствительно имѣются. Необходимо нужное и зрѣлое разсужденіе не точію нашей предбудущей безопасности, но и нынѣшнихъ россійской славѣ и интересу толь удобополезныхъ конъюнктуръ подали мнѣ поводъ вашему сіятельству, яко вѣрному ея и. в—ства подданному и сущему сыну отечества, а моему милостивому патрону вышеизображенное мое искреннее мнѣніе по совѣсти и по всегдашней моей вѣрно-рабской ревности ко всевысочайшей чести, славѣ и службѣ ея и. в—ства, сколько моего смыслу есть, симъ откровенно сообщить. Всему свѣту извѣстно, въ какой великой депенденціи прусскій дворъ при жизни Петра Великаго отъ насъ зависѣлъ, и что тогда здѣсь въ Польшѣ никакой инфлюенціи не имѣлъ, а напротивъ того въ какую оный дворъ нынѣ великую и наипаче намъ весьма опасную силу пришелъ. Прусскій дворъ насъ нынѣ притворствомъ токмо для того уласкать и усыпить ищетъ, дабы мы по нашимъ натуральнымъ интересамъ нынѣшними намъ толь удобными конъюнктурами не пользовались, ибо онъ совершенно удостовѣренъ, что токмо ея и. в—ство въ состояніи находится въ непродолжительномъ времени всѣ нынѣшнія и единственно токмо отъ него и Франціи произведенныя европейскія замѣшательства и невинной крови пролитіе пресѣчь и прежній системъ и балансъ въ Европѣ (при которомъ Россія всегда въ благосостояніи находилась) возстановить и всѣ дальновидные ихъ и намъ всемѣрно опасные замыслы вдругъ прекратить, притомъ же съ утвержденіемъ общаго въ Европѣ покоя безсмертную себѣ славу, а государству своему существительную пользу получить. Толь немалое число обрѣтающихся нынѣ при нашемъ дворѣ чужестранныхъ пословъ, чему въ древнихъ временахъ никакого примѣра сыскать не можно, довольно показуетъ, коль прилежно почти всякая потенція дружбу нашу получить старается, и что слѣдовательно при нынѣшнихъ дѣлъ обращеніяхъ токмо отъ насъ самихъ зависитъ не токмо нашихъ натуральныхъ друзей сохранить, но и при воз-

ставленіи нарушенной французскимъ и прусскимъ дворами вышепомянутой европейской системы и балансу собственную нашу предбудущую безопасность на добромъ основаніи въ вѣчныя времена утвердить. При томъ же всякой благоразумной и здравой политики главнѣйшая максима всегда сія быть имѣетъ, чтобъ заблаговременно не допущать, дабы сосѣдъ мой въ наибольшую и слѣдовательно мнѣ самому не иначе но весьма предосудительную силу не приходилъ, ибо коль больше оный себя усиливаетъ, толь вяще я себя самъ въ безсиліе и очевидную опасность привожу» [359].

Для возстановленія равновѣсія въ Европѣ нужно было поддержать Австрію противъ Пруссіи, а для этого прежде всего нужно было прекратить непріязненныя отношенія русской императрицы къ королевѣ венгерской, возникшія по дѣлу Ботты.

Генварь и февраль мѣсяцы 1744 года прошли въ Вѣнѣ у Ланчинскаго въ безплодныхъ требованіяхъ скораго и точнаго отвѣта насчетъ сатисфакціи по дѣлу Ботты: ему отвѣчали прежнее, что наряженъ судъ, что въ дипломатическихъ переговорахъ можно гнуть и поворачивать дѣла въ ту или другую сторону, но въ судѣ другое, по законамъ поступать надобно, а законы гнуть и переломить нельзя. Въ мартѣ по указу изъ Петербурга Ланчинскій объявилъ на это, что передача дѣла Ботты въ судъ неприлична и излишня, что императрица, по естественному праву, ожидаетъ сатисфакціи явной и соразмѣрной тяжкому преступленію Ботты. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ вѣнскій дворъ прибѣгъ къ посредничеству саксонскаго: король Августъ III предложилъ свои дружескія услуги для прекращенія дѣла Ботты; но Ланчинскій долженъ былъ объявить, что иностранныя державы какъ въ началѣ не имѣли участія въ дѣлѣ Ботты, такъ и теперь не имѣютъ; пусть на посредства не полагаются, даютъ должную сатисфакцію, а императрица не вступается въ то, какимъ порядкомъ королева прикажетъ судить Ботту. При этомъ Ланчинскій прибавилъ, что слѣдствіемъ упорства вѣнскаго двора будетъ отзывъ его, посла, изъ Вѣны. Боттѣ былъ объявленъ домовый арестъ; министры обходились съ Ланчинскимъ ласково, но постоянно уклонялись отъ разговоровъ о дѣлѣ Ботты. Въ іюнѣ Улефельдъ предложилъ Ланчинскому присутствовать при допросѣ Ботты: тотъ отвѣчалъ, что такъ какъ

Ботта во всемъ запирается, то онъ не можетъ быть свидѣтелемъ такихъ *отлыганій* и вступаться въ судебные порядки, ибо императрица прямо объявила, что она въ нихъ не вступается, а требуетъ удовлетворенія на основаніи несомнѣнныхъ свидѣтельствъ виновности маркиза. Чрезъ нѣсколько времени Улефельдъ объявилъ Ланчинскому, что коммиссія по дѣлу Ботты кончила свои занятія, но никакого приговора не положила, а подала письменно свои мнѣнія, которыя и посылаются ко двору императрицы; между тѣмъ королева, перенесши дѣло снова на дипломатическій путь, велѣла Ботту перевезти за арестомъ въ за́мокъ города Граца на шесть мѣсяцевъ и долѣе, если императрицѣ будетъ угодно; если же такой способъ удовлетворенія не примется при русскомъ дворѣ, то изъ Вѣны потребуютъ сообщенія полныхъ слѣдственныхъ актовъ вмѣстѣ съ допросами и отвѣтами преступниковъ, въ такомъ случаѣ Ботту опять сюда привезутъ изъ Граца и процессъ противъ него будетъ возобновленъ. Ланчинскій отвѣчалъ, что отвезеніе Ботты въ Грацъ не составляетъ достаточнаго удовлетворенія, и что онъ, Ланчинскій, получилъ указъ выѣхать изъ Вѣны. Улефельдъ изумился и просилъ подождать извѣщенія, какъ будетъ принято императрицею распоряженіе королевы относительно заточенія Ботты въ Грацъ. Ланчинскій согласился ждать на томъ основаніи, что отсылку Ботты въ Грацъ можно почитать началомъ удовлетворенія.

Въ Вѣнѣ должны были спѣшить окончаніемъ дѣла Ботты, потому что новыя движенія прусскаго короля опять ставили Марію Терезію въ опасное положеніе. Въ началѣ августа Ланчинскій писалъ: «Дѣла здѣшнія вдругъ въ великую опасность пришли: ежечасно ожидается вѣдомость о вступленіи многочисленныхъ прусскихъ войскъ чрезъ Саксонію въ Богемію; безъ всякихъ околичностей говорятъ почти публично, что если ваше императорское величество здѣшнему двору руки помощи не подадите, то этотъ дворъ вмѣстѣ съ саксонскимъ пріидетъ отъ Пруссіи въ крайнее разореніе и оба будутъ раздавлены. Прусскій король издалъ манифестъ, что онъ противъ королевы ничего не имѣетъ и объ его интересѣ дѣло нейдетъ, но онъ принимаетъ на себя защиту императора и хочетъ быть посредникомъ между воюющими сторонами. Здѣсь знаютъ подлинно, что между императоромъ, королемъ прусскимъ, курфирстомъ пфальц-

кимъ и принцемъ гессенъ-кассельскимъ заключенъ договоръ, по которому, король прусскій обязался императору доставить Богемію, а императоръ обѣщалъ ему изъ нея уступить три округа. Король польскій, какъ курфирстъ саксонскій, долженъ потомъ ожидать своей очереди: король прусскій присвоитъ себѣ Лузацію на томъ основаніи, что прежде она принадлежала къ Силезіи; потомъ доберется и до ганноверскихъ земель подъ какимъ-нибудь предлогомъ, и такъ одного сосѣда за другимъ будетъ обирать и надъ всѣми ругаться: теперь напримѣръ, не ожидая отъ саксонскаго двора ни позволенія, ни указанія пути, прямо прислалъ ему описаніе дороги, какою прусскія войска пойдутъ чрезъ саксонскія владѣнія. Въ это самое время Ланчинскій объявляетъ министрамъ, что онъ отъѣзжаетъ изъ Вѣны въ Дрезденъ вслѣдствіе дѣла Ботты. Сначала отвѣтомъ было «изумленіе и плечами пожиманіе.» Потомъ министры начали говорить: «Будетъ отъ вашего выѣзда нашимъ непріятелямъ утѣха, а пріятелямъ уныніе. Печально, что союзники, имѣющіе съ нами естественные и общіе интересы, такъ осязательно насъ покидаютъ, особенно при нынѣшнемъ нападеніи отъ Пруссіи. Въ третій разъ приходится призвать на помощь Бога и самимъ обороняться по крайней возможности. Что могла сдѣлать королева болѣе, какъ отправить графа Розенберга посломъ съ пространнѣйшими инструкціями дать императрицѣ полное удовлетвореніе.» Министры подавали видъ, чтобъ посланникъ остался въ Вѣнѣ. «Но я, писалъ Ланчинскій, рабски разсуждая, что въ послѣднемъ указѣ явно и повторительно безо всякаго условія предписано мнѣ выѣхать, и не зная, съ чѣмъ къ вашему величеству королевинъ министръ пришлется, не могъ обратить вниманія на ихъ внушенія: не мое рабское дѣло въ то вступаться, чего разсмотрѣніе ваше величество сами себѣ предоставить соизволили.»

31 августа Ланчинскій выѣхалъ изъ Вѣны въ Дрезденъ; а между тѣмъ Розенбергъ уже былъ въ Москвѣ и 22 августа подалъ канцлерамъ промеморію, въ которой говорилось: «Изъ всѣхъ непріятностей, какія ея величество королева испытала со времени вступленія своего на престолъ, ни одна не была ей такъ прискорбна, какъ нечаянное извѣстіе, что ея министръ при дворѣ ея императорскаго величества обвиненъ въ мерзостномъ и проклятія достойномъ преступленіи. Ея королевино величество тот-

часъ примѣтила, что ея столь многочисленные, частію явно злобящіеся, частію для вида только примирившіеся непріятели воспользуются этимъ случаемъ для возбужденія несогласія и холодности между императрицею и королевою, зная, что ея императорское величество, славы достойная и неизреченными великими качествами одаренная монархиня (не такъ какъ они съ презрѣніемъ всякаго страха Божія, договоры, обязательства, клятвы, ручательства и все то, что только святымъ въ обществѣ человѣческомъ назваться можетъ, ногами попирать привыкли), какъ христіанская богобоязливая государыня и достойная дочь и наслѣдница Петра Великаго и Екатерины, по окончаніи побѣдоносной Финляндской войны, весьма легко могла бы припомнить ту великую дружбу, которую государь родитель ея имѣлъ съ римскимъ императоромъ Леопольдомъ, и то торжественное обязательство, которое въ 1726 году императрица Екатерина дала за себя и за своихъ наслѣдниковъ относительно австрійскаго наслѣдства и своимъ святымъ императорскимъ словомъ утвердила, — зная все это, непріятели опасались, что императрица великодушно будетъ защищать королеву венгерскую, отдающуюся въ ея руки и препорученную императрицею Екатериною своимъ наслѣдникамъ. Моя всемилостивѣйшая государыня отнюдь не стыдится признать, что она связана законами тѣхъ земель, которыми владѣетъ, слѣдовательно не можетъ поступать такъ, какъ другіе самодержцы. Несмотря на то, королева, изъ высокаго почитанія къ ея императорскому величеству, узнавъ, что саксонское посредничество не принято, сколько возможно, время и предписанныя законами формальности сократила и обвиненнаго, послѣ предварительнаго долговременнаго ареста, велѣла посадить въ за́мокъ Грацъ, гдѣ обыкновенно содержатся государственные арестанты, а время заключенія предоставила опредѣлить прославленной въ свѣтѣ милости ея императорскаго величества.»

29 августа Розенбергъ объявилъ канцлеру, что королева прислала его за тѣмъ, что она, не имѣя никакой надежды кромѣ ея императорскаго величества, совершенно предаетъ въ ея волю и руки себя и благополучіе своего дома. И послѣ этого объявленія канцлеръ и вице-канцлеръ старались избѣгать свиданія съ Розенбергомъ и отклонять подъ разными предлогами его просьбы о скорѣйшемъ отвѣтѣ на его промеморію и о допущеніи его на ауді-

енцію къ императрицѣ. Такъ прошло два мѣсяца; только 22 октября Елисавета подписала проектъ объявленія Розенбергу, гдѣ говорилось, что для полнаго удовлетворенія необходимо правительству королевы оговориться насчетъ сдѣланныхъ имъ печатныхъ заявленій по дѣлу Ботты, которыхъ содержаніе далеко несогласно съ заявленіями его, Розенберга, ибо въ нихъ дѣло показывается ничтожнымъ и Ботта оправдывается. Розенбергъ съ радостію согласился на это условіе и подалъ декларацію, что «означенныя заявленія сочинены не для какого-либо хотя малѣйшаго предосужденія русскому двору, еще менѣе высочайшей персонѣ ея величества, но явились вслѣдствіе необходимости опровергнуть непріятельскія разглашенія и вслѣдствіе незнанія тогда всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и потому теперь, когда королева почитаетъ преступленіе маркиза Ботты мерзостнымъ и проклятія достойнымъ, эти заявленія сами собою совершенно недѣйствительными, уничтоженными и всегдашнему забвенію преданными признаваемы быть имѣютъ. Въ доказательство справедливости всего вышеупомянутаго я, именемъ ея величества, наикрѣпчайшимъ образомъ обнадеживаю, что всемилостивѣйшая моя государыня циркулярный рескриптъ въ точной силѣ сей деклараціи ко всѣмъ своимъ министрамъ послать и немедленно въ печать издать повелѣть изволитъ. Въ сущее увѣреніе того я, уполномоченный королевинъ посолъ, сію декларацію за собственноручнымъ моимъ подписаніемъ и природною графскою печатью далъ. Москва 23 октября (3 ноября) 1744. Филиппъ Іосифъ Орсини графъ Розенбергъ.»

Когда послѣ того Розенбергъ попытался внушить Бестужеву и Воронцову, что преступленіе Шетарди едвали не превосходитъ преступленіе Ботты, то получилъ отвѣтъ, что преступленіе Ботты несравненно сильнѣе: преступленіе Шетарди состояло только въ томъ, что онъ домогался низвергнуть министерство и подкупить нѣкоторыхъ особъ; а Ботта дѣйствовалъ противъ императрицы, возмущенія проязыскивалъ и людей злонамѣренныхъ поощрялъ въ ихъ предпріятіяхъ, и хотя ея величество нынѣшнею деклараціею королевы изволитъ быть довольна, однако была бы еще довольнѣе, еслибъ такая декларація была сдѣлана за три четверти года назадъ. Розенбергъ получилъ аудіенцію у императрицы, и въ отвѣтъ на свою рѣчь выслушалъ объявленіе, что

императрица «вслѣдствіе присланнаго королевою нарочнаго посольства и деклараціи, сдѣланной посломъ, предаетъ дѣло Ботты совершенному забвенію и, не желая упомянутому Боттѣ никакого отмщенія и зла, освобожденіе его оставляетъ на благоусмотрѣніе королевы» [360].

Самое трудное дѣло наконецъ уладилось. Легче стало дѣлать внушенія о необходимости помочь венгерской королевѣ противъ прусскаго короля; усилилась надежда, что отъ Брюммера, Лестока и Мардефельда можно отдѣлаться, какъ отдѣлались отъ Шетарди. Могущественнымъ средствомъ для успѣшной борьбы противъ нихъ оставалось попрежнему прочтеніе ихъ заграничной переписки, и Бестужевъ 1 сентября писалъ Воронцову: «хотя я желалъ и ваше сіятельство ея императ. величества всемилостивѣйшее соизволеніе исходатайствовать изволили, чтобъ министерскихъ писемъ болѣе не просматривать, то однакожъ я запотребно нахожу при нынѣшнихъ обстоятельствахъ за баронами Мардефельдомъ и Нейгаузомъ посматривать, яко они (особливо же послѣдній, какъ изъ приложеннаго перевода съ его письма, наипаче же что въ цифрахъ написано, которымъ искусствомъ господина Гольдбаха ключъ имѣется, пространнѣе усмотрите) часто провираются» [361]. Вскрыта и прочтена была слѣдующая депеша Нейгауза отъ 13 іюля: «Вчера по окончаніи куртага принцесса цербстская вручила мнѣ письмо къ вашему императ. величеству, прибавивъ, что она не только какъ имперская вассалка всякую должную венерацію къ высочайшей вашей особѣ, но и своею собственною персоною врожденную ея дому особенную покорность и венерацію имѣетъ, къ чему она и свою дочь, которая съ своимъ будущимъ супругомъ и безъ того къ тому склонна, съ прочими окружающими людьми, ревностнѣйше будетъ привлекать.»

Мардефельдъ также сильно *провирался* относительно принцессы цербстской, ея дочери и будущаго зятя. Отъ 14 сентября онъ писалъ въ Берлинъ: «Я долженъ отдать справедливость принцессѣ цербстской, что она истинно радѣетъ интересамъ королевскимъ. Она сильно желаетъ возвратиться въ Германію; но я не вижу, чтобъ она съ благопристойностію могла оставить Россію прежде брака ея дочери.» Походъ Фридриха II въ Богемію былъ удаченъ; онъ взялъ Прагу. Поздравляя короля съ этимъ торже-

ствомъ, Мардефельдъ писалъ ему: «Великій князь мнѣ сказалъ: «Я сердечно поздравляю.» Молодая великая княжна многократно повторяла: «Слава Богу!» Принцесса-мать не могла найти довольно сильныхъ выраженій для своей радости; другіе многіе меня также поздравляли; но число тѣхъ, которые отъ этого морщатся, превосходитъ.» Въ концѣ октября Мардефельдъ писалъ: «Тому около 15 дней, какъ принцесса цербстская меня просила, чтобъ я помѣшалъ пріѣзду сюда ея супруга, ибо ей хорошо извѣстно, что императрица ему Курляндіи не дастъ. Я отвѣчалъ, что увѣренъ въ желаніи вашего величества видѣть принца герцогомъ курляндскимъ, тѣмъ болѣе, что вы не имѣете видовъ на это княжество для своего дома; но что я вижу два большія затрудненія: первое, императрица всѣмъ заинтересованнымъ державамъ рекомендовала принца гомбургскаго; второе, что она не захочетъ потерять получаемые оттуда доходы.»

Елисавета не хотѣла отдать Курляндію принцу цербстскому; назначала ее принцу гомбургскому или голштинскому; Бестужеву всѣ эти претенденты были одинаково непріятны, и онъ стоялъ за стараго своего благодѣтеля, Бирона, который попрежнему жилъ въ Ярославлѣ въ почетной ссылкѣ. Въ декабрѣ онъ писалъ Бестужеву: «Узнавъ, что ваше сіятельство оставляете Москву, не могъ я преминуть, чтобъ не увѣрить васъ въ вѣчномъ моемъ почтеніи, пожелать счастливаго пути и поблагодарить за любовь, расположеніе и сожалѣніе, вами ко мнѣ показанныя: Господь Богъ да будетъ вамъ воздаятелемъ! Не погнѣвайтесь, что я въ своей долговременной и жестокой бѣдности постоянно надѣюсь на ваше испытанное усердіе. Боже, Ты видишь сердце мое! и еслибы я зналъ, что въ моемъ намѣреніи и дѣйствіи было какое-нибудь зло, за которое я осужденъ на бѣдствіе, то готовъ былъ бы страдать; но сначала и до сихъ поръ не знаю за собою никакого преступленія, кромѣ того, что со всякимъ честно я поступалъ. Богу извѣстно, что я и вы, вмѣстѣ съ моими братьями, были жертвою свирѣпыхъ людей. Намъ поставлено было въ вину, что мы нынѣшнюю самодержцу и великаго князя на престолъ возвести хотѣли, и за то я въ ссылку посланъ. Что же я сдѣлалъ и въ чемъ состоитъ мое преступленіе? Ея императ. величество есть сама милость и щедрота: однако я уже три года бѣдствую. Ваше сіятельство меня 26 лѣтъ во всякихъ обстоятельствахъ знаете:

у кого я что похитилъ, кто мною обиженъ? Все что имѣлось у меня движимаго — изъ рукъ самодержицы получилъ; Курляндію не обманомъ и не хитростію добылъ, но Божіимъ Провидѣніемъ и по милости короля, который имѣлъ право мнѣ ее пожаловать; Россія же не способствовала мнѣ въ этомъ ни единымъ словомъ ни у короля, ни въ королевствѣ, и ни малѣйшаго иждивенія не употребила. Теперь я нахожусь съ семействомъ въ такихъ обстоятельствахъ, что насущный хлѣбъ свой со слезами вкушаю, и моя герцогиня часто и на человѣка похожа не бываетъ, и почти на всемъ своемъ тѣлѣ опухоль имѣетъ; я также подверженъ припадкамъ, которые мучительнѣе самой горькой смерти, семейство мое страшно бѣдствуетъ, такъ что не было бы удивительно, еслибъ я въ отчаяніи самъ на себя наложилъ руки; изъ дому выйти мы не можемъ, потому что не въ чемъ, такъ что почти живые гніемъ; видимъ при себѣ постоянный караулъ, такъ что черезъ порогъ не можемъ переступить безъ караульныхъ. Кудажъ мнѣ бѣжать и для чего? Ваше сіятельство, покажите милость, исходатайствуйте, чтобъ меня отсюда отправили въ Нарву.»

Елисавета, узнавъ о болѣзни Бирона, послала въ Ярославль доктора Шмидта. Благодаря за это, Биронъ писалъ императрицѣ: «При видѣ, какъ дѣти мои проводятъ время безъ всякаго обученія, забывая и то, что знали, я такъ сильно сокрушаюсь, что и камни могли бы умилосердиться. Еслибы Богъ далъ имъ такое счастіе пожертвовать жизнію на службѣ вашего величества и вашей имперіи: я бы съ радостію ихъ на это посвятилъ! Всемилостивѣйшая государыня императрица! услышь наконецъ моленіе, воздыханіе и рыданіе наше. Никогда бъ я не дерзнулъ просьбу мою къ стопамъ вашимъ повергнуть, еслибъ я зналъ за собою какое-нибудь преступленіе; но призываю Бога во свидѣтели, что во всѣхъ случаяхъ поступалъ я честно и вѣрно; да и будучи въ пропасти, я не преклонился ни на какія угрозы и обѣщанія и не нарушилъ своихъ обязанностей къ вашему величеству» [362].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Напечатано въ приложеніи къ книгѣ Пекарскаго—Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи.

2. Шетарди, стр. 113. Я пользовался депешами Шетарди въ Государ. Архивѣ, гдѣ онѣ находятся въ такъ-называемомъ Тургеневскомъ сборникѣ; но такъ какъ онѣ напечатаны въ переводѣ и съ примѣчаніями г. Пекарскимъ, то я и привожу страницы его книги.

3. Финчъ. Депешами Финча и его преемниковъ пользовался я въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Д., куда онѣ доставлены гр. Воронцовымъ.

4. Указы въ Государ. Архивѣ.

5. Пол. Собр. Зак. № 8262, 8263, 8264.

6. Тамъ же, № 8266.—Указъ о платьѣ въ Государ. Архивѣ.

7. Пол. Собр. Зак. № 8267.

8. Тамъ же, № 8283.

9. Шетарди, стр. 118, 119.

10. Тамъ же, 149.

11. Шетарди, стр. 154 и слѣд.

12. Тамъ же, стр. 139.

13. Показаніе кабинетъ-секретаря Яковлева въ Госуд. Архивѣ.

14. Тамъ же.

15. Шетарди, 158, 159.—Записки Миниха сына, стр. 195 и слѣд.

16. Дѣло о Биронѣ въ Государ. Архивѣ.

17. Тамъ же, и Записки Миниха сына, стр. 198.

18. Шетарди, 164 и слѣд.

19. Herrmann—Geschichte des russ. Staates, IV, 652.

20. Шетарди, 164 и слѣд.

21. Тамъ же.

22. Обвиненія Бирона въ Государ. Архивѣ.

23. Дѣло Миниха въ Государ. Архивѣ.—Финчъ.—Шетарди, 630, 631.

24. Herrmann—Geschichte des russ. Staates, IV, 653, 654.

25. Шетарди, 177.

26. Manstein.

27. Дѣло о Биронѣ въ Государ. Архивѣ.
28. Herrmann, 655, 656. Manstein. Финчъ.
29. Manstein.—Финчъ, которому разсказывалъ самъ Минихъ.
30. Шетарди, 181.
31. Письмо отъ 31 декабря 1740 года. Дѣла Турецкія того же года.
32. Записки Миниха (сына), 207—310.
33. Дѣло Миниха въ Государ. Архивѣ.
34. Кабинетныя дѣла 1740 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
35. Манифестъ и указъ въ Государ. Архивѣ.
36. Manstein.
37. Показанія Менгденъ въ Государ. Архивѣ.
38. Шетарди, 196.
39. Manstein.
40. Финчъ.—Herrmann, 663.
41. Финчъ.—Пол. Собр. Зак. № 8326.
42. Шетарди, 210, 211.—Herrmann 666.—Manstein.
43. Указъ въ Государ. Архивѣ.
44. Manstein.
45. Дѣло о Биронѣ въ Государ. Архивѣ.
46. Manstein.
47. Дѣло о Бестужевѣ въ Государ. Архивѣ.
48. Указъ въ Государ. Архивѣ.
49. Шетарди, стр. 224.
50. Manstein.
51. Шетарди, 213.
52. Пол. Собр. Зак. № 8331.
53. Пол. Собр. Зак. № 8293.
54. Тамъ же, № 8294.
55. Тамъ же, № 8299.
56. Тамъ же, № 8345.
57. Тамъ же, № 8407.
58. Тамъ же, № 8359, 8411.
59. Тамъ же, № 8300.
60. Тамъ же, № 8440.
61. Тамъ же, № 8301,
62. Тамъ же, № 8425.
63. Тамъ же, № 8303.
64. Тамъ же, № 8406.
65. Чистовича—Феофанъ Прокоповичъ, стр. 668 и слѣд.
66. Указы императора Іоанна III въ Государ. Архивѣ.
67. Кабинетныя дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

68. Тамъ же. Письмо отъ 21 апрѣля 1741 года.
69. Показаніе Темирязева въ Государ. Архивѣ.
70. Показаніе Остермана въ Государ. Архивѣ.
71. Показаніе Менгдена тамъ же.
72. Манштейнъ.—Минихъ: Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie, 140.
73. Показанія Юліи Менгденъ въ Государ. Архивѣ.
74. Шетарди, 114, 232.
75. Москов. Архивъ Мин. Иностр. Д. Кабинетныя дѣла 1740 года.
76. Дѣла Австрійскія 1741 года.
77. Mémoires de Frederic II, I, 81, изд. Бутарика.
78. Manstein.
79. Шетарди, 201.
80. Миниха—Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement russe, 143, 148.
81. Финчъ.
82. Дѣла Прусскія 1741 года.
83. Шетарди, 212.
84. Дѣла Прусскія 1741 года.
85. Дѣла Шведскія 1741 года.
86. Пол. Собр. Зак. № 8432.
87. Тамъ же, № 8433.
88. Донесенія Леси въ Кабинетскихъ дѣлахъ 1741 года. Москов. Архивъ Мин. Иностр. Д. Ср. также Манштейна по парижскому изданію 1860 года II, 163 и слѣд.— Журналы и протоколы Сената 1741 года, въ Архивѣ Минист. Юстиціи.
89. Дѣла Прусскія 1741 года.
90. Дѣла Польскія того же года.
91. Дѣла Турецкія того же года.
92. Дѣла Персидскія того же года.
93. Дѣла Датскія того же года.
94. Дѣла Англійскія того же года.
95. Кабинетныя дѣла въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Д. 1741 года.
96. Дѣла Французскія 1741 года.
97. Исторія Россіи, XX, 402, 403.
98. Шетарди, 293.
99. Записки Штелина въ Госуд. Архивѣ.
100. Архивъ князя Воронцова I, 7.
101. Тамъ же, I, 4.
102. Москов. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. Записка Остермана, по-

данная въ началѣ царствованія Іоанна III въ портфеляхъ Миллера и Малиновскаго.

103. Финчъ.
104. Пол. Собр. Зак. № 8506; Шетарди 294.
105. Показаніе литаврщика Грубера въ Государ. Архивѣ.
106. Шетарди.
107. Финчъ.
108. Тамъ же.
109. Минихъ—Ebauche pour donner une idée etc.
110. Показанія Левенвольда въ Государ. Архивѣ.
111. Herrmann 671; Шетарди 364; Финчъ.
112. Шетарди, 386.
113. Тамъ же, 397 и слѣд.; 404 и слѣд.; 411, 426 и слѣд.
114. Пол. Собр. Зак. № 8473.
115. Петербургск. Вѣдомости, 1741, № 96.
116. Записки кн. Якова Шаховского I, 67 и слѣд.
117. Пол. Собр. Зак. № 8476.
118. Шетарди, 444.
119. Тамъ же, № 452.
120. Депеши Пецольда въ Сборникѣ Русск. Ист. Общ. VI, 412, 413.
121. Исторія Россіи, XIX, 163.
122. Журналы и протоколы Сената въ Архивѣ Минист. Юстиціи.
123. Петербург. Вѣдом. 4 декабря 1741 г.
124. Журналы и прот. Сената.
125. Пол. Собр. Зак. № 8491, 8639, 8666.
126. Москов. Архивъ въ Мин. Иностр. Д. Портфель Малиновскаго, рукопись: Историческое описаніе о бѣдственномъ злостраданіи и о благополучномъ восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны.—Русск. Вѣстн. 1842 года, апрѣль, № 4.
127. Пецольдъ, 392.
128. Пол. Собр. Зак. № 8490.
129. Дѣло Остермана въ Государ. Архивѣ.
130. Дѣло Миниха въ Государ. Архивѣ.
131. Дѣло Левенвольда тамъ же.
132. Стр. 401.
133. Пол. Собр. Зак. № 8506.
134. Пецольдъ, стр. 410.
135. Записки, I, 102.
136. Пол. Собр. Зак. № 8506.
137. Тамъ же, № 8480.
138. Журналы и протоколы Сената 1742 года.

139. Журналъ Сената 23 іюня.
140. Пол. Собр. Зак. № 8601; журналъ Сен. 23 дек.
141. Журн. Сен. 7 апрѣля.
142. Журн. Сен. 25 іюня.
143. Журн. Сен. 1 ноября.
144. Журн. Сен. означеннаго числа.
145. Шетарди, стр. 414.
146. Пецольдъ.
147. Дѣло въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ.
148. Н. Попова—Придворные проповѣдники въ царств. Елис. Петр. (Лѣтописи Русск. Литтературы, 1859, III).
149. Пол. Собр. Зак. № 7500.
150. Тамъ же, № 8546.
151. Записки кн. Шаховского, I, 89 и слѣд.
152. Пол. Собр. Зак. № 8559.
153. Тамъ же, № 8583.
154. Тамъ же, № 8625.
155. Тамъ же, № 8566.
156. Журналъ Сената 16 ноября.
157. Рейтаръ Осоргинъ. Дѣло Тайн. Канцеляр. 1744 года въ Государ. Архивѣ.
158. Журн. Сената 8 декабря 1741 г.
159. Пол. Собр. Зак. № 8609, 8610.
160. Журн. Сен. 8 дек. Пол. Собр. Зак. № 8682.
161. Пол. Собр. Зак. № 8687.
162. Журн. Сен. 11 дек.
163. Журн. Сен. 15 февраля.
164. Пол. Собр. Зак. № 8619.
165. Тамъ же, № 8543.
166. Журн. Сен. 25 іюня.—Пол. Собр. Зак. № 8571.
167. Пол. Собр. Зак. № 8684.
168. Журн. Сен. 24 іюня; 16 сентября.
169. Пол. Собр. Зак. № 8486.
170. Тамъ же, № 8545.
171. Тамъ же, № 8563.
172. Журн. Сен. 7 іюля.
173. Журн. Сен. 9 сентября.
174. Журн. Сен. 6 октября.
175. Пол. Собр. Зак. № 8673.
176. Журн. Сен. 1 іюля.
177. Журн. Сен. 21 іюля.

178. Журн. Сен. 11 августа.
179. Журн. Сен. 17 сентября.
180. Журн. Сен. 25 іюня.
181. Журн. Сен. 7 января.
182. Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ священ. коронованія императр. Елисаветы Петровны.
183. Журн. Сената 31 марта, 7 апрѣля, 2 ноября, 4 декабря.
184. Обстоятельное описаніе и проч.
185. Журн. Сената 22 марта.
186. Журн. Сената 27 сент.
187. Журн. Сената 11 дек.
188. Журн. Сената 14 дек.
189. Пол. Собр. Зак. № 8658, 8560, 8671.
190. Журн. Сената 25 іюня.
191. Журн. Сената 22 іюля.
192. Придворные проповѣдники, стр. 25.
193. Выписки изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи 1742 года въ Государ. Архивѣ.
194. Пецольдъ, 424, 446.
195. Тамъ же, 397.
196. Шетарди, 440 и слѣд.
197. Дѣла Шведскія 1741 и 1742 годовъ.
198. Шетарди, 484 и слѣд.
199. Дѣла Шведскія 1742 г.
200. Шетарди, 509 и слѣд.
201. Дѣла Шведскія 1742 года.
202. Manifest an das Herzogthum Finnland. Есть въ Импер. Публич. Библіот.
203. Дѣла Шведскія 1742 г.
204. Тамъ же.
205. Manstein.—Примѣчанія къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1742 года.
206. Дѣла Шведскія 1742 года.
207. Пецольдъ, 424 и слѣд.
208. Дѣла Французскія 1742 года.
209. Дѣла Англійскія 1742 года.
210. Дѣла Датскія 1742 года.
211. Шетарди, 454.
212. Пецольдъ, 434, 455.
213. Дѣла Австрійскія 1741 года.
214. Mémoires de Frèderic II, I, 113, по изд. Бутарика.

215. Дѣла Австрійскія 1742 года.
216. Дѣла Прусскія 1741 года.
217. Пецольдъ, 454.
218. Дѣла Польскія 1741—1742 годовъ. — О Морицѣ у Вебера — Moritz Graf von Sachsen, стр. 181 и слѣд.
219. Дѣла Турецкія 1742 года.
220. Дѣла Персидскія 1742 года.
221. Журналы Сената 16 февраля.
222. Тамъ же 27 марта.
223. Тамъ же 11 января.
224. Тамъ же 3 марта.
225. Тамъ же 3 октября.
226. Тамъ же 21 апрѣля.
227. Тамъ же 1 ноября.
228. Тамъ же 7 сентября.
229. Тамъ же 3 іюня.
230. Тамъ же 9 сентября.
231. Тамъ же 22 сентября.
232. Пол. Собр. Зак. № 8709.
233. Журналы Сената, 10 марта.
234. Пол. Собр. Зак. № 8734.
235. Журналы Сената 5 февраля, 10 марта.
236. Пол. Соб. Зак. № 8790.
237. Тамъ же № 8840.
238. Журналы Сената, 26 іюля.
239. Пол. Собр. Зак. № 8730.
240. Журналы Сената 12 декабря.
241. Тамъ же 14 іюня.
242. Пол. Собр. Зак. № 8698.
243. Тамъ же № 8826.
244. Журналы Сената 2 сентября.
245. Тамъ же 16 декабря.
246. Тамъ же 14 декабря.
247. Тамъ же 29 января.
248. Тамъ же 20 сентября, 28 ноября.
249. Тамъ же 5 декабря.
250. Тамъ же 19 декабря.
251. Тамъ же 19 декабря. — Кромѣ того дѣла въ Государ. Архивѣ.
252. Пол. Собр. Зак. № 8792.
253. Тамъ же № 8786.
254. Тамъ же № 8845.

255. Собраніе постановленій по части раскола I, 434.
256. Журналы Сената 14 декабря.
257. Тамъ же 23 апрѣля, 18 августа.
258. Тамъ же 18 августа.
259. Тамъ же 10 ноября 1743 года, 16 февраля 1744 года.
260. Тамъ же 11 августа.
261. Тамъ же 16 марта.
262. Тамъ же 9 декабря.
263. Тамъ же 17 марта.
264. Тамъ же 24 октября.
265. Тамъ же 16 декабря.
266. Тамъ же 28 октября.
267. Записка Елисаветы въ Государст. Архивѣ.
268. Пецольдъ, 462.
269. Тамъ же, 460, 465.
270. Дѣла Шведскія 1743 года.
271. Пол. Собр. Зак. № 8766.
272. Напечано въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1862 года, кн. 1.
273. Дѣла Шведскія 1743 года.
274. Пецольдъ 422.
275. Дѣла Французскія 1743 года.
276. Перлюстраціи 1743 года въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.
277. Лопухинское дѣло въ Государст. Архивѣ. По разсказу Пецольда, Бергеръ, показавшій себя уже прежде безпокойнымъ человѣкомъ, былъ назначенъ для смѣны офицера, приставленнаго къ несчастному графу Левенвольду въ Соликамскѣ. Когда объ этомъ узнала жена камергера Лопухина, назначенная въ нынѣшнее царствованіе статсъ-дамой, то она чрезъ своего сына попросила Бергера, чтобы по прибытіи своемъ онъ увѣрилъ графа Левенвольда въ неизмѣнной ея памяти о немъ и добавила, чтобы онъ не отчаявался, но твердо надѣялся на лучшія времена. Такъ какъ Бергеръ неохотно отправлялся въ это мѣсто заточенія, то онъ почелъ за вѣрное средство отдѣлаться отъ командировки и сверхъ того заслужить еще награду, донеся о данномъ ему молодымъ Лопухинымъ порученіи, и потому немедленно обратился къ Лестоку. Отъ послѣдняго онъ получилъ наставленіе, что такъ какъ было бы невозможно обнадежить такимъ образомъ графа Левенвольда, не имѣя на это основаній, то нужно постараться выпытать несомнѣннымъ образомъ у молодаго Лопухина въ присутствіи свидѣтеля, въ чемъ состоятъ сказанныя основанія. Съ этою цѣлію Бергеръ повелъ Лопухина вмѣстѣ съ нѣкіимъ Фалкенбергомъ, адъютантомъ принца гессенъ-гомбургскаго въ питейное заведеніе, усердно угощалъ его и т. д.

278. Дѣла Австрійскія 1743 года.
279. Дѣла Французскія 1743 года.
280. Дѣла Англійскія 1743 года.
281. Перлюстраціи 1743 года въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
282. Тамъ же.
283. Пецольдъ 487.
284. Тамъ же 496, 497.
285. Перлюстраціи 1743 года.
286. Письмо въ Государ. Архивѣ.
287. Перлюстраціи 1743 года.
288. Журн. Сената 15 марта, 11 мая, 27 іюля.
289. Пол. Собр. Зак. № 8968.
290. Журн. Сената 14 февраля.
291. Тамъ же 22 мая.
292. Тамъ же.
293. Тамъ же.
294. Тамъ же 11 апрѣля.
295. Тамъ же 4 мая.
296. Тамъ же 13 февраля.
297. Тамъ же 29 мая.
298. Тамъ же 12 сентября.
299. Тамъ же 6 ноября.
300. Тамъ же 20 апрѣля.
301. Тамъ же 15 іюня, 6 ноября, 17 декабря, 19 декабря.
302. Тамъ же 5 іюня.
303. Тамъ же 10 апрѣля.
304. Тамъ же 4 мая.
305. Тамъ же 22 мая.
306. Тамъ же 13 сентября.
307. Тамъ же 4 іюня.
308. Тамъ же 20 іюня.
309. Тамъ же 10 іюля.
310. Тамъ же 12 іюля.
311. Тамъ же 3 сентября.
312. Тамъ же 7 сентября.
313. Тамъ же 10 октября.
314. Тамъ же 18 іюня.
315. Тамъ же 18 сентября, 17 декабря.
316. Тамъ же 13 апрѣля.
317. Тамъ же 19 апрѣля.
318. Тамъ же 9 августа.

319. Дѣла по слѣдственной въ Москвѣ о раскольникахъ коммиссіи, въ Сенатскомъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ.
320. Пол. Собр. Зак. № 9046.
321. Журн. Сен. 16 іюля.
322. Тамъ же 2 августа.
323. Тамъ же 27 сентября.
324. Синодальныя дѣла въ Государ. Архивѣ 1744 года.
325. Тамъ же.
326. Перлюстраціи въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
327. Письмо Брюммера въ Государств. Архивѣ.
328. Correspondence de Frédéric II, X, 579.
329. Mémoires de Frédéric II, I, 206.
330. Письмо принцессы цербстской въ Государ. Архивѣ.
331. Перлюстраціи 1744 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
332. Mémoires de Frédéric II, I, 209.
333. Дѣла Прусскія 1743 года.
334. Перлюстраціи 1744 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
335. Mémoires de l'Impératrice Catherine II, p. 10.
336. Перлюстраціи 1744 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
337. Mémoires de l'Impératrice Catherine II, p. 15.
338. Архивъ князя Воронцова II, 4 и слѣд.
339. Депеши Тироули въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д., въ томъ же собраніи, гдѣ депеши Финча и Вейча.
340. Перлюстраціи 1744 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
341. Письмо въ Государ. Архивѣ $^{14}/_{3}$ мая.
342. Письмо принцессы въ Государ. Архивѣ.
343. Архивъ князя Воронцова II, 12.
344. Дѣла Французскія 1744 года.
345. Дѣла Прусскія 1744 года.
346. Дѣла Англійскія 1744 года.
347. Архивъ князя Воронцова II, 18, 44, 69, 71.
348. Дѣла Шведскія 1744 года.
349. Дѣла Польскія 1744 года.
350. Дѣла Австрійскія 1744 года.
351. Архивъ князя Воронцова II, 39.
352. Перлюстраціи 1744 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Уставъ о регентствѣ Бирона. — Странность въ распоряженiи о наслѣдствѣ престола. — Распоряженiя регента. — Ропотъ народный. — Неудовольствiе гвардiи. — Движенiе отдѣльныхъ лицъ противъ Бирона. — Ссора Бирона съ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ. — Сцена между ними въ чрезвычайномъ собранiи министровъ, сената и генералитета. — Отношенiя Бирона къ цесаревнѣ Елисаветѣ. — Биронъ и Минихъ. — Минихъ арестуетъ Бирона. — Анна Леопольдовна правительница; Минихъ первый министръ. — Пожалованiя. — Анна Леопольдовна и Юлiя Менгденъ. — Минихъ и Остерманъ. — Движенiя противъ Миниха; его отставка. — Судъ надъ Бирономъ и всѣми помогавшими ему въ достиженiи регентства. — Приговоръ надъ ними. — Страхъ предъ Минихомъ. — Внутренняя дѣятельность правительства при Аннѣ Леопольдовнѣ. — Разладъ между правительницею и ея мужемъ. — Движенiе противъ Остермана. — Линаръ. — Внѣшняя дѣятельность правительства. — Обзоръ состоянiя Европы въ концѣ 1740 года. — Отношенiя Россiи къ Австрiи, Пруссiи и Швецiи. — Шведская война. — Сношенiя русскаго двора съ прусскимъ по поводу шведской войны. — Отношенiя Россiи къ Польшѣ и Саксонiи, къ Турцiи, Персiи, Данiи, Англiи и Францiи. — Цесаревна Елисавета Петровна, ея положенiе при императрицѣ Аннѣ, при Биронѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. — Ея сношенiя съ французскимъ посланникомъ Шетарди и шведскимъ—Нолькеномъ. — Положенiе Елисаветы во время шведской войны. — Движенiе гвардiи. — Переворотъ 25 ноября 1741 года. 5

ГЛАВА II. Манифестъ съ объясненiемъ правъ Елисаветы на престолъ. — Намѣренiе относительно брауншвейгской фамилiи. — Прiѣздъ герцога голштинскаго въ Россiю. — Возвышенiе Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина и Черкасова. — Первыя милости. — Возвращенiе ссыльныхъ. — Лейбъ-компанiя. — Судъ надъ Остерманомъ, Минихомъ, Левенвольдомъ и другими; ихъ ссылка. — Возстановленiе сената въ прежнемъ значенiи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ. — Управленiе иностранными дѣлами. — Дѣятельность сената. — Отношенiя къ иностранцамъ. — Драка въ Петербургѣ съ иностранными офицерами. — Духовенство. — Выходки проповѣдниковъ противъ низвергнутаго правительства. — Дѣятельность синода. — Финансы. — Промышленность. — Указъ о Жидахъ. — Мѣры относительно крестьянъ и дворовыхъ людей. — Отъѣздъ двора въ Москву. — Коронацiя Елисаветы. —

Стр.

Милости. — Назначеніе наслѣдникомъ престола Петра Ѳедоровича. — Распоряженія относительно Москвы. — Заговоръ Турчанинова. — Положеніе правительственныхъ лицъ въ началѣ царствованія Елисаветы. — Ихъ отношенія къ дѣламъ европейскимъ. — Переговоры съ Швеціею и возобновленіе войны. — Волненіе въ русскомъ лагерѣ, направленное противъ иностранцевъ. — Возобновленіе переговоровъ. — Сношенія съ Франціею, Англіею, Даніею, Австріею, Пруссіею, польско-саксонскимъ дворомъ, Турціею и Персіею 157

ГЛАВА III. Новыя возвращенія ссыльныхъ. — Дѣятельность сената. — Донесеніе прокуроровъ о безпорядкахъ въ разныхъ учрежденіяхъ. — Подрядчики въ сенатѣ. — Финансы. — Коммиссія о воровскомъ клеймѣ. — Мѣры относительно торговли и промышленности. — Крестьяне. — Возстаніе Мордвы. — Мѣры относительно новокрещенныхъ инородцевъ. — Раскольники. — Столкновеніе сената съ синодомъ. — Мѣры относительно религіознаго образованія. — Намѣреніе удалить церкви иностранныхъ исповѣданій съ Невскаго проспекта въ Петербургѣ. — Приготовленія къ путешествію императрицы въ Москву и Кіевъ. — Дѣла внѣшнія. — Конгрессъ и миръ въ Або. — Послѣдующія отношенія Россіи къ Швеціи. — Сношенія съ Франціею. — Лопухинское дѣло. — Сношенія съ Австріею и Англіею. — Интриги въ Петербургѣ 245

ГЛАВА IV. Дѣятельность сената въ 1744 году. — Безпорядки въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ. — Недостатокъ въ соли. — Дѣло о суконныхъ фабрикахъ. — Недостатокъ рабочихъ рукъ. — Разбои. — Усмиреніе крестьянъ. — Дѣятельность синода: распоряженія о новокрещенахъ. — Расколъ. — Хлыстовщина. — Уничтоженіе коллегіи экономіи. — Воеводы и архіереи. — Исправленіе Библіи. — Вопросъ о женитьбѣ великаго князя наслѣдника. — Императрица останавливается на принцессѣ ангальтъ - цербстской. — Письма Брюммера къ ея матери. — Участіе Фридриха II въ дѣлѣ. — Пріѣздъ цербстскихъ принцессъ въ Москву. — Отношеніе принцессы-матери къ партіямъ. — Обрученіе. — Высылка Шетарди изъ Россіи. — Поѣздка императрицы въ Кіевъ. — Вниманіе сосредоточивается на прусскихъ отношеніяхъ. 305

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать:*
19	13	выслушать	и выслушать
29	17	посадили	и посадили
32	28	которымъ	которыми
49	31	Фениксу	Фенину
64	29	французскаго и испанскаго	французскою и испанскою
71	6	аппаратными	сепаратными
74	23	свалили	сваливая
82	37	похвалы бы	похвальбы
122	29	голшинскаго	голштинскаго
125	2	фрейлину	фрейлины
130	18	долговъ, съ которыми	рублей долга, съ которымъ
—	23	счетъ	счеты
141	18	лишился	лишится
196	29	здравіе своего	здравія своего
202	14	дѣлали	дѣлала
213	36	троихъ	пяти
217	19	осязательно	осязательна
219	13	вытащили	вытащила
223	21	непостоянствомъ усвоивать	непостоянствомъ, усвоиваетъ
243	31	о моремъ	и моремъ
268	8	Осторботній Алонда	Остерботніи, Аланда
300	6	Гилленштерна	Гилденштерна
339	7	Ключей	ключа
349	31	фикцій	факцій